

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Per. 278975

c.

4

A17

c6

1732

ИЗВЕЩЕНІЕ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПО ОТДѢЛЕНІЮ

РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

ИЗВѢСТІЯ
ИМПЕРАТОРСКОЙ
АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПО ОТДѢЛЕНІЮ

РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ТРУДЫ

АКАДЕМИКОВЪ II-ГО ОТДѢЛЕНІЯ:

И. И. Давыдова, А. X. Востокова, кн. П. А. Вяземскаго, П. А. Плетнева, С. П. Шевырева, И. И. Срезневскаго.

КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ АКАДЕМІИ:

В. В. Гамки, П. П. Дубровскаго, Я. К. Грота, А. Н. Майкова.

ПОСТОРОННИХЪ УЧЕНЫХЪ:

П. А. Весселова, С. Н. Гудова, К. А. Коссовича, П. А. Лавровскаго, С. П. Шкуцкого, А. Н. Шлишца, С. К. Сабинина.

РЕДАКТОРЪ АКАДЕМИКЪ И. И. Срезневскій.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1854.

5288

260 V Q 18

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. 28 Декабря 1854 года.

Непремѣнный Секретарь П. Фустъ.

ИЗВѢСТІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПО ОТДѢЛЕНІЮ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

А. ЗАПИСКИ О ХОДѢ ЗАНЯТІЙ II-ГО ОТДѢЛЕНІЯ АКАДЕМІИ:

Записка о занятіяхъ Отдѣленія въ 1853 и 1854 гг. Предсѣтельствующаго *И. И. Давыдова*. 1—16.

Биографическія записки о членахъ Отдѣленія, *П. А. Плетнева*:—
1) Князь *П. А. Ширинскій-Шихматовъ*. 17—22.—2) *П. А. Катенинъ*.
22—25.—3) *М. А. Резвый*. 25—27.—4) *І. С. Кочетовъ*. 225—234.
—5) *Я. И. Березниковъ*. 321—352.

Перечни засѣданій Отдѣленія: 45—47, 110—112, 137—140, 170—
173, 197—199, 254—256, 308—311, 363—365, 383—387.

Б. ЧТЕНІЯ УЧЕНИИ И ЛИТЕРАТУРНЫЯ:

Исслѣдованія о Старославянской литературѣ: VII. Слова
Григорія Богослова. 27—38.

Историческія чтенія о языкѣ и словесности:

- I. Памятники X вѣка до Владиміра Святаго. Записка *И. И. Срезневскаго*. 49—66.
- II. Обзоръ Русской словесности XIII вѣка. Чтеніе *С. П. Шеврева*. 67—105.
- III. Договоры съ Греками. Записка *И. И. Срезневскаго*. 287—295.
- IV. Новые списки Поученій Кирилла Туровскаго. Чтеніе *И. И. Срезневскаго*. 369—381.

Филологическія и литературныя чтенія:

1. Взглядъ на грамматическія исслѣдованія о Русскомъ языкѣ,
И. И. Давыдова. 113—124.
2. Обзоръ замѣчательнѣйшихъ изъ современныхъ словарей, *И. И. Срезневскаго*. 145—164, 177—187, 235—248.

Библиографическія Записки *И. И. Срезневскаго*:

- Материалы для сравнительнаго словаря. 38.
Историческія чтенія 2-го Отдѣленія. 38.
Мнѣнія о новомъ изданіи Рус. Словаря. 39.
Исторія Русской церкви, Преосв. *Филарета*. 40.
Руководство къ Рус. Исторіи, *П. Медовикова*. 40.
Булгаръ на Волгѣ. *И. Березина*. 40.
Finnische Mythologie, v. *A. Castrén*. 41.
Справочный словарь, изд. подъ ред. *А. Старчевскаго*. 41. 164. 298.
Geschichte der Deutsch. Sprache v. *I. Grimm*. 41.
Записки Рус. Географ. общества. 41.
Grammatik der Serb. Sprache, v. *R. Fröhlich*. 42.
Syntax der Rus. Sprache, г. *Никомича*. 42.
Христіанское чтеніе. 42.
Временникъ общества Древностей. 42. 126. 298. 355.

Rečnik Pirskoga jezika, v. *R. Fröhlich*. 43.

Mythologie der Slaven, von *K. Schwenk*. 43.

Kraledvorský rukopis. Příklad, v. *Neveskeho*. 43.

Грамоты Рязанскія, *А. Пискарева*. 43.

Рус. Хрестоматія, *А. Галазова*. 43.

Игорь, князь Сѣверскій (Слово о полку Игоря), *И. Гербала*. 44.

Черты изъ исторіи и жизни Литов. народа. 44.

Jahrbücher für Slav. Literatur etc. v. *I. Schmidtler*. 45. 109. 168.

Čtení o srovnávac. mluvníci Slov. F. *Čelakovského*. 106.

Словарь къ 1-му тому Рус. Проповѣдей, др. *Радежницкаго*. 106.

Vergleichung der Slav. Sprache mit d. Deut. d-ра *Шира*. 106.

O básich jazyka česk. г. *Зижунда*. 107.

Ueber Ihor's Heerzug, *Я. Головацкаго*. 107.

Slovenska slovnica, *А. Јанекида*. 107. 250.

Старинные акты Шум, *Я. Гарелма*. 108.

Труды Комиссіи при Универс. св. Владиміра. 108.

О поэм. собственности и о наследствѣ Руск. *О. Турчиновича*. 108.

Сношенія Россіи съ Хивою *А. Попова*. 108.

Наука поэзіи Горация, изд. *М. Дмитриева*. 108.

О жизни и сочиненіяхъ Жуковскаго. *П. А. Плетнева*. 108.

Военный энциклопедич. словарь. 109. 193. 298.

О копсовкахъ пу а пі, *J. Franty Šimavského*. 109.

Приметбе на преводъ Нов. Заветъ В. С. Караджича. 109.

Časopis českého Musem. 110. 306.

Архивъ истор. юрид. свѣденій. *Н. Калачова*. 125.

Встанкѣ Рус. Географ. общества. 130. 381.

Записки Рус. Археолог. общества. 133.

Правила Рус. Словесности *А. Донскога*. 435.

О поэзіи сочиненіе Аристотеля, г. *Ордынскаго*. 135.

Годичный актъ СПбург. университета. 136.

Отчетъ Импер. Публ. Библиотекы. 164.

О началѣ назщаго къ наукѣ, *А. Никитенка*. 164.

Истор. обзоръ еништ. и ценна. дѣла, *М. Забѣлина*. 164.

Перемышлянья. 165.

Галицкій историч. сборникъ. 165.

Гласникъ друштва Србске словесности. 168.

Bulletin de la classe hist. philolog. de l'Academie. 167.

Историч. труды *А. Толкина*. 168.

Обзоръ Оттоман. Имперіи, *Е. Серчевскаго*. 168.

Карман. книжка въ походахъ о Болгарскіхъ земляхъ. 168.

Сумароковъ, *И. Булмча*. 168.

- O literární vzájemnosti Slov. narodu I. Kollara. 169.
 Deutsches Wörterbuch von J. u. W. Grimm. 169.
 Die Personennamen, von A. F. Pott. 169.
 Русскія пословицы, *Ө. Буслаяа*. 187.
 Этнографическій сборникъ. 191.
 Памятники дипломатич. сношеній. 194.
 О цѣвностяхъ въ древней Руси. *М. Заблоцкаго*. 194.
 Исторія Россіи *С. Соловьева*. 194.
 Narody na ziemiach Slowiańskich. 194.
 Zora Jugoslavenska. 197.
 Grammatik der illyt. Sprache von A. Berčić. 195.
 Grammatik der Wend. Sprache von *Schneider*. 196.
 Volkslieder der Serben, von *Talov*. 196.
 Опытъ біографіи Н. В. Гоголя. 249.
 Древ. грамоты Воронеж. губерніи. 249.
 Slovenische Sprachlehre von A. Jančič. 250.
 Ueber das Altrussische Heldenlied, von Dr. *Boltz*. 252.
 Lehrgang der Russisch. Sprache, von Dr. *Boltz*. 254.
 Опытъ общесравн. грамматики Рус. яз. *И. И. Давыдова*. 296.
 Учебникъ Рус. языка *А. Смирнова*. 296.
 О согласованіи правописанія съ произношеніемъ, г. *Барановскаго*. 297. (приведено мнѣніе *А. Х. Востокова*).
 Матеріалы для отеч. исторіи, *М. Судѣнка*. 298.
 Указатель церков. чтеній *В. Гречулевича*. 298.
 Матеріалы для древ. исторіи Славянъ, *С. Класена*. 298.
 Слово о полку Игоревѣ, изд. *А. Болца*. 299.
 Literatura přislovi Slov. Serp. *F. Hančič*. 301.
 Zeitschrift für vergleich. Sprachforschung, v. Dr. *Kuhn*. 301.
 Urkunden zur Gesch. d. I. Rügen, v. *C. Fabricius*. 301.
 Geschichte von Böhmen, v. *F. Palacky*. 301.
 Bibliografie prvotiskův Čes. od *V. Hanky*. 301.
 Staročeska biblioteka. 305.
 Staročeska biblioteka. Vyd. I. Rozm. 305.
 Slovnik Čes. od *J. Končného*. 306.
 Wörterbuch der Böhm. Spr. von *Franza Tilmavsky*. 306.
 Древности Рос. государства. 353.
 Истор. обзоръніе царствованія Алексѣя Мих. *А. Медовскаго*. 354.
 Миклуцкая гѣтонисъ. 355.
 Указатель къ Журналу Мин. Нар. Просв. 356.
 Практ. Рус. грамматики, *П. Перевальскаго*. 356.
 Piśmiennictwo Polskie *W. Mactejowskiego*. 357.
 Хрестоматія Церковно-Славянская и Древ.-Русская. *Я. Головацкаго*. 359.
 Повѣстница Србског народа. *Д. Медковича*. 362.
 Книги разрядныя. 381.
 О правахъ иностранцевъ въ Россіи, *И. Андреевскаго*. 381.
 Записки Одесскаго общества Исторіи и древностей. 382.
 Illirska slóvnica, vstavil *V. Babukić*. 382.
 Slovnik jazyka Českeho, *I. F. Štamaňského*. 383.
 Особымъ заданіемъ:
 Замѣчанія Редактора о голубиной книгѣ. 47—48. — О спряженіи Русскихъ глаголовъ, *Я. К. Грота*. 141—144. — Отчеты Канц. *С. Миклуцкаго*. 173—176, 204—207, 365—368. — О Словарѣ Малорус. нарѣчія *А. С. Леанасьева*, зап. *И. И. Срезневскаго*. 199—204. — О Санскрито-Русскомъ Словарѣ *К. А. Коссовича*. 207—224. — О Слав. Евангеліи XIII в. *А. Х. Востокова*. 255. — Старинная Рус. сказка о Вавиловѣ, *А. Н. Пыпина*. 313—320. — Замѣчанія о дѣспричастіяхъ *И. И. Давыдова*. 399.
 Стихотворенія: Князя *П. А. Вяземскаго*. 387—388. — *А. П. Майкова*. 388—399.

ВЪ ПРИБАВЛЕНІЯХЪ:

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНАГО И ОБЪЯСНИТЕЛЬНАГО СЛОВАРЯ И ГРАММАТИКИ.

(Тетрадь IV и V.)

- I. Выборъ словъ изъ гѣтонисей Новгородскихъ и Псковскихъ, *П. А. Лавровскаго*. 1—32. — II. III. Словарь къ первой Новгородской гѣтонисе *А. Н. Пыпина*. 33—126. — IV. Замѣчательныя слова изъ Переяславской гѣтонисе, *П. А. Лавровскаго*. 126—128. — V. Матеріалы для сравненія Русскаго языка съ Скандинавскими, *С. К. Сабина*. 127—170. — VI. Проба Литовско-Русскаго Словаря *С. П. Миклуцкаго*. 170—176. — VII. Бѣлорусскія слова. Сборникъ *С. П. Миклуцкаго*. 176—192. — VIII—XII. Санскрито-Русскій Словарь *К. А. Коссовича*. 193—352.

ПАМЯТНИКИ И ОБРАЗЦЫ НАРОДНАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

- XXV. Былны, записанныя въ Сузунскомъ заводѣ *Д. П. Соколовымъ*. 257—262. — XXVI. Старинная пѣсня съ Локтевскаго завода, дост. *В. И. Гуляевымъ*. 263—264. — XXVII. Болгарскія пословицы. Сборникъ *П. А. Безсонова*. 265—272. — XXVIII. Былина про Данилу и сына его Михалку, изъ сборника *А. Верещанина*. 273—280. — XXIX. Былина про Зиѣя Горыничя. 280. — XXX. Украинская дума про вольничковъ, дост. *А. А. Метлинскимъ*. 281. — XXXI. Сербская пѣсня: Секула дијете. 282—286. — XXXII. Пословицы Сербовъ Горно-Лу-
 жичскихъ. 286—288. — XXXIII. Болгарскія пѣсни, дост. *С. И. Палаузовымъ*. 289—304. — XXXIV. Былны изъ заводовъ Локтевскаго и Сузунскаго, дост. *С. И. Гуляевымъ*. 305—310. — XXXV. Былина про Дуная Ивановича, изъ сборника *А. Верещанина*. 310—318. — XXXVI. Былны и пѣсни изъ сборника *А. Н. Паскаловой*. 318—328. — XXXVII. Болгарскія пѣся, дост. *С. И. Палаузовымъ*. 328—336. — XXXVIII. Болгарскія пословицы. Сборникъ *П. А. Безсонова*. 336—352.

УКАЗАТЕЛЬ

КЪ ТРЕТЬЕМУ ТОМУ «ИЗВѢСТІЙ».

А. ПРЕДМЕТОВЪ.

Акты Археологической Экспедиціи, 333. Старинные акты, 107. Ср. Грамоты.

Болгары. Исторія Болгаръ, 40 — 41. О Болгарахъ въ Бессарабіи. 167. Болгарское нарѣчіе, 168. Пословицы (Пам. яз. 265—272, 335—336). Пѣсни (Пам. яз. 289—304, 327—352).

Былины. (Пам. яз. 257—262, 305—310. 317). Былина про Владиміровыхъ богатырей. (Пам. яз. 273 — 280). Былина про Звѣя Горыничя. (Пам. яз. 279—280).

Бѣлорусск. О бытѣ Бѣлорусскихъ крестьянъ. 130. 191 (Этногр. Сборн.). Грамматика. 198. Нарѣчіе. 204 — 207. Пѣсни, 253. Словарь. 384. (Матер. 176).

Василанъ, Современникъ Иоанна III, 9.

Великорусск. Ихъ словарь. (Мат. 1 — 33). 126. 129. Сравненіе съ другими языками: съ Скандинавскими (Матер. 129), — съ Нѣмецкимъ, 42—106. Пѣсни (Пам. яз. 263—264, 317—328).

Глагольскія письменность. 8. 9—10.

Глаголь. Виды глаголовъ. 4. Спряженіе, 4. 141 — 144. Глагольныя частицы, 4. О Славянскихъ глаголахъ, 195. Дѣспричастіе, 399.

Готск. Ихъ языкъ. 131.

Грамматика. Виды Русскихъ глаголовъ, 4. Спряженіе, 4. Глагольныя частицы, 4. Имя прилагательное, 109. О временахъ въ Чешскомъ языкѣ, 107. Грамматическіе труды до Опыта Общесравнит.

грамматики. Значеніе въ учено-учебной литературѣ сего опыта. Осуществленіе предположенной II-мъ Отд. А. Н. Грамматики историко-сравнительной, 113—124. О дѣспричастіи, 399.—Грамматика Сербскаго языка, 42. 195. 382 (Иллирская). Синтаксисъ Русск. яз., 42. Грамматика Славянская сравнительная, 105—106. Грамматика Хорутанскаго нарѣчія, 107. 230. Эстонск., 131. Обще-Славянск., 195. Славянское склоненіе, 195. О согласованіи правописанія съ произношеніемъ, 297. Грамматика Бѣлорусская, 198. Грамматическія особенности языка древнихъ актовъ, 250. Сравнительная грамматика Нѣмецкаго, Греческаго и Латинскаго яз., 301. Практическая Русская Грамматика, 356.

Грамоты, касающіяся Воронежской губерніи и частию Азова, 249.

Грамоты временъ Вицлава II (1261 — 1302 г.), 301. Молдавско-Валахійскія XV—XVII вѣка, 382. Грамоты Рязанскія, 43. СРАВ. АКТЫ.

Данило Шиматьевичъ и сынъ его Михайло, Владиміровы богатыри. (Пам. яз. 273). Звѣй Горыничъ (Пам. яз. 279—280).

Договоры съ Греками. 257.

Думай Ивановичъ (Пам. яз., 309).

Дѣспричастіе, 399.

Евангеліи. Глагольское четвероевангеліе, 9. Евангеліе, писанное въ Новгородѣ попомъ Домкою, 85. Евангеліе 1270 г., 86. Отрывокъ изъ Славянск. евангелія, найденнаго въ Богеміи, 256.

Змія Горыничъ (Пам. яз. 257. 305. 317).

Имена собствєнные, 169—170. 240. 262 (въ прилѣж.).

Имена прилагательныя, 109.

Игры въ С. Петербургской губерніи, 167.

Исторія Русской церкви, 40. **Исторія Болгаръ на Волгѣ**, 40. **Исторія православной церкви въ Финляндіи**, 42. **Исторія Русскаго раскола**, 42. **Исторія Литовскаго народа**, 44—45. **О нашествіи Татаръ**, 76—79. **Объ Александрѣ Невскомѣ**, 80—81. **О Михаи́лѣ Черниговскомѣ**, 81. **О Владимі́рѣ Васильевичѣ Волинскомѣ**, 82. **Сношенія Россіи съ Хивою и Бухарою при Петрѣ В.**, 108. **О поземельной собственности и о наслѣдствѣ древней Руси**, 108. **Исторія Южной Руси**, 165. **Исторія Сербіи**, 166. **Битва у Калки**, 167. **Исторія Петербурга и Новгорода**, 168. **Исторія Россіи, Соловьева**, 194. **Матеріалы для отечественной исторіи**, 298. **Древности Россійск. государства**, 353. **Царствованіе Алексѣя Михайловича**, 354. **О правахъ иностранцевъ въ Россіи до Іоанна III**, 384.

Литература древняя Русская: Слово о Полку Игоревѣ, 44. 67—105. 107. 198. 252. 299. **Памятники X-го вѣка до Владиміра св.** 48—66. **Обозрѣніе Русской словесности въ XIII в.**, 67—105. **Договоры съ Греками**, 287—295. **Новые списки Поученій Кирилла Туровскаго**, 369—381. **Сказка о Вавилонскомъ царствѣ**, 313. **Ср. Акты, Грамоты, Памятники и Образцы народнаго языка и словесности.**

Литература Старославянская. См. Памятники Старослав. литературы.

Литература новѣйшая Русская. О ходѣ и успѣхахъ Русской литературы, 171. **Переводъ стихотвореній Пушкина на Чешскій языкъ**, 300. **Мысли объ исторіи Русской литературы**, 358.

Литература Нельская. Исторія литературы, 386.

Литовцы. Ихъ исторія, 44—45. **Ихъ нарѣчіе**, 173. **Объясненіе словъ Литовскихъ**, 365. **Словарь (Матер. 170).**

Лѣтописи. Новгородскія, 7—8. **Никоновская**, 42. **Лѣтописи Русскія**, 52—66. 99—103. **Іоанновская**, 311. **Полное собраніе Русскихъ лѣтописей**, 338. **Микулинская лѣтопись**, 355.

Малоруссы. Ихъ Словарь, 199. **Нарѣчіе**, 199. **Украинская дума (Пам. яз. 281—282).**

Матеріалы для сравненія Русскаго языка съ Скандинавскими, (Матер. 129).

Мнозєлектъ Славянская, 43. **Финская**, 41.

Нарѣчія: Южно-Русское (Карпатское), 107. (Пам. яз., 281). **Словенское Хорутанское**, 107. 250. **Чешское**, 109. **Болгарское**, 168. (Пам. яз. 265. 289. 327). **Литовское**, 173. (Матер. 170). **Сербо-Лужицкое**, 196. (Пам. яз. 283—288). **Малорусское**, 199. **Бѣлорусское**. (Матер. 176). **Великорусское въ Сузанскомъ заводѣ** (Пам. яз. 257—262). **въ Локтевскомъ** (Пам. яз. 263. 305). **Онежскій говоръ** (Пам. яз. 273—280). **Великорусское** (Пам. яз. 309. 317). **Сербское**. (Пам. яз. 281—286).

Нѣмцы. Исторія нѣмецкаго языка, 41. **Исслѣдованія языка**, 131. **Нѣмецкій Словарь**, 169.

Памятники Старославянской литературы: Глагольскія письмен-

ность, 8. 9. **Слова Григорія Богослова**, 9. 27—39. **Два древніе символа вѣры по рукописямъ XIII в.**, 49—66. **Евангеліе**, писанное въ Новгородѣ, 85. **Евангеліе 1270 г.**, 86. **Шестодневъ Іоанна Эзарха Болгарскаго**, 86. **Исалтырь 4296 г.**, 86. **Номоканунъ**, 86. **Поученіе священникамъ (XIII в.)**, 88—89. **Отрывокъ изъ Славянскаго Евангелія XIII в.**, найденнаго въ Богеміи, 226. **Древній переводъ библіи**, 304.

Памятники и образцы народнаго языка и словесности. Голубиная книга, 47—48. **Былины**, 252. **Былины, записанныя въ Сузунскомъ заводѣ** (Пам. яз. 257). **Старинная пѣсня съ Локтевскаго завода** (Пам. яз. 263). **Болгарскія пословицы** (Пам. яз. 263. 355). **Былина про Владиміровыхъ богатырей**. (Пам. яз. 278). **Былина про Змія Горынича** (Пам. яз. 279). **Украинская дума** (Пам. яз. 281). **Сербская пѣсня**. (Пам. яз. 281). **Пословицы Сербовъ Горно-Лужицкихъ**. (Пам. яз. 283). **Болгарскія пѣсни** (Пам. яз. 289. 327). **Былины изъ заводовъ Локтевскаго и Сузунскаго** (Пам. яз. 305). **Былины изъ сборника Верещагина**. (Пам. яз. 309). **Былины и пѣсни, записанныя въ Саратовѣ** (Пам. яз. 317).

Повѣрья народныя. О соотношеніи языка съ народными повѣрьями, 7. **Народныя повѣрья у Чеховъ**, 110. **Объ отношеніи колыалъ къ солнечнымъ Славянскимъ праздникамъ**, 139. **О Перунѣ и Волосѣ**, 283. **Клятва Перуномъ**, 294. **Клятва Солнцемъ у Сербовъ и Хорутанъ**, 294.

Польскія. Ихъ пѣсни, 192—194. **Исторія Польской литературы**, 356.

Послания: Симона къ Поликарпу, 67. **Митрополита Іоанна II**, 312.

Пословицы: Сборникъ Ф. И. Буслаева, 126. 187. **Пословицы Болгарскія**, 168 (Пам. яз. 205. 335). **Пословицы Сербовъ Горно-Лужицкихъ** (Пам. яз. 285—288). **Литература пословицъ Славянскихъ**, 301.

Правописаніе. О Русскомъ правописаніи, 297.

Исалтырь 1296 г., 86.

Пѣсни. Объ Эстонскихъ народныхъ пѣсняхъ, 167. **Пѣсни Южно-Русскія**, 191. 193. **Польскія**, 192—193. **Сербскія**, 196. **Великорусскія** (Пам. яз. 263—264. 317—328). **Болгарскія**, 289, 327. **Сравн. Памятн. и Обр. нар. яз. и слов.**

Русскій языкъ. Словообразованіе и значеніе словъ въ древнемъ Русскомъ яз. 4. **Опытъ историческаго объясненія словъ**, 6. **Синтаксисъ**, 42. **Объясненіе словъ**, 47—48. **Вліаніе Финновъ на Русскій языкъ**, 130—131. **О Русскомъ языкѣ вообще**, 199. **Руководство къ изученію Русскаго языка для Нѣмцевъ**, 254. **О языкѣ договоровъ съ Греками**, 257. **Учебникъ Русскаго языка**, 296. **Русское правописаніе**, 297. **Выборъ словъ изъ лѣтоп. Новгородской и Псковской** (Матер. I. 33). **Сравненіе Русскаго языка съ Скандинавскими**. (Матер. 129).

Санскритскій языкъ. О Словарѣ этого языка, 207. **Азбука Санскритская**, 213. **Словарь** (помѣщается въ Матер. для Сравн. и объясн. Слов.). **Пособія для изученія Санскритскаго языка**, 210. **О корняхъ Санскритскаго языка**, 212.

Сербскія. Ихъ грамматика, 42. 193. **Ихъ пѣсни**, 176 (Пам. яз. 281—286). **Ихъ исторія**, 362. **Ихъ новѣйшая литература**, 165.

Сербь Лужицкіе. Ихъ грамматика, 196. Пословицы (Пам. яз. 285—288).

Сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ, 313.

Славяне. Ихъ мнѳологія, 43. 139. 283. 294. О Славянской землѣ и Славянахъ вообще, 194. Славяне Русскіе, 261. Матеріалы для древнѣйшей исторіи Славянъ, 298.

Словари. Выборъ словъ изъ лѣтописей Новгородскихъ и Псковскихъ. (Матер. I—32). Словарь Бѣлорусскій, 15. Литовско-Русскій, 15. 173. Словарь Иллирійскій, 43. Порядокъ словъ въ Словарѣ, 153. Выборъ словъ, 157. Объясненіе словъ, 160. Словарь къ Русскимъ проповѣдямъ Радолинскаго, 106. Словарь Эстонско-Русскій, 131. Обзорніе современныхъ словарей, 145—187. Французскіе словари, 177. Санскритско-Англійскій, 209. 210. 211. 212. Словари Англійскіе, 236. Словарь старинныхъ словъ, 250. Чешскіе словари, 306. 383. Объясненія древнихъ Русскихъ словъ (см. Слова). Словарь къ Новгородской 1-й лѣтописи (Матер. 33). Слова изъ Переяславской лѣтописи. (Матер. 126). Сравненіе Русскихъ словъ съ Скандинавскими (Матер. 129). Словарь Санскрито-Русскій (въ Матер. для слов.).

Словесность. Правила Русской Словесности, 135. О поэзій соч. Аристотеля, 135. Хрестоматія Церковно-Славянская и древне-Русская, 259.

Слова (ихъ объясненіе): Латырь или Алатырь, пестей и кедръ, стра-

тна, таврунь, индритъ, 48. Люди, слы, обчій, 265—266. Оружіе, орудіе, 270. Обручи на руку, купля, крепуть, 271—272. Рухло, рухлядь, боларинъ, паволока, 273—274. Литра, мыто, якорь, ужи, прѣ (паруса), корабль, чльць, 275—276. Котва, шидра, 277. Миръ, разлюбье, нелубье, слобитися (согласиться), вѣра, погонъ, 281—282. Уставъ, ближикъ, 283—284. Вина, грѣхъ, зло, бесчынне, пакость, преобидѣти, сосудъ, тать, 285—286. Казнь, опитишка, 288. Продати, продажа, тажа, 289—290. Рота и клятва, 290—291. Поротць и поротникъ, ротьяникъ, 291. Клятва, 293: Биричь, 294. Слова изъ лѣтописей Новгородскихъ и Псковскихъ (Матер. I). Слова изъ Переяславской лѣтописи. (Матер. 126).

Старославянское нарѣчіе. Грамматика, 105—106. Сравненіе формъ Славянск. яз. съ Нѣмецкими, 106—107.

Финны. Ихъ вліяніе на Русскій языкъ, 130. Сравненіе Финскаго языка съ другими, 131. Мнѳологія, 41.

Чехи. Ихъ исторія, 301. Первоначальное распространеніе печатанія въ землѣ Чешской, 301. Памятники литературы, 43. 305. Грамматика, 105—106. О древней и новой поэзій у Чеховъ, 107.

Чешское нарѣчіе. Сравненіе Чешскаго языка съ Нѣмецкимъ, 106. О временахъ Чешск. языка, 107. Объ именахъ прилагательныхъ, 109.

Языкъ. Соотношеніе языка съ народными повѣрьями, 7. Общесравнительныя изслѣдованія языка, 131.

В. ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

Академія Наукъ. Кругъ дѣятельности II-го Отд. 1—16. Труды II-го Отдѣленія въ 1833 и 1834 г., 1—16. 118. Bulletin de la classe historique-philologique, 167.

Академія Россійская. Ея грамматика, 115.

Академія Французская. Dictionnaire de l'Academie Française, 177.

Андреевскій И. О правахъ иностранцевъ въ Россіи до Іоанна III, 381.

Аншелле. О бытѣ Бѣлорусскихъ крестьянъ, 130.

Арестъ. Эстская Грамматика, 131.

Археологическое Общество. Записки его, 133.

Асанасевъ А. И. О соотношеніи языка съ народными повѣрьями, 7.

Асанасевъ А. С. Малорусскій переводъ Слова о Полку Игоревѣ, 198. О словарѣ Малорусскаго нарѣчія, 199.

Вабукчъ. Iliriska Slovnic, 382.

Вазаревъ, священникъ. О В. А. Жуковскомъ, 9.

Варамовскій, проф. О видахъ Русскихъ глаголовъ, 4. О согласованіи правописанія съ произношеніемъ, 297.

Варсовъ. Его грамматика, 115.

Веневей. Глоссарій къ гимназѣ Сама-Велы, 211.

Воредникоу Я. И. Фрд. Ак. Труды его, 3. 137. 138. 197. 310. 384. Его біографія, 321.

Ворезинъ И. Исторія Булгаръ на Волгѣ. 40—41.

Верличъ. Grammatik der Illyrischen Sprache, 195.

Ветлянгъ Ф. И. Акад. Труды его, 212.

Вешерелль. Dictionnaire National, 177.

Вибліотека Имп. Публичная, 164.

Вельцъ. Ueber das Alttrussische Heldenlied, 252. Lehrgang der Russ. Sprache, 254. Слово о Полку Игоревѣ, 299.

Венцель. Die Chronologie Heinrichs der Letten, 167.

- Шенкъ. Его труды для изученія Санскритскаго языка, 210.
- Шершовъ В. Старинные акты, 107.
- Буличъ. Сумароковъ и современная ему критика, 166.
- Bulletin de la Classe hist. phil. de l'Acad. Impériale, 167.
- Шулаевъ Ф. Ш. Членъ-Корр. Ак. О преподаваніи Отечеств. языка, 120. Русскія пословицы и поговорки, 126. 187. Русскій синтаксисъ и описаніе рукописей Синодальной библиотеки отъ XI до XVI вѣка, 364.
- Бутковъ Н. Г. Фрд. Ак. Труды его, 8. 312.
- Малашъ. Финскій Словарь, 131.
- Вацлавъ изъ Олеска. Piśni Polskie i Ruskie ludu Galicyjskiego, 192.
- Вебстеръ. A dictionary of the English language, 235.
- Верещагинъ. Сборникъ былинъ (Пам. яз. 309).
- Вестергардъ. Radices linguae Sanscritae, 211.
- Вильсонъ. Санскритско-Англискій Словарь, 209.
- Весниный Энциклопедическій Лексиконъ, 109. 193. 298.
- Вестковъ А. Х. Орд. Акад. Труды его, 255. Его грамматика, 116. Забѣчаніе о литографированномъ снимкѣ найденнаго въ Богеміи отрывка изъ Славянскаго Евангелія, 286.
- Временникъ Имп. Москов. Общ. Исторіи и Древн. Росс. 126. 298.
- Второвъ Н. и Александровъ Дальникъ. Древнія грамоты и другіе письменные памятники, 249.
- Вукъ Стефановичъ Караджичъ, Членъ-Корр. А. Его Сербскій переводъ Новаго Завѣта, 109.
- Вястинъ Имп. Русск. Географ. Общ. 130.
- Виземскій, кн. Ш. А. Его стихотворенія, 387.
- Галаховъ. Полная Русская Хрестоматія, 43—44.
- Галицкій Историческій Сборникъ, 165.
- Ганка В. Ш. Членъ-Корр. Акад. О гекзаметрахъ Чешскихъ, 110. Bibliographie prvotiskow Českuých, 301.
- Гамунъ. Literatura příslovnictví Slovanského, 301.
- Географическое Имп. Русское Общество. Его Записки, 41. Вѣстникъ, 130. 381. Этнографическій Сборникъ, 191.
- Гербель Ш. Игорь Князь Сѣверскій, 44.
- Гласникъ Друштва Србске Слоvesности, 165.
- Гегель Ш. В. Его биографія, 249.
- Головацкій М. О Словѣ о Полку Игоревѣ и Русская Грамматика, 107. Хрестоматія первоно-Славянская и древняя Русская, 259.
- Голубина книга, 47—48.
- Гречулевичъ, Священ. Указатель Церковныхъ Чтеній изъ книгъ Новаго и Ветхаго Завѣта, 298.
- Гречь Ш. Ш. Членъ-Корреспод. Ак. Его грамматика, 116.
- Грибодовъ, 138.
- Григорій Богословъ, 9. 27.
- Григоревичъ Ш. Ш. Членъ-Корресп. Акад. Труды его, 9. О Посланіи Митрополита Іоана II, 312.
- Гриниъ Я. Geschichte der deutschen Sprache, 41. Общесравнительная изслѣдованія языка, 131. Deutsches Wörterbuch, 169.
- Греть Я. Ш. Членъ-Корр. Акад. Труды его, 4. О спряженіи Русскаго глагола, 140—144.
- Гушма Я. О народныхъ повѣркахъ у Чеховъ, 110.
- Давыдовъ Я. Ш. Предсѣдательствующій въ Отд. Русск. яз. и Слоvesности. Труды его, 1. 255. Записка о занятіяхъ II-е Отд. Ак. въ 1853 и 1854 г., 1—16. Взглядъ на грамматическія изслѣдованія о Русскомъ языкѣ. 113—124. Отчеты о ходѣ и успѣхахъ Русской литературы, 171—173. Опытъ Общесравнительной Грамматики Русск. яз. 296. Забѣчанія на изданіе процесс. Барановскаго о дѣепричастіи, 399.
- Даль Ш. Ш. Членъ-Корресп. Ак. Труды его, 308. 310.
- Диембахъ. Vergleichendes Wörterbuch der Gotischen Sprache, 131.
- Дмитріевъ Ш. Наука Поззи, перев. изъ Гарація, 108.
- Домскій А. Правила Русской Слоvesности, 135.
- Дубровскій Ш. Ш. Членъ-Корр. Акад. Труды его, 170. 173. 197. 309. 363.
- Жуковскій Ш. А. О жизни и сочиненіяхъ его, 108.
- Заблещій М. О цѣнностяхъ въ древней Руси, 194.
- Забѣлицъ М. О финиетивномъ и ценномъ производствѣ въ Россіи, 133.
- Записки Одес. Общ. Истор. и Древности, 38.
- Записки Археологическаго Общества, 133.
- Записки Географ. Общества, 41.
- Земковичъ. Piosni Gminne ludu Pińskiego, 193.
- Зимундъ. О временахъ въ Чешск. яз. 107.
- Залачевъ. Архивъ Историко-Юридическихъ Свѣдѣній, относящихся къ Россіи, 125.
- Караджичъ. См. Вукъ; Стеф. Караджичъ.
- Караджичъ, 138.
- Кастричъ. Финская Миеология, 41.
- Катеничъ Ш. А. Его биографія, 22—25.
- Катковъ. Объ элементахъ и формахъ Славяно-Русскаго языка, 120.
- Кириллъ, Кіевскій митрополитъ, 87.
- Кіевскій Шаторникъ, 75.
- Класемъ. Новые матеріалы для древнѣйшей исторіи Славянъ, 298.
- Книги Разрядныя, 381.
- Коркуновъ Ш. А. Акад. Труды его, 310. 313.
- Молларъ. О литературной взаимности, 169.
- Мемчмыль. Чешскій Словарь, 306.
- Мессовичъ Ш. А. Нѣсколько словъ о Санскрито-Русскомъ Словарѣ, 207. Словарь Санскрито-Русскій (въ Матеріалахъ для сравнит. и объяснит. словаря и грамматики).
- Мечетовъ І. С., Протоіерей, Акад. Труды его, 1—2. Его биографія, 225.
- Мушникъ. Акад. О битвѣ у Калки, 167.
- Мукъ. Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, 301.
- Мутерга С. С. Вліаніе Финновъ на Русскій языкъ. 130.
- Лавровскій Ш. А. Объ особенностяхъ словообразованія и значенія словъ въ древнемъ Русскомъ языкѣ, 5. Объ отношеніи коладъ къ солнечнымъ Славянск. праздникамъ, 139. Объ Іоакимовой Лѣтопи-

- ся, 311 — 312. Слова изъ Переяславской Лѣтописи. (Матер. 126).
 Выборъ словъ изъ лѣтописей Новгородскихъ и Псковскихъ (Матер. 1—32).
- Лашанскій, Ш. О языкѣ Рус. правды, 136.
- Ланде. Grand Dictionnaire général et grammatical, 177.
- Лешницкій. Ruskoje wesile. 192.
- Лермонтовъ, 138.
- Лешковъ В. И. Древніе Русскіе законы о сохраненіи народнаго боготства, 126.
- Лешковскій. Его грамматика, 114.
- Лукашевичъ. Малороссійскія и Червонорусскія пѣсни и думы, 193.
- Лушницъ И. Эстонско-Русскій Словарь, 131.
- Майковъ А. И. Членъ-Корр. Акад. Его стихотворенія, 386.
- Максимовичъ М. А. Малороссійскія пѣсни, 192.
- Мадъясскій Ш. А. Исторія Польской литературы, 356.
- Медковичъ. Повѣстница Србскаго народа, 302.
- Медовниковъ. Руководство къ познанію Русской исторіи, 40. Историческое обзорніе царствованія Алексѣя Михайловича, 354.
- Метлинскій А. Народныя южно-Русскія пѣсни, 191.
- Микуличъ С. Ш. Занятія его, 8. 15 (Бѣлорусскій и Литовско-Русскій Словарь). Его путешествіе, 173 — 176. 204 — 207. 365. Проба Литовско-Русскаго Словаря (Мат. 170). Бѣлорусскія слова (Мат. 176).
- Мордковецъ, Ш. О языкѣ Русской правды, 136.
- Морескій Ш. Kralečovskiy Rukopis. 43.
- Новосильскій Ш. А. Членъ-Корр. Акад. Труды его, 13. 354.
- Никитенко А. В. Членъ-Корр. Акад. О началѣ нашего въ наукѣ, 436.
- Никольскій. Syntax der Russischen Sprache mit der Deutschen vergleichend dargestellt, 42.
- Николаевъ, писанный въ 1284 году, 86.
- Носовичъ. Указатель словъ, встрѣчающихся въ 1-мъ томѣ Актовъ Западной Россіи, 255.
- Общества: Археологическое, 133. Географическое, 41. Исторіи и Древностей Росс. въ Москвѣ 42. 353. Исторіи и Древностей въ Одессѣ. 322.
- Ордынскій. О повѣи, соч. Аристотеля, 135.
- Отчетъ Имп. Публичной Библиотеки, 164. Отчетъ о состояніи С. П. Б. Университета, 136.
- Павскій Г. Ш. Его Филологическія Наблюденія, 119.
- Палацкий. Чешская Исторія, 301.
- Памятники Дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными. 194.
- Памятникъ Мансфету Веру (Kärtens Herzogs-Stuhl.), 51.
- Паскалова А. Ш. Былины и пѣсни. (Пам. яз. 317—328).
- Паули Жюста. Pieśni Ludu Ruskiego w Galicyi, 192.
- Перевальскій. Практическая Русская Грамматика, 356.
- Перемьшлянскій 1854 г., 163.
- Пискаревъ. Древніе акты и грамоты Рязанскаго Края, 43.
- Плетневъ Ш. А. Орд. Акад. О жизни и сочиненіяхъ Жуковскаго, 108. Биографическія Записки о Членахъ II-го Отд. Ак. Н., 17—27, 225—234. 321—352. Отчетъ о состояніи С. Петербургскаго Университета, 136.
- Погодинъ Ш. Ш. Орд. Ак. Труды его, 6. 8.
- Полшарскій, Черноземецъ Печерскій, 67.
- Помовъ А. Ш. Сношенія Россіи съ Хивою и Бухарою, 108.
- Поттъ А. Ф. Объ именахъ собственныхъ, 169.
- Пушкинскій А. С. Его стихотвореніе, переведенное на Чешскій языкъ, 306.
- Пышницъ Ш. Ш. Старинная Русская сказка о Вавилонскомъ Царствѣ, 313. Словарь къ Новгородской 1-й лѣтописи. (Матер. 33).
- Редметъ Ш. Ш. Сокровищница Англійскихъ словъ и выраженій, 246.
- Раделинскій А. А. Словарь къ 1-му т. Собранія Русскихъ проповѣдей, 106.
- Радеславъ Радлогъ. Zora Jugoslavenska, 193.
- Решетъ Ш. Д. Его біографія, 25.
- Ричардсонъ. A new dictionary of the English language, 235.
- Росетъ Фр. Radices Sanscritae, 212.
- Сабининскій С. Ш. Матеріалы для сравненія Русскаго языка съ Скандинавскими, 129.
- Сергеевскій. Обзорніе Оттоманской Имперіи, 168.
- Смирновъ А. Учебникъ Русскаго языка, 296.
- Смоларъ. Jahrbücher für Slawische Literatur, Kunst und Wissenschaft, 45. 109. 168.
- Соловьевъ Ш. Его Россійская Грамматика, 115.
- Соловьевъ. Исторія Россіи, 194.
- Соревневскій Ш. Ш. Орд. Акад. Труды его, 4. 7—8. 10. 137. 138. 139. 310. Забѣчанія, касательно стиха о Голубиной книгѣ, 47. Памятники Х в. до Владиміра Са. 49. Мысли объ исторіи Рус. языка, 123. Обзорніе замѣчательнѣйшихъ изъ современныхъ словарей, 144. 233. Запорожская Старина, 192. О Словарѣ Малорусскаго нарѣчія, 199. О договорахъ съ Греками, 257. Повѣсть объ осадѣ и взятіи Константинополя, 384.
- Staročeská Biblioteka, wyd. nakl. Česk. Muzeum. 305.
- Старчевскій А. Справочный Энциклопедическій Словарь, 41, 164. 298.
- Судюнка. Матеріалы для отечественной исторіи, 298.
- Сумароковъ и современная ему критика. Соч. Н. Булича, 168.
- Сухомлиновъ Ш. Ш. Занятія его, 310. Разборъ сочиненій Вассіана, 9.
- Тальви (Г. А. Л. фонъ Іакоби). Volkslieder der Serben, 196.
- Тшемгаузенъ Ш. О монетахъ Самонидовъ, 133.
- Тоддъ. A dictionary of the English language, 235.
- Томилскій А. Историческіе труды, 168.
- Труды Комиссіи при Университетѣ св. Владиміра. 108.
- Турчинскій Ф. О поземельной собственности и о наследствѣ Руса, 108.
- Удельскій Ш. Ш. О сочиненіи митрополита Θεодосія, 8. О голубиной книгѣ, 47.

Университетъ С. Петербургскій. Его актъ, 136.

Фабрицусъ. Urkunden zur Geschichte der Fürstenthums Rügen, 301.

Филаретъ, Пресвящ. Исторія Русской церкви, 40.

Фрѣликъ. Сербская грамматика, 42. Словарь Нѣмецко-Илирійскій, 43.

Христіанское Чтеніе, издаваемое при С. Петербургской Духовной Академіи, 42.

Цергелевъ, Им. Н. А. Собраніе Малороссійскихъ пѣсень, 192.

Часовниъ Чешскаго Музея, 110. 306.

Челковскій Фр. Сравнительная Славянская Грамматика, 105.

Шваршичъ. Членъ-Корр. Ак. О Глагольской письменности, 8.

Швейнкъ. Die Mithologie der Slawen, 43.

Шевыревъ С. Н. Орл. Ак. Обзоръ Русской Словесности XIII в., 67—105.

Ширинскій-Шихматовъ, Им. Н. А. Его биографія, 17.

Ширъ. Сравненіе Славянскаго языка съ Нѣмецкимъ, 106.

Шнейдеръ. Grammatik der Wendischen Sprache, 196.

Шумавскій Фр. Объ именахъ прилагательныхъ въ Чешскомъ языкѣ, 109. Чешскій Словарь, 306. 383.

Шумицъ А. Грамматика Словенская Хорутанская, 107. 250.

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ

ПО ОТДѢЛЕНІЮ

РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ начало съ 1852 года издаваніе «Извѣстій» въ томъ же видѣ, какъ издаются *Извѣстія* (Bulletins) двухъ другихъ Отдѣленій Академіи.

Въ составъ Извѣстій Императорской Академіи Наукъ по Отдѣленію Русскаго языка и словесности входятъ, кромѣ записокъ о занятіяхъ Отдѣленія и извлеченій изъ протоколовъ о его засѣданіяхъ, сочиненія, какъ Членовъ Академіи, такъ и постороннихъ ученыхъ, читаемыя въ засѣданіяхъ Отдѣленія, именно:—ислѣдованія и замѣчанія касательно языка Русскаго и языковъ, съ нимъ соплеменныхъ, ихъ литературы и древностей;—разборы замѣчательныхъ трудовъ по части филологій Славяно-Русской; а въ особенныхъ Прибавленіяхъ—памятники языка и словесности, матеріалы для словаря, грамматики и т. п.

«Извѣстія» издаются выпусками или листами; 24 листа съ Прибавленіями составляютъ одинъ томъ. Цѣна тому ТРИ РУБЛЯ СЕРЕБРЯНЫХЪ. Получать можно у Коммиссіонера Академіи Глазунова (по Большой Садовой, въ домъ Публичной Библиотеки, подъ №№ 21 и 22) и Эггера (на Невскомъ проспектѣ №№ 1 и 10). Иногородные читатели благоволятъ относиться съ своими требованіями къ поманутымъ Коммиссіонерамъ или въ Комитетъ Правленія Академіи.

СОДЕРЖАНІЕ ВЫПУСКА: Записка Предсѣдательствующаго о занятіяхъ Отдѣленія въ 1853 и 1854 г.—Биографическія записки: 1) о Князѣ П. А. Ширинскомъ-Шихматовѣ, 2) о П. А. Катенинѣ, 3) о М. Д. Резвомъ, Ор. Ак. П. А. Плетнева.—Ислѣдованія о древнихъ памятникахъ Старославянской литературы: VII. Слова Григорія Богослова.—Библиографическія записки: I. Извѣстія о Новыхъ книгахъ И. И. Срезневскаго.—Перечень засѣданій Отдѣленія за декабрь 1853 г.—Приложенія къ Протоколамъ.—Съ симъ выпускомъ выдаются листы LIII—LIV.

ЗАПИСКА Г. ПРЕДСѢДАТЕЛЬСТВУЮЩАГО

0

ЗАНЯТІЯХЪ ВТОРАГО ОТДѢЛЕНІЯ АКАДЕМІИ

въ 1853 и 1854 году.

(Читано въ Засѣданіи 19-го Декабря.)

Счастливейшимъ почту себя, говорилъ я здѣсь ровно годъ тому назадъ, если и въ нынѣшнемъ году буду привѣтствовать Васъ, Ми. Гг., съ утѣшительными успѣхами Отдѣленія. Съ помощію Всевышняго, предначертанія наши по академическимъ занятіямъ совершили мы успѣшно: труды наши осчастливлены изъясненіемъ Отдѣленію Монаршаго благоволенія. И радостно для меня привѣтствовать Васъ съ плодами собственныхъ трудовъ, посвящаемыхъ отечественному языку и словесности.

Съ цѣлью представить вкратцѣ заключительный выводъ объ академическихъ занятіяхъ нашихъ въ истекающемъ году, я перечислю труды Членовъ совокупные, предоставляя исчисленіе особенныхъ трудовъ каждаго Члена, ученыхъ и литературныхъ, достопочтеннѣйшему Сочлену нашему П. А. Плетневу.

И о прежде, нежели приступлю къ этому, я не могу умолчать о потерѣ, понесенной Отдѣленіемъ въ покойномъ Министрѣ Народнаго Просвѣщенія, Академикѣ и Предсѣдатель-

ствующемъ, Князѣ Платонѣ Александровичѣ Ширинскомъ-Шихматовѣ. Имѣя честь занимать среди Васъ его мѣсто, и не смѣя приравнивать себя къ его достоинствамъ и заслугамъ, я желаю уподобиться ему хотя въ томъ, чтобы столько любить Отдѣленіе, сколько онъ любилъ. Покойный не пропускалъ ни одного засѣданія, внималъ во всѣ труды Членовъ, дорожилъ достоинствомъ Отдѣленія и его дѣйствіемъ; въ немъ имѣли мы надежнаго руководителя и благодѣтельнаго начальника. А назидательное его благочестіе? А христіанская мудрость? А снисходительное благодушіе? На это отвѣтствуетъ сердце каждаго изъ насъ; потому что мы всѣ уважали его какъ Сочлена-Академика, и любили какъ Начальника-Министра.

Миръ праху твоему, мужъ доблестный! Память о тебѣ для насъ священна.

Въ истекающемъ году совокупные труды наши, въ присутствіи Академиковъ: П. Г. Буткова, А. Х. Востокова, П. А. Плетнева, І. С. Кочетова, Я. И. Березникова, М. А. Коркунова и И. И. Срезневскаго, состояли въ слѣдующихъ занятіяхъ.

1. Читаны были мною объясненія словъ на букву А, которыхъ уже нынѣ начато печатаніе. По рассмотрѣніи Отдѣленіемъ словъ на букву А, Академикъ І. С. Кочетовъ продолжалъ читать объясненія словъ на букву Г и реченій истологическихъ. Эти чтенія достопочтеннѣйшаго Сочлена на-

шего, въ продолженіе втораго полугодія, составляли главный предметъ засѣданій. Рассмотрѣна была часть словъ на букву *Б*, объясненныхъ Академикомъ *И. И. Срезневскимъ*.

2. Для новаго изданія Общесравнительной Грамматики назначенъ былъ Комитетъ, въ которомъ, кромѣ меня, участвовали Академики: *П. А. Плетневъ*, *М. А. Коркуновъ* и *И. И. Срезневскій*. Теперь уже приступлено къ третьему изданію.

3. Читаны статьи Академиковъ и разборы сочиненій постороннихъ ученыхъ и литераторовъ для *Извѣстій*, издаваемыхъ подъ редакцію достопочтеннѣйшаго Сочлена нашего *И. И. Срезневскаго*.

4. Начаты *Ученыя Записки*, также подъ редакцію *И. И. Срезневскаго*.

Разнообразіе предметовъ, помѣщенныхъ въ *Извѣстіяхъ* и Прибавленіяхъ къ нимъ, столько же важныхъ, сколько и любопытныхъ, послужило къ составленію изъ нихъ особыхъ книгъ, подъ заглавіемъ:

а. *Матеріалы для сравнительнаго и объяснительнаго словаря и грамматики Русскаго языка и другихъ Славянскихъ нарѣчій*. Печатаніе I тома окончено.

б. *Памятники и образцы народнаго языка и словесности*. Приготовлено 2 тетради.

в. *Чтенія историческія и литературныя въ засѣданіяхъ Отдѣленія въ 1852 и 1853 г.* Отпечатана 1-я книга.

г. *Мнѣнія о новомъ изданіи Русскаго Словаря и Премла изданія*.

Постараюсь о каждомъ изданіи по возможности кратко и въ совокупности представить все то, что Вамъ извѣстно по отдѣльнымъ чтеніямъ.

I. Въ *Извѣстіяхъ* содержатся изслѣдованія Академиковъ, Корреспондентовъ и постороннихъ ученыхъ и литераторовъ *теоретическія, историческія* и *критическія*.

A. Въ *теоретическомъ* отношеніи обращаютъ вниманіе два мнѣнія о новомъ изданіи Словаря Академиковъ: *Я. И. Бердникава* и *И. И. Срезневскаго*. Первое изъ этихъ мнѣній послужило подтвержденіемъ необходимости отдѣлить Старо-Славянскій языкъ отъ Русскаго въ новомъ изданіи нашего Словаря. Второе мнѣніе содѣйствовало къ болѣе опредѣлительности состава Словаря, долженствующаго заключать въ себѣ все, чѣмъ выражается Русская образованность со всеми знаніями и понятіями, какъ о современномъ, такъ и о прошедшемъ, особенно своемъ отечественномъ.

Весьма остроумныя замѣчанія встрѣтить филологъ въ статьѣ Академика *И. И. Срезневскаго* «Глагольныя частицы», каковы: *толькѣ, бухѣ, брякѣ*, и т. п. Изъ рассмотрѣнаго количества словъ этого рода, собранныхъ нашимъ Сочленомъ, выводится, что онѣ могутъ быть употребляемы: 1) вмѣсто неопредѣленнаго; 2) вмѣсто всѣхъ формъ изъявительнаго н.; 3) вмѣсто повелительнаго наклоненія; 4) какъ имена существительныя. Объ этихъ глагольныхъ отрывкахъ слегка замѣчено въ Общесравнительной Грамматикѣ, въ главѣ о междометіяхъ.

Замѣчанія Профессора Александровскаго Университета *Барановскаго* о *видахъ Русскихъ глаголовъ* въ сущности тождественны съ теоріею глаголовъ, изложенною въ Общесравнительной Грамматикѣ. Отъ вниманія сочинителя этой статьи не ускользнуло весьма тонкое отличительное свойство вида нашего однократнаго, или окончательнаго. Этотъ видъ не имѣетъ настоящаго, а только прошедшее и будущее; потому что настоящее, какъ математическая линія, составляетъ неуловимую между ними границу. Отъ того всякое настоящее дѣйствіе, какъ неоконченное, не можетъ быть въ видѣ окончательномъ.

Замѣчательна статья Корреспондента Отдѣленія Профессора Александровскаго Лицея *Я. И. Грота* о спряженіи Русскаго глагола. Въ Общесравнительной Грамматикѣ за *девять* основныхъ формъ спряженія приняты: неопредѣленное и настоящее время изъявительнаго наклоненія 1 и 2 л. ед. ч. и 3 л. множ. ч. Почтеннѣйшій Профессоръ признаетъ необходимость двухъ основныхъ формъ въ нашемъ спряженіи: неопредѣленное и наст. вр. изъяв. накл.; но только за первоначальную форму въ из. н. принимаетъ не 1-е л. ед. ч., а 3-е ч. мн. ч., и производитъ это первое лице отъ третьяго, тогда какъ мы, наоборотъ, производимъ третье лице множ. числа отъ перваго единственнаго. Такой обратный способъ производства не облегчаетъ самаго производства, и. п. читаю отъ читаю, вмѣсто того, чтобъ производить читаю отъ читаю. Преимущество же, по моему мнѣнію, перваго и общепринятаго способа состоитъ въ томъ, что окончаниями 3-го лица мн. ч. *утѣ* и *ютѣ*, *атѣ* и *ятѣ*, соответствуютъ окончанія 1-го лица мн. ч. и страдательнаго причастія наст. вр. *е(о)мый* и *имый*; а первое лице мн. ч. происходитъ изъ 1-го лица ед. ч. чрезъ посредство втораго. Но въ этой статьѣ встрѣчаемъ удачно подмѣченное сочинителемъ свойство прошедшаго времени изъяв. накл. въ отношеніи къ ударенію:

когда слоги *ла, ло* въ ед. ч. и *лм* во множ. имѣют удареніе, и когда его не имѣютъ. Такое различіе, замѣчаетъ Профессоръ *Гротъ*, зависитъ отъ первоначальной формы неопредѣленного. Въ глаголахъ, которые, сверхъ окончанія *ств, сть, сть*, могутъ имѣть *стѣ, стѣ*, или и всегда сохраняютъ одно только последнее, *полное* окончаніе, удареніе въ прош. вр. постоянно падаетъ на слоги *ла, ло, лм*, и. п. *везти, везла, ло, лѣ*; *гresti, гребла, ло, лѣ*, *пасши, пасла, ло, лѣ*. Напротивъ, когда неопредѣленное оканчивается только на *ств, сть*, и когда поэтому неупотребительное окончаніе на *тм* — безъ ударенія; тогда и въ прош. вр. удареніе не падаетъ на слоги *ла, ло, лм*, и. п. *лѣтъ, лѣла*; *клясть, кляла*; *сѣсть, сѣла*. Соотношеніе, открывающееся такимъ образомъ между неопредѣленнымъ и прош. вр. изъяснит. накл. по ударенію, заслуживаетъ особенное вниманіе. Отсюда вытекаетъ законъ и объ удареніи въ стр. прич. прош. врем. у глаголовъ, оканчивающихся на *чь* и *ств* или *ствь*. Когда у нихъ въ прош. вр. изъяс. накл. послѣдній слогъ *ла, ло, лм* остается безъ ударенія; тогда и въ страд. прич. оно не падаетъ на окончанія *емь*, и. п. *гнѣтъ, гнѣла, гнѣтенъ; стрѣчь, стрѣгла, стрѣженъ; сѣчь, сѣкла, сѣченъ*. Напротивъ, слогъ *емь* принимаетъ удареніе въ глаголахъ *везти — вѣдѣ, ведѣмъ; везти — вѣдѣ, веземъ; беречь — глѣд, бережемъ*. Тутъ же выведено востоянное правило касательно ударенія въ глаголахъ возвратныхъ. Когда въ прош. вр. глагола на *тъ* окончаніе ж. р. *ла* имѣетъ удареніе; то въ возвратномъ залогѣ въ муж. родѣ того же времени удареніе падаетъ на *ся*, а въ прочихъ родахъ остается на *лѣ, лѣ, лѣ*, и. п. *рва-л-ся, рва-лѣ-сь, рва-лѣ-сь, рва-лѣ-сь*; *роди-л-ся, роди-лѣ-сь, роди-лѣ-сь, роди-лѣ-сь*; *гна-л-ся, гна-лѣ-сь, гна-лѣ-сь, гна-лѣ-сь*.

Тщательное въ наше время изученіе соплеменныхъ намъ нарѣчій и прилѣжное чтеніе произведеній старины нашей, чему данъ большой просторъ въ *Извѣстіяхъ*, представляетъ утѣнительные плоды для отечественной филологіи. Къ такимъ явленіямъ принадлежатъ замѣчанія объ особенностяхъ словообразованія и значенія словъ въ древнемъ Русскомъ языкѣ Ад.-Проф. П. А. *Лавровскаго*. Показавъ любопытные примѣры логического словообразованія, основываясь на свидѣльствѣ памятниковъ древней письменности нашей и на сравненіи отечественнаго языка съ соплеменными языками, ученый филологъ доходитъ до заключенія, что лексическое богатство древняго языка нашего указываетъ на разностороннее развитіе Русскаго народа уже въ глубокой древности. Старинный языкъ отли-

чался болѣею полнотою жизни, пока еще не допускалъ того окаменѣнія словъ, какое развилось въ позднѣйшую пору. Уклоненіе словъ отъ первоначальнаго значенія не рѣдко бываетъ такъ велико, что въ современномъ употребленіи иногда нельзя замѣтить слѣдовъ кореннаго понятія. Это уклоненіе увеличивается по мѣрѣ переворотѣвъ, испытываемыхъ народомъ; потому что каждое новое понятіе требуетъ соответствующаго ему выраженія. Тогда новое понятіе сближается съ понятіемъ старымъ, и выраженіе послѣдняго становится выраженіемъ пригоднымъ и для перваго. Случается, что старое, коренное понятіе забывается, и слово продолжаетъ жить съ новымъ значеніемъ. Прослѣдить такимъ образомъ превращеніе слова, подмѣтить переходы его отъ одного значенія къ другому, отъ грубо вещественнаго до высоко духовнаго, значить прослѣдить постепенное измѣненіе умственной народной жизни. Всему этому примѣры и доказательства находимъ въ статьѣ Ад.-Проф. *Лавровскаго*. — Вникая въ образованіе словъ въ давнее время, говорить сочинитель, нельзя не замѣтить того общаго явленія, что значеніе первоначальнаго корня въ нихъ гораздо видѣе, чѣмъ въ позднѣйшихъ измѣненіяхъ. Такъ напр. слово *сусальный* употребляется какъ эпитетъ золота въ листахъ. Глаголь, отъ котораго оно произошло, сохранился въ Чешскомъ языкѣ, именно *myseti*, что значить — производить шелестъ; отсюда прилагательное *zuhlucy*, соответствующее нашему *сусальный*. Какъ *сусальный* относится къ тонкимъ листамъ золота, такъ Чешск. *zuhlucy* относится къ колеблющимся листьямъ деревьевъ. Шелестъ, отъ нагнѣшшаго дуновенія происходящій, относится равно и къ тонкимъ листамъ золота и къ листьямъ деревьевъ.

Съ другой точки зрѣнія вынуждъ въ древній Русскій языкъ Академикъ М. П. *Погодинъ*: его *Опытъ историческаго объясненія словъ (дань, путь, полюдье, подгородье, дарь, ходить)* для молодаго поколѣнія филологовъ — статья въ высшей степени наставительная; она указываетъ на способъ изученія древнихъ памятниковъ въ отношеніи историческомъ и филологическомъ. Доказательствомъ объясненій служатъ выписки изъ лѣтописей *Несторовой* по *Лаврентьевскому* списку, *Суздальской* по тому же списку, *Киѣвской* по *Ипатьевскому* списку, *Новгородской* лѣтописи по *Воскресенскому* списку, *Волынской* по *Ипатьевскому* и проч. Изъ объясненій Академика открывается между прочимъ, что *дань* и *путь* представляются выраженіями для означенія понятій и дѣйствій однородныхъ. По этимъ даннымъ сочинитель въ глаголѣ *ходити* находитъ значеніе *собирать дань*.

Статья А. С. Аванасьева: «Нѣсколько словъ о соотношеніи языка съ народными повѣрьями» служатъ, при посредствѣ филологин, объясненіемъ нѣкоторыхъ уцѣлѣвшихъ въ народѣ болѣе или менѣе загадочныхъ преданій. До сихъ поръ, говоритъ авторъ, въ народной рѣчи нашей и въ памятникахъ устной словесности слышится та изобразительность выраженій, которая показываетъ, что слово для простолюдина не простой знакъ известнаго понятія, но что въ то же время оно живописуетъ самые характеристическіе оттѣнки предмета, и п. *зыбунъ* — зыбкій грунтъ земли на болотѣ, *твало*, также *ядало* — ротъ и т. п. Разсчитывая время и распредѣляя работы по святцамъ, поселянинъ названія мѣсяцевъ и имена Святыхъ сближаетъ съ разными выраженіями роднаго языка, сколько эти послѣднія могутъ опредѣлить характеръ даннаго времени, соединенныхъ съ нимъ сельскихъ работъ и состояніи погоды. Отсюда происходитъ народный календарь. Такъ на *Срътенѣ* (2-го Февраля), по народному повѣрью, зима съ лѣтомъ *встрѣчается*; въ *Мартѣ* солнце начинаетъ *марить*, т. е. припекать землю; въ *Апрѣлѣ* земля *прѣтеть*; со дня *Федора Студита* (11-го Ноября) начинаетъ *студить* и т. п. Чѣмъ древнѣе преданіе, чѣмъ оно далѣе переноситъ насъ къ младенческому возрѣнію человѣка; тѣмъ полнѣе замѣчается связь слова и повѣрій, источникъ которой надобно искать въ исторіи образованія языковъ.

Б. Въ отношеніи историческомъ въ Извѣстіяхъ находимъ важныя и любопытныя изслѣдованія. Таковы: Изслѣдованія самаго Редактора Извѣстій о древности *Новгородскихъ летописей*. Изъ сравненія летописи Нестора съ другими, описывающими одно и то же время, сходными съ нею и несходными, авторъ заключаетъ, что Русскія летописи ведены были въ разныхъ мѣстахъ различныя, и Несторъ воспользовался многими изъ нихъ; летописцы Новгородскіе не все знали или не хотѣли пользоваться Несторомъ, и держались своихъ мѣстныхъ записокъ. Изъ числа Новгородскихъ событій, замѣченныхъ въ летописяхъ, нѣкоторыя принадлежатъ не только къ X вѣку, но и ко времени до X вѣка: поэтому можно полагать, что Новгородскія летописи начинались годами этого отдаленнаго времени. Притомъ различіе Новгородскихъ летописей и вмѣстѣ ихъ одинаковость въ повтореніи сказаній доказываютъ, что мы имѣемъ теперь переработанные своды летописей болѣе древнихъ. Его же изслѣдованіе *О древнихъ жизнеописаніяхъ Князя Владимира* и Князей *Бориса* и *Глѣба* приводятъ къ заключенію, что у насъ издревле были жизнеописанія

Равноапостольнаго, написанныя безъ пособія летописей. Что касается до Сказаній Бориса и Глѣба; то, по мнѣнію автора, древнѣйшія изъ нихъ написаны въ концѣ XI вѣка и уже изъ отдельной тетради занесены въ летопись. Авторъ остроумно изслѣдуетъ то сказаніе о житіи и погубленіи Бориса и Глѣба, которое отмѣчено подписью сочинителя: «се азъ Несторъ», заставляющую принимать этотъ памятникъ за произведеніе нашего безсмертнаго летописца. Сообразивъ все данныя, заключающіяся въ сказаніи, онъ доказываетъ, что Несторъ въ семь Житій пользовался трудами другихъ.

Разысканія о *Иаковѣ Милѣ* Пресвященнаго *Макарія* и А. Θ. *Тюриня* служатъ дополненіемъ къ изслѣдованіямъ о томъ же предметѣ Академикомъ П. Г. *Буткова* и М. П. *Погодина*, напечатаннымъ въ Извѣстіяхъ истекшаго 1852 г. Заключение Академика Погодина слѣдующее: «Черноризецъ *Иаковъ*, современникъ св. *Феодосія*, жилъ во время *Ярослава* и сына его *Изяслава*, написалъ Житіе св. *Бориса* и *Глѣба*, Житіе св. *Владимира* и похвалу ему, Посланіе къ Великому Князю *Изяславу*. Онъ же предлагалъ Митрополиту *Іоанну*, прозванному пророкомъ Христа, вопросы, на которые тотъ и отвѣчалъ ему». Академикъ П. Г. *Бутковъ* высказалъ иное мнѣніе объ *Иаковѣ* милѣ, и относитъ его не къ XI, а къ XII вѣку. — Весьма сильны доказательства историческія А. Θ. *Тюриня* въ пользу мнѣнія Академика П. Г. *Буткова*. Но Пресвященный *Макарій* остроумными и ясными соображеніями Несторовой летописи, Житія *Бориса* и *Глѣба* и Похвалы св. *Владимиру* приводятъ насъ къ слѣдующему заключенію: «Вопросъ о милѣ *Иаковѣ* нельзя еще считать рѣшеннымъ, пока не узнаемъ новыхъ списковъ приписываемыхъ ему сочиненій; при настоящемъ же положеніи дѣла справедливѣе признавать *Иакова* писателемъ XI-го, а не второй половины XII вѣка.

Записка В. М. *Удольскаго* о неизвѣстномъ сочиненіи Митрополита *Феодосія*, подъ заглавіемъ: «Слово похвально святымъ верховнымъ Апостоламъ Петру и Павлу». Это слово помѣщено въ принадлежащемъ г. *Удольскому* Сборникѣ, полууставнаго почерка, второй половины XV вѣка. Оно доселѣ не было извѣстно. По печатнымъ описаніямъ библиотекъ Гр. *Толстаго*, Гр. *Румянцова*, Царскаго и по многимъ другимъ каталогамъ рукописей его не видно. Но содержаніе и современныи сочиненію списокъ не оставляетъ никакого сомнѣнія въ его подлинности.

Къ этой запискѣ присоединены замѣчанія Академика И. И. *Срезневскаго* о жизни и трудахъ Митрополита *Феодосія*. До насъ дошло нѣсколько посланій сего ревностнаго Архидиакона.

Всѣ они писаны на извѣстные случаи, и не столько выражаютъ личность его, какъ писателя и проповѣдника, сколько потребности и обстоятельства того времени.

Воспоминанія о В. А. Жуковскомъ, Священника І. *Базарова*, представляютъ прекрасную сторону знаменитаго писателя—мягкое сердце его, полное христіанскаго смиренія предъ Богомъ и искренняго участія въ судьбѣ ближняго. Успокоивается духъ нашъ, когда внутренняя жизнь любимаго писателя обнаруживаетъ намъ тѣ возвышенныя чувства, которыя трогаютъ насъ въ его произведеніяхъ. Такъ утѣнительно въ изображеніи внутренней жизни незабвеннаго Жуковскаго видѣть благоговѣйную преданность и глубокія убѣжденія въ истинахъ Вѣры, въ чемъ, говорилъ онъ, «все должно происходить безъ посредника между Богомъ и душою». Увлекаешь такую чисто нравственностью поэта, увлекаешься и художественностью сочинителя «Воспоминаній».

Разборъ двухъ сочиненій *Вассіана: Житіе св. Пафнутія Боровскаго и Посланіе къ В. К. Іоанну Васильевичу*, Ад.-Проф. М. И. *Сухомлинова*. Рассмотрѣвъ эти сочиненія по духу и содержанію, авторъ разбираетъ ихъ языкъ и слогу. При сличеніи формъ Старославянскихъ съ Русскими, что было общаго принадлежностью Русскаго языка въ XV вѣкѣ, въ отношеніи къ слогу произведенія Вассіана представляютъ соединеніе простоты и силы съ нѣкоторою искусственностью. Сочинителю разбора Вассіана принадлежатъ также замѣчанія о сборникахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *Пчелъ*. Такъ назывались древнія Русскія антологіи. Эти сборники, или изборники, выписки изъ Священнаго Писанія, отцевъ церкви и изъ писателей языческихъ, были значительно распространены на Русь. Судя по выпискамъ, можемъ заключить, что предкамъ нашимъ извѣстны были произведенія многихъ писателей иностранныхъ, какъ христіанскихъ, такъ и языческихъ, съ нѣкоторыми чертами изъ жизни авторовъ.

С. Въ критическомъ отношеніи обращаютъ вниманіе любителя отечественныхъ древностей *Новое мнѣніе Шафарика о глагольской письменности, Глагольское Четвероевангеліе* Проф. В. М. *Григоровича*, *Слова Григорія Богослова въ спискѣ XI в.*—предметы для филолога въ высшей степени любопытныя. Глагольское Четвероевангеліе принадлежитъ къ числу самыхъ драгоценныхъ рукописей Старославянскихъ. Въ немъ сохранился древній переводъ не однихъ избранныхъ чтеній Евангельскихъ, но и всего текста вполне, за исключеніемъ очень немногихъ утраченныхъ листовъ. Владѣтель рукописи со-

общилъ намъ для помѣщенія въ Извѣстіяхъ отрывокъ изъ оной и ея описаніе. Что касается до мнѣнія Шафарика о глаголицѣ, этомъ загадочномъ предметѣ древней образованности Славянъ, то оно является противъ прежняго нѣсколько измѣненнымъ. Знаменитый славянистъ былъ убѣжденъ, что глаголица изобрѣтена въ Болгаріи не долго спустя послѣ Кирилла и Меодія, св. Климентомъ, а оттуда перенесена въ Далмацію, къ Хорватамъ, гдѣ и стала образоваться независимо отъ первоначальныхъ образцовъ. Теперь Шафарикъ думаетъ, что глаголица не была изобрѣтена въ Болгаріи, а только измѣнена, и что Хорватская глагольская азбука по очертанію буквъ древнѣе Болгарской. Знатоки этого дѣла приняли мнѣніе Шафарика съ уваженіемъ, хотя и не готовы согласиться съ нимъ до открытія доказательствъ, болѣе достоверныхъ. Древній списокъ Славянскаго перевода Словъ Григорія Богослова до сихъ поръ былъ извѣстенъ только по краткимъ замѣчаніямъ А. Х. Востокова; теперь мы имѣемъ замѣчательныя выписки изъ него, напечатанныя въ Извѣстіяхъ со всеми условіями филологическихъ требованій.

Въ теченіе вышшняго года, въ Извѣстіяхъ разобраны Редакторомъ всѣ замѣчательныя явленія Славяно-Русской филологіи, въ числѣ около ста сочиненій.

Стараясь слѣдить по мѣрѣ возможности за всеми явленіями учено-литературной дѣятельности, болѣе или менѣе любопытными для филолога Русскаго по содержанію или хотя по назначенію, Редакторъ считалъ необходимымъ включать въ Библиографическія записки Извѣстій свѣдѣнія: а) объ изданіяхъ памятниковъ языка и словесности; б) о сочиненіяхъ касательно строя и состава языка; в) о сочиненіяхъ по части теоріи и исторіи словесности; г) о трудахъ историческихъ и археологическихъ. Вѣстѣ съ тѣмъ онъ не опускалъ изъ виду трудовъ тѣхъ ученыхъ обществъ, которыя по предмету занятій близки къ нашему Отдѣленію Академіи. Извлекаю изъ его отчета общій перечень того, что было отмѣчено въ Библиографическихъ запискахъ Извѣстій истекающаго года.

а. Изъ памятниковъ Старославянской литературы наданы: В. В. Ганкой *Остромирово евангеліе*, П. П. Шафарикомъ *Памятники письменности глагольской* и Ф. И. Миклошичемъ *Шмиатовецкій списокъ Апостола*. Печатный запасъ памятниковъ письменности старинной Русской обогатился тремя томами трудовъ Археологической Комиссіи (VI-го тома *Лѣтописей*, V-го тома *Дополненій къ Актамъ Историческимъ* и V-го тома *Актовъ западной Россіи*), III-мъ томомъ *Памятниковъ Кіевской Комиссіи*, III-мъ томомъ *Двор-*

целью *Разрядовъ*. Къ числу изданій памятниконъ народнаго Русскаго языка, кромѣ 2-й тетради *Памятниконъ и образцовъ*, изданныхъ нашимъ Отдѣленіемъ Академіи, прибавилась книжка *Бѣлорусскіе пѣсенъ и образцы Арзамасскаго поѣора*, собранные г. Терещенкомъ въ его книжкѣ объ Арзамасѣ. Изъ памятниконъ старины Чешской изданы вновь *Глоссы къ словарю Mater verborum* К. Скворцовымъ, *Краледворская рукопись* (съ переводами на всѣ Славянскія нарѣчія) и *Хроника Далмича* В. В. Ганкой и *Сочиненія Фомы Штитанаго*; а изъ памятниконъ Польскіихъ нѣкоторые очень любопытные вошли въ новое изданіе *Библиотеки старинныхъ Польскіихъ писателей* К. В. Войцיצаго. Народная словесность западныхъ Славянъ обогатилась изданіемъ *Сербскіихъ народныхъ сказокъ* В. С. Караджича, образцовъ *Хорутанскаго нарѣчія* г. Явечича, новымъ сборникомъ *Чешскіихъ пѣсенъ* г. Эрбена и сборникомъ *Моравскіихъ пѣсенъ* г. Сущела.

б. Сочиненія по части теоріи и исторіи языка. Больше число изданій этого рода принадлежатъ къ пособіямъ для изученія Русскаго языка. Таковы: второе изданіе *Общесравнительной Грамматики Русскаго языка*, IV-й томъ *Параллельныхъ словарей* г. Рейфа, изслѣдованіе о *Византийскомъ элементѣ въ договорѣхъ Русскіихъ съ Греками* Н. А. Лавровскаго, изслѣдованіе о *языкѣ сѣверныхъ Русскіихъ летописей* П. А. Лавровскаго, обзорнѣе *нарѣчій Русскаго языка* В. И. Дала, *Замѣтки о Бѣлорусскомъ нарѣчій* г. Голотузова, *Опытъ Словаря къ Ипатьевской летописи* Н. Г. Чернышевскаго. Къ числу пособій для изученія Западныхъ Славянскіихъ нарѣчій прибавились: *Сербско-Нѣмецкій словарь* г. Веселяча, *Чешская Грамматика для Русскіихъ*, *Чешско-Нѣмецкій словарь научныхъ терминовъ*, карманный *Словарь Чешско-Нѣмецкій* г. Франты Шумавскаго, *Нѣмецко-Польскій словарь* Мронговіуса. Для сравнительнаго изученія Славянскіихъ нарѣчій важными явленіями были *Лекціи о сравнительной грамматикѣ Славянской* В. В. Челявскаго, и *Ученіе о звукахъ въ Славянскіихъ нарѣчій* Ф. Миклошича. Были и другія попытки въ этомъ родѣ, какъ напр. Э. Герба *Славянскій глаголъ* по нарѣчіямъ Чешскому, Польскому, Галицкому и Юго-Славянскіимъ. Изысканія по части сравненія Славянскаго языка съ другими родственными языками обогатились двумя тетрадями *Материаловъ для сравнительнаго и объяснительнаго словаря и грамматики* нашего Отдѣленія, *Сочиненіемъ Славянскаго*

языка съ Санскритскимъ А. Ф. Гильфординга, его же разсужденіемъ *объ отношеніи Славянскаго языка къ родственнымъ*, тетрадь Бушмана о *естественныхъ звукахъ*, *Сравнительный словарь древняго сѣвернаго (Исландскаго) языка* Голмбое, нѣсколько тетрадей *Нѣмецкаго словаря* братьевъ Гриммовъ, *Сравнительной грамматикой Индо-европейскіихъ языковъ* Раппа и др.

в. Сочиненія по части теоріи и исторіи словесности. Изъ произведеній этого рода, вышедшихъ у насъ, замѣчательны: *Конспектъ преподаванія Русскаго языка и словесности въ военно-учебныхъ заведеніяхъ*, *Руководство о родахъ и формахъ поэзіи* г. Тулова, *Записки о Русскомъ стихосложеніи* г. Перевгѣскаго, *записки о Жуковскомъ* С. П. Шевырева и А. В. Никитенка, *Біографія Забѣскаго* г. Аксакова. Касательно исторіи словесности западныхъ Славянъ, кромѣ краткихъ очерковъ *Исторіи литературы Чешской* по Юнгману и *современной литературы Сербской* Ристича, отмѣтитъ окончаніе втораго тома *Исторіи литературы Польской* г. Мацѣвскаго и *Біографію Челявковскаго*, составленную г. Мамымъ. Однимъ изъ замѣчательныхъ въ своемъ родѣ было сочиненіе г. Штура о *народной поэзіи Славянской*.

г. Сочиненія историческія и археологическія. Изъ сочиненій этого рода относятся къ древностямъ Славянскимъ вообще: *Изслѣдованія* Я. Коллара о *Староталми Славянской*, А. Д. Черткова о *Пелазго-Фракійскіихъ племенахъ*, І. Лавлова о *Славянскомъ язычествѣ*. По части Русской исторіи и древностей замѣчательны: новое изданіе *Исторіи Русской Церкви*, продолженіе *Исторіи Россіи* С. Н. Соловьева, новая тетрадь описанія *Древностей Россійскаго государства*, два сочиненія о *Запорожьи* г. Глинчинскаго и Черновскаго, изслѣдованія о *древнемъ Боголюбоемъ* г. Доброхотова, изслѣдованіе К. А. Неволина о *Новгородскихъ пятицахъ и погостахъ*, *Алфавитный указатель Болгарскіихъ книгъ* и пр.; касательно западныхъ Славянъ: разсужденіе о *Болгарахъ* и *Исторіа Черногорцевъ* г. Андрича, *Древняя Польская исторія* г. Бѣлевскаго и др. Въ числѣ пособій для изученія исторіи нельзя забыть *Сокращенныя Хронологическія таблицы* г. Хавскаго.

е. Кромѣ этихъ сочиненій, вышедшихъ отдѣльно, не менѣе замѣчательные труды находимъ въ сборникахъ ученыхъ обществъ. Тутъ можно вспомнить изданія нашихъ Духовныхъ Академій: *Прибавленія къ Твореніямъ св. Отцовъ* и *Хри-*

стѣпанское чтеніе, Ученыя записки I и III Отдѣленія Академіи Наукъ, Извѣстія (Bulletins) III-го Отдѣленія Академіи, издаваемыя на Франц. и Нѣмец. языкахъ, Отчетъ о Демидовскихъ преміяхъ, Временникъ Московскаго общества исторіи и древностей, Записки и Вѣстникъ Русскаго Географическаго общества, Этнографическій сборникъ, издаваемый тѣмъ же обществомъ, Записки Археологическаго общества, Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки, Часовникъ Чешскаго музея и пр.

Въ библиографическихъ запискахъ нашихъ Извѣстій не только обозначены всѣ эти и другія изданія, но многія изъ нихъ и оцѣнены по своему значенію въ литературѣ, а нѣкоторыя были поводомъ особенныхъ разсужденій и замѣчаній. Такъ между прочимъ очень любопытны замѣчанія Академиковъ на изслѣдованія Корреспондента Отдѣленія, Профессора К. А. Неволнина о *пятницахъ* и *погостахъ Новгородскихъ*. Къ изслѣдованіямъ Профессора Неволнина присоединены обширныя выписки изъ писцовыхъ и изгонныхъ книгъ, описывающихъ Новгородскія пятницы и погосты, также подробная карта, представляющая состояніе пятницъ и погостовъ въ XVI вѣкѣ. Ученый изслѣдователь принимаетъ *погосты* въ значеніи мѣстъ общественнаго богослуженія, и полагаетъ, что современное областное употребленіе этого слова въ смыслѣ церкви съ кладбищемъ, двора и кладбища при церкви и просто кладбища есть остатокъ языческой древности. Какъ значеніе, такъ и время появленія погостовъ подали новодѣ П. Г. Буткову, Я. И. Бердникову и И. И. Срезневскому къ невымысленнымъ ображеніямъ. Не смотря на то, что мнѣніе Профессора Неволнина о значеніи погостовъ не всѣми принимается, изслѣдованіе его, важное въ историко-географическомъ отношеніи, любопытно и для филологовъ въ отношеніи къ языку.

Изъ этого обзорія главнѣйшихъ ученыхъ и литературныхъ произведеній словесности нашей, разсмотрѣнныхъ въ «Извѣстіяхъ» можно видѣть современное ея направленіе, отличающееся особенно изслѣдованіями отечественной исторіи, географіи, древностей, языка. Мысль о народности и самобытности въ словесности, объ открытіи народныхъ элементовъ, стала общою мыслию. Утѣшительно это направленіе въ юности воколѣніи особенно въ отношеніи къ языку. Отечественная грамматика нынѣ изучается какъ энциклопедія знаній, съ одной стороны, вмѣстѣ съ изслѣдованіемъ общихъ логическихъ законовъ языка, а съ другой, съ помощію сравненія свойствъ роднаго языка съ свойствами нарѣчій однородныхъ и соплеменныхъ. Въ этомъ на-

правленіи состоитъ различіе и вытѣшнѣе ученыхъ обществъ отъ прежнихъ: пользуясь всѣми сокровищами наукъ, составляющихъ общее достояніе всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ, мы при этомъ разрабатываемъ свои собственныя богатства. Отъ такого ученаго направленія филологіи можно съ увѣренностью ожидать успѣшнаго развитія и народной словесности.

II. *Матеріалы для сравнительнаго и объективнаго словаря и грамматики Русскаго языка и другихъ Славянскихъ нарѣчій* заключаютъ въ себѣ новыя глубокія изслѣдованія филологическія. Таковы: Областные Велико-русскія слова, заимствованныя отъ Монголовъ и Калмыковъ, н. п. *аркань, бакча, баламуты, есауль, караульмикъ, нурень, малахай, сагайдакъ, саламать, шуря*. Сего же рода слова объяснены Профессоромъ Ковалевскимъ, н. п. *тайга, товарь*. Чрезвычайно любопытны объясненія Русскихъ словъ, сходныхъ со словами Восточныхъ языковъ, Профессора Казембека. Такъ н. п. слова: *арбузь, гомозиться, гайтань*, заимствованы изъ языковъ Персидскаго, Туркескаго, Арабскаго. — Сравненіе Славянскаго языка съ Санскритскимъ, А. Гильфердинга, явленіе въ филологическомъ мірѣ замѣчательное. Сравнительное языкоученіе началось въ Германіи, и Нѣмецкимъ ученымъ В. Гумбольдту, Боппу, Поппу, обязано главнѣйшими своими открытіями. Они въ особенности разрабатывали языки, наиболѣе имъ знакомые, Греческій, Латинскій и всѣ нарѣчія Германскія. Прочіе языки менѣе обращали на себя ихъ вниманіе; Славянскій же языкъ въ ихъ трудахъ занимаетъ послѣднее мѣсто. Пополнить этотъ недостатокъ въ сравнительномъ языкоученіи и указать настоящее мѣсто Славянскихъ нарѣчій въ семьѣ Индоевропейскихъ языковъ — предметъ этого сочиненія. Нельзя не удивляться, какъ слова переживаютъ народы, переходятъ изъ страны въ страну, въ продолженіе тысячелѣтій. Не узнаемъ ли мы родныхъ сокровищъ въ словахъ *ама* (агнецъ), *биру* (бирюкъ), *бран* (бранить), *гад* (гадать), *двара* (дверь), *драг* (драгой), *мала* (малый), *пи* (пить), *пис* (писать), *сан* (сани), *срам* (срамъ), *труп* (трупъ), *тура* (туръ), *ясас* (ясный)? Этотъ добросовѣстный трудъ молодого ученаго достоинъ вниманія по множеству остроумныхъ и любопытныхъ соображеній. — Очень важень *Опытъ Словаря изъ Ипатьевской летописи*, Н. Г. Чернышевскаго. Составитель Опыта внесъ въ него всѣ слова, встрѣчающіяся въ Ипатьевской летописи, за исключеніемъ служебныхъ частицъ и собственныхъ именъ. Замѣчательныя слова объяснены соображеніемъ мѣсть,

гдѣ они встрѣчаются. Вездѣ указаны страницы и строки глѣтониси по изданію Полнаго Собранія глѣтонисей, т. II. Трудъ г. Чернышевскаго безъ сомнѣнія заслужитъ признательность филологовъ, которые знаютъ, что только при помощи подобныхъ предварительныхъ трудовъ можетъ осуществиться надежда на историческій словарь Русскаго языка. — Къ трудамъ такого же рода принадлежитъ сборникъ словъ, выбранныхъ А. *Протопоповымъ* изъ архивныхъ Яренскихъ столбцовъ XVI—XVII вѣка.

III. *Памятники и образцы народнаго языка и словесности*, тетр. II, составляютъ драгоценное дополненіе къ нашей словесности. Тутъ читаемъ мы Былины или Побывальщины, собранныя г. *Гуллевымъ*: а) про Илью Муромца и Ермака Тимофеевича; б) про Добрыню и жену его; в) про Илью Муромца; г) про Кострюка Матрюка; д) объ Ильѣ Муромцѣ и Борискѣ; ж) про Дуная Ивановича и жену его; четыре пѣсни, сообщенныя изъ Локтевскаго завода В. *Гуллевымъ*; двѣ Закамскія хороводныя пѣсни, доставленныя П. *Пафнутьевымъ*; четыре старинныя Малороссійскія думы, сообщенныя А. С. *Аванасьевымъ*; Бѣлорусскія пословицы, собранныя П. *Штилевскимъ*; десять Сербскихъ пѣсень, записанныхъ И. И. *Срезневскимъ* со словъ простолудиновъ; пословицы и пѣсни Словаковъ изъ его же сборниковъ:

IV. *Мнѣнія о новомъ изданіи Русскаго Словаря*, по поводу мнѣнія моего заключають въ себѣ замѣчанія Академиковъ: *Бердниковъ*, *Срезневскаго* и *Шевырева*; Корреспондентовъ: *Греча*, *Даля*, *Буслаева* и *Грота*, и Протоіерея *Павскаго*.

Оканчивая эту записку о занятіяхъ Отдѣленія, получилъ я донесеніе отъ Кандидата *Микуцкаго*, отправленнаго Отдѣленіемъ въ западныя губерніи для филологическихъ изслѣдованій и для собиранія матеріаловъ Бѣлорусскаго и сравнительнаго Литовско-Русскаго Словаря. Осень провелъ онъ въ Тельшевскомъ уѣздѣ Ковенской губерніи, для изученія *Самогитскаго*, или *Жмудскаго* нарѣчія, и собралъ до тысячи Литовскихъ словъ, недостающихъ въ Словарѣ *Нессельмана*, опредѣлилъ точнѣе значеніе многихъ словъ въ словарѣ этого ученаго и записалъ съ устъ народа нѣсколько Литовскихъ пѣсень, пословицъ и загадокъ. Дабы положить прочное историческое основаніе дальнѣйшимъ разысканіямъ, онъ прочелъ древнѣйшіе печатные памятники Литовской письменности, каковы: проповѣди *Н. Даукши*, *К. Ширвида*, Книга христіанскаго благочестія, Толкованіе святыхъ Евангелій.

Въ будущемъ году предметы занятій нашихъ предполагаются слѣдующіе:

1. Печатаніе третьяго изданія Общесравнительной Грамматики Русскаго языка.
2. Чтеніе матеріаловъ и корректурныхъ листовъ новаго изданія Русскаго Словаря.
3. Составленіе дополненія къ Словарю Областнаго Велико-Русскаго языка.
4. Чтенія ученыхъ и литературныхъ трудовъ Академиковъ и постороннихъ лицъ.
5. Приготовленіе къ изданію памятникъ древней Славяно-Русской словесности.

Извѣстія и Ученыя Записки будутъ издаваться подъ редакціею достопочтеннѣйшаго Сочлена нашего И. И. *Срезневскаго*.

Мы надѣемся приступить къ разсмотрѣнію матеріаловъ для Русскихъ синонимъ.

Предполагаемъ осуществить хотя отчасти мысль о составленіи указателя разсужденій по части теоріи, исторіи и критики языка и словесности, напечатанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

Отъ г. Микуцкаго, путешествующаго по Бѣлоруссіи, ожидаемъ новыхъ матеріаловъ для Словаря Бѣлорусскаго.

Мы постараемся распространить кругъ сношеній нашихъ съ учеными и литераторами.

Господь Богъ да благословитъ труды наши, подъемлемые для успѣховъ отечественнаго языка, словесности и просвѣщенія!

Вотъ бѣглое обзоріе трудовъ Отдѣленія въ истекающемъ и будущемъ году. Благодареніе всѣмъ ученымъ, раздѣлявшимъ съ нами эти труды! Признательность наша Сочлену нашему, Редактору Извѣстій! — Приношу и я Вамъ, мн. гт., глубочайшую благодарность за единодушное содѣйствіе общему дѣлу. Виѣняя себѣ въ особенную честь трудиться вмѣстѣ съ заслуженными Сочленами, прославившими себя на разныхъ поприщахъ государственной службы и вмѣстѣ учеными или литературными трудами, я почитаю высокимъ счастіемъ для себя Ваше благосклонное ко мнѣ вниманіе. Будучи *истолкователемъ слова*, я не имѣю слова, достаточнаго для выраженія чувствованій, въ настоящую минуту наполняющихъ мою душу. Мужамъ просвѣщеннымъ сердце человеческое знакомо: оно каждому доскажетъ, чего я не высказалъ.

БІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ

ЧЛЕНАХЪ ОТДѢЛЕНІЯ.

(Изъ Отчета Императорской Академіи Наукъ по Отдѣленію Русскаго языка и словесности за 1853 годъ, Орд. Ак. П. А. Плетнева.)

1.

Князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ.

5 Мая нынѣшняго года скончался Министръ Народнаго Просвѣщенія, Тайный Совѣтникъ Князь Платонъ Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ. Въ Отдѣленіи Русскаго языка и словесности, со времени основанія его, онъ былъ Предсѣдательствующимъ въ теченіе первыхъ осьми лѣтъ. Навсегда останется памятникомъ неутомимой дѣятельности его въ этомъ званіи «Словарь Церковно-Славянскаго и Русскаго языка», составленный Отдѣленіемъ и оконченный печатаніемъ въ шесть лѣтъ. Задолго до ученыхъ трудовъ по Отдѣленію, Князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ приобрѣлъ свѣдѣнія во всѣхъ видоизмѣненіи Русскаго языка, предсѣдательствуя въ Археографической Коммиссіи, которой изданія обогатили отечественную исторію драгоценными сокровищами. Но еще ранѣе, и можно сказать съ первыхъ дней своего сознанія, онъ началъ изучать красоты и совершенства языка нашего въ его первообразѣ, въ основаніи силы его — языкѣ Церковно-Славянскомъ. Благопріятствовавшія къ тому обстоятельства связаны съ первоначальнымъ его воспитаніемъ.

Описывая дѣтство брата своего, Князя Сергія Александровича Шихматова, въ монастырѣ Анникты, онъ рассказываетъ многое, что несомнѣнно должно быть отнесено и къ нему самому, потому что въ нѣтъ возрастѣ только семь лѣтъ было разности. «Родители его (говоритъ онъ), служа живымъ примѣромъ благочестія и супружескаго согласія, внушали сыну «смирненіе и страхъ Божій съ ранняго дѣтства. Наученный «грамотѣ, слѣдуя обычаю нашихъ предковъ, по часослову и «псалтырю, отрокъ Сергій, отъ самыхъ юныхъ ногтей, употребляетъ былъ къ чтенію псалмовъ и молитвъ на всенощныхъ бдѣніяхъ, которыя, предъ всякимъ праздничнымъ днемъ «постоянно совершались въ дому родительскомъ, и такимъ образомъ, съ одной стороны, навикалъ въ славословіи Всевышнему, «а съ другой — непримѣтно знакомился съ неподражаемыми «красотами нашихъ священныхъ и церковныхъ книгъ, выкраженными сильнымъ и благозвучнымъ языкомъ Славян-

Т. III.

скимъ»^{*)}. Изъ этого одного показанія все становится яснымъ, что составляло отличительность ума, сердца, дѣйствій и всей жизни Князя П. А. Ширинскаго-Шихматова. Благочестіе, смиреніе и правдолюбіе хранилъ онъ неизмѣнно въ душѣ своей какъ наследственные блага. Въ простотѣ жизни и нравовъ, какою окружено было его дѣтство, онъ видѣлъ лучшее украшеніе дома. Ничто не могло отвлечь его отъ строгаго исполненія обязанностей Православной Вѣры. Языкъ и исторія отечества составляли любимые предметы его изслѣдованій: это было какъ бы священнымъ долгомъ его гражданскаго вѣрованія. Такие созрѣли плоды отъ патриархальнаго воспитанія въ семействѣ, гдѣ Господь благословилъ родителей девятью сыновьями и тремя дочерьми.

Князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ родился въ 1790 г. Смоленской губерніи Вяземскаго уѣзда, въ селѣ Дерновѣ. Четырнадцать лѣтъ поступилъ онъ въ Морской Кадетской Корпусъ Гардемариномъ. Въ назидательномъ разсказѣ своемъ, приведенномъ выше, онъ упоминаетъ о содѣственномъ семействѣ, которому Князь Сергій Александровичъ много обязанъ былъ въ умственномъ развитіи, а слѣдовательно и онъ самъ. Это — семейство Дарьи Ивановны Уваровой, матери нынѣшняго Президента Академіи нашей. Не безъ любопытства, но безъ участія останавливается вниманіе на безвѣстномъ уголкѣ, въ которомъ, посреди дѣтскихъ игръ, началось образованіе двухъ Министровъ Народнаго Просвѣщенія, одинъ за другимъ слѣдовавшихъ. Надобно предположить, что Князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ, прежде поступленія въ корпусъ, успѣлъ записать нѣкоторыми основательными знаніями, такъ какъ черезъ три года произвели его въ мичманы, удостоивъ особенной награды за успѣхи въ наукахъ. Въ 1816 году онъ испросилъ себѣ увольненіе отъ морской службы, въ которой между тѣмъ успѣлъ оказать, во время осады Данцига, въ 1812 и 1813 годахъ, замѣчательную храбрость, распорядительность и необходимыя знанія. Какъ ни былъ коротокъ этотъ періодъ его жизни, но въ немъ положено было начало многому въ его будущей судьбѣ. Молодой человекъ съ прекрасными началами нравственности, съ правильнымъ образованіемъ, съ горячею любовью ко всему отечественному, обратилъ на себя особенное вниманіе Президента Россійской Академіи А. С. Шишкова, который покровительствовалъ уже Князя Сергія

^{*)} О жизни и трудахъ Иеромонаха Анникты, въ мирѣ Князя Сергія Александровича Шихматова. Читано въ Императорской Россійской Академіи 29 Окт. 1838 г. Стран. 2 и 3.

Александровича, Члена Россійской Академіи. На этихъ отношеніяхъ основалось постоянство въ умственныхъ занятіяхъ, въ образованіи вкуса, въ направленіи мыслей и обработкѣ слога, — связь, въ послѣдствіи сильнѣе укрѣдившаяся.

Въ 1820 году Князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ снова вступилъ въ службу: его назначили Начальникомъ Отдѣленія въ Инженерномъ Департаментѣ. Четыре года провелъ онъ въ новой своей должности. А. С. Шишковъ, Высочайше призванный, въ 1824 году, къ управленію Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, назначилъ его въ Директоры Казанскаго Университета, должность, въ послѣдствіи отиѣненная при Университетахъ. Въ концѣ того же 1824 года, Князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ опредѣленъ въ Директоры Канцеляріи Министра Народнаго Просвѣщенія. Это было для него началомъ подробнаго практическаго изученія постановленій и администраціи того Министерства, въ которомъ онъ остался уже на всѣ послѣдніе годы жизни своей. Желая доставить ему мыслія занятія въ своемъ вѣдомствѣ, въ 1827 году А. С. Шишковъ исходатайствовалъ для него званіе Члена Главнаго Правленія Училищъ. Отсюда, при Князѣ А. К. Ливенѣ, въ 1830 году онъ поступилъ въ Предсѣдателя Комитета Цензуры Иностранной. Прежде окончанія трехъ лѣтъ послѣдовалъ Именной Высочайшій Указъ, которымъ Всемилостивѣйше повелѣно возложить на него управленіе Департаментомъ Народнаго Просвѣщенія. Въ началѣ 1842 года онъ облеченъ былъ въ званіе Товарища Министра Народнаго Просвѣщенія. Наконецъ, до истеченія осьми лѣтъ, Его Императорскому Величеству благоугодно было Князя П. А. Ширинскаго-Шихматова утвердить Министромъ Народнаго Просвѣщенія. И такъ почти тридцать лѣтъ гражданской службы своей онъ посвятилъ одному нашему Министерству. Можно безъ преувеличенія сказать, что въ это время ни одно дѣло по Министерству, ни одно предположеніе, ни одна перемѣна, ни одно постановленіе не совершилось безъ его непосредственнаго участія. Неутомимая дѣятельность, вниманіе, спокойствіе, опытность, примѣрная любовь къ труду, все соединено было въ немъ для изслѣдованія, соображенія и исполненія.

Многотрудныя обязанности, которыхъ ревностное исполненіе требовало постоянныхъ усилій и сосредоточенности занятій, не могли отклонить Князя П. А. Ширинскаго-Шихматова отъ другихъ трудовъ, составлявшихъ потребность христіански настроенной души его. Съ 1831 года до конца жизни своей, мыслію и дѣломъ, онъ принадлежалъ Императорскому Чело-

вѣколюбивому Обществу. Первые двѣнадцать лѣтъ онъ находился въ немъ какъ Членъ Комитета по ученой части. Съ 1831 года на него возложены обязанности Дѣйствительнаго Члена Совѣта. Въ отсутствіе Помощника Главнаго Попечителя Общества онъ избранъ къ исполненію его должности, которая въ 1846 году утверждена за нимъ какъ постоянная его обязанность. Во время болѣзни Главнаго Попечителя Общества Высочайше ему повелѣно назначать собранія Совѣта. Только въ 1850 году, когда должность Министра не оставляла уже ему нисколько свободнаго времени, онъ испросилъ увольненіе отъ званія Помощника Главнаго Попечителя Совѣта, сохранивъ однако же за собою пріятную для него обязанность Дѣйствительнаго Члена Общества.

Если мы къ всѣмъ этимъ обязанностямъ присоединимъ труды, какихъ требуетъ званіе Сенатора и Предсѣдательствующаго въ различныхъ Комитетахъ и Комиссіяхъ, то временно учреждаемыхъ, то постоянно занимающихся отдѣльными предметами по Министерству, конечно сдѣлается понятнымъ, отъ чего Князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ не могъ исполнить предаться учено-литературнымъ занятіямъ. Впрочемъ, судя потому, что онъ успѣлъ издать въ свѣтъ изъ своихъ произведеній, нельзя не согласиться, что онъ достигнулъ строгой точности выраженій, правильности и ясности оборотовъ, даже особеннаго рода убѣдительности рѣчи. Въ молодости онъ испытывалъ свой талантъ въ сочиненіяхъ стихотворныхъ, постоянно обрабатывая предметы, преимущественно занимавшіе нравственно-религіозную его душу. Одно изъ первыхъ его стихотвореній было напечатано въ 1822 году, подъ заглавіемъ: «Единоборство Челубея и Пересвѣта». На слѣдующій годъ явилась его «Ода на честолюбіе». Отъ 1824 года остались два его произведенія: «Кораблекрушеніе (подражаніе первой пѣснѣ Англійской поэмы—Море)» и «Измѣненіе природы, или слѣдствія паденія челоуѣка». Въ 1825 году, бывши Директоромъ Канцеляріи Министра Народнаго Просвѣщенія, по Высочайшему повелѣнію, сообщенному Гепераломъ отъ Артиллеріи Графомъ Аракчеевымъ, онъ перевелъ съ Французскаго языка сочиненіе Профессора Эрлангенскаго Университета, Доктора Гарля, подъ названіемъ: «Общее предначертаніе опеки для бѣдныхъ». Также въ 1828 году напечатаны его: «Опыты Духовныхъ Стихотвореній». Въ то время, какъ отъ Императорской Россійской Академіи выходило «Повременное изданіе», Князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, помѣстивъ въ немъ много своихъ

прозведеній, какъ то: «Оду на кончину Князя М. Л. Кутузова-Смоленскаго», два отрывка, прозою переведенные изъ «Ночей Юнга», «Преложеніе XII-го Псалма», стихотвореніе «Суета», «На смерть дочери», «На миръ съ Оттоманскою Портою въ 1829 г.», «На всерадостное рожденіе Е. И. В. Великаго Князя Михаила Николаевича», и нѣкоторыя другія. Два его сочиненія въ прозѣ обработаны съ особеннымъ тщаніемъ: «Похвальное Слово Императору Александру Благословенному», за которое въ 1831 году Россійская Академія поднесла ему золотую медаль въ 50 червонныхъ, съ надписью: «Приносящему пользу Россійскому слову», и «Похвальное Слово Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ». За экземпляръ послѣдняго, всеподданнѣйше поднесенный Государю Императору, авторъ удостоился получить Высочайшее Его Императорскаго Величества благоволеніе. Изъ академическихъ чтеній его напечатаны два: въ 1838 году «О жизни и трудахъ Іеромонаха Анникиты, въ мѣрѣ Князя Сергія Александровича Шихматова», и въ 1841 «Смерть Пресвященнаго Іосифа, митрополита Астраханскаго и Терскаго». Къ числу важнѣйшихъ учено-литературныхъ трудовъ его надобно по справедливости отнести, какъ уже упомянуто было, самое дѣятельное его участіе въ составленіи «Словаря Церковно-Славянскаго и Русскаго языка» и также «Опыта Областнаго Великорусскаго Словаря». Безъ его окончательнаго взгляда ни одинъ листъ не предавался печатанію.

Въ продолженіе тридцатилѣтней службы своей по Министерству Народнаго Просвѣщенія, Князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ постоянно и конечно съ истиннымъ удовольствіемъ видѣлъ, какъ ежегодно болѣе и болѣе выражалось къ нему и неотъемлемымъ его заслугамъ уваженіе высшихъ ученыхъ мѣстъ и учрежденій. Императорская Академія Наукъ и все Русскіе Университеты присоединили его къ числу своихъ Почетныхъ Членовъ. Въ Императорской Россійской Академіи, съ 1828 года, онъ былъ Дѣйствительнымъ Членомъ. Кіевская Духовная Академія и Санктпетербургская Медико-Хирургическая равнымъ образомъ внесли имя его въ списки Почетныхъ Членовъ своихъ. Сверхъ того ему присланы были дипломы на это самое званіе отъ Вольнаго Экономическаго Общества, отъ Московскаго и Рижскаго Обществъ Испытателей Природы, отъ Обществъ Исторіи и Древностей Московскаго, Одесскаго и Остзейскихъ губерній, отъ Высочайше утвержденаго Санктпетербургскаго, Курляндскаго и Казанскаго Обществъ любителей отечественной Словесности, отъ

Императорской Публичной Библіотеки и Археологическаго Общества. Наконецъ онъ избранъ въ Почетные Члены иностранныхъ Обществъ: Мюнхенскимъ Естественныхъ Наукъ, Афинскимъ Изящныхъ Искусствъ и Копенгагенскимъ Сѣверныхъ Антикваріевъ.

Князь П. А. Ширинскій-Шахматовъ, какъ мы видѣли, управлялъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія три года и восемь мѣсяцевъ. Первые четыре мѣсяца онъ носилъ званіе Товарища Министра, Управляющаго Министерствомъ, а остальное время—Министра. Два обзорнія различныхъ Учебныхъ Округовъ и Университетовъ, совершенныя имъ сперва по сѣверо-восточной, а потомъ по юго-западной половѣ Россіи, принадлежать къ числу примѣчательнѣйшихъ и полезнѣйшихъ трудовъ по службѣ. Онъ не оставилъ безъ вниманія ни одной части многосложнаго и разнороднаго устройства учебныхъ заведеній въ своемъ вѣдомствѣ. Въ послѣдніе два года замѣтно стало измѣнять ему здорѣе, на которое онъ привыкъ, можетъ быть, слишкомъ полагаться. Не смотря на видимый упадокъ силъ тѣлесныхъ, онъ до конца жизни не покидалъ своихъ занятій — и только въ послѣдній мѣсяцъ испросилъ у Его Императорскаго Величества дозволеніе отправиться за границу для поправленія здорѣя, чѣмъ, во всеобщему сожалѣнію, не успѣлъ воспользоваться. Кончина его, какъ и вся жизнь, была истинно христіанская. Не обольщаясь ничѣмъ земнымъ, онъ давно готовъ былъ къ переселенію въ вѣчность.

2.

Н. А. Катенинъ.

Въ нынѣшнемъ же году, Отдѣленіе Русскаго языка и словесности лишилось одного изъ Почетныхъ Членовъ своихъ. 23 Мая, въ деревнѣ своей, въ Костромской губерніи, на 61 году жизни, скончался Павелъ Александровичъ Катенинъ, отставной Генералъ-Маіоръ. Онъ родился 11 Декабря 1792 года. Отъ природы получилъ онъ много блестящихъ даровъ, которые съ его молодости привлекли къ нему вниманіе замѣчательнѣйшихъ его современниковъ. Онъ обладалъ самую счастливою памятью, живымъ воображеніемъ, тонкимъ и острымъ умомъ, врожденнымъ вкусомъ и твердымъ, благороднымъ характеромъ. Любовь къ просвѣщенію и постоянство въ изученіи всего прекраснаго обогатили душу его разнородными познаніями, придавши необыкновенное движеніе и силу умственнымъ его способностямъ. Онъ былъ поэтъ не только въ стихахъ,

во и въ разговорѣ и въ дѣйствіяхъ. Въ числѣ немногихъ изъ писателей нашихъ онъ рано почувствовалъ необходимость пользоваться въ Русскомъ языкѣ тѣми разнообразными красками, которыя сообщаются ему искуснымъ сліяніемъ нарѣчій стариннаго и новаго, книжнаго и устнаго. Эта свобода ловко управляться съ понятіями и оборотами въ сочиненіяхъ равнялась только съ непринужденнымъ и мѣткимъ его разговоромъ. Изъ иностранныхъ языковъ онъ вполне владѣлъ не только Французскимъ и Нѣмецкимъ, но и Итальянскимъ, Испанскимъ, даже Латинскимъ. Понятно, какими сокровищами они обогащали умъ и воображеніе жаднаго къ дѣятельности поэта.

П. А. Катенинъ рано поступилъ въ службу. До осьмнадцатилѣтняго возраста онъ находился въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, а въ 1810 году перешелъ португей-прапорщикомъ въ Преображенскій полкъ. Черезъ десять лѣтъ его пожаловали въ полковники. Блестательною эпохой службы его была война 1812 года. Онъ участвовалъ въ сраженіяхъ при Бородинѣ, Люценѣ, Бауценѣ, Кульмѣ и Лейпцигѣ. Храбрость была такимъ же врожденнымъ его качествомъ, какъ и быстрота умственная въ дѣлахъ литературныхъ. Время, проведенное имъ въ Петербургѣ до первой отставки, исключительно посвящено было поэзіи. Жуковский, Пушкинъ и другіе писатели этого славнаго періода составляли общество его, участвуя въ его занятіяхъ. Къ драматической поэзіи онъ чувствовалъ особенное влеченіе. На здѣшнемъ театрѣ онъ еще засталъ въ полномъ блескѣ Семенову и Яковлева, которые разыгрывали трагедію «Эсфирь», переведенную имъ александрійскими стихами изъ Расина. Изъ него же онъ перевелъ «Баязета». Важнѣйшая заслуга его драматическому въ Россіи искусству состояла въ образованіи знаменитаго Каратыгина, съ которымъ онъ во всю жизнь оставался въ дружескихъ сношеніяхъ. Изъ собственныхъ его сочиненій для театра извѣстны: «Андромаха», трагедія въ пяти дѣйствіяхъ въ стихахъ, и «Пиръ у Іоанна Безземельнаго», прологъ, написанный для драмы Князя А. А. Шаховскаго «Ивангой», который въ 1821 году былъ здѣсь на театрѣ представленъ вмѣстѣ съ драмою. Изъ Корнеля онъ перевелъ «Сиду» и четвертое дѣйствіе «Горациевъ». Еще болѣе трудился онъ для комической сцены. Имъ переведены: «Les fausses confidences» Мариво, подъ заглавіемъ «Обманъ въ пользу любви», «Le Méchant» Грессета, подъ названіемъ «Слетни» и еще слѣдующія три комедіи: «Недовѣрчивый», «Говорить правду потерять дружбу» и «Нечаянный Закладъ».

Десять лѣтъ П. А. Катенинъ прожилъ у себя въ деревнѣ. Въ одиночествѣ сосредоточиваются мысли, и умъ созрѣваетъ. Но прелесть и очарованіе искусства, особенно драматическаго, нигдѣ такъ не ощутительны, какъ въ столицѣ. Поэтъ нашъ задумалъ было дописать тамъ начатую здѣсь комедію, подъ названіемъ «Вражда и Любовь», но не могъ, и напечатать только отрывокъ изъ нея, вотъ что самъ сказалъ: «въ драматической поэзіи вообще нельзя упражняться съ усердіемъ и успѣхомъ иначе, какъ въ присутствіи театра и «публики, всего менѣе въ комическомъ родѣ». Въ замѣтъ того, глубоко и художнически вдумываясь онъ, какъ критикъ и какъ поэтъ, въ правила и въ исторію литературы. Его «Размышленія и Разборы», въ которыхъ замѣчательная начитанность и остроумныя соображенія безпрестанно наводятъ читателя на новыя мысли, могутъ служить образцами критики. Они помѣщены въ «Литературной газетѣ» Барона Дельвига, издававшейся въ 1830 году. Авторъ, въ теченіе одного года, изложилъ замѣчанія свои о слѣдующихъ предметахъ: 1) объ изящныхъ искусствахъ, о поэзіи вообще и о поэзіи Еврейской, 2) о поэзіи Греческой, 3) о поэзіи Латинской, 4) о поэзіи новой сначала, 5) о поэзіи Итальянской, 6) о поэзіи Испанской и Португальской и 7) о театрѣ.

Въ 1832 году П. А. Катенинъ былъ опять въ Петербургѣ. Въ это время явилось собраніе «Сочиненій и Переводовъ» его въ двухъ частяхъ, изданное Николаемъ Ивановичемъ Бахтинимъ, который въ небольшое предисловіе свое внесъ много тонкихъ и основательныхъ замѣчаній объ авторѣ. Нельзя не пожалѣть, что въ это собраніе не вошло все, написанное поэтомъ. Изъ драматическихъ его произведеній помѣщены здѣсь: 1) Пиръ Іоанна Безземельнаго, 2) Отрывокъ изъ комедіи «Вражда и любовь», 3) Два четвертыхъ дѣйствія «Горациевъ» и «Меденъ», Разказъ Терамена изъ «Федры» и три отрывка изъ «Гоеолинъ: первое явленіе, сонъ ея и хоръ четвертаго дѣйствія. Прочихъ переводовъ и собственныхъ его трагедій, особо прежде изданныхъ, здѣсь нѣтъ. Особенно надобно сожалѣть, что сюда не внесена проза. Въ слѣдующемъ году Императорская Россійская Академія избрала П. А. Катенина въ число Дѣйствительныхъ своихъ Членомъ, и онъ вскорѣ отправился на Кавказъ, поступивъ въ Эриванскій Карабинерный полкъ. Въ 1836 году его назначили Комендантомъ въ крѣпость Кизляръ. Черезъ два года онъ, въ чинѣ Генералъ-Маіора, вышелъ снова въ отставку, переѣхалъ опять въ свою деревню, гдѣ и провелъ остатокъ жизни своей. Все,

что только можно было собрать лучшаго на новѣйшихъ Европейскихъ языкахъ, и что оставилъ въ наследство каждому истинно-образованному человѣку древній классическій міръ, все было соединено въ его бібліотекѣ. Такимъ образомъ не удивительно, что въ этой бесѣдѣ съ нѣмыми, но краснорѣчивыми друзьями, поэтъ не захотѣлъ снова оторваться отъ своего удивленія.

3.

М. Д. Резвый.

Изъ числа Корреспондентовъ своего Отдѣленія Русскаго языка и словесности въ нынѣшнемъ году утратило Инженеръ-Полковника Модеста Дмитріевича Резваго, Вице-Директора Строительнаго Департамента Морскаго Министерства. Онъ скончался 7-го Сентября на сорокъ седьмомъ году отъ рожденія. Образованіе свое получилъ онъ въ Главномъ Инженерномъ училищѣ, и въ концѣ 1825 года опредѣленъ на службу въ адъютантскую Инженерную команду. На слѣдующій же годъ ему поручено было преподаваніе исторіи въ верхнихъ классахъ того училища, откуда онъ такъ недавно вышелъ. Въ 1833 г. М. Д. Резвой, по Высочайшей волѣ, командированъ къ Хронометрической Экспедиціи, отправленной въ Балтійское море подъ начальствомъ Генерала Шуберта. Съ 1837 до 1849 года онъ состоялъ, какъ чиновникъ гражданской службы, въ Инженерномъ Департаментѣ, и въ 1846 году, съ Высочайшаго соизволенія, былъ командированъ въ крѣпость Нарву для обозрѣнія на мѣстѣ существующихъ тамъ зданій, примѣчательныхъ своею древностію, и для содѣйствія при составленіи полнаго проекта на исправленіе происшедшихъ въ нихъ поврежденій. За три года до кончины своей онъ былъ переименованъ въ полковника по Корпусу Инженеровъ Морской Строительной части.

Науки точныя, на обрабатываніе которыхъ онъ преимущественно посвящалъ ученые труды непродолжительной жизни своей, не воспрепятствовали ему внимательно и съ любовью изучать изящныя искусства. Особенно глубокія свѣдѣнія приобрѣлъ онъ въ музыкѣ, какъ съ практической, такъ и теоретической стороны. Его эстетическія способности обратили на него еще въ 1839 году вниманіе Императорской Академіи Художествъ, которою онъ тогда избранъ въ Почетные Вольные общники. Отдѣленіе Русскаго языка и словесности, приступивши въ 1842 году къ составленію «Словаря Русскаго и

Церковно-Славянскаго языка», поручило М. Д. Резвому обработку всѣхъ словъ, относящихся къ музыкѣ. Въ Отчетѣ Отдѣленія за 1843 годъ, объ этомъ предметѣ находимъ слѣдующее извѣстіе: «М. Д. Резвой со всѣмъ усердіемъ принялся за полезное и столь новое у насъ дѣло. Сравнивая объясненія музыкальныхъ терминовъ, помѣщенныхъ въ Словарѣ Французской Академіи, съ нынѣшнимъ состояніемъ теоріи музыки, онъ увидѣлъ, до какой степени было бы недостаточно это пособіе для добросовѣстнаго исполненія дѣла. И такъ онъ рѣшился, вмѣсто переработыванія статей, внесенныхъ въ корректурные листы нашего Словаря, постепенно составлять отдѣльный Словарь музыки, который, къ большому удовольствію Отдѣленія и къ общей пользѣ Русскихъ литераторовъ, онъ уже успѣлъ кончить и представилъ въ Отдѣленіе».

Ученый трудъ М. Д. Резваго заслужилъ справедливое одобреніе Отдѣленія, которое тогда же избрало автора въ число своихъ Корреспондентовъ. Соображенія сочинителя и самыя основанія, на которыхъ онъ утвердилъ составленіе своего Словаря, изложены имъ въ письмѣ къ Предсѣдательствующему. Теперь конечно самый приличный случай повторить подлинныя слова составителя: «По всѣмъ отраслямъ просвѣщенія — говорить онъ — во 1-хъ — существуютъ, въ бѣльшемъ или меньшемъ изобиліи, на Русскомъ языкѣ теоретическія сочиненія. По одной только музыкѣ, какъ въ художественномъ, такъ и въ ученомъ отношеніи, языкъ нашъ не имѣетъ почти никакихъ прочныхъ основаній. То, что до сихъ поръ было издаваемо по этой части, содѣйствовало, можетъ быть, къ водворенію и распространенію понятій о музыкальномъ искусствѣ въ нашемъ отечествѣ; но Русская терминологія музыки, подавляемая выраженіями и формами, заимствованными безъ разбора у Французовъ, Итальянцевъ и Нѣмцевъ, нерѣдко вовсе несвойственнымъ духу нашего языка и здравому смыслу, получила какое-то чудовищное безобразіе и неопредѣлительность. Два весьма хорошіе музыканта могутъ по-Русски говорить о музыкальномъ предметѣ, имъ обонимъ совершенно знакомомъ и непонимать другъ друга, единственно по несходству терминологій, которымъ каждый изъ нихъ слѣдуетъ. Во 2-хъ — продолжаетъ авторъ — по отвлеченности музыкальныхъ понятій, такъ какъ они относятся къ искусству самому идеальному, оказывается иногда затруднительнымъ сдѣлать краткое опредѣленіе какаго либо слова по части музыки безъ нѣкотораго описательнаго дополненія или объясненія. Въ 3-хъ, Русскіе имѣютъ большію склонность, можно даже сказать — врожденную

на · и како грѣшникъ · ли оставленъ бываетъ · ли млчить
паки · овъ оубо овамо хранимъ · овъ съде оуврачеванъ · и
како правдыникъ · ли злыо страждеть · искушанъ · ли добро
примыкъ хранимъ · аще съмѣренъ есть мыслы · и не зѣло
прѣвѣшно видимыи · и яко съвѣсть оучитъ етера · отъ сенъ
свои · и нелъжно сѣдйше · что извѣ си · и отъкѣдоу ·
коб · добродѣаннъ ли обличенъ · или злыобъ млченинъ · и
яко лѣче бы мжкомъ съмѣритиса · аще и не тако имать · и
подъ крѣпкѣмъ ржкѣмъ бжню · поклонатиса · нежели искушени-
къмъ възвостиса · семоу оучимъ · и накажемъ не зѣлѣ о бывъ-
шнѣ извѣ · тжкити намъ · ли въ зѣлѣмъ глѣбинѣмъ выпадавшемъ
не родити · есть бо нѣ · и таковъ образъ грѣхоу въ многыи ·
нѣ правитиса достѣтъ противѣмъ казаннѣ · а не болѣшамъ
казни · прѣзываетъ · нерода ради · зѣлѣ погрѣхъ земн · и
плодомъ пагоуба · какоже нѣсть зѣло · надѣаннемъ веселашемъ
нѣ · и къ гоумномъ приближащемъ · и зѣло безъ вѣрмене
пожыенне · троды оумилжжн¹⁾ са: ~ И яко мртвѣхъ
етерѣхъ · присѣданн²⁾ житѣхъ · яже дѣждъ тихъ · въздра-
сти · и лють пожа · нѣ же не исплѣти ржкы свои · жнны ·
ни крила своего събирати ржковати · ни блѣсловлении оуоучи
отъ нѣ · кже въздажѣ дѣлателѣмъ · мноходоше · и ви-
дѣннъ оказано · земли просираждена · и острижена · свои
красоты · не имъши · ко же плачетьса блаженъ юмъ ·
истѣлѣннъ земли · и гладныа · страсти · яко нѣкъ иже
нѣ · прѣвѣи красотѣ · послѣднѣмаго запоустѣннѣмъ прилагаа ·
въ нѣхъ же о гнѣвѣ гнѣ гнѣ рече · съкроушажжѣ землю
прѣднѣма нѣ · рече · яко ранъ шѣа · а заднѣма · кмоу · полнъ
просиражденинъ · зѣла оубо си кнѣцъ зѣломъ · и яко съща
тѣмъ оскрѣблжжѣти си чювства · понжже яко се въ недѣ-
зѣхъ · оскрѣблжжѣша · присно иза · не принѣдшѣ · не ж · лющннѣ
есть · горышнѣ³⁾ · яже снхъ гнѣва бжннѣ · съкровища дръжати
въ себѣ · Имъ же да не бѣдетъ намъ · искшенинѣ приати ·
ниже имате приати къ милосрдыствнѣмъ бжнемъ · прѣбѣгажѣ ·
и изволителя милости · слъзани проводашей · прочеи гнѣва ·
показаниемъ отвращажѣ · Еще кротость си · и чювколю-
бннѣ · и показанинъ тихо · и писмена извѣ · младенество · на-
казажѣ · еще дымъ гнѣва · мжкамъ прѣдхода⁴⁾ · а не ж ·
огнь запалиа · Съвршенинъ начаткѣ · нѣ оугли · разгарж-
щеса · послѣднѣма · рана · кже ово запрѣти · а дргомъ

оудржа · ово ноуждеж · оудржа · ово наведе · такожде и
извѣмъ показаа · и запрѣщеннѣмъ · и пжтъ твора гнѣвоу ·
свои · за прѣмногуюж · благость · отъ малыи оубо начи-
наа · яко да не бы потреба была болшыи · Аще къ тѣмъ
нѣждѣнъ бѣдетъ · вѣдѣ оцѣшено оржкн · и пжтитъ мочъ на
небеси · същи · оукарати · бещадѣствовати повелѣнъ · и до
плѣти и мозгъ · и костнѣи и нещадѣти · вѣдѣ яко медвѣди
извѣна · безгнѣвнаго · и яко рысицю · сѣрѣтажжѣ · на
пжти ассуриа · не тыданыи тѣкѣмъ · ~ И аще и кто есть
нѣнѣ · злыобж асурнѣ · и не възможно есть · оубѣжати
дръжавнѣи снаготы гнѣва его · егда оубоудитиса на нечѣстнѣ
наша · и врагы его гонитъ рѣвненъ · исти вѣды противнѣма ·
вѣдѣ истрасаннѣ и въстрасаннѣ · и възвѣрѣннѣ · и срѣцю ·
извѣ · и ослабленнѣ колѣнома · и таковы съща нечѣстнѣннѣ
казни · оставлю бо глѣти и същамъ · Оубѣмъ оправданинѣ ·
ни же нѣнѣннѣнѣ щадѣннѣ прѣданъ · яко лоуче бы бѣмо ·
нѣнѣ показатиса · и оцѣститиса · а не вънѣгда бѣдетъ малѣ
вѣрмѣ · а не оцѣщеннѣ · ~ И яко бо съмрѣти лоучеи есть ·
пѣмнѣи съде бѣи · и добрѣ стѣмъ се дѣомъ реченъ · кетъ · яко
нѣсть същдѣннѣмъ въ гробъ · исповѣданнѣ · ни исправленинѣ ·
затворѣ бѣ бѣ съде · и житнѣ · и дѣаннѣ · тамъ же съдѣ-
аннѣмъ испытаннѣ · что сътворимъ въ тѣ днѣ · наведеннѣ ·
якоже страшитъ ма етеръ отъ пророкъ · или правдыннѣннѣ
словомъ · бжнемъ къ намъ · ли къ горамъ и хлѣмомъ · еже слы-
шахомъ · ли етеромъ нѣнде · кде бызвѣшемъ · егда обличатъ
нѣ · и противѣмъ · стоить · прѣдъ · лица нашнѣи · поставлжжѣтъ
грѣхъ · лютыа обличннѣннѣ · аже добропримыи · безаконно-
вахомъ · противѣмъ поставлжжѣ · и мыслѣ · мыслѣ · изва · и
дѣаннѣмъ · дѣаннѣи права · и образу · истазжа · чѣсть · злыобж
възмѣщенъ · и разнѣшенъ · послѣднѣмъ · отъводитъ · а · себѣ
зазиражѣ · оскрѣжденнѣмъ · и не яко бес · правды · страждемъ
рѣца · могжша · кже съде · стражджжннѣннѣ · есть · довольно · въ
оутѣшеннѣ · оскрѣжденнѣ · овамо же · кѣто · помощннѣ · кѣ · мж-
дрость · кѣ · лѣжъ · отъвѣтъ · кон · хлѣдожство · оучениннѣ · кѣ · ннѣ ·
прѣмннѣннѣ · противѣмъ · правды · ставъ · избѣгнетъ · сѣ · мѣ-
ща · и оукрадетъ · правы · сѣ · ждѣ · бжннѣ · въ · сѣ · мѣ · въ · мѣ ·
ри · ла · поставлжжѣ · и · дѣ · аннѣ · и · сл · о · в · е · с · а · и · пом · ш · л · ннѣ ·
и · противѣмъ · ставашю · зѣ · лн · ннѣ · добрѣ · ш · амъ · да · кже · прѣ · та · г ·
нетъ · побѣ · дитъ · и · съ · пра · г · шннѣ · причѣ · теннѣ · бѣ · дѣ · ть ·
нѣ · сть · по · хоти · ни · сѣ · днѣ · въ · шнѣ · ни · отъ · вѣ · та · въ · т · рннѣ ·
дѣ · гнѣ · ни · ол · г · а · отъ · м · дрѣ · гнѣ · дѣ · в · ли · отъ · прода · ю · щннѣ ·
сѣ · ждѣ · ннѣ · свѣ · тннѣ · ннѣ · комъ · не · рас · ка · заннѣ · бо · га · то · у · моу ·
пла · меннѣ · та · ж · цю · и · сво · имъ · сн · ис · к · ж · е · ис · пра · в · лннѣ · ни · не

1) Это я переправлено изъ и (ш).

2) Тоже переправлено изъ и (ш).

3) Это я переправлено изъ буквы и (ш).

4) Здѣсь и (ш) переправлено изъ ѣ (ѣ).

время нарочито потворению · нъ и едино · и послѣдъникъ · и страшно сѣднице ¹⁾ · и правдынѣ паче · ли елико при-
страшно · паче же сего ради и страшнѣн · занъ и правды-
но · въ тогда же и прѣстоли · прѣдъстануть · и ветхъ дньми
садеть · и кнѣги разгънѣтса · и рѣка огньна потечеть и
свѣтъ прѣди и тьма оуготована и помѣтъ створьшен благага
въ въскрѣшенне жизни · и таащиса нънѣ ѿ хъ · и послѣдъ
мвлюющеса ²⁾ съ нимъ · а творьшен зламъ въ въскрѣше-
никъ сядоу · имъ же словесемъ сѣдъшомоу нѣмъ · невѣро-
вавшем · ослъженн бмша · и ови ихъ · не издреченъ примѣтъ
и стѣн прѣсѣти тройци видѣникъ · снмѣжши · мѣстѣ же и
чистѣ · и все и всемъ оумомъ · сѣмѣшажщиса кже и паче
азъ прѣство нбснокъ нарицажъ · а другыа съ нѣмѣ мѣжамъ ·
паче же прѣжде нѣхъ · кже кромѣ бѣ бмти · и срамота сѣ-
щна въ свѣстѣ ³⁾ · коньца ⁴⁾ нѣжши · и си оубо послѣдъ · нѣ-
нѣ же что створимъ братне съкроушени · и сѣмѣрени · и
пигани не ѿтъ творена пѣва · ни отъ вина оупамажща въ ма-
лѣ · и омрачажща · нѣ отъ извѣн · кже наведе хъ глѣ · и ты
срѣдце потрасиса · и подвижиса · и напѣла неродивъа ·
дѣа печальна · и оумилкниа · къ нимъ же и глѣтса · видите
неродиви · и призрьте · и оудивитеса чюдесемъ · и ищезнѣ-
те · како понесемъ обличениа кго · ли кѣн отъвѣтъ дамъ ·
ѣгда о множествѣ благодѣаннѣмъ · о немъ же не възблагодъ ⁴⁾
ни бмхомъ · еще и извѣн · намъ поноситъ · и начитаеть врачества ·
ни же мы не оуврачевахомъса · и чл ⁵⁾ оубо · нѣ порочна на-
рицаа глѣтъ · и сынъ же въ тоужда · и охромъша ѿтъ стѣзъ
своихъ · за бесплѣтнѣн · и непротлеченин · како подобаше · и
отъглагоу бѣ показати въ · и не показяхъ · мажъчаншши
врачеваними навѣсъ · Оставихъ егуптскѣю крѣвъ шемѣ ·
отъ источникъ · и рѣкъ · и всего събора ⁶⁾ водѣ · прѣвѣю извѣ ·
оставихъ жабы имъ шна ⁶⁾ · и пѣсиа моуу · прочаа раны
отъ скотъ же и воловъ · и овьцъ · начахъ · патѣжъ азвѣ · и
въ скотѣхъ казнѣвахъ и начахъ · мнѣслнѣа шадѣ · ничъ же
противѣ вамъ морь · нѣ бмсте ми и извѣннѣхъ скотъ пѣс-
мыслѣнѣше · и неказанѣше · и оудръжахъ ѿтъ васъ
дѣждь · дѣлъ единъ одѣжденъ бмсть · и дѣлъ его же не одѣ-
ждихъ нѣше · и рѣсте мѣжа нѣмъса · навѣсъ на въ градъ ·

¹⁾ Второе и очень подчичено, какъ будто его хотѣлъ уничтожить переписчикъ.

²⁾ Здѣсь и почти совершенно выскоблено.

³⁾ Это і есть и, только вторая перпендикулярная черта стерта.

⁴⁾ Буквы дѣ написаны по подчиченному.

⁵⁾ Подчичено а.

⁶⁾ Вычищена здѣсь черточка, которая съ ѣ образовала ѣ.

деватѣю извѣ показал · Виноградъ вашъ · и лоугы ¹⁾ ваша ·
и жита ваша побихъ · и зълбы ваша не истрѣтъ · — ра-
зоумѣжъ тако жестокъ еси · и жила желѣзна въа твоа · си
речеть къ мнѣ · ненаказакмоуоу · ни ранами · ни прѣщени-
мъ · отъмѣталисѣ отъметантъ · безаконнѣа и безаконноуеть ·
ничъже въше показаниа · ничъже раны · оскѣдѣ дѣмън ·
оскоудѣ слово · таже неремимъ · прѣжде поноситъ · въсоуе
сѣреброклепчи · сѣребро клепкъ · зълбы ваша не истаи-
ши · Е(г²)да ма прѣщрьте глѣтъ гѣ · гнѣвна · или не можетъ
рѣка моа и нѣхъ · навести ранъ отъ мене · и прыщнѣи възга-
ражщеса · отъ пещнаго попела · его же възмѣтаа на небо мѣси ·
наведе на на осыпъ · ли иже тако онъ слоуга · бжню повелѣ-
нню · показантъ недѣгомъ егупта · пакы и прѣжы · тьмоу
осажью · и послѣднѣа изва чиномъ · прѣваа же болѣзнию
и силоу · прѣвѣннѣемъ · морь же и пагоуба · кѣ же тако оубѣ-
жати · и възвратити · гоубители · сице есть помазати оумъ-
нѣа прагы · лоуче разоумомъ и дѣаннѣмъ · великѣмъ и спа-
сѣнѣмъ печатѣмъ · крѣвию новааго заветѣ · Съ дхомъ ³⁾ рас-
пинаеми и оумиражще · тако и съ нимъ · въскрѣснѣти и про-
славитса · и сѣпрѣствовати · Нънѣ же и ⁴⁾ послѣднѣмъ ·
мвнни · его · нѣ не съкроушити са · ни сѣтрѣтса · ни плака-
тиса · изващю нѣ невидимо · и въ тьмѣнѣмъ и лоукавнѣемъ
житни семъ · и оубиамѣжцю намъ прѣвѣнѣца · и боу жрѣмъ ·
и животоу нашему · ищадни · и дѣванниа · да не бѣдѣтъ
ми · съ нѣмѣ изваами · и си поносима · отъ благааго бѣ ·
градѣщаго къ мнѣ · гаростию странъ · за мѣк прѣстраннѣннѣ ·
поразитъ въ · иктрѣмъ · и раждѣженнѣмъ · и ислаблѣннѣ-
емъ · и ничъже болѣ бмсть · извѣноу бѣщадѣствоватъ въ ·
орѣжнѣмъ · и ни такоже обратитеса къ мнѣ глѣтъ гѣ · да не
бѣдѣтъ виноградъ възлюбленному · по насаажени и опло-
томъ · и стлѣпѣмъ · и всемъ оутвѣрждѣноу бмвшю · иже бмсть
паче не рѣзю · и трѣно плоднѣ · и сего ради небрѣ-
гомъ · тако разоритса стлѣпоу и отъатиса оплотоу · и не
обрѣзаноу бмти · нѣ всемъ въ расхѣщенне и обще дѣса-
жденне · и пощранин · сице оубо мое слово и страхъ и тако
азъ негодѣю къ извѣ · и такожъ ся молю молитвою · кже и
приложѣ къ речѣннѣмъ · Сѣгрѣшнѣомъ · Безаконнѣовахомъ ·
Нѣчѣствовахомъ · Ико забмхомъ дѣла твоа · и въ слѣдѣ
помышленниа нашего и домъ зѣлаго · Ико недостойно зѣва-

¹⁾ Это і въ ѣ вставлено послѣ.

²⁾ Эта буква і вычищена.

³⁾ Буква ѡ вычищена, и такимъ образомъ вмѣсто доужомъ можно читать *аристомъ*.

нию · евангѣлія хѣ твоего жихомъ · и сѣхъ его мѣкъ · и сѣтрениа его, еже по насъ; ꙗко бѣхомъ поношеніи възлюбленѣмоу твоему · и ерен · и людинъ · сѣвратихомъса въкупѣ · вси оуклонихомъса · абіе неключимъствовахомъ · нѣсть творащаго сѣда и правды · нѣсть до единого · затворихомъ щедроты твои · и чѣлолюбие твое · и ¹⁾ жтробѣ милости бѣ нашего за зѣлобѣ нашѣ · и лѣкавство начинаникмъ нашимъ · съ ними же жихомъ · Ты благъ · нѣ мы беззаконновахомъ · ты благолюбивъ · нѣ мы ранами достонші · сѣвѣмъ ти благость · ибо и неразоумьливи сѣще · мало о нихъ ²⁾ сѣгрѣшихомъ · тепени бѣхомъ · нѣ и страшнѣ еси · и кто противѣ тебѣ стаетъ · трепеть примѣтъ горы · и величеству юмъща твоя · кто въспротивитъса · аще затвориши ꙗко · кто отъвръзеть · и аще отъвръзеша хлѣби · кто оудръжитъ · лѣгко очима твоима · оубожити · ли обогатити · живити · и оумръвити · поразити · и испѣлити · и воля твоя дѣланіе естъ сѣвршено · Ты погнѣваса и мы сѣгрѣшихомъ · гнѣтъ етеръ дръвниихъ · исповѣдася · Мнѣ же и обращши слово рещи вѣрѣма естъ · Мы сѣгрѣшимъ · а ты разгнѣваса · сего ради бѣхомъ поношенію · сѣсѣдомъ нашимъ · отъврати лице свое · и досажденны испльнихомъса · нѣ · прѣстани гѣ · Остави гѣ оцѣсти гѣ · и не прѣдаждь насъ до коньца · за беззаконны наша · ❧ Ни нашимъ покажи яны · ранами · лоуче бѣ намъ · ни ихъ ранами показатиса · кѣмъни отъ сихъ · азъкъ незнающа ³⁾ тебе · и дрѣствіи ⁴⁾ · ꙗже твоеи дръжавѣ не (и ⁴⁾ повнѣшася · мы же людне твои · гѣ · и жѣзгъ достонны твоего · сего ради покажи ны гѣ · обаче блгостнѣж · а не яростію твоею · да не мало насъ створиши · и паче всѣхъ жпвѣщійхъ · на земли оукорены · Сими словесы азъ ищѣ милости · аще бѣ и олокѣutomаты · ли жртвами молити огнѣвѣ · ни сихъ оубо бѣмъ пощадѣлъ · вы же и сами оуподобитеса страшивѣ сѣтителю · емъ · емъ · чѣда възлюбленая · емъ · бѣжю причастничи · и оученію · и чѣлолюбію · сѣтажите дѣша слѣзаями · и оуставите гнѣвъ · лоучыша створыше начатѣкы вѣша · оѣтите пощеникъ · проповѣдите испѣление · си повелѣваетъ вамъ съ нами · Иомль · блаженъ · Сѣберѣте старьца · и младенца сѣсѣцаи сѣсѣца · тѣло растомъ мало · и паче бѣжю чѣлолюбію достонно · Вѣдѣ же и азъ ꙗже и мнѣ рабу бѣжю · и вамъ повелѣважтѣся · и сѣподобльшимъса тожде

1) Зѣсь вычищено в.

2) Это і переправлено изъ ѣ.

3) Тутъ і вставлено послѣ.

4) Вычищено почти.

Т. III.

славѣ · вѣнѣти въ вѣрѣтнице · и плакатиса днь и ноцъ · между крипидож и олтарежъ · окаяномъ образомъ · окаянѣишемъ гласомъ · въпиюще · непрѣстанно · себѣ же ради и людинъ · нещадащемъ · ничесо же · не троуда · не словесъ · ими же бѣ милостивѣ бѣваетъ · Пощади гѣ людинъ свои глѣща · и не подаждь достонныи своего въ поношеніе · и елико прочее молитвѣ · толѣкъ имѣща печалъ · еликъ и чѣсть · собою оучаще людинъ къ сѣжрению · и зѣлобѣ исправленію · и послѣдствѣющее снѣ · божие трыпѣние · и оудръжаніе ранами · придѣте оубо вси братие · и поканѣмъса емоу · и припадѣмъ емоу · и въсплачимъса прѣдъ гнѣ · створышимъ ны · поставимъ общѣ плачь на сѣврести · и роды раздѣлѣшеса · възнесѣмъ гласъ молитвѣнъ въ мѣсто ненавидимаго емоу · въплѣ · съ въ оуши гѣ саваоа · възнесѣмъ · варимъ его гнѣвъ · исповѣданиимъ · въсхожимъ его видѣти · ꙗкоже гнѣвна · тако и прѣлагаема · кто вѣсть рече · аще обратитъса · и раскаетъса · и оставитъ за собожъ блгословеніе · вѣдѣ се ꙗвѣ · Азъ бѣжю чѣлолюбѣжъ поржчѣннѣж · и е ¹⁾ же обѣчанимъ · нѣсть въ немъ · си рѣчь гнѣва · се ²⁾ оставѣ на обѣчанъ свои · обратитъса си рѣчь на милость · на оно бо нами ноудитъса · а къ сему оустрымѣнны имать и аще ³⁾ извѣтъ ноудимъ · ꙗко не испѣлитъ ли обѣчанимъ своимъ · тѣкъмо сами са помилоуимъ · ❧ Правдѣноуи бѣжю милосрдію · двѣри отъвръзѣши ⁴⁾ · въсѣимъ слѣзаями · да радостію пожнеть · бѣдѣмъ нинѣвгитѣне · а не содомляне · испѣлимъ зѣлобѣ · да не зѣлобѣжъ коньчаетъса · ❧ Послушаймъ нонѣ проповѣдающа · да не огнемъ и жпелѣгъ · потопляни бѣдемъ аще изыдемъ отъ содомъ · нѣмъса горы · прѣбѣжимъ въ сигоръ · въсходящѣ слѣвнѣжъ · видѣмъ въ нѣ · не станѣмъ въ всенъ странѣ · и ⁵⁾ тои не озримъса · въспать · да не бѣдемъ тѣло сольно · Тѣло оубо бесмъртно · и оукоръ дѣи · въ зѣлобѣ · обрашѣжнѣса · разоумѣннѣж · ꙗко еже не сѣгрѣшити болѣ чѣбъ то естъ · и единому бѣоу · оставляю бо о ангѣлѣхъ чѣго глѣти · не дадимъ вѣрѣмене грѣхомъ · и двѣри не отъвръзѣмъ зѣломъ отъвѣтомъ · неисцѣльно бо зѣлѣи и противнѣи вещи · и дѣемъни отъ нѣа · а еже сѣгрѣшающимъ · обратитъса чѣкомъ естъ · нѣ разоумномъ и части сѣсѣнны · аще бо и прѣсть влѣчетъ чѣто отъ зѣлобы · и земное тѣло таготитъ · оумъ · выспрь възводитъ · ли выспрь възноситъса ⁶⁾ · сѣтворенъ · нѣ

1) Лице написано по чѣшевому.

2) Переправлено изъ н (и).

3) Почти вычищено.

4) Передъ са было прежде написано ѣ, но послѣ подчищено, чтобъ превратитъ въ н или і.

образъ да оцѣняетъ брѣниѣ и въспрь да полагаеть · съврѣсть-
лицѣ плѣть · словесьными крыльи въздвиженѣ · люче оубо
бѣ ни потрібовати такового оцѣненія · ни оцѣститиса ·
въ прѣвѣи прѣбывающеи вагъ чѣсти · въ нюже и подызаемъ-
са · отъ сего казанія · ни отъ дрѣва животнаго отыпати ·
горькимъ въкоушеніемъ грѣха · люче же не казноватиса съгрѣ-
шающимъ · нѣ обратитиса съгрѣшающею · кто же любить
гѣ · показаеть и · и оче ксть показаніе · дѣла же всака ·
ненаучена неоврачевана · тѣмъ же не ранѣи приати зѣло ·
нѣ не исправитиса ранами горе есть · рече прѣкъ о илѣ глѣ
жестоцимъ · и необрѣзанѣмъ срьдцемъ · гѣ тешѣ а еси ·
и не болѣша · показа и не рачиша приати показанія · и па-
ки · и люде твои не обратишася · дождеже извѣни быша и
чѣто яко люде ни · отъвратишася отъвращеніемъ · зѣломъ ·
ниже до коньца съкроушатиса · и истѣлѣютъ · страшно же
оубо братія выпади въ рѣцѣ боу живѣ · страшно же лице
гѣе на творащана · зѣлма · и отыждъ зѣлѣмъ погублѣна ·
Страшно же слоухъ бжѣи · и авелкъ гласъ · чюжѣкъ крѣвию ·
страшно же нозѣ · зѣломъ постѣжающе · страшно же все-
моу миру коньчаніе · якѣ не быти · никакоже оубѣжати
бжѣи исканія · нѣ на ибо възлетѣти · нѣ въ прѣисподъна
вѣни · ни на вѣстоки оубѣжати · ни въ глѣбѣнахъ морьскахъ
съвртиса · ли в коньцихъ · боить же са прѣжде мене · и на
оумъ · едѣсем · идеже ниневгину пророчество мѣлѣмъ ·
рѣвнѣваго ба · и изгнѣнаца ¹⁾ съ яростию противьныа ·
и таковожъ смьртѣнж · ищѣща противьныхъ · Ико и
не избыти въторма нѣсти на зѣлма · всаежъ бо егда слышѣкъ
людѣмъ содомьскомъ · и кылаземъ гоморьскомъ · прѣтаща и
гѣюща · чѣто еше оумзвитиса · прилагающе незаконныа · і
по ²⁾ малѣ · и гроза ма обходитъ · и смѣлѣнѣса слѣзми ·
нѣсть рече приложеніемъ грѣхоу болѣша извѣи обрѣсти · яко
всѣи грѣхы поидете · и весь образъ извѣи вѣлѣмъ · присно
инокъ и новѣшнее зѣломъ своежъ гѣвѣ бжѣи призывающе ·
Нѣсть строупа ни мозоли · ни извѣи обатражѣшася · все
тѣло есть извож · и неискѣльнѣно · вѣсть бо пластыра
приложити · ни олѣа · ни обити · и минѣ идѣ прочее прѣ-
щениа · да не настоиша ^{рам} изва · тажѣи вагъ бѣдѣ · Обаче
разоумѣимъ зѣлобѣи вѣнж · отыждъ всѣлж · тажари · сра-
мишася житѣицима · и пажитѣи скотомъ присмаде · Оума-
лѣна краснаа земли · не исплѣнѣшася подѣи масті · нѣ оуми-

¹⁾ Тутъ было гѣа и послѣ вычищено.

²⁾ і по написано по вычищенному.

лѣнии ¹⁾ · не оумножишася оудѣми пѣшеницѣ · Нѣ
оцѣлѣны быша · не кыноуна горы сластѣи · ико послѣжде
правѣдникомъ · нѣ проскрадишася · и оукорены быша · и
гѣльвоуискѣмъ клѣтѣмъ · отърѣши приана · бѣсть яко въспрьна
вѣса земли · и прѣжде оукраститиса еи · добротѣю своею ·
посѣтилъ еси оубо земли · и оуопылъ иж еси · нѣ посвѣщеніемъ
зѣломъ · и пѣванствомъ пагоубьномъ · оубы видѣни въ стѣблѣи
гобѣне наше и въ малѣ знамени и свѣта познана есть · и едѣва
начатѣкы гѣи · жатва наша плодотворитъ · мѣсѣци пице · ли
рѣковатѣми ²⁾ знаема · таково богатѣство · вѣчѣстивыхъ · та-
кова въсѣважѣимъ зѣлѣ тажаниа · на много призьрѣти · ико
вѣтѣхѣи клѣтва рече · и вѣнѣсти малѣ · свѣти · и не пожатѣ
насадити и не обѣмѣти · идеже дѣлаеть · десѣти смѣрѣжъ во-
ловъ створатъ смѣдѣльнѣкъ единъ · и отъ нѣвѣхъ слышатѣи о
гобѣни · самѣмъ глѣдомъ стражющемъ · отыкоудѣ си · и чѣто
есть вина извѣи · не жѣдѣмъ нѣтѣми обличитиса · сами себе
испытѣнници бѣдѣмъ · велѣи врачеваніе зѣлобѣи · исповѣданіе
и остѣлѣненіе грѣха · азъ прѣвѣи якоже възвѣститѣи людемъ
моимъ прѣже · и блѣстѣлю дѣло ³⁾ кончатъ · не утайѣ
бо градѣща ⁴⁾ го рѣжѣи · да и свою дѣлѣ и слышѣнѣхъ съ-
набѣдоу · тако възвѣщѣи и людемъ моимъ · противьнѣне свое
имѣмъ си твора · негѣли понѣ тако оудѣучѣи чловѣколюбѣе ·
и поком · овѣ отъ насѣ оутѣшитѣи ⁵⁾ нища · и часть отъ земли
его прияти · и правѣлѣ прѣстѣлѣи зѣлѣ · ли оукрадѣ · ли
обидѣвѣ · и примѣси домѣ къ домѣ · и село къ селоу да искрѣ-
пноу оумѣеть чѣто · и подвѣзася ни единого съсѣда имѣти ·
яко единъ хотѣ жити на земли · овѣ лѣхѣами и прибѣтѣлѣмъ
землю оскверни · и жѣне идеже нѣсть свѣлѣ · дѣламъ не зо-
мѣю нѣ потрѣвож · потрѣвожѣимъ · овѣ начатѣкы житѣи · и
виноу · и скотѣю · Давѣшаго ба лишѣлѣ есть · и бѣсть
не възблагодѣтѣнъ же · въкоупѣи и тѣщѣ · ни о нихъ же нѣ
похвалѣ ба · ни о прочимъ ^{пекѣса} · да емѣ сѣсѣно бѣдетъ ·
и ничѣсоже иногѣ · милѣстѣнѣю приобрѣтъ · овѣ вѣдѣница · и
спра не помилова · ни подасть лѣбѣа и пища мало тѣвоубѣ-
моу · паче же хоу · питающѣмоу са и малѣимъ · о богатѣлѣшѣи
чѣлѣ се рѣ · а не о бѣзѣ ⁵⁾ · имѣламъ много · сирѣчь безѣ
оупѣваниа · се бо есть правѣдѣе · и гоумѣи · и житѣи-
цима невѣмѣстѣи · и овѣи исплѣнѣи · а другѣма разарама ·

¹⁾ Тутъ иа переправлено изъ и.

²⁾ Слѣды выскобленной буквы в предѣ ѣи едѣ видны.

³⁾ Передъ кончатъ выскоблено уко такъ что почти невидно.

⁴⁾ Первое и почти вычищено.

⁵⁾ Выраженіе: о богатѣлѣшѣи и пр. прокушено въ строкажъ и при-
бавлено сверху страницы.

да больша съдѣлать · не вѣды яко въсхыщонъ бѣдетъ · прѣжде съконьчанна мьслі своа · и слово вѣдасть о имени · и мьсли · зѣль приставникъ · тоужднмъ добромъ бѣвъ · овъ поутъ смѣреномъ оуклони · и прѣвраті на неправднмъ правдѣ · овъ въненавидѣ въ вратѣхъ обличающа · и слово божне въненавидѣ · овъ пожре неводу своему · игышу мьного · овъ трѣбу ствѣри на стоуденци · дѣжда нескы отъ нкго · забивъ яко бѣ съ ѣбсе дѣждь даеть · овъ не смѣнмъ богомъ жьреть · И бѣ створшаг° небо и землю · раздражаетъ · Овъ рѣкѣ богмѣнѣ нарицаеть · и звѣрь живѣщъ въ нкы яко бѣ нарицаа трѣбѣ творитъ · Овъ дѣмъ жьреть а другыи дивны · А ннѣ градъ чететь · овъ же дѣрѣль въскроушъ на главѣ покладаа · присагоу творить · овъ прісагы · костыи члѣчани творить · кобені пѣтичъ смотритъ · Овъ сѣрѣтениа смѣнмъ · Овъ моушнѣ скотъ ¹⁾ твора оубиваетъ · Овъ въ недѣлю · и въ стѣмъ днѣи дѣлаеть · прибытъкъ себѣ твора · свонж по^тбѣль · да елико въсею недѣлкю съдѣлать · тѣмъ днѣмъ погоубить · Овъ на мощѣхъ гѣжею присазаеть · Овъ хыщенне нищаго въ домоу нкы · ли не поманы бѣ · ли зѣль поманы · блѣгнѣ гѣ рекы · яко обогатихомъса · и нещѣва незаконенне · яко собою то обрѣлъ есть · ѣз нкго же и мѣченъ бѣдетъ · снхъ бо ради приходитъ гнѣвъ бѣи · на сѣи противнмъ · снхъ ради · ли затварѣетъса небо ли зѣль отъврѣзаетъса · овогда ведро твора · овогда славою оубиваа · овогда градъ въ дѣжда мѣсто поушаа · ннѣтъннѣю нашѣ казнѣ · сего ради и огнѣ самъ о себѣ възгараа · зажизаеть · и знаменна на небеси · и чудеса по землі · и недѣзи непрѣложни · что къ снмъ речемъ · неведѣще никокаже коньчаны · твари бѣни: Кланѣщеса златоу и сѣреброу · и обѣдоу · и ризнищамъ · яко ваѣлоу прѣвни · и астарти · и мрѣзости хамосовъ · искѣще каменни драга · члѣченѣ крѣвнѣ ²⁾ и ризѣ макѣкнѣхъ · молкѣ съвѣди · и разбоннкомъ · и мѣчтелкѣмъ · и татѣмъ · съкровищѣ ³⁾ грѣдѣщеса · мьногы огнищи · и стады · и оубога не напитажѣ · ни десатинны дающе · ни бѣни раба чтоуше · пространѣщеса по полнѣмъ · и по горамъ · и ово нмѣще · ово врѣмѣюще · ово хотѣще · по пнѣвниа соломонь · стѣи · не могѣщи са насытити · подобно адоу земли · и огню · и водѣ · искѣще въселкнѣмъ другѣмъ · въ съвъкоуплѣнне · богатства нѣхъ · И бѣни твари зазѣраща яко мала есть · и

¹⁾ Между столбцами написано слово *тлѣстель*.

²⁾ При этомъ на верху страницы написано: *сі рѣчь обидаште · и потчюжъ вѣзнажшѣтеі же въ крѣе мѣсто чѣ оу причитаемъ;*

³⁾ Это і кажется переправленнымъ изъ ь.

недовольна похотѣ нѣхъ · и се сътости · си въса слышаще братна · потычимъса · не больша съкроушенна приати божны гнѣва · лоуче бо есть намъ · сею малою казннѣ разѣмѣти и прочен житиа нашего · исповѣданнемъ · и обращеннемъ · вънскати бѣ · и обрѣсти и мѣлостивнѣ · бѣдетъ же се како · аще прѣжде писаннѣхъ снхъ · ннѣже бѣни гнѣвъ приходитъ · огрѣнемъса · и добромъ дѣтелиа приближимъса къ нкмъ · речеть къ дѣи нашѣ · сѣсенне ти есмь азъ · и иначе молащемъса намъ къ нкмоу · отъвѣзаеть · се прѣдъ · и оукротитъ небо · и дасть дѣждь ранѣ · и позднѣ · и земля дасть намъ плодъ свои · си земля днѣвнѣмъ а тѣло наше въчнѣмъ · его же въ бѣннѣхъ хранилищѣхъ положимъ · о ѣз нѣсѣ гѣи нашѣмъ емѣ же слава и дѣржава чѣсть съ безначальнмъ оѣемъ его · и стѣмъ дномъ · ннѣи и прісно и възѣкъ въкомъ · аминь.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ.

НОВЫЯ КНИГИ.

— Матеріалы для сравнительнаго и объяснительнаго словаря и грамматики. Изданіе II-го Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ. Редакторъ Э. Академикъ И. И. Срезневскій. I—III. СПб. 1854. (4°: IV + 576 столб.)

Въ числѣ трудовъ, помѣщенныхъ въ этомъ томѣ, одинаково для словаря и грамматики могутъ быть пригодны тѣ, въ которыхъ сравниваются Русскій или вообще Славянскій языкъ съ другими языками: таковы сравненія гг. Микуцкаго (I, X, XX, XIV), Петрова (XI), Шегрена, Гильердинга и Коссовича; исключительно грамматикѣ посвящены замѣчанія о глагольныхъ частицахъ — редактора и о спряженіи Русскаго глагола г. Грота; остальные труды, чисто словарные, посвящены или объясненію словъ древняго и стариннаго Русскаго языка, каковы статьи — гг. Протопопова, Амосова, Чернышевскаго, или объясненію словъ Великорусскаго нарѣчія, каковы статьи гг. Григорьева, Казембека, Грота (VI, VI, XII), Дубровскаго (V) Соловьева, Березина, Бобровникова, Ковалевскаго, Рулье, Микуцкаго (XXI, II), или объясненію словъ Бѣлорусскихъ (XI, XXXI), и древнихъ Польскихъ (XV).

— Историческія чтенія о языкѣ и словесности въ засѣданіяхъ II-го Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ 1852 и 1853 гг. СПб. 1854. (8°: III + 249).

Читатели Извѣстій II-го Отдѣленія, слѣдившіе за ходомъ его занятій, замѣтили, что въ его засѣданіяхъ, кромѣ постоянныхъ трудовъ, сопряженныхъ съ приготовленіемъ матеріаловъ для новаго изданія общаго Русскаго словаря

и для дополненій къ Областному Велико-русскому словарю, равно и съ разсмотрѣніемъ новаго (теперь уже третьяго) изданія Общесравнительной грамматики, происходили чтенія сочиненій Членовъ Отдѣленія и постороннихъ ученыхъ. Таковы были: Исслѣдованія о памятникахъ Старославянской литературы, Историческія чтенія о языкѣ и словесности, Чтенія о современной литературѣ, Библиографическіе отчеты о новыхъ явленіяхъ Славяно-Русской филологіи. Одинъ изъ отдѣловъ этихъ чтеній — Историческія чтенія о языкѣ и словесности — вышелъ теперь отдѣльнымъ сборникомъ. Два изъ этихъ чтеній касаются особенностей древняго Русскаго языка, *десять* — памятниковъ древней Русской письменности, именно: Договоровъ съ Греками, древнихъ жизнеописаній Русскихъ князей X—XI вѣка, трудовъ мнѣха Іакова XI или XII вѣка и сборниковъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Пчелъ, *два* — писателей XV вѣка Феодосія и Вассіана. Кромѣ Академикомъ П. Г. Буткова, М. П. Погодина и И. И. Срезневскаго и корреспондента Академіи К. А. Неволина, въ нихъ приняла участіе Преосвященный Макарій, И. Д. Бѣляевъ, П. А. Лавровскій, М. И. Сухомлиновъ, А. Ф. Тюринъ, В. М. Ундольскій. Въ свое время должны выйти особенными сборниками какъ Исслѣдованія о Старославянской литературѣ, такъ и Чтенія о современной литературѣ. Эти послѣднія, начатыя съ такимъ успѣхомъ Академикомъ И. И. Давыдовымъ и П. А. Плетневымъ, ихъ изложеніями поэтическихъ заслугъ Жуковскаго и Гоголя, будутъ обогащены скоро новыми вкладками.

— Мнѣнія о новомъ изданіи Русскаго Словаря и Правила изданія онаго, утвержденныя Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. СПб. 1854. (8^о: 87).

Въ этой книжкѣ читатель найдетъ въ совокупности все, что до сихъ поръ занимало Отдѣленіе въ отношеніи къ его важному предпріятію, близкому сердцу каждаго изъ Русскихъ, понимающихъ нужды образованности. Мнѣніе г. Предсѣдательствующаго И. И. Давыдова (стр. 1—35), которымъ начались наши совѣщанія и труды, не могло не возбудить сочувствія къ дѣлу, и вызвало отзывы какъ Членовъ Отдѣленія, такъ и постороннихъ ученыхъ. Восемь отзывовъ Членовъ Отдѣленія С. П. Шевырева, Я. И. Беренникова и И. И. Срезневскаго, Членовъ Корреспондентовъ Н. И. Греча, В. П. Даля, Ф. И. Буслая, Я. К. Грота и кромѣ того нашего ученаго филолога Протоіерея Г. П. Павскаго, послуживъ къ уясненію вопросовъ, напечатаны вмѣстѣ съ Мнѣніемъ Предсѣдательствующаго (стр. 36—77). Слѣдствіемъ соображенія мыслей были Правила изданія (стр. 79—86). Эти Правила оканчиваются замѣчаніемъ, что «всякое недоразумѣніе, какое участвующіе въ Словарѣ могутъ встрѣтить, равно новое соображеніе, новая мысль въ отношеніи къ Словарю, должны быть сообщаемы Отдѣле-

нію для совокупнаго въ ономъ обсужденія членовъ». Изъ этого однако не должно заключать, что главные основанія изданія могутъ переѣниться. Когда, Богъ дастъ, предпріятіе исполнится, въ рукахъ Русскихъ будетъ Словарь, въ которомъ будетъ мѣсто объясненію всего, въ чемъ можно нуждаться для уразумѣнія значенія и употребленія словъ и выраженій роднаго языка.

— Исторія Русской церкви. Четвертый періодъ: періодъ патриаршества. 1588—1720. Харьковъ. 1853. (8^о: 326).

Значительныя переѣны и дополненія, сдѣланныя въ этомъ новомъ изданіи четвертаго тома Исторіи Русской церкви, будутъ, конечно, высоко оцѣнены читателями. Не лзя не быть признательнымъ къ изысканіямъ ученаго автора, проливающимъ ясный свѣтъ на минувшія судьбы Русской образованности.

— Руководство къ познанію Русской Исторіи. П. Медовикова. Часть I, Отдѣленіе 1-е. М. 1853. (8^о: 234 и таблица).

Г. Медовиковъ обратилъ на себя вниманіе еще въ 1849 году историческимъ исслѣдованіемъ, вышедшимъ подъ заглавіемъ: «Латинскіе Императоры въ Константинополѣ и ихъ отношенія къ независимымъ владѣтелямъ Греческимъ и ихъ туземному народонаселенію вообще» (М. 1849. 8^о. XI+164). Новый трудъ, написанный съ цѣлію учебной, заслужитъ еще болѣе вниманія, какъ попытка примѣнить труды новыхъ исслѣдователей къ преподаванію и согласить взгляды, по видимому совершенно различныя. Раздѣляя вообще прошедшіе вѣка судьбъ Русскаго народа и государства на два главныхъ отдѣла — древній (до 1689 г.) и новый, (1689—1825), г. Медовиковъ подраздѣляетъ первый отдѣлъ на VII періодовъ: (862—1054, 1054—1238, 1238—1328, 1328—1462, 1462—1598, 1598—1613, 1613—1689), а для втораго отмѣчаетъ дѣленіе принятое Академикомъ Н. Г. Устряловымъ (1689—1725, 1725—1762, 1762—1796, 1796—1825). Въ изданной первой книгѣ трудъ г. Медовикова заключаетъ описаніе событій первыхъ четырехъ періодовъ древнихъ (до 1462): по такому началу можно предположить, что все сочиненіе будетъ состоять изъ четырехъ книгъ, изъ которыхъ первыя двѣ отдѣлены для исторіи IX—XVII вѣка, а послѣднія двѣ для новой исторіи. Стараясь представлять событія и главныхъ дѣйствователей въ связныхъ повѣствованіяхъ, авторъ не опускаетъ изъ виду и отличительныхъ признаковъ каждой эпохи и обозначаетъ ихъ въ отдѣльныхъ очеркахъ. Такъ между прочимъ въ особенныхъ очеркахъ изложено имъ состояніе Руси въ половинѣ XI вѣка, въ началѣ XIII-го и въ половинѣ XV-го.

— Булгаръ на Волгѣ. Сочиненіе И. Березина. Съ рисунками Булгарскихъ древностей и надписей. Казань. 1853. (8^о: 90).

«Не смотря на то, что Булгары, какъ ихъ обыкновенно называютъ, были посѣщаемы знаменитыми странствователями и учеными, въ итогѣ всѣхъ разысканій и мнѣній имѣется большее количество любопытныхъ вопросовъ, нежели опредѣленныхъ данныхъ; а между тѣмъ самыя развалины столицы Булгарскаго государства (не далеко отъ Казани), не смотря на заботливыя мѣры просвѣщеннаго правительства, съ каждымъ годомъ приходятъ въ ветхость. Тому, кто знакомъ съ современнымъ состояніемъ вопроса о Булгарахъ, ни мало не покажется удивительнымъ, если мы скажемъ, что не только неопредѣлены ни характеръ, ни эпохи Булгарскихъ аданій; но даже народъ Булгарскій не привинуть опредѣленнымъ образомъ ни къ одному изъ извѣстныхъ племенъ». Такъ думая, нашъ дѣятельный ученый предположилъ посвятить часть своей обширной дѣятельности изслѣдованіямъ о Булгарѣ и ограничился на первый разъ матеріалами и предметами, которыя по своей важности и новизнѣ заслуживаютъ болѣе вниманія. Въ изданной книгѣ заключается: 1) описаніе развалинъ Булгара (города, черной палаты, большаго столба, малаго столба, бѣлой палаты и цитадели), 2) подлинникъ и переводъ надписей Булгарскихъ съ описаніемъ тѣхъ изъ памятниковъ, которые до сихъ поръ уцѣлѣли, и съ ученымъ ихъ изслѣдованіемъ, 3) описаніе древностей Булгарскихъ, 4) исторія ислама въ Булгарѣ и сосѣдственныхъ мѣстахъ.

— M. Alexander Castrén's Vorlesungen über die Finnische Mythologie, aus dem Schwedischen übertragen und mit Anmerkungen begleitet von A. Schiefner. SPb. 1853. (8° XIII+341).

— Справочный энциклопедическій словарь, издающийся подъ редакціей А. Старчевскаго. Томъ VII. СПб. (8°: IV+487).

Это любопытное изданіе, замѣчательное между прочимъ въ отношеніи къ біографіямъ писателей, начато въ 1847 г. Доселѣ изданы томы I: А, II: Б, VI (въ двухъ частяхъ): И—К. X: Т, У, XI: Ф, X, XII: Ц—V; остается издать томы III—V и VII—IX. Надобно надѣяться, что это будетъ исполнено въ непродолжительномъ времени.

— Geschichte der deutschen sprache, von Jacob Grimm. Zweite auflage. Leipzig. 1853. 2 части (8°: 726).

Это твореніе, столь важное и для филолога Славянскаго по многимъ замѣчаніямъ относительно сравненія Славянскаго языка съ другими сродными, въ этомъ новомъ изданіи вышло безъ всякой перемены, такъ что даже на поляхъ обозначены страницы перваго изданія.

— Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Книжка IX. Издана подъ редакціей Д. А. Милютина. СПб. 1853. (8°: 520 стр. и чертеж.).

Изъ числа сочиненій, помѣщенныхъ въ этой книгѣ бо-

лѣе всѣхъ другихъ любопытно для Русскаго филолога сочиненіе А. И. Попова: Сношенія Россіи съ Хивою и Бухарою при Петрѣ Великомъ. Къ ней приложено много выписокъ изъ современныхъ актовъ.

— Kurze theoretisch-praktische Taschen-Grammatik der Serbischen Sprache für Deutsche. Mit vielen Gesprächen, Aufgaben zum Uebersetzen und einer Wörtersammlung von R. A. Frölich. Wien. 1854. (16°: 226).

Этой «карманной грамматики Сербскаго языка» нельзя причислить къ тѣмъ руководствамъ, которыя составлены съ знаніемъ дѣла.

— Syntax der Russischen Sprache mit der Deutschen vergleichend dargestellt. Mitau. (8°: VIII+114).

Трудъ г. Николича заставляетъ желать, чтобы онъ продолжалъ свои работы далѣе.

— Христіанское чтеніе, издаваемое при С. Петербургской Духовной Академіи. 1853. Часть II-я (8°: 502 стр.).

Въ этомъ новомъ томѣ Христіанскаго Чтенія, кромѣ многихъ важныхъ сочиненій чисто богословскаго содержанія, читатель-филологъ найдетъ:— Два древніе символа вѣры по рукописямъ XIII вѣка, (217—223),— Исторію православной церкви въ Финляндіи (14—43, 101—129);— о Русскихъ инокахъ на св. горѣ Аѳонской отъ исхода X до половины XIX вѣка (290—317),— Критическій очеркъ исторіи Русскаго раскола, извѣстнаго подъ именемъ старообрядства (377—420: начало),— Первоначальную исторію С. Петербургской Александро-Невской Академіи (465—492).

— Временникъ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Кн. XVII. М. 1853. (8°: 54+212+00).

Въ Изслѣдованіяхъ помѣщено продолженіе Замѣчаній на Слово о полку Игоревѣ Князя П. П. Вяземскаго (начало въ книгѣ XI), важныхъ по новому взгляду на памятникъ, взгляду сопоставляющему его съ современными ему поэтическими произведеніями Запада. Запасъ матеріаловъ издаваемыхъ во Временникѣ, умножился Новымъ лѣтописцемъ, изданнымъ по списку Князя Оболенскаго (XVII вѣка); онъ извѣстенъ изъ 8 части Никоновской лѣтописи и изъ Лѣтописи о мятежахъ, но представляется здѣсь въ иномъ видѣ, по мнѣнію Князя Оболенскаго въ первоначальномъ, такъ что другіе списки дополнены вставками и измѣнены въ слогѣ. Первые 16 главъ этого Новаго лѣтописца заключаютъ въ себѣ описанія нѣкоторыхъ событій до кончины Бориса и Глѣба; въ главахъ 17-й и 18-й содержатся воспоминанія о событіяхъ времени Іоанна III и Василя Іоанновича; въ главѣ 19-й—о дѣлахъ царствованія Іоанна Грознаго, съ 20-й главы начинается изложеніе событій времени Феодора Іоанновича назначеніемъ удѣла Дмитрію Іоанновичу и продолжается до главы 70-й; слѣдующіе затѣмъ главы 70—162 посвящены описанію смутнаго времени; глава 163, самая обшир-

ная, заключаетъ событія 1613—1629 г. Въ первомъ приложеніи описаны событія 1642—1653; во второмъ приложеніи — событія 1645 года: оба по рукописамъ Москов. Глав. Архива Иностр. дѣл. Въ Слѣдствіи помѣщены разные акты XVII и XVIII вѣка, между прочимъ Книги сошного письма 1629 года и Инструкція духовнымъ школамъ 1748 года.

— *Rěčnik Němačkoga i Hirska jezika, sastavio ga Rud. V. Veselić. Handwörterbuch der Deutschen und Hlirischen Sprache, von R. A. Fröhlich, 2-я часть. Wien. 1854. (16°: X+7+775).*

Первая часть этого Словаря, не бесполезнаго въ своемъ родѣ, отмѣчена во II-мъ томѣ *Извѣстій* (стр. 104).

— *Die Mythologie der Slawen für Gebildete und die studirende Jugend, dargestellt von K. Schwenk. Frankfurt am Main. 1853. (8: 482).*

Эта книга составляетъ седьмой томъ сборника, котораго шесть первыхъ томовъ посвящены мифологіи Грековъ, Римлянъ, Египтянъ, Семитовъ, Персовъ, Германцевъ. Для тѣхъ, кто не дорожитъ вѣрностью и полнотою свѣдѣній, современностью исследованийъ, осторожностью выводовъ, книга Швенка доставитъ много страницъ очень любопытныхъ, иногда увлеченъ и догадками; но для того, кто привыкъ предпочитать немногое вѣрное многому недостоверному, она — лишнее бремя, болѣе лишнее, чѣмъ за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ вышедшая подобная книга др. Экермана (*Lehrbuch der Religionsgeschichte und Mythologie des Alterthums. IV-er Band. Die Slawen. Halle. 1848—49. 8: 210+458*), которая хоть и могла понравиться даже ученымъ — по множеству ссылокъ, но не тѣмъ, которые еще не вѣрятъ въ возможность писать большія книги о мифологіи Славянской безъ званія языка и быта Славянъ.

— *Kraledvorský rukopis. Příspěvek k české literární historii. Sepsal V. Nebešky. Praha. 1853. (8: 193).*

Авторъ этой монографіи, В. Небескій, редакторъ Часописца Чешскаго Музея, заслуживаетъ вниманіе какъ одинъ изъ тѣхъ литераторовъ, которые, владея искусствомъ писать увлекательно о предметахъ не совсемъ доступныхъ людямъ, непривыкшимъ углубляться въ тайны литературной старины, умѣютъ останавливаться на предметахъ, достойныхъ исследованийъ совѣстныхъ и подробныхъ. Онъ уже не одинъ разъ обращался къ древнимъ памятникамъ литературы Чешской, печатая свои очерки въ Часописцѣ, и искусно пользовался въ нихъ всеми, новыми соображеніями. Новый его трудъ и полнѣе и отчетливѣе всѣхъ предыдущихъ.

— Древніе грамоты и акты Рязанскаго края, собранные А. И. Пликаревымъ. СПб. 1854. (8: VIII+171+VIII).

Рядъ актовъ, здѣсь помѣщенныхъ, начинается съ 1402 года.

— Полная Русская Хрестоматія. Составилъ А. Га-

лаховъ. Изданіе 6-е, съ перемѣнами. М. 1853. Три части (8: 516+420+252).

— Игорьъ Князь Сѣверскій. поэма, переводъ Николая Гербеля. СПб. 1854. (8: 147).

Подъ этимъ именемъ издано Слово о плѣку Игоревѣ въ подлинникѣ съ перваго изданія Мусина Пушкина и въ стихотворномъ переводѣ, съ цѣлю, какъ кажется, сдѣлать этотъ драгоценный остатокъ древнихъ Русскихъ поэтическихъ сказаній вполне доступнымъ тѣмъ образованнымъ Русскимъ, у которыхъ нѣтъ досуга или охоты вглядываться въ памятники нашей древности безъ пособия ихъ новыхъ воссозданій. Такая цѣль изданія видна между прочимъ и изъ его внѣшности, вполне блестящей, до сихъ поръ еще мало обычной въ нашей литературѣ. Первые 30 страницъ заняты предисловіемъ, въ которомъ пересмотрѣны кратко всѣ прежнія изданія и переводы Слова и представлено нѣсколько замѣчаній о немъ, особенно въ отношеніи къ его расположенію и складу. Подлинникъ и переводъ, за тѣмъ слѣдующіе, напечатаны одинъ въ виду другаго, такъ что и подлинникъ раздѣленъ на стихи. Предполагая, что Слово о плѣку Игоревѣ, не смотря на видную цѣльность и стройность повѣствованія, представляетъ нѣсколько рѣзкихъ переходовъ и отступленій, переводчикъ, по примѣру И. П. Сахарова, раздѣлилъ его на 12 пѣсень: 1. Запѣлъ (Недѣло ли—за землю Рускую), 2. Вѣщее затмѣніе (тогда Игорь възрѣ — ищѣчи себѣ чти а князю славы), 3. Побѣда (съ заранія въ пятъкъ—Глѣбовны свычая и обычая), 4. Воспоминаніе пѣвца объ усобицахъ (Были вѣчи Трояни—а сице и рати не слышано), 5. Пораженіе (съ заранія — древо с тѣгы къ земли преклонилось), 6. Плачь пѣвца (уже бо братіе—а веселіе помяче), 7. Сонъ Святослава (а Святъславъ сонъ видѣ тоска сыну Глѣбову), 8. Воззваніе къ князьямъ (В. книже Всеволоде—буего Святъславича), 9. Воспоминаніе о минувшемъ (уже бо Сула — копіа поють на Дунав), 10. Плачь Ярославны (Ярославнинъ гласъ—тули затче), 11. Бѣгство Игоря (прысну море—въ полѣ Половецкомъ), 12. Возвращеніе (рекъ Бояпъ—а дружинѣ аминь). Каждая изъ этихъ 12-ти пѣсень переведена стихами особеннаго размѣра не буквально вѣрно, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ довольно близко къ подлиннику. Переводить съ дословной вѣрностью не было и цѣлю автора. При каждой пѣснѣ помѣщены краткія историческія объясненія, а въ концѣ книги (на стр. 129—147) нѣкоторыя примѣчанія. — Привѣтствуя эту книгу какъ одно изъ пріятныхъ явленій нашей современной беллетристики, мы не сомнѣваемся, что она будетъ принята съ признательностью тѣми, для кого предназначалась.

— Черты изъ исторіи и жизни Литовскаго народа. Составлены съ разрѣшенія начальства Виленскимъ Губернскимъ Статистическимъ Комитетомъ. Вильно. 1854. (4: 149—1).

Сборникъ этотъ есть вторая часть Памятной книжки Виленской Губерніи за 1854 г. Онъ заключаетъ въ себѣ пять статей: — 1) Литовскія древности, соч. А. Киркора (обозрѣніе памятниковъ, до сихъ поръ сохранившихся), — 2) В. к. Витовтъ, соч. А. Киркора (историческій очеркъ, любопытный и по соображенію нѣкоторыхъ фактовъ, до сихъ поръ ускользавшихъ отъ вниманія нашихъ историковъ), — 3) В. к. Варвара (Радзивилова, супруга Сигизмунда Августа), соч. А. Кондратовича, — 4) Преданія Литовскаго народа, соч. П. Кукольника (краткій очеркъ мѣстовъ, преимущественно изъ періода язычества), — 5) Обычай, повѣрья, предразсудки, пляски, обряды, пѣсни, и пословицы Ливонцевъ, соч. П. Кукольника. Эта послѣдняя статья была бы еще любопытнѣе, если бы съ Русскимъ переводомъ образцовъ народной словесности Литвы были приложены и подлинники. Это было бы тѣмъ болѣе важно, что до сихъ поръ нѣтъ ни одного подобнаго сборника доступнаго для Русскихъ. Кстати сказать, что недавно вышло новое богатое собраніе Литовскихъ пѣсенъ въ подлинникѣ съ Нѣмецкимъ переводомъ: *Litauische Volkslieder, gesammelt, kritisch bearbeitet und metrisch übersetzt von G. H. F. Nesselmann*. Др. Нессельманъ уже извѣстенъ своимъ Литовскимъ Словаремъ.

— *Jahrbücher für Slawische Literatur, Kunst und Wissenschaft, von I. E. Schmalzer. Neuer Folge 4tes Heft* (8: стр. 215—294, 27—34),

Четвертою тетрадью окончился первый томъ новой серии этихъ *Jahrbücher*. Въ ней находимъ между прочимъ окончаніе статьи Я. Малаю о Чешской литературѣ 1848—1852 года, очеркъ исторіи Черногорья по А. Андричу (Изв. II стр. 258) и обозрѣніе южныхъ Славянъ и ихъ земель по I. Ф. Нейсбауеру (*Die Südslawen und ihre Länder. Leipz. 1851. 8: VIII+391*).

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ

Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ
за Декабръ 1853 года.

Въ Декабрѣ мѣсяцѣ Отдѣленіе имѣло семь засѣданій, а именно: 3, 5, 10, 12, 17, 19 и 28 чиселъ. Въ сихъ засѣданіяхъ, подъ предсѣдательствомъ И. И. Давыдова, присутствовали: П. Г. Бутковъ, А. Х. Востоковъ, П. А. Шлемингъ, I. С. Кочетовъ, Я. Я. Березниковъ, М. А. Коркуновъ и И. И. Срезневскій.

I.

Общій Словарь Русскаго языка.

Читаны 1-й корректурный листъ Словаря Русскаго языка и психологическіе термины, объясненные I. С. Кочетовымъ. Первый корректурный листъ положено разо-

слать всѣмъ Академикамъ, Корреспондентамъ и постороннимъ ученымъ, принимавшимъ участіе въ Словарѣ.

И. И. Срезневскій доложилъ, что Адъюнктъ С. Петербургскаго Университета *Сухомлиновъ* принимаетъ на себя обработаніе словъ для новаго изданія Словаря на одну изъ буквъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ беретъ за вышюку выраженій, подтверждающихъ значеніе словъ, изъ сочиненій Жуковскаго. Отдѣленіе вошло въ сношеніе съ г. Сухомлиновымъ и просило его заняться обработаніемъ словъ на букву *T*.

Адъюнкты-Профессоры Харьковскаго Университета Н. и П. *Лавровскіе* уведомили г. Предсѣдательствующаго, что они съ удовольствіемъ готовы заняться обработываніемъ словъ на букву *П* для новаго изданія Русскаго Академическаго Словаря.

А. В. *Старчевскій* представилъ собраніе словъ и примѣровъ, извлеченныхъ имъ изъ разныхъ авторовъ. Положено воспользоваться означеннымъ собраніемъ. При семъ г. Предсѣдательствующій объявилъ, что г. Старчевскій принимаетъ на себя обработываніе словъ на букву *У*, на основаніи составленныхъ Отдѣленіемъ Правилъ для изданія Словаря.

II.

Областные Словари.

1. *Великорусскій:*

И. И. Срезневскій представилъ 239 словъ, для дополненій къ Областному Великорусскому Словарю.

III

Грамматика.

Г. Предсѣдательствующій представилъ въ засѣданіе Грамматическаго Комитета 3 и 4 корректурные листы гретьяго изданія Грамматики Русскаго языка.

IV.

Чтенія трудовъ академиковъ и посторон. ученыхъ.

И. И. Срезневскій читалъ 1) историческій очеркъ трудовъ Отдѣленія со времени его учрежденія; 2) записку г. *Ундольскаго* о неизвѣстномъ сочиненіи митрополита *Феодосія Бывальцева*: «Похвала Св. Апостоломъ Петру и Павлу, свои собственныя замѣчанія о жизни *Феодосія*; 3) разборъ «*Хожденія*» *Никитина* въ Индію, въ отношеніи литературномъ. Положено означенныя статьи напечатать въ изданіяхъ Отдѣленія.

Читанъ Отчетъ г. *Микуцкаго* о началѣ его ученаго путешествія по Бѣлоруссіи.

С. П. *Шевыревъ* ввепроводилъ къ г. Предсѣдательствующему, при письмѣ, одиннадцатую лекцію изъ своего курса Исторіи Русской Словесности. Лекція эта передана Редактору *Извѣстій*.

Корреспондентъ Академіи Наукъ В. И. *Григоровичъ* представилъ въ Отдѣленіе Посланіе митрополита *Іоанна* на Греческомъ и древне-Русскомъ языкахъ, вмѣстѣ съ fac-simile первыхъ строкъ Греческаго текста. Определено передать Редактору *Извѣстій* и Ученымъ Замощамъ.

Г. Ундольскій, при письмѣ представилъ къ г. Предсѣдательствующему списокъ стиха о книгѣ Голубиной, съ его собственными замѣчаніями. Определено: передать Редактору Извѣстій.

V.

Памятники и образцы языка и словесности.

И. И. Срезневскій прочелъ замѣчанія г. Д. Прилуцкаго о Чухломпахъ, ихъ нарѣчій, обычаяхъ и пр. Определено: замѣчаніями г. Прилуцкаго воспользоваться въ Прибавленіяхъ къ Извѣстіямъ.

VI.

Изданіе Извѣстій, Ученыхъ Записокъ.

Г. Предсѣдательствующій читалъ дополненіе къ введенію для Ученыхъ Записокъ Отдѣленія.

Одобрены къ печатанію послѣдніе листы Извѣстій 1853г.

VII.

Особыя чтенія.

Г. Предсѣдательствующій читалъ краткое обзорніе прошлогоднихъ занятій Отдѣленія и программу занятій въ 1854 году.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПРОТОКОЛАМЪ.

ЗАМѢЧАНІЯ РЕДАКТОРА КАСАТЕЛЬНО СТИХА О ГОЛУБИНОЙ КНИГѢ
по списку В. М. Ундольскаго.

Стихъ о голубиной книгѣ—не новость въ нашей литературѣ. Подробное изложеніе его содержанія съ выдержками замѣчательнѣйшихъ мѣстъ сообщено сочленомъ нашимъ, С. П. Шевыревемъ, въ 7-й лекціи его Исторіи Русской Словесности (М. 1846. стр. 237—243); одинъ изъ списковъ его вполнѣ помѣщенъ въ 1-й части Русскихъ народныхъ пѣсенъ П. Кирѣевского (М. 1848. стр. 43—47); на него же въ двухъ засѣданіяхъ Русскаго Географическаго Общества обращалъ вниманіе И. И. Надеждинъ, пользовавшійся списками, доселѣ остававшимися въ неизвѣстности. Къ числу такихъ неизвѣстныхъ списковъ принадлежитъ и списокъ, вынѣ сообщенный въ Отдѣленіе В. М. Ундольскимъ, и находящійся въ одномъ изъ принадлежащихъ ему дѣтописныхъ сборниковъ XVII вѣка: нѣкоторыми подробностями онъ отличается значительно отъ печатныхъ, но къ сожалѣнію неполонъ. Великолѣпнаго начала стиха въ немъ нѣтъ:

«Восходила туча сильна грозная,
выпадала книга голубиная,
и не малая, превеликая,
должна книга сорока сажонъ.
А и къ той ли книгѣ голубиной
соходилася, сожжалася
сорокъ царей съ паревичи,
сорокъ князей со княжевичи,
много всякого люду доброго
и великого и мелкого;
никто ко книгѣ не приступится»...

Нѣтъ и стихотворнаго склада.—Изобличая впрочемъ въ своемъ слогѣ участіе народнаго вкуса и фантазіи, этотъ списокъ любопытенъ какъ дополненіе къ другимъ. Народнымъ вымысломъ отзывается между прочимъ мѣсто о камнѣ латырѣ, котораго нѣтъ во многихъ спискахъ: «тотъ камень лежитъ на узкомъ устьѣ у моря у Теплова^{*)}», а всякая рыба къ тому камени сходится на вешней Николинъ день, а которая рыба потрется около того камня, и на ней будетъ знамя. Въ Бѣлорусскомъ спискѣ, мнѣ извѣстномъ, это мѣсто читается такъ:

«Потому латырь камень вснѣтъ каменамъ апецъ,
ляжишь юнъ сирядзи моря,
сирядзи моря, сирядзи синява.
Идуць на морю многа карабелъщикавъ,
гли таво камня останавліваюцца,
яны бяруць много съ јаго снадобья
пасылаюць на всаю свѣту бѣламу,
патаму латырь камень каменямъ апецъ.»

Справедливо замѣчаетъ В. М. Ундольскій, что латырь или алатырь весьма знаменитъ въ нашихъ Русскихъ повѣртіяхъ и преданіяхъ и вмѣстѣ съ моремъ-окіяномъ и травою плакуномъ упоминается во многихъ заговорахъ (см. П. П. Сахарова Сказ. Рус. нар. СПб. 1841. I. кн. 2. стр. 14, 23, 25 и др.). Въ стихѣ о голубиной книгѣ воспоминаніе о немъ зашло, вѣроятно, изъ народнаго преданія.

Изъ этого впрочемъ не слѣдуетъ, конечно, заключать, что латырь или алатырь—слово коренное Русское. Вѣроятно, это Греческое ἤλετρον—янтарь.—Не входя во всѣ подробности отличій списка В. М. Ундольскаго, отмѣчу пока только нѣкоторыя болѣе любопытныя: — Рядомъ съ кипарисомъ поставлены певей (πεύκη?) и кедръ. Вмѣсто птицы страгима (στρουθίων?)—таврунъ: «птица невеличка съ скудную галку, а живетъ та птица у гремачихъ колодезей у моря у Теплова». Звѣрь видрикъ названъ видрокъ (Русское уменьшительное отъ ἰδρος=ἰνδρος?) и описанъ какъ побѣдитель лютаго змѣя, который «не давалъ людямъ воды напиться, ни звѣрю потечучему, ни какой птицѣ полетучей». Объ Ильменѣ сказано: «озеро Ирмень, что подъ Новымъ городомъ взяло въ себя триста рѣкъ, да въ немъ же сказываютъ ручей серебряной». Подобныхъ естествословныхъ замѣтокъ много въ памятникахъ нашей старины, между прочимъ и въ азбуковникахъ, и на многихъ изъ нихъ осталось не стертымъ клеймо книжное, не народное и не Русское, замѣтки Русскія составляютъ добавленіе. Не добавленіемъ ли къ запасу чужому, перешедшему въ народъ изъ книгъ надобно считать и въ стихѣ о голубиной книгѣ то, что подобно слову объ Ильменѣ, рисуется какъ чисто Русское?—Окончу замѣчаніемъ, что въ спискѣ В. М. Ундольскаго вмѣсто князя Владиміре стоитъ Вологъ Вокотовичъ.

^{*)} В. И. Ундольскій замѣчаетъ, что море Теплое есть Черное Кавказ. I. 262.

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПО ОТДѢЛЕНІЮ

РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ начало съ 1852 года издаваніе «Извѣстій» въ томъ же видѣ, какъ издаются Извѣстія (Bulletins) двухъ другихъ Отдѣленій Академіи.

Въ составъ Извѣстій Императорской Академіи Наукъ по Отдѣленію Русскаго языка и словесности входятъ, кромѣ записокъ о занятіяхъ Отдѣленія и извлеченій изъ протоколовъ о его засѣданіяхъ, сочиненія, какъ Членовъ Академіи, такъ и постороннихъ ученыхъ, читаемыя въ засѣданіяхъ Отдѣленія, именно:—ислѣдованія и замѣчанія касательно языка Русскаго и языковъ, съ нимъ соплеменныхъ, ихъ литературы и древностей;—разборы замѣчательныхъ трудовъ по части филологій Славяно-Русской; а въ особенныхъ Прибавленіяхъ—памятники языка и словесности, матеріалы для словаря, грамматики и т. п.

«Извѣстія» издаются выпусками или листами; 24 листа съ Прибавленіями составляютъ одинъ томъ. Цѣна тому ТРИ РУБЛЯ СЕРЕБРЯНЫХЪ. Получать можно у Коммиссіонера Академіи Глазунова (по Большой Садовой, въ домѣ Публичной Библиотеки, подъ №№ 21 и 22) и Эгерса (на Невскомъ проспектѣ №№ 1 и 10). Иногородные читатели благоволятъ относиться съ своими требованіями въ помянутымъ Коммиссіонерамъ или въ Комитетъ Правленія Академіи.

СОДЕРЖАНІЕ ВЫПУСКА: Историческія чтенія о языкѣ и словесности: I. Памятники X-го вѣка до Владиміра святаго, И. И. Срезневскаго. II. Обзоръ Русской словесности въ XIII вѣкѣ, С. П. Шевырева. — Библиографическія записки: II. Извѣстія о Новыхъ книгахъ И. И. Срезневскаго. — Перечень засѣданій Отдѣленія за январь. — Съ симъ выпускомъ выдаются листы ПРИБАВЛЕНІЙ LV—LVIII.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЧТЕНІЯ

О ЯЗЫКѢ И СЛОВЕСНОСТИ.

I.

ПАМЯТНИКИ X-го ВѢКА ДО ВЛАДИМИРА СВЯТАГО. *)

Записка И. И. Срезневскаго.

Со времени крещенія Владиміра святаго и его Руси южной и сѣверной слово Русское, оживляемое духомъ христіанства, стало все болѣе обогащаться дарами просвѣщенія. Книги Слова Божія и творенія отцевъ церкви, изліянія убѣжденій нашихъ домашнихъ наставниковъ, духовныя пѣсни, церковныя правила и сказанія, жизнеописанія, повѣсти о дѣлахъ минувшихъ—давали уму и чувству Русскаго читателя пищу обильную и разнообразную. Такъ было съ XI вѣка. А до этого времени — ужели не было ничего? И до 988 года были на Руси христіане — даже вѣроятно въ большинствѣ числѣ, чѣмъ можетъ инымъ казаться; были христіане и при княгинѣ Ольгѣ, и при Осколдѣ и Дирѣ, и даже ранѣе. Были слѣдовательно и книги. Эти книги были не только списки трудовъ первоучителей Славянскихъ, Константина и Меодія и ихъ учениковъ, приносимыя намъ отъ Славянъ югозападныхъ изъ-за Дуная; но и домашнія Русскія, какъ свидѣтельствуеетъ со-

*) При возобновленіи Историческихъ чтеній о языкѣ и словесности Отдѣленіе предположило остановиться прежде всего на нѣкоторыхъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые были уже въ прошломъ году предметомъ разсужденій въ засѣданіяхъ и по особеннымъ обстоятельствамъ не вошли въ составъ Чтеній. Исполняя порученіе Отдѣленія, ограничиваюсь на первый разъ представленіемъ нѣсколькихъ соображеній о памятникахъ древнѣйшаго времени.

храненное преданіемъ сказаніе самого Константина философа, видѣвшаго въ Херсонѣ Русскій переводъ Евангелія и Псалтыря еще въ то время, когда самъ онъ не начиналъ своего подвига просвѣщенія Славянъ. Были свои домашнія религіозныя книги, о которыхъ осталось только темное воспоминаніе. Ужели не осталось ничего кромѣ воспоминанія? Въ лѣтописяхъ сохранились четыре Договора съ Греками, и первый изъ нихъ относится къ одному изъ первыхъ лѣтъ X-го вѣка. Эти Договоры драгоцѣнны по даннымъ, изображающимъ бытъ Русскаго народа во время Олега, Игоря и Святослава, какъ могли его выразить Греки, ихъ составлявшіе, и какъ могли допустить Русскіе, для которыхъ ихъ составляли и потомъ переводили. Но это не подлинники, а переводы съ Греческаго, переводы несвободные, выразившіе случайно только то, что было Грекамъ нужно, и такъ, какъ было нужно. Ужели не сохранилось ничего болѣе? Есть еще преданія о подвигахъ Кіа и братьевъ, Осколда и Дира, Олега, Игоря, Ольги, Святослава и ихъ дружинъ, занесенныя въ лѣтописи рядомъ съ краткими замѣтками о другихъ дѣлахъ того времени, преданія, на которыхъ лежитъ печать народной поэзіи. Но эти преданія должны были образоваться въ памяти народной изъ историческихъ расказовъ постепенно уже тогда, когда событія, въ нихъ переданныя, отошли къ числу давнопрошедшихъ, и занесены могли быть лѣтописцами еще позже; притомъ же и передавались онѣ лѣтописцами, пересказывались ими недословно такъ, какъ ходили въ народѣ. Онѣ драгоцѣнны только, какъ изображенія древняго

быта предковъ въ томъ видѣ, какъ понимали его потомки — можетъ быть въ XI или даже и XII вѣкѣ. Ужели же отъ нашей древности до-Владимировской не осталось ничего болѣе? Между памятниками древности бываютъ сложные, памятники двухъ-трехъ различныхъ вѣковъ разомъ — въ родѣ палимпсестовъ, на которыхъ сквозь начерченные вновь, хотя и древнія письмена видѣются другія вытертыя, еще болѣе древнія, въ родѣ Каринтійскаго престола, древняго остатка Славянъ Дравскихъ, между камнями котораго есть и намогильный камень Римскій съ Латинскою надписью *). Нѣтъ ли и у насъ хоть такого остатка отъ первоначальныхъ вѣковъ нашей Русской жизни, Русскаго труда, Русской образованности — образованности, конечно, не въ томъ значеніи, которое связывается съ понятіемъ о ней при мысли о времени нашемъ, а въ томъ общемъ, которое не чуждо ни одному образуемому народу во всѣ вѣка его жизни?

Не знаю, былъ ли предлагаемъ такой вопросъ; но данныя для отвѣта видѣлись не одному изъ нашихъ изслѣдователей. Вспоминая здѣсь о замѣчаніяхъ, высказанныхъ въ этомъ отношеніи сочленами нашими**), я позволяю себѣ отвѣчать на предложенный вопросъ положительно — съ обозначеніемъ тѣхъ данныхъ, которыя мнѣ представились въ слѣдствіе личнаго изученія того, что мнѣ казалось для этого нужнымъ. Отвѣтъ на вопросъ находится въ нашихъ лѣтописяхъ. Наши древнія лѣтописи — памятники такого же рода, какъ помянутый Каринтійскій престолъ: онѣ древни, но составлены изъ частей еще болѣе древнихъ, — и нѣкоторыя изъ этихъ частей принадлежатъ до-Владимировскому времени. — Передавая снисходительному суду сочленовъ соображенія о томъ, въ какое время начаты были наши лѣтописи, присоединяю къ нимъ и сильный отвѣтъ на вопросъ, въ какомъ видѣ онѣ были первоначально составляемы, и гдѣ и кѣмъ были писаны ***).

*) Этотъ памятникъ — Kärntens Hergogs-Stuhl — какъ написано на рѣшеткѣ, его окружающей — находится у большой дороги въ С. Вентъ, въ милѣ отъ Клагенфурта (Цѣловца). На одномъ изъ камней есть надпись: *ml(n)sveti vkaí*, что нѣкоторые изъ ученыхъ хотѣли читать по Славянски и именно на нарѣчій Каринтійскомъ, но, конечно, напрасно. Хотя и справедливо, что *mla sveti veri* (Ст. Слав. *има сватъ вѣрж*) не непонятно для высшаго Каринтійскаго Словенца, и было бы кстати на памятникѣ, гдѣ воссѣдалъ когда то повелитель народа среди своихъ подданныхъ; но тогда бы камень не поставленъ былъ, какъ стоитъ, съ боку, рубомъ, такъ что и буквы надписи легли съ верху въ низъ бокомъ; да и не кстати было бы повтореніе на томъ же камнѣ съ другой стороны слова *vkaí*. Ясно, что это памятникъ Мавсвегу Веру.

**) Кому неизвѣстны заслуги, оказанныя въ отношеніи къ разъясненію древностей Русскихъ П. Г. Бутковимъ, М. П. Погодинимъ и Я. И. Бердяковимъ?

***) Кое что объ этомъ было уже мною высказано въ статьѣ о новыхъ изслѣдованіяхъ касательно лѣтописей Новгородскихъ (Изв. П.

I. Воспоминаніе о древнихъ лѣтописяхъ Русскихъ неразрывно съ воспоминаніемъ о Несторѣ. — Несторъ жилъ въ концѣ XI и въ началѣ XII вѣка; «Повѣсть временныхъ лѣтъ», освятенная его именемъ, оканчивается 1110-мъ годомъ; а между тѣмъ въ ней есть воспоминанія о событіяхъ не только VII—VIII вѣка, но и болѣе раннихъ, и рядъ годовыхъ чиселъ начинается въ ней съ 6360 = 852 года. Исключивъ изъ числа лѣтописныхъ сказаній, въ нее вошедшихъ, всѣ тѣ, которыя могли быть заимствованы изъ Византійскихъ или Болгарскихъ источниковъ, все еще останется довольно значительное число событій, о которыхъ лѣтописецъ могъ узнать только изъ источниковъ домашнихъ. Рядъ этихъ событій отмѣченныхъ годами, начинается въ Несторовой лѣтописи 6367-мъ (859—860) годомъ: «Имаху дань Варязи, пришедше изъ заморья». Съ 860-хъ до 1110-хъ годовъ прошло два вѣка съ половиной. Поддерживать преданіемъ годы событій такого пространства времени память народная не могла. Не могъ слѣдовательно и Несторъ первый примѣнить повременности лѣтъ къ повременности событій. У него подъ руками были слѣдовательно лѣтописныя замѣтки, хотя бы и безжизненные по изложенію, безсвязныя по взаимному соотношенію, въ томъ же родѣ какъ замѣтки древнихъ анналистовъ западной Европы, но замѣтки погодныя, сдѣланныя еще тогда, когда можно было замѣтить вѣрно, когда именно случилось какое происшествіе.

Пользуясь такими замѣтками, и находя иногда между ними противорѣчія, Несторъ старался добратся истины, и предпочелъ одно сказаніе другому, не считая безполезнымъ даже оспорить то, что казалось ему неправдой. Такъ говоря объ основаніи Кіева, онъ замѣтилъ, что «ни не свѣдуше рекоша, яко Кыи перевозникъ былъ: аще бо бы перевозникъ Кыи, не бы ходилъ Царюграду». Такъ говоря о крещеніи Владиміра въ Корсунѣ, онъ замѣтилъ, что «се же не свѣдуше право глаголють, яко крестился ксть въ Кыквѣ, и ни же рѣша — Василеви, друзии же инако скажутъ». Нужда осмари-вать описанія событій указываетъ на нѣсколько періодовъ составленія лѣтописей до начала XII вѣка, указываетъ на то, что лѣтописцы поздніе вставляли замѣтки о важнѣйшихъ событіяхъ по слухамъ, безъ помощи лѣтописей древнихъ, гдѣ могли найти сказанія болѣе достовѣрныя, а слѣдовательно вмѣстѣ съ тѣмъ и на то, что были лѣтописи очень древнія, очень

18—27, 70—78). Не повторяя всего, ввожу сюда только то, что мнѣ кажется нужнымъ для нѣкоторой полноты очерка. Вмѣстѣ съ этимъ не могу умолчать, что нѣкоторыя изъ соображеній, здѣсь мною до-казываемыя, были уже высказаны М. П. Погодинимъ.

близкія ко времени событій, которыхъ сказанія можно было считать достовѣрными. Нельзя забыть еще, что Несторъ, пользуясь прежними лѣтописными замѣтками, не имѣлъ ихъ всѣхъ подъ рукою, или по крайней мѣрѣ не пожелалъ воспользоваться всѣми безъ исключенія: теперь эти пропуски надо дополнять изъ другихъ лѣтописныхъ сборниковъ, составленныхъ или независимо отъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» Нестора, каковы напр. Новгородскіе, или по Нестору, но позже, каковы Софійскіе, Псковскіе и т. д.

Черезъ сто лѣтъ съ небольшимъ послѣ крещенія Владимира уже различно говорили, гдѣ онъ крестился; слѣдовательно въ продолженіи ста лѣтъ съ небольшимъ не выдержало себя народное преданіе вѣрно—въ отношеніи къ одному изъ самыхъ важнѣйшихъ событій того времени. Можно ли послѣ этого думать, что оно бы выдержало вѣрно годы событій не ста, а 250 лѣтъ? Но пусть бы выдержало оно и сто лѣтъ; то все же 860-е годы должны были быть отмѣчены не позже 960-хъ, 900-е не позже 1000-хъ, и т. п.,—и все таки, разумѣется, годы только самыхъ важнѣйшихъ событій, а не всѣхъ безъ исключенія. Допустимъ еще, что нѣкоторые другіе годы были указаны по соображенію съ извѣстными годами главнѣйшихъ событій; но за исключеніемъ и этихъ годовъ, останется еще довольно много такихъ, которые никакъ не могутъ оставаться въ памяти по самому значенію происшествій, какъ напр. 864-й годъ, когда возмущались было Новгородцы противъ Варяговъ,— 867-й годъ, когда нѣкоторые изъ Новгородцевъ бѣжали въ Кіевъ, гдѣ между тѣмъ былъ голодъ,— 903-й годъ, какъ годъ женитьбы Игоря на Ольгѣ,— 942 годъ, какъ годъ рожденія Святослава, и т. д. Если все это такъ, то смѣло можно сказать, что лѣтописныя замѣтки были на Русѣ уже въ началѣ X вѣка и съ тѣхъ поръ были продолжаемы.

Подтверженіе такого заключенія находимъ въ самыхъ описаніяхъ событій этого отдаленнаго времени. Конечно, многія подробности могли быть долгое время не заносимы въ краткія лѣтописи и удерживаться въ памяти устнымъ преданіемъ, естественно облекаясь при пересказѣ въ формы эпосей: такихъ пересказовъ есть нѣсколько въ лѣтописи Нестора изъ времени Олега, Игоря, Ольги, Святослава.... Многія другія подробности, оставаясь безъ этого пересозданія, должны гибнуть изъ памяти, и если не погибли и занесены въ лѣтопись, то должны были быть занесены въ свое время. Чѣмъ онѣ отрывочнѣе и—если можно такъ выразиться—временнѣе, тѣмъ скорѣе гибнутъ, или скорѣе заносятся въ лѣтопись. Есть нѣ-

сколько такихъ и между подробностями нашихъ лѣтописей. Обозначу нѣкоторыя.

— «Въ лѣто 6367 (859) Козари имаху на Поланѣхъ и на Сѣверѣхъ и на Вятчѣхъ, имаху по большу выверцихъ отъ дыма».

— «Въ лѣто 6390 (882)....Олеги.... устави Варягомъ дань дати отъ Новгорода *тризень* 300 на лето, мира дѣля—*кже и миль даять*». Это *миль* продолжалось, какъ объяснено въ лѣтописи Несторовой, до смерти Ярослава.

— «Въ лѣто 6391 (883) поча Олегъ вонвати Деревляны и примучивъ и, имаше на нихъ дань по *чернѣ кунѣ*».

— «Въ лѣто 6392 (884) иде Олегъ на Сѣверяны, и възложи на нь *дань легку*, и не дастъ имъ Козаромъ дани платити.»

— «Въ лѣто 6393 (885) посла Олегъ къ Радимичемъ, рѣка: кому дань дакте? Они же рѣша: Козаромъ. И рече имъ Олегъ: не дайте Козаромъ, но мнѣ дайте. И въдаша Ольгови по *щелью*, *якоже Козаромъ дашау*».

— «Въ лѣто 6419 (912) савися звѣзда велика на западе *копынымъ образомъ*» (Сравни. Annal. Alamani. Colon. Besun. Corbej. Mellic. у Перца въ Scriptores г. G. I, 55, 98. II, 249. III, 4. IX, 496 и пр.)

— «Въ лѣто 6422 (914) иде Игорь на Древляны и побѣдивъ възложи на ня дань *большю Ольгови*» Въ то время когда записывали объ Игоревомъ походѣ на Древлянъ памятенъ былъ походъ Олеговъ 6391 (883) года, и еще умѣли сравнивать ихъ послѣдствія, слѣдовательно эти событія не были еще затуманены въ памяти событіями болѣе важными; а съ Древлянами князя Кіевскіе воевали часто.

— «Въ лѣто 6423 (915) приидоша Печенѣзи *первою* на Рускую землю». Не странно ли, что спустя 33 года послѣ этого, подъ 6476 (968) опять записано: «приидоша Печенѣзи на Руску землю *первою*». Считать это повтореніе нельзя простою опіскою. Позволительнѣе думать, что въ 915 Печенѣги пришли въ первый разъ со времени начала княженія Игоря, а въ 968 тоже въ первый разъ со времени начала княженія Святослава. Эти воспоминанія о первыхъ появленіяхъ Печенѣговъ въ области Русской, не затемненныя воспоминаніями о ихъ послѣдовавшихъ набѣгахъ, мнѣ кажется, ясно свидѣтельствуютъ о томъ, какъ давно занесены онѣ въ рядъ замѣтокъ лѣтописныхъ.

— Во время смерти Игоря при юномъ Святославѣ воеводою былъ Свѣнелдъ (= Свѣвалдъ = Свѣгелдъ = Сви-

дедъ = Свиндѣль = Свѣтелеъ и т. п.) «*тъ же отць Мистишинъ* (=Мъстишинъ)». Имя Свѣтеледа не разъ упомянуто въ лѣтописи и прежде и послѣ этого намека, на протяженіи слишкомъ 60-ти лѣтъ (съ 914 до 977 года), какъ имя воеводы княжеской дружины. Одинъ-ли и тотъ же витязь является тутъ подъ этимъ именемъ или разные, все равно; но замѣтка о Свѣтеледѣ какъ объ отцѣ Мистиши въ 945-мъ году указываетъ на то, что въ то время, когда эта замѣтка сдѣлана, былъ на виду и другой Свѣтеледъ, если не два или три, и что его надобно было отличить именемъ сына. Сынъ Свѣтеледа Мистиша (если только подъ его именемъ не скрывается Лють Свѣтеледичъ, убитый Олегомъ Древлянскимъ на охотѣ въ 975 году), ни разу болѣе не вспоминается, ни почему другому не нашель себѣ права на память лѣтописца; онъ былъ слѣдовательно важень для лѣтописца только какъ современникъ, и могъ быть замѣченъ только современникомъ — слѣдовательно еще въ X вѣкѣ.

— Въ лѣто 5454 (946) возложи (Ольга) на ня (на Древлянъ) дань тяжку: *дѣл части дани* идета Кымву, а *третьюю* Вышегороду къ Ользѣ». Слѣдующее за тѣмъ выраженіе «бѣ бо Вышегородъ градъ Вользинъ» прибавлено, безъ сомнѣнія, позже.

— Въ лѣто 6455 (947) иде Вольга Новуграду и уставн по *Мсть* повосты (= погосты) и дани, и по *Лузъ* погосты, оброки и дани». Послѣдующимъ лѣтописцемъ прибавлены объясненія: «и сани ꙗкъ стоятъ въ Плесковѣ и до сего дне, и по Днѣпру перевѣсница и по Деснѣ, и ксть село ꙗкъ Ольжичи и доселѣ».

— Въ лѣто 6472 (964) ... (Святославъ) иде на Оку рѣку и на Волгу, и нагѣзе Ватичи, и рѣче Ватичемъ: кому дань дикте? Они же рѣша: Козаромъ *по щлягу отъ рала данмъ*.

— Въ 6477 (969) «умре Ольга *юли въ 11-й день*». До сихъ поръ мы празднуемъ этотъ день...

— Въ 6479 (971) «приде Святославъ (изъ Болгаріи Дунайской) къ порогомъ, и не бѣ лѣтъ проити порогъ, и възвратися въспятъ до устья Днѣпрского, и ста зимовати въ лузѣ моря и на Бѣлѣ берегу (= въ Бѣлобережьи), бѣ бо зима приспѣ, и не бѣ у нихъ брашна уже, и бѣ гладъ великъ, *яко по полуричѣнъ глава коняча*». Последнее замѣчаніе облачаетъ современника, спутника Святославова, одного изъ тѣхъ немногихъ, которые успѣли избѣгнуть смерти или плѣна Печенѣжскаго вмѣстѣ съ воеводою Свѣтеледомъ, или послѣ освободившагося изъ плѣна.

Можетъ заключить, что лѣтописныя замѣтки велись уже во время Игоря и Святослава.

Какими же годами оканчивались эти перволистки нашей лѣтописной литературы? Мнѣ кажется, есть возможность отвѣчать и на этотъ вопросъ. Отвѣтъ находимъ между прочимъ въ перечнѣ лѣтъ по княженіямъ, находящемся въ Несторовой лѣтописи. Этотъ перечень оканчивается сводомъ лѣтъ: «отъ смерти Святослави до смерти Ярославли лѣтъ 85, а отъ смерти Ярославли до смерти Святополчи 60». Тутъ счетъ Русскихъ лѣтописныхъ лѣтъ раздѣленъ на три части: 1) до смерти Святослава, 2) до смерти Ярослава, 3) до смерти Святополка. Для чего нужно было это дѣленіе? Само по себѣ, конечно, ни для чего, потому что и безъ него числа, какъ очевидно-были известны. Оно слѣдовательно прибавлено случайно, независимо отъ воли лѣтописца, — только по отношенію лѣтописца къ тѣмъ лѣтописямъ, изъ которыхъ бралъ онъ матеріалъ. Годомъ смерти Святополка думалъ заключить свою лѣтопись тотъ лѣтописецъ, который пережилъ Святополка (1114 г.); годомъ смерти Ярослава оканчивался трудъ одного изъ его предшественниковъ; годомъ смерти Святослава оканчивалась *во*тъ одна изъ лѣтописей прежде, чѣмъ продолжена была далѣе. Такимъ образомъ одна изъ древнѣйшихъ лѣтописей доведена была не далѣе какъ до 972 года. Но и эта была не первая, не самая древняя, какъ видно изъ вышепредставленныхъ данныхъ, изъ современности лѣтописныхъ замѣтокъ годамъ, подъ которыми они записаны и подробностямъ событій, отмѣченныхъ подъ этими годами.—Тоже видно и изъ сопоставленія событій не-Русскихъ съ Русскими. Въ лѣтописи Несторовой находимъ цѣлый рядъ событій, относящихся исключительно къ судьбамъ Византіи и Болгаріи. Рядъ такихъ событій начинается началомъ царствованія императора Михаила (6360 = 852) и оканчивается набѣгомъ Угровъ на Царьградъ (6451 = 943). Нѣкоторыя изъ этихъ событій стоятъ въ лѣтописи совершенно отдѣльно отъ событій Русскихъ: напр: «Въ лѣто 6366 Михайлъ царь изиде съ вои на Болгары... Въ лѣто 6376 поча царствовати Василии». Нѣкоторыя другія стоятъ въ лѣтописи на первомъ мѣстѣ, а событія Русскія за ними, или напротивъ; напр. «Въ лѣто 6421 поча княжети Игорьъ по Олѣзѣ. Въ се же время поча царствовати Костантинъ... И Древляне заратшася отъ Игоря по Ольговѣ смерти. Въ лѣто 6422 иде Игорьъ на Древляны... Въ тоже лѣто приде Симеонъ Болгарьскыи на Царьградъ». Такого соединенія событій Русскихъ съ не-Русскими въ лѣтописи первоначальной бытъ

не могло: оно было слѣдствіемъ существованія предварительнаго лѣтописи чисто Русской, къ которой бы послѣ могли быть прибавлены замѣтки не-Русскія, или изъ которой взяты замѣтки Русскія для дополненія лѣтописи не-Русской. Самый поверхностный взглядъ на содержаніе Несторовой лѣтописи достаточенъ для того, чтобы рѣшить, что не Русскими событіями умножена лѣтопись Византійско-Болгарская, а напротивъ лѣтопись Русская событіями Византіи и Болгаріи. Отъ чего же эти добавки Византійскія и Болгарскія прекращаются на 943 годъ? (Далѣе слѣдуютъ только такіа сказанія о дѣлахъ Византійскихъ, которыми поясняются сказанія о Русскихъ дѣлахъ). Отъ того, сказать можно, что до этого года продолжалась та Византійско-Болгарская лѣтопись, которую пользовался Русскій лѣтописецъ. Но какой же Русскій лѣтописецъ могъ пользоваться Византійско-Болгарскою лѣтописью, оканчивающеюся на половинѣ X вѣка? Какой Русскій лѣтописецъ времени напр. Владиміра святаго или Ярослава и т. д. дополняя свою лѣтопись событіями Византіи и Болгаріи до половины X вѣка, былъ бы принужденъ на этихъ годахъ разомъ прекратить этого рода дополненія, и отъ чего? Отъ чего никто изъ лѣтописцевъ Русскихъ древнихъ не продолжалъ этого способа обогащать лѣтопись любопытными данными? Отъ того, что не считалъ нужнымъ. Слѣдовательно прежде это могло считаться нужнымъ? Когда же прежде, какъ не тогда, когда старая Русская лѣтопись могла быть доведена только до половины X вѣка, не позже времени Святослава?

II. Нѣкоторымъ изслѣдователямъ кажется несомнѣннымъ, что первые образцы лѣтописей, въ подражаніе которыхъ стали у насъ составлять Русскія лѣтописи, явились къ намъ изъ Греціи, что древнѣйшія изъ нашихъ лѣтописей были скопированы съ лѣтописей Византійскихъ. Многія обстоятельства подтверждаютъ это мнѣніе, по вліянію, неопровержимо. Да и можно ли отказаться отъ убѣжденія, что съ принятіемъ всѣхъ началъ христіанской образованности отъ Грековъ, наши предки у Грековъ должны были искать и образцовъ для произведеній искусства и науки, должны были искать и дѣйствительно искали и находили? Впрочемъ, ни сколько не ослабляя въ себѣ этого убѣжденія, достойнаго полной довѣренности и непоколебимаго никакимъ сомнѣніемъ, можно вмѣстѣ съ нимъ неразрывно допустить и другое убѣжденіе, не менѣе справедливое и оправдываемое здравымъ смысломъ, что в Русскіе, подобно всѣмъ другимъ народамъ, хоть сколько нибудь должны были чувствовать потребности духовныя и

удовлетворять имъ сами по себѣ, независимо отъ помощи болѣе образованныхъ сосѣдей. Въ числѣ этихъ потребностей одна изъ самыхъ главныхъ есть память прошлаго и стремленіе увѣковѣчать эту память преданіемъ и письмомъ (принимаю это слово въ самомъ обширномъ смыслѣ). Помнить достойныя памяти событія, передавать рассказъ о нихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, утверждать воспоминаніе о нихъ какими бы то ни было знаками — насыпями или гудами камней, рѣзами или чертами на деревѣ, на камнѣ, на тѣлѣ своемъ, на металлѣ, на кожѣ или бумагѣ — такъ естественно, такъ необходимо, такъ обще всюду было, есть и будетъ, какъ естественно, необходимо и обще людямъ сообщаться другъ съ другомъ посредствомъ дара слова. Тутъ зачало не только всѣхъ возможныхъ памятниковъ, надписей, записей, лѣтописей, но и самыхъ искусственныхъ и сложныхъ видовъ повѣствованій. Формы заимствуются, переѣзжаются изъ странъ въ страны, распространяются какъ и мысли; но могутъ и должны являться и независимо, сами собою безъ заимствованія. Чѣмъ проще и естественнѣе мысль или форма, тѣмъ труднѣе доказать, что она занята, тѣмъ легче предполагать, что она порождена естественною потребностью. Что же естественнѣе какъ замѣчать происшествія одинъ за другими по порядку времени, и пользоваться для этого тѣмъ пособіемъ, какое выгоднѣе, сподручнѣе? Что же для этого выгоднѣе и сподручнѣе таблицы, въ которой впередъ завесены годы въ порядкѣ одинъ за другимъ, въ которой стѣдуетъ только записывать, что когда случилось, на сколько есть мѣсто и нужно не забыть? Лишь бы была такая таблица подъ рукою. А что такіа таблицы были въ ходу у нашихъ первыхъ лѣтописцевъ, это доказываютъ ряды годовыхъ цифръ безъ всякихъ лѣтописныхъ замѣтокъ, ряды цифръ, иногда очень нѣрѣдка прерываемыя замѣтками. Вотъ примѣръ перечепа лѣтъ съ рѣдкими замѣтками изъ Несторовой лѣтописи: — Въ лѣто 6393 посла Олегъ къ Радннчешь.... Въ лѣто 6394. Въ лѣто 6395. Въ лѣто 6396. Въ лѣто 6397. Въ лѣто 6398. Въ лѣто 6399. Въ лѣто 6400. Въ лѣто 6401. Въ лѣто 6402. Въ лѣто 6403. Въ лѣто 6404. Въ лѣто 6405. Въ лѣто 6406 идоша Угри мнмо Киевъ горою....» Такихъ пустыхъ годовъ безъ лѣтописныхъ замѣтокъ въ лѣтописи Нестора 107 изъ 259 лѣтъ (отъ 6360 до 6618), а въ 1-й Новгородской изъ первыхъ 97 лѣтъ, въ ней сохранившихся (отъ 6525 до 6622)—47. Записыванье пустыхъ цифръ лѣтъ безъ замѣтокъ соблюдено во всей Несторовой лѣтописи, гдѣ послѣдній годъ, завесенный

одною цифрой есть 6595 (1087). Въ Лаврентьевскомъ продолженіи Нестора господствуетъ также форма, какъ видно изъ лѣтъ 6670, 6671, 6699, 6768, 6794, вставленныхъ безъ надобности. Она господствуетъ и въ лѣтописи Ипатьевской, гдѣ занесены безъ событій годы 6647, 6750, 6752, 6775, 6783. Она господствуетъ и въ 1-й Новгородской, гдѣ даже начальные годы XIV вѣка, 6814 и 6815, отмѣчены безъ всякихъ данныхъ. Конечно, съ теченіемъ времени неопущеніе пустыхъ годовыхъ цифръ могло остаться, какъ простое слѣдствіе обычая, иногда удерживаемаго даже противъ желанія (какъ видно изъ позднѣйшихъ приписокъ при пустыхъ годахъ «тишина бысть, мирно бысть, ничего не бысть»); но въ началѣ, первую причину ихъ занесенія не могло быть, кажется, ничто другое, кромѣ табличной формы лѣтописей. Погодные таблицы, примененныя къ кругу церковныхъ праздниковъ, ежегодно измѣняющихся во времени, были занесены къ намъ, безъ сомнѣнія, изъ Греціи; но таблицы, а не образцы лѣтописей. Погодные таблицы Русскія могли быть начаты и прежде появленія таблицъ церковныхъ — таблицы внаго рода, съ цифрами не годовъ отъ сотворенія міра, а съ какими нибудь другими. Въ этихъ таблицахъ записывали событія у годовъ, когда онѣ случились, минуя безъ замѣтокъ годы, подъ которыми записать было нечего, записывали коротко, не думая о связи событій: таковы были наши первые лѣтописи, какъ видимъ и въ ихъ передѣлкахъ послѣдующаго времени, умноженныхъ различными вставками. Развѣ не высказываютъ онѣ сами собою младенчества письменности? Развѣ такіа лѣтописи были въ ходу у Грековъ того времени, когда у насъ начиналась дѣятельность лѣтописная? Развѣ изъ такихъ Греческихъ лѣтописей дѣлали послѣ выписки тѣ изъ нашихъ лѣтописцевъ, которымъ впервые пришлось задуматься надъ возможностью придать Русскимъ воспоминаніямъ о прошломъ болѣе жизни и достоинства вѣшняго? Образцы Греческіе могли въ свое время найти себѣ у насъ сочувствіе, и дѣйствительно нашли; но первоначальные наши лѣтописцы не имѣли нужды выжидать ихъ появленія, ихъ пересмотра и изученія для того, чтобы начать свои замѣтки.

Несомнѣннымъ кажется мнѣ, что у насъ было въ этомъ отношеніи то же, что и на западѣ Европы. Требованія историческаго искусства проникли тамъ на сѣверъ съ юга довольно рано: онѣ отразились уже на повѣствованіяхъ Юрнанда въ VI вѣкѣ, такъ же какъ послѣ на повѣствованіяхъ Григорія Турскаго, Фредегера, Льва Діакона и т. д. И однако монастырскіе лѣтописцы долго не слѣдовали этимъ образцамъ, а запо-

сили замѣтки о событіяхъ въ погодныя таблицы безъ связи, безъ подробностей, минуя цѣлыя ряды лѣтъ безъ всякихъ замѣтокъ. Сравнивая эти лѣтописи съ нашими не найдемъ въ формѣ никакой разницы. Только постепенно лѣтописи этого рода приобрѣтали тамъ ту занимательность подробностей и связности событій, за которою наконецъ должна была скрыться ихъ первоначальная сухость и безжизненность; только постепенно дошли онѣ до такой послѣдовательности въ разсказѣ, какова напр. въ запискахъ Титмара или Гельмольда. Не разомъ у нихъ явились «новости временныхъ лѣтъ». Не разомъ могли онѣ явиться и у насъ. Не даромъ народная память, забывши имена многихъ лѣтописцевъ, сберегла отъ забвенія священное имя Нестора: онъ, конечно, былъ тѣмъ первымъ лѣтописцемъ Русскимъ, который воспользовавшись безсвязными замѣтками прежняго времени, разсказами современниковъ, житіями, актами, и тѣмъ, что вычиталъ у писателей Византійскихъ, прежде всѣхъ другихъ придавъ своей «Повѣсти» о дѣлахъ минувшихъ связность и занимательность, жизнь и достоинство, подобно Козмѣ Пражскому у Чеховъ или Мартыну Галлу у Поляковъ^{*)}. Онъ первый указалъ высокій образецъ для подражанія другимъ лѣтописцамъ, и тѣмъ болѣе былъ цѣнимъ, что ему трудно было подражать. Изъ его современниковъ и ближайшихъ послѣдователей не нашлось ни одного, кто бы составилъ такую же лѣтопись о томъ же времени, — и потому онъ остался не только первымъ, но и единственнымъ: его переписывали и продолжали всюду, гдѣ могли имѣть его книгу и умѣли цѣнить безпристрастно ея достоинство. Изъ этого не слѣдуетъ однако, что Несторъ пересказывалъ событія всегда своими словами. Очевидно напротивъ, что онъ вносилъ въ свою лѣтопись описанія событій такъ, какъ находилъ ихъ въ избранномъ источникѣ, только связывалъ ихъ въ одно цѣлое, на сколько это было возможно: тутъ его величайшая заслуга какъ лѣтописца, вѣрнаго своему призванію, понятая послѣдователями и потому принятая за образецъ. Сохраняя все, какъ мшаель, Несторъ принужденъ былъ внести въ свою лѣтопись и краткія замѣтки прежнихъ лѣтописцевъ иногда безъ всякихъ дополненій, безъ возможности соединить ихъ въ одно цѣлое съ описаніями событій прежнихъ и послѣдовавшихъ. Такимъ образомъ, отдѣливши изъ его лѣтописи все, что прибавлено имъ, или послѣ него, лишь бы сумѣли сдѣлать это, мы получимъ

*) Chronicon Boemorum Козмы Пражскаго представляетъ также перечень лѣтъ, съ 894 до 1125, безъ пропуска тѣхъ, подъ которыми нечего было записать. Ряды пустыхъ лѣтъ очень значительны, напр. съ 898 до 929, съ 933 до 967 и т. п.

значительную часть состава древнихъ лѣтописей, необильныхъ подробностями, сжатыхъ въ изложеніи, отрывочныхъ въ составѣ, но правдивыхъ, и все таки лѣтописей, гдѣ замѣтки о событіяхъ были внесены въ погодныя таблицы.

Эти таблицы могли быть и церковныя, съ годами отъ сотворенія міра; могли быть и нецерковныя, съ годами напр. княженія каждаго князя и т. п. Какія же были онѣ у насъ первоначально? Мнѣ кажется, таблицы годовъ по княженіямъ или иныя въ этомъ родѣ. Это видно изъ слѣдующаго:

— Въ лѣтописи, посвященной именемъ Нестора, первую годовую цифру находимъ при общемъ перечнѣ лѣтъ: «Въ лѣто 6360 индикта 15-н, наченію Михаилу царствовать, нача ся прозывать Русь ка земля. О семь бо увѣдѣхомъ, яко при семь нари приходша Русь на Царьгородъ, яко же пишеться въ Лѣтописаньи Гречьстѣмъ. Тѣмъ же отселѣ почнемъ и числа положимъ, — яко отъ Адама до потопа лѣтъ 2240 и 2» и пр. «А отъ перваго лѣта Михаила до перваго лѣта Олгова Русь каго князя лѣтъ 29; а отъ перваго лѣта Олгова, понеже сѣде въ Кивѣ, до перваго лѣта Игорева лѣтъ 31; а отъ перваго лѣта Игорева до перваго лѣта Святослава лѣтъ 33; а отъ перваго лѣта Святослава до перваго лѣта Ярополча лѣтъ 28; а Ярополкъ княжи лѣтъ 8» и пр. У составителя этого перечня лѣтъ или того прежняго перечня, по которому составленъ этотъ, очевидно, была хронологическая таблица лѣтъ отъ сотворенія міра съ отмѣтками нѣкоторыхъ происшествій Византійскихъ и — списокъ происшествій Русскихъ по годамъ княженій: его дѣломъ было приравнять годы княженій къ годамъ отъ сотворенія міра. Сдѣлавши это, онъ переимѣнилъ хронологическую сѣть одну на другую, и далъ лѣтописи новый видъ. Ясно, что и прежде она имѣла видъ лѣтописи.

— Остатками хронологической сѣти по годамъ княженій могутъ считаться и слѣдующія замѣтки въ самой лѣтописи: 1. Подъ 6420 (912), гдѣ описана смерть Олега, сказано: «и бысть всѣхъ лѣтъ его княженія 33». Замѣтимъ, что, по перечню, Олегъ княжилъ въ Кивѣ 31 годъ; конечно, это не ошибка: Олегъ умеръ осенью 6420 — 6421 года, это было его послѣднее 31-е лѣто, слѣдовательно первое было въ 6390-мъ году, т. е. лѣтомъ 6390 года Олегъ предпринялъ походъ на Смоленскъ и Любечъ, и успѣлъ овладѣть Кіевомъ уже передъ зимою. Что же касается до 33-хъ лѣтъ княженія Олега, то счетъ начинается отъ года смерти царя Михаила, съ 6389-го, а не съ 6391.—2. Подъ 6463 (945) годомъ читаемъ: «Княжи Игорь лѣтъ 34, съ Ольгою лѣтъ 43».

Этотъ счетъ сдѣланъ независимо отъ годовъ, указанныхъ въ Лѣтописи: по Лѣтописи Игорь женился на Ольгѣ въ 6411, сталъ княземъ въ 6421, а умеръ въ 6453 году, слѣдовательно жилъ съ Ольгою, по видимому только 42 года, а княжилъ только 32, а не 34. По перечню, Игорь княжилъ 33 года, какъ и было: Олегъ умеръ осенью — если послѣ Сентября, то въ началѣ 6421 года, — и тутъ начался счетъ лѣтъ княженія Игоря; въ 6453-мъ, когда погибъ Игорь, была послѣдняя 33-я осень его княженія. — 3. Подъ 6480 (972) годомъ читаемъ: «И всѣхъ лѣтъ княженія Святослава лѣтъ 20 и 8». Такъ означено и въ перечнѣ. Отнеся смерть Святослава къ 6480-му году, лѣтописецъ долженъ бы по этому считать начало княженія Святослава въ 6452 году; но въ этомъ году еще жилъ Игорь, погибшій въ 6453, а «начало княженія Святослава» поставлено въ лѣтописи подъ 6454-мъ годомъ, гдѣ отмѣченъ и первый его подвигъ противъ Древянъ: «князь уже ночаль». Но это противорѣчіе только кажущееся: Игорь погибъ лѣтомъ 6453; 6453-мъ годомъ начался счетъ лѣтъ княженія Святослава; конецъ лѣта 6453 года было первое лѣто княженія Святослава, а начало лѣта 6480 года, когда Святославъ, послѣ зимовки у береговъ Черноморскихъ, повелъ вверхъ по Днѣпру къ порогамъ, было 28-е.

— Остаткомъ хронологической сѣти по годамъ княженій считать можно и занесеніе двухъ *первыхъ* появленій Печенѣговъ въ землѣ Русской, одного послѣ другаго спустя 33 года, какъ замѣчено уже было выше.

Съ счетомъ лѣтъ по княженіямъ могъ соединиться и даже быть главнымъ какой нибудь другой счетъ, теперь уже утраченный; этого пока отвергать не возможно.

III. Древность не оставила намъ ни одного лѣтописнаго сборника, въ которомъ бы всѣ факты сведены были вѣстѣ; самые подробные своды неполны. И эта неполнота лѣтописей относится къ самому древнѣйшему времени, не только къ X-му вѣку, но и къ IX-му. Такъ въ лѣтописи Несторовой не до-стаетъ — подъ 6360 (952) — о походѣ Русскихъ съ Брава-линомъ на Грековъ къ Херсону, Корчеву и Сурожу, — подъ 6370 (862) — о возстаніи Кривичей, Славянъ, Чуди, Меря противъ Варяговъ, въ слѣдствіе чего призваны были братья Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, — подъ 6372 — о сматеніи Новгородцевъ, о смерти Вадима, объ убіеніи Оскольдова сына въ Болгаріи, — подъ 6373 — о рожденіи Игоря, о походѣ Оскольда и Диры на Полочанъ, — подъ 6375 — о возвращеніи Оскольда и Диры въ Кіевъ, о побѣдѣ ихъ надъ Печенѣгами, о

бѣгствѣ Новгородскихъ мужей въ Кіевъ, и т. д. Неполнота лѣтописей и необходимость дополнять ихъ взаимно свидѣтельствуесть, что отъ самаго древняго времени лѣтопись велась у насъ не одна. Тоже свидѣтельствуесть и разнообразіе счета лѣтъ, какъ отчасти уже было показано. — Есть отличія въ самомъ изложеніи событій. Такъ подъ 6370 годомъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ читаемъ: «изъбрашася 3 брата съ роды своими, поаша по собѣ всю Русь, и придоша... старѣйшимъ Рюрикъ (сѣде въ *Новъградѣ*), а другимъ Синеусъ на Бѣлѣ озерѣ, а третимъ Изборьстѣ Труворь.... По дву же лѣту.... прія власть Рюрикъ и раздая мужемъ своимъ грады». Тоже въ Ипатьевскомъ спискѣ иначе: «Изъбрашася трик брата съ роды своими, и поаша по собѣ всю Русь, и придоша къ *Словенномъ* и *срубнша городъ Ладогу* и сѣдѣ старѣйшимъ въ *Ладогѣ* Рюрикъ.... По дѣвою же лѣту.... прія Рюрикъ власть всю одинъ, и *пришедѣ къ Ильмерю, и срубн городъ надѣ Волховомъ*, и прозваша и Новгородъ, и сѣде ту князя и раздая мужемъ своимъ волости и города рубити». — Есть и явные слѣды списыванья въ одну лѣтопись изъ двухъ разнчныхъ. Такъ подъ 6453 годомъ, повторяемымъ два раза, читаемъ въ Несторовой лѣтописи при концѣ одной записки: «и приспѣ осень, нача (Игорь) мыслити на Древлань, хотя примыслити большую дань»; въ началѣ второй: «Въ се же лѣто рекоша дружина Игоревн: Отроки Свѣнелжи (=Свѣнделжи) изодѣлися судъ оружьемъ и порты, а мы назн: поиди, княже, съ нами въ дань, да и ты добудеши и мы. Послуша ихъ Игорь, иде въ Древа въ дань»....

Большая часть происшествій сосредоточивается около Новгорода и Кіева: изъ этого надобно заключить, что древнѣйшія лѣтописи велись въ Новгородѣ и Кіевѣ. Есть еще намеки, что лѣтопись издревле велась и въ области Волынской: въ числѣ такихъ можно считать сравненіе даней, взятыхъ съ Древланъ Олегомъ и Игоремъ, подробное припоминаніе о дѣлахъ Свѣнеда въ землѣ Уличей, неопредѣленное упоминаніе о Мистингѣ сынѣ Свѣнеда, который (если не былъ одно лицо съ Лютомъ, а только братомъ его), подобно отцу (и брату), могъ имѣть свои владѣнія скорѣе всего въ землѣ Деревской. Значительность этихъ намековъ увеличивается показаніями послѣдующаго времени. Теперь уже трудно отдѣлнить первоначальныя части лѣтописей Новгородскихъ и Кіевскихъ, не только Волынскихъ или какихъ другихъ; но заключеніе, что лѣтописи велись независимо въ разныхъ краяхъ Руси должно остаться неоспоримымъ.

Гораздо труднѣе отвѣчать на вопросъ, что за люди были первые лѣтописцы. Скорѣе всего, это были особы духовныя: такое предположеніе оправдывается и счетомъ лѣтъ отъ сотворенія міра. Едва ли; впрочемъ, оно можетъ быть принято исключительно. Тутъ вспомнимъ, что разногласіе постановки событій по лѣтамъ отъ сотворенія міра и по лѣтамъ княженій позволяетъ думать, что хоть нѣкоторыя изъ древнѣйшихъ нашихъ лѣтописей были составляемы по годамъ княженій каждаго князя, какъ было и на западѣ Европы. Кромѣ того, особы духовныя не опустили бы изъ лѣтописи обстоятельствъ, важныхъ въ церковномъ отношеніи; напр. о приходѣ первыхъ учителей вѣры Христовой въ Русь, о построеніи первыхъ церквей, о построеніи той соборной церкви св. Ильи, въ которой присягала «христианамъ Русь» при заключеніи договора съ Греками въ 945, о состояніи христианства въ Руси или по крайней мѣрѣ въ Кіевѣ послѣ пріѣзда Ольги изъ Цареграда. Ничего подобнаго нѣтъ въ лѣтописяхъ до-Владимирова времени, не такъ какъ было послѣ X вѣка, когда происшествія церковныя стали быть записываемы все въ большемъ числѣ. Есть, конечно, и между замѣтками о IX — X-мъ вѣкѣ, до Владимира, нѣсколько церковныхъ (напр. повѣствованіе о подвигахъ Константина и Меодія, о крещеніи Оскольда и Дира, о крещеніи Ольги и пр.); но всѣ онѣ носятъ на себѣ черты позднѣйшаго времени, когда уже извѣстны были источники Византійскіе, когда вмѣсто немногословной отиѣтки старались уже занести цѣлый рассказъ, когда лѣтопись была уже сборникомъ разнообразныхъ свѣдѣній и выписокъ. Не менѣе важно отсутствіе въ трудахъ нашихъ древнихъ лѣтописцевъ всего, что выражаетъ начитанность служителя церкви, знанія Св. Писанія, церковныхъ книгъ и т. п. Все это выразилось, но позже. Несторъ, вѣроятно, первый примѣнилъ свои знанія къ труду лѣтописателя, и соображая событія, задумываясь надъ ними, сопоставляя ихъ съ другими подобными, сталъ оцѣнять ихъ взглядомъ души, проникнутой истинами вѣры Христовой. Повятно, почему древнѣйшія Русскія лѣтописи, по своему содержанію, были исключительно свѣтскія, военныя. Это, конечно, вовсе не мѣшаетъ допустить, что въ написаніи лѣтописей могли принимать участіе и лица духовныя; но принимали его не какъ духовныя лица, а какъ болѣе образованныя. И это очень естественно для времени, когда хотя лучъ вѣры Христовой уже и проникнулъ въ Русь, но еще теплился среди язычества только для избранныхъ, между тѣмъ какъ и язычники могли нуждаться въ знаніи прошедшаго.

Указанія на то, что лица недуховныя принимали участіе въ составленіи лѣтописей въ послѣдующее время, сдѣланы уже давно и съ полной очевидностью.

Изъ какого народа были наши древнѣйшіе лѣтописцы? Были ли это такіе же Русскіе, каковы и мы теперь, наши предки? или же чужеродцы? Вопросъ безответный, если его не подставить другимъ, болѣе осязательнымъ. На какомъ языкѣ и для кого были писаны эти лѣтописи? А при такой постановкѣ вопроса, на отвѣтъ трудно задуматься. Очевидно, онѣ писаны на языкѣ, который Русскіе, наши предки, могли назвать своимъ роднымъ, писаны для Русскихъ. Писали ли сами Русскіе, или же Варяги, Греки, Болгары — все равно, лишь бы писали для Русскихъ, по Русски о томъ, что нужно было Русскимъ; а что такова была цѣль лѣтописей и древнѣйшихъ, какъ и лѣтописей послѣдующаго времени, это такъ очевидно для всякаго, кто читалъ лѣтописи или ихъ новыя передѣлки, кто знаетъ ихъ содержаніе хоть изъ историческихъ учебниковъ, что едва ли и на мысль кому бы то ни было можетъ взойти какое нибудь сомнѣніе. И тутъ огромная разница между лѣтописями западной Европы, гдѣ сказанія о подвигахъ предковъ и современниковъ, необлеченные въ поэтическія формы нѣсенъ и сагъ, сколько ни были народны по содержанію, по своему чуженародному языку латинскому долгое время оставались чуждыми народу. Немногіе памятники этого рода, подобно лѣтописямъ Англосаксонской и Бретонской ¹⁾, избѣгли этой общей участи. — Но какъ же могло быть, что лѣтописи, заключавшія въ себѣ замѣтки о дѣлахъ военныхъ, были писаны на языкѣ Славянъ Русскихъ, тогда какъ военныя дружины, которыхъ славу онѣ увѣковѣчивали, были не Славяне, а чужеродцы Скандинавскіе? Не скорѣе ли могло случиться, что подвиги витязей были бы для нихъ и для ихъ потомковъ записаны на ихъ собственномъ языкѣ? И однако нѣтъ и слѣдовъ того, что Русскія лѣтописи были когда нибудь писаны не по Русски, какъ нѣтъ слѣдовъ, что и Договоры съ Греками, съ ними одновременные, переведены были съ Греческаго на какой нибудь другой языкъ, кромѣ Славянскаго Русскаго, или

¹⁾ The Saxon Chronicle, with an English translation and notes, critical and explanatory, by the Rev. James Ingram. 1823. Первое изданіе было въ Cantabrig. 1644: Chronologica Anglo-Saxonica cura *Abrah. Wheloci*. — Brut у Brehinoedh или Brut Tyuussogion — была начата въ половинѣ X вѣка и потомъ много разъ передѣлываема. Три передѣлки изданы *Оуеномъ Джонсомъ* (Owen Jones Муну) въ его *Mynyddian, Archaeology of Wales*. Lond. 1802. Справ. *Achaeologia Britannica* by *E. Lhuys*. Oxford. 1707. стр. 235. *Th. de la Villemarqué, Contes des Bretons*. Paris. 1842. II. стр. 319—321.

что что бы то ни было писалось на Руси для Русскихъ не по Славянски. Конечно, все это было не безъ причинъ и, безъ сомнѣнія, причинъ важныхъ, какъ не безъ причинъ было и то, что напр. Франки и Норманы утратили во Франціи свой языкъ, передѣлавшись въ Романцевъ, или что Болгары на Дунаѣ исчезли безъ слѣда въ покоренныхъ Славянахъ.... Легко изобрѣтать вопросы и предположенія, но не проникать въ тьму прошедшаго, о которомъ осталось такъ мало свидѣтельствъ.

Во всякомъ случаѣ замѣчательно, что — если вѣрны предъидущія соображенія — едва только успѣли осѣсть Варажскія дружины въ землѣ Русской, едва только успѣли утвердить свою воинскую славу, какъ уже пишется лѣтопись о ихъ дѣлахъ на языкѣ для нихъ чуждомъ.

И такъ въ X-мъ вѣкѣ до Владимира святаго были у насъ лѣтописи и лѣтописцы; была слѣдовательно нужда имѣть ихъ, и былъ обычай оберегать эти лѣтописи, иначе бы онѣ не сохранились; была письменность хоть въ тѣсномъ кругу....

Какъ бы ни мелочны и безцвѣтны казались первые проблески дѣятельности высшей въ народѣ образующея въ сравненіи съ блескомъ той же дѣятельности въ томъ же народѣ черезъ нѣсколько вѣковъ, они всегда будутъ многозначительны для ума, слѣдящаго за судьбами народа не по домысламъ воображенія и заранѣе принятыхъ убѣжденій, а съ твердымъ желаніемъ проникнуть въ истину. Какъ бы ни мелочны и безцвѣтны казались выводы изъ наблюденій надъ всѣмъ, въ чемъ отразились эти проблески жизни давноивувшей, они могутъ принести свою долю пользы даже своей невѣрностью, пробуждая желаніе дойти до истины болѣе счастливыми путями. А нельзя не желать дойти между прочимъ и до опытовъ возстановленія древнихъ лѣтописей до-Владимировскихъ если и не дословнаго, что (въ слѣдствіе темнаго соединенія первоначальныхъ замѣтокъ лѣтописныхъ съ преданіями и измѣненіями позднѣйшаго времени) иногда рѣшительно невозможно, то по крайней мѣрѣ приблизительнаго, изъ котораго бы хоть сколько нибудь видѣнь былъ кругъ понятій лѣтописцевъ, а слѣдовательно и ожиданій тѣхъ, для кого они трудились. Пусть первыя попытки будутъ и не удачны: ужели это должно устрашать работающихъ? Странно было бы, если бъ люди ученые руководствовались только желаніемъ выказывать свою непогрѣшительность и боязнію быть пристыженнымъ за неизбѣжныя ошибки.

II. ОБОЗРѢНІЕ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

въ XIII вѣкѣ.

Акад. С. П. Шевырева. *)

На границѣ между XII и XIII столѣтіями, въ послѣдней половинѣ XII-го и первой XIII-го, встрѣчаемъ двухъ писателей замѣчательныхъ, связанныхъ дружбою и единствомъ труда. Эти писатели — Симонъ и Поликарпъ, сочинители Кіевского Патерика ¹⁾.

Симонъ былъ черноризцемъ Кіевопечерскаго монастыря и самымъ ревностнымъ его приверженцемъ; въ 1214 году, изъ игумень обители Рождества Богородицы поставленъ онъ епископомъ Суздальскимъ и Владимирскимъ, а въ 1226 г. скончался во Владимирѣ, принявши схиму. Лѣтопись именуетъ его блаженнымъ, милостивымъ и *учительнымъ* ²⁾. Кромѣ Сказанія о Кіевопечерской церкви ³⁾, Симонъ написалъ Посланіе къ Поликарпу и при немъ Житія Кіевопечерскихъ Святыхъ: Евстратія постника, Никона многотерпѣливаго, прозваннаго сухимъ, священномученика Кукши, крестителя Вятчей; Анаасія затворника, Николая Святоши, князя Черниговскаго; Эразма, истощившаго все имѣніе свое на иконы Кіевопечерской церкви; Арефы, которому имѣніе украденное ворами вѣтнилось въ милостыню; попа Тита, желавшаго тщетно погасить вражду діакона Еваргія.

Посланіе Симона къ Поликарпу ⁴⁾ принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ произведеній, завершающихъ первую эпоху

*) Это чтеніе въ Исторіи словесности С. П. Шевырева составляетъ XI-ю лекцію.

¹⁾ См. Томъ I. Часть II. стран. 134—142.

²⁾ Лавр. спис. Кіевск. Лѣтоп. стран. 185. Тогоже лѣта (1111) Князь Гюрги, сынъ Всеволожъ, извелъ Симона игумена блаженнаго отъ Рождества Святыхъ Богородица, и посла я въ Кыевъ къ митрополиту, и постави я епископомъ Суждалю и Володимерю: стран. 190. Въ лѣто 6734, мѣсяца мая въ 22 день, преставися блаженный и милостивый, учительный епископъ Симонъ Суждальскій и Володомерскій, постригъся въ схиму, и положено бысть честное тѣло его въ церкви святыхъ Богородица въ Володимери.

³⁾ См. Т. I. Часть II. стран. 137—142.

⁴⁾ Напечатано въ Памятникахъ Россійской словесности, изданныхъ К. Ф. Калайдовичемъ, подъ № XXI. стран. 249 подъ заглавіемъ: Посланіе смиреннаго Епископа Самона Владимерскаго и Суздальскаго къ Поликарпу черноризцу Печерскому, по двумъ спискамъ — Синодальному начала XVI вѣка и списку библиотеки Графа Толстова, писанному въ 1549 году. Это посланіе не находится въ древнѣйшемъ харатейномъ спискѣ Патерика 1406 года, судя по описанію его содержания, напечатанному А. М. Кубаревымъ въ 9 № Читеній Общества И. и Д. Р. 1847. Этого списка Патерика, хотя и древнѣйшій, не есть однако лучшій.

нашей словесности до Татаръ. Извѣстно, что наша литература богата посланіями духовныхъ и даже свѣтскихъ лицъ. Первоначальный образецъ для нихъ заключается въ Посланіяхъ апостольскихъ. Степенная книга объясняетъ мѣстное происхожденіе этого рода сочиненій у насъ изъ обычая, что если кто по простотѣ сердца, или по невѣдѣнію божественныхъ писаній, впадалъ въ прегрѣшеніе, то знающіе дѣло бесѣдами и посланіями, любовно и разумно исправляли такого ⁵⁾. Главная цѣль Симонова Посланія заключается въ томъ, чтобы усюиконть честолюбіе Поликарпа, который желалъ быть игуменомъ въ обители Козмодемьянской, или у святаго Дмитрія: Верхуслава, супруга Ростиславова, желала поставить его епископомъ въ Новгородѣ, или въ Смоленскѣ, или въ Юрьевѣ. Симонъ, прозрѣвая, конечно, что Поликарпъ доверитъ дѣло, и въ началое — описанія житій угодниковъ Кіевопечерскихъ — склонялъ его къ тому, чтобы онъ остался въ монастырѣ и послужилъ архимандриту Анкидину. Главная мысль, одушевляющая Симона въ его словѣ къ Поликарпу, есть мысль о церкви. Такъ онъ ее выражаетъ: «Какъ дождь раститъ сѣмя, такъ и церковь влечетъ душу на добрыя дѣла: все что творишь ты въ келіи ни во что вѣтняется, Псалтырь ли читаешь, дванадесять ли псалмовъ поешь, ни единому Господи помилуй подобится соборнаго пѣнія. Вспомни, братъ, что верховный апостоль Петръ, самъ будучи церковью Бога живаго, взятый Иродомъ и посаженный въ темницу, избавленъ былъ отъ руки его церковною молитвою! Давидъ молился такъ: одного прошу у Господа и того ищу, чтобы жить мнѣ въ дому Господнемъ во всѣ дни жизни моей, и видѣть красоты Господни, и посѣщать святую Его церковь. Самъ Господь говоритъ: дождь Мой — дождь молитвы наречется; гдѣ двое или трое собраны во имя Мое, тамъ и Я среди нихъ. Если же такой соборъ соберется болѣе ста, вѣруй, что Богъ нашь съ ними. Отъ Его божественнаго огня икъ обѣдъ сотворается, отъ него же и я желаю хотя одной крупицы, болѣе всего сущаго передо мною» ⁶⁾. — Возможность олицетворить эту мысль о

⁵⁾ Книга Степенная Ч. I. стран. 480. Егда же ли кто онъ препростія сердца, и грубостію невѣдѣнія божественныхъ писаній, или въ нѣкое прегрѣшеніе преткнется, и таковин отъ достовѣрнѣйшихъ и истинно вѣдущихъ божественное писаніе благоразудными бесѣдами и посланіями люботрудными друголюбезно и благомудренно другъ друга исправляху.

⁶⁾ Якоже бо дождь раститъ сѣмя, тако и церкви влечетъ душу на добрыя дѣла: все бо елико твориши въ келіи ни въ чтоже суть, аще и Псалтырь чтеши, или дванадесять псалма поеши, ни единому Господи помилуй подобится съборному пѣнію. О семъ, брате, разумѣй,

церкви представляется Симону въ Печерскомъ монастырѣ, который, по слову его, «море есть, не держитъ въ себѣ гнилага, но измещеть вонь». — «Какъ отъ самаго Христа Бога нашего апостола во всю вселенную были посланы, такъ отъ Матери Господи нашей Богородицы великаго монастыря многіе епископы поставлены были въ Русскую землю». — Симонъ самъ оставилъ бы епископство и работалъ бы игумену, если бы Владимірская и Суздальская церковь, которую онъ самъ создалъ, не удерживала его своими красотами. Но всѣ города, области и села, и десятину, всю эту славу и власть, онъ вмѣнилъ бы во прахъ, если бы только могъ трескою торчать за воротами Печерскаго монастыря, или сметіемъ въ немъ валяться, попираемымъ человѣками. Лучше счесть одинъ день временной жизни въ дому Божіей Матери, нежели тысячу лѣтъ въ селеніяхъ грѣшничихъ. — И дагѣ говоритъ Симонъ: «Я грѣшный епископъ Симонъ тужу и скорблю, и плачу и желаю тамъ мнѣ скончаться, чтобы только положенъ я былъ въ божественной этой персти и принялъ ограду отъ многихъ грѣховъ моихъ».

Таковы были любовь и благоговѣніе иноковъ Кіевопечерскихъ къ обители, изъ воспитавшей. Чтобы сильнѣе устрѣмить брата на желанный подвигъ и возбудить въ немъ ревность къ монастырю, Симонъ представляетъ ему примѣры святыхъ его мужей. Евстратій у Жидовъ, Никонъ у Половцевъ, Кукна у Вятичей свидѣтельствуютъ мученіями истину Христовой Вѣры. Аванасій изображаетъ подвигъ 12-ти лѣтнаго затворничества; Святоша — отреченіе отъ княжеской власти и почестей; Эразмъ и Арева — отъ стяжаній; Титъ — любовь, стремящуюся погасить вражду, не угасавшую въ вѣкѣ вражды непрерывной.

Источниками Симону для описанія житій угодниковъ служили живыя преданія самой обители. Всѣ знаютъ, говоритъ онъ, о Кукнѣ, какъ онъ бѣсовъ прогонялъ, и Вятичей крестилъ, и дождь свелъ съ неба, и озеро засушилъ. Вавила, изцѣленный затворникомъ Аванасіемъ, самъ рассказывалъ Симону

яко верховный Апостолъ Петръ, самъ церкамъ сый Бога жива, егда лтъ бысть отъ Ирода и всажень въ темницю, не отъ церкви ли бываюша молитва забави отъ руку Иродову? Давыдъ бо молится глаголя: единого прошу у Господа и того възвущу, да живу въ дому Господнѣмъ вся дни живота моего, и да зрю красоты Господниа и посѣщаю церковь святую его. Самъ же Господь глаголетъ: домъ мой, домъ молитвы наречется; идѣ же бо, рече, два или три събрани во имя мое, ту есмь посреди ихъ. То аще толикъ сборъ боля ста сберется, въруй яко ту есть Богъ нашъ. Отъ того бо божественаго огня тѣхъ обѣдъ створяется, его же азъ желаю единова крупнца, паче всего сердца нже предо мною.

объ этомъ изцѣленіи. Келья, гдѣ жилъ Святоша, еще при немъ звалась Святошиною. Въ обители былъ огородъ, устроенный его руками; хранились книги, имъ подаренныя. Никто въ монастырѣ не видалъ Святошу празднымъ. Иконы, окованныя Эразмомъ, находились во время Симона надъ олтаремъ. Подробности о постриженіи въ схиму и о кончинѣ Эразма онъ слышалъ «отъ тѣхъ свидѣтелей святыхъ и самовидцевъ блаженныхъ старцевъ». Арефу онъ самъ видѣлъ, самъ вмѣстѣ съ отцемъ обители былъ свидѣтелемъ перемены, происшедшей въ его умѣ и нравѣ, когда воры украли его имѣніе, которое прежде составляло единственный предметъ заботъ его.

Вражда попа Тита и діакона Еввагія, болѣзнь перваго и внезапная смерть втораго, не захотѣвшаго уступить просьбѣ братіи и помириться съ противникомъ — случились на глазахъ Симона. Въ памятникахъ сохранялись имена святыхъ: Еввагіій записанъ былъ *протостраторомъ* ради его мученической кончины, а Никонъ названъ *схимомъ*, потому что высохъ отъ ранъ, полученныхъ имъ отъ Половцевъ. Изъ книгъ ссылается Симонъ на Іоанна Лѣствичника, на Лѣтописца стараго Ростовскаго, касательно числа епископовъ, вышедшихъ изъ монастыря Кіевопечерскаго, на Житіа Антонія и Феодосія, особенно же перваго во многихъ мѣстахъ ⁷⁾.

Тому же епископу Симону Татищевъ приписываетъ участіе въ продолженіи Несторовой лѣтописи, на основаніи рукописей, которыя были въ рукахъ его, но до насъ не дошли. ⁸⁾

⁷⁾ «Но что пишетъ блаженный Іоаннъ нже въ Лѣствичѣ?» — «Аще хошеши вся увѣдати, почти Лѣтописца стараго Ростовскаго, есть бо всѣхъ боля ѿ, а еже потомъ и до насъ грѣшныхъ мноу, близъ и». — «Аще ли кому невѣрно мнятся, се написано, да почтеть Житіа святыхъ Отецъ нашихъ, Антонія и Феодосія, начальника Русскихъ мнхомъ, и тако да въруеть». — Объ Житіи Антонія говоритъ Симонъ и въ другихъ мѣстахъ, которыя высчитаны въ статьѣ А. М. Кубарева: О Патерикѣ Печерскомъ, напечатанной въ 9-мъ Н Чтеній Общества И. и Д. Р. 1847.

⁸⁾ Исторія Россійская Татищева. Книга 1 Часть 1. стран. 58. «Сего времени (т. е. съ 1203 года по 1226), или мало прежде, видимъ, что Симонъ Епископъ въ Бѣлой Руси дополнялъ, ибо просто Русскіе или Малорусскіе и Червенскіе Руси или Волыни дѣлъ весьма мало упоминается. Оной Симонъ Епископъ умеръ въ 1226. Сей Симонъ не токмо тѣпаніе къ Исторіи какъ гл. 5. н. 2. (*), но къ тому потребный

(*). Въ этомъ мѣстѣ Татищевъ говоритъ: «Равно тожъ и съ Несторовою лѣтописью учинилось, что Могила, живши въ семнадцатомъ вѣкѣ въ предисловіи Патерика говоритъ: Несторово писаніе Русскихъ дѣланій чрезъ войны отдалися отъ насъ, почтѣмъ написалъ Симонъ Епископъ Суздальскій». — А выше на той же страницѣ: «Петръ Могила въ предисловіи Патерика листъ 6 пишетъ о немъ: Несторъ инокъ Печерскаго монастыря первѣе дѣланія Руская описалъ, а Симонъ Епископъ въ предисловіи, какъ Киприанъ скажетъ, написалъ: хотя мнози писатели о Руссахъ предъ Нестора быша, обаче ово отъ древности изказишася, ово погибоша и мало Константинъ улучи, и Нестору Сальвестръ Выдобожскій исполна сохранялъ».

Ни годъ рожденія Поликарпа, ни годъ кончины его не извѣстны. Вѣроятно, въ юныхъ лѣтахъ постригся онъ въ монастырь⁹⁾. Двѣ двери въ большомъ храмѣ святой Богородицы Печерской были устроены имъ¹⁰⁾. Знаемъ, по его же свидѣтельству, что онъ былъ въ Ростовѣ самовидцемъ чуда, совершившагося отъ иконы, писанной Алліемъ Кіевопечерскимъ¹¹⁾. Монастыри св. Козьмы и Даміана и св. Димитрія желали его имѣть своимъ игуменомъ. Княгиня Верхуслава или Анастасія, дочь Всеволода III, намѣревалась доставить ему епископскій санъ въ Новгородѣ, Смоленскѣ, или Юрьевѣ. Князь Георгій Всеволодовичъ, братъ ея, хотѣлъ поставить его намѣстникомъ Симона на епископшіи Владимірской и Суздальской. Всѣ эти обстоятельства свидѣтельствуютъ объ умѣ, дарованіяхъ и учености Поликарпа. Но Симонъ отвлекъ его отъ этихъ прелестней возвышенія, и самъ воспротивился желаніямъ княгини Верхуслavy и князя Георгія. Онъ, вѣроятно, увидѣлъ въ немъ будущаго продолжателя начатаго имъ труда, и потому писалъ, чтобы Поликарпъ не оставлялъ обители¹²⁾.

способъ имѣлъ, ибо жилъ во время любомудраго Государя Константина, котораго онъ хотя по враждѣ съ его защитникомъ Георгіемъ III нѣсколько неправо обвиняетъ, а Георгія выхваляетъ, однакожъ Константинъ мудрымъ, кроткимъ и справедливымъ нарицаетъ. О его библиотекѣ великой и писаніи исторіи не умолчалъ, и въ учрежденіи училища хвалу приписываетъ. Сей его или съ него списокъ, однакожъ довольно старъ видѣлъ я, и выписывалъ у Артемья Волынскаго, которой конченъ разореніемъ Москвы отъ Токтамыша въ 1334 году: однакожъ знатно, что въ тожъ время и по другимъ мѣстамъ Исторіи были, и дѣла тѣхъ временъ описывали, повеже нѣкоторые списки во многомъ съ оными разнятся, и многія, чего онъ не зналъ, дѣла въ разныхъ лѣтописцахъ находятся, томо о творцахъ неизвѣстно, яко Голицынской, видно, что сочиненъ на Волыни, Еропкина въ Полоцку, Хрущева въ Смоленскѣ, и единъ въ нижнемъ Новгородѣ; оный списокъ есть съ Новгородскаго.»

9) «Да слышишь твое благоразуміе глаголы моего младосумія и несовершенна смысла.» пишетъ онъ къ Акидину. «Не видѣши въ святое и честное мѣсто, въ немъ же еси остримлся.» говоритъ ему Симонъ въ своемъ Посланіи.

10) «Чай отъ Бога милости: труда ради твоего двѣ двери доспѣлъ еси то святѣй величѣй церкви святыя Богородица Печерскія, и та отверзеть ти двери милости своея: ибо веренъ вопіють о таковѣхъ всегда въ той церкви: Господи освяти любящая благолѣпіе дому Твоему, и ты прослави божественною силою Твоею.»

11) «Вземъ же Владиверь (Мовомахъ), едину святую Богородицу, и пославъ въ градъ Ростовъ въ тамо сущую церковь, юже самъ созда, иже и до нынѣ стоитъ, ейже азъ самовидецъ быхъ: иже при ней сотворися въ Ростовѣ, церкви той падшия, и та икона безъ вреда пребысть и внесена бысть въ древяную церковь яже нагорѣ отъ пожара, икона же та безъ вреда бысть, ни знаменія огненнаго на себѣ имущи.» Эта икона и теперь находится въ Ростовской Соборной церкви. См. мою Поѣздку въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, стр. 69.

12) Вотъ слова, которыми Симонъ заключаетъ Житіе Анастасія затворника: «Тыжъ, брате и сыну, смѣлъ не послѣдуй: не тѣхъ бо

Поликарпъ совершилъ это дѣло, по желанію архимандрита Акидина, какъ онъ самъ то свидѣтельствуемъ¹³⁾. Въ Посланіи къ нему онъ изложилъ житія тѣхъ святыхъ и блаженныхъ черноризцевъ Кіевопечерскихъ, которые не были описаны епископомъ Симономъ¹⁴⁾. Въ изложеніи своемъ онъ подражалъ древнимъ мужамъ, слагателямъ житій святыхъ отецъ въ Патерикѣ Печерскомъ¹⁵⁾, равно и Нестору, написавшему въ Лѣтописцѣ своемъ кратко о Даміанѣ, Іереміи, Матѣи и Исаакіи. Цѣль его при этомъ изложеніи состояла въ томъ, чтобы потомкамъ, пользы ради, оставить то, что пришло бы въ совершенное забвеніе, если бы онъ о томъ умолчалъ¹⁶⁾. Время своего труда авторъ самъ опредѣляетъ пятнадцатымъ годомъ

ради пишу се, но да тебе приобрящу. Совѣтъ же ти даю благочестіемъ: утвердися во святѣмъ томъ монастырѣ Печерскомъ не восхощи власти, ни игуменства, ни епископства и долѣеть ти къ спасенію, еже скончати жизнь свою въ немъ. Вѣси самъ, яко могу сказати всѣхъ книгъ подобная, убо ми и тебѣ полезное, еже отъ того божественнаго и святаго монастыря Печерскаго содѣянная и слышанная отъ многихъ мало сказати о Христвѣ Исусѣ о Господѣ нашемъ.»

13) «Вопросилъ мя еси нѣкогда, велѣ ми сказати о тѣхъ черноризцевъ содѣянная. — «Тѣмъ же и азъ грѣшный Поликарпъ, твоей воли работая, державный Акидине, напишу мало нѣчто о блаженномъ Григоріи чудотворцѣ.»

14) Второго посланія еже къ Архимандриту Печерскому Акидину о святыхъ и блаженныхъ черноризцевъ братіи нашихъ. Списано Поликарпомъ черноризцемъ того же монастыря Печерскаго.

15) «Древнихъ убо святыхъ подражающе мы грѣшныи писанію, еже они изъясниша и многими трудомъ разыскаша въ пустыняхъ, и горахъ, и пропастьхъ земныхъ, нѣхъ убо сами видѣше, нѣхъ же слышаше житія и чудеса, и дѣла божоудобныя преподобныхъ мужи написаша, нѣхъ же слышаше прежде ихъ бывшихъ житія же и словеса и дѣянія, еже естъ Патерикъ печерскій въ томъ сложше, сказаха о нихъ отцы, еже мы почитающе, наслажаема духовныхъ тѣхъ словесъ. Азъ же недостойный ни разума истинны не постигъ, и ничтоже отъ тѣхъ такового видѣхъ, но слышанію послѣдуя, еже ми сказа преподобный Симонъ и сіа написати твоему отечеству, и нѣсть никодѣже обходитъ святыхъ мѣстъ, ни Іерусалима видѣхъ, ни Синайскія горы, да быхъ что приложилъ къ повѣсти, якожъ обычай имуть хитрословесницы сѣмъ краситися, мнѣжъ да не буди похвалятися. Но томо о святѣмъ семъ монастыри Печерскомъ, и въ немъ бывшихъ святыхъ черноризцевъ, и тѣхъ житіемъ и чудеса ихъ же поминую радуясь, желаю и азъ грѣшный святыхъ тѣхъ отецъ молить.»

16) «Аще повелитъ твое преподобство написати ихъ же ми умъ постигнетъ и память принесетъ, аще ти непотребно будетъ, да сушишь по насъ ползы ради оставиши, якоже блаженный Несторъ въ Лѣтописцы написа о блаженныхъ отцѣхъ: о Домини и Ереміи, и Матѣе, и Исакии. Въ Житіи же святаго Антонія вся житія ихъ вписана суть, аще краткѣ речена, но и паче прержереченіи черноризца, яко реку, а не втайнѣ, якоже и прежде. Аще бо азъ премолю, отъ мене до конца забвена будутъ, и къ тому не помянутся имена ихъ, якоже было и до сего дни. Се же речеса въ еѣ лѣто твоего игуменства, еже не бысть воспоминаенія за ѣ и џ. лѣтъ, нынѣ же твоея ради любви и утѣшена слышана быша.»

игуменства Анкидинова. Объ Анкидинѣ упоминаетъ лѣтопись подъ 1231 годомъ: онъ участвовалъ въ ставленіи Кирилла епископомъ Ростову¹⁷⁾. Но неизвѣстно, сколько времени тогда онъ уже былъ архимандритомъ. Ближе опредѣляется время Поликарпова труда слѣдующими его словами: «сто шестьдесятъ лѣтъ не было воспоминанія о святыхъ отцахъ обители», говоритъ онъ въ слѣдъ за тѣмъ, какъ упомянулъ о сказаніи Нестора. Ясно, что онъ имѣлъ предъ глазами лѣтопись, которая подъ 1074 годомъ содержитъ въ себѣ житія, описанныя Несторомъ. Если приложимъ къ этому числу 160, то время труда Поликарпова опредѣлится со всею вѣроятностію 1234 годомъ — и оправдывается обстоятельствомъ, приведеннымъ выше относительно архимандрита Анкидина.

Главнымъ источникомъ для Поликарпа послужили устные сказанія епископа Симона, о чемъ онъ свидѣтельствуетъ два раза¹⁸⁾. Лѣтопись Нестора была ему извѣстна, какъ то ясно изъ его двукратнаго объ ней упоминанія. Кроме того онъ ссылается на лѣтописца въ томъ мѣстѣ, гдѣ говоритъ о небесномъ знаменіи, о трехъ столпахъ, явившихся надъ трапезницею во время преставленія Пименова¹⁹⁾. Въ другомъ мѣстѣ, повѣствуя о дѣлахъ происходившихъ у Ляховъ, ссылается на лѣтописца, вѣроятно Польскаго²⁰⁾; а иногда дополняетъ событія, извѣстныя изъ лѣтописи, монастырскими сказаніями. Такъ Григорій чудотворецъ, обезчещенный отроками Ростислава

Всеволодовича, предсказываетъ имъ гибель отъ воды вмѣстѣ съ княземъ ихъ, за что и самъ брошенъ въ воду симъ послѣднимъ: лѣтопись дѣйствительно доноситъ намъ о томъ, какъ Ростиславъ погибъ въ рѣкѣ Стугнѣ. Слово о Полку Игоревѣ также оплакиваетъ кончину его въ рѣкѣ²¹⁾. Въ Житіи Прохора, творившаго хлѣбъ изъ лебеды и соль изъ пепла, сказано объ рати, которая была между Святополкомъ и Давидомъ Игоревичемъ по случаю ослѣпленія Василья: не пускали гостей изъ Галича, ни ладей изъ Перемышля, и не было соли во всей Русской землѣ²²⁾. Въ Житіи Феодора и Василя говорится о томъ, какъ Мстиславъ Святополковичъ пыталъ у нихъ о сокровищѣ, которое скрылъ Феодоръ, какъ Василій былъ уязвленъ отъ князя стрѣлою до смерти и предсказалъ ему смерть отъ стрѣлы же, и какъ Мстиславъ, пораженный на стѣнахъ Владимира стрѣлою, во время битвы съ Давидомъ Игоревичемъ, припомнилъ тогда же предсказаніе Васильева. Лѣтопись дѣйствительно упоминаетъ о подобной кончинѣ Мстислава, но безъ подробностей о Василя и его предсказаніи²³⁾.

Взглянемъ теперь на тѣ образцы святости, которыя изобразилъ Поликарпъ къ Анкидину. Никита затворникъ, въ послѣдствіи епископъ Новгородскій, представляетъ гордость знанія, побѣжденную молитвою иноковъ и смиреніемъ. Ага-

17) Въ лѣто 6739... Поставленъ бысть Кирилъ епископомъ мѣсяца апрѣля въ 6 день, въ недѣлю святыхъ Митроносицъ на пасхѣ; священъ же бысть пресвященнымъ митрополитомъ Кирилломъ и съ окрестными епископми... и игуменъ инози, и архимандритъ святыхъ Богородица монастыря Печерскаго Анкидинъ. Лавр. сп. стран. 194.

18) Кроме того мѣста, которое приведено въ 13 примѣчаніи, приведу самое начало Посланія: «Господу посѣществующе и слово утвержающе ко твоему благоумію, пречестный Архимарите вса Русіи, отче и господине мой Анкидине, подайже ми благоприятныя твоя слуха да въ ня возглаголю дивныхъ и блаженныхъ мужъ житія, дѣяніи и знаменія бывшихъ во святѣмъ семъ монастырѣ Печерскомъ, еже слышахъ о нихъ отъ Епископа Симона Володимирскаго и Суздальскаго, брата твоего, черноризца бывшаго тогожъ Печерскаго монастыря иже и сказа мнѣ грѣшному»...

19) «И въ таковѣмъ страданіи лежа преподобный Пиминъ лѣтъ 4; во время же преставленія его явишася три столпы надъ трапезницею, и оттуду на верхъ церкви придоша, о нихъ же речено бысть въ Лѣтописци. Свѣтъ же Богъ, знаменіе сіе показавы, или сего ради блаженнаго, или ино кое смотрѣніе бысть».

20) «Болеславъ... воздвиже гонение велие на черноризцы, изгна вса отъ области своея; Богъ же сотвори отищеніе работъ своимъ скорѣ: во едину убо ночь Болеславъ напрасно умре, и бысть ижеже великъ во всей Лядской земли и возставше людіе избѣша епископы своя, и болары своя, якожъ и въ Лѣтописци повѣдаеть». Изъ Житія Моисея Угрина.

21) «Уже бо вы постиже судъ, яко вси вы въ водѣ умрете и съ княземъ вашимъ.... Ростиславъ неиде въ монастырь отъ аорсти, не вксохотѣ благословенія и удалися отъ него, возлюбилъ клятву и прииде ему; Владимиръ же прииде въ монастырь молитвы ради, и бывшииъ имъ у Треполя и полкома снемшиася, и побѣгоша князи наши отъ лица противныхъ: Владимиръ же преѣха реку молитвы ради святыхъ и благословенія; Ростиславъ же утопе, со всѣми вои своими по словеси блаженнаго Григоріа». См. Лавр. св. стран. 94.

22) Егда же Святополкъ съ Давидомъ Игоревичемъ рать зачаса про Василькову слѣпоту, егомъ ослѣпи Святополкъ, послушавъ Давида Игоревича, съ Володаремъ, и съ самѣмъ Василькомъ, и не пустиша гостей изъ Галича, ни людіи отъ Перемышля, и не бысть соли во всей Руской земли: сицева неуправленія быша. Вотъ одно изъ доказательствъ тому, что была торговля въ древней Руси и что касалась она предметовъ первой необходимости. Здѣсь замѣчательно мѣсто, гдѣ употребляется слово гольважъ: «Юже бо преже драго продаваху, на двѣ гольважѣ на куу, нынѣжъ по г, и нитю же знимаше».

23) «Мстиславу же хотящю стрѣлѣти, внезапно ударенъ бысть подъ пазуку стрѣлою, на заборолѣхъ, сквозѣ дску скважнею, и сведоша и, и на ту ночь умре. Лавр. сп. стран. 115. — «Не по мнозехъ же днехъ самъ Мстиславъ застрѣленъ бысть въ Володимери, на забралѣхъ по прореченію Васильеву: бияшеса съ Давидомъ Игоревичемъ, и тогда познавъ стрѣлу свою, ею же застрѣли Василя, и рече: се умираю днесь преподобныхъ ради Василя и Феодора». (Изъ Патерика).

путь, безмездный врачъ, торжествуетъ надъ искуснымъ врачомъ Армянномъ; чтобы не нарушить монастырскаго устава и не покидать обители, не рѣшается идти къ больному Владимиру Мономаху на его приглашеніе, но издѣлавъ его заочно, отвергаетъ дары князя и побуждаетъ его раздать все имѣніе нищимъ. Григорій чудотворецъ борется съ ворами и обращаетъ ихъ въ усердныхъ работниковъ обители. Іоаннъ затворникъ, сражаясь съ помысломъ чувственнымъ, употребляетъ противъ него безсоніе, жажду, тяжкія вериги, наконецъ яму и персть земную на все тѣло, кромѣ рукъ и головы. Привлекательна повѣсть о цѣломудренномъ красавцѣ Моисей, родомъ Венгерцѣ, который былъ братомъ Георгію, убитому вмѣстѣ съ святымъ Борисомъ на Альтѣ. Уведенный въ плѣнъ Болеславомъ вмѣстѣ съ Предславомъ, сестрою Ярослава, въ Польшу, Моисей становится предметомъ страстной любви одной богатой Польской жены, противостоятъ всѣмъ ея искушеніямъ, терпитъ муки и спасаетъ свое цѣломудріе. Прохоръ, во время голода, печетъ вкусныя хлѣбы изъ лебеды, и во время безпорядковъ, разрушившихъ торговлю, добываетъ соль изъ пѣпелъ (вѣроятно, поташъ), и тѣмъ помогаетъ страдающему народу. Маркъ печерникъ копаетъ могилы для братіи, и мертвые его слушаются. Феодоръ и Василій заставляютъ бѣсовъ работать на монастырь, и презираютъ скрытое первымъ сокровище, вынося за то муки отъ власти княжеской. Алипій иконописецъ украшаетъ храмы обители и другіе чудными иконами, и своими цѣлебными вапами врачуетъ безобразіе челоуѣка, покрытаго струпами. Наконецъ Пименъ многострадаальный, въ теченіе двадцати лѣтъ, страдаетъ въ обители тяжкимъ недугомъ, и какъ Іовъ поетъ хвалу Господу.

Сочиненіе Кіевскаго Патерика восходитъ такимъ образомъ къ самому началу Татарскаго нашествія. Изображеніе подобныхъ примѣровъ святости явилось ктати въ эпоху, когда своекорыстіе, себьялюбіе и ненависть, раздирая утробу Россіи, привлекали въ нее полчища дикарей самыхъ грубыхъ. Чтеніе Патерика послужило много къ тому, чтобы воспитывать въ духовенствѣ и во всѣхъ сословіяхъ Русскаго народа въ древнемъ его періодѣ тѣ добродѣтели, которыми и теперь твердо и непоколебимо наше Отечество.

Перехода къ XIII столѣтію и обращая взоръ на совокупность памятниковъ словесности XII-го вѣка, мы можемъ, со всею вѣроятностію, сказать, что это одни только значительные обломки отъ великаго кораблекрушенія нашей до-Татарской древности. Славяно-Русское слово говорило

въ XII-мъ вѣкѣ устами богомольнаго странника, великаго князя, митрополита, юмориста-заточника, глубокомысленнаго и краснорѣчиваго проповѣдника, пѣвца-друга отечества, мужей святыхъ, славившихъ свою обитель, плодотворную чудесами. Въ глубинѣ всѣхъ этихъ произведеній лежитъ одна великая и живая мысль — какъ зерно будущаго величія Россіи, какъ залогъ ея соединенія государственнаго, какъ опора и точка отправленія въ ея умственнымъ развитіи — мысль о православной Церкви нашей, источникъ спасенія и временнаго и вѣчнаго. Изъ памятниковъ древнѣйшаго нашего слова мы видимъ, что сѣмя Русское возшло было славно, но Татарскіе снѣга его завалили: волею Промысла оно было уже окреплено, и потому не могло погибнуть; долго лежало подъ снѣгами; росло между тѣмъ крѣпкою внутреннею, духовною жизнью, пока Провидѣнію угодно стало вызвать его снова на свѣтъ Божій.

Рѣзкая граница отдѣляетъ XII вѣкъ отъ послѣдующаго, начиная со второй его четверти. Внезапное безплодіе, поражающее насъ въ XIII вѣкѣ, можно было бы сравнить съ впечатлѣніемъ пустыни, встрѣчавшей въ тѣ времена странниковъ нашихъ на ихъ пути изъ населенной Россіи къ полудню, къ Татарскимъ кочевьямъ. Слова, читаемая нами подъ 1224 годомъ лѣтописи, объясняютъ намъ это безплодіе. «Томъ же лѣтѣ, по грѣхомъ нашимъ, придоша языци незнаеми, ихъ же добрѣ никтоже не вѣсть, кто суть и отколѣ изыдоша, и что языкъ ихъ, и котораго племени суть, и что вѣра ихъ; а зовуть я Татары».

Не лзя лучше выразить всей внезапности ужаса, который обуялъ тогда нашихъ соотечественниковъ. Силы Моголовъ, въ то время еще не разъединенныя, были огромны; наши же, не смотря на личную храбрость многихъ князей и на самоотверженіе многихъ городовъ, раздроблены и потому ничтожны. Вспоминимъ, что нашествіе Татаръ поразило страхомъ всю Европу. Императоры созвали противъ нихъ крестовый походъ. Папа испугался за безопасность своей церкви²⁴⁾ и счелъ за нужное отправить къ Татарамъ пословъ-миссіонеровъ, которые въ ордѣ подвергались всѣмъ унижительнымъ условіямъ Ханскаго обычая. Плато Карпини и Асцелингъ, съ двухъ сторонъ, проникли въ Татарскія орды въ 1246 году. Французскій король Людовикъ святой, въ 1253, отправилъ къ нимъ также и своего посла, Рубруквиса.

²⁴⁾ Timebamus, ne per illos in proximo Ecclesiae Dei periculum immineret, говорятъ Плато-Карпини въ началѣ своего путешествія.

Храбрость, смѣшанная съ легкомысліемъ, обнаружилась въ первыхъ дѣйствіяхъ нашихъ противъ Татаръ. Отдѣльные князья вооружились мужественно, а губили Татарскихъ полковъ легкомысленно. Битва Калкская проиграна потому только, что три Мстислава, Кіевскій, Козельскій и Галицкій, старѣйшины Русской земли, ненавидѣли другъ друга. Втуиъ покрытъ ранами храбрый, осмнадцатилѣтній юноша, Данилъ Романовичъ; втуиъ стоить твердо Олегъ Курскій; даромъ льется Русская кровь какъ вода: пораженіе при Калкѣ было такое, какого князья наши не испытали отъ самаго начала Русской земли. Изъ воиновъ десятый не избѣжалъ меча. Погибло семьдесятъ великихъ и храбрыхъ богатырей, въ томъ числѣ Александръ Поповичъ и Добрыня Рязанскій, золотой поясъ. Самъ великій князь Кіевскій, Мстиславъ Романовичъ, съ дѣтьми и съ зятемъ, былъ убитъ руками Татаръ. Кіевлянъ однихъ избито 60.000, а другихъ сколько? одинъ Богъ то вѣдаетъ: «число безчисленное».

Несчастный примѣръ юга не былъ спасителемъ для раздробленнаго сѣвера. Батый, «молніиная стрѣла», устремился на Рязань. Юрій Всеволодовичъ не пошелъ на приглашеніе Юрія Игоревича Рязанскаго. Феодоръ Юрьевичъ убитъ Батыемъ за то, что не хотѣлъ выдать прекрасной супруги своей сластолюбцу. Бросилась съ высокаго своего терема и прекрасная Евпраксія съ сыномъ своимъ Иваномъ, когда услышала о смерти мужа, и убилась до смерти. Городъ за городомъ берутъ Татары: 14 городовъ взято ими за одинъ февраль мѣсяцъ въ Рязанской и Суздальской области. Воевода Филиппъ Нянька погибъ въ Москвѣ за православную вѣру: старцы и дѣти обагрили кровью улицы города. Владимиръ, лишенный своего князя, славно противится и въ соборномъ храмѣ возноситъ къ небу жертвенникъ всесожженія, въ которомъ сгараютъ владыка Митрофанъ, великая княгиня съ дочерьми и снохами, бояре съ семействами. Евпатій Коловратъ, богатырь Рязанскій, собираетъ дружину, бьетъ воиновъ Батыевыхъ, поражаетъ Татарскаго богатыря, Хоздовула, и самъ уступаетъ только множеству враговъ. Меркурій, витязь Смоленскій, родомъ Римлянинъ, положилъ Татарскаго исполина, на долгомъ мосту. Козельскъ увѣнчался славою имени *злаго юрода*, даннаго ему Батыемъ, и умылся кровью своихъ младенцевъ, непощаженныхъ мстителемъ. Палъ великодушно на берегахъ Сити Юрій Всеволодовичъ съ своими воеводами, боярами и воинствомъ. Преданъ мученической смерти и братаничъ его, Василько Константиновичъ-Ростовскій, въ плѣну у Татаръ, за

тѣ слова, которыми онъ поносилъ ихъ. Отъ многолѣтнястаго дерева князей Русскихъ уцѣлѣло всего 15 князей, избывшихъ меча Татарскаго. — Погасла передъ Батыемъ и величественная красота Кіева: едва ли 200 домовъ оставалось въ городѣ въ то время, когда посѣтилъ его Папскій посланникъ, Плато Карпини. Одинъ за другимъ, сдавались Батыю Русскіе города. Въ 1243 году, великій князь Ярославъ Всеволодовичъ кланялся ему въ ордѣ, и принялъ отъ него старѣйшинство надъ всеми князьями и народомъ. Начались жалкія странствія князей Русскихъ въ орду, гдѣ они подвергались всевозможнымъ униженіямъ своего сана, гдѣ самые низшіе прислужники ханскіе ходили впереди ихъ, занимали всегда первое и верхнее мѣсто, и часто сажали ихъ позади себя. Въ 1257-мъ году, Татары сочли всю землю Суздальскую, Рязанскую и Муромскую, поставили десятниковъ, сотниковъ, тысячниковъ и темниковъ, не сочли только одного духовенства. Въ 1259 году, Новгородцы, боясь Татарской рати, добровольно сами пригласили къ себѣ Татарскихъ счетчиковъ, которые изочли земли, и Новгородскую, и Псковскую. Изрѣдка вспыхиваетъ открыто ненависть противъ Татаръ: въ 1262 г. Русскіе князья избиваютъ Татарскихъ баскаковъ, а другихъ изгоняютъ; иные крестятся въ нашу вѣру²⁵). Въ Ярославлѣ народъ предаетъ смерти и псамъ на съѣденіе отступника монаха Зосиму, который гонитъ православіе въ пользу магометанства и мирвольтитъ Татарамъ? Но въ 1278 году Русскіе князья воюютъ уже за-одно съ Татарами противъ Ясовъ.

Образованіемъ своимъ мы дѣйствовали тогда на Татаръ. Воевода Батыевъ, Мангу-ханъ, удивился красотѣ и величеству Кіева, и даже сначала не хотѣлъ разорять его. Плато Карпини, проѣзжая черезъ Кіевъ, нанялъ въ немъ толмача для переговоровъ съ Татарами; но онъ однако не былъ въ состояніи перевести Латинскую папскую грамоту на Татарскій языкъ. Золотыхъ дѣлъ мастера были весьма честны Татарами. Такъ Русскій золотыхъ дѣлъ мастеръ, Кузьма, былъ очень любимъ ханомъ Гаюкомъ и помогалъ миссіонерамъ папскимъ въ ихъ нуждахъ. Онъ сдѣлалъ для Хана престолъ и печать²⁶). Толмачемъ при великомъ князѣ Ярославѣ и спут-

²⁵ Въ Русскомъ Временникѣ сказано даже, что былъ совѣтъ по всѣмъ городамъ Русскимъ на всѣхъ бусурмановъ, поставленныхъ властелями отъ Батыя, что по убіеніи Батыя велѣли Князья Рускіе убивать всѣхъ тѣхъ, которые не хотятъ креститься, и что многіе изъ нихъ крестились.

²⁶ Собраніе Путешествій къ Татарамъ. Пер. Языкова Спб. 1828. стран. 195 и 55. У Карамзина (Т. 4 стран. 49) Кузьма названъ Ко-

никѣ его, Половецкомъ князѣ Сангорѣ, былъ Русскій изъ Суздаля. Монахъ Рубруквисъ, посолъ Людовиковъ, нашелъ при дворѣ Мангу-хана Русскаго архитектора. Къ духовенству Русскому Татары питали уваженіе. Ихъ переніе, которая забирала все въ подданство ханамъ, не коснулась только духовенства: они не считали ни архимандритовъ, ни игуменовъ, ни иноковъ, ни поповъ, ни діаконъ, ни крылошанъ, ни всего причта церковнаго, говорятъ лѣтописцы. Многіе духовные Русскіе люди пребывали при дворѣ ханскомъ, когда былъ тамъ Плато-Карпини. Передъ большимъ шатромъ Гаюка, отличавшагося особеннымъ сочувствіемъ къ христіанству, всегда была христіанская часовня, гдѣ наши священнослужители открыто звонили къ часамъ и пѣли. Въ 1261 году, учреждена была въ Сарай Сарская епархія, и Кириллъ митрополитъ поставилъ первымъ Сарайскимъ митрополитомъ Митрофана, который въ 1269 году облеченъ въ схиму и уступилъ свое мѣсто новопоставленному епископу Переяславскому и Сарайскому, Феогносту.

На юго-западъ Руси, въ Галиціи, куда не столько достигала Татарская гроза, было болѣе приволья строить города и украшать ихъ храмы. Лѣтописецъ Волынскій рассказываетъ о городѣ Холмѣ, сожженномъ въ войну съ Куремсою, какъ онъ созданъ былъ Даниломъ, какъ приходили къ нему Нѣмцы, Ляхи и Русь, какъ всякіе мастера бѣжали отъ Татаръ, ковачи желѣза, мѣди и серебра, и была жизнь, и дворами наполнились всѣ окрестности, поля и села, окружавшія городъ. Создана была великолѣпная церковь во имя св. Іоанна: своды ея были поставлены на четырехъ головахъ человѣческихъ, изваянныхъ какимъ-то художникомъ: должно думать, что онѣ изображали четырехъ Евангелистовъ; три окна были украшены Римскими стеклами, вѣроятно росписанными; два столпа изъ цѣльнаго камня стояли въ олтарѣ; надъ ними своды, а верхъ украшенъ золотыми звѣздами по лазурю; внутренней помость вылитъ изъ мѣди и чистаго олова, и блестялъ какъ зеркало; двои дверей украшены камнемъ Галицкимъ бѣлымъ и зеленымъ Холмскимъ, узоры на нихъ дѣлалъ художникъ Авдѣй, шарообразные и золотые; на однихъ дверяхъ изображался Спаситель, на другихъ св. Іоаннъ. Огромная башня поднималась среди города, снизу каменная, верхъ деревянный; выбѣленная, свѣтилась она во всѣ стороны. И послѣ пожара Данилъ возобновилъ городъ и храмъ, но не могъ возобновить башни, потому что надобно было строить города противъ Татаръ. Другомъ, вѣроятно, съ Французскаго Сѣте. У Мангу жилъ въ большой чести золотаръ Парижскій Гильомъ, по свидѣтельству Рубруквиса.

гую церковь построилъ онъ въ городѣ Холмѣ, во имя Пресвятыя Богородицы, и украсилъ ее чашею изъ багрянаго мрамора, принесеннаго изъ земли Угорской: чудно была она изваяна и змѣйныя главы обвивали ее.

Тотъ же Волынскій лѣтописецъ упоминаетъ вскользь о славномъ пѣвцѣ Митусѣ, который за гордость не хотѣлъ служить князю Данилу и жилъ въ Перемышлѣ: дворецкѣ Даниловъ, Андрей, привелъ пѣвца связаннаго и въ разорванномъ рубищѣ къ своему князю. — Въ той же лѣтописи говорится о славной пѣсни, которую пѣли Данилу и его войнамъ, послѣ побѣды ихъ надъ Ятвягами и послѣ того, какъ они многихъ христіанъ освободили отъ плѣна. Лѣтописецъ сравниваетъ Данила съ отцомъ его, Романомъ, который, какъ левъ, выходилъ на поганыхъ: именемъ Романа Половцы страшали дѣтей. Но лѣтописецъ не распространяется объ этой пѣсни, замѣщая, можетъ быть, изъ нея выраженіе объ Романѣ: ибо, по его мнѣнію, изъявленному въ другомъ мѣстѣ по случаю хвальнаго слова, произнесеннаго Даниломъ, *Богъ похвальнаго слова не любитъ* ²⁷⁾.

Въ лѣтописяхъ XIII-го же вѣка упоминается о томъ, какъ въ областяхъ Олега князя Рыльскаго и Волгорскаго были ловища лебедьныя и сокольниковъ: цари Ногаи ловили ему лебедей соколами. Въ этихъ ловляхъ древней Руси, которыя совершались въ 1284 году въ Курскомъ княженіи, заимствованы одинъ изъ прекраснѣйшихъ образовъ превосходной хоровадной пѣсни нашего народа: *Ахъ по морю, морю синему, плыла лебедь бѣлая со лебедушками.... Гдѣ ты взялся младъ ясенъ соколъ, убилъ, ушибъ, лебедь бѣлую....* ²⁸⁾

Три князя олицетворяютъ для насъ Россію этого времени; Александръ, Михаилъ и Владиміръ.

Во времена униженія народнаго духа и страданій всякаго рода, мысль лѣтописца и съ нимъ вѣстѣ мысль всякаго Русскаго отдыхаетъ на величавомъ и прекрасномъ образѣ родоначальника будущихъ освободителей Россіи, князей Московскихъ, Александра Невскаго, въ которомъ не умирала наша древняя воинская слава. Западные страны, по словамъ лѣто-

²⁷⁾ «Видѣвшуся Данилу о рѣку Велью съ королевичемъ, и вѣкое слово похвально рекшу, его же Богъ не любитъ....»

²⁸⁾ «Вотъ, конечно, одно изъ свидѣтельствъ тому, что эта пѣсня древняго происхожденія. Народъ могъ заимствовать этотъ образъ только изъ тѣхъ временъ, когда эти ловли еще совершались часто. Слово о полку Игоревѣ упоминаетъ о десяти соколахъ, которыхъ пускали на стадо лебедей. Городъ Рыльскъ находится въ Курской губерніи, а Воргольская область сохранилась теперь въ имени села Ворголя, въ Елецкомъ уѣздѣ Орловской губерніи.

писца, дивились ему и завидовали его славі. Мужество и благо-разуміе сочетались въ немъ. Въ то время, когда на югѣ одо-лѣвали насъ Татары, Александръ на сѣверѣ, окруженный шестью богатырями, побѣждалъ Нѣмцевъ. Онъ ѣдетъ въ орду, по призыву Батыя, и Батый удивляется его добротѣ и величеству, и жены Татарскія, какъ вѣроятно пѣли тогда въ народныхъ пѣсняхъ, убаюкивали плачущихъ младенцевъ сло-вами: молчи, в. князь Александръ ѣдетъ. Слава его расхо-дится по всѣмъ землямъ отъ моря Варяжскаго до Понтійскаго, до горъ Араратскихъ и до Рима. «Чада милыя, разумѣйте, что зашло солнце земли Русской!» сказалъ митрополитъ Кириллъ, по преставленіи сего князя.

Въ то время, какъ Александръ Невскій подвигами меча питалъ воинственный духъ въ князьяхъ и народѣ, другой ве-ликій князь, Михайлъ Черниговскій, съ своимъ вѣрнымъ боя-риномъ Феодоромъ, подвигомъ мученичества укрѣплялъ въ нихъ вѣру и кровію своею посылалъ сѣмя будущаго спасенія отечества. Когда всѣ Русскіе князья, миссіонеры папы и послы короля Французскаго совершали языческое поклоненіе огню и солнцу, по требованію хановъ, Михайлъ Всеволодо-вичъ, князь Черниговскій, и бояринъ его Феодоръ объявили рѣшительно волхвамъ или жрецамъ хана, что христіане не поклоняются ни твари, ни идоламъ, а поклоняются только Пре-святой Троицѣ—Отцу и Сыну и Святому Духу. Тщетно пле-мянникъ Михайла, князь Борисъ Васильковичъ Ростовскій, тщетно многіе Русскіе князья и бояре со слезами убѣждали Михайла исполнить волю цареву и обѣщались, возвратясь въ свою землю, всю землю взять этотъ грѣхъ на себя и совер-шить всенародную эпитимію за князя; тщетно говорили Ми-хайлу, что онъ многими благами Русской землѣ и имъ всѣмъ искупить этотъ грѣхъ. Подкрѣпило Михайла, въ минуту ис-кушенія, сильное слово Феодора, напомнившаго ему о Евангель-скомъ наставленіи духовника ихъ, Ивана.—Рѣшительный от-вѣтъ Михайла Эльдегѣ, ханскому вельможѣ, что онъ го-товъ умереть, вызвалъ мученіе. Нашелся отступникъ изъ Русскихъ, нѣкто Дومانъ, Сѣверянинъ, родомъ изъ Путив-ля, чтобы отрѣзать ножомъ честную главу святаго велико-мученика Михайла, которая, отброшенная отъ тѣла, прогово-рила: христіанинъ есмь. Бояринъ Феодоръ принялъ тоже му-ченіе. Посторонній очевидецъ событія, папскій посолъ Плато-Карпини, засвидѣтельствовалъ его истину²⁹⁾. Князь Романъ

²⁹⁾ Собраніе Путеш. къ Татарамъ стр. 85. «Южной сторонѣ покла-няются какъ Богу, и заставляютъ тоже дѣлать другякъ зватныхъ Т. III.

Олговичъ Рязанскій, въ 1270 г., послѣдовалъ примѣру Ми-хайла и вынесъ въ ордѣ жесточайшія истязанія за Вѣру.

Третій князь, въ которомъ олицетворяется Россія XIII вѣ-ка, былъ Владиміръ Васильковичъ Волынскій. Высокій ростъ, сильныя плечи, прекрасное лицо, русые кудрявые волосы, бо-рода остриженная, стройныя руки и ноги, исподняя часть рта полная и голосъ громкій, составляли признаки его наружности. Онъ былъ искусный ловець, храбръ, кротокъ, смиренъ, не-злобивъ, правдивъ, не мздоимецъ, ненавидѣлъ воровство, не пилъ вина отъ раннихъ лѣтъ своихъ, имѣлъ высокое просвѣ-щеніе, говорилъ вразумительно отъ книгъ, любилъ бесѣду съ духовными, украсилъ храмы городовъ Берестья и Каменца, имъ основанныхъ, Бѣльска, Владиміра Волынскаго, Перемышля, Чернигова, Луцка, Любомля — иконами, сосудами, ризами и другими церковными потребами, снабдилъ книгами—евангеліа-ми, апостолами, служебниками, прологами, минеями, сборни-ками отца своего. Изъ этихъ книгъ онъ самъ своею рукою переписалъ многія. Былъ иконописцемъ; написалъ многія ико-ны, между прочими икону св. Георгія на золотѣ, а другую Пресв. Богородицы не докончилъ³⁰⁾. Лѣтописецъ, воспѣвая похвалу сему князю, говоритъ объ немъ: правда облекала его, крѣпость препоясывала, милостыня, какъ золотая гривна, укра-шала его, обливала истина и смыслъ вѣнчалъ его. И вотъ за четыре года до своей кончины, онъ началъ страдать болѣзнію,

людей, кои предаются имъ. По этому случилось недавно, что Миха-илъ, бывшій однимъ изъ великихъ герцоговъ Русскихъ, пріѣхавъ къ Батыю для преданія себя, сперва проведенъ былъ ими между двухъ огней, а потомъ сказали ему, чтобы онъ поклонился Цингисъ-хану на югъ. Онъ отвѣчалъ, что охотно поклонится Батыю и его служителямъ; но образу человека умершаго кланяться не будетъ, поелику это неприлично для христіанина. Когда же нѣсколько разъ говорили ему, чтобы онъ поклонился, а онъ отказывался, то Батый чрезъ Ерославова сына велѣлъ ему сказать, что его убьютъ, если онъ не поклонится. На это онъ отвѣчалъ, что скорѣе согласится умереть, нежели сдѣлаетъ неприличное дѣло. Послѣ этого Батый прислалъ одного тѣлохранителя, который билъ его пинками въ сердце до тѣхъ поръ, пока онъ умеръ. Въ это время одинъ изъ Михайловыхъ воиновъ, тутъ же бывшій, подкрѣпляя его словами, говорилъ: мужайся, мученіе это продолжится недолго, и за нимъ немедленно послѣдуетъ веселіе вѣчное. Послѣ этого отрѣзали ему ножомъ голову, а потомъ отсѣкли также и вышесказанному воину. Плато-Карпини былъ въ ордѣ въ 1246 году; тѣмъ же голомъ запи-сано событіе и въ нашихъ лѣтописяхъ.

³⁰⁾ Волынская лѣтопись упоминаетъ о 25 книгахъ, подаренныхъ княземъ Владиміромъ Васильковичемъ въ разныя церкви и монасты-ри, и въ томъ числѣ о двухъ сборникахъ отца его: изъ этихъ книгъ князь самъ списалъ Апостола и Евангеліе апракосъ въ трехъ экзем-плярахъ, прологъ въ 12 мѣсяцахъ, 12 миней, тріоди, октоихъ, шр-мологъ, службу св. Георгію, молитвенникъ съ утренними и вечер-ними молитвами.

которая была такъ замѣчательна, что со всѣми подробностями описана въ лѣтописи. У него начала гнить исподняя часть рта, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе. Сначала эта болѣзнь не мѣшала ему ходить и ѣздить на конѣ; онъ раздавалъ все имѣніе свое нищимъ. Потомъ, на четвертый годъ, опало у него все мясо съ бороды, выгнили нижніе зубы, кость бородная перегнила, обнаружилась внутренность гортани, въ теченіи семи недѣль онъ не питался ничѣмъ кромѣ воды и то скудно, — и наконецъ скончался, послѣ тяжкихъ страданій, въ 1288 году, 10-го декабря, въ городѣ Любомлѣ.

Мужество, вѣра и терпѣніе въ страданіяхъ олицетворяла Россія XIII вѣка въ этихъ трехъ князьяхъ: Александрѣ Невскомъ, Михаилѣ Черниговскомъ и Владимірѣ Волынскомъ.

Въ 1227 году, князь Ярославъ Всеволодовичъ распространялъ христіанство на сѣверѣ и послалъ священниковъ, которые окрестили почти всѣхъ Корель. Въ томъ же году, Новгородцы варварски сожгли четырехъ волхвовъ на Ярославовомъ дворѣ, которые причиняли много зла въ народѣ; но духовенство не принимало въ томъ никакого участія.

Въ 1274 году, по случаю поставленія Кіевопечерскаго архимандрита Серапіона въ епископы Владимірскіе и Суздальскіе, Кіевскій митрополитъ Кириллъ II созвалъ соборъ епископовъ во Владимірѣ, и, самъ собою или черезъ другихъ узнавъ о многихъ нестроеніяхъ въ церквахъ, поставилъ вмѣстѣ съ епископами соборное Правило, составляющее значительный памятникъ нашей словесности³¹⁾. Прежде всего, согласно правиламъ семи соборовъ, онъ возстаетъ противъ ставленія на издѣ не только настоятеля обители или священника, но даже и ключара церковнаго: семью гривнами на клярошанъ должна ограничиваться вся издержка попа или дьякона. Мздоимцы да будутъ извержены изъ церкви, а ходатайствующіе за нихъ прокляты. Это совершалось у насъ въ то время, когда на западѣ въ Германіи императоры, во Франціи короли обогащались продажей епископскихъ мѣстъ, а Римскою тіарою, въ

³¹⁾ «Правило Кюрила Митрополита Русьскаго съшедшихся епископъ Далмата Ноугородскаго, Игнатія Ростовскаго, Феогноста Переяславскаго, Симеона Полотскаго, на поставленіе епископа Серапіона Володимирскаго». Напечатано въ Русскихъ Достопамятностяхъ, издаваемыхъ Обществомъ И. и Д. Россійскихъ. Москва. 1813. стран. 108. Списокъ полище напечатаннаго находится въ Румянцовскомъ музеѣ, въ Коричей за N 238. См. Востокова стран. 321. Замѣчательно, что объ этомъ соборѣ и его Правилѣ не упоминаетъ ни одна лѣтопись, между тѣмъ, какъ въ Никоновскомъ о ставленіи Серапіона въ епископы Кирилломъ упоминается.

1276 году, украшался Николай III, котораго Дантъ, вмѣстѣ съ Бонифаціемъ VIII и Климентомъ V, казнилъ въ Аду за святокупство³²⁾. Рабъ не могъ быть поставленъ, не принявъ отпускнуой отъ своего ставленника. Житіе ставленника должны были свидѣтельствовать семь священниковъ и добрые сосѣди, знавшіе его съ дѣтства. Не одни преступленія важныя мѣшали ставленію: кто отдавалъ деньги въ ростъ, удручалъ слугъ голодомъ и наготовю, страдою, т. е. рабочею порою мучилъ, убѣгалъ дани, чародѣйствовалъ, не могъ быть ни попомъ, ни дьякономъ, ни причетникомъ. Во священники ставили не менѣе тридцати лѣтъ. Пьяницы всѣ отвергались, если не покаются: «Лучше одинъ служитель олтаря, нежели тысяча беззаконныхъ», говоритъ Правило. — Возстаетъ оно также противъ игрищъ народныхъ, на которыхъ люди убивали себя до смерти. Въ предѣлахъ же Новгородскихъ держались еще языческіе обычаи и суевѣрія: водили невьсть къ водѣ, а въ субботу, въ ночь на канунѣ воскресенья, мужья и жены вмѣстѣ праздновали какой-то нечестивый Діонисовъ праздникъ³³⁾.

Въ началѣ этого Правила есть замѣчательное мѣсто, гдѣ митрополитъ обращаетъ слова укоризны ко всему Русскому народу своего времени: «Какую прибыль получили мы, оставивъ Божественныя правила? Не рассяялъ ли насъ Богъ по лицу всей земли? Не взяты ли были наши города? Не пали ли сильнѣе князья наши остриемъ меча? Не отведены ли въ плѣнъ дѣти наши? Не запусътали ли святые Божіи церкви? Не томятъ ли насъ каждый день безбожные и нечистые поганые? Все это постигло насъ за то, что мы не хранимъ правилъ святыхъ нашихъ и преподобныхъ Отецъ»³⁴⁾. Эти слова, раздавшіяся изъ устъ пастыря, скорбѣвшаго о несчастіяхъ Русской земли, по-

³²⁾ См. Staatsleben des Klerus im Mittelalter, von S. Eügenheim Berlin. 1839. 1 В. стран. 95 — 107. Послѣ Людвига, сына Карла Великаго, всѣ Каролинги продавали духовный санъ за деньги. Ближайшіе наследники ихъ въ Германіи, Саксонскіе Императоры, вноваты въ томъ же, начиная съ Генриха птицелова. — Въ Италіи, по свидѣтельству епископа Оттона Верчельскаго, съ того времени какъ погасла Каролингская династія, было въ общемъ обычаѣ, что свѣтскіе властители продавали епископскіе тѣмъ, которые наиболѣе предлагали денегъ. Не лучше дѣло шло и во Франціи, гдѣ всѣ церковныя должности королями раздавались тѣмъ, которые наиболѣе предлагали.... Ужасны были послѣдствія этой позорной купли: она подкопала основанія Церкви и разрѣшила всѣ узды дисциплины и правды.

³³⁾ Прибавленіе о обычаяхъ Новгородскомъ находится въ Румянцовской коричей и напечатано у Востокова въ Описаніи Р. М.

³⁴⁾ «Жны оубо прибытокъ наследовакомъ оставше Божіа правила? не рася ли ны Богъ по лицу всея земля? не взяты ли бы-

вторялись нерѣдко и послѣ, въ лѣтописяхъ и словахъ, при бѣдствіяхъ отечества, подобныхъ тому, которое постигло его въ XIII столѣтіи. Видно, что они глубоко врѣзывались въ памяти и переходили изъ рода въ родъ по устному и письменному преданію.

Въ 1284 году, всѣ Русскіе епископы созданы были въ Кіевъ къ митрополиту Максиму. Вѣроятно, къ этому времени относится Правило Максима митрополита, встрѣчающееся въ Коричихъ, о масопустѣ и о храненіи законнаго брака³⁵⁾.

Уже давно обстоятельства требовали, чтобы средоточіе церкви Русской перенесено было съ юга, задавленнаго Татарами, на сѣверъ, гдѣ могло зародиться освобожденіе. Митрополиты весьма часто оставляли Кіевъ и не рѣдко жили во Владимірѣ. Сношенія съ церквами Русскими и съ великими князьями были отсюда гораздо удобнѣе. Наконѣцъ въ 1300 году, митрополитъ Максимъ, не терпя Татарскаго насилія, какъ сказано въ лѣтописи, перенесъ окончательно митрополию изъ Кіева во Владиміръ. Весь Кіевъ разбѣжался, прибавляетъ лѣтописецъ, въ слѣдъ за митрополитомъ: такъ сильна была охрана церкви.

Въ 1304 году, не смотря на смуты временъ и на затрудненія пути, въ Константинопольскомъ соборѣ, бывшемъ при патріархѣ Іоаннѣ Веккѣ, участвовали Русскій митрополитъ Максимъ и Сарайскій епископъ Феогностъ. Отвѣты собора на вопросы, предложенные Максимомъ, существуютъ въ нашихъ рукописяхъ. Вопросы вызваны были преимущественно нуждами Сарайской церкви: таковы особенно о крещеніи Татаръ, Несторіанъ и Яковитовъ, которыхъ было много въ войскѣ Моголовъ изъ Персіи, Индіи и Монголіи³⁶⁾.

Памятники письменности, относящіеся несомнѣнно къ XIII вѣку и означенные годами или обстоятельствами, опредѣляющими годы, слѣдующіе: 1) Евангеліе, писанное въ Новгородѣ попомъ Домкою, повелѣніемъ *Милытина Лукимича*,

ша гради наши? не падоша ли силнии наши князи острнемъ меча? не поведѣни ли быша въ плѣнъ чада наша? не запусѣша ли свята Божія церква? не томиши ли есмь на всякъ деиь отъ безбожныхъ и нечистыхъ поганъ? Си вси бывають намъ, заче не хранимъ правль святыхъ нашихъ и преподобныхъ отецъ».

³⁵⁾ Въ Описаніи Рум. Муз. у Востокова стр. 304 и 321.

³⁶⁾ Объ этихъ отвѣтахъ см. Ист. Кар. Т. VIII. прим. стран. 149. Исторія Русской Церкви. Періодъ второй. М. 1848. стр. 78. Пѣздка молъ въ Кирилло-Бѣлоз. монастырѣ. Ч. 2 стр. 21. Епископъ Сарайскій Феогностъ, еще въ 1274 году, уже въ третій разъ возвращался изъ Царяграда, куда посланъ былъ отъ Кирилла митрополита и отъ Менгугешира съ грамотами къ патріарху и царю Михаилу Палеологу. Нак. лѣт. Т. 3. стран. 68.

принадлежащее Публичной библіотекѣ и по признакамъ, почти несомнѣннымъ, относимое Востоковымъ къ 1215-му или 1230-му году³⁷⁾. 2) Евангеліе 1270 года, писанное Георгіемъ, сыномъ попа Лотыша, по заказу чернеца Симона, съ признаками Новгородскаго нарѣчія, принадлежащее Румянцовскому музеуму³⁸⁾. 3) Псалтырь 1296 года, писанная писцемъ Захаріемъ по повелѣнію княгини Марини и принадлежащая Синодальной библіотекѣ³⁹⁾. 4) Шестодневъ Іоанна Эксарха Болгарскаго, писанный Сербскимъ грамматикомъ Теодоромъ въ 1263 году въ Хиландарѣ⁴⁰⁾. 5) Номоканунъ, писанный пятью писцами въ 1284 году, при Рязанскихъ князьяхъ, братьяхъ Ярославѣ и Теодорѣ и матери ихъ великой княгинѣ Анастасіи, по желанію епископа Рязанскаго Іосифа⁴¹⁾. Сюда же относятся: Договорная грамота Смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Рогою и Готскимъ берегомъ, писанная въ 1229 году; три договорныя грамоты Новгородъ съ в. княземъ Тверскимъ Ярославомъ Ярославичемъ 1265 и 1270 года; ярлыкъ, данный отъ Капчакаскаго царя Менгугешира Русскимъ митрополитамъ и священнослужителямъ, писанный между 1270 и 1276 годами; грамота Смоленскаго князя Теодора Ростиславича къ Рижскому епископу, мастеру и ратманамъ, 1284 года; двѣ духовныя грамоты Владимірскаго на Вольни князя Владиміра Васильковича, писанныя около 1286 года; грамота Владимірскаго на Вольни и Лупкагскаго князя Мстислава Даниловича, писанная 1289 года⁴²⁾. Не привожу тѣхъ памятниковъ, которые гадательно относимы бывають къ тому же столѣтію.

Скучно число писателей, относящихся къ XIII вѣку; еще скучнѣе число памятниковъ, отъ нихъ оставшихся. Упомянемъ имена тѣхъ, которыхъ славятъ лѣтописи за книжное ихъ про-

³⁷⁾ Оно описано Калайдовичемъ въ его изданіи Іоанна Эксарха Болгарскаго, стран. III, и носить признаки Новгородскаго нарѣчія (4 в. ч).

³⁸⁾ Описано у Калайдовича, тамъ же на той же стр., и у Востокова въ Описаніи подъ N 105.

³⁹⁾ См. у Калайдовича, тамъ же стран. 28 и 106. Слова К. тамъ ж. стран. 97. «Списка Псалтыри, съ яснымъ означеніемъ времени, я знаю старше конца XIII вѣка. — Списки Апостола, мнѣ извѣстны не восходятъ выше XIII вѣка».

⁴⁰⁾ См. тамъ же стран. 15.

⁴¹⁾ Книги *малолемля Греческимъ языкомъ Номоканунъ, сказанъ нашимъ языкомъ закону Правмо*. См. Описаніе Славяно-Россійскихъ рукописей Гр. Ф. А. Толстова. Отдѣл. 1. N 311. Здѣ сказано, что Рязанскій епископъ Іосифъ получилъ подлинникъ и Кіева чрезъ посредство митрополита Максима.

⁴²⁾ Всѣ приведенныя грамоты напечатаны въ 1 и 2 части Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ.

свѣщеніе. Кириллъ, родомъ Грекъ изъ Никей, поставленный въ Кіевскіе митрополиты въ 1223 году и преставившійся въ 1233, былъ, по словамъ лѣтописей, *философъ великій, учитель злыи и хитръ ученью божественныхъ книгъ*⁴³⁾.

Второй Кириллъ, книжному просвѣщенію котораго лѣтописцы воздаютъ похвалу, былъ епископъ Ростовскій, поставленный въ 1231 году и скончавшійся въ 1262. Суздальскій лѣтописецъ говоритъ о немъ, что онъ не только училъ словомъ, но и на дѣлѣ показывалъ свое ученіе; что всѣ, князья и вельможи, всѣ люди города Ростова, не только простые, но и духовные, всѣ приходившіе изъ окрестныхъ городовъ, удивлялись соборному храму, который епископъ украсилъ великолепно, удивлялись также, внимая ученію его отъ божественныхъ книгъ⁴⁴⁾. Лѣтописецъ, великій почитатель ученія и словесъ сего епископа, въ какомъ то узкомъ мѣстѣ, вѣроятно въ затворѣ Ростовскаго монастыря св. Григорія Богослова, задавъ себѣ трудъ передать писъму словеса его⁴⁵⁾.

Третій Кириллъ, митрополитъ Русскій, дѣйствовалъ благотворно и дѣломъ и словомъ: онъ грамотою помирилъ Новгородцевъ съ в. княземъ Василіемъ Ярославичемъ, первый изъ митрополитовъ получилъ отъ хана Мангу-Темира ярлыкъ, который духовенство освобождалось отъ поголовной дани, а церковныя имѣнія отъ сборовъ; говорилъ слово при погребеніи в. князя Александра Невскаго; въ 1274 г. собралъ соборъ во Владимірѣ и сочинилъ Правило, съ содержаніемъ котораго мы уже знакомы; неутомимо дѣйствовалъ въ сѣверныхъ предѣлахъ Россіи, уготовляя перенесеніе митрополіи во Владиміръ, и бдительно охранялъ южную паству отъ нашествій Римскаго католичества; осудилъ Игнатія, епископа Ростовскаго, за строгое его дѣйствіе надъ прахомъ князя Глѣба Васильковича Ростовскаго, который изринуть былъ изъ церкви соборной Игна-

⁴³⁾ Лавр. сп. стран. 190. Никон. сп. Т. 2. стран. 309. Митрополитъ Евгений въ Словарѣ своемъ говоритъ, что изъ сочиненій его много словъ находится въ бібліотекѣ Волоколамскаго Іосифова монастыря между рукописями.

⁴⁴⁾ См. въ Твореніяхъ Святыхъ Отцевъ въ Русскомъ переводѣ. Годъ первый. Книжка 4. Москва. 1843. Статья Кириллъ II, Митрополитъ Кіевскій и всея Россіи.

⁴⁵⁾ См. Лавр. списокъ стран. 193. «Любовному ученью же и тщанью дивясь сего честнаго сватителя Кирила, съ страхомъ и покореньемъ послушая, въ устѣхъ мѣстѣ въкоемъ и во входѣхъ написанья собѣ влахъ, сего перваго словесе дѣтеля написати; зело бо вѣлье дѣло паче насъ вспріяхъ, болзнью ослушанья, разумѣхъ въ Притчахъ глаголемое: яко сынъ ослушливый въ погибель будетъ, послушавшій же кромѣ ея будетъ». Узкое мѣсто авторъ вышепомянутой статьи объясняетъ затворомъ монастыря Св. Григорія Богослова.

тіемъ и просто закопать въ землю. При этомъ митрополитъ сказалъ Игнатію замѣчательное слово: «Не возносись, не считай себя безгрѣшнымъ; не столько запрещай и отлучай, сколько освобождай и прощай; прощеніе грѣхамъ нашимъ мы обрѣтаемъ въ прощеніи братій нашихъ; милость Господня скрывается для насъ въ милости нашей къ ближнему. Плачься, чадо, и кайся до смерти о своей безстыдной дерзости: ты, прежде суда Божія, осудилъ уже скончавшагося; а отъ живаго ты принималъ дары; ты ѣлъ и пилъ съ нимъ; ты живалъ у него и веселился съ нимъ; когда было можно его исправить, ты не исправилъ, и нынѣ ли исправить хочешь, мертваго, жестокииъ отлученіемъ? А если желаешь сотворить ему помощъ, твори ея милостынями нищииъ, молитвами и божественною службою». Лѣтописи говорятъ о Кириллѣ, что онъ, проходя города всей Руси, неутомимо училъ, наставлялъ, исправлялъ. Смерть застигла его на пути, въ 1280 году, въ Переяславлѣ Загѣскомъ; но похороненъ онъ былъ въ соборной церкви Кіева.

Не знаютъ, которому изъ двухъ Кирилловъ, митрополиту ли Кіевскому, или епископу Ростовскому, приписать Поученіе священникамъ, которое встрѣчается въ Коричихъ при Правилѣ Кирилла митрополита, хотя и не всегда. Ученые Троицкой Лавры, съ вѣроатностію, приписываютъ его епископу; полагая при томъ, что митрополитъ Кириллъ, на известномъ соборѣ, присоединилъ это слово къ своему Правилу⁴⁶⁾. Это краткое Поученіе все исполнено сознанія святости іерейскаго сана. Приведемъ нѣкоторыя главныя мысли:

«Внимай, іереевъ соборъ преподобный! Къ вамъ мое слово. Вы нареклись земными Ангелами, небесными человекъами. Вы съ Ангелами предстоите у престола Господня; вы съ Серафимами носите Господа. Вы сводите съ небеси Духъ Святый, и претворяете хлѣбъ въ плоть, и вино въ кровь Божію, человекъамъ невидимо, а святые многіе видѣли. Вы просвѣщаете людей крещеніемъ святымъ; вы связуете, вы разрѣшаете. Вами совершаетъ Господь

⁴⁶⁾ Слово и поученіе къ попомъ или Поученіе Епископа къ Іереомъ. Между рукописями Румянцовскаго Музеума встрѣчается въ 4-хъ спискахъ Коричей: подъ N 231, съ именемъ Кирилла, но ранѣе правилъ Кирилла Митрополита; подъ NN 233 и 234 безъ имени Кирилла, непосредственно за Правилами собора; подъ N 238 съ именемъ Кирилла и послѣ собора, но непосредственно. Мѣстніе ученыя Лавры основано на томъ, что въ нѣкоторыхъ Коричихъ именуется оно именно поученіемъ Епископа, что рѣчь въ немъ обращается отъ лица епископа къ священникамъ его паствы и что ни въ одномъ списокѣ поученія въ надписи нѣтъ имени митрополита, тогда какъ въ надписаніи Правилъ собора Владимірскаго Кириллъ названъ митрополитомъ.

тайну спасенія роду человѣческому; васъ поставилъ стражею и пастухами словесныхъ овецъ Своихъ, за нихъ же кровь свою излялъ.... Господь сказалъ: лучше навязать жерновъ на шею и погрузить въ море, нежели соблазнить единого изъ малыхъ. *Душь бо человеческой, ни единой, мѣръ весь не равняется!*... Простецъ, согрѣшивъ, за одну свою душу дастъ отвѣтъ передъ Богомъ; а іерей, согрѣшивъ, многихъ соблазнить, и за души ихъ будетъ ему осужденіе....

«Я не лѣнюся вамъ говорить.... Разумѣйте, какъ учить духовныхъ дѣтей: не слабо, чтобы лѣнны не были; не жестоко, чтобы они не пришли въ отчаяніе....

«Святую же страшную службу совершайте со страхомъ. Никогда не входи во святой олтарь, имѣя вражду съ кѣмъ нибудь, и если спорилъ много съ кѣмъ, не служи въ тотъ день, но, укротивъ мысли, возпиши молитвы къ Господу отъ чистаго ума. И не озирайся назадъ, но умъ весь имѣй горѣ: ты съ Ангелами служиши, и не мысли о земномъ въ тотъ часъ: ибо Небеснаго Царя приемишь въ сердце свое; весь освящаяся Имъ.

«Блюдите и родимыхъ дѣтей вашихъ, чтобы цѣломудренны были до женитбы. И безгрѣшный передъ Богомъ священникъ за сыновніе грѣхи можетъ быть посланъ въ муку, ибо не училъ добру сыновей своихъ, и не наказывалъ ихъ»⁴⁷⁾.

Наиболѣе значительный объемомъ и содержаниемъ памятникъ духовной словесности XIII вѣка составляютъ пять словъ

⁴⁷⁾ Слово и поученіе къ попомъ. «Слыши, Іерей, боре преподобный! Къ вамъ ми слово. Понеже вы нарекошася земни ангели, небесни чловѣци. Вы со Ангели предстоите у престола Господня; вы съ Серафими носите Господа. Вы сводите съ небеси Духъ Святый, и претваряете хлѣбъ въ плоть, и вино въ кровь Божью, чловѣкомъ невидимо, и святни бо мнози видѣша. Вы бо просвѣщаете чловѣки крещеніемъ святымъ; вы связаете, вы разрѣшаете. Вами совершаетъ Господь тайну спасенія роду чловѣчскому; васъ стража постави и пастухи словесныхъ овецъ Своихъ, за ни же кровь Свою излялъ.... Господь бо рече: луче навязати жерновъ на шию, ниже оселъ жель, и погрузити въ мори, нежели соблазнити единого малыхъ. *Души бо чловѣчскыи ни единой нѣсть равны весь мѣръ....* Простецъ бо съгрѣшивъ за одну свою дастъ душу отвѣтъ предъ Богомъ: а ерѣй же согрѣшивъ многихъ соблазнить, и за тѣхъ душа будетъ ему осужденіе.... Азъ же не лѣнюся вамъ глаголати.... Разумѣйте, како духовныя дѣти учити: ни слабость, да не лѣнны будутъ; ни жестоко, да си не отчають.... Святую же страшную службу стваряйте. Николи же не входи въ святой олтарь, вражду имѣй съ кимъ; и велику имѣвъ проу, томъ дни не служи, но, утишивъ мысли, молитвы восли Господеви отъ чиста ума. И не озирайся назадъ, но умъ весь имѣй горѣ: со Ангелы бо служиши; и не мысли земныхъ въ той часъ: Небеснаго бо Царя приемиши въ срдце свое; весь освящаяся Имъ....

Серапионовыхъ, не въ давнемъ времени открытыхъ. Объ Серапионѣ знали мы по лѣтописямъ и по Правиламъ Владимірскаго собора, что онъ изъ архимандритовъ Кіевопечерскаго монастыря, въ 1274 году, поставленъ былъ Кирилломъ митрополитомъ въ епископы городовъ Владимиру и Суздаю, и что въ слѣдующемъ 1275 году онъ преставился и похороненъ во Владимірской соборной церкви: «бѣ же сей *зело учитель и силенъ въ божественномъ писаніи*». Епископъ Филаретъ, авторъ Исторіи Русской Церкви, открылъ въ пергаменной рукописи Сергіевой лавры, писанной вѣроятно въ XIV вѣкѣ, подъ заглавіемъ *Златая цепь*, четыре поученія, написанныя именемъ *Преподобнаго Отца нашею Серапиона*. Пятое найдено мною въ рукописи Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, подъ заглавіемъ: *Слово блаженнаго Серапиона о маловѣрїи*⁴⁸⁾.

Пребываніе Серапиона въ монастырѣ Печерскомъ указываетъ на то, что онъ могъ образовать искусство словесное въ той самой обители, которая, какъ мы знаемъ, была его расадникомъ. Время же поученій ясно опредѣляется нѣкоторыми событіями современными эпохѣ Татарской.

Въ 1230 году, въ 3-й день маія, въ пятницу, на праздникъ преподобнаго Феодосія, во время святой литургіи, когда читалось евангеліе въ соборной церкви Пресвятой Богородицы во Владимірѣ, потряслась земля, а съ нею и церковь и трапеза; иконы двигались по стѣнамъ, паникадило со свѣчами колебалось; люди изумились; говорили другъ другу, что голова у нихъ кружится. Землетрясеніе было и въ другихъ городахъ, но въ Кіевѣ всего сильнѣе. То былъ праздникъ самаго Кіева, праздникъ св. Феодосія, и каменная церковь монастыря Печерскаго треснула на четыре части въ то самое время, какъ были въ ней митрополитъ Кириллъ, князь Владиміръ, бояре и множество народа. Въ трапезницѣ камень посыпался сверху на кушанье и на питье. Въ Переславлѣ Залѣскомъ обрушился сводъ церкви св. Михаила. По случаю этого страшнаго событія, съ разказа очевидцевъ записаннаго лѣтописцами, начинается слово Серапионово. «Вы слышали, братія, слова Евангелія, говоритъ проповѣдникъ: въ послѣдняя лѣта будутъ знаменія въ солнцѣ и въ лунѣ и въ звѣздахъ, и труси по мѣстамъ и глади. Тогда реченное Господомъ—нынѣ сбывается. Сколько разъ видали мы солнце погнѣшее, луну померкшую! Нынѣ же видѣли своими глазами и земли трясеніе. Земля, отъ начала

⁴⁸⁾ См. Творенія Св. Отцевъ. Годъ первый. Книжки 1, 2, 3. Москва. 1843. Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Часть 2. стр. 36.

утвержденная и неподвижная, повелѣніемъ Божиимъ нынѣ движется, грѣхами нашими колеблется, беззаконія нашего сносить не можетъ. Не послушали мы Евангелія, не послушали Апостола, не послушали Пророковъ, не послушали свѣтилъ великихъ: Василія, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста и иныхъ Святителей святыхъ, ими же вѣра утвержена, еретики прогнаны и Богъ познанъ всѣми языками.... Господь уже не устами говоритъ намъ, но дѣломъ насъ наказываетъ. Всѣмъ казнивъ, не отвлекъ Онъ насъ отъ злаго обычая: нынѣ землею трясеть и колеблеть, беззаконія и грѣхи многія отъ земли отрясти хочетъ, какъ листья съ дерева. Но скажутъ: бывали и прежде потрясенія. Такъ, бывали, но потомъ, что было намъ? Не голодъ ли? Не моръ ли вѣсколько разъ?⁴⁹⁾ не рати ли многія? Однако мы не покаялись, пока пришелъ на насъ народъ немилостивый, по Божию попущенію, опустошилъ нашу землю, взялъ наши города, разорилъ святыя церкви, избилъ отцовъ и братій нашихъ, поругался надъ матерями и сестрами нашими.... Нынѣ, братія, убоимся прещенія страшнаго.... Отступимъ отъ немилостивыхъ судовъ, оставимъ кровавое *рѣзоимство*.... Въ какое время видали мы столько примѣровъ внезапной смерти? Иные не успѣли о домѣ своемъ сдѣлать распоряженія, какъ были ею похищены. Иные съ вечера легли здоровы, и не проснулись поутру.... Много разъ говорилъ я.... Но многіе не внимаютъ, а дремлютъ, какъ будто безсмертные.... Мыслию о страшномъ судѣ и послѣднемъ воздаяніи заключается слово.

Время, когда сказано было второе слово Серапіоново, опредѣляется вѣрно: «Се уже къ ѿ лѣтъ приближаетъ томление и мука», говоритъ онъ объ нашествіи иноплемениковъ и о тяжкихъ даняхъ, которыя отъ нихъ наложены. Стало быть, слово говорено было въ 1264 году. Ненстоимъ въ укоряхъ проповѣдникъ. «Не такъ скорбитъ мать, видя дѣтей своихъ больными, какъ я, грѣшный отецъ вашъ, видя васъ болящихъ дѣлами беззаконными. Много разъ я говорилъ вамъ... но не вижу въ васъ переменъ». Слѣдуетъ исчисленіе пороковъ, изъ которыхъ особенно *рѣзоимство* поражаетъ пастыря. — «Чѣмъ инѣ утѣшиться? Чѣмъ обрадоваться? Всегда сѣю въ ниву сердце вашихъ сѣмя божественное, и никогда не вижу, чтобы оно прозябло и плодъ породило». Послѣ увѣщаній изображается современное состояніе Россіи, какъ повторяется оно

⁴⁹⁾ Подъ тѣмъ же годомъ Новгородскій лѣтописецъ, Тимошей пономарь, рассказываетъ объ ужасномъ голодѣ и морѣ, какъ его послѣдствіи. И въ Новгородѣ было землетрясеніе, въ обѣданное время.

съ нѣкоторыми замѣненіями и въ Правилѣ Кирилла митрополита: «Чего не навели мы на себя? Какой казни отъ Бога не воспріали? Не плѣнена ли была наша земля? Не взяты ли были наши города? Не пали ли отцы и братья наши трунами на землю? Не отведены ли наши жены и дѣти въ плѣнь? Не порабощены ли были мы, оставшіеся, горькимъ рабствомъ отъ иноплемениковъ? Вотъ уже къ сорока годамъ приближается наше томленіе и мука; и тяжкія даннн съ насъ не прекращаются, и голодъ и моръ скота нашего! И въ сласть хлѣба мы съѣсть не можемъ. И вздыханіе и печаль иссушаютъ кости наши. А что насъ до сего довело? Наше беззаконіе, наши грѣхи, наше непослуваніе, наша нераскаянность. Молю васъ, братія: каждый изъ васъ выкини въ свои мысли, сердечными очами разсмотри дѣла свои; раскайся — и гнѣвъ Божій минуетъ.... Великими насъ Господь сотворилъ, а послушаніемъ мы сдѣлались малы. Не погубимъ братія, величія нашего.... *Прослезимъ*, сотворимъ милостыню нищимъ, поможемъ бѣднымъ».... Приводится примѣръ Ниневіи: она согрѣшила, но потребила беззаконія свои покаяніемъ, постомъ, молитвою и плачемъ, наложивъ постъ на всѣхъ отъ старцевъ и юношей до грудныхъ младенцевъ, лишивъ ихъ на три дни молока, и на самый скотъ, на коней и домашнихъ животныхъ, и умолила она Господа, и ярость Божія перешла въ милосердіе. — «Но что намъ говорить о нихъ? Мы сами чего не видали? Чего надъ нами не сотворилось? Чѣмъ не наказываетъ насъ Господь Богъ нашъ желая обратитъ насъ отъ беззаконій нашихъ? Ни одного лѣта, ни зимы не проходило, чтобы Богъ не казнилъ насъ.... Терпятъ и праведные вмѣстѣ съ грѣшными; тѣмъ свѣтлый вѣнецъ, а этимъ большія мученія за страданія праведныхъ». Проповѣдникъ заключаетъ молитвенными изреченіями Псалмопѣвца о обращеніи народа и помилованіи его.

Третье слово, возобновляя тѣже укоры, содержитъ въ себѣ превосходное изображеніе Монгольскаго нашествія, напоминающее слова книги Второзаконія (гл. 28. ст. 49.). «Тогда Господь навелъ на насъ народъ немилостивый, народъ не щадящій ни красоты юной, ни немощи старцевъ, ни младости дѣтей. Мы подвинули на себя ярость Бога нашего. По Давиду, вскорѣ восгорѣлась ярость Его на насъ. Разрушены божественныя церкви; осквернены сосуды священныя, потоптана святыня; святители мечу въ пищу достались; тѣла пре подобныхъ иноковъ птицамъ повержены на снѣдь; кровь отцевъ и братьевъ нашихъ, какъ многая вода, наполнила землю. Изчезла крѣпость нашихъ князей и воеводъ; храбрѣе наши,

исполненные страха, бѣжали. Большая часть братьевъ и дѣтей нашихъ отведена въ плѣнъ. Села наши поросли травкою, и величество наше смирилось, красота погибла, богатство наше другимъ въ пользу досталось, трудъ нашъ поганые наследовали. Земля наша сдѣлалась достояніемъ иноплеменниковъ; въ поношеніе стали мы живущимъ *вскрай земли нашей*, въ посылку врагамъ нашимъ⁶⁰⁾. Какъ дождь съ небеси, мы свели на себя гнѣвъ Господень.... Не было казни, которая бы насъ миновала.... Умаленные, мы еще величаемся.... Зависть умножилась, злоба перемагаетъ насъ, величанье вознесло умъ нашъ, *ненависть къ ближнимъ вселилась въ сердца наши*, корыстолюбіе поработило насъ: нѣтъ въ насъ милости, не милуемъ и сиротъ, *не сознаемъ естества человѣческаго*; но какъ звѣри алчутъ плоти, такъ и намъ всѣхъ бы погубить, да чужое заграбить!... Богъ говоритъ устами пророка: не разумѣютъ ли люди, что величайшее беззаконіе сдѣлаетъ людей вмѣсто хлѣба?... Лихонницы и грабители осудятся вмѣстѣ съ идолослужителями.... Можею что сказалъ Богъ? Если озлобите вдовицу и сироту, слухомъ услышу вопль ихъ и разгнѣваюсь яростью, и погублю васъ мечемъ. И нынѣ сбылось реченное. Не отъ меча ли мы падали, не одинъ разъ и не два?... Вспомнимъ наибольшую заповѣдь — любить другъ друга.... не воздавать зломъ за зло. Нѣтъ ничего ненавистнѣе Господу, какъ чловѣкъ злопамятный. Какъ же мы скажемъ: Отче нашъ, остави намъ грѣхи наши; а сами не оставляемъ? Въ ню же мѣру мѣрите, отмѣритесь вамъ». Заключение этого слова все исполнено намѣровъ, на братскія междоусобія, раздиравшія Русскую землю.

Четвертое слово, презамѣчательное, направленное все противъ варварскаго обычая сожигать волхвовъ. Въ лѣтописи этого столѣтія упоминается о сожженіи четырехъ волхвовъ въ Новгородѣ. Должно предполагать, что бывали и другіе примѣры подобнаго варварства. «Малъ часъ порадовался о васъ,

⁶⁰⁾ «Разрушены божественныя церкви; осквернены быша сосуди священны, потоптана быша святая; святители мечу во лдъ быша; плоти преподобныхъ мнихъ птицама на сѣдѣ попержены быша; кровь отецъ и братья нашихъ, аки вода многа, землю напои. Князи нашихъ, воеводъ крѣпость исчезе; храбри наши страха наполнхсѣя бѣжаша. Множайша же братья и чада наша въ плѣнъ ведени быша. Села наша лядиною поростоша, и величество наше смѣрися, красота наша погыбе, богатство наше нѣтъ въ пользу бысть, трудъ нашъ поганіи наследоваша. Земля наша иноплеменникомъ въ достояніе бысть, въ поношеніе быхомъ живущимъ *вскрай земли нашей*, въ посылку быхомъ врагомъ нашимъ». Привожу это мѣсто въ подлинникъ ради красоты его и потому еще, что оно повторяется и послѣ въ лѣтописяхъ и древнихъ памятникахъ нашихъ при описаніи подобныя случаетъ.

чада, говорить проповѣдникъ, видя вашу любовь и послушанье.... Но вы еще поганскаго обычая держитесь, волхвованію вѣруете, и пожигая огнемъ невинныхъ людей, наводите на весь міръ и градъ убійство. Если кто и не участвовалъ въ убійствѣ, а въ соннищѣ былъ и соглашался, и тотъ убійца. Кто могъ помочь, да не помогъ, какъ будто бы самъ велѣлъ убить. Изъ какихъ книгъ, изъ какого описанія вы слышали, что отъ волхвованія бываетъ на землѣ голодъ, и что волхвованіемъ умножается жито? Если вѣрите сему, то за чѣмъ сожигаете ихъ? Молитесь имъ, чтите ихъ, приносите имъ дары, чтобы они благоустроили міръ, пускали дождь, приводили тепло, велѣли землѣ плодять. Нынѣ вотъ три лѣта, нѣтъ рода житю, не только на Руси, но и въ Латыни: развѣ это волхвы сотворили? Развѣ не Богъ устраиваетъ Свою тварь, какъ хочетъ, за грѣхъ насъ томя? Изъ божественнаго писанія я знаю, что чародѣи дѣйствуютъ на людей, но только на тѣхъ, которые вѣруютъ въ нихъ. И бѣсы дѣйствуютъ, по Божію поущенію, на тѣхъ, кто ихъ боится. Но кто вѣру твердую содержитъ въ Бога, надъ тѣмъ чародѣи не имѣютъ силы. Печаленъ я о вашемъ безуміи. Молю васъ отступите отъ дѣлъ поганыхъ.... Если вы хотите очищать городъ отъ людей беззаконныхъ, очищайте. Царь Давидъ тоже дѣлалъ, но онъ судилъ въ страхѣ Божіемъ, видѣлъ Святымъ Духомъ а отвѣтъ давалъ по правдѣ. А у васъ одинъ судитъ по враждѣ, другой ради горькаго прибытка. Иной же, лишенный ума, только жаждетъ убить и ограбить; а за что убить, и того не знаетъ. Правила божественныя повелѣваютъ, по свидѣтельству многихъ, осуждать на смерть чловѣка. Вы же воду свидѣтелемъ поставили и говорите: если начнетъ утопать, неповинна; если поплыветъ, волшебница.... Вы оставили свидѣтельство богосотвореннаго чловѣка, и пошли къ бездушному естеству, къ водѣ, чтобы отъ нея принять свидѣтельство и прогнѣвать Бога». — Проповѣдникъ напоминаетъ казни, бывшія древнему чловѣчеству, переходитъ къ казни современной, къ иноплеменникамъ; велитъ чуждаться басней чловѣческихъ, а притекать къ божественному писанію; радуется тому, что народъ ходитъ съ великою любовью въ церковь и стоитъ съ благоговѣніемъ. О если бы онъ могъ наполнить сердце и утробу каждаго разума божественнаго! — Таково желаніе проповѣдника, и такъ разумно дѣйствовала наша церковь въ томъ же самомъ XIII вѣкѣ, когда церковь западная учреждала повсюду инквизиціонныя суды (*inquisitio haereticae pravitatis*), подъ вѣдомствомъ ученаго ордена доминиканскихъ проповѣдниковъ, для которы хъ

неистощимую нищу предлагали процессы о волхвахъ, когда самъ глава церкви, папа Іоаннъ XXII, въ началѣ XIV вѣка, лично боязнію чародѣйства, много содѣйствовалъ развитію грубаго варварства, осуждавшего волшебниковъ на костры и висѣлицы⁵¹).

Въ пятомъ словѣ: *о маловѣрїи*, повторяются нѣкоторые укоры, содержащіеся въ предыдущихъ словахъ. Проповѣдникъ указываетъ еще на суевѣріе: народъ запрещалъ погребать удавленниковъ и утопленниковъ, и выгребалъ ихъ, приписывая имъ несчастія, постигавшія землю. Далѣе, сильнѣе еще чѣмъ въ другихъ словахъ, преслѣдуетъ онъ пороки времени. «Это ли ваше покаяніе? восклицаетъ онъ. Тѣмъ ли Бога умоляете, чтобъ утопшаго или удавленника выгresti? Тѣмъ ли Божію казнь хотите утишить? Лучше, братья, престанемъ отъ зла; лишимся всѣхъ дѣлъ злыхъ: разбоя, грабительства, пьянства, прелюбодѣйства, скупости, лихвы, обиды, воровства, лживаго свидѣтельства, гнѣва, ярости, злопамятства, лжи, клеветы, рѣзонаманія. Я грѣшный всегда учу васъ, дѣти; велю вамъ каяться, вы же не перестали отъ злыхъ дѣлъ. А если какая на насъ казнь отъ Бога придетъ, то мы еще болѣе его прогнѣваемъ, дѣлая извѣты: того ради ведро, сего дѣла дождь, того дѣла жито не родится, — и бываєте строители Божіей твари, а о безумїи своемъ почто не скорбите? Поганые, закона Божія не вѣдая, не убиваютъ единовѣрныхъ своихъ, не грабятъ, не обижаютъ, не клепятъ, не крадутъ, не запираются въ чужомъ. Поганый брата своего не продастъ; но кого изъ нихъ постигнетъ бѣда, то искупятъ его и на промыселъ дадутъ ему; а найденное въ торгу провяляютъ. Мы же считаемя вѣрными, крещены во имя Божіе, и заповѣди его слышимъ всегда, а исполнены неправды, зависти, немилосердія. Братію свою грабимъ, убиваемъ, въ погарь продаемъ, обидимъ, завидуемъ: если бы можно, съѣли бы другъ друга. .. Кого, окаянный, кого снѣдаешь? Не такой же ли человекъ какъ и ты? Не звѣрь, ни иновѣрецъ. Почто плачь и клятву на себя привлекаешь? Или ты безсмертенъ? Не чаешь суда Божія?... Отъ сна воставъ, не на молитву умъ презагаешь, а какъ бы озлобить кого, *лжамъ перемочь*. Говорю вамъ: не оставите сего, горшее вамъ будетъ.... Видно и за мои грѣхи бѣды съ вами дѣются; но придите со мною на покаяніе, да умолимъ Бога»...

Лѣтопись по Никонову списку хвалитъ еще Симеона, перваго епископа Тверскаго, изъ князей Полоцкихъ, какъ архи-

⁵¹ Geschichte der Hexenprocesse. Aus der Quellen dargestellt von D-r W. G. Soldan. Stuttg. und Tübing, 1843. Zehntes Capitel. стр. 179. In dem Hexenprocesse gewann der Inquisitor einen geschmeidigen und unerschöpflichen Criminalstoff.

пастыря добродѣтельнаго и учительнаго, и сильнаго въ книгахъ божественнаго писанія: князей не стыдился онъ, слово Христово правилъ истинно и право, всѣмъ творившимъ неправду былъ страшенъ. Митрополитъ Евгеній нашелъ одно Слово его между рукописями бібліотеки Іосифа Волоколамскаго монастыря. Скончался онъ въ 1288 году⁵²).

Максимъ, митрополитъ Кіевскій, хиротонисанный въ Царьградѣ въ 1283 году, хотя по происхожденію своему какъ Грекъ, и не могъ принимать участія въ словесномъ образованіи Россіи, но духовною дѣятельностію своею принесъ много пользы. Онъ въ 1304 году предлагалъ вмѣстѣ съ Феогностомъ вопросы на соборѣ Царьградскомъ; онъ оставилъ Правила, касающіяся особенно семейнаго благоустройства. Главная заслуга его состоитъ въ томъ, что онъ въ заключеніе вѣка (1299) перенесъ митрополию изъ Кіева во Владимір на Клязьму.

Гадательно, но съ вѣроятностію, можно отнести къ XIII-му же столѣтію *Ученіе ко всѣмъ христіаномъ*, судя по необыкновенной простотѣ содержанія и слова, напоминающей времена первобытныхъ и слова Луки Жидаты и Феодосія. Предложивъ въ началѣ о необходимости соединять вѣру съ любовію, оно содержитъ наставленія: *о постѣ, о сусудьхъ, о монастыри, о епископѣ, о князѣ, о друзьяхъ, о челяди, о смерти, о тайнѣ, о снѣхъ, о смиренїи, о рабѣхъ, о молитвѣ*. Изложимъ главныя мысли каждой статьи. Постъ чистый имѣйте къ Богу: постыся раздробляйте хлѣбъ свой. Не обижайте сиротъ домашнихъ, но милуйте ихъ: убогій иждѣ себѣ выпросить, а домашніе въ твоихъ рукахъ. Челядь милуйте и учите на спасеніе и на покаяніе; старыхъ на свободу отпускайте, а иныхъ поучайте на послушаніе и на добро. Сосѣда не обижайте; не берите его земли за себя. Богъ не одному человеку велитъ жить на землѣ, но многимъ. Монастыри любите: это сыновья святыхъ, *пристанница сего свѣта*. Входя въ нихъ, вы видите, какъ игумень пасетъ свое стадо; одинъ чернецъ не говоритъ, страха ради Божія; другой возносятся руки и сердца горѣ, а очи держитъ долу; тотъ плачетъ въ своей кельѣ и лежитъ ницъ; зтотъ работаетъ, какъ полоненный; тѣ заняты дѣломъ; другіе стоятъ въ церкви, будто каменные и неподвижные, возсылая молитвы къ Богу за весь міръ. Епископовъ чтите, какъ Петра и Павла: они молитвенники за ваши дома и за ваше спасеніе. Принимая чернеца или причетника въ домъ свой, болѣе трехъ чашъ не

⁵² Никонов. Лѣт. Т. 3 стр. 86. Исторія Россійской Іерархіи, часть 1. стр. 135. Словарь Митрополита Евгенія. Т. 2 стр. 209.

припуждайте пить: бѣсовское дѣло — до срама напоить слугъ Божіихъ, надобно отпустить ихъ съ поклономъ и взять ихъ благословеніе. — *Пріййте* князю главою своею и мечемъ своимъ и всею мыслию своею: не возмогутъ иные князи противиться вашему добру, если будете вѣрны вашему князю, и разбогатѣетъ земля ваша, и плодъ добрый возьмете съ нея. Если кто отъ своего князя къ иному князю отѣдетъ, то подобенъ будетъ Іудѣ, замыслившему продать Господа князьямъ Жидовскимъ. — Друзьямъ малымъ и великимъ покоряйтесь; на пиръ званы будете, садитесь на послѣднемъ мѣстѣ, и васъ пригласятъ на высшее. — Челядь свою кормите до сытости, одѣвайте и обувайте; если же не кормите, не обуваете, а холопа или рабу вашу убьютъ въ воровствѣ, за кровь ихъ вы будете отвѣчать въ день страшнаго суда. Учите ихъ на крещеніе, на покаяніе, на весь законъ Божій: ты какъ апостолъ въ домѣ своемъ. Учи грозю и ласкою если же не учишь, отвѣтъ дашь за то передъ Богомъ: Авраамъ самъ училъ своихъ домохадцевъ всему добру, закону Божію и доброму нраву. Если же тебя не послушаютъ ни мало, то не щади лозы, и отъ 4-хъ до 6-ти, до 12-ти, 20-ти и даже до 30 ударовъ, смотря по винѣ, дать позволется⁵³⁾. Если умретъ жена, и возьмешь другую, и будетъ она не любить дѣтей отъ первой, осужденъ будешь на муку вѣчную и подобенъ коню, который отдалъ себя въ управленіе кобылѣ. — Кто хочетъ любить животъ свой, и голову свою, и домъ свой, да хранить тайну царскую и друзей своихъ. Премудрость сказала: слышала тайну, да умереть съ тобою. Если же захотѣлъ кому передать, почитая его за добраго друга, то напрягъ стрѣлы съ *челерью* и съ сѣрю горячею на главу свою и на домъ свой. Открывъ ее, будешь имѣть двухъ враговъ: и въ томъ, отъ кого слышалъ, и въ томъ, кому повѣдалъ. Кто блюдетъ тайну, тотъ блюдетъ и свою голову. — Снамъ не вѣрьте, братья и чада. Кто вѣруеть снамъ, тотъ погибъ: многіе святые мужи тѣмъ себя погубили. Иисусъ Сирахъ говоритъ: кто можетъ за тѣнью своею или за вѣтромъ угнаться, тотъ сну вѣруй. — Если хочешь быть великъ передъ Богомъ и передъ людьми, то смирися. Ко всякому ласкайся, въ очи и за очи. Надъ кѣмъ смѣются, а ты хвали его. — Рабы, работайте, думая, что вы не челоуѣку работаете, но самому Богу. — Вѣдомо будъ, что не

⁵³⁾ Въ подлинникѣ употреблено древнее слово: *рана*, соответствующее въ теперешнемъ языкѣ удару.

пытаемо молитвенное мѣсто: Іеремія умолилъ Бога въ пропасти, три отрока въ печи, Данилъ пророкъ во рву львиномъ, Іовъ на гноищи, Моисей на морѣ, разбойникъ на крестѣ: такъ и ты, гдѣ бы ни былъ, на морѣ, на пути, на торжищѣ, во всякомъ мѣстѣ или въ храмѣ, молись часто, и Богъ услышитъ тебя: Того бо есть земля и исполненіе ея, и на всякомъ мѣстѣ владычествіе Его⁵⁴⁾.

Къ числу учительныхъ сочиненій, которыя Церковь наша возглашала въ храмахъ Руси, во времена междоусобій, принадлежатъ три паремьи о убіеніи страстотерпецъ Бориса и Глѣба отъ Святополка. Онѣ встрѣчаются въ рукописяхъ XIV столѣтія подъ заглавіемъ: *чтенія отъ Бытія*; заимствованы сокращенно изъ лѣтописи Нестора, но съ нѣкоторыми прибавленіями. Такъ, наприимѣръ, въ началѣ говорится: «Братья! въ бѣдахъ пособивы бывайте: мужъ безумный плещетъ руками и радуется о злобѣ, когда удручаетъ братьевъ своихъ: грѣхлюбецъ радуется рати и кровопролитію: не добро ковать ковь брату на брата. Горе душѣ твоей, поелику ты зло умыслилъ на праведныхъ братьевъ своихъ и сказалъ такъ: избію братьевъ своихъ и буду одинъ властителемъ на Руси, — не вѣдая, что мечъ на него поострится. Не помянулъ онъ Іоанна Богослова, обличающаго его: возлюбленніи! аще кто речеть: Бога люблю, а брата своего ненавижу, ложь есть; не любий бо брата своего, его же видѣ, Бога, его же не видѣ, како можетъ любити?... Вотъ окаанный Святополкъ и братьевъ своихъ возненавидѣлъ»... Послѣ разсказа о убіеніи братьевъ, въ паремьѣ говорится: «Стѣнамъ твоимъ, Вышгородъ, я устроилъ на весь день и на всю ночь стражей; они не уснутъ и не воздремлютъ, храня и утверждая отчину свою, Русскую землю, отъ супостатовъ поганыхъ и отъ усобной рати: праведникъ и по смерти живъ есть. Кровь ихъ до кончины вѣка не перестанетъ вопіять къ Богу на беззаконнаго и гордаго Святополка, лучше скажу Поганополка, безглавнаго звѣря»...⁵⁵⁾

⁵⁴⁾ Извлечено изъ рукописи Погодинскаго древлехранилища. Другой списокъ того же поученія находится въ рукописи Троицкой Лавры.

⁵⁵⁾ Указаны Калайдовичемъ и Строевымъ въ описаніи рукописей Графа О. А. Толстова, Отдѣл. IV. N 278. Съ этой рукописи напечатаны въ Приложенияхъ къ изданію Лаврентьевскаго списка Лѣтописи, стран. 252. Указаны еще мною въ книгахъ Св. Кирилла Бѣлозерскаго. См. Поѣздку въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Часть 2. стран. 22.

Лѣтописи XIII вѣка также памятники словесности, со-временныя самому столѣтію. Имена лѣтописцевъ столь же рѣдко встрѣчаются, какъ въ XI и XII столѣтіяхъ. Въ Новгородской лѣтописи подъ 1230 годомъ, упоминаетъ о себѣ Тимошей пономарь. Въ другой рукописи, вмѣсто Тимошея, стоитъ имя попа Іоанна. Явно, что оба они были переписчики и что каждый особо вписалъ свое имя⁵⁶). Замѣтимъ слѣды времени существованія лѣтописцевъ и слѣды очевиднаго или по слуху свидѣтельства. Въ Воскресенскомъ спискѣ лѣтописи есть мѣсто, изъ котораго видно, что первый издатель онаго жилъ въ самомъ началѣ XIII вѣка, судя по именамъ Византійскихъ императоровъ, ему современныхъ, до которыхъ онъ доводитъ свое повѣствованіе⁵⁷). Въ 1227 году лѣтописецъ былъ во Владимірѣ при ставленіи въ епископы игумена Митрофана митрополитомъ Кирилломъ и четырьмя епископами, въ присутствіи великаго князя Георгія Всеволовича и дѣтей его, братьевъ его Святослава и Іоанна, и всѣхъ бояръ и множества народа: онъ называетъ это зрѣлище дивнымъ и преславнымъ⁵⁸). Всѣ подробности разрушеній, какія произведены были въ разныхъ городахъ землетрясеніемъ 1230 года, рассказаны были со словъ самовидцевъ: «тако слышахомъ у самовидцѣ, бывшихъ тамо въ то время». Тоже самое прибавляетъ лѣтописецъ, говоря о знаменіяхъ небесныхъ, видѣнныхъ въ Кіевѣ: «тако сказаша намъ самовидци, бывши тамъ»⁵⁹). Ужасныя дѣйствія голода, въ томъ же году постигшаго Новгородъ, переланы со всѣми подробностями очевидца и могутъ принадлежать Тимошею пономарю, если онъ не былъ переписчикомъ. «Начали мы покупать хлѣбъ по 8 кунъ, а ржи кадь по 20 гривенъ, а пшеницы по 40 гривенъ, а пшена по 50, а овса по 13 гривенъ, и разошелся городъ нашъ и волость наша, и полны были чужіе города и страны братій нашихъ и сестеръ, а остальные начали умирать, и

⁵⁶) Полное Соб. Русск. Лѣтоп. Т. 3 стран. 47. «А даи Богъ молитва его святая всѣмъ крестьяномъ и мнѣ грѣшному Тимошею пономарю. Внизу выставленъ вариантъ: «И даи Богъ молитвами его всѣмъ христіаномъ, и мнѣ грѣшному Іоанну попову».

⁵⁷) Русская Лѣтопись съ Воскресенскаго списка подареннаго въ оной Воскресенской монастырь Патріархомъ Никономъ въ 1658 году. Ч. 1 стран. 70. «Мы же отъ начала Русской земли до сего лѣта и вся по ряду извѣстно да скажемъ отъ Михаила Царя до Александрія и Исакія». Здѣсь разумѣются Алексѣй Ангелъ и отецъ его; слѣдственно, до сего лѣта относятся къ 1203 году. Замѣчаніе Добровскаго. См. Исслѣдованія, замѣчанія и лекціи о Русской Исторіи, М. И. Погодина. Т. IV. стран. 72.

⁵⁸) Лаврентьевъ. см. стран. 190 и 191.

⁵⁹) Тамъ же стран. 193.

кто не прослезится о семъ, видя мертвецовъ по улицамъ лежащихъ и младенцевъ псами изъѣдаемыхъ. И вложилъ Богъ въ сердце архіепископу Спиридону сотворить благое: онъ поставилъ скудельницу у Святыхъ Апостолъ, въ ямѣ, на Прусской улицѣ, и приставилъ къ ней мужа добраго и смиреннаго, по имени Станила, который объѣзжалъ городъ на коняхъ, возилъ въ яму мертвецевъ, и наполнилъ ее до верха: мертвыхъ въ ней было 3030.... Что сказать о бывшей на насъ отъ Бога казни? Простолудины рѣзали живыхъ людей и ѣли, иные обрѣзывали мясо съ труповъ, другіе ѣли ковшу, пшину, кошекъ; кормились ихомъ, сосною, корою липовой, ливстомъ, кто чѣмъ могъ. Злые люди стали зажигать дома, гдѣ чули рожъ, и грабили имѣніе. Мертвцы лежали по улицамъ, по торгу, по мосту по великому: псы ихъ ѣли. Поставили еще двѣ скудельницы, и тѣ всѣ наполнились: мертвыхъ было въ нихъ безъ числа. Видя все это передъ глазами, мы бы должны были дѣлаться лучшими, а становились хуже: братъ не жалѣлъ о братѣ, ни отецъ объ сынѣ, ни мать объ дочери; сосѣдъ сосѣду не уломлялъ хлѣба; не было милости между нами, но была туга и печаль. На улицѣ скорбь другъ съ другомъ; дема тоска, при видѣ дѣтей, съ плачемъ просившихъ хлѣба или умирающихъ. Покупали мы хлѣбъ по гривнѣ в большіе, а ржи 4 ю часть кади по гривнѣ серебра, и отдавали отцы и матери дѣтей своимъ гостямъ изъ хлѣба. Это горе было не въ одной нашей землѣ, но и во всей области Русской кромѣ Кіева, и такъ Богъ воздалъ по дѣламъ нашимъ».

Лѣтописецъ, подъ 1231 годомъ пишущій похвалу Кириллу Епископу Ростовскому, явнымъ образомъ находился въ близкихъ съ нимъ сношеніяхъ и пользовался его ученіемъ. — Съ вѣроятностію можно тоже предположить о похвалѣ, которая подъ 1238 годомъ касается Ростовскаго князя Василька Константиновича, особливо по инымъ спискамъ лѣтописи: «Былъ лицомъ прекрасенъ, очами свѣтелъ, грозенъ взоромъ, паче мѣры храбръ, на ловахъ проворенъ, сердцемъ легокъ, а кто ему служилъ, а хлѣбъ его ѣлъ, чашу его пилъ, тотъ за его любовь ни какъ не могъ у него князя быть и служить, — такъ онъ любилъ слугъ своихъ...»⁶⁰) Приступая къ описанію жизни и подвиговъ Александра Невскаго, лѣтописецъ говоритъ, что онъ слышалъ все это отъ отцевъ своихъ и самъ былъ свидѣтелемъ его возрасту, а рассказавъ о побѣдѣ его при Невѣ и о шести храбрыхъ витязяхъ, которые были съ нимъ: Гаврило Олексичъ, Сбыславъ Якуновичъ, Яковъ

⁶⁰) Такъ въ Софійск. Времен. Т. 2 стран. 245.

Полочанинъ, Миша, Сава и Ратмиръ, прибавляетъ, что все это онъ слышалъ отъ самаго господина своего великаго князя Александра и другихъ, которые въ той самой битвѣ находились.

На описаніяхъ нашествія Татарскаго живы, по большей части, слѣды впечатлѣній, принятыхъ очевидцами: такъ особенно это замѣтно подъ 1240 годомъ, гдѣ говорится о томъ, какъ Батый осадилъ Кіевъ. «Нельзя было въ городѣ разговаривая слышать другъ друга, отъ скрыша телѣгъ, рева верблюдовъ, отъ звука трубъ и органовъ, отъ ржанія конскихъ стадъ, отъ клича и воля безчисленныхъ людей: вся земля была наполнена Татарами».

Не смотря на то, что лѣтописи XIII вѣка носятъ на себѣ характеръ удѣльнаго періода и занимаются подробностями, относящимися къ тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ оставлены отдѣльные ихъ списки, всѣ важнѣйшія событія Татарскаго нашествія, объемлюція и несчастія отечества и подвиги самоотверженія, рассказаны почти одинаково во всѣхъ возможныхъ спискахъ. Таковы: самое первое впечатлѣніе ужаса отъ Татаръ, битва при Калкѣ, нашествіе Батыя, взятіе Рязани, Москвы, Владиміра, подвигъ Владимірскаго епископа Митрофана, упорная осада Козельска, битва при Сити, кончина Георгія Всеволодовича и Василья Константиновича, осада и взятіе Кіева, мученическіе подвиги Михаила Черниговскаго съ бояриномъ Феодоромъ и Романа Рязанскаго. Нѣкоторые частные подвиги противъ Татаръ, какъ напримѣръ Евпраксін Рязанской, Евпатія Коловрата, Меркурія Смоленскаго, описаны не вездѣ съ равною подробностію. Но главныя событія, помянутыя выше, записаны вездѣ, записаны даже въ лѣтописи Новгородскаго, который, болѣе чѣмъ другіе города, отторгался отъ Русскаго единства. Тоже слѣдуетъ сказать о подвигахъ Александра Невскаго, этого единственнаго героя силы въ XIII вѣкѣ, надежды отечества, на которомъ отдыхаетъ сердце Русское, истерзанное его бѣдствіями. И они, какъ событія славы, записаны одинаково повсюду, въ слѣдъ за событіями горя и страданія. Въ словѣ лѣтописей, мысль Вѣры и чувство любви къ землѣ Русской, водившія перомъ лѣтописцевъ, уговоряли желанное освобожденіе отъ тяжкаго ига и будущее единеніе земли въ одну державу несокрушимую. Переписываніе и чтеніе этихъ страницъ, облитыхъ перѣдко слезами и смягченныхъ молитвою, конечно, приняло не малое участіе въ избавленіи Россіи.

Замѣтимъ черты образованности и начитанности въ на-

шихъ лѣтописяхъ. Но начнемъ съ черты противной, съ черты признанія въ невѣжествѣ. Новгородскій лѣтописецъ, говоря о первомъ нашествіи Татаръ, такъ выражается: «Богъ одинъ вѣдаетъ, кто они и откуда вышли; премудрые мужи, кто книги разумѣть, знаютъ ихъ хорошо; мы же ихъ не знаемъ, кто они, но здѣсь внесали объ нихъ памяти ради Русскихъ князей, и бѣдъ, которые имъ были отъ нихъ». Волыискій лѣтописецъ подъ 1233 годомъ приводитъ изъ Гомера слова объ лесті: «О алая лесть! до обличенія сладка она, обличенная же зла; кто въ ней ходитъ, конецъ злой приметъ. Злѣе зла это зло!» *) Въ другомъ мѣстѣ ссылается онъ на хронографъ ⁶¹⁾. Вообще должно замѣтить, что Волыискій лѣтописецъ болѣе оживляетъ свое повѣствованіе поэзіею: битвы Данила и Василья съ Ростиславомъ подъ перомъ его весьма живописны. Въ нѣкоторыхъ епископскихъ лѣтописяхъ, подъ 1248 годомъ, встрѣчается преданіе о войнѣ царя Батыя съ Венгерскимъ королемъ Владиславомъ, какъ Батый осадилъ Варадинъ и плѣнилъ сестру Владислава, которая потомъ уже помогала врагу противъ брата, какъ наконецъ Владиславъ убилъ царя Батыя и съ нимъ извѣнницу сестру свою. Это преданіе, конечно, заимствовано изъ исторіи племени Славянскихъ. Здѣсь же упоминается о томъ, что Угры прежде были православными, принявъ крещеніе отъ Грековъ, что потомъ, по недостатку своей грамоты, перешли къ Римлянамъ и что Святый Савва архіепископъ Сербскій обратилъ короля Владислава снова къ православію, но не явно, а тайно, изъ боязни возстанія народнаго ⁶²⁾.

Личность лѣтописцевъ, вмѣстѣ съ именами ихъ скрывается въ общемъ духѣ историческаго сказанія. Онѣ позволяютъ себѣ чувство, размышленіе, укоръ, совѣтъ, но не отъ лица своего, а въ силу того общаго начала, которое и тогда уже составляло основу Русской жизни. Иногда чувство Русскаго, повѣствующаго о бѣдствіяхъ отечества, вырывается простымъ, но сильнымъ воплемъ: «Да кто, отцы, братья и дѣти, видя это Божіе поущеніе на всю Русскую землю, изъ насъ не плачется? кто остался въ живыхъ? О если бы мы

*) Авторъ изслѣдованія о Вассіанѣ, напечатаннаго въ Извѣстіяхъ Академіи справедливо замѣчаетъ, что это мѣсто могло быть заимствовано лѣтописцемъ изъ Пчелы, сборника, котораго переводъ былъ у насъ извѣстенъ.

⁶¹⁾ «Яко же премудрый хронографъ списа, яко же добродѣявья въ вѣки святятся».

⁶²⁾ Никонова лѣтопись. Т. 3. стран. 27 — 29. Воскресенскій списокъ Т. 2 стран. 226 Русскій Временникъ. 1790. стран. 138.

это видя устращились, и восплакали бы о грѣхахъ своихъ день и ночь, забывъ про имѣніе и ненависть братскую!»⁶³⁾ Лѣтописецъ южный, болѣе страстный чѣмъ сѣверные, рассказывавая объ униженіяхъ, которыя переноситъ Даниилъ, сынъ славнаго Романа, въ ордѣ Батыевой, какъ пьетъ кумысъ и зовется отъ Батыя Татаринкомъ, глубоко чувствуетъ обиду земли своей и не можетъ удержаться отъ восклицанія: «О злѣе зла честь Татарская! Даниилъ Романовичъ, князь бывший великимъ, обладавшій Русскою землею, Кіевомъ, Владиміромъ и Галичемъ, нынѣ сидитъ на колѣняхъ, называется холопомъ, дани отъ него хотятъ, живота не чають, грозы на него приходятъ. О злая честь Татарская! Его же отецъ былъ царемъ въ Русской землѣ, покорилъ землю Половецкую, воевалъ на нныя страны, а сынъ не пріялъ его чести: то иной кто можетъ пріять?... Когда пришелъ онъ опять въ свою землю, братъ и сыновья его встрѣтили и былъ *плачь обиды его*....»⁶⁴⁾

Лѣтописцы сѣверные, менѣе чувствительные къ обидѣ, предаются важнымъ благочестивымъ размышленіямъ, соединеннымъ съ укорами. «Се наводитъ на насъ Богъ, веда намъ имѣть покаяніе и вспрануть отъ грѣховъ нашихъ.... Богъ казнить рабовъ своихъ напастьми различными: огнемъ, водою, ратью, смертию внезапною: такъ и подобаесть христіанамъ многими напастьми и скорбями внити въ царство небесное, если съ благодареніемъ примуть напасти». — «Богъ, видя наши беззаконія, братоненавидѣніе, зависть, видя какъ мы, присягая во лжи, скверными устами цѣлуемъ тотъ крестъ, котораго Ангелы зрѣть не могутъ, а многоочитые крылами закрываются, — наводитъ поганыхъ на насъ: они землю нашу опустошили, и мы сами не бѣда ничего, безъ милости истѣряли власть свою». — «Грѣховъ ради нашихъ, Богъ попустилъ на насъ поганыхъ: по гнѣву Своему наводитъ иноплеменниковъ на землю.... Усобная рать бываетъ отъ дьявола, Богъ же не хочетъ зла въ челоукахъ, а дьяволъ радуется злomu убійству и кровопролитію. Землѣ же, которой либо согрѣшив-

⁶³⁾ Троицк. спис. стран. 222. И кто, братіе, о семъ не плачется, кто ся насъ оставъ живыхъ, како оу нужную и горкую смерть подъяша? да и мы то видѣвши быхомъ устращились, и грѣховъ своихъ плакались съ вздыханіемъ день и ночь, пекушеса не о имѣніи, ни о нѣнависти братни. Новгород. спис. стран. 32. Да кто, братіе и отцы и дѣти, видѣши Божіе попушеніе и на всей Русской земли и не плачеться? — Соф. Врем. Т. 1. стр. 239. И кто, братіе, о семъ не поплачется? кто ся насъ оставъ живыхъ? како оу нужную и горкую смерть подъяша? стран. 248: Да кто, отцы и братіи и дѣти, видѣши Божіе попушеніе се на всей Русаской земли, и не плачеться?

⁶⁴⁾ Ипат. сп. стран. 185.

шей, Богъ казнить ее смертію, или голодомъ, или наведеніемъ поганыхъ, или ведромъ, или дождемъ сильнымъ, или казнями иными ...» — «Братіа, за грѣхи наши казнить насъ Богъ, и отъялъ у насъ мужей добрыхъ, чтобы мы покалялись. Писаніе говоритъ: дивное оружіе молитва и постъ, и пакы: милостыня, совокупленная съ постомъ и молитвою, отъ смерти избавляетъ челоука.... А мы хотимъ съѣсть завистью братъ брата, другъ друга. Цѣлуемъ крестъ и преступаемъ его, не вѣдая, какова сила крестная: крестомъ побѣждены бѣсовскія силы, крестъ князямъ пособляетъ въ браняхъ, крестомъ ограждаемые вѣрные люди побѣждаютъ сопротивныхъ»....⁶⁵⁾

Разсказавъ мученическій подвигъ князя Рязанскаго Романа, лѣтописецъ съ такимъ совѣтомъ обращается къ князьямъ Русскимъ: «О возлюбленные князья Русскіе! не прельщайтесь суетною и маловременною прелестною славою свѣта сего: она хуже паутины, измѣняется ежечасно, какъ тѣнь проходитъ, какъ дымъ исчезаетъ, какъ сонъ она вся: вы не принесли на этотъ свѣтъ ничего, ни отнести съ него что можете: наги вышли изъ чрева своей матеря, наги и отойдете. Не обижайте другъ друга, не лукавствуйте между собою, не похищайте чужаго, не обижайте меньшихъ сродниковъ вашихъ, ихъ же Ангелы видятъ лице Отца вашего небеснаго. Возлюбите истинную правду и смиреніе, долготерпѣніе, чистоту, любовь и милость, да радость Святыхъ исполнятся»⁶⁶⁾.

Въ Русскомъ Временникѣ, по случаю описанія нашествія Батыя подъ 1240 годомъ, встрѣчается весьма краснорѣчивое отступленіе, въ которомъ мрачными красками изображены бѣдствія Русской земли, и передъ этимъ зрѣлищемъ вся природа плачетъ и «плачетъ общяя наша мать земля, какъ чадолюбивая мать плотская, и стеная говоритъ: Сыны, сыны Русскіе! за чѣмъ ходили вы предъ Господомъ Богомъ, сотворившимъ васъ въ похотяхъ сердецъ вашихъ? или не слышали пророка Господня говорящаго: аще хотите и послушаете мене, благая земли снѣсте; аще ли не хотите, ни послушаете мене, оружіе васъ поястъ: уста Господни глаголали сіе. Чада мои, чада мои! прогнѣвали вы Господа своего, моего Творца и Бога! Вижу, какъ васъ отторгаютъ отъ вѣдръ моихъ, какъ праведнымъ судомъ Божіимъ впадаете въ немилостивыя руки поганыхъ; вижу иго работы на плечахъ вашихъ. Я же, безъ васъ, моихъ чадъ любимыхъ, остаюсь вдова бѣдная и бездѣтная. Но кого прежде мнѣ оплакивать? мужа ли? чадъ ли

⁶⁵⁾ Лазр. сп. стран. 191. Новгород. сп. стран. 46, 52, 60.

⁶⁶⁾ Никон. сп. Т. 3 стран. 53.

любимыхъ? Вдовство мое — опустѣніе многихъ городовъ, честныхъ монастырей, святыхъ церквей, лишеніе чадъ, учителей, священниковъ, властителей и народа». Плачь земли Русской заключается ея молитвою къ Господу, «да утолить праведный гнѣвъ свой и *возвратитъ племениыиъ во сеояси*, и къ этой молитвѣ присоединяется молитва всѣхъ православныхъ, чтобы Господь избавилъ насъ отъ злаго нашествія нечестивыхъ варваровъ и укрѣпилъ на нихъ православныхъ царей нашихъ». — Заключение показываетъ, что это есть позднѣйшее распространеніе какого нибудь отголоска лѣтописи современнаго событіямъ XIII вѣка.

Скорбь объ отечествѣ, покаяніе и молитва даютъ главное содержаніе и силу Русскому слову въ XIII вѣкѣ: оно не обильно, но значительно. Пораженный внѣшними бѣдствіями, избранный Русскій человекъ того времени все болѣе и болѣе уходилъ въ самого себя, и здѣсь, внутренними слезами омывая бѣды родной земли своей, воспитывалъ въ себѣ тѣ духовныя силы, которыя возрасли послѣ и уже въ слѣдующемъ вѣкѣ, обильно развиваясь, уготовляли славное освобожденіе Отечества.

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Františka Ladist. Čelakowského Čtení o srovnávací mluvnici Slovanské na unversitě Pražské. V Praze. 1853. (8°: XIV+360).

Представляя суду Отдѣленія и читателей свои понятія о сравнительной грамматикѣ и о состояніи ученой дѣятельности Славянъ въ этомъ отношеніи, я не могъ забыть и того богатаго собранія матеріаловъ, которое долгими годами скопилось съ образцовой отчетливостію у нынѣ покойнаго Челяковского (Изв. I. 67). При возвращеніи на этотъ запасъ, безпрестанно возрастающій, невольно входила мысль, что онъ готовится для сооруженія памятника, достойнаго трудолюбія, учености и вкуса того, кто не случайно оставался однимъ изъ вожаковъ литературной дѣятельности у Чеховъ въ продолженіе тридцати лѣтъ (1822 — 1852), постоянно достигая однихъ и тѣхъ же цѣлей по одному избранному направленію. Не разъ тронуть былъ этотъ запасъ особенно съ тѣхъ поръ, какъ съ 1842 года Челяковский занялъ кафедру Славянской филологіи въ Бреславлѣ, а съ 1849 года въ Прагѣ, — тронуть былъ онъ не разъ какъ пособіе для преподаванія сравнительной грамматики Славянской; но за-

писки, изъ него извлекаемыя, были только пробами, между тѣмъ какъ воспользоваться ими вполне Челяковский все не рѣшался, будучи недоволенъ его пробѣлами, и продолжая постоянно его пополнять. Въ такомъ видѣ остался онъ и послѣ кончины Челяковского. Кромѣ этихъ матеріаловъ на огромномъ множествѣ листковъ, Челяковский въ этомъ отдѣлѣ своей обширной дѣятельности оставилъ краткія записки о сравнительной грамматикѣ Славянской, которыми руководствовался въ преподаваніи — и тѣ къ сожалѣнію безъ конца. Эти то записки, написанныя въ формѣ чтеній, изда ны теперь въ томъ видѣ какъ найдены, съ предисловіемъ П. П. Шафарика и краткой біографіей Челяковского, написанной г. Мальмъ. — Чтенія Челяковского раздѣлены на три части: въ первой разсматриваются звуки Славянскаго языка въ отношеніи къ буквамъ, которыми онѣ выражаются (6—51), во второй — звуки въ отношеніи къ значенію, видоизмѣненію и употребленію (52 — 105); въ третьей — образованіе словъ (105 — 357). И эта третья часть, не говоря уже о томъ, чѣмъ бы долженъ быть весь курсъ сравнительной грамматики, осталась безъ конца: не достаеъ разбора образованія словъ неизмѣняемыхъ. Основная мысль и цѣль чтеній — объясненіе главныхъ нарѣчій Славянскихъ, какъ частей одной единицы, въ ихъ строѣ, помощію взаимнаго ихъ сравненія. Въ сравненія съ другими языками Челяковский почти совсѣмъ не вдавался, не потому что отвергалъ ихъ важность, но потому что считалъ ихъ менѣе полезными, а вѣроятно и несвоевременными — до тѣхъ поръ пока не будутъ раскрыты Славянскія нарѣчія сами по себѣ. Соглашаясь вполне съ этимъ направленіемъ, Шафарикъ находить, что оно вполне сообразно съ нуждами времени, когда у насъ и для большей части самыхъ ученыхъ строй ихъ роднаго языка остается еще въ туманѣ, если не въ полной тьмѣ (an většíně vzdělancův i samýchъ učenyxъ ustrojí domacího a přirozeného jejichъ jazyka ještě v mlze, neřku li ve tmě, pohřženo leží). Вглядываясь въ чтенія Челяковского, Шафарикъ видитъ, что въ нихъ на каждой страницѣ отпечатлѣлось глубокое и обширное, самобытное знаніе нарѣчій Славянскихъ, а на нѣкоторыхъ статьяхъ, полнѣе обработанныхъ, какъ напримѣръ на статьѣ о глаголѣ, лежитъ печать творящаго генія.

— Словарь къ первому тому Собранія «Русскихъ проповѣдѣй», изданный Др. А. А. Радолинскимъ. Буда. 1853. (8°: 96).

Слова переведены очень коротко по Нѣмецки и по Латыни (напр. открыtie n. Entdeckung; detectio).

— Programm C. K. Gymnasiuma v Jičíně roku 1853. V Jičíně. 1853 (8°: 49).

Въ этой тетради помѣщено «Kurze und gedrängte Vergleichung der Slav. besonders der Böhm. Sprache mit der Deutschen, hinsichtlich ihrer Formen». Ученый авторъ этой

записки д-ръ Ширъ, извѣстенъ издавна своими филологическими изслѣдованіями.

— Jahresbericht des K. K. Gymnasiums zu Pisek. 1852—53. Pisek. 1853. 8°.

Здѣсь помѣщено разсужденіе г. Экмунда О ѣаsicн jazyka českého.

— Jahresbericht des K. K. Gymnasiums zu Königgrätz 1853. (4°: 24).

Разсужденіе, здѣсь помѣщенное, касается древней и новой народной поэзіи Чеховъ.

— Programm des K. K. Akademischen Staats-Gymnasiums in Lemberg am Schlusse des Schuljahres 1853. Lemberg. 1853. (4°: 42).

Въ этой тетради читатель найдетъ любопытное разсужденіе Я. Головацкаго «Ueber Jhor's Heerszug gegen die Polouzer» т. е. о Словѣ о плъку Игоревѣ. Не много новыхъ фактовъ сообщаетъ оно тому, кто изслѣдовалъ наше Слово подробно; тѣмъ не менѣ замѣчательно, какъ трудъ добросовѣстный знатока Карпатскаго нарѣчія. Г. Головацкій занимаетъ кафедру Русской словесности въ Львовѣ, и высказалъ свое поправленіе между прочимъ въ двухъ книжкахъ: 1) Три вступительныя преподаванія о Русской словесности и 2) Разправа о языцѣ Южнорускомъ и его нарѣчіяхъ. (Обѣ изда ны въ Львовѣ, въ 1849 г.). Въ Львовской гимназіи преподается имъ Русскій языкъ во всѣхъ 8-ми классахъ: въ четырехъ первыхъ грамматика Русская съ упражненіями; въ пятомъ грамматика Старославянская съ чтеніемъ образцовъ; въ трехъ остальныхъ—чтеніе древнихъ памятниковъ, напр. Лѣтописи Нестора, Ипатіевской лѣтописи, Слова о полку Игоревѣ и т. п.

Говоря о трудахъ г. Головацкаго, не можемъ не вспомнить и его «Грамматики Русскаго языка, издаваемой въ 1849. Эта книжка учебная, но какъ произведеніе знатока очень важная по замѣткамъ объ особенностяхъ Карпатскаго нарѣчія. При дѣятельномъ содѣйствіи г. Головацкаго изда на и Русская часть der Juridisch-politischen Terminologie für die Slavischen Sprachen Oesterreichs. Wien. 1851. Въ этомъ Словарѣ помѣщено объясненіе словъ Нѣмецкихъ словами Русскими Карпатскаго нарѣчія, изъ которыхъ впрочемъ многія вновь выдуманъ и не могутъ быть понятны безъ особенныхъ объясненій.

— Slovenska Slovnica, s kratkim pregledom Slovenskego slovstva, ter z malim cirilskim in glagolskim berilom za Slovence. Spisal A. Janežić. V Celovcu. 1854. (печатано въ Прагѣ, 8°: 182).

Г. Янежичъ извѣстенъ уже своимъ ручнымъ Словаремъ Словеснаго Хорутавскаго нарѣчія (Изв. I. стр. 119—120).

— Старинные акты, служащіе дополненіемъ къ описанію города Шун и его окрестностей. Собраны В. Бори-

совымъ, изда ны Почетн. Гражд. Я. Гарелинымъ. Москва. 1853. (8°: XVI + 400).

Описаніе г. Шунъ издано г. Борисовымъ въ 1851 году, и обратило на себя общее вниманіе любителей старины многими любопытными данными и особенно актами, къ нему приложенными. Въ этомъ новомъ сборникѣ помѣщены еще 212 актовъ большею частію XVII вѣка. Въ концѣ книги приложены любопытныя примѣчанія.

— Труды Комиссіи Высочайше учрежденной при Императорскомъ Университетѣ св. Владимира. Описаніе древнихъ Русскихъ монетъ, принадлежащихъ мнѣцъ-кабинету Университета. Кіевъ. 1853. (4°: XIII + 13 и пять чертежей).

Десять изъ этихъ монетъ отнесены ко времени Владимира 1 и 2, десять ко времени Ярослава, восемь къ Святополку, три къ Георгію. Всѣ онѣ найдены близъ Нѣжина, у Магерокъ.

— О поземельной собственности и о наследствѣ Руси. Соч. О. Турчиновича. СПб. 1853. (8°: 10 + 58).

Цѣль автора—оспорить мнѣніе, что Русскіе Славяне жили въ древности въ родовомъ союзѣ и что у нихъ существовало общее владѣніе родовъ землею. Самъ онъ убѣжденъ, что древнѣйшій видъ владѣнія землею былъ чисто семейный, такой же какъ и нынѣ, подъ управленіемъ отца семейства. Автору извѣстны были и памятники Западно-Славянскіе.

— Сношенія Россіи съ Хивою и Бухарою при Петрѣ Великомъ. Сочиненіе А. Попова. СПб. 1853. (8°: IV + 188).

Отдѣльный оттискъ изъ книги уже отмѣченной (Изв. III. 41—42).

— Наука Поэзіи или Посланіе въ Писонамъ К. Г. Флакка. Переводъ въ стихахъ М. Дмитриева. М. 1853. (8°: VIII + 90).

Обширное изведеніе и примѣчанія украшаютъ этотъ трудъ, въ которомъ нашъ поэтъ хотѣлъ столько же остаться вѣрнымъ подлиннику, дать возможность понять его, сколько и выразить его языкомъ звучнымъ и увлекательнымъ.

Какъ листы на лѣсахъ вѣютъ съ годами,
Прекне жъ всѣ облетать: такъ слова въ языкѣ. — Тѣ, состарясь,
Гибнутъ, а новыя, вновь народясь, разрѣзутъ и одрѣзутъ.
Мы и все наше — дань смерти.

— О жизни и сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго. П. А. Плетнева. СПб. 1853. (12°: 188).

Первый обширный критическій трудъ о Жуковскомъ началъ былъ П. А. Плетневымъ, когда Жуковский еще былъ живъ (См. въ I-мъ томѣ Извѣстій). Отдѣльный оттискъ этого сочиненія былъ издавъ подъ названіемъ: О стихотвореніяхъ В. А. Жуковскаго СПб. 1852, 8°: 66). Въ другомъ, столько же важномъ очеркѣ, теперь издающемъ

отдѣльною книжкой, читатель найдетъ любопытныя подробности о жизни нашего поэта, съ множествомъ выписокъ изъ писемъ, и замѣчаній, тѣмъ болѣе драгоцѣнныхъ, что они — плодъ близкихъ, духовно родственныхъ связей автора съ поэтомъ.

— Военный Энциклопедическій Лексиконъ, издаваемый Обществомъ военныхъ и литераторовъ. Изд. 2-е. Томъ IV. СПб. 1853. (8°: 663 и чертежи).

Кромѣ статей на букву Г и Д — Девол. въ этомъ томѣ помѣщено еще нѣсколько дополнительныхъ статей ко всѣмъ изданнымъ четыремъ томамъ.

— *Důležitě slovo o koncovkah pŭ a ni u pŕidavných.* Od J. Franty Šumavskego. v Praze, 1854 (8°: 24).

Не въ одномъ Чешскомъ нарѣчій не исполнѣ ясно отличіе окончаній прилагательныхъ именъ *mŭj* и *mŭj* (Срав. Рус. дальній и далный, повдній и повдмый); но ня въ одномъ, важется, смѣшеніе этихъ окончаній не доведено до такой степени, какъ въ Чешскомъ. Разсмотрѣть условія употребленія того и другаго окончанія: такова цѣль статьи г. Шумавскаго, — пока впрочемъ еще не исполнѣ достигнута.

— Примѣтбе Ніканора Груиѣ архимандрита Кувеждинскаго на преводъ Новаго Заѣта, кон ег. Вукъ С. Караѣиѣ писао. У Земуну. 1852.

Сербскій преводъ Новаго Заѣта, издаваемый Вукомъ Стеф. Караджичемъ (у Бечу. 1847. 8° XV+607) есть одно изъ важнѣйшихъ пріобрѣтеній современной литературы Сербской, какъ трудъ знатока народнаго Сербскаго языка, знающаго, что не своимъ личнымъ, а народнымъ смысломъ надобно отличать выраженія приличныя отъ неприличныхъ, и что тѣ Сербы, которые не привыкли къ обычаямъ языка условнаго книжнаго, безпрестанно у нихъ мѣняющагося, совсѣмъ иначе цѣнятъ многія изъ книжныхъ выраженій, чѣмъ литераторы, считающіе себя въ правѣ придавать словамъ смыслъ по своему произволу. Конечно, и въ трудѣ Караджича есть свои недостатки, содержаніе которыхъ можно и должно было избѣгнуть, — но едва ли кому было бы это столько трудно, какъ Сербу Караджичу въ то время, когда понятія о Сербскомъ языкѣ, его системѣ и достоинствѣ еще такъ шатки въ самыхъ образованныхъ кругахъ писателей. Въ книжкѣ арх. Груиѣ читатель найдетъ нѣсколько важныхъ указаній въ этомъ отношеніи (см. стр. 131—138).

— *Jahrbücher für Slavische Literatur, Kunst und Wissenschaft, red. von J. E. Schmalzer. Neuer Folge I-er Band. Bautzen. 1853. 1 Heft. (8°: 63—14).*

Въ этой новой книжкѣ Лѣтописей Славянской литературы, выходящихъ къ сожалѣнію очень медленно, помѣщены между прочимъ слѣдующія статьи: Болгарскія пословицы (въ Нѣмецкомъ преводѣ), — О народныхъ пѣсняхъ

и сказкахъ Славянъ (сокращенный преводъ сочиненія J. Штура, уже отмѣченнаго въ Извѣстіяхъ, II, стр. 294), — Свѣденія о Матицѣ Сербо-Лужицкой и пр.

— *Časopis Českého Museum. 1853. Sv'azek III a IV. V Praze. 1853 (8°: 415—654).*

О первыхъ двухъ книжкахъ этого тома Часописа сказано въ Извѣстіяхъ прошедшаго года (II. 258). Въ двухъ остальныхъ болѣе другихъ любопытны слѣдующія статьи: В. К. Ганки о гекзаметрахъ Чешскихъ XIII вѣка, Я. Гумки о народныхъ повѣртіяхъ у Чеховъ, Г. Имречка — объ ученіи и училищахъ въ Россіи, Я. Малаю — Введеніе въ эстетику, В. Небеснаю — о трагедіи у Грековъ. — Статья В. В. Ганки знакомитъ съ Латинскою рукописью 1258—1278 года, въ которой писанъ *Cisiojanica* (календарь персточетъ), указывающій слогами при перечетѣ ихъ по пальцамъ, въ какой день мѣсяца приходится какой праздникъ, напр:

(*Octava rodstva suathek suati pŕiui den osmŭ na službu tauni. Seb. ag. vincen. tim. pavel bil za tri dni slerp.*)

Ŕkta²va³ rodstva⁴ svatek⁵ svaty⁶ pŕvy⁷ deň⁸ osmy⁹ na službu¹⁰ Tajiny. Seb. Ag, Vincen, Tim, Pavel byl zat ri dni slerp¹¹

Замѣчательно, что въ этой рукописи шипящій *ř* не отличенъ отъ чистаго: *brecislav, tri, gregori, criš, mari, laurenes, uskresil, krestene* и пр. — Статья г. Гумки о народныхъ повѣртіяхъ Чеховъ представляетъ собою сборникъ замѣчательный столько же по богатству матеріаловъ, сколько и по старанію автора свести ихъ въ систематическое цѣлое.

ИЗВЛЧЕНІЕ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ

Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ
за январь 1854 года.

Въ январѣ мѣсяцѣ Отдѣленіе имѣло девять засѣданій, а именно: 2, 7, 9, 14, 16, 21, 23, 28 и 30 чиселъ. Въ сихъ засѣданіяхъ, подъ предсѣдательствомъ И. И. Давыдова, присутствовали: П. Г. Бутковъ, А. Х. Востоковъ, П. А. Шетиневъ, І. С. Кочетовъ, Я. И. Березинковъ, М. А. Коркуновъ и И. И. Срезневскій.

Л

Общій Словарь Русскаго языка.

Г. Предсѣдательствующій внесъ въ Отдѣленіе первый корректурный листъ общаго Словаря Русскаго языка, а въ засѣданіяхъ 21 и 28 чиселъ І. С. Кочетовъ и М. А. Коркуновъ предложили нѣсколько замѣчаній на этотъ листъ. Замѣчанія послѣдняго преимущественно относились до означенія Восточныхъ и другихъ иностранныхъ словъ при объясненіи происходящихъ отъ нихъ Русскихъ. Въ засѣданіяхъ 23, 28 и 30 января І. С. Кочетовъ и И. И. Срезнев-

скій продолжали чтение—первый психологическихъ терминовъ, а второй словъ на букву *Б*.

Получено отъ г. *Островскаго* 100 словъ богословскаго содержания, объясненныхъ примѣрами изъ разныхъ авторовъ.

III.

ОБЛАСТНЫЕ СЛОВАРИ.

Великорусскій.

Я. И. Бередниковъ внесъ въ Отдѣленіе 22 слова, употребляющихся въ Тихвинскомъ уѣздѣ Новгородской губерніи, которыя и переданы тогда же *А. Х. Востокову*, для внесенія въ Дополненія къ Областному Великорус. Словарю.

III.

ГРАММАТИКА.

Г. Предсѣдательствующій объявилъ, что вновь пересмотрѣнные 3, 4, 5 и 6 листы «Общесравнительной Грамматики Русскаго языка» уже отпечатаны.

IV.

Чтенія трудовъ Академиковъ и постор. ученыхъ.

Читаны: статья Академика *А. С. Норова*, подъ заглавіемъ: «Исслѣдованія объ Атлантидѣ», и Отчетъ Академика *И. И. Срезневскаго* о современномъ состояніи Славянской филологіи. Отдѣленіе опредѣлило сіи любопытныя статьи напечатать въ своихъ изданіяхъ и изъяснить авторамъ ихъ искреннѣйшую признательность.

V.

Памятники и образцы языка и словесности.

Директоръ Новгородской Гимназіи *Эрдманъ* представилъ въ Отдѣленіе образцы народнаго Русскаго языка и словесности, собранные учителями Русскаго языка Тихвинскаго Уѣзднаго Училища *Адолюфомъ Невинскимъ*, по городу Тихвину и его уѣзду, согласно съ программю Отдѣленію. Трудъ г. *Новинскаго*, переданъ для рассмотрѣнія *Я. И. Бередникову*.

VI.

Изданіе Извѣстій и Ученыхъ Записокъ.

Читаны и одобрены въ печатанію статьи, составляющія первый выпускъ Извѣстій Отдѣленія за 1854 годъ.

VII.

ОСОБЫЯ ЧТЕНІЯ.

Отдѣленіе по единогласному желанію всѣхъ присутствовавшихъ въ засѣданіи 14 Января Членовъ своихъ, опредѣлило изъяснить Редактору «Матеріаловъ для сравнительнаго и объяснительнаго Словаря и Грамматики», «Историческихъ чтеній о языкѣ и словесности» и «Мнѣній о новомъ изданіи Словаря», *И. И. Срезневскому* живѣйшую признательность Отдѣленія какъ за изданіе сихъ книгъ, такъ и за дѣятельное продолженіе Извѣстій.

Отдѣленіе получило въ Январѣ мѣсяцѣ: 1) отъ Преосвя-

щеннаго *Филарета*, епископа Харьковскаго и Ахтырскаго, Несторова Житіе препод. *Феодосія Печерскаго*, въ Русскомъ переводѣ и съ замѣчаніями; 2) отъ г. *Протопопова* — Словарь, составленный имъ изъ статейнаго списка Посольства *Дохтурова* въ Англію въ 1645 году; 3) отъ г. *Удольскаго* — слово Митрополита *Феодосія*, списанное имъ съ соблюденіемъ правописанія подлинника; 4) изъ Канцеляріи Министра Народнаго Просвѣщенія 5-ть экземпляровъ Божественной службы, напечатанной *В. В. Ганкою* глаголическими буквами; 5) отъ Коллежскаго Ассесора *Н. Айгустова* 2-го — списки съ нѣкоторыхъ старинныхъ бумагъ, и 6) отъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника *П. В. Хавскаго* рукописный Сербскій календарь, писанный нечисто по Сербски, а съ примѣсю Церковно-Славянскихъ и Русскихъ словъ. Отдѣленіе изъявило свою признательность преосвященному *Филарету* и гг. *Протопопову*, *Удольскому*, *Айгустову* и *Хавскому*.

Почетный Членъ Отдѣленія *А. И. Красовскій* на отношеніе г. Предсѣдательствующаго уведомилъ что онъ готовъ продолжать начатую имъ Исторію Россійской Академіи, и просить о доставленіи къ нему необходимыхъ для сего труда протоколовъ и журналовъ сей Академіи, которые и опредѣлено доставить г. *Красовскому*.

Отдѣленіе, по предложенію г. Предсѣдательствующаго, опредѣлило вытребовать для рассмотрѣнія изъ 1-го Отдѣленія Академической бібліотеки слѣдующія рукописи, принадлежавшія бывшей Россійской Академіи и значущіяся въ ея печатномъ каталогѣ:— 1) Слово Патріарха *Адриана* на погребеніе схимонахини *Анонсы*, бывшія Царевны *Анаы Михайловны*, 2) Куранты или вѣдомости, подававшіяся Царю *Феодору Алексѣевичу*, 1686 года, 3) Записная книга *Св. Митрофана*, епископа *Воронежскаго*, 4) Краткое описаніе знатныхъ приключеній во время войны съ Турціею, 1768 года, 5) Рукописи *Екатерины Великія*, 6) Собраніе и записки изъ разныхъ книгъ, 7) Письма *Князя Суворова*, 8) Почерки достопримѣчательныхъ отечественныхъ особъ, 9) Почерки иностранныхъ особъ, 10) Тропникъ, 11) Жизнь *Неплюева*, 12) Собраніе проповѣдей, 13) Собраніе словъ, употребляемыхъ въ *Вологодской* и *Архангельской* губерніяхъ, *Никонова*, 14) Словарь *Иллирическаго нарѣчія*, 15) Книга *Алфавитъ*, содержащій въ себѣ толкованіе иностранныхъ рѣченій, вже во святыхъ книгахъ не переложены на Русскій языкъ, 16) Словарь съ Россійскаго на неизвѣстный языкъ, 17) Россійскій Словарь, 18) Словарь *Иллирійскаго языка*, съ *Латинскимъ* и *Россійскимъ*, 19) О геніи или складѣ языка *Россійскаго*, 20) Рукопись, содержащая въ себѣ грамматическія замѣчанія, 21) Тропникъ, и 22) Толкованіе иностранныхъ книгъ *Св. Писанія*.

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ

ПО ОТДѢЛЕНІЮ

РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ начало съ 1852 года изданіе «Извѣстій» въ томъ же видѣ, какъ издаются Извѣстія (Bulletins) двухъ другихъ Отдѣленій Академіи.

Въ составъ Извѣстій Императорской Академіи Наукъ по Отдѣленію Русскаго языка и словесности входятъ, кромѣ записокъ о занятіяхъ Отдѣленія и извлеченій изъ протоколовъ о его засѣданіяхъ, сочиненія, какъ Членовъ Академіи, такъ и постороннихъ ученыхъ, читаемыя въ засѣданіяхъ Отдѣленія, именно:—ислѣдованія и замѣчанія касательно языка Русскаго и языковъ, съ нимъ соплеменныхъ, ихъ литературы и древностей;—разборы замѣчательныхъ трудовъ по части филологіи Славяно-Русской; а въ особенныхъ Прибавленіяхъ—памятники языка и словесности, матеріалы для словаря, грамматики и т. п.

«Извѣстія» издаются выпусками или листами; 24 листа съ Прибавленіями составляютъ одинъ томъ. Цѣна тому ТРИ РУБЛЯ СЕРЕБРЯТЫХЪ. Получать можно у Коммиссіонера Академіи Глазунова (по Большой Садовой, въ домѣ Публичной Библиотеки, подъ №№ 21 и 22) и Эгерса (на Невскомъ проспектѣ №№ 1 и 10). Иногородные читатели благоволятъ относиться съ своими требованіями къ помянутымъ Коммиссіонерамъ или въ Комитетъ Правленія Академіи.

СОДЕРЖАНІЕ ВЫПУСКА: Взглядъ на грамматическія изслѣдованія о Русскомъ языкѣ: Предисловіе къ третьему изданію Опыта общесравнительной грамматики. О. А. И. И. Давыдова. — Библиографическія записки: Извѣстія о новыхъ книгахъ, И. И. Срезневскаго. — Перечень засѣданій Отдѣленія за февраль и мартъ. — Приложенія къ протоколамъ: Замѣчанія Я. К. Грота. — Съ симъ выпускомъ выдаются листы ПРИБАВЛЕНІЙ LVIII—LX.

ВЗГЛЯДЪ

НА

ГРАММАТИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ

О

РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

КЪ ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНІЮ ОПЫТА ОБЩЕСРАВНИТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ.

Орд. Ак. И. И. Давыдова.

Грамматическіе труды до Опыта общесравнительной Грамматики.—Заченіе въ учено-учебной литературѣ нашей сего Опыта. — Оуществленіе предположенной Отдѣленіемъ Грамматики историческо-сравнительной.

Приготовляя третье изданіе Опыта общесравнительной Грамматики Русскаго языка, я считаю нужнымъ показать перемѣны и улучшенія, въ немъ сдѣланныя, а вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлить его значеніе въ нашей современной филологіи. Изъ сихъ изслѣдованій откроется и то, что еще остается совершить на этомъ поприщѣ.

Со времени изданія Грамматики Ломоносова, преобразователя Русскаго языка и творца Русской грамматики, мы находимъ три различныя направленія въ изученіи отечественнаго языка: учебное, критическое и ученое. Въ грамматикахъ перваго рода излагаются правила грамматическія безъ изслѣдованія происхожденія формъ; онѣ ограничиваются употреб-

леніемъ ихъ въ рѣчи. Второй родъ грамматикъ представляетъ критическое и подробное перечисленіе правилъ Русскаго языка; но многія изъ этихъ правилъ излишни для Русскихъ, нѣкоторыя пригодны только учащимъ, и всѣ нуждаются въ основаніяхъ логическихъ и историческихъ. Наконецъ къ третьему роду принадлежатъ грамматическія сочиненія, опирающіяся на начала общей грамматики и на сравненіе съ соплеменными языками.

Первое направленіе начинается сочиненіемъ Ломоносова: *Россійская Грамматика*, Спб. 1755; второе изслѣдованіями о языкѣ бывшей Россійской Академіи; третье Вторымъ Отдѣленіемъ Академіи Наукъ и *Филологическими наблюденіями надъ составомъ Русскаго языка* Прот. Павскаго, явившимися въ свѣтъ въ 1842 году.

Грамматика Ломоносова, при всей недостаточности своей, служившая до начала текущаго вѣка единственнымъ руководствомъ къ изученію правилъ Русскаго языка, носитъ на себѣ отпечатокъ гениальнаго творца. Наставленіе его о чело-вѣческомъ словѣ вообще содержитъ въ себѣ мысли глубокія и доселѣ не старѣющія. Но это слово во время Академика нашего разсматриваемо было не какъ *предметъ особой науки*, а какъ *орудіе всѣхъ наукъ*. «Тупа ораторія, говоритъ сочинитель, косяноязычна поэзія, неосновательна философія, непріятна исторія, сомнительна юриспруденція безъ грамматики. И хотя она отъ общаго употребленія языка происхо-

дѣть; однако правилами показываетъ путь самому употребленію». Такъ смотрѣлъ Ломоносовъ на грамматику.

По образцу Грамматики Ломоносова составлены *Краткія правила Россійской Грамматики, собранныя изъ разныхъ Грамматики въ пользу обучающагося юношества Императорскаго Московскаго Университета*. Москва, 1771. Въ составленіи этихъ правилъ участвовалъ ученикъ Ломоносова, Профессоръ Московскаго Университета *Барсовъ*.

Россійская Грамматика, изданная Россійскою Академіею (1802, 1809 и 1819 г.), уже представляетъ систему грамматическую. Сокращеніе этой Грамматики напечатано (1809 г.) отъ Главнаго Правленія Училищъ.

По сему же направленію составлены *Начальныя основанія Россійской Грамматики*, П. Соколова. Спб. 1788.

Къ этому разряду грамматическихъ трудовъ относятся болѣе замѣчательныя Грамматики: В. *Свѣтова* (1790 и 1795), А. *Никольскаго* (1807 и 1823), *Борна* (1808), *Половцова* (1839). Я не исключаю изъ сего разряда и многихъ Начальныхъ правилъ Русской Грамматики, изданныхъ для воспитанниковъ бывшаго Университетскаго Пансіона. Въ 1843 году, въ Москвѣ, вышло *девятое* изданіе этой книги.

Всѣ сочиненія этого рода представляютъ направленіе учебное, потому что въ основаніи ихъ лежитъ мысль о словѣ, только какъ орудіи сообщенія знаній, а не какъ о предметѣ особой науки. Таково было общее значеніе грамматикъ и Нѣмецкихъ, и Англійскихъ, и Французскихъ того времени, не смотря на глубокомысленныя сочиненія *Аделунга*, *Гарриса*, *де Саси* и *Гебеліна*.

Начала болѣе строгаго построенія Русской Грамматики на основаніяхъ всеобщей видимъ въ *Начертаніи правилъ Россійской Грамматики*, *Ив. Орнатовскаго*, Харьковъ, 1810; въ *Опытномъ способѣ къ филологическому познанію Россійскаго языка*, *Ильи Тимковскаго*, Харьковъ, 1811; въ *Практической Грамматикѣ Русскаго языка*, изданной *Фатеромъ* на Нѣмецкомъ языкѣ, въ *Лейпцигѣ*, (1808 и 1814); въ *Системѣ Русскаго языка*, *Ант. Пулмайера*, напечатанной въ *Прагѣ* (1820).

Критическія изслѣдованія различныхъ свойствъ Русскаго языка появились въ *Извѣстіяхъ Россійской Академіи* (1815 — 1828 г.) и въ *Трудахъ Московскаго Общества Любителей Россійской Словесности*. Опытъ

словопроизводнаго Словаря и разныхъ филологическихъ разысканій А. С. *Шишкова*, Опытъ о ближайшемъ сродствѣ языка Славяно-Русскаго съ Греческимъ, К. *Экономиды*, о Русскихъ глаголахъ *Болдырева*, о залогахъ и степеняхъ сравненія *И. Калайдовича*, разные статьи *Саларева*, *Филомавитскаго*, *Кошанскаго* и другихъ, придали грамматикѣ гораздо высшее значеніе въ сравненіи съ предъидущимъ направленіемъ. Сюда же относятся позднѣйшіе грамматическіе труды *Лангениельда*, *Перевальскаго*, *Басистова*, А. *Смирнова*. Уже стали вѣрить *Квинтиліану*, что кто углубится въ ученіе грамматическое, тотъ найдетъ достойныя вниманія предметы, которые не только могутъ изощрить умъ юный, но и занять мужей ученыхъ и просвѣщенныхъ.

Полная грамматическая система съ критическимъ разборомъ свойствъ Русскаго языка, среди многихъ разнаго достоинства учебниковъ, явилась въ сочиненіяхъ Академіка А. Х. *Востокова* (1831) и Корреспондента Академіи Н. И. *Греча* (1827). Въ продолженіе четверти столѣтія эти книги служатъ лучшимъ руководствомъ для изученія отечественнаго языка, какъ въ частномъ, такъ и въ общественномъ воспитаніи юношества. Всѣ достоинства этихъ обомъ сочиненій принадлежать глубокимъ знаніямъ языка сочинителей, а нѣкоторые недостатки относятся ко времени ихъ изданія. Если бы Грамматики знаменитыхъ филологовъ нашихъ имѣли болѣе въ виду учащихся родному языку, съ дѣтства изучаемому, не ограничивались бы однимъ книжнымъ языкомъ, вездѣ полагали бы въ основаніе законы логическіе, объясняли бы особенности Русскаго языка сравненіемъ съ соплеменными языками; то онѣ предупредили бы Грамматики *Беккера*, *Магера*, *Вурста*. — Объ этомъ родѣ изученія языковъ, принимающемъ слово за средство, а не за цѣль, *Гриммъ* говоритъ: «Такія грамматики не заботятся о происхожденіи звуковъ и формъ, а довольствуются употребленіемъ ихъ въ рѣчи. Въ объясненіи образованія словъ занимаются онѣ не столько уясненіемъ корней, сколько словопроизведеніемъ и словосоставленіемъ. Всѣ правила языка направляются въ нихъ къ образцовымъ писателямъ, а не распространяются на области языка, необработанныя искусствомъ. Въ этомъ грамматическомъ изученіи критика словесныхъ произведеній полагается призваніемъ и цѣлью».

Совершенно иное открылось поприще для ученыхъ лингвистическихъ изысканій, когда стали разрабатывать слово, какъ предметъ особой науки. — Тогда изученіе отечествен-

наго языка приняло другое направленіе и другіе размѣры въ сравненіи съ изученіемъ языковъ иностранныхъ. Въ народномъ словѣ заключается система всѣхъ знаній того или другаго народа, въ немъ отпечатлѣваются понятія религіозныя, гражданственныя, семейныя: съ такимъ изученіемъ развиваются и укрѣпляются силы самаго разума. «Этотъ родъ направленія, по мнѣнію Гримма, углубляется въ языкъ, какъ въ непосредственную цѣль, открываетъ въ немъ законы, разлагаетъ весь составъ языка на части, рассматриваетъ *кости* его и *жилы*. Какъ успѣхи анатомія зависятъ отъ сравненія, такъ и въ членоразлагающемъ изслѣдованіи языка возникло *сравнительное* языкоученіе, извлекающее правила изъ сближенія различныхъ языковъ или формъ одного и того же языка, исторически развивающихся одна изъ другой. Это ученіе находитъ себѣ такую же пищу въ необработанномъ языкѣ, какъ и въ образцовыхъ произведеніяхъ. Оно прежде всего изслѣдуетъ простѣйшія стѣхи — звуки и флексіи, и менѣе занимается строеніемъ рѣчи. Въ языкѣ, принимаемомъ за организмъ, нѣтъ неправильностей, которыя не исходили бы отъ закона, глубоко таящагося, нѣтъ исключеній, которыя, при надлежащемъ объясненіи, не подходили бы подъ извѣстное правило». Таково воззрѣніе на языкоученіе В. Гумбольдта — *Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues* 1836; *Pott* — *Etymologische Forschungen auf dem Gebiete der Indo-Germanischen Sprachen*, 1833 — 1836; *Bopp* — *Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Zend, Griechischen, Lateinischen, Lithauischen, Altslavischen, Gothischen und Deutschen*, 1833—1842; Як. Гримма *Deutsche Grammatik; Diaca, Grammatik der Romanischen Sprachen*.

Новая наука языкоученія, созданная трудами Германскихъ ученыхъ, въ короткое время достигая высокаго совершенства, обрабатывается въ настоящее время двумя способами: *философскимъ* и *историческимъ*, или *сравнительнымъ*. По первому способу всѣ частныя измѣненія грамматическихъ формъ приводятся къ общимъ логическимъ законамъ; по второму изслѣдуются соплеменные языки, древніе и новые, и свойства ихъ сравниваются между собою, или рассматривается одинъ какой-либо языкъ, проводится по всѣмъ своимъ видоизмѣненіямъ, и такимъ образомъ составляется его исторія отъ древнѣйшихъ памятниковъ его до позднѣйшихъ временъ.

Эти два способа взаимно одинъ другому помогаютъ въ основательномъ изученіи слова, какъ предмета *особой, само-*

бытной науки. Философскій способъ освѣщаетъ историческія изслѣдованія мыслию и многообразныя изысканія сравнительныя совокупаютъ въ стройное единство; историческій же, или сравнительный, способъ служитъ философскому матеріальной основой. Такъ логическое построение языка К. Беккера въ его *Организмъ языка* (1841 г.) и *Гумбольдтова* сочиненіе о различіи чловѣческаго словопостроенія — лучшія грамматическія произведенія по способу философскому; а *Нѣмецкая* (историческая) *Грамматика* Я. Гримма и *Сравнительная* Ф. Боппа — лучшія грамматическія сочиненія по способу историческому, или сравнительному. Нельзя довольно начитаться Беккера и В. Гумбольдта; уважаешь ученость Боппа, но послѣ этихъ знаменитостей удивляешься огромности труда Гриммова.

Такое живое и плодотворное ученіе привилось и на нашей филологической почвѣ.

По присоединеніи бывшей Россійской Академіи къ Императорской Академіи Наукъ, въ видѣ особаго Отдѣленія Русскаго языка и Словесности, между прочими занятіями этого Отдѣленія постановлено главнѣйшимъ изданіе Грамматики и Словаря. Одушевляемое ревностнымъ желаніемъ идти къ указанной цѣли, Отдѣленіе немедленно приступило къ сему двумъ трудамъ, предоставивъ наличнымъ Членамъ обработваніе Словаря, а Комиссіи, изъ Московскихъ Академиковъ образовавшейся, составленіе *ученой* Грамматики. Игнѣ въ виду воссозданія языка по памятникамъ и современнымъ писателямъ, оно предположило представить соотечественникамъ сочиненіе, которое служило бы сокровищницею завѣщаннаго предками богатства и руководствомъ для современниковъ. Московская Комиссія, принявъ на себя разработку матеріаловъ для академической Грамматики со стороны философской и исторической, поставила себѣ образцомъ Нѣмецкую Грамматику Я. Гримма, и возложила на Членовъ своихъ различныя приготовительныя изысканія. Но обстоятельства воспрепятствовали исполненію этого предположенія: Члены, занятые служебными обязанностями и литературными трудами, не могли совокупными силами содѣйствовать совершенно первоначальной мысли. *)

*) Издано было только нѣсколько *Материаловъ* въ Bulletin de la classe historico-philologique de l'Academie: въ 1843 году — о истощеніяхъ вообще и о Русскихъ въ особенности; въ 1845 — о прилагательныхъ вообще и о Русскихъ въ особенности; въ 1848 — о числительныхъ именяхъ, нарѣчіяхъ, предлогахъ и союзахъ. Всѣ они были трудомъ И. И. Давыдова. Ред.

Между тѣмъ ученая литература наша обогатилась *Филологическими наблюденіями надъ составомъ Русскаго языка*, Протоіерея Г. П. Павскаго. Это сочиненіе и въ болѣе богатой литературѣ было бы встрѣчено благосклонно; въ нашей же, не имѣвшей до того времени ничего подобнаго, оно принято съ уваженіемъ и благодарностью. «Филологическими наблюденіями» началось новое направленіе въ изученіи отечественнаго языка, прежде знакомое только слушателямъ Университетскихъ лекцій *). Подъ этимъ названіемъ знаменитый филологъ изложилъ нѣсколько разсужденій о составѣ отечественнаго языка. Эти разсужденія должны были касаться всѣхъ частей грамматики, кромѣ синтаксиса. Во вступленіи сочинитель показываетъ методъ изслѣдованій своихъ и источники; выслушаемъ его самого.

«Зная, что нашъ Русскій языкъ принадлежитъ къ большому семейству образованнѣйшихъ въ свѣтѣ языковъ, я взялъ въ соображеніе грамматическій составъ всѣхъ однородныхъ языковъ, отмѣчалъ сходство и несходство ихъ съ нашимъ языкомъ, и старался узнать отличительное его свойство и мѣсто, какое онъ занимаетъ въ порядкѣ родственныхъ языковъ. Узнавъ вообще свойство или духъ языка, я легко могъ находить частныя правила, по которымъ образовались слова». — «Само собою разумѣется, что съ нашимъ Словенорусскимъ языкомъ въ ближайшемъ родствѣ состоятъ языки Словенскіе. Поэтому я при помощи лучшихъ знатоковъ и изслѣдователей Словенскихъ языковъ старался узнать составъ сихъ языковъ. Составъ Богемскаго или Чешскаго языка я узналъ изъ Грамматикъ *Добровскаго* и *Нельда* и Словарей *Томсы* и *Юкмана*; составъ Польскаго изъ Словаря *Линде*, составъ Краинскаго изъ Грамматики *Копитара*. Общій взглядъ на Словенскіе языки представленъ у Добровскаго въ его *Institutiones linguae Slavicae* и въ разныхъ мелкихъ сочиненіяхъ».

«Послѣ изученія Словенскихъ языковъ изслѣдователь Русскаго языка долженъ знать составъ языка Санскритскаго, древняго Персидскаго или Зендскаго, Греческаго, Латинскаго и Нѣмецкаго съ его отраслями. Всю эту породу родственныхъ языковъ нынѣ называютъ языками *Индоевропейскими*. Я не говорю о полномъ изученіи ихъ. На это не достанетъ ни охоты, ни силъ. Для соображенія довольно пересмотрѣть грамматики и словари, въ которыхъ изложенъ составъ сихъ

языковъ, чтобы видѣть ихъ сходство и несходство съ нашимъ языкомъ. Составъ Санскритскаго языка я узналъ изъ грамматикъ *Вилькинса* и *Боппа*, и изъ разныхъ Санскритскихъ сочиненій, изданныхъ Боппомъ съ примѣчаніями и словарями. Свойство Зендскаго языка частію объяснено Боппомъ же въ его Сравнительной грамматикѣ. Для сравненія Нѣмецкихъ языковъ древнихъ и новыхъ постояннымъ пособіемъ служили для меня *Аделунговъ Словарь* и *Грамматика Гримма*, и вообще чтеніе Нѣмецкихъ книгъ. — Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимостью требовала и любопытство побуждало перечитать все писанное о нашемъ языкѣ отечественными изслѣдователями его и сочинителями грамматикъ».

По такому способу сочинитель филологическихъ наблюденій изложилъ всѣ свои соображенія въ пяти разсужденіяхъ:

I. О простыхъ и сложныхъ звукахъ, изъ которыхъ составилось Русское слово, и о письменномъ ихъ изображеніи.

II. О составѣ и разныхъ изгибахъ имени существительнаго, прилагательнаго, числительнаго и мѣстоименія.

III. О глаголѣ.

IV. О частицахъ.

V. Списокъ всѣхъ корней Русскаго языка, гдѣ указано будетъ сходство коренныхъ его словъ съ коренными словами другихъ родственныхъ языковъ.

Изъ пяти разсужденій Пр. Павскаго изданы пока три первыхъ, притомъ разсужденія объ именахъ числительныхъ и мѣстоименіяхъ явились только при второмъ изданіи «Филологическихъ наблюденій» въ 1850 году.

Непосредственно за появленіемъ перваго изданія Филологическихъ наблюденій Протоіерея Павскаго, независимо отъ него, а какъ благое слѣдствіе преподаванія отечественнаго языка въ Университетѣ Московскомъ и учрежденія во всѣхъ Русскихъ Университетахъ кафедры *Славянскихъ нарѣчій*, появились:

1. Матеріалы для Русской грамматики и стилистики *Ө. И. Буславца* въ его сочиненіи «О преподаваніи отечественнаго языка», въ 1844 г.

2. Разсужденіе *М. Каткова* «Объ элементахъ и формахъ Славяно-Русскаго языка», въ 1845 году.

Одно изъ этихъ сочиненій выразило прекрасное желаніе примѣнить методу Гримма къ изслѣдованіямъ Русскаго языка; другое указало наше сочувствіе къ разработкѣ вопросовъ сравнительнаго языкоученія по способу Боппа. Оба въ уче-

*) Такъ и. п. въ Читеніяхъ о Словесности *И. И. Давыдова* Читенія II, III, IV, V, VI, заключаютъ въ себѣ мысли о философскомъ и сравнительномъ изученіи языка. *Ред.*

номъ отношеніи обогатили науку Русскаго языка многими любопытными сближеніями и данными.

По появленіи сочиненія Прот. Павскаго, составившаго въ исторіи Грамматки нашей эпоху, и по закрытіи между тѣмъ Комиссіи Московскихъ Академиковъ, планъ составленія Грамматки, предложенной Вторымъ Отдѣленіемъ Академіи, долженъ былъ измѣниться какъ въ методѣ, такъ и въ объемѣ. Въмѣсто исторической Грамматки, для которой труды прежде раздѣлены были между нѣсколькими Академиками, я одинъ принялъ на себя составленіе Грамматки Русскаго языка *общесравнительной*, по плану Беккеровой Грамматки Нѣмецкаго языка. Показать въ изложеніи для всѣхъ доступномъ *общіе* законы слова человѣческаго на началахъ мышленія и главные черты *частныхъ* особенностей, объясняемыя *сравненіемъ* отечественнаго языка съ языками однородными и соплеменными — вотъ цѣль, мною предложенная. Такъ я желалъ удовлетворить первой, настоятельной потребности — представить въ общепонятномъ изложеніи строеніе роднаго слова и правила его разумнаго употребленія, сообразно съ современными требованіями науки. Понять строеніе языка возможно только при помощи его сравненія съ другими языками, сродными съ нимъ въ свойствахъ своихъ, и на основаніи логическихъ законовъ; поэтому труду моему необходимо было придать характеръ общесравнительный, внести въ него объясненія замѣчательныхъ особенностей Русскаго языка посредствомъ сравненія его съ другими языками. Въмѣстѣ съ тѣмъ нужно было избѣгнуть подробностей, знакомыхъ каждому Русскому съ дѣтства или бесполезно обременяющихъ вниманіе того, кто не посвящаетъ себя исключительно филологическимъ изслѣдованіямъ. Такимъ образомъ изложенная грамматика отечественнаго языка, отличаясь отъ грамматикъ языковъ иностранныхъ, приводитъ въ сознаніе уже извѣстныя слова и ихъ построеніе, возводитъ знаніе на степень науки и развиваетъ мыслящую способность. Здѣсь слово уже принимается не за средство, а за цѣль.

Способъ моего изложенія законовъ Русскаго языка собственно *философскій*, потому что частныя измѣненія грамматическихъ формъ подводятся подъ общіе логическіе законы; но онъ вмѣстѣ и *историческій*, или *сравнительный*, потому что всѣ главные формы Русскія сравниваются съ соответственными формами языковъ однородныхъ и соплеменныхъ. Этимъ средствомъ я надѣялся избѣжать односторонности филологической грамматики, которой логическое построеніе лишено

жизни, тогда какъ всякій живой языкъ представляетъ полный организмъ. Желая лишь только проложить новую дорогу къ такому возрѣнію на родной языкъ, и не считая труда своего совершенно оконченнымъ, я назвалъ его *Опытомъ*. Успѣхъ его превзошелъ мои ожиданія: въ Мартѣ 1852 года онъ былъ изданъ, а въ Апрельѣ того же года разошлись всѣ экземпляры его, и въ Маѣ определено было Отдѣленіемъ приступить къ новому изданію. Въ Январѣ 1853 года отпечатано второе изданіе, дополненное и исправленное по замѣчаніямъ Членовъ Отдѣленія и другихъ ученыхъ. Въ томъ же году истощено было и второе изданіе; почему, по опредѣленію Отдѣленія, готовится третье изданіе, приспособленное къ преподаванію. Съ этою цѣлю, кромѣ нѣкоторыхъ исправленій, присоединены таблицы спряженій и склоненій. Сверхъ того, съ помощію достойнѣйшаго сочлена, Академика И. И. Срезневскаго, сдѣланы улучшенія въ опредѣленіяхъ и примѣрахъ; прибавлены остроумныя замѣчанія Корреспондента Академіи Я. К. Грота объ удареніяхъ. Полагая, что грамматика отечественнаго языка должна служить началомъ и окончаніемъ общаго курса ученія, я отдѣлилъ особыми шрифтами ученіе философское отъ сравнительнаго. При всей благосклонности публики, оказанной труду моему, трижды пересмотрѣнному достопочтеннѣйшими Членами Отдѣленія Академіи и особаго Комитета, составленнаго изъ Членовъ Отдѣленія для третьяго изданія, я считаю его только *Опытомъ*. Заслуги этого Опыта состоятъ лишь въ изображеніи языка, по мысли В. Гумбольдта, органическимъ живымъ произведеніемъ духа человѣческаго; въ указаніи, по примѣру Беккера, общихъ логическихъ законовъ въ частныхъ формахъ Русскаго языка и тождества свойствъ его съ свойствами языковъ однородныхъ и соплеменныхъ; въ точнѣйшемъ опредѣленіи частей рѣчи и систематическомъ изложеніи. Мнѣ кажется, что этотъ Опытъ, какъ ручная книга обучающагося юношества, пригодится и для пытливаго изслѣдователя слова. Въ исторіи Русскаго языковѣданія онъ составляетъ звено, связующее *прошедшую* судьбу Русской Грамматки съ *будущею*.

Но если такимъ образомъ исполнено одно изъ требованій Положенія Отдѣленія (§ 17): «основательное изслѣдованіе свойствъ Русскаго языка, начертаніе сколь можно простѣйшихъ и вразумительнѣйшихъ правилъ употребленія его»; то еще остается ожидать осуществленія мысли бывшей Московской Комиссіи — *Грамматки Русскаго языка сравнительной, или исторической*, по образцу Нѣмецкой Грамма-

тики Я. Гримма. Въ исторической грамматикѣ Русскій языкъ долженъ быть проведенъ по всѣмъ нарѣчіямъ и измѣненія формъ его показаны отъ древнѣйшихъ памятниковъ до нашего времени.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, независимо отъ исторической грамматики, должна быть обработана исторія Русскаго языка, какъ орудія образованности народа, которое претерпѣвало различныя перемѣны и въ силу естественной своей видоизмѣяемости, и подъ вліяніемъ временныхъ и мѣстныхъ обстоятельствъ. Языкъ измѣняется въ народѣ, измѣняется и въ литературѣ, всюду по однимъ законамъ, непреложнымъ какъ всѣ законы природы. Тысяча лѣтъ исторической жизни народа Русскаго отразилась и на языкѣ его, устномъ и письменномъ: не таковъ онъ былъ и въ грамматическомъ своемъ устройствѣ, и въ способахъ выраженія понятій словами, въ началѣ государственнаго образованія Русской земли, какимъ его слышимъ теперь на огромномъ пространствѣ нашего отечества изъ устъ народа и въ произведеніяхъ слова письменнаго. Исторія Русскаго языка должна прослѣдить эти видоизмѣненія, разгадать ихъ причины, свести ихъ въ одно органическое цѣлое съ послѣдствіями. И тутъ примѣняются тѣ двѣ методы, которыя указаны были выше, методы Боппа и Гримма. Метода послѣдняго находила пока болѣе послѣдователей, хотя и самъ Гриммъ все болѣе расширялъ ее приложеніемъ къ ней идей Боппа. Важнѣйшіе труды Гримма въ этомъ родѣ — его «Исторія Нѣмецкаго языка», изданная въ 1848, и небольшое разсужденіе о происхожденіи языка въ 1851 г.

До появленія у насъ этихъ сочиненій и по другому плану, изложилъ Академикъ И. И. Срезневскій свои Мысли объ Исторіи Русскаго языка въ 1848 году. Въ другомъ мѣстѣ указаны были мною основныя положенія, изслѣдуемыя въ этомъ трудѣ Академика, который въ преподаваніи примѣняетъ свой взглядъ къ каждому изъ Славянскихъ нарѣчій отдѣльно. Главная задача этого рода изслѣдованій заключается въ сравненіи древняго языка съ новымъ и указаніе пути измѣненій. Отличенію древнихъ формъ отъ новыхъ помогаютъ изслѣдованія другихъ родственныхъ языковъ. Такое обличеніе открываетъ, какъ Русскій языкъ, переходъ отъ древняго своего состоянія къ новому, измѣнялся въ словахъ и формахъ. Въ измѣненіяхъ своихъ онъ шелъ тѣмъ самымъ путемъ, которымъ шли и другія Славянскія нарѣчія, подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ мѣстныхъ и временныхъ. Это доказываютъ

измѣненія, общія всѣмъ Славянскимъ нарѣчіямъ, въ системѣ фонетики, въ форматѣ словообразованія и словоизмѣненія и въ оборотахъ словосочиненія. Такія изслѣдованія приводятъ насъ къ сознанію тѣхъ развалинъ, въ какихъ представляются намъ многія слова и выраженія новаго языка, измѣнившіяся въ продолженіе времени и уклоняющіяся отъ общихъ правилъ живой рѣчи. Въ Русскомъ языкѣ, равно какъ и во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, новое такъ спаялось со старымъ, что безъ историческихъ изслѣдованій нѣтъ возможности объяснить многія формы и слова, употребляемыхъ безсознательно.

Этого рода изслѣдованія не должны ограничиваться, какъ убѣждаютъ многіе современные труды филологовъ, кругомъ только сродныхъ нарѣчій, а вводить въ область историческихъ сравненій и сродные языки, и только при помощи сравненій всѣхъ сродныхъ языковъ выводить заключенія объ историческихъ измѣненіяхъ Русскаго языка. Второе Отдѣленіе Академіи Наукъ почтетъ долгомъ своимъ принимать участіе въ этихъ изслѣдованіяхъ, и въ послѣднее время оно выразило его въ своихъ изданіяхъ.

Сочувствуя такимъ изслѣдованіямъ, какъ и всякому полезному труду въ наукѣ, я вмѣстѣ съ тѣмъ не могу не сочувствовать необходимости, выводы изслѣдованій ученыхъ дѣлать общедоступнымъ достояніемъ всякаго образованнаго и образующагося. Поэтому въ Опытѣ, излагая правила современнаго языка и стремясь выводить ихъ изъ законовъ историческаго развитія его, даю мѣсто не столько сближеніямъ подробностей, не всякому нужныхъ, сколько выводамъ изъ нихъ, для всѣхъ необходимымъ. Плоды изслѣдованій тогда только вполнѣ благотворны, когда они удовлетворяютъ общимъ нуждамъ. Грамматика, нынѣ печатаемая третьимъ изданіемъ, излагая правила современнаго языка, сводитъ ихъ въ законы. Предположенная Отдѣленіемъ и ожидаемая отъ тѣхъ, которые показали прекрасныя начала, въ упомянутыхъ сочиненіяхъ, сравнительная, или историческая Грамматика, преслѣдуя законы языка въ его измѣненіяхъ въ различныя времена, подкрѣпитъ нынѣшнія формы языка, отдѣльныя развалины словъ и выраженій соединитъ въ одно цѣлое — и предъ нами явится древній нашъ языкъ въ связи съ живомъ современнымъ рѣчью.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ.

НОВЫЯ КНИГИ.

— Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, издаваемый Н. Калачовымъ. Книги второй половины вторая. М. 1854. (8°. 204 + 78 + 88 + 36 + 123).

Первая книга этого превосходнаго сборника, рисующая въ самомъ радостномъ свѣтѣ современное состояніе нашей Русской науки, вышла еще въ 1850 году. Тамъ въ предисловіи высказано было между прочимъ, что принятая избранное заглавіе въ самомъ обширномъ значеніи, издатель предполагалъ помѣщать въ своемъ изданіи не только чисто-историческіе и чисто-юридическіе изслѣдованія и акты, но также статьи и матеріалы по части Русской филологіи и археологіи въ пространномъ смыслѣ. «Главное вниманіе — сказано тамъ — мы будемъ обращать на внутренній бытъ нашего отечества и народа, ииѣя въ виду ту тѣсную, неразрывную связь, которою во всѣхъ отношеніяхъ соединяется Русь древняя съ новой». Что касается до состава сборника, то по различію статей, которыя должны въ немъ помѣщаться, онъ раздѣленъ на двѣ половины. Изъ нихъ первая и главная часть изданія назначена для историко-юридическихъ розысканій и матеріаловъ, къ которымъ отчислены: I. Изслѣдованія и критическій разборъ памятниковъ исторіи, статистики и права древней Россіи. II. Матеріалы, относящіеся до исторіи, статистики и права преимущественно древней Россіи. III. Приготовительные труды для словаря историко-юридическаго собственнаго именъ и техническихъ терминовъ, встрѣчающихся въ древнихъ Русскихъ памятникахъ. IV. Дополненія и приложенія къ отдѣльнымъ изслѣдованіямъ и изданіямъ матеріаловъ, касающихся быта Россіи. V. Изслѣдованія и акты на иностранныхъ языкахъ по части древней исторіи Русскаго права, въ переводахъ и измеченіяхъ. VI. Археологическія указанія, замѣтки и новости, служащія къ объясненію быта и письменности древней Россіи. Вторую меньшую половину сборника положено посвящать приложеніямъ: 1. Указателямъ книгъ съ 1848 года. 2. Указателямъ сочиненій до 1848 года. 3. Указателямъ статей въ періодическихъ изданіяхъ. Понятно, что такой планъ, совершенно соотвѣтствуя современному направленію и чуждамъ Русской науки, долженъ былъ возбудить сочувствіе и дѣлателей и образованнаго общества, и гдѣтъ на Архивъ Н. В. Калачова, какъ на одно изъ самыхъ важныхъ предпріятій въ современной Русской литературѣ.

Въ первой же книгѣ осуществился планъ вполне сообразно съ ожиданіями. Въ ней приняли участіе своими трудами: А. Н. Афанасьевъ, О. М. Бодянский, Ф. И. Буслаевъ, И. Д. Бѣляевъ, И. Е. Забѣлинъ, К. Д. Кавелинъ, Н. В. Ка-

лачовъ, М. Н. Капустинъ, М. А. Оболенскій, М. П. Погодинъ, С. М. Соловьевъ, В. М. Ундольскій, А. Д. Чертковъ. Имена этихъ сотрудниковъ всѣ извѣстны всѣмъ, кто слѣдитъ за современною историко-филологическою дѣятельностію Русской, какъ имена дѣлателей, которыми дорожила бы любая изъ современныхъ литературъ Европейскихъ. Въ каждомъ изъ отдѣленій помѣщены записки и матеріалы, любопытные и по новости мысли ихъ содержанія и по значенію внутреннему.

Такое или еще большее разнообразіе содержанія ожидаетъ читателей и во второй книгѣ, которой вышла пока вторая половина, т. е. отдѣленія IV, V и VI и Приложенія. Вотъ содержаніе этого выпуска:

Русскія пословицы и поговорки: сборникъ съ большимъ вступленіемъ и замѣчаніями Ф. И. Буслаева, — Дополненія къ собранію Русскихъ народныхъ пословицъ и притчей И. М. Снѣгирева (въ первой книгѣ помѣщенъ былъ сборникъ пословицъ А. Н. Афанасьева), — Записки о нравахъ Татаръ, Литовцевъ и Москвитянъ Михалона Литвина (1550—1580) въ Русскомъ переводѣ съ замѣчаніями, — Записка о миѣической связи понятій свѣта, огня, зрѣнія и пр. и дополненія къ ней, А. Н. Афанасьева — Пыры и братчины А. Н. Попова, — Новые свидѣтельства объ игояхъ (важное изслѣдованіе объ игояхъ Н. В. Калачова помѣщено въ 1-й книгѣ), — Измеченіе изъ книги Златоустъ И. Е. Забѣлина, — Заговоры, наговоры и пр., — Новые свидѣтельства о родѣ и рожаницахъ И. Забѣлина, — Перепечатка описанія свадебныхъ Украинскихъ обрядовъ Гр. Калиновскаго (1777 г.), — Въ Приложеніяхъ, кромѣ указателя книгъ 1849 года, помѣщенъ еще указатель статей изъ Отечественныхъ Записокъ П. Свиньина (къ первой книгѣ приложенъ указатель къ Сѣверному Архиву).

Вѣроятно въ непродолжительномъ времени выйдеть и первая половина этой второй книги. Тогда будутъ представлены замѣчанія о важнѣйшихъ статьяхъ всей книги.

— Временникъ Императорскаго Московскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ. Книга XVIII. М. 1854 (8°. 42 + 106 + XVI + 28 + 56).

Изслѣдованіе, здѣсь помѣщенное, принадлежитъ Профессору В. Н. Лешкову и имѣеть предметомъ древніе Русскіе законы о сохраненіи народнаго богатства. Оно раздѣлено на двѣ части: въ первой заключается обзоръ дѣльныхъ о народномъ богатствѣ, а во второй — о пожарахъ и наводненіяхъ. Въ числѣ многихъ любопытныхъ замѣчаній и соображеній автора болѣе другихъ ново то, которое касается особенныхъ добавочныхъ статей въ Русской Правдѣ, относящихся — какъ полагаютъ — къ договору найма (см. въ Сводѣ Калачова ст. XXII — XXXVIII и въ Полн. Собр. Рус. Лѣт. VI стр. 61—63). Эти 16 статей — говорить г. Лешковъ, составляютъ одно цѣлое, связанное, и гово-

рять о сельскомъ хозяйствѣ по системѣ половничества, въ размѣрѣ одного села. Онъ считаетъ эти статьи особеннымъ актомъ. Прибавимъ къ этому, что эти статьи находятся только въ тѣхъ пяти спискахъ Русской Правды, которыя отнесены Н. В. Калачовымъ къ третьей редакціи Русская Правда этой редакціи найдена до сихъ поръ только въ лѣтописяхъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Софійскаго временника, и помѣщена тамъ послѣ 1019 года въ слѣдъ за словами «и да въ имъ правду и уставъ, списавъ грамоту, рече: по сему ходите и держите, яко же списавъ вамъ»; описаніе списковъ помѣщено Я. И. Березниковымъ въ V томѣ Полн. Собранія Русск. Лѣт. (стр. 77—78); древнѣйшіе изъ нихъ писаны не ранѣе половины XV вѣка. Ни кто до сихъ поръ, сколько могу припомнить и знать, не обращалъ такого подробнаго вниманія на означенныя статьи, какое обратилъ В. Н. Лешковъ на стр. 14—17 своего изслѣдованія. Онъ находитъ въ нихъ «вычисленіе наличнаго имущества, находившагося въ селѣ^{*)}, такъ сказать, инвентаръ хозяйства, а именно: 22 овцы и 22 барана (?), 22 козы и столько же козловъ (?), 3 свиньи и 3 борова или вепря (?), 2 кобылицы съ жеребцами, корова и быкъ, два роя пчелъ, извѣстное количество молоченаго и не молоченаго хлѣба, полбы, ржи, овса, ячменя, и опредѣленное пространство земли, которое можно вывести изъ количества посѣва и числа собираемаго сѣна. — Въ актѣ сказано, что въ селѣ высѣвается 16 кадей ржи, а снимается 100 копенъ ежегодно, да накашивается 5 стоговъ сѣна. Полагая по четверти посѣва на десятину и кадь въ 4 четверти, получимъ 64 десятины поля для озими, или въ одной рукѣ, да въ двухъ «потому же», а всего поля 192 десятины, а съ лугами, съ сѣнокосомъ, нѣсколько болѣе 200 десятинъ.^{**)}

^{*)} Само собою разумѣется, что село надо тутъ понимать не въ нынѣшнемъ смыслѣ.

^{**)} «Въ актѣ открываемъ — говоритъ авторъ — вычисленіе тѣхъ доходовъ, которые должно получить съ разныхъ статей хозяйства черезъ извѣстное урочное время, преимущественно черезъ 12 лѣтъ. (для иныхъ и черезъ 9-ть). При этомъ вычисленіи основаніе движенія хозяйства выражено такъ, что скотъ и животныя возрастаютъ въ прогрессіи геометрической, именно удваиваются ежегодно, за исключеніемъ лошадей и коровъ; а хлѣбъ и зерна возрастаютъ въ прогрессіи арифметической, т. е. умножаются въ каждый слѣдующій годъ цѣлою половиною противъ предыдущаго. Очевидно, что этотъ расчетъ доходовъ съ хлѣба предполагаетъ урожай только самъ-третьей, слѣд. слишкомъ малый, объясняемый единственно предположеніемъ, что здѣсь вычисленъ доходъ хозяина земли, и опущенъ доходъ половника. Замѣтить должно, что только хлѣбъ, показанный въ запасъ, въ зернѣ или въ копнахъ, подвергается вычисленію объ ежегодномъ умноженіи въ 50%, тогда-какъ количество хлѣба, опредѣленное первоначальною запаскою, остается постоянною величиною, какъ и сѣно, и только складывается 12 разъ — по числу урочныхъ годовъ. Значитъ для запаснаго хлѣба въ копнахъ и зернѣ, равно какъ для пастбищъ предѣловъ въ землѣ и полѣ не полагается, и что годъ, то болѣе земли должно было занимать и для посѣвовъ и

По вычисленію автора гривна того времени, когда составленъ актъ, заключала въ себѣ 50 рѣзанъ, а нога 2¹/₂ рѣзаны. «Полагая же, что гривва металла вѣсила полуфунта, т. е. 10 руб. серб. мы легко выводимъ, что рѣзана стоила немного менѣе 3 коп. серб., а гривна около 1¹/₂ р. с.» Авторъ, къ сожалѣнію, опустилъ изъ виду вопросъ о времени и мѣстѣ составленія акта. Рядомъ съ этимъ вопросомъ можно поставить другой не менѣе важный: актъ ли это, въ которомъ выражены дѣйствительные факты, или же только предположеніе досужаго расчетчика, предположеніе случайно занесенное въ одинъ изъ позднихъ списковъ Русской Правды и потомъ безсознательно переписанное нѣсколькими другими? По крайней мѣрѣ законодательнаго характера въ замѣткахъ этого акта не видно. Вотъ напризмѣръ начало: «А отъ 20 овецъ и отъ 2-ю приплода на 12 лѣтъ 90,000 овецъ и 100 овецъ и 12, а борановъ 90,000 и 100 и 12 борановъ, а всего борановъ и овецъ на 12 лѣтъ 180,000 и 200 и 23 (24?). А овца метана по 6 ногатъ, а боранъ по 10 рѣзанъ, а за то за все кунами 40,000 гривенъ и 5,000 гривенъ и 50 гривенъ и 5 гривенъ и 40 рѣзанъ. А на тѣхъ овцахъ и на боравахъ рунъ 300,000 и 60,000 и 400 и 40 и 6 рунъ, а на тѣхъ рунѣхъ кунами 7,000 гривенъ и 200 гривенъ и 8 гривенъ и 40 рѣзанъ и 6 рѣзанъ, а руно чтено по рѣзанѣ. Рядомъ съ этимъ о пчелахъ: «А отъ двоихъ пчелъ на 12 лѣтъ (на 9-ть?) приплода роевъ и съ старыми пчелами 200 и 50 и 6 роевъ. А то кунами 100 гривенъ и 20 гривенъ и 4 гривны; а то чтено по полугривнѣ рой и съ медомъ. А приплода на лѣто по одному рою». Рядомъ съ этимъ о посѣвѣ: «А въ селѣ сѣяно ржи на 2 плуга 16 кадей ржи ростовскихъ, а того на одно лѣто прибытка на 2 плуга 100 копенъ ржи, а на всю 12 лѣтъ 1,000 копенъ и 200 копенъ и пр. Расчетъ, очевидно, для каждаго отдѣла произведеній особенный; но ужели это расчетъ юридическій, который могъ, какъ норма, быть занесеннымъ по волѣ законодателя въ законникъ? Мнѣ кажется, что все изобличаетъ въ немъ противное. Скорѣе можно думать, что это собраніе арне-

для прокормленія скота. Слѣд. половникъ не былъ простымъ работникомъ, но хозяиномъ жилищнымъ, который ежегодно своими средствами расширялъ хозяйство, и пр. Переписываю это мѣсто, какъ выражающее опредѣленно взглядъ автора на памятникъ старинны; не могу впрочемъ найти достаточныхъ причинъ чтобъ увѣриться въ его справедливости.

^{*)} Подобный расчетъ сдѣланъ Проф. Тобиномъ въ Die Prawda Russkaja (Dopr. 1844), стр. 57—58. — По этому расчету выходитъ, что одно руно или одинъ сыръ стоили 3 к. серб., баранъ, козель, гарнецъ масла — 30 к., овца, коза, вепрь, однолѣтній жеребенокъ — 45 к., корова — 3 р. с., кобылица — 4¹/₂ р. Едва ли означеніе цѣности произведеній въ разсматриваемомъ памятникѣ не есть самая важная часть его. Лишь бы знать, къ какой мѣстности и къ какому времени можно эту цѣнность приурочить.

метическихъ задачъ, можетъ быть, какого нибудь неопытнаго фантазера, или что нибудь подобное. Позволю себѣ такъ смѣло выразиться, объ этомъ остаткѣ нашей старины, чтобъ возбудить къ нему вниманіе.

Въ матеріалахъ этой книги Временника помѣщенъ первый или старый Литовскій Статутъ 1529 года по списку бывшей Виленской Академіи съ вариантами по другимъ спискамъ, которыми пользовался А. Дзялынскій въ *Zbiogze drzew Litewskich od roku 1389 do roku 1529* (Poznań 1841. 4°. стр. 143—394). Изданіе г. Дзялынскаго не совсемъ годно безъ помощи этого новаго; а наше новое можетъ съ удобствомъ замѣнить изданіе Дзялынскаго.—Кромѣ этого драгоценнаго подарка тутъ же помѣщена Книга сеунчей 1654—1656 года, безъ всякихъ объясненій — вѣроятно потому, что вѣскольکو словъ о сеунчахъ было сообщено въ Книгѣ IV Временника, гдѣ напечатана Книга сеунчей 1615 года (см. тамъ въ отдѣлѣ Матеріаловъ стран. II—III и 1—8). Сеунчами назывались вѣсти о военныхъ дѣйствіяхъ, а сеунщиками — курьеры, ихъ привозившіе: эти слова были въ употребленіи уже въ XV вѣкѣ. Въ книгахъ сеунчей записывалось: отъ кого посланъ сеунчъ, о чемъ и съ кѣмъ, и сколько пожаловано сеунщикамъ за службу. Какъ часто посылались курьеры въ половинѣ XVII вѣка, можно судить по напечатанной книгѣ; вотъ вѣскольکو чиселъ сряду, когда были отправлены сеунчи: 7162 г. Юня: 10, 29, 29, Юля 2, 20, 23, 23, Августа 2, 3, 4, 5, 7, 14, 20. Не лишнимъ будетъ привести образецъ, какъ записывались въ книгу эти вѣсти: «Юля въ 20 день писали къ Государю бояре и воеводы князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой съ товарищи: городъ Мстиславль взяли и посады пожгли и Мстиславскаго урядника Микулая Посоховскаго и Мстиславскихъ жилищныхъ и уѣздныхъ всякихъ чиновъ людей, которые въ городѣ сидѣли, пѣбили. А съ тою отпискою и съ сеунчомъ прислали къ Государю сеунщиковъ: бояринъ и воевода князь Алексѣй Никитичъ *стольника Петра Тимоѣева сына Измайлова*, товарищи его: бояринъ и воевода князь Григорій Семеновичъ Куракинъ *Василья Иванова сына Яковлева*, бояринъ и воевода князь Юръя Алексѣевичъ Долгорукой *Алексѣя Тимоѣева сына Исканскаго*, околичней и воевода князь Семень Романовичъ Пожарскій *Брянченна Голохтіона Володимерова сына Небольсина*, воевода Семень Иамайловъ *жильца Гаврила Онтонова сына Юренева*. И за сеунчъ дано имъ Государева жалованья: стольнику Петру Иамайлову къ прежнему ево окладу помѣснаго 200 чет. денегъ 25 руб. да въ приказѣ 25 руб. 4 пары соболей по 5 руб. Василью Яковлеву къ прежнему ево окладу помѣснаго 100 чет. денегъ 12 рублевъ, да въ приказѣ дано 12 рублевъ. Алексѣю Исканскому, Гаврилу Небольсину, Гаврилу Юрениву 100 четв. денегъ по 10 руб. въ приказѣ по 10 руб. да имъ же Василью

Яковлеву съ товарищи по 2 пары соболей по 5 руб. пара». Въ слѣдъ за этимъ въ книгѣ помѣщена отписка князю А. Н. Трубецкому съ товарищи отъ имени Государя изъ стана подѣ Смоленскимъ отъ 20 Юля, гдѣ повторена вѣсть, къ которой добавлено, что бояре начальныхъ людей Мстиславскаго державца и городничаго пана Яна Станкевича съ товарищи къ намъ прислали; а за тѣмъ сказано: «И пойдете вы бояре наши и воеводы изъ Мстиславля къ Могилеву и подѣ иные Польскіе и Литовскіе города вскорѣ, и мы Великій Государь за ваши службы васъ бояръ нашихъ и воеводъ, князя Алексѣя Никитича съ товарищи, и нашихъ разныхъ людей жалуя васъ милостиво похваляемъ». Вторая половина отписки заключаетъ приказъ о приведеніи Мстиславцевъ къ присягѣ на подданство (къ вѣрѣ), и пр., и извѣщенье, что сеунщики «пожалованы и отпущены назадъ». Жалованье сеунщикамъ опредѣлялось различное по мѣрѣ важности сеунча. За сеунчъ о взятіи Вильны девяти сеунщикамъ выдано 1,200 чет., 270 руб. денегъ и 29 паръ соболей на 145 рублевъ; а за сеунчъ о схваткѣ съ шишами Радзивила у Дольцевъ всего на все пара соболей въ 3 рубли одноу сеунщику.

Въ Смѣси напечатано шесть актовъ XVII в. Любопытнѣе другихъ Отводная 7038 г.

— Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Часть IX (въ заглавіи ошибкой напечатано: VIII-я) 1853.

Содержаніе предъидущихъ осьми частей Вѣстника было обозначено въ Извѣстіяхъ прежде (II: 69—70, 295).

Во вновь изданныхъ двухъ книжкахъ IX части заключаются сочиненія не менѣе важныя. Особенно любопытны записки гг. *Анимелле* и *Куторми*.

Трудъ г. *Анимелле* о бытѣ Бѣлорусскихъ крестьянъ чрезвычайно важенъ по богатству самыхъ разнообразныхъ и любопытныхъ данныхъ. Передавши въ первой статьѣ (Вѣст. ч. VIII) свои наблюденія о наружномъ видѣ Бѣлоруссовъ, ихъ языкѣ и жилищахъ, онъ перешелъ во второй (Вѣст. ч. IX. III: 1—80) къ описанію одежды, пищи, привѣтствій и приемовъ, «хресъбинъ» и свадебныхъ обрядовъ, а въ третьей (Вѣст. ч. IX. III: 81—140) обрисовалъ хаутуры (похороны), дяды (помины), особенные обычаи, занятія, празднества, жнива и толоки; затѣмъ обратился къ очертанію нравовъ и суевѣрій и пр. Кромѣ словарика въ сочиненіи г. *Анимелле*, читатель найдетъ много пѣсенъ, пословицъ и поговорокъ. Словомъ, для того, кто изучаетъ бытъ и нарѣчіе Бѣлоруссовъ, это сочиненіе должно быть необходимымъ пособіемъ.—Въ статьѣ С. С. *Куторми*, кромѣ любопытныхъ физиологическихъ соображеній, читатель найдетъ и вѣскольکو филологическихъ замѣчаній, которыя заставятъ задуматься его надъ вопросомъ, каково было вліаніе Финновъ на Русскій языкъ. По мнѣнію

С. С. Куторги, въ языкѣ Финскомъ надобно искать корней многихъ словъ Русскихъ — а между прочимъ и слѣдующихъ: *талма, соха, сапогъ, носъ, нога, лизъ, нить, пахта, паттатъ, племя, толоки* и т. д.

Сравненіе Русскаго языка съ Финскимъ еще мало привлекало къ себѣ вниманіе нашихъ филологовъ: труды Я. К. Грота и А. М. Шёгрена (Матеріалы для Слов. I—III. стр. 65—68 и 145—165) остаются пока самымъ важнымъ пособіемъ. Можно вспомнить еще пастора Аренса, который въ своей Эстской грамматикѣ (*Grammatik der Estnischen Sprache. Reval. 1833* стр. 148—173) далъ нѣсколько намековъ на происхожденіе Русскихъ словъ изъ Финскаго и наоборотъ. Безъ сомнѣнія, есть много словъ, которыя должно считать общою собственностію обоихъ народовъ; но многія очевидно заняты одними у другихъ. Такъ занятыми у Русскихъ считаетъ Аренсъ Эстскія: *kaверid*—ковшля, *kaрsaa*—капуста, *katel*—котелъ, *kõrts*—корчма, *kõrtsmik*—корчмарь, *pädal*—надѣля, *piisu*—пшеница, *päts*—печь, *saabas*—сапогъ, *saan*—сани, *sahk*—соха, *seatina*—свинецъ (*sea-tina* какъ бы свиной цинкъ), *siгр*—серпъ, *tolwan*—болванъ, *uulits*—улица, *wärten*—веретено, и пр.*). Основательное знаніе обоихъ языковъ можетъ, конечно, навести изыскателя на любопытныя находки, важныя и для исторіи Русскаго языка, между прочимъ и какъ объясненія давняго выселенія сѣверной Чуди въ южные края Руси**): но чтобы такія находки могли быть оценены какъ слѣдуетъ и не вести къ заключеніямъ неправильнымъ, необходимо имѣть въ виду во первыхъ всѣ нарѣчія Финскія и Славянскія, а во вторыхъ и другіе языки, съ ними сродные: чѣмъ разностороннѣе будетъ сравненіе, тѣмъ менѣе возможности ошибаться въ заключеніи. Попытки общесравнительныя уже сдѣланы, и нѣкоторыя, повидимому очень удачно. Важнѣе другихъ пока тѣ, которыя сдѣланы Я. Гриммомъ.***)

*) Для тѣхъ, которые желаютъ найти пищу изысканіямъ въ этомъ родѣ, могутъ быть полезны словари: *Валлиа, Suomen-Wenäjän-ja Ruotsin-kielinen Sana-Kirja*. (1848—50) и *И. Лумина, Эстонско-Русскій Словарь* (Дерптъ, 1833).

**) Не говоря объ участіи Чуди въ походахъ Русскихъ князей съ сѣвера на югъ, въ слѣдствіе которыхъ могли нѣкоторые изъ Чудяновъ остаться на югѣ, вспомнимъ, что уже въ 988 году населены были между прочимъ и Чудью вновь построенные города около Киева—на Деснѣ, Ольстрѣ, Трубежѣ, Сулѣ, Стугѣ.

***) См. между прочимъ его *Geschichte der Deutschen Sprache*. 1848. стр. 1029—1030. Тутъ кромѣ примѣровъ находимъ общее замѣчаніе, что, несмотря на рѣзительныя отличія Финскаго языка отъ другихъ Европейскихъ въ отношеніи къ строю, составъ его представляетъ много сходства съ ними, особенно имена, сходства, относящагося къ незапамятному времени, и что при этомъ Финскія слова близки къ Готскимъ, а Лапонскія къ Сѣвернымъ. Примѣровъ у Гримма очень немного. Не такъ скупъ на факты сравненія былъ *Л. Дифенбахъ*, котораго *Vergleichendes Wörterbuch der Gothischen Sprache* (1846—1851), можно сказать, до безконечности полонъближе-лими всякаго рода, между-прочимъ и Финскими.

Можно надѣяться, что ихъ количество будетъ постоянно увеличиваться и облегчатъ частныя сравненія языка Русскаго съ Финскимъ. Само собою разумѣется, что сходство высшее въ звукахъ при близости значенія есть только случайный поводъ къ сличенію и къ выводамъ. Нерѣдко самое сходное по звукамъ совершенно не сродно, а несходное ни по звукамъ, ни даже по значенію въ слѣдствіе сравненій оказывается сроднымъ: такъ Рус. *лѣто* и Франц. *l'été*, Рус. *угодые* и Lat. *gaudium* важутся столько-же сродными, сколько несродными *l'été* съ Lat. *aestuosus* и *gaudium* съ Фр. *joie*, тогда какъ послѣднія столько же сродны, сколько первыя обманчиво сходны. Чѣмъ болѣе осторожности и меньше увлеченія будетъ въ такихъ сличеніяхъ, тѣмъ болѣе и надежды на справедливость выводовъ, можетъ быть и ничтожныхъ по единичію, но въ массѣ очень важныхъ между прочимъ для исторіи и этнографіи.

Трудно однако бываетъ иногда, при всемъ желаніи быть осторожнымъ, не увлекаться пристрастіемъ, если не къ своимъ мнѣніямъ, то къ современнымъ убѣжденіямъ, и особенно когда идетъ дѣло о словахъ задачныхъ, одиночкою стоящихъ въ языкахъ. Таковы на пр. слово *сапогъ*, *талма* и т. п.

Словомъ *сапогъ* передаю Греч. ὑπόδημα уже въ древнѣйшемъ переводѣ чтеній Евангельскихъ и Апостольскихъ (напр. Мае. III, II: градъ же по мнѣнъ крѣпшии мене ксть, кмоу же нѣсмь достоинъ сапога понести. Остром. Ев. 255, а. Дѣян. XIII, 25: гредеть по мнѣ кмоу же нѣсмь достоинъ раздрѣшити ремень сапогъ ко. Шиш. Ап. 256); слѣдовательно оно было употребляемо Славянами уже въ IX вѣкѣ. Можно, пожалуй, заключить, что оно заимъ у Болгаръ, потому что не даромъ же Добрыня, въ походѣ на Болгаръ, говорилъ Владиміру: «сѣгладахъ колодьникъ, оже суть вси въ сапогѣхъ, симъ дани намъ не дати, пойдемъ искать лапотниковъ»; но неслишкомъ ли будетъ поспѣшно такое заключеніе? Нашъ сапогъ напоминаетъ Романское *sabato*, Исп. *zapata-zapato*, Француз. *savate* и *sabot-chabot-sabou-chabou*, Баск. *zapatua* (Bovillet, II. 504). Извѣстный Испанскій танецъ *zarateada* получилъ свое названіе отъ *zapato*, какъ такой, въ которомъ мѣра выбивается ударами подошвы объ полъ. Онъ же называется и *pateado*—безъ за; а *pateado* напоминаетъ *patines*—Итал. *pattini*—Франц. *patins* (коньки), слово происшедшее отъ *pato*, *patta*, *palle* (нога, лапа), Греч. *πάτος* (шагъ, нога, подошва).

«А Половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону великому, кричатъ тѣлѣгы полуноцы, ринъ лебеди рослущени» (Слово о полку Игоревомъ) «И бѣ Батыи у города... и не бѣ слышати гласа отъ скрипанья телѣгъ его» (Ипатьев. лѣт.). Въ то время, какъ сложено Слово о полку Игоря и какъ писана Ипатьев. лѣтопись, было ли извѣстно слово *талма* другимъ Славянамъ, рѣшить трудно; но теперь оно

не чуждо почти ни одному изъ Славянскихъ нарѣчій, т. е. Болгарскому, Сербскому, Хорватскому, Хорутанскому (те-льга, таьига, таьуга), Словацкому (тележки), Чешскому (телега, тележка), Польскому (telega). Не чуждо оно и Новогреческому (таліха. См. у Эконом. II. 202). Вѣдѣть съ тѣмъ оно принадлежит и Мальарскому (taliga, talyiga-birotsm, talitska-unigotsm). Оно же слышится и въ Монгольскомъ (терге. См. въ Ист. перв. Хан. 379). Съ нимъ сравнивается Средне-Нѣмецкое zelgat (у Циман. 679), и даетъ поводъ разсматривать его какъ сложное изъ tel (teld, tiald, zelt—покрыть) и aga (waga, wagen—возъ), т. е. въ значеніи кибитки или чего-нибудь подобнаго. Финское telda (Schirmdecke, Zelt), Эстское töld, ясно, заняты отъ Швед. töll (Нѣм. Zelt), и слѣд. само по себѣ еще не идетъ въ сравненіе съ словомъ телега.

Едва ли къ такимъ загадочнымъ словамъ можно причислять слово *соха*. Въ довольно различныхъ смыслахъ оно употребляется разными Славянами: въ смыслѣ земледѣльческаго орудія *соха* (срав. *сошникъ*) извѣстна кромѣ Русскихъ Полякамъ, Словакамъ, и напоминаетъ Прованс. *зоса*, Франц. *вос*, Книвр. *swch*, Нѣмец. *wesch* (ср. *Pflugsech*); въ смыслѣ жерди, вилы и т. п. какъ *соха*, такъ и производныя *сошка*, *сохоръ-сохарь*, *сохачь* и т. д. знакомы и необходимы всѣмъ Славянамъ, какъ Французамъ ихъ *zouche*, Итальянцамъ *зоссо*, и пр. Отъ *сох-а* произошли и *посохъ*, и *расоха*, и *сохатый* (рогатый олень). Соха принималась въ старя даже въ смыслѣ столба не только въ нарѣчій Чешскомъ, гдѣ имъ называли и истукана, но и въ Старославянскомъ. Корень слова *соха* — давняя принадлежность Европейскихъ языковъ. Финны, вѣроятно, заняли его, какъ и много другихъ подобныхъ.

— Записки Императорскаго Археологическаго Общества. Томъ VI (Отдѣленіе V). СПб. 1853 (8^о 338).

Въ этомъ новомъ выпускѣ (о прежнихъ см. Изв. II. 17 — 18, 353 — 354) помѣщено только два изслѣдованія: одно В. Тизенгаузена о монетахъ Саманидовъ, а другое И. Забѣлина о финиціаномъ и ценнинномъ производствѣ въ Россіи, оба одинаково важныя для изучающихъ древности Русскія.

Изслѣдованіе г. Тизенгаузена важно для посвящающихъ себя разработкѣ древнѣйшаго періода, въ которой важныя пособіемъ служатъ кувчинскія монеты, отрываемыя у насъ въ землѣ, въ кладахъ IX — XII вѣка. Оно представляетъ послѣ общаго вступленія, обзорнѣе исторіи Саманидовъ, потомъ сводъ географическихъ данныхъ о странахъ, гдѣ они владѣли, топографію кладовъ, заключающихъ въ себѣ Саманидскіе диргемы, общее обзорнѣе этихъ диргемовъ и наконецъ подробное ихъ описаніе по образцамъ доселѣ извѣстнымъ, погодно, начиная съ 892—3 года, до конца X вѣка. Не имѣя возможности остановиться на под-

робностяхъ изслѣдованія г. Тизенгаузена, обращу вниманіе читателя только на выписку изъ Книги странъ (X-го вѣка), сообщенную г. Спрингеромъ въ *Journal of Asiat. soc. of Bengal* (XIII стр. 525), часть которыхъ принадлежитъ къ числу важныхъ свидѣтельствъ о древнемъ бытѣ Русскаго народа. Вотъ эти строки въ переводѣ, сдѣланномъ по моей просьбѣ А. К. Казембекомъ: «Что касается до Славянскихъ купцовъ, то они везутъ мѣха лисьи и бобровые (? хорьковые? — хаз —) изъ отдаленныхъ краевъ Славянскихъ и приѣзжаютъ въ море Румское (Средиземное), гдѣ съ нихъ беретъ пошлину Румскій государь (саѣнб); потомъ приѣзжаютъ къ жидамъ Сіагушамъ, оттуда опять къ Славянамъ и ѣдутъ Славянскимъ моремъ къ заливу Ховарскому, гдѣ беретъ съ нихъ пошлину государь Хазарскій, затѣмъ они ѣдутъ въ море Хорасанское, въ ту рѣку, которая называется Славянскою рѣкою; случается, что они входятъ въ Джурджанъ и продаютъ тамъ свой товаръ, и все это идетъ въ Рей». Самое важное отступленіе въ этомъ переводѣ отъ подлинника заключается въ чтеніи слова *Сіагушъ*: въ подлинникѣ по опискѣ *Симкушъ* — слово безъ смысла. Именемъ *Сіагушъ* Арабы называли Крымскихъ Евреевъ Каранмовъ. Какъ вѣрно во всемъ остальномъ отразились понятія Арабовъ о торговлѣ Черноморской и Каспійской, наложено много въ особенной запискѣ (въ Вѣст. Геогр. Общ. 1854). Прибавлю, что въ сказаніи Книги странъ, повторено съ прибавленіями то, что находится въ книгѣ Ибн-Кхордад-бега (умер. въ 912 г.): «Русскіе, изъ племени Славянъ, вывозятъ мѣха бобровъ и чернобурыхъ лисицъ изъ самыхъ отдаленныхъ краевъ Славянской земли и продаютъ ихъ на берегахъ Румскаго (Средиземнаго) моря: тутъ царь Румскій (Византийскій) беретъ съ нихъ десятину. Когда имъ вздумается они отправляются на Славянскую рѣку (Волгу) и приѣзжаютъ въ заливъ города Ховаръ (Итла); тутъ даютъ они десятину владѣтелю этой страны. Затѣмъ они ѣдутъ въ море Джурджанское (Каспійское) и тамъ пристають къ любому берегу... Иногда случается, что они везутъ свои товары изъ Джурджана черезъ Ибиль въ Багдадъ» (*Jour. of A. S.* 522—523). Это, пока древнѣйшее, сказаніе Арабовъ о Славянахъ у насъ не было еще употреблено въ дѣло.

Изслѣдованіе И. Забѣлина, названнаго уже многими трудами, важными для археологіи Русской, отличающимися повсюду фактовъ и соображеній, важно для исторіи искусства въ Россіи до-Петровскаго времени. Значительная часть его посвящена разсмотрѣнію исторіи финиціи (иначе у насъ въ старину — мусіи), ея производства, наведенія и разрисовки; потомъ г. Забѣлинъ переходитъ къ ценнинѣ, модѣ которой понимали сиюю морову, которою покрывали фарфоръ и фаянсъ, и сообщаетъ нѣсколько замѣчаній о мозаикѣ; затѣмъ слѣдуютъ имена мастеровъ XVII и XVIII вѣка и указатель памятниковъ финиціанскаго дѣла

Византійскаго и древнѣйшаго Русскаго, Западнаго, Царградскаго, Русскаго позднѣйшаго. Въ концѣ находится нѣсколько любопытныхъ приложений. Вещи, украшенныя *финифтомъ*, упоминаются у насъ съ XII вѣка (Ипат. Лѣт. 1675 г.); а ценныя съ XVI (напр. въ описи имущества царя Бориса Годунова, 1588 года). Позже ценнымъ называли фаянсъ вообще (Зап. Арх. Об. VI, стр. 337).

— Правила Русской Словесности. Алексѣя *Донскаго*. Второе исправленное изданіе. СПб., 1853. (8°. 234, VI.

Первое изданіе этого руководства, предназначеннаго для воспитанниковъ духовныхъ заведеній, вышло въ 1843 г. Словесность принята въ немъ въ смыслѣ науки, налагающей *правила* выражать данныя предметы, а равно благородныя мысли и чувства въ изящныхъ формахъ слова, или, что то же — говорить и писать о данныхъ предметахъ просто, ясно, стройно, сильно и всегда кстати. Впрочемъ словесность раздѣлена на два вида — прозу и поэзію, и *правила* писать прозою включены въ риторикѣ, а *правила* стихотворства — въ пѣвнѣ (см. § 1 и 2). Въ книгѣ заключается только риторика, раздѣленная на общую и частную. Въ частную включены статьи не только о различныхъ родахъ прозаическихъ сочиненій, но и о тропахъ, фигурахъ, о слогахъ и его достоинствахъ, а также и объ ораторскомъ дѣйствіи и произношеніи, голосѣ и тѣлодвиженіяхъ.

— О поэзіи, сочиненіе Аристотеля. Перевелъ, изложилъ и объяснилъ г. *Ордынский*. М., 1854 (8°. VII, 134).

Аристотель дѣлилъ все знаніе человѣческое на творщее-поэтическое (*ἐπισημη ποιητικη*), практическое (*ἐπραγματικη*) и теоретическое (*ἐθεωρητικη*), отдѣляя впрочемъ особенно знаніе самаго знанія (*ἐσμπουσα περι ἀποδείξεως και ἐπιστημης*). Къ этому послѣднему виду знанія А. относилъ диалектику и аналитику; къ теоріи — естествознаніе, математику и есологику; къ практикѣ — юрику, экономику и политику; къ поэтикѣ — собственную поэтику и риторикѣ. И обо всемъ этомъ написалъ болѣе или менѣе значительныя сочиненія. Къ сожалѣнію не все сохранилось. Не сохранились между прочимъ и его *Πραγματικη τεχνη ποιητικης, Ποιητικη* и *Περι ποιητικης*. Сохранившаяся тетрадь *περι ποιητικης* есть, можетъ быть, извлеченіе изъ нихъ, и не полное. Послѣ обозначенія содержанія сочиненія Аристотель переходитъ къ сличенію подражанія и двухъ родовъ поэзіи, важнаго (трагедіи и эпоса) и низкаго (комедіи), и съ VI главы начинается разборъ трагедіи, предположивъ впрочемъ, что «кто знаетъ свойства хорошей и плохой трагедіи, тотъ и эпосъ знаетъ» и что «въ эпосѣ заключается все, что и въ трагедіи, а въ трагедіи все, что въ эпосѣ». Въ главѣ XIX толкуется о пониманіи и выраженіи; въ главѣ XX о звукахъ, слогахъ, частяхъ рѣчи и о предложеніи; въ XXI о словахъ простыхъ и сложныхъ, объ употребленіи ихъ и о родахъ именъ; въ XXII о ясности и

украшеніяхъ поэтической рѣчи; все это съ предъидущими VI—XVIII главами отнесено къ ученію о трагедіи. Главы XXIII и XXIV посвящены повѣствовательной поэзіи, эпосѣ; глава XXV преимущественно указаніямъ ошибокъ поэтовъ; глава XXVI — разбору вопроса, что выше — эпосъ или трагедія: Аристотель отдаетъ первенство послѣдней, считая эпосею видомъ поэзіи уже устарѣвшимъ. Г. Ордынский перевелъ первыя XVIII главъ вполнѣ и сдѣлалъ къ нимъ объясненія; потомъ пересмотрѣлъ поглавно, съ особенными гдѣ нужно было замѣчаніями, содержаніе всѣхъ XXVI главъ; а въ заключеніи представилъ общую характеристику Пѣвнѣ. Въ трудѣ своемъ онъ пользовался лучшими изданіями и комментаріями.

— Годичный актъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ, бывшій 8 февраля 1854 года. СПб., 1853 (8°. 178).

Кромѣ отчета о состояніи Университетата и дѣятельности его ученаго сословія въ 1853 году, написаннаго ректоромъ П. А. Плетневымъ и особеннаго извѣстія о диссертацияхъ, удостоенныхъ награды, въ этой книгѣ напечатаны три сочиненія, написанныя для произнесенія на актѣ. Одно изъ нихъ принадлежитъ *А. В. Никитенку* — «О началѣ изящнаго въ наукѣ». Въ числѣ сочиненій, награжденныхъ медалями, надобно здѣсь упомянуть о трехъ трудахъ филологическихъ: гг. *Мордовцева* и *Ламанскаго* (по кафедрѣ Славянскихъ нарѣчій) о языкѣ Русской Правды, и г. *Хирджиева* объ Османской грамматикѣ. Оба разсужденія о языкѣ Русской Правды — сказано въ отчетѣ — одинаково убедительно доказываютъ, съ какою самостоятельностью и требовательностью въ отношеніи къ самимъ себѣ и къ пользамъ науки наши молодые люди начинаютъ посвящать свою дѣятельность на изученіе древностей Русскаго языка и быта, и какъ въ нихъ самоотверженіе въ перенесеніи тягостей труда, исполнимаго только въ большой срокъ времени, уравнивается съ умѣнемъ за него взяться и съ приготовленіемъ къ нему помощію всѣхъ необходимыхъ источниковъ. Разсужденіе г. Мордовцева заключается въ себѣ: 1. Краткое обзорніе нѣкоторыхъ списковъ Русской Правды, 2. Разборъ фонетическихъ особенностей главныхъ списковъ, 3. Обзорніе грамматическихъ формъ, 4. Полный указатель словъ, 5. Объясненіе нѣкоторыхъ изъ нихъ, болѣе любопытныхъ, 6. Чтеніе и поясненіе текста Русской Правды. О немъ сказано: «Сравнивая его съ печатными трудами о Русской Правдѣ, его нельзя не называть прекраснымъ дополненіемъ къ нимъ, цѣннымъ пособіемъ для дальнѣйшаго изученія Русской Правды и древностей Русскаго языка и быта вообще». Разсужденіе г. *Ламанскаго* раздѣлено на 2 части: первая посвящена замѣчаніямъ грамматическимъ, а вторая разбору словъ и выраженій. Подобно первому разсужденію — сказано въ от-

четѣ — оно служитъ богатѣмъ дополненіемъ тому, что о Русской Правдѣ было писано до сихъ поръ». Надобно желать, чтобы оба разсужденія были напечатаны даже и какъ образцы благородныхъ усилій молодыхъ любителей науки и современнаго состоянія Русской науки въ университетахъ, не только какъ вклады для ея дальнѣйшихъ успѣховъ, тѣмъ болѣе драгоценные, что они — залогомъ будущей дѣятельности.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ

Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ
за февраль 1854 года.

Отдѣленіе имѣло въ февралѣ мѣсяцѣ семь засѣданій, и именно: 4, 6, 11, 13, 18, 25 и 27 чиселъ. Въ сихъ засѣданіяхъ, подъ предсѣдательствомъ И. И. *Давыдова*, присутствовали: П. Г. *Бутковъ*, А. Х. *Востоковъ*, П. А. *Плетневъ*, Я. И. *Бередииковъ*, М. А. *Коркуновъ* и И. И. *Срезневскій*.

И.

Общій Словарь Русскаго языка.

Отдѣленіе продолжало чтеніе словъ на букву *Б*, приговоренныхъ И. И. *Срезневскимъ*. При одномъ изъ сихъ чтеній возникъ вопросъ касательно составныхъ словъ, который и разрѣшенъ слѣдующимъ образомъ: слова составныя изъ двухъ или болѣе нарицательныхъ опредѣлять въ Словарѣ при нарицательныхъ, напр. *бабы лѣто* подъ словомъ *бабій*; а слова составныя изъ собственныхъ именъ, или притяжательныхъ, происходящихъ отъ собственныхъ, помѣщать въ Словарѣ отдѣльно и безъ грамматическихъ опредѣленій, напр. *Анютини глазки*, *Антоновъ огонь*.

Въ засѣданіяхъ 11, 13 и 25 февраля, Я. И. *Бередииковъ* читалъ составленныя имъ объясненія нѣкоторыхъ Русскихъ идиотизмовъ.

По приглашенію Отдѣленія, Профессоры Университетовъ: С.-Петербургскаго — П. Д. *Калмыковъ*, Московскаго — В. Н. *Лешковъ* и Харьковскаго — А. И. *Ходневъ* и А. П. *Зермилъ* изъявили готовность свою опредѣлить для новаго изданія Словаря, словъ, принадлежащія къ ихъ ученымъ спеціальнымъ занятіямъ.

III.

Грамматика.

Г. Предсѣдательствующій представилъ въ Грамматическій Комитетъ 7 и 8-й корректурные листы третьяго изданія Грамматики Русскаго языка.

И. И. *Срезневскій*, въ засѣданіи 4-го февраля, доложилъ Отдѣленію о письмѣ корреспондента Академіи Наукъ *Ф. И. Буслаева*, въ которомъ сообщаются подробности трудовъ его по части Русской Грамматики.

III.

Чтенія трудовъ Академиковъ и постороннихъ ученыхъ.

При возобновленіи ученыхъ и литературныхъ чтеній, Редакторъ Извѣстій и Ученыхъ Записокъ И. И. *Срезневскій* обратилъ вниманіе Отдѣленія на надобность продолжить начатый рядъ чтеній о современной литературѣ. Къ нѣкоторымъ изъ такихъ чтеній, замѣтилъ И. И. *Срезневскій*, подають поводъ новыя изданія прежде извѣстныхъ произведеній литературы нашей; къ другимъ — явленія новыя, произведенія писателей, получившихъ определенное значеніе въ нашей литературѣ. Вотъ нѣсколько такихъ явленій.

1) Новое изданіе «Исторіи Государства Россійскаго» и другихъ произведеній Карамзина, приготовленное Смирдинымъ. Вопросъ о современномъ значеніи Карамзина, особенно какъ историка, даже и безъ отношенія въ его учености, остающейся безъ сравненія, очень важенъ и нуждается въ академическомъ рѣшеніи — умомъ безпристрастнымъ, понимающимъ требованія историческаго художества, особенно если съ этимъ вопросомъ будетъ соединенъ другой вопросъ, еще болѣе живой — объ успѣхѣ историческаго художества въ Россіи послѣ Карамзина и о значеніи его въ сравненіи съ Карамзинымъ.

2) Новыя изданія комедіи Грибоѣдова «Горе отъ ума». Они дають поводъ разсужденію о томъ, на сколькоэта комедія сохраняетъ въ себѣ современную значительность, и на сколько раскрылось въ ней направленіе, которое должна была получить у насъ комедія послѣ заслугъ Загоскина, Грибоѣдова и другихъ писателей одного съ ними времени.

3) Новое изданіе сочиненій Лермонтова не вызвало еще до сихъ поръ ни одного дѣльнаго отзыва объ этомъ писателѣ, столько же даровитомъ, сколько и рано похищенномъ смертью. Отзывъ о немъ одного изъ тѣхъ сочленовъ нашихъ, которыхъ мнѣніями давно привыкли дорожить образованные читатели, можно считать необходимымъ въ то время, когда для многихъ остается не разрѣшеннымъ вопросомъ, какое мѣсто принадлежитъ Лермонтову въ современной литературѣ.

Что касается до нашихъ Историческихъ чтеній о языкѣ и словесности, то И. И. *Срезневскій* предложилъ обзорѣтъ прежде всего тѣ вопросы, которые были уже въ прошлые годы предметомъ разсужденій въ засѣданіяхъ и по обстоятельствамъ не вошли въ составъ чтеній.

Составленіе записки объ «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина со стороны художественнаго изложенія принялъ на себя г. Предсѣдательствующій; Я. И. *Бередииковъ* вызвался разсмотрѣтъ то же сочиненіе въ отношеніи къ приведенію въ извѣстность историческихъ матеріаловъ и

со стороны историко-критической; Академикъ же П. А. Плетневъ согласился представить мнѣніе свое о сочиненіяхъ Лермонтова.

Историческія чтенія о языкѣ и словесности опредѣлено начать соображеніями о вопросахъ, уже бывшихъ предметомъ разсужденій и просить И. И. Срезневскаго возобновить свои любопытныя чтенія въ одно изъ слѣдующихъ засѣданій.

Въ слѣдствіе этого читаны были И. И. Срезневскимъ, въ засѣданіи 18-го февраля, «Исслѣдованія его о Русскихъ Лѣтописцахъ до Владиміра» и Академикомъ Я. И. Берединымъ, въ засѣданіи 27 февраля, «Записка о ходѣ Русской Исторіи отъ Петра I-го до нашего времени».

Читана была статья Адъюкта Харьковского Университета П. Лавровскаго «объ отношеніи Коляды къ солнечнымъ Славянскимъ праздникамъ и о Славянскомъ происхожденіи самаго слова Коляда» и мнѣнія разсматривавшихъ сію статью Академикомъ А. Х. Востокова и Я. И. Берединымъ. Извлеченіе изъ статьи г. Лавровскаго, вмѣстѣ съ мнѣніями Академикомъ, опредѣлено напечатать въ Извѣстіяхъ.

IV.

Памятники и образцы языка и словесности.

И. И. Срезневскій, доложилъ Отдѣленію о полученіи имъ отъ С. Н. Палаузова сборника эпическихъ народныхъ Болгарскихъ пѣсенъ, составленнаго Болгаринномъ Петкомъ Словейковичемъ, и отъ О. И. Безсонова сборника Болгарскихъ пословицъ, собранныхъ покойнымъ Катрановымъ. Академикъ Срезневскій надѣется воспользоваться Болгарскими эпическими пѣснями и пословицами въ Прибавленіяхъ къ Извѣстіямъ.

V.

Изданіе Извѣстій и Ученыхъ Записокъ.

Въ засѣданіяхъ 11 и 27-го февраля, одобрены къ печатанію 1—3 листы Извѣстій съ Прибавленіями.

VI.

Особыя чтенія.

Въ Отдѣленіи получены: 1) отъ Адъюкта Харьковского Университета Н. Лавровскаго Разборъ Слова о житіи и представленіи В. К. Дмитрія Іоанновича, которое и передано для разсмотрѣнія И. И. Срезневскому; 2) Изъ перваго Отдѣленія Академической Библиотеки (11-го февраля) рукописи бывшей Россійской Академіи и значущія въ каталогѣ ея подл № № 17, 26 и 40: а) Слово Патріарха Адриана на погребеніе схимонахини Авфисы (Царевны Анны Михайловны), б) Записная книга дѣламъ Воронежскаго Епархіальнаго Приказа, во время управленія сею Епархіею Сми-

тителя Митрофана и в) Сборникъ статей изъ разныхъ авторовъ,—переданы для разсмотрѣнія Академику М. А. Коркунову.

за Мартъ мѣсяць 1854 года.

Въ мартѣ мѣсяцѣ Отдѣленіе имѣло семь засѣданій, а именно: 4, 6, 11, 13, 18, 20 и 27 чиселъ. Въ сихъ засѣданіяхъ, подъ предсѣдательствомъ И. И. Давыдова, присутствовали Академики: П. Г. Бутковъ, А. Х. Востоковъ, П. А. Плетневъ, Я. И. Берединковъ, М. А. Коркуновъ и И. И. Срезневскій.

I.

Общій Словарь Русскаго языка.

Я. И. Берединковъ предложилъ замѣчанія свои на первый корректурный листъ Общаго Словаря Русскаго языка и читалъ объясненія Русскихъ идиотизмовъ.

Обработываніе словъ на букву Г Отдѣленіе, по предложенію г. Предсѣдательствующаго, поручило А. С. Аванасьеву, который и изъявилъ согласіе на сей трудъ.

II.

Областные Словари Великорусскій.

Титул. Сов. Черепановъ представилъ въ Отдѣленіе шесть сборниковъ Сибирскихъ словъ, съ особымъ къ нимъ предисловіемъ. Сборники эти переданы для разсмотрѣнія А. Х. Востокову, а предисловіе къ нимъ И. И. Срезневскому.

III.

Грамматика.

Г. Предсѣдательствующій читалъ предисловіе къ третьему изданію «Опыта Общесравнительной Грамматики Русскаго языка», заключающее въ себѣ исчисленіе грамматическихъ трудовъ до Опыта общесравнительной Грамматики, опредѣленіе значенія сего Опыта въ учено-учебной литературѣ и осуществленіе предположенной Отдѣленіемъ Грамматики Историческо-сравнительной, и объявилъ, что вновь пересмотрѣнные 9—12 листы «Общесравнительной Грамматики» уже отпечатаны.

IV.

Чтенія трудовъ Академикомъ и постор. ученыхъ.

Въ засѣданіяхъ 6, 11 и 18 марта, читаны составленныя Академиками Второго Отдѣленія рецензіи книгъ, и записка корреспондента Академіи П. П. Дубровскаго, объ отрывкѣ изъ составляемаго г. Кравченко Русско-Польскаго Словаря и о собранныхъ имъ же словахъ Польскихъ и Русскихъ, сходныхъ или по начертанію или произношенію.

V.

Изданіе Извѣстій и Ученыхъ Записокъ.

Читаны и одобрены къ печатанію листы 4—7 втораго выпуска Извѣстій за 1854 годъ съ Прибавленіями, и би-

біографическія записки, приготовленныя Н. Н. Срезневскимъ для третьяго выпуска.

Г. Предсѣдательствующій объявилъ въ засѣданіи 18-го марта о смерти Ординарнаго Академика І. С. Кочетова, послѣдовавшей 16-го числа того же мѣсяца.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПРОТОКОЛАМЪ.

Дополнительное замѣчаніе о спряженіи Русскаго глагола.

Корр. Я. К. Грота.

Въ Извѣстіяхъ II Отдѣленія Академіи Наукъ (Матеріалы для Словаря и Грамматики, J. XXV) напечатаны были въ прошломъ году замѣчанія мои о спряженіи Русскаго глагола.

Г. Предсѣдательствующій въ Запискѣ своей о занятіяхъ Отдѣленія въ 1853 и 1854-мъ году (Извѣстія, томъ III, л. 1. 2. 3.) почтилъ статью мою благосклоннымъ отзывомъ, но между прочимъ говоритъ: «Почтеннѣйшій Профессоръ признаетъ необходимость двухъ основныхъ формъ въ нашемъ спряженіи: неопредѣленное и наст. вр. изъяв. накл.; но только за первоначальную форму въ из. п. принимаетъ не 1-е л. ед. ч., а 3-е л. мн. ч., и производитъ это первое лице отъ третьяго, тогда какъ мы, на оборотъ, производимъ третье лице множ. числа отъ перваго единственнаго, Такой обратный способъ производства не облегчаетъ самаго производства, н. п. читаю отъ читаютъ вмѣсто того, чтобъ производить читаютъ отъ читаю.»

Заключая изъ этихъ словъ, что статья моя подала поводъ къ недоразумѣнію, которая можетъ внушить мысль — будто я предложилъ нововведеніе, ни на чемъ не основанное, — нужнымъ считаю выяснитъ здѣсь отличительную черту моей теоріи спряженія.

Прежде повторю сущность указаннаго мною правила.

Отъ 3-го лица множ. ч. настоящаго времени производятся прочія лица обонихъ чиселъ, и вотъ какимъ образомъ:

1. Окончаніе *ютъ* или *утъ* переменный на *ю* или *у*, *ешъ*, *еть*, *емъ*, *ете*, наблюдая притомъ, чтобы здѣсь передъ гласною *е* буквы *н* и *к* умягчались въ *ж* и *ч*.

Примѣры: скуча—*ютъ*.—*ю*,—*ешъ* и т. д. рѣж—*утъ*,—*у*,—*ешъ* и т. д.; тек—*утъ*,—*у*,—(*ч*) *ешъ* и т. д.

2. Окончаніе *лѣтъ* или *атъ* переменный на *ю* или *у*, *ишь*, *ишь*, *ишь*, *ишь*, наблюдая притомъ, чтобы передъ *ю* въ первомъ лицѣ буквы *б*, *п*, *в*, *ж*, *д*, *з*, *т*, *с* и *ст* умягчались въ

бл, *пл*, и т. д., въ *ж*, *ч*, и т. д.—по извѣстному началу превращенія звуковъ.

Примѣры: говор—*лѣтъ*,—*ю*,—*ишь* и т. д.; дрож—*атъ*,—*у*,—*ишь* и т. д.; руб—*лѣтъ*,—(*бл*)*ю*,—(*б*)*ишь* и т. д.

Это законъ столь общій, что онъ не терпитъ исключеній въ глаголахъ правильныхъ, и неправильныхъ въ настоящемъ времени оказывается не болѣе пяти, исчисленныхъ въ прежней моей статьѣ.

Теперь сравнимъ съ моимъ производствомъ общепринятое, которое въ § 134 и § 135 Общесравнительной Грамматики Р. Я. (стр. 88 по 2-му изданію) изложено такимъ образомъ:

§ 134. Второе лице наст. вр. ед. ч. производится или отъ 1-го лица и оканчивается на *еши* или отъ неопредѣленнаго и оканчивается на *ишь*.

а) Отъ не опредѣленнаго переменнаго трехъ послѣднихъ буквъ на *ишь* во всѣхъ глаголахъ, кончающихся на:

ишь, кромѣ имѣющихъ въ 1-мъ лицѣ *ю*, *ю*.

жашъ
чашъ
шашъ
щашъ } кромѣ имѣющихъ въ 1-мъ лицѣ наст. вр. *аю*.

тъ, съ предъидущею *ь*, кромѣ имѣющихъ въ 1-мъ лицѣ *ю*.

Примѣры: любить—*любишь*; дрожать—*дрожишь*; кричать—*кричишь*, слышать—*слышишь*.

Исключаются *ревѣть*, — *реवेशъ*; жить, живу — *живеши*; ржать, ржу, — *ржешъ*; блестять, блестя — *блестеши* и *блещеть*.

в) Отъ 1-го лица во всѣхъ другихъ глаголахъ, переменною окончанія *у* или *ю* въ *еши* веду — *ведешъ*; дремлю—*дремлешъ*.

Исключаются: гоню—*гониши*; сплю—*спиши*. Примѣч. Когда 1-е лице оканчивается на *чу* или *ку*, то 2-е лице переменнаго : въ *ж* и *к* въ *ч*, по этому оканчивается на *жешъ* или *чешъ*: *лгу лжешъ*; толку *толчешъ*.

За снмъ § 135-й показываетъ образованіе прочихъ лицъ ед. ч. отъ 2-го, при чемъ также нельзя было обойтись безъ оговорки, что 3-е лице множ. ч. оканчивается на *лѣтъ* только тогда, когда предъид. буква терпитъ *л*, — на *утъ*, когда въ 1-мъ лицѣ *у*,—и на *ютъ*, когда въ 1-мъ лицѣ *ю*, а за этимъ слѣдуетъ примѣчаніе: «Когда 1-е лице оканчивается на *чу* или *ку*, а 2-е на *жешъ* или *чешъ*, то 3-е лице множ. числа опять принимаетъ букву 1-го лица : или *л*, слѣд. не *жутъ* или *чутъ*, а *жутъ* и *кутъ*».

Представляю оба способа производства, спрашиваю: который изъ нихъ менѣе сложенъ и болѣе удобенъ въ примененіи?

Рецензентъ, говоря, что мой обратный способъ производства не облегчаетъ самаго производства, прибавляетъ: на прим. читаю отъ читаюте виѣсто того, чтобъ произвести читаюте отъ читаю.

Но отъ вниманія рецензента ускользнуло, что окончаніе ю въ первомъ лицѣ не показываетъ, должно ли 3-е лице множ. ч. оканчиваться на *ютъ* или на *итъ*, тогда какъ это послѣднее само по себѣ вполне опредѣляетъ окончанія другихъ лицъ.

Это будетъ яснѣе, когда мы возьмемъ на прим. глаголы *крою* и *строю*. По одной этой формѣ еще нельзя рѣшить, будетъ ли въ 3-мъ лицѣ множ. ч. *кроютъ*, или *кроутъ*, *строятъ* или *строутъ*.

Еще примѣръ: въ глаголѣ *пою* 3-е лице множ. ч. можетъ быть и *поютъ* и *поитъ*, смотря по неопред. накл. *пѣтъ* или *поитъ* тогда какъ 3-е лице множ. ч. *кроютъ* *строятъ*, *поитъ*, *поютъ* не оставляетъ никакого сомнѣнія касательно прочихъ лицъ того же времени: *кро-ю*, *кро-еишь*, и т. д., *стро-ю*, *стро-ишь*, *по-ю*, *по-ишь*, *по-ю*, *по-еишь* и т. д.

Но преимущество предложеннаго мною способа заключается не въ одной простотѣ образованія окончаній настоящаго времени.

Если сверхъ 3-го лица множ. ч. взять въ помощь еще и неопред. накл., то оно будетъ служить указаніемъ, на какомъ слогѣ въ 1-мъ л. ед. ч. должно стоять удареніе, которымъ это лице часто отличается отъ остальныхъ лицъ того же времени.

Общепринятый способъ вовсе не даетъ возможности къ разрѣшенію этой трудности.

Для примѣра возьмемъ глаголъ *держать*. Если по общепринятому способу, сверхъ неопр. накл. примемъ въ основаніе 1-е лице ед. ч. *держу*, то по § 134 Общесравнительной Грамматики произведемъ отсюда только окончанія слѣдующихъ лицъ: *держишь*, и т. д. но не будемъ имѣть никакого руководства для перемѣщенія ударенія во 2-мъ лицѣ ед. ч. со втораго слога (*держу*) на первый (*держишь*).

Напротивъ, если по моей системѣ къ неопр. накл. прибавимъ 3-е лице множ. ч., то отъ послѣдней формы полу-

чимъ окончанія другихъ лицъ, а неопр. накл. укажетъ намъ сверхъ того удареніе 1-го лица *держу*, потому что это лице по ударенію всегда сходно съ неопр. накл., о чемъ подробно изложено въ прежней моей статьѣ.

Повторяю, что для образованія окончаній наст. вр. по моему способу достаточно знать только одну форму — 3-е лице множ. числа: тутъ помощь неопр. наклоненія совершенно излишня. Въ общепринятомъ способѣ нельзя теоретически ничего вывести ни изъ одного 1-го лица ед. числа, ни изъ одного неопр. накл.: выводъ же изъ обоихъ виѣстъ труденъ по сбивчивости правилъ и исключеній.

Положимъ, что для спряженія были бы заданы слѣдующія четыре глагола въ 1-мъ лицѣ: *держу*, *сижу*, *грожу*, *вяжу*. Если бы возможность по одной этой формѣ угадать окончанія остальныхъ лицъ, окончанія, которыя во всѣхъ четырехъ глаголахъ будутъ различны: *держимъ*, *сидимъ*, *грошимъ*, *вяжемъ*.

Также недостаточно было бы одного неопр. накл.: *держать*, *сидѣть*, *грозить*, *вязать*, изъ котораго невозможно по одному общему правилу образовать ни 1-го, ни слѣдующихъ лицъ наст. врем. Отъ 3-го же лица множ. ч. *держать*, *сидѣть*, *грозить*, *вязать*, чрезвычайно легко, по предлагаемому мною простому правилу, произвести *держу*, *держимъ*.... *си-дишь*.... *си-дишь*.... *гро-зишь*.... *вя-жу*, *вя-жемъ* и т. д.

Кажется, все здѣсь наложенное такъ очевидно, что не требуетъ дальнѣйшихъ объясненій.

Вслѣдъ за приведеннымъ выше замѣчаніемъ рецензента сказано: «Преимущество же, по моему мнѣнію, перваго и общепринятаго способа состоитъ въ томъ, что окончаніямъ 3 го лица, множ. ч. *ютъ*, *ютъ*, *итъ* и *итъ* соответствуютъ окончанія 1-го лица множ. ч. и страд. причастія наст. вр. е (о) *мый* и *имый*; а первое лице множ. числа происходитъ изъ 1-го лица ед. ч. чрезъ посредство втораго».

На это отвѣчаю, что по моему способу страдательное причастіе (когда только оно не противно употребленію) образуется слѣдующимъ образомъ: окончаніе *имый* получается изъ *итъ* или *итъ*, *емый* изъ *ютъ* или *ютъ* безъ ударенія, а *омый* изъ *итъ* съ удареніемъ (*несутъ*, *несомый* ипр.)

По этому и здѣсь преимущество общепринятаго способа оказывается сомнительнымъ.

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПО ОТДѢЛЕНІЮ

РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ начало съ 1852 года изданіе «Извѣстій» въ томъ же видѣ, какъ издаются Извѣстія (Bulletins) двухъ другихъ Отдѣленій Академіи.

Въ составъ Извѣстій Императорской Академіи Наукъ по Отдѣленію Русскаго языка и словесности входятъ, кромѣ записокъ о занятіяхъ Отдѣленія и извлеченій изъ протоколовъ о его засѣданіяхъ, сочиненія, какъ Членовъ Академіи, такъ и постороннихъ ученыхъ, читаемыя въ засѣданіяхъ Отдѣленія, именно:—ислѣдованія и замѣчанія касательно языка Русскаго и языковъ, съ нимъ сопряженныхъ, ихъ литературы и древностей;—разборы замѣчательныхъ трудовъ по части филологій Славяно-Русской; а въ особенныхъ Прибавленіяхъ—памятники языка и словесности, матеріалы для словаря, грамматики и т. п.

«Извѣстія» издаются выпусками или листами; 24 листа съ Прибавленіями составляютъ одинъ томъ. Цѣна тому ТРИ РУБЛЯ СЕРЕРЕНТЪ. Получать можно у Комиссіонера Академіи Глазунова (по Большой Садовой, въ домъ Публичной Библиотеки, подъ №№ 21 и 22) и Эгерса (на Невскомъ проспектѣ №№ 1 и 10). Иногородные читатели благоволятъ относиться съ своими требованіями къ помянутымъ Комиссіонерамъ или въ Комитетъ Правленія Академіи.

СОДЕРЖАНІЕ ВЫПУСКА: Обзорѣніе замѣчательнѣйшихъ изъ современныхъ словарей, Академика *И. И. Срезневскаго*. — Библиографическія записки: Извѣстія о новыхъ книгахъ, *И. И. Срезневскаго*. — Перечень засѣданій Отдѣленія за апрѣль. — Приложенія къ протоколамъ. — Съ симъ выпускомъ выдаются листы ПРИБАВЛЕНІЙ LXI—LXIV.

ОБОЗРѢНІЕ

ЗАМѢЧАТЕЛЬНѢЙШИХЪ ИЗЪ СОВРЕМЕННЫХЪ СЛОВАРЕЙ.

Академика *И. И. Срезневскаго*.

Въ то время какъ Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ приступило уже къ печатанію своего «Русскаго Словаря» и вѣроятно въ непродолжительномъ времени передастъ публикѣ часть своей обширной работы, уже ознакомивши ее предварительно съ правилами, которыми оно предположило въ ней руководствоваться, вопросъ о томъ, между какими именно памятниками того же рода придется новому «Русскому Словарю» занять мѣсто, не можетъ быть постороннимъ ни для кого изъ тѣхъ, кто сочувствуетъ такъ или иначе предпріятію Отдѣленія. Нензбѣжность и важность этого вопроса есть исходная причина Обзорѣнія, здѣсь предлагаемаго.

Словарь роднаго языка есть одна изъ самыхъ необходимыхъ настольныхъ книгъ для всякаго образованнаго чело-вѣка, тѣмъ болѣе для литератора и писателя и особенно для того, кто такъ или иначе посвятилъ свою ученую дѣятельность изученію своего народа, его языка и литературы. Хорошій словарь долженъ удовлетворять каждаго изъ тѣхъ, кто къ нему прибѣгаетъ. Достигнуть этого вполне, конечно, очень трудно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже невозможно;

тѣмъ не менѣе требованія остаются требованіями, ранѣе или позже должны быть исполнены, и всегда мало-по-малу исполняются, по мѣрѣ требовательности общественной. Чѣмъ образованнѣе народъ, чѣмъ значительнѣе въ немъ масса людей просвѣщенныхъ, тѣмъ у него лучше, богаче, полнѣе, удовлетворительнѣе словарь его языка. Словари сопутствуютъ просвѣщенію всюду такъ же, какъ типографія, театры, журналы и пр.

Трудно представить себѣ чело-вѣка, сколько бы ни было вообще образованнаго, который зналъ бы свой языкъ въ такой мѣрѣ, что ему вовсе уже не нужно пособіе словаря для объясненія словъ, не часто употребительныхъ, устарѣвшихъ, простонародныхъ, областныхъ, техническихъ. Даже тѣ, которые посвящаютъ себя специально изученію своего языка, не удерживаютъ въ памяти всего богатства словаря его; даже составители словарей, забывая значенія словъ, ими самими объясненныхъ, прибѣгаютъ иногда къ своимъ собственнымъ объясненіямъ. Равнодушіе къ полному, отчетливому уразумѣнію того, что читаемъ или слышимъ, съ желаніемъ понять, равнодушіе глупое или невѣжественное, одно можетъ не нуждаться въ словарѣ; напротивъ того, образованность не постыдится никогда брать въ руки словарь и останавливаться на объясненіи словъ неизвѣстныхъ или не совѣмъ понятныхъ. Главное достоинство такого общаго словаря, всѣмъ одинаково нужнаго, есть полнота внѣшняя, заключающаяся въ количе-

ствѣ словъ, и внутренняя, зависящая отъ отчетливости опредѣленія смысла каждаго изъ нихъ. Заботясь о полнотѣ внѣшней своего словаря, составитель его старается собрать въ немъ слова все какія можетъ, не думая объ ихъ относительной цѣнности: слова устарѣлыя, мѣстныя, простонародныя, иностранныя, введенныя какими бы то ни было писателями, хотя бы и непринятые, все одинаково для него важны, и тѣмъ важнѣе, чѣмъ менѣе могутъ быть понятны. Достигая полноты внутренней, онъ обращаетъ вниманіе на оттѣнки смысла, соединяемые со словами, отдѣляетъ каждый изъ нихъ, не пропуская между прочимъ выраженій поговорочныхъ, въ которыхъ слова получили особенный смыслъ, сами по себѣ или по соединенію съ другими словами. Для болѣе отчетливаго опредѣленія смысла словъ, онъ приводитъ всюду, гдѣ нужно, выраженія изъ писателей и изъ говора народнаго; ими дополняетъ и подтверждаетъ свое опредѣленіе. Само собою разумѣется, что, стараясь быть отчетливымъ, составитель словаря, для облегченія и полнѣйшаго вразумленія читателя, не можетъ упускать изъ виду замѣчаній о словахъ и смыслахъ словъ неупотребительныхъ, гдѣ и когда они употреблялись или употребляются; такому лексикографу нѣтъ особенной надобности ни хвалить, ни хулить что бы то ни было: онъ долженъ только собрать и объяснить факты. Впрочемъ, и безъ обязанностей судейскихъ у него много работы. Кромѣ трудовъ, соединенныхъ съ простымъ объясненіемъ смысла многихъ словъ, которыхъ значеніе неясно опредѣляютъ выраженія, гдѣ они употреблены или употребляются, его ожидаетъ еще забота объяснять понятія, заключающіяся въ словахъ, сводить для этихъ объясненій факты историко-этнографическіе. Значительная масса словъ каждаго языка выражаетъ понятія, принадлежащія или имѣющія право принадлежать всемъ людямъ вообще или по крайней мѣрѣ всемъ людямъ одной степени просвѣщенія, — понятія, для которыхъ могутъ быть слова въ каждомъ языкѣ; но не изъ нихъ одинъ состоитъ языкъ. Кромѣ ихъ, въ каждомъ языкѣ есть множество словъ, составляющихъ по понятіямъ, ими выражаемымъ, собственность только нѣкоторыхъ мѣстностей и нѣкотораго времени. Невозможность перевода или краткаго опредѣленія этихъ словъ предполагаетъ необходимость объясненій, болѣе отчетливыхъ, нераздѣльныхъ съ знаніемъ народнаго быта и обычая, и тѣмъ менѣе обще, менѣе извѣстно понятіе, выражаемое словомъ — будь это предметъ, дѣйствіе и т. п. — тѣмъ подробнѣе должно быть оно объяснено.

Иные думаютъ, что такого рода объясненія въ словарѣ не необходимость, а только роскошь, хотя и полезная, но иногда слишкомъ отягощающая словарь, что они принадлежатъ къ содержанію словарей древностей и народностей, а не словарей языка. Съ этимъ мнѣніемъ согласиться трудно. Безъ этого рода объясненій нельзя быть отчетливымъ въ опредѣленіи смысла именно тѣхъ словъ, которыхъ значеніе менѣе понятно, которыхъ опредѣленіе менѣе возможно помощію однихъ общихъ выраженій. Не допустивъ ихъ, надобно допустить неотчетливость въ ихъ опредѣленіи; а допустить неотчетливость въ одной части словаря, изъ одной боязни, что это можетъ казаться въ немъ роскошью, значить допустить ее законность и во всемъ словарѣ, — слѣдовательно разрушить главное основаніе, на которомъ одномъ можетъ и должно воздвигаться зданіе словаря. Словарь долженъ быть хранителемъ, истолкователемъ всехъ фактовъ образованности народа, на сколько она выражается звуками его языка, и потому полнота объясненій словъ тѣмъ болѣе въ немъ необходима, чѣмъ тѣснѣе связана она съ особенностями жизни народа. Правда, что большая часть составителей словарей пренебрегали объясненіями историко-этнографическими, какъ лишними; но были и непренебрегавшіе ими; да если бы ихъ и вовсе не было, то все-же достоинство не перестанетъ быть достоинствомъ, и словарь съ объясненіями историко-этнографическими всегда будетъ предпочтенъ словарю, въ которомъ ихъ нѣтъ. Само собою впрочемъ разумѣется, что эта сторона словаря возможна въ немъ только въ слѣдствіе развитія науки древностей и народностей, что филологъ пользуется въ этомъ случаѣ готовымъ результатомъ изысканій историковъ и этнографовъ.

Исполняя все эти требованія, словарь удовлетворяетъ нуждамъ вообще образованнаго читателя; однакожь не однимъ только этимъ нуждамъ долженъ удовлетворить хорошій словарь. Есть и другія нужды, столь же важныя. Болѣе, чѣмъ читателю простому, нуженъ словарь литератору и писателю. Правда, что многіе такъ-называемые писатели и литераторы обходятся безъ всякаго пособія, считаютъ для себя дѣломъ совершенно естественнымъ и легкимъ писать на своемъ природномъ языкѣ, научаются этому искусству помощію одного личнаго опыта, руководствуются однимъ личнымъ вкусомъ и смысломъ, считаютъ достаточною для себя только ту часть языка, которую удержали въ памяти случайно, слушая, какъ люди говорили, и читая, какъ люди писали. Требуя отъ дру-

гихъ художниковъ полнаго, подробнаго, отчетливаго знанія орудій ихъ художествъ, полнаго приготовленія быть художниками, такіе писатели отъ себя самихъ, хотя и называютъ себя также художниками, не требуютъ ровно ничего, туманятъ себя и другихъ увѣренностію, что довольно родиться подъ счастливою звѣздою, чтобы съ неба хватать звѣзды, и своимъ языкомъ и слономъ увлекать смертныхъ, не столь счастливо рожденныхъ. Изученіе всего, что изучается людьми неувѣренными въ свои дарованія, они считаютъ лишнею работою: основательное знаніе языка, на которомъ пишутъ, — бременемъ, ярмомъ, принадлежностію, если не бездарности, то по крайней мѣрѣ такъ называемой ими «школьной» учености. Они увѣрены, что умѣть владѣть языкомъ есть даръ неба, и въ порывахъ самоцѣлованія забываютъ, что этотъ даръ дается всякому одинаково, а различно выражается потому, что зависитъ отъ характера, состоянія здоровья тѣлеснаго и душевнаго, образованности, и т. п., забываютъ, что даръ еще не художество, что художникомъ никто никогда не бывалъ съ помощію одного дара. Эти люди счастливы еще тѣмъ, что съ неразумнѣею необходимостію изучать свой языкъ они соединяютъ равнодушію къ фактамъ исторіи литературы, и, ослѣпяясь кое-какими успѣхами своими, не боясь преувеличивать ихъ въ своихъ глазахъ, не вѣдаютъ, что всѣ такіе успѣхи — ничтожная случайность, что случайно поднятые вверхъ на качеляхъ судьбы, они останутся тамъ недолго, и, сойдя, смѣшаются съ толпою, которая на нихъ глядѣла. Не такъ легкомысленно думали и думаютъ о себѣ и своихъ нуждахъ писатели, исполнѣ сознающіе пріямые свои обязанности. Съ одной стороны, не удовлетворяясь общими образованіемъ, они всегда выбирали по своему вкусу какой-нибудь отдѣльный предметъ науки, изучали его со всей возможной терпѣливостію и подробностію, изощряли на немъ силы своего ума и вкуса; съ другой стороны, не удовлетворяясь общечеловѣческимъ навыкомъ говорить и писать, они выжили въ подробности состава и строя своего языка, старались овладѣть имъ, какъ ремесленникъ орудіемъ, съ тѣмъ чтобы владѣть имъ со всей возможной ловкостію, боялись случайностей и бѣдности выраженій, какъ порока, какъ препоны выражаться вѣрно, правильно, естественно; постояннымъ изученіемъ достигали сознательной увѣренности, что ихъ выраженія въ самомъ дѣлѣ вѣрны, правильны, естественны, не съ самоувѣренностію въ свои собственные силы, а съ вѣрою въ силу языка народнаго, въ необходимость покорить

эту силу. Великіе писатели были всегда отличными знатоками своего языка, его истолкователями, и всегда оставляли по себѣ матеріалы для его грамматики и словаря. Они, говорить, даже обогащали языкъ; да, и обогащали — словами и выраженіями, новыми для тѣхъ, которые не изучали его подобно имъ, взвѣченными изъ его рудниковъ, имъ одними доступныхъ. Конечно, не всякій можетъ достигнуть высоты, ими достигаемой, и оказать заслуги, подобныя ихъ заслугамъ; но всякій, кто хочетъ носить имя писателя законно, обязанъ соединить съ должною образованностію и должною знаніемъ своего языка, изучать его постоянно, и никогда не осмѣлится обходиться безъ помощи словаря, для него годнаго, никогда не побоялся обезпечить свой восторгъ заглядываньемъ въ его страницы. Гдѣ знаніе отечественнаго языка считается болѣе необходимымъ, гдѣ слѣдовательно лучше составлены словари его, гдѣ писатели чаще къ нимъ обращаются, тамъ и литература, какъ искусство, стоитъ выше, тамъ и заслуги писателей оцѣняются лучше, какъ лучше оцѣнятся и заслуги художниковъ тамъ, гдѣ болѣе знанія трудностей, и болѣе средствъ, которыми онѣ должны быть побуждаемы. Это фактъ историческій, вѣрный, не возбуждающій недоверія, хотя кое-кому и незвѣстный, а для многихъ и странный. Словарь литературный необходимъ; но безъ сомнѣнія онъ не то, что словарь для общаго употребленія, хотя условія того и другаго и могутъ быть соединяемы вмѣстѣ. Словарь литературный долженъ не переводить слова, подъ которыми подразумеваются тѣ или другія понятія, а самими понятіямъ давать определенное названіе. Литераторъ знаетъ, что хочетъ сказать, но можетъ иногда не знать, какъ это лучше выразить, — и въ словарѣ ищетъ этихъ лучшихъ, наиболѣе приличныхъ выраженій. Словарь помогаетъ незнанію, памяти и соображенію, помогаетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ лучше составленъ, и составленъ тѣмъ лучше, чѣмъ отчетливѣе въ немъ отмѣчены всѣ условія какъ чистоты и правильности, такъ и богатства языка. Въ немъ должны быть отличены слова употребительныя отъ неупотребительныхъ, слова годныя всегда или въ нѣвѣстныхъ случаяхъ отъ вовсе негодныхъ. При словахъ, кромѣ обыкновеннаго опредѣленія различныхъ оттѣнковъ понятій, подъ ними подразумеваемыхъ, должны въ немъ помѣщаться слова однозначачія и подобнозначачія съ обозначеніемъ особеннаго смысла каждаго изъ нихъ и ихъ цѣнности литературной. Съ обыкновеннымъ учебнымъ порядкомъ въ немъ долженъ соединяться еще порядокъ такъ сказать логическій,

помогающій отыскивать подъ названіемъ понятія родового названія понятій подчиненныхъ, подъ названіемъ цѣлаго названія частей цѣлаго и т. п. Въ немъ необходимы указанія на выраженія писателей и на выраженія народныя, какъ на свидѣтельства и примѣры подлиннаго, правильнаго и изящнаго употребленія словъ. Въ немъ необходимо наконецъ и соблюденіе правилъ общепринятаго правописанія и обозначеніе грамматическихъ подробностей, сколько оно необходимо для правильнаго употребленія словъ въ ихъ неизмѣнномъ видѣ и въ измѣненіяхъ. Нѣкоторыя изъ этихъ требованій въ словаряхъ исполняются рѣдко. Такъ иные считаютъ излишнимъ соединять въ нихъ порядокъ логическій съ порядкомъ азбучнымъ; другіе, допуская отдѣльные словари сослововъ, не хотятъ признать, что они суть только части общихъ словарей, отдѣльно обработанныя, и должны занять въ нихъ свое мѣсто, какъ часть въ цѣломъ. Едва ли стоитъ оспаривать подобныя мнѣнія: кто чувствовалъ потребность въ словарѣ литературномъ, тотъ никогда не согласится съ ними; кто же не испытывалъ ея, тому трудно понять, какъ важны бываютъ иногда пропуски объясненій, облегчающихъ соображеніе.

Словарь, годный для употребленія общаго и литературнаго, можетъ быть во многихъ отношеніяхъ почти оконченнымъ памятникомъ языка и мысли своего народа; но все-же не заключаетъ въ себѣ всего, что долженъ заключать словарь, котораго цѣль — отвѣчать на всѣ вопросы о языкѣ. Въ слѣдъ за требованіями общими и литературными, являются требованія ученые, не менѣе другихъ законныя. Если законно и необходимо стремленіе человѣка изучать природу въ томъ, что его окружаетъ, и въ себѣ самомъ; если необходима наука естествознанія и человѣкознанія, то законно, необходимо и изученіе языка, какъ явленія человѣческой природы, какъ проявленія звуками нравственной жизни людей и народовъ. Если законно и необходимо изслѣдовать законы мысли, происхожденіе понятій и сужденій, ихъ формы, ихъ взаимную связь, и все, что относится къ той части психологіи, которую привыкли называть логикой, то законно и необходимо изслѣдовать мышленіе и въ отношеніи къ его выраженію звуками, законы этого выраженія, начала и формы происхожденія и образованія словъ и выраженій съ ихъ различными смыслами, и т. п. Корнесловіе смѣшно, жалко, и даже вредно — только тогда, когда имъ управляетъ по-своему соображеніе и воображеніе невѣжды или шалуна; но оно важно, необходимо, какъ особенная вѣтвь науки о человѣкѣ, когда даетъ задачи для

изслѣдованій ученаго благоразумно-осторожнаго, даровитаго и знающаго. Корнесловіе, не униженное на степень игрушки, есть основаніе характеристики и исторіи языка, а съ тѣмъ вмѣстѣ, въ нѣкоторомъ отношеніи, и самаго народа. Разгадывая строй языка въ составныхъ его частяхъ и началахъ, слѣдя за его развитіемъ исторически, филологъ разгадываетъ съ тѣмъ вмѣстѣ духовную жизнь народа, законы и формы его мысли, сколько онѣ выражаются опредѣленными звуками, проникаетъ въ глубину внутренней исторіи народовъ, опредѣляетъ ихъ вліяніе однихъ на другіе, выводитъ съ помощію своихъ мелкихъ, часто скучныхъ, утомительныхъ соображеній, факты общепонятные и общелюбопытные, которые, не смотря на свою важность, безъ его трудовъ остались бы неизвѣстны, и въ его изслѣдованіяхъ находятъ неопровержимыя доказательства своей истинности. Правда, что лингвистическая филологія еще слишкомъ молода, какъ наука, что точность и опредѣленность изслѣдованій въ ней еще нова, и отъ словаря филологическаго еще нельзя требовать ни полноты, ни безукоризненной несомнительности; но не требовать всего, не значить ничего не требовать. Филологическія требованія не теряютъ своей законной силы: словари языковъ должны быть составляемы и для удовлетворенія нуждъ филологическихъ. Исполняя эти требованія, словарь долженъ заключать въ себѣ, съ одной стороны данныя о корняхъ языка, изъ превращеніяхъ, ихъ первообразныхъ значеніяхъ, о формахъ образованія словъ въ зависимости отъ смысла, имъ придаваемого, и т. д.; съ другой стороны — данныя объ исторіи корней, формъ словныхъ и словъ въ отношеніи къ звукамъ и понятіямъ, ими выражаемымъ. Для облегченія изслѣдованій филологическихъ, онъ долженъ, пользуясь выводами сравнительной филологіи, объяснять составъ, строй и исторію разсматриваемаго языка съ помощію другихъ, съ нимъ сродныхъ. Какъ сборникъ матеріаловъ, такой словарь долженъ заключать въ себѣ и собственныя имена, на сколько въ нихъ можно надѣяться найти корни языка: потому что имена собственные всегда образуются изъ нарицательныхъ, изъ общихъ корней, и слѣдовательно могутъ служить къ объясненію не только забытыхъ корней, но и забытыхъ формъ словообразованія. Давая каждому корню особенное мѣсто, словарь филологическій долженъ давать такое же мѣсто и каждой изъ формъ образованія словъ, каждому корню придаточному, и представлять ихъ различныя видоизмѣненія. Что касается исторіи корней, словъ и ихъ формъ, то она должна быть въ немъ

представляема на основаніи данныхъ, извлеченныхъ изъ памятниковъ языка, но не однихъ писанныхъ, а вмѣстѣ и народныхъ: часто въ мѣстномъ говорѣ народа остаются факты языка, гораздо болѣе древніе, чѣмъ въ самыхъ древнихъ памятникахъ письменности. Между словами, принадлежащими языку непосредственно по вѣмъ своимъ составнымъ частямъ, въ немъ должны быть помѣщены и слова иностранныя, съ обозначеніемъ, откуда и когда взяты, чтобы можно было видѣть, въ какой мѣрѣ народъ подлежалъ вліянію другихъ народовъ. Впрочемъ заимствованіемъ словъ иностранныхъ, чужихъ по кореннымъ или придаточнымъ звукамъ, не ограничивается зависимость языка отъ другихъ языковъ: буквальныя переводы чужихъ словъ и выраженій, переводы болѣе или менѣе несообразныя съ характеромъ и направленіемъ языка, хотя бы и принимаемыя по необходимости вѣми единодушно, суть тѣ же заимствованія, и почти всегда бываютъ многочисленнѣе, многообразнѣе, важнѣе, чѣмъ заимствованія словъ, чужихъ по звукамъ. Они должны быть также отмѣчаемы въ словарѣ филологическомъ, съ приложеніемъ въ подлинникѣ тѣхъ словъ и выраженій, съ которыхъ переведены. Словарь филологическій можетъ не нуждаться въ правописаніи общепринятомъ, но за то очень нуждается съ одной стороны, въ тѣхъ формахъ писанія, какія приданы словамъ въ древнихъ памятникахъ, а съ другой — въ выговорѣ народномъ. Нерѣдко общепринятое правописаніе отдалается и отъ преданія старины и отъ вѣрности выговора, и темнитъ собою ясность состава и первоначальнаго значенія словъ. Вообще филологическій словарь долженъ дать средства разсматривать языкъ, какъ живой организмъ, въ которомъ каждая частичка имѣетъ свое значеніе и назначеніе, въ которомъ все столько же законно, сколько и во всякомъ произведеніи природы, какъ слѣдствіе причинъ, допущенныхъ самою природою, въ которомъ частный умъ можетъ кое-что не понимать и кое-что портить, можетъ однако достигать и полного уразумѣнія всего, и полного сознанія незаконности произвольныхъ перемѣнъ, имъ иногда допускаемыхъ.

Словарь для общаго употребленія, словарь литературный и словарь филологическій — три дробы одной и той же единицы, дополняющія себя взаимно. Не всѣ они однакожь составляются вмѣстѣ: прежде долженъ быть приготовленъ основной матеріалъ словаря для общаго употребленія; словарь литературный и филологическій могутъ явиться только тогда, когда достаточно полонъ первый.

Нельзя не назвать словаря хорошимъ, если онъ достигаетъ, по крайней мѣрѣ, одной изъ трехъ означенныхъ цѣлей, если достигаетъ ее отчетливо, сообразно съ современными средствами и образованностію тѣхъ, для кого онъ составленъ. Тѣмъ не менѣе вполне удовлетворительнымъ онъ можетъ быть только тогда, когда въ его содержаніе вошли въ возможно полномъ видѣ отвѣты на всѣ вопросы, которыхъ разрѣшенія можно ожидать отъ словаря языка. Предварительныя труды словарныя могутъ быть издаваемы совершенно отдѣльно; до появленія полнаго словаря возможно и отчасти необходимо появленіе словарей стараго языка и областныхъ нарѣчій, словарей техническихъ и научныхъ, словарей быта народнаго, древностей, корнеслововъ, словарей синонимовъ и т. п.; но всѣ эти труды суть только предварительныя заготовленія матеріаловъ, которые, по мѣрѣ надобности, должны въ свое время занять мѣсто въ полномъ словарѣ языка. Составленіе такого словаря не мечтательное *pium desiderium*, а фактъ, оправданный заслугами ученыхъ: всякій образованный народъ можетъ ожидать отъ своихъ филологовъ подобныхъ заслугъ. Само собою должно разумѣться, что хорошій, достаточно полный словарь никогда не можетъ быть составленъ съ одного раза, что ни въ одной книгѣ пропуски и невѣрности, вольныя и невольныя, не столько возможны и простительны, какъ въ словарѣ, что самый удовлетворительный словарь по времени терять все болѣе свое достоинство, все болѣе требуетъ поправокъ и дополненій. Даже въ словарѣ мертваго языка, который изучать можно изъ однихъ памятниковъ письменности, въ словарѣ, нужномъ только для уразумѣнія языка этихъ памятниковъ, всегда остается возможность и надобность исправленій: тѣмъ болѣе въ словарѣ языка живаго, продолжающаго свое развитіе въ народѣ и литературѣ, особенно языка, принадлежащаго обширному народу и обширной литературѣ. Трудность слѣдить не только за умноженіемъ словъ новыхъ, но и за употребленіемъ старыхъ, за измѣненіемъ смысла ихъ, за особенными оттѣнками ихъ въ новыхъ выраженіяхъ, трудность собирать слова и выраженія областныя и принадлежащія особеннымъ классамъ народа, трудность объясненія словъ, рѣдко попадающихся въ древнихъ памятникахъ и ни по чему другому неизвѣстныхъ, трудность опредѣлять происхожденіе словъ, не принадлежащихъ къ извѣстнымъ корнямъ, — все заставляетъ глядѣть на несовершенство словаря несравненно снисходительнѣе, чѣмъ на несовершенство другихъ ученыхъ трудовъ. Желать найти въ

словарѣ всѣ возможные достоинства и досаждать, что въ немъ того нѣтъ, что понадобилось, столь же легко, сколько тяжело, при всей доброй волѣ, удовлетворить предполагаемымъ требованіямъ.

Тѣмъ дороже должны быть цѣнны труды тѣхъ ученыхъ, которые даровитостію, умѣньемъ, ученостію и терпѣніемъ успѣвали превозмочь трудности, неразлучныя съ составленіемъ словаря, и пользуясь работами предшественниковъ, достигали въ своихъ словаряхъ счастливой полноты, сколько это было возможно въ ихъ обстоятельствахъ. *)

II.

Представляя себѣ въ томъ видѣ, какъ изложено выше, главные достоинства словаря роднаго языка въ наше время, мы не можемъ однако указать ни на одинъ изъ Словарей, доселѣ изданныхъ, какъ на такой, въ которомъ бы эти достоинства соединялись всѣ вмѣстѣ хоть въ нѣкоторой степени, хотя по стремленію достигнуть ихъ, если не по исполненію. Не говоря о тѣхъ особенныхъ требованіяхъ, которыя, какъ было замѣчено, остаются предметомъ преній, найдемъ и въ ихъ кругу нѣкоторыя другія, казалось бы, самыя безспорныя, и однако кое-гдѣ упорно отвергаемыя.

Въ числѣ вопросовъ, которые могли бы, повидимому, быть рѣшаемы единодушно, и однако подаютъ поводъ къ преніямъ, принадлежитъ вопросъ о томъ, въ какомъ порядкѣ должны быть располагаемы слова въ словарѣ? Отвѣтъ на него простъ: въ азбучномъ; тѣмъ не менѣе инымъ онъ кажется уже черезъ чуръ простымъ. Болѣе сообразнымъ съ достоинствами лексикографіи кажется инымъ порядокъ болѣе или менѣе или даже и совершенно отдѣляющійся отъ простаго азбучнаго. Одинъ изъ ученыхъ, не отвергая обыкновеннаго порядка буквъ азбуки, располагаютъ въ этомъ порядкѣ не всѣ слова, а только коренныя, ставя подъ ними производныя и сложныя: такому порядку послѣдовали въ своихъ начальныхъ трудахъ Академіи Французская и Россійская; ему же слѣдовалъ Рейфъ ¹⁾ и Бенеке ²⁾. Очень естественно ему слѣдовать въ корнесловахъ, каковы на пр. Шимкевича ³⁾,

Экономиды ⁴⁾, Миллюшича ⁵⁾ или Дица ⁶⁾; но не въ полныхъ словаряхъ, гдѣ слова коренныя занимаютъ въ числѣ другихъ, по количеству, мѣсто очень незамѣтное, и гдѣ для удобства производныя слова можно отиѣтить подъ коренными въ общихъ перечняхъ, какъ это сдѣлалъ Линде ⁷⁾. Другіе ученые, отвергая обыкновенный азбучный порядокъ, по которому за *a* слѣдуетъ *b*, *c*, *e* или *b*, *c*, *d*, или β , γ , δ , и т. д. вносить свой собственный, располагая буквы по своимъ понятіямъ о сродствѣ звуковъ. Въ корнесловахъ Славянскихъ нарѣчій этотъ обычай пушенъ въ ходъ Добровскимъ ⁸⁾; изъ числа его послѣдователей можно вспомнить о Ярникѣ, который принялъ порядокъ Добровскаго въ своемъ корнесловѣ Хорутанскомъ ⁹⁾. Позже явились и у Нѣмцевъ Словари разныхъ языковъ, составленные такимъ же образомъ: таковъ Словарь Древ.-Нѣмецкаго языка Граффа ¹⁰⁾, Литовскій Словарь Нессельмана ¹¹⁾, Англо-Саксонскій Словарь Этиоллера ¹²⁾, и пр. Въ Словарѣ Граффа есть по крайней мѣрѣ общій указатель, облегчающій приискиваніе словъ, такъ какъ и въ Словарѣ Рейфа; а Словари Нессельмана и Этиоллера нѣтъ никакой возможности пользоваться безъ особеннаго навыка. Есть наконецъ ученые, которые совершенно отвергаютъ азбучный порядокъ, а располагаютъ слова по порядку идей. Очень замѣчательнъ въ этомъ отношеніи трудъ Роджета (Roget), въ которомъ обозрѣно все богатство Англійскаго языка ¹³⁾. Въ этомъ способѣ расположенія словъ есть своя выгода, но выгода едва ли соразмѣрная съ трудностью придумать систему удобную и съ трудностью пользоваться такимъ словаремъ. Найти какое-нибудь средство приискивать въ словарѣ слова, въ которыхъ нуждаемся и которыхъ не помнимъ и не знаемъ, необходимо; безъ этого отчетливые писатели должны иногда поневолѣ допу-

*) Опытъ о ближайшемъ сродствѣ языка Славяно-Россійскаго съ Греческимъ. 1828. Томъ 2 и 3.

1) *Radices linguae Slovenicae veteris dialecti*. Lips. 1848.

2) *Etymologisches Wörterbuch der Romanischen Sprachen*. Von Fr. Diez. Bonn. 1853.

3) *Słownik języka Polskiego*. Warsz. 1807—1814. 6 томовъ.

4) *Sm. ero Institutiones linguae Slavicae dialecti veteris*. Vindob. 1822. стр. 79—259.

5) *Versuch eines Etymologikons der Slowenischen Mundart in Inner-Oesterreich*. Klingenfurt. 1832.

6) *Althochdeutscher Sprachschatz*. Berl. 1834—1846. Семь томовъ.

7) *Wörterbuch der Littauischen Sprache*. Königsberg. 1851.

8) *Vorda Vealhetód Engla and Seaxna. Lexicon Anglosaxonium*. Quodlinburg. 1851.

9) *Thesaurus of English Words and Phrases, classified and arranged so as to facilitate the expression of ideas and assist in literary composition*. Lond. 1853.

*) Здѣсь повторено то, что было мною высказано на другомъ случаю въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1848. № 3.

1) Русско-Французскій Словарь, въ которомъ Русскія слова расположены по происхожденію. СПб. 1838.

2) *Mittelhochdeutsches Wörterbuch aus dem Nachlasse von G. F. Benecke*, herausgegeben und bearbeitet von Dr. W. Müller. Leipz. 1847—1854. Еще не оконченъ.

3) *Корнесловъ Русскаго языка*, СПб. 1842.

скать въ своихъ произведеніяхъ горестную неточность выраженій; но искать ли этого средства тамъ же, гдѣ его искалъ Роджеть, это еще вопросъ. Не легче ли подчиниться лексикографу и въ этомъ отношеніи порядку азбучному, какъ пытался Бѣлостенецъ¹⁴⁾, и при словахъ приводить ихъ подобнозначашія, противнозначашія, эпитеты, слова, которыми выражаются понятія подчиненныя, части цѣлаго и т. д.? Во всякомъ случаѣ, чѣмъ порядокъ проще, обычае, тѣмъ лучше. Не мелочами, затрудняющими пользоваться трудомъ нужнымъ, должны выражаться ученость, начитанность и трудолюбіе лексикографа, а богатствами и доступностью свѣдѣній, ими сообщаемыхъ. Едва ли есть книга, въ которой бы могли нуждаться всякаго рода читатели, болѣе чѣмъ въ словарь роднаго языка, если бы только онъ былъ принаровленъ къ общимъ нуждамъ. Таковы именно во многихъ отношеніяхъ словари Французскіе — особенно Ланде и Бешреля. Можетъ быть, въ нихъ есть и лишнее; но лучше отягчить словарь лишнимъ, чѣмъ, для облегченія его тяжести, отстранить изъ него необходимое. Не лишнимъ на пр. мнѣ бы казалось приводить даже тѣ видоизмѣненія словъ, которыя отступаютъ отъ общаго порядка. Такъ если подъ словами *лечь* и *быть* надобно привести и *лягу*, *лѣго*, *есль*, *быль*, *буду*, то по чему же не поставить каждое изъ этихъ словъ и отдѣльно со ссылкой на *лечь* и *быть*? Это никому и ничему не помѣшаетъ, а помочь можетъ — многимъ, по крайней мѣрѣ всѣмъ, незнающимъ или непомнящимъ грамматики. Не исполняя всего, что здѣсь предположено, въ отношеніи къ порядку словъ въ словарѣ, братья Грими не только не отвергли въ своемъ Нѣмецкомъ Словарѣ азбучнаго порядка, но, придерживаясь его со всей строгостью, не сочли излишнимъ защитить его необходимость въ предисловіи къ Словарю.

Другой подобный вопросъ касается выбора словъ въ словарѣ. Флорентинская Академія della crusca и Академія Французская первая дали значеніе этому вопросу, и съ тѣхъ поръ, т. е. почти два вѣка уже онъ непрерывно волнуетъ мнѣнія — едва ли не болѣе чѣмъ всѣ другіе вопросы, касающіеся словаря. Многие образованные люди остаются непоколебимы при убѣжденіи, что въ словарѣ должны занимать мѣсто только тѣ слова, которыя годны для употребленія въ кругахъ образованнаго общества, и то даже не всѣ, а только тѣ, которыя имѣютъ за собою право безусловной необходи-

мости, чего нельзя сказать ни объ обветшалыхъ, ни о простонародныхъ, особенно областныхъ, ни о техническихъ, употребляемыхъ только немногими исключительно, ни тѣмъ болѣе объ иностранныхъ, употребляемыхъ нерѣдко по безотчетной привычкѣ или по легкомыслію и прихоти. Академія Французская все болѣе удалалась отъ такого мнѣнія о чистотѣ языка въ словарѣ, и въ послѣднемъ, шестомъ изданіи своего Словаря¹⁵⁾ почти совершенно отказалась отъ него; но искоренить его уже не могла, тѣмъ болѣе, что оно соединилось съ чувствомъ любви къ отечеству, и на немъ опирало увѣренность — въ необходимость противиться безотчетному употребленію словъ иностранныхъ и вновь вымышленныхъ, какъ заразѣ, портящей не только языкъ, но и нравы. Это мнѣніе впрочемъ находитъ себѣ защитниковъ всего менѣе между лексикографами, въ кругу которыхъ развилось мнѣніе совершенно противоположное. Всякое слово, каково бы оно ни было, если только оно принадлежитъ языку народа, или употреблено хоть разъ въ книгѣ, и можетъ на себѣ остановить вниманіе или недоразумѣніе читателя, должно занять свое мѣсто въ словарѣ, котораго цѣль не оцѣнять достоинство словъ и выраженій, а объяснять ихъ значеніе и опредѣлять кругъ ихъ употребленія: таково это мнѣніе, какъ будто умышленно утвердившееся всего болѣе въ той самой землѣ, гдѣ прежде такъ много заботились о выборѣ словъ, безусловно достойныхъ занять мѣсто въ словарѣ, и готовы были навсегда ограничить этотъ выборъ кругомъ словъ, употребляемыхъ въ избранномъ обществѣ. Бешрель, идя далѣе по пути Боаста, Лаво, Ланде, горделиво выразился на перекоръ убѣжденіямъ старой Французской Академіи: «Книга, которую я предназначалъ для всего народа¹⁶⁾, не могла не принять въ свой составъ всѣхъ словъ, употребляемыхъ народомъ, такъ чтобъ всѣ классы общества въ ней выразились одинаково и всѣ одинаково нашли свой языкъ.... Заимствовать изъ всѣхъ Словарей слова, въ нихъ внесенныя, искалъ словъ, въ нихъ пропущенныхъ, всюду, гдѣ было можно, во всякаго рода книггахъ, посвятилъ на это пятнадцать лѣтъ жизни, и внесъ въ свой Словарь всѣ, не отвергая ни одного самопроизвольно, изъ-за того только, что оно не необходимо и лишнее. Мое намѣреніе было не преобразовывать языкъ, но представить его, какъ онъ есть со всѣми его прихотами,

¹⁵⁾ Dictionnaire de l'Académie Française. Paris. 1835.

¹⁶⁾ Dictionnaire National ou dictionnaire universel de la langue Française. Deuxième édition tirée à 10,000 exemplaires. Paris. 1830.

¹⁴⁾ Gazophylacium seu Latino-Slyricorum onomatium Aegarium. Zagrabiae. 1780.

неправильностями, красотами, недостатками, словомъ, какъ онъ создавъ народомъ». Тоже другими словами говорятъ продолжатели труда Н. Линде: «Словарь языка не есть произведеніе частнаго вкуса; онъ долженъ быть напротивъ того сборникомъ всеобщимъ, всеобъемлющимъ собраніемъ всѣхъ рѣченій, соответствующимъ фактамъ определенной цѣнности, къ какому бы роду человѣческихъ знаній они не отосились. Въ немъ долженъ заключаться языкъ всего народа, во всѣхъ сферахъ его дѣятельности. Это не списокъ особъ приглашенныхъ, а полная перепись народная»¹⁷⁾. Почти такого же мнѣнія о полнотѣ словаря держатся и братья Гриммы: «Передъ судомъ новой филологіи всѣ языки земнаго шара стоить съ равнымъ правомъ, презрѣнъ не можетъ быть ни одинъ; такъ и словарю принадлежать всѣ слова и занимаютъ въ немъ свои мѣста съ равнымъ правомъ. Стремиться къ полнотѣ есть первая обязанность словаря». Думая такъ, братья Гриммы дѣлаютъ уступку только въ отношеніи къ словамъ иностраннымъ, изъ которыхъ, по ихъ убѣжденію, должны быть занесены въ словарь только тѣ, которыя принадлежать языку изстари, и слѣдовательно только не многія въ сравненіи съ тѣмъ множествомъ, какое слышится въ обществѣ и занесено въ книги. Вместе съ тѣмъ они вносятъ въ свой словарь и слова старыя, обветшалыя, предположивъ пользоваться всѣми замѣчательными источниками XVI—XIX вѣка¹⁸⁾. Такимъ же убѣжденіемъ одушевляли свои труды Линде и Юнгманъ¹⁹⁾. Последний не хотѣлъ исключить изъ своего Словаря даже словъ древнихъ и областныхъ, стараясь дать въ немъ мѣсто всѣмъ словамъ, когда бы и кѣмъ бы они ни были употреблены въ книгѣ или въ устной рѣчи. Трудно рѣшить, какое изъ двухъ противоположныхъ мнѣній исключительно справедливо, тѣмъ болѣе, что каждое изъ нихъ совершенно особенно прилагается къ каждому языку, не только по его отношенію къ народу и къ литературѣ, но даже по цѣли составителя. Стулли²⁰⁾ не могъ не дать мѣста каждому слову, найденному имъ въ книгѣ Сербской, особенно католической; а Карджичъ²¹⁾ не могъ не ограничиться только въ кругѣ тѣхъ словъ, которыя употребляются народомъ. Такъ положеніе

лексикографа можетъ быть очень различно, смотря по цѣли, имъ избранной. Трудно отвергнуть важность словаря, въ которомъ было бы только то, что неотъемлемо принадлежитъ языку, именно тому, который, будучи орудіемъ вѣры, закона, образованности и общежитія, остается нераздѣльно общимъ и единымъ для всего народа; но трудно обойтись и безъ такого словаря: въ которомъ бы читатель нашелъ всѣ слова, употребленныя и употребляемыя хорошо или худо, правильно или неправильно, многими или немногими, въ жизни или въ книгѣ, гдѣ бы то ни было, на всемъ пространствѣ, обитаемомъ народомъ, съ обозначеніемъ ихъ смысла и круга употребленія. Между этими двумя крайностями есть и нѣсколько срединъ. Каждому свой взглядъ долженъ казаться лучшимъ; согласятся ли съ нимъ другіе, это иное дѣло, а согласить ихъ едва ли возможно. Противъ одного только нельзя, кажется, спорить, противъ того, что, по выраженію И. И. Давыдова, словарь языка есть «сокровищница народныхъ понятій, возрѣній народа на окружающій его міръ и на самого себя» и что въ общемъ словарь языка извинительна неполнота только та, которая произошла отъ пропусковъ неумышленныхъ, отъ невозможности ихъ устранить, но не та, которая является въ немъ слѣдствіемъ задуманнаго подбора словъ, опущенія тѣхъ, которыя могли кому нибудь почему-нибудь не понравиться, будь они хоть простонародныя, хоть иностранныя, но усвоенныя народомъ и славшіяся съ условіями его образованности.

Можно назвать естественнымъ требованіе, въ силу котораго словарь, составляемый не для иностранцевъ, а для соотечественниковъ, долженъ объяснять слова не на какомъ бы то ни было языкѣ чуждомъ, а на томъ самомъ, котораго богатства въ немъ собраны, т. е. Русскій по-Русски, Нѣмецкій по-Нѣмецки, и т. д. Это требованіе издавна поняли и приняли къ дѣлу лексикографы Французскіе, Англійскіе и нѣкоторые изъ Нѣмецкихъ; а между тѣмъ лексикографы Западно-Славянскіе и между Нѣмецкими даже братья Гриммы отвергли. Кому неизвѣстна заслуга въ этомъ тяжкомъ дѣлѣ Словаря Французской Академіи, признанная и нашей Академіей такъ же какъ Джонсономъ и Аделунгомъ. Не признавая ее, братья Гриммы въ своемъ Нѣмецкомъ Словарѣ ограничились объясненіями словъ только Латинскимъ ихъ переводомъ, и Я. Гриммъ позволилъ себѣ по этому случаю въ предисловіи къ Словарю выразиться вполне рѣшительно: «Почти во всѣхъ Словаряхъ другихъ языковъ, которые те-

¹⁷⁾ Grand dictionnaire général et grammatical des dictionnaires français. 12ème édition avec complément. Paris. 1853.

¹⁸⁾ Deutsches Wörterbuch von I. Grimm und W. Grimm. Erster Band. A—Bier—molke. Leipzig. 1854.

¹⁹⁾ Slovník Česko-Německý. V Praze. 1835—39. 3 томовъ.

²⁰⁾ Riscsolovie Slov.

²¹⁾ Српски рјечани, у Бечу. 1832. 2-е изд.

перъ появляются, избѣгаютъ Латинскихъ объясненій.... считаютъ достоинствомъ объяснять языкъ его собственными средствами. . . . Но чего же достигаютъ отверженіемъ помощи, представляемой самымъ извѣстнымъ и самымъ точнымъ изъ языковъ? Наваливаютъ на себя ношу самыхъ мелочныхъ и вполнѣ бесполезныхъ объясненій. Если при словѣ столъ поставлено будетъ Лат. mensa, то на первый разъ сдѣлано довольно, а что надобно сказать еще, то найдеть свое мѣсто въ дальнѣйшемъ объясненіи. вмѣсто этого опредѣляютъ столъ такъ, что онъ—«возвышенная доска, за которою стоя или сидя занимаютъ разными работами», и т. п. Опредѣленіе носа гласитъ: «выдающаяся и возвышенная часть лица у человѣка или у звѣря непосредственно выше рта, мѣсто и орудіе чувства и обонянія». Опредѣленіе руки (hand): «членъ тѣла человѣческаго, которымъ берутъ и держать». Такія объясненія принадлежатъ и физиологій, такъ же какъ и опредѣленіе лиліи растеніемъ съ цвѣтками въ видѣ колокола, съ шестью тычинками и однимъ пестикомъ; ему мѣсто въ ботаникѣ, и изъ нея оно должно быть перенесено въ словарь. Весь этотъ хламъ объясненій, вносимый въ словари со времени Аделунга, не нуженъ при Латинскомъ переводѣ словъ. Въ большей части случаевъ за словомъ, котораго и смыслъ легко передается посредствомъ Латинскаго слова, совершенно напрасно представлять цѣлый рядъ качествъ предмета, выражаемаго словомъ. Къ Латинскому переводу надобно прибавлять объясненія только тогда, когда это необходимо для показанія развитія значенія слова». Таково убѣжденіе братьевъ Гриммовъ. Въ слѣдствіе его находимъ въ ихъ Словарѣ множество словъ объясненныхъ только по Латински²¹⁾; при многихъ другихъ словахъ кромѣ Латинскаго перевода помѣщены подобнозначашія Нѣмецкія²²⁾; наконецъ, хоть и не въ

²¹⁾ Нанр. bändern, taeniis, fasciis instruere. beter precans. beth, propolis, cera sacra. betrug, frau, fallacia. beuse, pulex. beute, praeda, spolium, λεία. bewidmen, dotare. bewirtung, hospitium, convivium. biber, fiber, castor. biene, apis. bier, cerevisia.

²²⁾ Нанр. bestreichen, attingere, berühren, bereichen. 1) oblinere, circumlinere, hartes mit welchem beschmieren, 2) atrectare, contingere. 3) aequare, eben und gleich streichen. 4) erreichen, bereichen, berühren, auf etwas stossen, sich erstrecken an etwas. besuch 1) waidmännisch, investigatio, quae fit cane sagaci, das sinnliche suchen, aufsuchen, aufspüren des wilds mit der nase des leithunds. 2) besuch eines orts, wo viel leute beisammen sind. 3) visitatio, salutatio, franz. visite, bei der ankunft und abreise. beute, alveus. ä) backtrog. 2) der hölzerne bienenkorb, ein hohler klotz, in dem die waldbienen bauen. bibel, codex sacer, die heilige schrift. bieder, utilis, probus, bonae frugis, wacker, fromm, rechtschaffen. biege, curvatura, krümmung, seite.

Т. III.

столь значительномъ количествѣ, есть и такія слова, при которыхъ вовсе нѣтъ Латинскаго перевода, а только Нѣмецкое объясненіе²³⁾. Едва ли, впрочемъ, убѣжденіе братьевъ Гриммовъ, по которому значеніе большей части словъ совершенно ясно можетъ быть только тому Нѣмцу, который очень силенъ въ Латинскомъ языкѣ, можно считать дѣйствительнымъ убѣжденіемъ, а не простымъ рѣшеніемъ и то вынужденнымъ случайно — отчасти неудачами Аделунга въ опредѣленіяхъ словъ и непобѣдимостью трудностей этого дѣла, отчасти нежеланіемъ входить въ подробности, принадлежащія не филологій, а другимъ наукамъ, и т. д. Что душевное убѣжденіе братьевъ Гриммовъ было другое, видно изъ того, что въ томъ же предисловіи къ своему Словарю сказали они о назначеніи словаря: «Онъ долженъ быть святилищемъ языка, сохранять все его богатства и входить въ нихъ дѣлать доступнымъ для всехъ. Складываемыя въ немъ достоинства растутъ какъ соты, и живутъ изъ себя величественный памятникъ народа, соединяя въ себѣ его прошедшее и настоящее. Языкъ знакомъ всемъ и для всехъ тайна. Онъ привлекаетъ къ себѣ не однихъ ученыхъ, но и простыхъ людей: «какъ-бишь называется слово, котораго не могу припомнить»; «странное слово сказалъ онъ: что бы оно могло значить»; «для этого выраженія должны быть примѣры по-лучше; дай-ка посмотри въ словарь» . . . . Такіе вопросы слышны отовсюду» . . . . Глядя такъ на словарь, трудно сохранить въ своемъ умѣ убѣжденіе, что въ словарѣ можетъ быть объяснено только кое-что, и что главная масса словъ можетъ быть только переведена на чужой языкъ, и при томъ на языкъ мертвый, книжный, недостаточный для выраженія всехъ понятій и условій быта народа новой Европы. Если словарь долженъ быть сокровищницей языка и вмѣстѣ памятникомъ жизни народа, то уже, конечно, даже противъ воли составителей, будетъ и сокровищницей понятій, знаній, всехъ представленій народа, всего, что можетъ быть выражено языкомъ—только сокровищницей недоступной, если составители не позаботятся объяснить, какое именно представленіе соединяется съ каждымъ изъ словъ; а если сокровища въ немъ слагае-

²³⁾ Нанр. banddegen, degen, der am gürtelband getragen wird. bandfass, ein fass mit weitem spundloch, zum schwefeln der bandweiden. in der Schweiz auch ein grosses weinmass. bethun 1) behandeln, besorgen, vornehmen. 2) sich bethun, sich benehmen, abgeben, zu thun machen. 3) sich bethun, von thieren, sich begaben, berühren, sich bestossen. biederauge, ehrliches gesicht. bierkäse, bier und milch dick gekocht. biermolke, molke von solcher milch, die man durch bier zum gerinnen bringt.

11

мыя, должны быть всѣмъ доступны, то конечно такъ, чтобы все находимое было объяснено хоть и не подробно, но отчетливо. Есть, конечно, много словъ, которыхъ значеніе столько же общезвѣстно, сколько опредѣленіе трудно, и за опредѣленіемъ которыхъ никто не обратится къ помощи словаря; но есть еще болѣе такихъ словъ, которыхъ значеніе извѣстно не всѣмъ и даже только не многимъ: кто же возьметъ на себя трудъ отдѣлать одни отъ другихъ, безобидно для всѣхъ? Не легче ли, не спокойнѣе ли для совѣсти опредѣлять значеніе каждаго слова безъ исключенія? И при томъ слово, общепонятное теперь вездѣ, останется ли такимъ навсегда и всюду? понимаемое теперь въ одномъ какомъ-нибудь значеніи всегда ли и вездѣ было и будетъ понимаемо въ томъ же самомъ значеніи неизмѣнно? Не должна ли и эта причина заставлять лексикографа объяснять всѣ слова безъ исключенія, объяснять на родномъ языкѣ, а не на чужомъ, общедоступно, никому не заграждая возможности понять все непонятное или сомнительное! Что касается до опасенія вносить въ словарь опредѣленія словъ и понятій изъ области наукъ, искусствъ, ремеслъ и т. д., то его вообще трудно понять и доказать. Развѣ есть слово, которое бы какъ символъ того или другаго понятія, не принадлежало хоть какой-нибудь одной наукѣ, какому-нибудь одному искусству, ремеслу, если не многимъ? Вся разница въ технической цѣнности словъ заключается, кажется, только въ томъ, что одни слова въ общеразговорной рѣчи употребляются болѣе, другія менѣе, а нѣкоторыя только въ нѣкоторыхъ кружкахъ или между людьми одного и того же званія. И если возможно удовлетворительныя опредѣленія словъ брать въ словарь изъ готовыхъ пособій, изъ книгъ, хотя бы и учебныхъ, то почему же не брать? Отказываясь отъ такихъ пособій, составитель словаря всегда въ мнѣніи общемъ болѣе потеряетъ, чѣмъ выиграетъ. И словари братьевъ Гриммовъ, Ланде, Юнгмана, какъ бы ни были превосходны въ другихъ отношеніяхъ, въ отношеніи къ общедоступности и дѣйствительной пользѣ, безъ сомнѣнія, останутся всегда ниже словарей Ланде, Бешреля, Вебстера²⁴⁾ и другихъ подробныхъ. Полезно, конечно, особенно для иностранцевъ, приводить и переводъ словъ Латинскій, а для словъ, непереводаемыхъ по Латиня, переводъ Французскій, Англійскій и т. п., но не ограничиваться однимъ переводомъ. Считаю напраснымъ заду-

²⁴⁾ A dictionary of the English Language, by Noah Webster. Revised and enlarged by Chauncey A. Goodrich. Lond. 1853.

мываться на этомъ, гораздо нужнѣе задумываться надъ тѣмъ, какое именно направленіе давать объясненіямъ словъ? Чѣмъ болѣе будутъ они подчинены условіямъ и приемамъ языка ученаго, тѣмъ будутъ менѣе доступны читателямъ неученымъ. Чѣмъ менѣе будутъ обрисовывать смыслъ словъ, какъ онъ утвержденъ въками въ народѣ, тѣмъ менѣе словарь будетъ достигать своей главной цѣли, цѣли — быть сокровищницей языка, памятникомъ быта и образованности народа, на сколько они выражаются въ языкѣ. Нѣтъ дѣла словарю языка до того, что можно бы или что должно понимать подъ тѣмъ или другимъ словомъ; отъ него ждутъ только объясненія, какъ привыкли понимать то или другое слово въ народѣ или въ книгахъ, писанныхъ для этого народа. Тутъ существенное отличіе словаря языка отъ словаря энциклопедическаго.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Отчетъ Императорской Публичной Библиотеки за 1853 г. Спб. 1853.

Драгоценная по обилію сокровищъ, въ ней хранящихся, превосходно устроенная, всѣмъ доступная, Императорская Публичная Библиотека и въ прошедшемъ году была обогащена многими замѣчательными вкладами и въ порядкѣ своемъ еще болѣе улучшена для пользы многочисленныхъ посѣтителей. Книгъ и брошюръ приобрѣтено ею 13,323, картъ и гравюръ 677, рукописей и автографовъ 97. Читателей было 17,897, въ числѣ ихъ по годичнымъ билетамъ 2,064 (между ними особъ первыхъ четырехъ классовъ 40, особъ духовнаго званія 31, чиновниковъ военныхъ 224, гражданскихъ 885, художниковъ, ремесленниковъ, купцовъ и т. п. 183, иностранцевъ 21, воспитанниковъ Университета, Института, Академіи, Корпусовъ и т. д. 601, лицъ женскаго пола 37).

— О началѣ изящнаго въ наукѣ. Рѣчь, произнесенная на публичномъ актѣ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета 8-го Февраля 1854 г. О. П. Русской Словесности А. Никитенко. Спб. 1854. (8° 23).

— Историческое обозрѣніе финиціанскаго и цѣннинскаго дѣла въ Россіи. Сочиненіе М. Забѣлина. Спб. 1833. (8° 101).

Объ этихъ двухъ сочиненіяхъ, нынѣ вышедшихъ въ свѣтъ отдѣльными книжками, было уже упомянуто въ «Извѣстіяхъ».

— Справочный Энциклопедическій Словарь подъ редакцію А. Старчевскаго. Томъ VIII. Мас—Нюр. Спб. 1854. (8: 507).

— Перемышлянинъ на годъ 1854. Въ Перемышли. 1854. (12°. 20 + XXII + 104).

Этотъ Галицкій календаръ издается съ 1851 года, и любопытенъ особенно по своимъ историческимъ статьямъ. Въ прошломъ году были въ немъ помѣщены «Вѣдомость историческая о Епископахъ Русскихъ въ Перемышли» и «Исторія введенія музыкальнаго пѣнія въ Перемышли». Въ нынѣшнемъ году продолженіе первой статьи и «Приповѣдокъ або пословицъ».

— Галицкій Историческій Сборникъ, издаваемый обществомъ Галицко-Русской матицы. Выпускъ I. Львовъ. 1854. (12°. VI+147).

Судя по первому выпуску, «Галицкій Сборникъ» можетъ со временемъ сдѣлаться важнымъ пособіемъ для изученія подробностей исторіи южной Руск. Въ этомъ выпускѣ помѣщены два труда г. *Петрушивича*, которые, хотя и извѣстны уже читателямъ Львовской «Зори Галицкой» 1852 и 1853, но тѣмъ не менѣе достойны сохраненія въ отдѣльной книгѣ: Это—I. Краткая роспись Русскимъ церквамъ и монастырямъ въ городѣ Львовѣ (съ историческими замѣчаніями) и II. О соборной Богородичной церкви въ Галичѣ (основанной въ половинѣ XII в.). Окончаніе этой второй статьи посвящено разбору вопроса о Галицкихъ Епископахъ до конца XIII вѣка.

— Гласникъ Друштва Србске словесности. Свезка V. У Београду. 1853. (8°. 301 и чертежи).

Общество (любителей) Сербской словесности въ Бѣлградѣ образовалось въ первый разъ въ 1841 году на основаніи Устава 7 ноября этого года, и преобразовано въ 1847 на основаніи Устава 8 мая этого года. Главная цѣль его — какъ сказано въ Уставѣ — образованіе (ображаніе) Сербскаго языка и распространеніе наукъ на этомъ языкѣ. Достигая этой цѣли разными средствами, оно достигаетъ ее между прочимъ и печатаніемъ повременнаго изданія. Въ томъ же 1847 г. обнародована программа, которою положено, чтобы составъ «Гласника» (такъ названо изданіе общества) былъ совершенно сообразенъ съ цѣлю общества. Положено вносить въ него статьи: I) касательно образованія Сербскаго языка—теоретическаго (статьи лексикальныя, грамматическія и критическія) и практическаго (оригинальныя и переводныя произведенія въ стихахъ и прозѣ); II) касательно распространенія наукъ въ народѣ Сербскомъ—наукъ общихъ и частныхъ, т. е. касающихся Сербской народности (исторіи, древностей Сербовъ и вообще Славянъ) и географіи со статистикой и естественной исторіей; III) извѣстія. Первая часть «Гласника» издаваема въ томъ же 1847 году, вторая въ 1849, третья въ 1851, четвертая въ 1852, пятая въ концѣ прошедшаго года.

Каждая изъ книгъ, представляя многое временно любопытное для читателей Сербскихъ, даетъ по нѣскольку

страницъ и для тѣхъ изъ читателей, которые могутъ пользоваться подобнымъ изданіемъ для историческаго изученія быта и образованности Сербовъ. Такъ въ части IV замѣчательна «Исторія Караѳорѣ Петровића храбраго и славнаго вождя Сербскаго съ описаніемъ жизни и подвига, волны и политически и домаѣи его дѣланія. . .» Это записки современника Кара-Георгія *Я. Джорича*, бывшаго у него секретаремъ, но къ сожалѣнію не доведенныя до конца. Не менѣе любопытно «Караѳорѣево извѣстіе о Србїи», сочиненное отъ имени Кара-Георгія *Я. Теодоровичемъ*, Грамота Султана Селима Дубровнику 1517 года, Записка о народонаселеніи Србїи въ 1850 году^{*)}. Въ части V-й помѣщена «Исторія о Сербскихъ царѣхъ и краѣхъ, юже преписахъ азъ іеромонахъ *Иосифъ Троношацъ*», раздѣленная на 13 главъ и 64 §§, и заключающая въ себѣ описаніе событій до начала XVI вѣка: это—сочиненіе досужаго компилятора прошлаго, или можетъ быть, и нынѣшняго вѣка, хотя и издава какъ лѣтопись XVI вѣка. Очень любопытно изслѣдованіе *М. Катанчића* о Бѣлградѣ древнемъ и новомъ, изслѣдованіе, остававшееся доселѣ неизвѣстнымъ, хотя оно и важно не менѣе всѣхъ другихъ трудовъ этого необыкновеннаго ученаго. Подлинникъ Латинскій хранится въ Обществѣ, а Сербскій переводъ сдѣланъ *Я. Пагломичемъ*. Изъ актовъ, напечатанныхъ въ V-й книгѣ «Гласника» замѣтны хрисовулы Деспота Іоанна Бранковича и надпись на завѣсѣ царскихъ дверей въ церкви Хилендарской. Эта завѣса изъ краснаго атласа вышита разноцвѣтными шелками, золотомъ и серебромъ и кругомъ обшита штофомъ. На завѣсѣ изображенъ ликъ Спасителя между св. Іоанномъ Златоустымъ и Василиемъ Великимъ; а выше два ангела, съ знаменами, на которыхъ написано: «агіос. агіос.» Оба святителя держатъ свертки съ надписями изъ ихъ дѣланій. Большая надпись вышита между ликами, про-

*) По этой запискѣ, составленной начальникомъ отдѣленія промышленности въ попечительствѣ финансовъ *І. Гавриловичемъ*, жителей въ Сербскомъ Княжествѣ въ 1850 было 929,603, между ними женатыхъ 183,188, не женатыхъ 291,036, а женскаго пола 431,359; домовъ 142,999. Въ томъ числѣ Валаховъ (Влаховъ) считалось 104,807 въ 19,204 домахъ; именно: въ срезахъ *Подунайскомъ* 1,006; — въ *Моравскомъ* 10,813, въ *Млавскомъ* 11,979, въ *Рамско-Лекскомъ* 4,404, въ *Омольскомъ* 3,328, въ *Рычко-Земледельскомъ* 7,863; — въ *Вражогорскомъ* 10,630, въ *Заечарскомъ* 9,768; — въ *Брзо-Паланачскомъ* 11,178, въ *Ключскомъ* 8,470, въ *Краинскомъ* 10,610, въ *Порпчоръскомъ* 3,406; — въ *Параѳинскомъ* 1,489, въ *Ресавскомъ* 3,862; т. е. въ окрѣжн Краинскомъ 33,665 изъ 53,442, въ *Пожаревацкомъ* 40,387 изъ 103,692, въ *Смедеревскомъ* 1,006 изъ 42,732, въ *Црногоръскомъ* 20,398 изъ 39,545, въ *Хупрійскомъ* 7,351 изъ 43,146.—Иностранцевъ изъ Турціи жило въ Србїи 2,910, а изъ другихъ земель 1,372. — Въ 1852 году считали уже 970,000 душъ народонаселенія Србїи; родившихся въ этомъ году было 20,252 + 18,674 = 38,926, умершихъ 13,024 + 11,173 = 24,197. (Гласникъ. V. стр. 257, 259, 266).

стирался до ногъ. Вотъ она буква въ букву со списка со-
общеннаго въ «Гласникъ» Я. Шафарикомъ:

✚ ѿ скръвннхъ оустъ въ ѿ мръскаго срца ѿ нечи-
стаго кзыка ѿ дше скръвнныя прими ѿ хе мои и не ѿри-
ши мене рабу свою ни глостню твою вѣко ѿбличи мене
въ ча исхода мого ни гнѣвомъ твоимъ покажи мене въ
днѣ пришествія твоего. прѣже бо суда твоего фли
ѿсоуждена кем, съвѣстною мою ни кдина надежа вѣсть
въмнѣ спсевна мого аще не бѣгоутробин твою побѣдѣть
множества безаконіи моихъ. тѣмже ѿлю те нелюбиве ги
ни малок сик приношеніи ѿриши юже привошоу ѿтому
храму прѣчистик твою мѣре и надеже мю бѣи хилан-
дарскон. вѣроу бо въсприкхъ въдовичю принесшоую ти
двѣ петѣ ги. сице и азъ сик принесохъ недостойнаа ра-
ба твою ѿ вѣчнне ефимія монахи: дщи гна ми кесара
воихне лежешего адѣ. вѣкогаже деспотича. и приложи
се сик катапетазмо храму прѣстын бѣе хиландарскіи
въ лѣто 73 и 74. индиктионъ ѿ. и кто га кк ѿвети ѿ хра-
ма прѣстын бѣе хиландарскіи да к ѿлоучень кдиносоущ-
ник и нераздѣлимик кк троице. и да мою к соупръница
прѣчиста бгомати хиландарска въ днѣ страшнаго испита-
ннѣ. аминь. ∞

Воихна, о которомъ тутъ упоминается, былъ прави-
тель Драмы и околнаго края въ Македоніи, съ титуломъ
кесаря, т. е. ниже севастократора, во время Стефана Ду-
шана и послѣ. Евфимія, его дочь, была женою Угльши,
(брата короля Вукашина), бывшаго кесаремъ Драмы, Сереса
и пр. послѣ Воихны до 1371 года. Завѣса вышита въ
6907 — 1399-мъ году, слѣд. 28 лѣтъ спустя послѣ смерти
Угльши. Другая работа Евфиміи хранится въ Срѣмскомъ
монастырѣ Врѣдникѣ (Раваницѣ): это покровъ на гробъ св.
Лазаря, также съ надписью (см. въ *Patrnách dŕev. pi-
semství Jihoslovanův: Okázky občn. pisemnictví*. стр.
27 — 28).

— *Bulletin de la classe historico-philologique de
l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg*. Tome
XI. S. P. B. 1854. (4° 388).

Между сочиненіями, вошедшими въ этотъ томъ, осо-
бенно замѣчательны для насъ: г. *Боннелла* *Die Chronologie
Heinrichs des Letten verglichen mit den Zeitangaben eini-
ger Russischen Chroniken*, съ прибавленіемъ Академика *А.
А. Куника* касательно битвы у Калки; Академика *П. И.
Кёппена* о Болгарахъ въ Бессарабіи *) и объ Инграхъ въ
С.-Петербургской губерніи; Академика *А. И. Шарма* о
книгѣ г. *Нейса* «*Estnische Volkslieder*».

*) Изъ числа 83,460 душъ, жившихъ въ 1850 г. въ 83 Болгар-
скихъ колоніяхъ Бессарабіи, Болгаръ было 69,528 = 8,031 семья, Ма-
лоруссовъ 1,440 = 193 с., Румуновъ 12,803 = 1,823 с., Арнаутовъ
1328 = 134 с., Грековъ 307 = 44 с. Многие изъ Болгаръ или не го-
ворятъ по Болгарски, или съ употребленіемъ Болгарскаго нарѣчія
соединяютъ знаніе Турецкаго, Греческаго и т. п.

— Историческіе труды *А. Томмаса*. Спб. 1854.
(8° : IV + 170).

Изъ статей, помѣщенныхъ въ этой книгѣ, болѣе любо-
пытны тѣ, которыя касаются Петербурга. Есть кое-что и
о Новгородѣ. Новаго не много.

— *Обозрѣніе Оттоманской Имперіи, Молдавіи,
Валахіи и Сербіи*. Е. *Серческаю*. Спб. 1854. (8° VIII +
222).

Книжка эта, вѣроятно, предназначена исключительно
для тѣхъ, которые безъ нея не могутъ составить себѣ о
Турціи никакого понятія. Такіе читатели, не требуя осно-
вательно вѣрныхъ свѣдѣній, найдутъ кое-какія подробно-
сти топографическія, и почти ничего важнаго въ этногра-
фическомъ отношеніи.

— Карманная книга для Русскихъ воиновъ, нахо-
дящихся въ походахъ противъ Турокъ въ Болгарскихъ зе-
мляхъ. Спб. 1854. (16° : IV + 164).

Книжка любопытная между прочимъ и какъ прак-
тическое руководство для изученія Болгарскаго нарѣчія. Она
была бы еще важнѣе, если бы словарь Русско-Болгарскій,
въ ней помѣщенный (стр. 61—106), былъ богаче тѣми сло-
вами, которыми Болгарское нарѣчіе отличается отъ Русскаго.

— *Jahrbücher für Slawische Literatur*. 1853.
Heft. 1, 2, 3, 4 (8° : 278 + 30).

Изъ статей, вошедшихъ въ составъ тома этихъ «Изъ-
писей» за 1853 болѣе другихъ замѣчательны слѣдующія:
Пословицы Болгаръ — въ Нѣмецкомъ переводѣ съ кое-ка-
кими примѣчаніями, — Областиныя пословицы Русскихъ —
тоже только въ Нѣмецкомъ переводѣ. (Этотъ сборникъ
пословицъ доставленъ д-ромъ Ю. *Альтманомъ*. Подобный
сборникъ Малорусскихъ пословицъ въ Нѣмецкомъ перево-
дѣ сообщенъ имъ въ *Archiv für wissensch. Kunde von Russ-
land*, А. *Эрмана*. XIII (1854); стр. 191—222.) — Нѣмецкій пе-
реводъ книги Штура о народной поэзіи Славянъ (см. «Извѣ-
стія», II. стр. 294—295). — Замѣчанія объ изданіяхъ Сербской
Матицы въ Лужицахъ, о переводахъ Краледворской руко-
писи, объ особенностяхъ Нижне-Лужицкаго нарѣчія въ
о Лужицкомъ переводѣ Басень Федра, — Археологическія
письма изъ Галиціи.

Жаль что, вѣроятно, недостатокъ средствъ не позво-
ляетъ редакціи давать своему сборнику болѣе определен-
ности въ отношеніи къ подбору статей, и слѣдить съ над-
лежащею полнотою по крайней мѣрѣ за какииъ нибудь
однимъ изъ отдѣловъ, входящихъ въ составъ его. Даже и
обозрѣніе тѣхъ книгъ Славянскихъ, которыя выходятъ въ
Германіи и Австріи, далеко не полно.

— Сумарковъ и современная ему критика. Со-
чиненіе *Н. Булича*. Спб. 1854 г. (8° : 290).

Посвятить двѣ первыя главы своего разсужденія жн-
ни и сочиненіямъ Сумаркова, авторъ пересмотрѣлъ въ

третьей сатирическіе журналы, современные Сумарокову. (1769—1774), т. е. Всякую всячину, Трутень, Смѣсь, Адскую почту, Полезное съ приятнымъ, И то и сіо, Ни то ни сіо, Поденьщину, Парнаскій щепетильникъ, Трудолюбивый Муравей, Живописецъ, Вечера и Кошелекъ.

— O literarni wzajemnosti mezi rozličnými kmeny a naréčimi Slowanského narodu. Od J. Kollára. V Praze. 1853 (8°: 84).

Это сочиненіе знаменитаго ученаго - поэта сдѣлалось извѣстно Русскимъ читателямъ уже въ 1839 году, когда было въ переводѣ съ Нѣмецкаго изданія напечатано въ Отечественныхъ Запискахъ. Нѣкоторыя изъ исполнимыхъ желаній Коллара, въ немъ высказанныхъ, уже осуществляются. Такъ напр. сознана мысль о необходимости сравнительнаго изученія Славянскихъ нарѣчій и литературъ, и даже проведена далѣе, чѣмъ могъ себѣ представить Колларъ; а это должно было дать особенное направленіе между прочимъ и филологіи и исторіи, болѣе основательное и самостоятельное.

— Deutsches Wörterbuch von J. Grimm und W. Grimm. VI—VIII Liefer.. (8°: кол. 1201—1824, I—XCII).

Осьмымъ выпускомъ окончена первая часть важнаго труда братьевъ Гриммовъ, въ которой послѣднее слово Biermolke. Судя по этому весь словарь долженъ заключать въ себѣ около 10,000 столбцовъ. — Къ осьмому выпуску приложено обширное предисловіе, написанное Я. Гриммомъ, и списокъ источниковъ.

— Die Personennamen ins besondere die Familiennamen und ihre Entstehungsarten; auch unter Berücksichtigung der Ortsnamen. Ein sprachliche Untersuchung von A. F. Pott. Leipz. 1853. (8°: XVI—721).

Въ настоящее время никто не станетъ подвергать сомнѣнію важность именъ собственныхъ въ дѣлѣ исторической и сравнительной филологіи; но изъ многихъ ученыхъ, которые могутъ доказать эту важность разными доводами, болѣе или менѣе убѣдительно, едва ли кто, кромя нѣсколькихъ ученыхъ Нѣмецкихъ, рѣшится на трудъ, подобный труду проф. Потта. Собрать десятки тысячъ собственныхъ именъ лицъ, пересмотрѣть для этого множество книгъ старыхъ и новыхъ, журналовъ, газетъ, списковъ, и т. д. всюду отыскивая что нибудь новое, потомъ выискнуть въ ихъ разнообразіи, въ формы ихъ образованія, разъяснить ихъ значенія, свести всю нескончаемую мелочь выисканій въ одно цѣлое: все это сдѣлалъ Поттъ—въ отношеніи къ личнымъ именамъ Нѣмецкимъ, не побоявшись посвятить на это сорокъ семь печатныхъ листовъ, т. е. не менѣе года послѣдней, окончательной работы, начавши первые работы дѣтъ за двадцать слишкомъ. Въ первой половинѣ своей книги проф. Поттъ опредѣлилъ цѣль и границы труда, имъ предпринятаго, и подробно означилъ трудности его, особенно

трудности объясненія значеній личныхъ именъ, зависящія между прочимъ отъ искаженности ихъ выговора и написанія, и отъ того, что со многими изъ именъ никогда не былъ соединяемъ никакой смыслъ. Во второй половинѣ книги онъ обозрѣлъ все разнообразіе новыхъ именъ, преимущественно фамильныхъ, по ихъ происхожденію: а) отъ именъ мѣстностей (тутъ есть обширный эпизодъ объ именахъ мѣстностей), б) отъ времени и другихъ обстоятельствъ рожденія, в) отъ свойствъ челоука, г) отъ занятій, д) отъ естественныхъ произведеній, е) отъ религіозныхъ убѣжденій. Главный матеріалъ Потта былъ Нѣмецкій; но какъ лингвистъ, знакомый болѣе или менѣе съ разными языками Индо-Европейскаго происхожденія, онъ обратилъ вниманіе и на личныя имена разныхъ другихъ народовъ. Нашимъ филологамъ книга Потта можетъ быть если не образцомъ, то любопытнымъ пособіемъ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ

Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ
за апрѣль 1854 года.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Отдѣленіе имѣло пять засѣданій, а именно: 1, 3, 22, 24 и 29 чиселъ. Въ сихъ засѣданіяхъ, подъ предсѣдательствомъ И. И. Давыдова, присутствовали: П. Г. Бутковъ, А. Х. Востоковъ, П. А. Плетневъ, Я. И. Бередниковъ, М. А. Коркуновъ и И. И. Срезневскій.

И.

Общій Словарь Русскаго языка.

Я. И. Бередниковъ, предложилъ замѣчанія свои на первый корректурный листъ «Общаго Словаря Русскаго языка» и продолжалъ чтеніе Русскихъ идиотизмовъ.

И. И. Срезневскій внесъ въ Отдѣленіе Словарь изъ Судебниковъ, составленный Г. Амосовымъ и слова, выбранныя изъ сочиненій Дмитріева П. П. Дубровскимъ, и изъ сочиненій Гоголя А. С. Аванасьевымъ. Тотъ же Академикъ доложилъ о письмѣ къ нему Г. Зеленаго. Въ письмѣ этомъ Г. Зеленый замѣчаетъ, что нѣкоторыя морскія слова въ Словарѣ Церковно-Славянскаго и Русскаго языка объяснены неудовлетворительно, а другія вовсе пропущены, и вызывается принять на себя просмотръ и исправленіе всѣхъ словъ, относящихся до морскаго дѣла. Поручено И. И. Срезневскому сообщить Г. Зеленому, что Отдѣленіе съ особеннымъ удовольствіемъ принимаетъ изъявленное имъ желаніе участвовать въ трудахъ Отдѣленія.

Кромѣ того 3-го апрѣля получены Г. Предсѣдательствующимъ отъ Учителя Ревельской Гимназіи А. Серно-Соловьевича слова на буквы А, Б, В, Г и Д, пропущенныя въ «Словарѣ Церковно-Славянскаго и Русскаго языка». Слова эти переданы для разсмотрѣнія А. Х. Востокову.

III.

Грамматика.

Г. Предсѣдательствующій объявилъ, что вновь пересмотрѣнные 13 — 16 листы «Общесравнительной Грамматики уже отпечатаны».

III.

Чтенія трудовъ Академиковъ и постор. ученыхъ.

Въ засѣданіяхъ Апрѣля мѣсяца читаны составленные *И. И. Срезневскимъ*, — разборы книгъ, вышедшихъ въ свѣтъ въ настоящемъ году, — предисловіе къ Санскрито-Русскому Словарю, г. *Косовича*, — 2-й отчетъ г. *Микуцкаго* объ ученномъ путешествіи его по западнымъ губерніямъ Россіи, Сравненіе словъ Русскихъ и Церковно-Славянскихъ съ словами языковъ Скандинавскихъ Протоіерея *Сабинина*, и Списокъ словъ Литовскихъ на букву А, составленный г. *Микуцкимъ*.

Представленное г. *Косовичемъ* начало Санскрито-Русскаго Словаря, вмѣстѣ съ предисловіемъ, передано Отдѣленіемъ Редактору «Извѣстій» *И. И. Срезневскому* для помѣщенія въ Прибавленія къ «Извѣстіямъ».

IV.

Памятники и образцы языка и словесности.

Г. *Микуцкий*, путешествующій по западнымъ губерніямъ Россіи, представилъ въ Отдѣленіе отъ 2-го Апрѣля, изъ Вильно, Бѣлорусскія волочебныя пѣсни, которыя и переданы для разсмотрѣнія *И. И. Срезневскому*.

V.

Изданіе Извѣстій и Ученыхъ Записокъ.

По прочтеніи одобрены къ печатанію 8 и 9 листы «Извѣстій» съ Прибавленіями.

VI.

Особые чтенія.

Г. Предсѣдательствующій читалъ записку о приведеніи въ исполненіе Высочайшаго повелѣнія касательно третнихъ отчетовъ о ходѣ и успѣхахъ Русской литературы, слѣдующаго содержанія:

«По благотворному ходатайству Его Превосходительства г. Министра Народнаго Просвѣщенія предъ Его Императорскимъ Величествомъ о представленіи Его Величеству, за каждую треть года, вѣдомостей о лучшихъ и достойнѣйшихъ произведеніяхъ умственной дѣятельности въ области наукъ и литературы. Второму Отдѣленію предоставлена честь составленія таковыхъ вѣдомостей по части отечественной словесности и филологій.

Для приведенія въ исполненіе сей Высочайшей воли со стороны Второго Отдѣленія Академіи, я считаю нужнымъ подвергнуть общему сужденію слѣдующіе вопросы:

1. Чѣмъ руководствоваться въ опредѣленіи достоинства тѣхъ сочиненій, которыя должны набираться для представленія Высочайшему воззрѣнію Государя Импера-

тора, важностію ли и пользою содержанія, или иногда однимъ изящствомъ изложенія?

2. Въ какой формѣ должны быть составляемы обзорнія набранныхъ сочиненій?

3. Какимъ образомъ удобнѣе распределить таковыя обзорнія, дабы каждому Члену Отдѣленія предоставить право избранія и обсужденія достойныхъ произведеній литературныхъ?

Второе Отдѣленіе, по моему мнѣнію, можетъ весьма легко совершить это прекрасное дѣло, потому что въ его Извѣстіяхъ, съ самаго ихъ основанія, г. Редакторъ общалъ въ каждомъ выпускѣ Извѣстій краткія, но вполне удовлетворительныя свѣдѣнія о всѣхъ новыхъ учено-литературныхъ произведеніяхъ нашей словесности. Многія изъ нихъ оцѣнены подробно по значенію своему въ литературѣ, а нѣкоторыя служили поводомъ къ особенымъ разсужденіямъ и замѣчаніямъ. Изъ обзорній, помѣщаемыхъ въ Извѣстіяхъ, можно видѣть современное направленіе словесности, отличающееся особенно изслѣдованіями отечественной исторіи, географіи, древностей и языка. Мысль о народности и самобытности литературной, объ открытіи народныхъ элементовъ, стала общою мыслию ученыхъ и литераторовъ. Къ этому роду разборовъ нужно только присоединить разборы произведеній изящныхъ.

Подобныя обзорнія, думаю, могутъ служить намъ основаніемъ и для ученыхъ отчетовъ, которые чрезъ высшее начальство будутъ представляться Августѣйшему Покровителю наукъ и отечественной словесности. Каждый изъ Членовъ, по преимущественному роду занятій своихъ, можетъ предъавлять въ Отдѣленіи желаніе написать подробнѣйшее разсмотрѣніе какого-либо новаго литературнаго произведенія, сверхъ тѣхъ обзорній, которыя помѣщаются въ библиографическомъ отдѣлѣ нашихъ Извѣстій.

Для избѣжанія столкновеній съ III Отдѣленіемъ Академіи по предметамъ отечественной исторіи и филологій, о таковыхъ сочиненіяхъ мы будемъ совѣщаться въ общихъ собраніяхъ Конференціи.

Гораздо труднѣе рѣшить вопросъ касательно разсмотрѣнія трудовъ самаго Отдѣленія, каковы напримѣръ изъ появившихся въ текущей трети: *Матеріалы для сравнительнаго и объяснительнаго словаря и грамматики, Историческія чтенія о языкѣ и словесности* и пр.

На всѣ сии предметы имѣя честь обратить вниманіе ваше, Милостивые Государи, покорнѣйше Васъ прошу войти въ подробное обсужденіе и соображеніе всѣхъ этихъ обстоятельствъ и другихъ, можетъ быть, ускользнувшихъ отъ моего изслѣдованія при первомъ взглядѣ на вновь представляющееся намъ дѣло.»

— По полученіи отъ г. Непремѣннаго Секретаря Академіи Наукъ мнѣнія III-го Отдѣленія объ изданіи учебнаго

Санскритско-Русскаго Словаря, Отдѣленіе поручило г. Предсѣдательствующему войти въ сношеніе съ г. Косовичемъ.

— Надвор. Сов. Носовичъ увѣдомилъ Отдѣленіе, что онъ занимается, по порученію его выборомъ старинныхъ словъ изъ «Актовъ Западной Россіи» и просмотрѣлъ документы государственнаго В. К. Ольгерда. Отдѣленіе просило г. Носовича о присылкѣ означенныхъ словъ.

Корреспондентъ Академіи Наукъ П. П. Дубровскийъ представилъ записку о брошюрѣ «Разговоръ о Польскомъ языкѣ», изъ которой видно, какъ въ прошломъ столѣтіи правительство Русское заботилось о распространеніи ученыхъ сочиненій на Русскомъ языкѣ.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПРОТОКОЛАМЪ.

2-й отчетъ о путешествіи Кандидата С. П. Микуцкаго отъ 20 марта 1854 г.*)

Наука и истина — святое дѣло. Мысль сія руководила и руководитъ меня, во всѣхъ моихъ ученыхъ занятіяхъ; но особенно я проникнулся ею съ тѣхъ поръ, какъ Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ возложило на меня столь важное порученіе. Дорожа истинной даже въ мелочахъ науки, я тщательно самъ изслѣдываю и по-вѣряю все, не полагаясь ни на чьи слова. Понятно, что при обширности и необработанности предмета, занятія мои довольно медленно подвигаются впередъ, но все-таки подвигаются.

Я старался узнать, что до сихъ поръ сдѣлано для Литовскаго Словаря въ земляхъ, принадлежащихъ Вскроссійскому скипетру. По слухамъ, и тотъ и другой составлялъ или намѣревался составить Словарь Литовскій. Дѣйствительно, два трудолюбивыхъ монаха (я, конечно, не упоминаю здѣсь объ извѣстномъ трудѣ Ширвида), а именно: Бернардинецъ Юшкевичъ и Доминиканецъ Суткевичъ составляли Словари Литовскіе. Трудъ перваго пропалъ безъ вѣсти; Литовскій же Словарь, составленный Суткевичемъ, находится у Тельшевскаго Епархіальнаго Епископа. Я сличилъ означенный Словарь со Словаремъ г. Нессельманна, и нашелъ почти двѣсти словъ пропущенныхъ у г. Нессельмана. Изъ этого небогатаго приобрѣтенія приведу замѣчанія свои хотъ о двухъ словахъ:

Taugas — туръ, дикій волъ. «Kursaj wisad wajkszczoja sawi kajr taugas, kratidamasi macu sawo», который всегда ходитъ себѣ словно туръ, потряхивая своей силой. Ковенской губерніи въ Тельшевскомъ уѣздѣ, есть деревня Таугај, т. е. туры. Мѣстечко Таурогенъ называется по Литовски: Таугагај, Таугагај, т. е. туры рога. Сосудъ для питья, бокалъ, кубокъ, по Литовски называется тауге, т. е. турій (рогъ). Слѣдовательно, у Литовцевъ для дикаго вола было

два названія: taugas и stumbras, stumbris;—у Славянъ также два: туръ (откуда: Турово) и ажбрь, тождественное съ Литовскимъ stumbris, Латышскимъ sumbr's, откуда: Zambrowo, Zambrzyse. Нынѣче употребительна въ Польскомъ языкѣ форма: zubr, но это форма Русская. Изъ названія мѣстностей можно несомнѣнно заключать, что въ древне-Польскомъ языкѣ существовала форма: zambgr, zaбр.

Wargalis—ворвань. Wargweti, настоящ: wargwi—течь, капать, — слѣдовательно wargalis собственно значить: нѣчто текучее, жидкость. Слово *ворвань*, или передѣлано изъ Литовскаго wargalis, или по крайней мѣрѣ, родственно съ означенныхъ словомъ.

Словари Литовскіе Нессельманна, Суткевича и Ширвида, при неполнотѣ своей, превозилуютъ ошибками, и мнѣ предстоялъ тягостный и изнурительный трудъ — свѣрить тщательно всѣ три означенные Словари, и съ помощію моихъ собственныхъ познаній, исправить ошибки и точнѣе опредѣлить значеніе многихъ словъ. Эта копотливая работа отняла у меня слишкомъ два мѣсяца времени.

Однимъ изъ важнѣйшихъ печатныхъ памятниковъ Литовской письменности можно признать проповѣди Николая Даукши: это буквальный переводъ Польскаго сочиненія: *Postylla Katolicka*, Іезуита Вуйка. Дабы точно опредѣлить значеніе словъ, встрѣчающихся у Даукши, и исправить опечатки, вкравшіяся въ его книгу, я сличилъ переводъ Даукши съ Польскимъ подлинникомъ. Нужнымъ считаю замѣтить, что Даукша, въ родительномъ падежѣ множественнаго числа, пишетъ и (носое), напр: *sig iszeje iz karsta* и вышли изъ гробовъ. До сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ выговариваютъ это и въ носъ на *prawiun* (овець), *sabatun* (соболей), *zansun* (гусей), и проч.

Братъ, по Литовски называется: *brolis*,—это очевидно форма неполная, и дѣйствительно, въ записанныхъ мною изъ устъ народа пѣсняхъ, нѣсколько разъ встрѣчается форма: *broterelis* братецъ, напр.:

Jej pazwalis tetuszelis

Ir jaunasis broterelis.

Если позволить батюшка

И молодой братецъ.

Одна изъ записанныхъ мною пѣсенъ начинается такъ:

Ausza auszrale jau szwitoje.

Заря (утренняя) занимается, уже свѣтаетъ.

Обыкновенно употребительнъ глаголъ *szwisti*, настоящ: *szwinta*, прошед: *szwito*—свѣтать, *praszwita* или *praszwida* (разсвѣло). *Szwiteti* настоящ: *szwitu*—блеснуть.—Въ Санскритскомъ языкѣ находятся корни: *svit* (albere, album esse), *svind* (albere). Извѣстно, что Санскритское *ç* (такъ называемое нѣбное *ç*, произносимое какъ *ш*) стоитъ вмѣсто первоначальнаго *ç*, — и дѣйствительно, въ Латышскомъ языкѣ

*) 1-й Отчетъ см. въ Извѣстіяхъ 1833 г. II. стр. 379—384.

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПО ОТДѢЛЕНІЮ

РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ начало съ 1852 года издаваніе «Извѣстій» въ томъ же видѣ, какъ издаются Извѣстія (Bulletins) двухъ другихъ Отдѣленій Академіи.

Въ составъ Извѣстій Императорской Академіи Наукъ по Отдѣленію Русскаго языка и словесности входятъ, кромѣ записокъ о занятіяхъ Отдѣленія и извлеченій изъ протоколовъ о его засѣданіяхъ, сочиненія, какъ Членовъ Академіи, такъ и постороннихъ ученыхъ, читаемыя въ засѣданіяхъ Отдѣленія, именно:—ислѣдованія и замѣчанія касательно языка Русскаго и языковъ, съ нимъ соплеменныхъ, ихъ литературы и древностей;—разборы замѣчательныхъ трудовъ по части филологіи Славяно-Русской; а въ особенныхъ Прибавленіяхъ—памятники языка и словесности, матеріалы для словаря, грамматики и т. п.

«Извѣстія» издаются выпусками или листами; 24 листа съ Прибавленіями составляютъ одинъ томъ. Цѣна тому ТРИ РУБЛЯ СЕРЕБРЯНЫХЪ. Получать можно у Коммиссіонера Академіи Глазунова (по Большой Садовой, въ домъ Публичной Библіотеки, подъ №№ 21 и 22) и Эгерса (на Невскомъ проспектѣ №№ 1 и 10). Иногородные читатели благоволятъ относиться съ своими требованіями къ упомянутымъ Коммиссіонерамъ или въ Комитетъ Правленія Академіи.

СОДЕРЖАНІЕ ВЫПУСКА: Обзоръ замѣчательнѣйшихъ изъ современныхъ словарей, Академикъ *И. И. Срезневскаго*.—Библиографическія записки: Извѣстія о новыхъ книгахъ, *И. И. Срезневскаго*.—Перечень засѣданій Отдѣленія за май. — Приложенія къ протоколамъ. — Съ симъ выпускомъ выдаются листы ПРИБАВЛЕНІЙ LXV—LXVII.

ОБОЗРѢНІЕ

ЗАМѢЧАТЕЛЬНѢЙШИХЪ ИЗЪ СОВРЕМЕННЫХЪ СЛОВАРЕЙ.

Академикъ *И. И. Срезневскаго*.

III.

— Dictionnaire de l'Academie Française. 6e édition. Два тома: по Брюссельской отпечаткѣ 1847 года 564 + 601 = 1165 стр. въ три столб.

— Napoleon Landais, Grand dictionnaire général et grammatical des dictionnaires Français. 12e édition avec complément. Два тома: по Парижской отпечаткѣ 1853 года 166 + 1228 + 1398 = 2792 стр. въ три столб.

— Dictionnaire national ou dictionnaire universel de la langue Française par M. Bescherelle-ainé. 2e édition. Два тома: по Парижской отпечаткѣ 1850 года 1319 + XI + 1683 + VIII = 3021 стр. въ четыре столб.

Начало ученыхъ словарныхъ трудовъ во Франціи очень давне; въ словаріи прежняго времени занесено уже тамъ много дѣльнаго; синтаксическія особенности разговорнаго и письменнаго языка и слога разобраны подробно; заботливость въ собраніи и приведеніи въ порядокъ матеріала нужнаго для всякаго рода объясненій словъ упрочена опытами и привычкой: въ слѣдствіе этого добросовѣстному составителю Французскаго словаря предстонтъ трудъ въ выборѣ и подборѣ уже готоваго матеріала болѣе, чѣмъ во всякъ другомъ. Успѣшно

отдѣлять все полезное отъ множества замѣчаній неумѣстныхъ и ложныхъ гораздо тяжелѣе чѣмъ, не стѣсняясь выборомъ и впередъ назначеннымъ объемомъ словаря, заносить въ него все, что можетъ казаться пригоднымъ, составляя словарь обширный и богатый любопытными мелочами. Полезнымъ и соответствующимъ нуждамъ общества могло впрочемъ казаться и то и другое, и потому во Французскихъ словаряхъ явилось два направленія: представителемъ одного выразила себя Французская Академія, представителями другого стали въ наше время Ланде и Бешрель. Академія, даже и расширивъ кругъ своего взгляда на языкъ, расширивъ этимъ и объемъ Словаря, допустила въ него матеріала вдвое менѣе чѣмъ Ланде и четверо менѣе чѣмъ Бешрель^{*)}. Академія, сколько ни цѣнила нужды общества, все же, какъ Академія, оставалась при увѣренности въ необходимость упрочивать за собою свое значеніе даже и наперекоръ общимъ потребностямъ, и его цѣнила выше всего, считая для себя болѣе сноснымъ издать книгу мало полезную или вялую, чѣмъ дурную; Ланде и Бешрель, какъ частные люди, полагая всѣ свои надежды на успѣхъ въ удовлетвореніи нуждъ читателей, легко могли для этого вовсе

^{*)} Словарь Франц. Академіи заключаетъ въ себѣ около 350,000 строкъ, Словарь Ланде—около 793,000 строкъ, а Словарь Бешреля—около 1,423,000 строкъ. Для лучшаго уразумѣнія величины этихъ Словарей замѣтимъ, что въ четырехъ томахъ нашего Академическаго Словаря Церковно-Славянскаго и Русскаго языка заключается только около 240,000 строкъ.

терять изъ виду свое личное значеніе и не считать унижительнымъ изданіе книги хоть и дурной но полезной. При томъ же самая трудность соглашенія мнѣній, почти неизбежная при всякой общей академической работѣ, должна была вести къ тому, чтобы Словарь Французской Академіи былъ только выборомъ того, что невозможно отвергнуть; между тѣмъ, какъ для Ланде и Бешреля легко и спокойно было допускать въ Словари свои все, что имъ лично казалось годнымъ.

Что касается до подбора словъ, то онъ почти одинаковъ въ Словарѣ Академіи какъ и въ остальныхъ двухъ въ отношеніи къ словамъ общеупотребительнымъ, разговорнымъ и литературнымъ, и къ терминамъ наукъ и искусствъ. Нельзя незамѣтить съ признательностію, что термины наукъ, искусствъ, ремеселъ, промышленности допущены въ Словарь Академіи въ такомъ множествѣ, что они занимаютъ едва ли не половину всего Словаря: не занесено почти только то, что случайно осталось незамѣченнымъ, и такихъ пропусковъ не очень много. Незабыта ни одна отрасль знанія и дѣятельности; никакая мелочь ни въ одной изъ этихъ отраслей не считалась неумѣстною. Въ отношеніи къ словамъ обветшалымъ и нововводимымъ, областнымъ и иностраннымъ Академія въ сравненіи съ Ланде и Бешрелемъ была очень строга, какъ будто воображая, что чего она не приметъ въ составъ своего Словаря, того не останется и въ самомъ языкѣ; впрочемъ эта строгость не такъ послѣдовательна, какъ бы можно было желать для чести Академіи: многое случайно допущено, многого случайно нѣтъ. Изъ словъ обветшалыхъ занесены такія, что угадать трудно, почему нѣтъ другихъ подобныхъ, и иногда безъ означенія, что они теперь уже не употребляются; таковы напр. *ains*—*mais*, *anspressade*—*bas-officier d'infanterie*, *bichet*—*22 livres en blé froment*, *caristade*—*aumône*, *dive*—*divine*, *feintise*—*feinte*, *miquélet*—*bandit espagnol*, *lai*—*complainte*, *pite*—*petite monnaie de cuivre*. Нововводимыя слова были исключаемы тщательно; удержаны только нѣкоторыя. Слова областныя приняты въ Словарь только тѣ, которыя утвердились въ литературѣ. Словъ иностранныхъ занесено множество, особенно такихъ, которыя принадлежатъ къ терминамъ—и не только тѣхъ, которыя приняты во Французскомъ языкѣ для выраженія понятій современныхъ Европейскихъ, но и тѣхъ, которыя относятся къ быту и образованности народовъ не Европейскихъ или не современныхъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ на выдержку: *bezestan*, *boyard*, *brahmane*, *colao*, *colir*, *czar*, *dupondius*, *edda*, *fescennin*, *genethliaque*, *gly-*

conien, *hamadriade*, *jehovah*, *karmesse-kermesse*, *kabac*, *kopeck*, *kurtchis*, *lama*, *lares*, *lazzi*, *mozarabe*, *mystagogue*, *oréade*, *répates*, *pope*, *rossinante*, *saduceisme*, *sagum*, *stentor*, и пр. Въ-стѣ со словами включены и Латинскія выраженія, вошедшія въ обычай, напр. *ex professo*, *ipso facto*, *lavabo*, и т. п. Между этими словами такъ много такихъ, которыя трудно не называть собственными именами (напр. *bas-empire*, *celtique*, *gallique*, *gunique*), что ожидаешь найти въ Словарѣ и всѣ имена собственные. Ихъ нѣтъ однако, и подъ словомъ *Français* сдѣлана въ этомъ отношеніи общая оговорка: *On ne met pas ici ce mot comme un nom de nation, mais on le met comme un mot qui a une signification et une énergie particulière dans quelques façons de parler* (при этомъ приведены выраженія: *parler français*, *entendre le français*, *en français*).—Ланде и Бешрель въ подборѣ словъ, особенно обветшалыхъ, областныхъ и иностранныхъ были гораздо свободнѣе Академіи; всякое слово и выраженіе, хоть разъ употребленное въ книгѣ, имѣло по этому самому право на занятіе мѣста въ ихъ Словаряхъ, и потому у нихъ есть *gousli*, *krakoviaque*, *kreml*, *robgratime*, и пр. Оба они одинаково думали, что чѣмъ болѣе словъ будетъ ими объяснено, тѣмъ полезнѣе будутъ ихъ Словари для справокъ, и старались достигать безусловной полноты всѣми средствами; читатели, конечно, не жаловались на нихъ за это, судя потому что десятки тысячъ экземпляровъ ихъ Словарей расходились и расходятся. Имена собственные странъ, морей, озеръ, рѣкъ, народовъ, городовъ, если и внеслись въ словари, то безъ всякихъ историческихъ, географическихъ, этнографическихъ, статистическихъ объясненій, и то немногія: Ланде и Бешрель нашли, что и всѣ собственные имена, со всякими объясненіями будутъ приняты читателями не безъ удовольствія,—и внесли ихъ въ свои Словари въ бесчисленномъ множествѣ. Ланде пропустилъ было имена собственные лицъ и биографіи; но успѣхъ Бешрелева Словаря былъ поводомъ тому, что и въ Словарѣ Ланде, въ новомъ изданіи, хоть отдельнымъ прибавленіемъ, внесена *Petite Biographie universelle*, гдѣ забыты и наши Державинъ, Карамзинъ, Пушкинъ, Татищевъ, и пр. Въ новомъ изданіи Бешреля, вѣроятно, появится то, чего въ прежнихъ не было, и что явилось въ послѣднемъ изданіи Словаря Ланде—словари рифмъ, словъ однозвучныхъ, подобнозвучныхъ, противоположныхъ по смыслу. Ни у Ланде, ни у Бешреля нѣтъ особенныхъ словарей такъ называемыхъ сослововъ; только нѣкоторыя подобнозначашія случайно помѣщены при объясненіяхъ словъ: надобно ожидать,

что въ новыхъ изданіяхъ и это не будетъ опущено изъ виду. Какъ смотритъ на все это Французская Академія? Что она дѣлаетъ, когда ей придется вновь издавать свой Словарь? Она уже далеко отошла отъ прежнихъ своихъ убѣжденій, отъ прежней ограниченности въ выборѣ словъ; пойдетъ ли дальше, и какъ далеко? Эти вопросы, любопытные и для насъ, ею ни въ какомъ случаѣ не будутъ незатронуты. До сихъ поръ на пр. въ отношеніи къ собственнымъ именамъ она только оговаривалась довольно темно. Оговариться яснѣе ей будетъ трудно; а если захочетъ она дать себѣ полный отчетъ, то или должна будетъ выкинуть кое-что уже вошедшее въ ея Словарь, или дать мѣсто всемъ собственнымъ именамъ безъ исключенія, и рядомъ съ *Basque, Gothique, Ostrogot, mer glacial, méditerranée*, и т. п. поставить и *Moscou, Nouvelle Zemble, Okhotsk, Vasili-ostrov*.... По странному обстоятельству Словари Французскіе, не умѣвшіе отдѣлать изъ своего состава именъ собственныхъ, большею частію забывали значеніе собственныхъ именъ какъ словъ языка, и съ особенностями ихъ выговора, написанія, измѣненія по употребленію предоставляли вѣдаться грамматикѣ.

Не для чего останавливаться на расположеніи словъ во Французскихъ словаряхъ, здѣсь разсматриваемыхъ: они все азбучные. Можно замѣтить только ихъ общую непослѣдовательность въ отношеніи къ грамматическимъ видоизмѣненіямъ словъ. Изъ этихъ видоизмѣненій въ нихъ, кромѣ *mon, ton, son, le, lequel, il, elle* и т. п. помѣщены отдѣльно *ta, mes, ta, tes, sa, ses, du, au, des, laquelle, duquel, lui, eux* и т. д., — и нѣтъ по крайней мѣрѣ въ Академическомъ ни *l'*, ни *aux*, ни *auquel*, ни *seux*; помѣщены также причастія страдательныя, и нѣтъ ни въ Академическомъ Словарѣ, ни у Бешреля видоизмѣненій неправильныхъ глаголовъ, за исключеніемъ очень немногихъ, напр. *gft*. Только Словарь Ланде въ этомъ отношеніи старался быть болѣе послѣдовательнымъ: хоть косями буквами, но есть въ немъ и измѣненія неправильныхъ глаголовъ, столь необходимыя, не говорю для иностранцевъ, а для самихъ Французовъ, изъ которыхъ многимъ приходится учиться литературному языку съ такою же трудностью, какъ намъ тому или другому изъ Западно-Славянскихъ нарѣчій.

Историко-филологическія объясненія словъ, ихъ происхожденія и образованія, ихъ кореннаго значенія въ тѣхъ языкахъ, гдѣ они образованы, и причинъ перемѣны ихъ значенія при перенесеніи въ другой языкъ, и т. д. объясненія, всегда любопытныя для читателей всякаго рода, въ Словарѣ Француз-

ской Академіи совершенно пропущены: она сказала напр. что *vous* есть множественное отъ *tu, toi*, такъ же какъ сказала, что *vache* есть *la femelle du taureau*, и болѣе не входитъ ни въ какое производство, не отмѣчаетъ даже, что слово иностранное есть иностранное. Не такъ думала и дѣлала Французская Академія въ прежнее, давно минувшее время. Ланде и Бешрель замѣтили эту недостаточность Словаря Академіи, и старались ее избѣгнуть. Впрочемъ только старались; потому что большое количество словъ, особенно изъ числа терминовъ, осталось и у нихъ безъ объясненія происхожденія; объяснены же ими почти исключительно только слова Латинскаго и Греческаго происхожденія, и то вообще довольно наскоро, слегка, слишкомъ рѣшительно. Даже и стараніе ихъ нельзя сказать чтобъ было усердно: не пользуясь трудами старинныхъ филологовъ, Дюканжа, Менажа, не пользовались они и новыми изслѣдованіями, оживляющими теперь Французскую науку все болѣе. Видно, что имъ не было большой надобности въ такихъ объясненіяхъ филологическихъ, которыя бы удовлетворяли читателей, ищущихъ отчетливыхъ отвѣтовъ на свои вопросы.

Несравненно важнѣе, любопытнѣе и разнообразнѣе объясненія значенія и употребленія словъ какъ въ Словарѣ Французской Академіи, такъ и у Ланде и Бешреля. Эти объясненія вообще можно раздѣлить на два рода; одни изъ нихъ касаются условій значенія и употребленія словъ по требованіямъ духа языка и слога; другія опредѣляютъ ихъ смыслъ и тѣ понятія, которыя выражаются ими. Прочныя начала обоего рода объясненіямъ положены Французской Академіей; другимъ лексикографамъ предстояло только отмѣчать ошибки Академіи и дополнять пропуски; вмѣстѣ съ ними Академія старалась довершать и улучшать зданіе, уже воздвигнутое, не перестраивая, не измѣняя плана счастливо задуманнаго.— Въ отношеніи къ объясненіямъ перваго рода можно остановить вниманіе на замѣчаніяхъ синтаксическихъ и стилистическихъ объ употребленіи такъ называемыхъ грамматическихъ словъ—мѣстоименій, нарѣчій обстоятельственныхъ, союзовъ, предлоговъ, глаголовъ управляющихъ (въ тѣсномъ и обширномъ смыслѣ) и пр: онѣ такъ обдуманы и такъ обширны, что нельзя не подивиться ихъ совершенству; въ итогѣ своемъ это плодъ не кропотливой замѣчательности подборщиковъ словъ и выраженій, а писателей художниковъ, вполне обладавшихъ своимъ языкомъ, умѣвшихъ цѣнить его богатства и силу. Особенно тщательно отдѣланы глаголы, на которыхъ во Фран-

цузскомъ языкѣ нельзя было не остановиться съ наибольшимъ тщаніемъ. Тутъ же можно отмѣтить и любопытныя замѣчанія о словахъ подобнозначащихъ, ихъ оттѣнкахъ въ значеніи и употребленіи, замѣчанія, которыми скрѣплены границы выразительности и опредѣлятельности Французскаго языка. — Что касается до объясненій значенія словъ и опредѣленія понятій, подъ ними заключающихся, то однѣ изъ нихъ суть опредѣленія такъ называемыя логическія; другія—описанія предметовъ, качествъ, дѣйствій. Трудности встрѣчались въ томъ и въ другомъ, и были однако большею частію счастливо побѣждаемы, — счастливѣе тамъ, гдѣ рѣшеніе зависѣло отъ ума и остроумія, а менѣе счастливо тамъ, гдѣ уму приходилось бороться съ знаніемъ несовершенно имъ усвоеннымъ. Приведу нѣсколько примѣровъ, для показанія способа объясненія словъ, преимущественно изъ Словаря Французской Академіи, и только въ томъ случаѣ изъ Ланде и Бешреля, когда они чѣмъ нибудь замѣтно отличаются.

«Être—бытіе, существо, то что есть (существуетъ). Иногда употребляется особеннымъ образомъ, чтобы означить лице, возбудившее къ себѣ негодованіе... Nombre—число: говорится о единицѣ, собраніи единицы. Количество, множество. Un—одинъ: первое изъ всѣхъ чиселъ. Cinq—пять: число нечетное между четырьмя и шестью (у Бешреля: число изъ 1 и 4 или изъ 2 и 3). Dix—десять: число четное, состоящее изъ дважды пяти, и слѣдующее послѣ числа девять. Eternel—вѣчный: кто не имѣлъ начала и никогда не будетъ имѣть конца. Также—кто имѣлъ начало, но не будетъ имѣть конца: вѣчная жизнь, вѣчная слава. Также—кто будетъ продолжаться такъ долго, что конца нельзя узнать: вѣчная война. Vivre—жить: быть въ живыхъ (être en vie). Также—продолжаться, существовать: жить въ исторіи. Также—питаться, поддерживать жизнь пищею: нечѣмъ жить... Voir—видѣть: воспринимать образъ предметовъ помощію органа зрѣнія (у Ланде: замѣчать, познавать глазами; Бешрель соединилъ въ одно оба опредѣленія). Употребляется часто въ отношеніи къ дѣйствию или состоянію кого нибудь: его видѣли когда то бѣднякомъ. Иногда употребляется, когда говорится о современныхъ событіяхъ виденныхъ или слышанныхъ: мы видѣли какъ совершались необыкновенныя событія... Danse—пляска. Движеніе (у Бешреля: движенія) тѣла въ кадансѣ, раздѣренными выстунами (pas) и обыкновенно подъ звуки голоса или инстру-

ментовъ. Blanc—бѣлый: цвѣта молока, снѣга и пр. Noir—черный: цвѣта самаго темнаго и самаго противоположнаго съ бѣлымъ. Rouge—красный: цвѣта похожаго на цвѣтъ огня, крови и т. п. Nez—носъ: та выдающаяся часть лица, которая находится между лбомъ и ртомъ, и которая заключаетъ въ себѣ органъ обонянія. Oiseau—птица: животное, воспроизводящееся яйцами, на двухъ ногахъ съ перьями и крыльями (у Бешреля прибавлено зоологическое описаніе). Понше—человѣкъ: животное разумное, существо образованное изъ тѣла и души; (у Бешреля прибавлено:) религіозное, нравственное и общежительное, одаренное инстинктомъ и разумомъ, съ сознаніемъ существа Высшаго, вѣчности, добра и зла; по мѣсту въ природѣ человѣкъ относится къ млекопитающимъ и къ порядку двуногихъ; онъ одинъ держится на двухъ ногахъ отъѣсно, передаетъ свои идеи членораздѣльными звуками и обитаетъ во всѣхъ климатахъ.»

И Академія рѣшилась наконецъ, гдѣ было нужно, внести въ объясненія словъ подробности наукъ; еще болѣе допустилъ это Ланде, а еще болѣе Бешрель. Такъ Академія опредѣлила *calculé integral*—интегральное счисленіе, какъ счисленіе, посредствомъ котораго доходятъ отъ безконечно малыхъ приращеній (*increments* *) *infiniment petits* къ конечнымъ величинамъ (*aux quantités finies*); (у Ланде: счисленіе, посредствомъ котораго находятъ конечную величину чрезъ безконечно малыя величины, или дифференціалы). По опредѣленію Академіи *efflorescence*—вывѣтриваніе—есть измѣненіе, происходящее въ минералѣ, когда, будучи повергнутъ вліянію воздуха, онъ покрывается пыльнымъ слоемъ; по Бешрелю: феноменъ, представляющійся на разныхъ веществахъ, когда на ихъ поверхности показывается пыльная матерія по случаю утраты или поглощенія воды, и пр. По опредѣленію Академіи *orgue*—органъ: музыкальный духовой инструментъ съ клавишами, состоящій изъ трубъ разной величины, одной клавиатуры или нѣсколькихъ и раздувательныхъ мѣховъ; у Бешреля прибавлены еще историческія подробности. Академія сказала объ Эддѣ, что это есть имя знаменитаго мѣологическаго сборника древнихъ народовъ Сѣвера; Ланде говорить, что это названіе Исландскихъ книгъ, въ которыхъ содержатся всѣ эпическія, героическія и мѣологическія преданія Скандинавовъ. Не ограничась этимъ, Ланде прибавилъ:

*) Слова *increment* нѣтъ въ Словарѣ Академіи; у Ланде и Бешреля оно не забыто.

«Одна изъ Эдды, Самундова, относится къ XI вѣку: это древнѣйшій памятникъ Скандинавской литературы и вмѣстѣ исторіи; она раздѣляется на три части: въ первой говорится о сотвореніи міра, о битвахъ между богами, о появленіи героев; другая часть содержитъ въ себѣ героическія пѣсни; третья часть излагаетъ религіозныя догматы таинства. Всего на все въ ней 38 поэмъ или пѣсенъ Скальдовъ, которыя были собраны и приведены въ порядокъ Самундомъ Сигфусономъ. Вторая Эдда гораздо позднѣе первой: это исторія боговъ въ прозѣ и стихахъ. Ее называютъ младшей Эддой, Эддой Стурлесона или Снорри, потому что Снорри Стурлесонъ ее изготовилъ или издалъ». — Mausolée—мавзолей—по описанію Академіи: «большой и богатый надгробный памятникъ, по подобію того, который царица Артемиза построила своему мужу Мавзолу»; Ланде и Бешрель прибавили къ этому историческія и археологическія подробности, обозначивъ въ своемъ мѣстѣ, кто былъ Мавзолъ и Артемиза. — Напрасно было бы увеличивать выписки, чтобы видѣть, чего теперь достигаютъ Французскіе Словари, какъ сопоставляются въ нихъ свѣденія и понятія всякаго рода. Для любопытныхъ выпишу еще два мѣста изъ Словаря Бешреля — о Пушкинѣ и о Невѣ: «Pouschkine (Le comte Alexandre de) знаменитый Русскій поэтъ, родившійся въ 1797, убитый на поединкѣ въ 1836. Кромѣ большаго количества маленькихъ поэмъ, онъ сочинилъ три большихъ произведенія, образцовыя въ Русской поэзіи. Neva: рѣка въ Россіи, вытекаетъ изъ Ладожскаго озера, течетъ черезъ Петербургъ и впадаетъ въ Финскій заливъ. Длина ея 60 километровъ». Почти тоже о Пушкинѣ и Невѣ, какъ и обо всѣхъ подобныхъ предметахъ исторіи и географіи, сказано и въ Словарѣ Ланде. Легко догадываться, что вмѣстѣ съ вѣрнымъ, есть и невѣрности: такъ у Ланде только при послѣднихъ пересмотрахъ исправлено, что Одесса городъ не въ Турціи, а въ Россіи; а Бешрель остался въ этомъ отношеніи при прежнемъ знаніи и доселѣ. Изъ этого примѣра можно видѣть, какими пособіями пользуются Французскіе лексикографы, какъ легкомысленно позволяютъ себѣ сводить уже готовое, не давая себѣ отчета въ его цѣнности, какъ мало дорожатъ словомъ. Несправедливо было бы впрочемъ по такимъ примѣрамъ заключать о достоинствѣ цѣлаго: дѣльнаго и вѣрнаго все таки въ нихъ больше чѣмъ ошибокъ. Съ другой стороны, нельзя и на достоинства вѣрности и богатства свѣдѣній всякаго рода въ разбираемыхъ Словаряхъ глядѣть какъ на свидѣтельства заботъ, трудовъ и учености

ихъ составителей: всѣ эти свѣденія дословно, вполнѣ или сокращенно перепечатаны изъ готовыхъ сборниковъ: изъ словарей энциклопедическихъ, историко-географическихъ, словарей отдѣльныхъ наукъ, искусствъ, и т. п.

Словарь Французской Академіи, отличаясь отъ Словарей Ланде и Бешреля краткостью опредѣленій и описаній, такъ же какъ и отсутствіемъ (хотя и неполнымъ) собственныхъ именъ и исторіографическихъ подробностей, отличается и въ отношеніи къ системѣ примѣровъ употребленія словъ. Академія глядѣла на себя какъ на несомнительный авторитетъ, имѣющій право оцѣнять и обычай народа, и искусство писателей; приводила до сихъ поръ примѣры сама отъ своего лица, а если и брала ихъ изъ писателей, то не сносась на нихъ. Исключеніе изъ этого не сдѣлано только для пословицъ, которыхъ она вписала въ свой словарь огромное множество; но и тутъ поступала произвольно: подъ именемъ пословицы у нее не рѣдко стоитъ выраженіе, вошедшее въ ходъ, но ни по содержанію, ни по мысли не принадлежащее къ числу пословицъ, подъ которыми сама Академія понимаетъ «родъ притчи (sentence) или правила (maxime), выраженнаго немногими словами и сдѣлавагося общимъ: gagner le Perou, payer en même monnaie, du latin de cuisine, mont pagnote, rompre la glace отнесены къ пословицамъ, а avoir un coeur de glace, dons empoisonnés, crème fouettée, hors de page, piquer au vif замѣчены какъ фигуральныя выраженія; не рѣдко такія же выраженія не названы даже и фигуральными, напр. plaindre ses pas, têtes de vin, couper dans le vif. Ланде слѣдовалъ той же системѣ въ примѣрахъ, но исправлялъ Академію, какъ умѣлъ, и остерегался смѣшивать съ пословицами привычныя выраженія. Бешрель пошелъ еще далѣе, и внесъ въ свой словарь множество выписокъ изъ писателей, но такъ своеобразно, какъ едва ли кто кромѣ него: Конфуцій и Августинъ, Гезіодъ и Оукидидъ, Ювеналъ и Сенека, Баконъ и Франклинъ были для него источниками наравнѣ съ Вольтеромъ и Гизо, Дидро и Распалемъ, Гозланомъ и Мармье. Подумаешь, что для него были нужны не образцы употребленія языка, а выписки разнообразнѣе. При свободѣ выбора ему не трудно было ихъ набрать много, и въ самомъ дѣлѣ ихъ безчисленное множество. Все это заставляетъ сомнѣваться, что во Франціи вѣрятъ въ важность выписокъ и ссылокъ на писателей; а о тѣхъ изъ нихъ, которыя опредѣляютъ, когда и кѣмъ введено то или другое слово въ своемъ опредѣленномъ смыслѣ, откуда и почему оно вошло въ обычай, едва ли и думали. Не только для

исторіи языка вообще, но и для исторіи новаго литературнаго языка въ Словаряхъ Французскихъ не достаетъ многихъ замѣчательныхъ данныхъ, хотя такія данныя въ словарь языка болѣе у мѣста, чѣмъ объясненія историографическія.

Многое для словаря сдѣлано во Франціи издавна и количество матеріала все болѣе увеличивается, многимъ можно пользоваться какъ совершенно готовымъ; но еще не всѣмъ готовымъ пользуются какъ должно. Въѣстѣ съ тѣмъ и новыхъ разработокъ со стороны самихъ составителей словарей несравненно менѣе, чѣмъ бы можно было ожидать.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢСКИ.

НОВЫЯ КНИГИ.

— Русскія пословицы и поговорки, собранныя и объясненныя *Θ. Буславымъ*. М. 1854. (8^о: 176).

Въ этомъ новомъ трудѣ нашего неутомимаго филолога (вошедшемъ въ составъ втораго тома *И. В. Калачова*) читатель найдетъ, кромѣ довольно обширнаго сборника пословицъ и поговорокъ (стр. 75 — 162), любопытныя замѣчанія о значеніи пословицъ въ ихъ историческомъ развитіи (стр. 1—62 и 162—176). Не лзя разсматривать этотъ трудъ *Θ. И. Буслаева*, какъ его окончательное слово о пословицахъ и поговоркахъ, тѣмъ болѣе, что онъ писанъ въ то время, когда нѣкоторыми изъ пособій авторъ не могъ еще пользоваться вполне: такъ между прочимъ «Опытъ областного Великорусскаго словаря», изданный 2-мъ Отдѣленіемъ Академіи, тогда еще только печатался, былъ доступенъ автору только отчасти и былъ имъ употребляемъ въ дѣло по мѣрѣ отпечатанія листовъ. Оконченный и отпечатанный къ сроку, трудъ *Θ. И. Буслаева* вышелъ въ свѣтъ по особенному случаю позже, чѣмъ предполагалось. Не смотря на все это въ немъ такъ много хорошаго и новаго, что наши филологи примутъ его, безъ сомнѣнія, съ полною признательностію, какъ важное дополненіе къ незабвеннымъ трудамъ *И. М. Снегирева*, котораго «Русскіе въ своихъ пословицахъ» (М. 1828—4 части) и «Русскія народныя пословицы и притчи» (М. 1848) представили не только богатый запасъ матеріаловъ и пособій для изслѣдованій, но и начала самыхъ изслѣдованій. Въ историческомъ разсмотрѣніи пословицъ *И. М. Снегиревъ* менѣе всего касался періода древнѣйшаго; его-то именно и избралъ предметомъ своей работы *Θ. И. Буслаевъ*, и высказалъ нѣсколько новыхъ взглядовъ на значеніе пословицъ въ жизни народа и

при изученіи хода ея судьбы. Надѣюсь еще имѣть случай обратить вниманіе читателя на этотъ замѣчательный трудъ.

Теперь же не лишнимъ считаю привести нѣсколько выписокъ изъ сочиненія *Θ. И. Буслаева*, что бы его собственными словами высказать хоть сколько нибудь его образъ возрѣнія на пословицы и его методу историко-филологическаго объясненія пословицъ, какъ «художественныхъ произведеній роднаго слова, выражающихъ бытъ народа, его здравый смыслъ и нравственные интересы».

«Вѣстѣ съ образованіемъ грамматическихъ формъ, происхожденіе пословицы восходитъ ко временамъ до-историческимъ; и какъ языкъ отъ древнѣйшей эпохи, по преданію, переходитъ изъ рода въ родъ, сохраняя и до нашихъ временъ свои существенныя свойства въ устахъ народа, такъ и пословица, составившаяся при чуждыхъ нашимъ временамъ обстоятельствахъ давно угасшей жизни, по преданію же, доходитъ и до насъ въ народной рѣчи. Между такой древнѣйшей, до исторической притчей и пословицами занимаютъ мѣсто собственно историческія, приуроченныя къ какому-нибудь историческому факту, лицу, или учрежденію.... Одни изъ народныхъ рѣченій, именно позднѣйшей эпохи, кажутся намъ ясными и примѣнительными къ современному быту; другія же формации доисторической неопредѣленны, исполнены намековъ на отжившую старину, о которой сама исторія не много сохранила преданій. Эти два періода въ историческомъ развитіи пословицъ отдѣляются другъ отъ друга распространеніемъ въ народѣ свѣта христіанскихъ идей: потому пословицы перваго отдѣла носятъ на себѣ характеръ миѣнческій, втораго — христіанскій. Пословица миѣнческаго содержанія хотя и могла сохраниться въ употребленіи и до позднѣйшаго времени; но утратила свое настоящее, собственное значеніе, удержавъ за собою только смыслъ переносный. Такъ напр. кто скажетъ теперь пословицу: «Солнце днемъ работаетъ, а ночью отдыхъ беретъ», тому уже никакъ не можетъ придти въ голову, что Солнце есть особенное существо изъ породы божествъ, и притомъ именно богиня, на которую первоначально и намекаетъ эта пословица....

Перехода къ обзорѣнію пословицъ древнѣйшаго періода, Буслаевъ отмѣчаетъ прежде всего тѣ, которыя — по его мнѣнію — относятся ко времени «когда Славянскія племена, вошедшія въ составъ древней Руси, вели жизнь звѣролововъ и пастуховъ». — «Поклоненіе деревьямъ и заповѣднымъ лѣсамъ идетъ, вѣроятно, отъ этой отдаленной эпохи, потому что вѣрованіе народное образуется подъ вліяніемъ обстоятельствъ жизни.... Кромѣ душинъ народное повѣрье давало въ жилище бѣсу овраги и болота. Пословицы говорятъ: «Горы да овраги — чортово житье»,

«Всякому чорту вольно въ своемъ болотѣ бродить», «Изъ омута въ адъ какъ рукой подать». — Кровавая жертва, безъ сомнѣнія, приличнѣе звѣроловамъ и пастухамъ, нежели земледѣльцамъ. Обреченная скотина непременно должна быть принесена въ жертву: въ дому ужъ ей не водъ. Потому говорятъ: «Обреченная скотинка ужъ не животинка» — она или околѣетъ или достанется волку: «Ловить волчокъ роковую овечку». Въ Архивномъ сборникѣ записана старинная пословица: «Моленой баранъ отлучился, нѣ гулащей пригнулся», т. е. не попалъ на убой баранъ обреченный, такъ вмѣсто его убьютъ, какой попадется *). О самоубійцѣ говорится до селѣ намекомъ на языческую жертву: «Вотъ цѣ и чорту баранъ». — Живущіе въ лѣсахъ, въ непрестанной борьбѣ съ дикими звѣрьми, могли употреблять оружіемъ дерево, и именно обожженное, а иногда и горящее.... Какъ на кочергѣ обыкновенно ѣдали вѣдьмы, такъ и ожогъ почитался принадлежностью чорта. Въ одной Русской пословицѣ говорится объ ожогѣ, какъ жертвѣ чорту: «Ни чорту ожогъ.... Какъ оружіе употреблялись и камни. Есть причины думать, что кремь, какъ названіе самаго твердаго камня, по преимуществу имѣлъ значеніе въ грубой жизни звѣролововъ. Пословицы приписываютъ этотъ камень чорту: «Жри, чортъ, кремь». Изъ одной пословицы у Янькова видно, что чортъ извергаетъ изъ себя кремни какъ пометь **). Въ одной пословицѣ и доселѣ употребительной въ Пеземской губерніи, упоминается *перице*, какъ оружіе стародавнее, принадлежность мнѣческаго лица: «Ѣдетъ божокъ съ перицемъ, стучитъ колесомъ». Въ этомъ замѣчательномъ словѣ корень будетъ *пер*, тотъ же что и въ названіи божества Перунъ. Слово *перице* важно для насъ въ томъ отношеніи, что народъ до позднѣйшихъ временъ въ словѣ Перунъ понималъ божество поражающее, вооруженное перицемъ.... Познакомившись съ металлами, Славяне давали имъ общее названіе, произведенное отъ того же корня *кр*, откуда произошли кремь и крѣсь: именно *крѣсь* — металлъ, а кузнецъ — *крѣсьй*, *крѣсьмъ*. Потому весьма естественно, какъ оружіе такъ и металлы наши предки могли посвящать божеству поражающему, вооруженному. Несторъ говоритъ: «завтра призва Игорь слы, и приде на холмъ, кдѣ стояше Перунъ, подлодша оружье свое, и *идити* и *золото*». Золото могло быть видимымъ символомъ обычной клятвы, совершавшейся при этомъ случаѣ: «да будемъ золоти, яко золото». Для уясненія этой эпической клятвы припомнимъ слѣд. народныя преданія:

*) Буславъ отиѣтъ, что *молить* въ Вятской г. значитъ колотъ, рѣзать; а въ древнѣйшихъ рукописяхъ В. З. — приносить жертву, давать обѣтъ; слово же *молба* — обѣтъ.

***) Слово *кремь* Буславъ относитъ къ одному корню съ *крѣсь*, *искра*, и пр.

Пятая грѣспа или лихорадка, одна изъ мнѣческихъ сестеръ, называется златеница; а *желтый*, *желчь* и *золотой*, *золчь* суть различныя формы одного и того же корня. Не могу не указать на одну и доселѣ общеупотребительную поговорку, въ которой *желтый* (тоже, что *золотой*) имѣетъ значеніе несчастнаго, горемычнаго, злаго, точно такъ же какъ въ старину *золотой* имѣло силу проклятія; а именно: «Житье то мое (твое, его) *желтенькое*». Что это выраженіе старинное, обще-Славянское, доказывается подобной же поговоркой у Сербовъ: *жутъ посао* (желтое дѣло, т. е. злое, несчастное); слич. также Сербскую пословицу: «Не мой бити люта, да не будеш *жута*». Можетъ быть, въ связи съ нашею древнѣйшею клятвою на золотѣ слѣдующая пословица въ сборникѣ Янькова: «*Злато бледно* отъ хищниковъ». — Къ отдаленнымъ временамъ поклоненія Перуну надобно отнести начала воинскаго быта, такъ ярко выразившіяся въ послѣдствіи въ языкѣ древне-Русскихъ памятниковъ.... Въ связи съ поговорками стоятъ многія эпическія выраженія быта воинскаго въ нашихъ древнихъ памятникахъ постоянно и неизмѣнно повторяющіяся. (Тутъ приведены: *звергнути ножъ*, *занти мечемъ*, *мечемъ взимати*, *зъзати копіемъ*, *конецъ копія*, *зъзати на шить*, *пити шелокомъ*, *всѣсти на конь*, *полезти на кони*, *пони кони рѣкою*, *пота утрѣти*, *костью пасти* или *лечи*, *голову сложити* или *приложити*). Къ этому воинственному періоду относятся многія изъ древнихъ пословицъ, каковы напр: «Половнѣзъ вскрикнетъ, а стять николи», «Въ мертвыя уста не пройдетъ, а въ кровавыя пройдетъ». — Нѣкоторыя понятія образовались въ нашемъ языкѣ подъ вліяніемъ звѣроловаго и охотничьяго быта. Какъ въ Санскр. отъ *кула* семья происходитъ *кула* гнѣздо, такъ и у насъ въ старину *мяздо* употреблялось въ значеніи семьи; напр. въ Словѣ о полку Игоревомъ: «Ивъгварь и Всеволодъ и вси три Мстиславичи не худа гнѣзда шестокрилицы». Тѣмъ же древнѣйшимъ бытомъ отзывается эпитетъ Всеволода Юрьевича — *большое мяздо*... Тотъ же бытъ звѣролововъ высказывается въ одномъ древнемъ названіи члена семейства, именно зятя принятаго въ домъ къ тестю или тещѣ: *завій* отъ глагола *завити*, хотя и вообще привлекать, приучать, однако собственно приманивать птицъ, какъ напр. въ пословицѣ «Ястреба завать, не по головъ глядятъ». Названіемъ *завій* объясняется поговорка: «Аще добръ сынъ у отца — яко ястребъ на руцѣ добръ». — Эпическія басни о звѣряхъ получили свое начало въ ту отдаленную эпоху, когда пастухъ и охотникъ были товарищами коню, собакѣ, соколу, покровителями скота и врагами дикихъ звѣрей и птицъ. Притча о волкѣ и овцахъ была въ употребленіи у Древлянъ: «Аще съ възводитъ волкъ въ овецѣ, то выносятъ все стадо, аще не убьютъ его». Иныя пословицы не иное что какъ рѣзкія выраженія, удержавшіяся въ памяти народа изъ эпической

басни; другія можно назвать цѣлою баснею въ маломъ объемѣ (Тутъ приведены примѣры того и другаго рода)...

За обзорѣемъ пословицъ изъ быта вѣроломьяго и пастушьяго Буслаевъ разсматриваетъ такимъ же образомъ пословицы изъ быта земледѣльческаго, семейнаго и общиннаго. Все это вмѣстѣ составляетъ отдѣльную главу его сочиненія.

Въ другой главѣ онъ опредѣляетъ соотношеніе пословицы съ заклятіями, загадками и пр., гдѣ снова возвращается къ тому, что, по его мнѣнію, важно для объясненія древняго язычества Русскаго.

Вездѣ, гдѣ было нужно, приведены сравненія не только изъ мира Славянскаго, но и Германскаго, Греческаго, Индійскаго. Все изложеніе оживлено искусствомъ составлять факты, взаимно объясняемые.

— Этнографическій сборникъ, издаваемый Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ. Выпускъ II. СПб. 1854. (8°: 268).

Первый выпускъ этнографическаго сборника вышелъ въ прошедшемъ году (Изв. II. 235—236). Содержаніе втораго выпуска таково же какъ и содержаніе перваго, т. е. выборъ лучшихъ изъ мѣстныхъ описаній, доставленныхъ частными лицами. По этимъ двумъ выпускамъ можно судить о содержаніи, достоинствахъ и недостаткахъ матеріаловъ, находящихся въ распоряженіи Общества; а потому будущіе выпуски Сборника предполагается уже составлять главнѣйше изъ статей систематически наложенныхъ и болѣе или менѣе ученыхъ образомъ обработанныхъ. Безъ сомнѣнія, это не будетъ всегда необходимо, потому что нѣкоторыя изъ доставленныхъ и доставляемыхъ описаній не только прекрасно составлены, но и касаются не какихъ нибудь мѣстностей, а отдѣльныхъ вопросовъ Русской этнографіи, разсмотрѣнныхъ и обработанныхъ въ системѣ и по требованіямъ науки. Всѣ статьи втораго выпуска были отпечатаны прежде въ Вѣстникѣ Общества. Важнѣйшая изъ нихъ «Бытъ Бѣлорусскихъ крестьянъ»: она столько же обширна (стр. 111—268), сколько и богата данными разнаго рода: ея содержаніе было уже обозначено въ Извѣстіяхъ при разборѣ содержанія Вѣстника Общества.

— Народныя Южно-Русскія пѣсни. Изданіе Амвросія Метлинскаго. Кіевъ. 1852. (8° XX—472—V).

Новый прекрасный трудъ профессора А. Я. Метлинскаго долженъ занять одно изъ важныхъ мѣстъ между сборниками памятниковъ Южно-Русской народной поэзіи, до сихъ поръ изданныхъ. Ихъ количество и достоинство увеличивалось постоянно съ тѣхъ давнихъ поръ, какъ Князь Н. А. Цертелевъ и потомъ М. А. Максимовичъ впервые познакомили любознательныхъ читателей съ богатствами поэзіи полей и степей Украины. Князю Н. А. Цертелеву принадлежитъ слава перваго обнаруженія такъ

называемыхъ «думъ» или «бувальщинъ»¹⁾: до него никто въ литературѣ не зналъ, что въ Украинѣ былъ и остается подъ этимъ именемъ свой народный эпосъ, историческій и нравоучительный, замѣчательный своимъ вѣстнымъ и внутреннимъ характеромъ, какъ воссозданіе того древняго Русскаго эпоса, котораго только слѣды находимъ въ летописяхъ и сказаніяхъ. М. А. Максимовичъ²⁾ познакомилъ впервые съ прелестями лирической поэзіи Украинцевъ, о которой до тѣхъ поръ должно было судить по немногимъ пѣснямъ, случайно занесеннымъ въ пѣсенники Сѣверо-Русскіе. Вслѣдъ за этими первыми попытками стали появляться сборники болѣе полные. Обративъ вниманіе на историческій элементъ Южно-Русской поэзіи, я успѣлъ собрать довольно большое количество думъ и пѣсенъ, относящихся къ событіямъ XVI и XVII вѣка, старался объяснить ихъ помощію летописныхъ сказаній и преданій и ихъ самихъ употребить въ дѣло, какъ историческій источникъ для объясненія летописей. Какъ первый опытъ въ своемъ родѣ и опытъ юности, едва учившагося оцѣнить дотогѣ еще не подвергавшіяся оцѣнкѣ произведенія народной эпопеи Русской, мое изданіе³⁾ было годно только на время. Съ меня довольно было и того, что послѣ моей попытки историческое значеніе пѣсенъ и думъ и главныя черты характера думъ, какъ особеннаго рода народной поэзіи эпической, принадлежащаго во всемъ Славянскомъ мѣрѣ исключительно Украинѣ, не могли уже подвергаться сомнѣнію, и что хоть нѣкоторыя изъ нихъ не погибли безвозвратно подобно многимъ другимъ, исчезнувшимъ изъ памяти народной. Позже, продолжая собирать думы и пѣсни историческія, я готовъ былъ платить за каждую новую думу по червонцу; но почти постоянно получалъ только варианты уже извѣстныхъ. Неудачны были и попытки другихъ. Не отживала на Украинѣ какъ и вообще на Руси, только поэзія лирическая. Новый сборникъ М. А. Максимовича⁴⁾ долженъ былъ обогатиться богатыми новымъ запасомъ; но къ сожалѣнію его изданіе пріостановилось на первой книжкѣ. Надобно надѣяться, что болѣе удачно будетъ изданіе его третьяго сборника⁵⁾; доселѣ вышла только первая книжка его посвященная поэзіи эпической. Между тѣмъ, занялись собраніемъ народныхъ пѣсенъ и въ Галиціи: сборники Вацлава изъ Олѣска⁶⁾, Левинскаго⁷⁾ и Ж. Паули⁸⁾, составленные

1) Опытъ собранія старинныхъ Малороссійскихъ пѣсеней. СПб. 1819.

2) Малороссійскія пѣсни. 1827.

3) Запорожская старина MD—MDCXL. MDCXL—MDCCIX. Харьковъ. 1833—1838. Двѣ части въ 6-ти книжкахъ.

4) Украинскія народныя пѣсни. М. 1834.

5) Сборникъ Украинскихъ пѣсенъ, издаваемый М. Максимовичемъ. Ч. I. Кіевъ. 1849.

6) Pieśni Polskie i Ruskie ludu Galicyjskiego. Lwow. 1833.

7) Ruskoje wesile. Peremysl. 1835.

8) Piesni ludu Ruskiego w Galicyi. Lwow. 1839—1840.

независимо отъ нашихъ, заключаая въ себѣ много общаго, представили и много особенностей, очень замѣчательныхъ. Эти изданія, даже и потому, что были напечатаны Латинскими буквами, не могли найти у насъ многихъ читателей, и до сихъ поръ остаются мало извѣстными, такъ же какъ и сборникъ Р. Зенкевича, въ которомъ есть много пѣсенъ, чисто Южно-Русскихъ *). Желаніе познакомить хоть съ нѣкоторыми образцами поэзіи Галичанъ побудило П. А. Лукашевича сдѣлать изъ нихъ выборъ. Онъ дополнилъ его своимъ сборникомъ Украинскихъ пѣсенъ и думъ. Въ его изданіи **) внимательные читатели нашли много такого новаго, чѣмъ цѣнители народной поэзіи не могли не дорожить: есть тамъ и нѣсколько эпическихъ произведеній, бывшихъ дотолѣ неизвѣстными. Съ сороковыхъ годовъ число собирателей пѣсенъ все болѣе увеличивалось: многіе печатали ихъ и у насъ и за границей въ повременныхъ изданіяхъ ***); многіе другіе только увеличивали свои сборники. Между ними послѣдними въ числѣ самыхъ дѣятельныхъ и счастливыхъ дѣятелей были профессора: О. М. Бодянский и А. Л. Метлинскій. Огромный сборникъ О. М. Бодянскаго все еще ожидается. Сборникъ А. Л. Метлинскаго теперь вышелъ.

Этотъ прекрасный сборникъ, конечно, будетъ принятъ съ признательностью всѣми любителями Русской народной поэзіи — не только потому что онъ значителенъ по величинѣ, но и потому, что заключаетъ въ себѣ почти исключительно только то, что было до сихъ поръ неизвѣстнымъ. Они замѣтятъ и прекрасное расположеніе памятниковъ, въ немъ изданныхъ. Раздѣливъ ихъ вообще на шесть отдѣловъ (пѣсни житейскія, пѣсни годовыя, т. е. относящіяся къ разнымъ эпохамъ года, пѣсни и думы поучительныя, думы и пѣсни былевыя, пѣсни бытовыя, т. е. принадлежащія отдѣльно разнымъ классамъ народа, и пѣсни шуточные), въ каждомъ изъ отдѣловъ издатель сдѣлалъ по нѣсколько подраздѣленій, такъ-что всего вышло двадцать шесть. Это распредѣленіе очень помогаетъ уразумѣнію различныхъ оттѣнковъ характера народной поэзіи Южно-Русской и ея значенія въ жизни. При всякой пѣснѣ обозначена мѣстность, гдѣ она записана; при нѣкоторыхъ есть объясненія. Число этихъ объясненій могло бы быть увеличено съ пользою для читателей.

— Военный энциклопедическій лексиконъ. Томъ V. СПб. 1854. (8°: 373+6 и чертежи).

Въ этомъ томѣ заключаются статьи на буквы Д—З.

*) *Piosenki gminne ludu Piłackiego*. Ковно. 1851.

**) *Малороссійскія и Червонорусскія пѣсни и думы*. СПб. 1836.

***) Въ числѣ отдѣльныхъ изданій подобно отмѣтить, какъ опытъ въ особенномъ родѣ, какъ опытъ соединенія многихъ отдѣльныхъ пѣснопѣній въ одно искусственное цѣлое, книжку Н. К. Украина одъ початку Вираяны до Б. Хмельницкаго. Киевъ. 1843.

— Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными. Томъ III. (8°: 1247 столб.).

Въ этомъ томѣ, снабженномъ, какъ два предыдущіе, примѣчаніями и указателемъ, заключаются статейные списки сношеній съ Австріей въ теченіе 1632—1660 гг.

— О цѣнностяхъ въ Древней Руси. Историческое изслѣдованіе *Мих. Заблоцкаго*. СПб. 1854 (8°: 4+V+104).

Въ изданной книгѣ заключается только начало важнаго и добросовѣстнаго труда г. Заблоцкаго, именно — разборъ данныхъ о монетной системѣ. Хотя авторъ имѣлъ въ виду преимущественно политико-экономическіе вопросы; но не желалъ уклоняться и отъ общей археологической точки зрѣнія. Замѣтивъ въ исторіи цѣнностей денегъ три періода, отдѣляющихся эпохами пораженія Россіи Татарами и царствованія Петра Великаго, авторъ уклонился отъ изысканій о первомъ періодѣ, какъ о такомъ, который не представляетъ почти ничего достовѣрнаго, удовлетворительнаго для подробныхъ изслѣдованій, и ограничивался соображеніемъ фактовъ втораго періода, обратилъ особенное вниманіе на монеты и ихъ относительную цѣнность въ XVI и XVII вѣкѣ. По разысканію г. Заблоцкаго выходитъ, что вѣсъ и цѣнность 200 денежнаго рубля и деньги (= $\frac{1}{200}$ рубля) очень измѣнялись: при Димитріи Донскомъ деньга вѣсила $20\frac{2}{5}$ долей = $4\frac{1}{4}$ нынѣш. коп. срб.; при Іоаннѣ III вѣсила 17 долей = $3\frac{13}{24}$ коп. срб.; при Іоаннѣ Грозовомъ — $7\frac{17}{25}$ долей = $1\frac{3}{5}$ коп. срб.; при Михаилѣ Феодоровичѣ — $5\frac{1}{4}$ долей = $1\frac{3}{32}$ коп. срб.; въ 1698 г. — $3\frac{1}{2}$ доли = $\frac{35}{48}$ коп. срб.; въ 1704 — 3 дол. = $\frac{5}{4}$ коп. срб.

— Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Сочиненіе С. Соловьева. Томъ IV. М. 1854 (8°: 400+XLVII).

Въ двухъ первыхъ главахъ этого тома, описаны событія времени Василія Димитріевича и Василія Темнаго, а въ третьей, занявшей большую часть книги, очеркъ состоянія Русскаго общества въ 1228—1462.

— *Narody na ziemiach Słowiańskich przed powstaniem Polski*. Tom do Polski wieków średnich wstępny. Poznań. 1853. (8°: LXXXII+819 и чертежи).

Полезъ общими заглавіемъ, могшимъ годиться и для сочиненія систематическаго, авторъ собралъ въ одну книгу девять отдѣльныхъ изслѣдованій: I. о Скифахъ, II. о Сарматахъ и Аланахъ, III. о Тевтонахъ и Гуннахъ, IV. о Леттонахъ и Чуди, V. о Сѣверной Европѣ во время Амміана Марцелина, VI. о Фракахъ, Готахъ или Дакахъ, Илирахъ и Галлахъ, VII. О Гетахъ, Дакахъ, Славянахъ и Валахахъ, VIII. о Славянской землѣ въ X и XII вѣкѣ, IX. о Славянскомъ язычествѣ. Большая часть этихъ изслѣдованій была уже напечатана прежде: такъ часть перваго изслѣдованія извѣстна съ 1814 года; все восьмое есть Польское втореніе того, что уже вошло въ составъ *Géographie du*

mojen âge. Новѣе всѣхъ другихъ по времени написанія последнее, написанное по поводу Збручскаго истукана (Нав. II. стр. 354—259), не приведшее впрочемъ автора ни къ какимъ новымъ выводамъ, кромѣ тѣхъ, которые высказаны были первымъ владѣтелемъ истукана, г. Потоцкимъ.

— Зоря. Zora Jugoslavenaka, od Radoslava Razlaga. U Zagrebu. 1853 (12: 228).

Составитель этого сборника родомъ Хорутанскій Словенецъ. Недовольный ни своимъ роднымъ нарѣчіемъ и никакимъ другимъ мѣстнымъ, какъ непригоднымъ для общаго литературнаго употребленія, онъ желалъ бы, чтобы южные Славяне употребляли всѣ вмѣстѣ въ книгахъ одинъ и тотъ же языкъ, для всѣхъ одинаково понятный. «Отдѣльныя нарѣчія — говоритъ онъ — должны приближаться къ общему языку, чтобы такимъ образомъ и простой народъ понемногу приучился къ нему, а для этого прежде всего нужно, чтобы обращено было вниманіе на большинство народа». Въ слѣдствіе этого убѣжденія двое изъ сотрудниковъ г. Разлага помѣстили отрывки *Общеславянской грамматики*: *Б. Рамчъ* о Славянскомъ склоненіи (стр. 26—44), а г. *Цафовъ* о Славянскихъ глаголахъ (стр. 158—226). Второй изъ этихъ отрывковъ заключаетъ въ себѣ очень любопытныя замѣчанія. Г. *Рамчъ* помѣстилъ между прочимъ и опытъ примѣненія къ дѣлу мысли объ искусственномъ языкѣ. Вотъ нѣсколько строкъ для примѣра буква въ букву:

«Руцинојѣ неговораѣ само ветънинојѣ прѣбываѣлѣи Европы възходвѣје, него она јест такоде господујѣтѣмъ јазыкомъ цѣлыје сѣверныје и источныје Азиѣ одъ Урала до Камчаткы. Она јест образовательница и просвѣтителька суровыјихъ Сѣверановъ в Азиѣ. Уже изъ велика обшпрныје просторије, на ктерой руштына господѣет, са готово дајетъ закључити на блажъ је бѣдѣтѣность, и одовѣдъ нужно слѣдѣтъ сватаја дѣжностъ за всакого изображена Славена кано сонародника толи огромна племене неопѣшанојѣ горливостијѣ добро и точно проучити дражестъ руского јазыка» (стр. 156—157). — Впрочемъ въ книгѣ помѣщены статьи не на одномъ искусственномъ языкѣ: есть страницы Хорутанскія, Сербскія, Болгарскія въ стихахъ и въ прозѣ.

— *Grammatik der Illyrischen Sprache wie solche im Munde und Schrift der Serben und Kroaten gebräuchlich ist*, von A. T. Berčić. Wien. 1854 (8°: VIII—+164).

Молодой Сербскій ученый *А. Т. Берличъ*, идя по пути, проложенному отцомъ его *И. Берличемъ*, въ новомъ своемъ трудѣ даетъ Нѣмцамъ прекрасное пособіе для изученія Сербскаго нарѣчія. Онъ называетъ его Иллирскимъ по старому обычаю, а приписываетъ его и Хорватамъ, вѣроятно, потому что и Хорваты въ книгахъ его издавна употребляли. Въ его грамматикѣ всѣ примѣры кромѣ синтагматическихъ, написаны буквами латинскими и кирилловскими — первыми по новому правописанію, введенному пи-

сателями Загребскими, а вторыми по правописанію В. С. Караджича. Въ изложеніи правилъ онъ придерживался В. С. Караджича и его ученика г. Данишича, а отчасти и Ф. Миклошича. Первые страницы заняты изложеніемъ правилъ выговора и правописанія. Затѣмъ слѣдуетъ подробное изложеніе формъ измѣненія словъ, т. е. склоненія, образованія степеней сравненія и спряженія; нѣсколько страницъ послѣ этого посвящены показанію главнѣйшихъ формъ словообразованія; а послѣднія — правиламъ синтаксическимъ.

— *Grammatik der Wendischen Sprache Katholischen Dialect's von Fr. Schneider*. Budissin. 1853 (8°: 300).

Лужицкіе Сербы, обитающіе въ Саксонскомъ королевствѣ и въ Прусской Саксоніи въ числѣ 150,000 или еще менѣе, принадлежатъ болѣею частью къ церкви Евангелической; только около 18,000 изъ нихъ исповѣдуютъ вѣру Римско-Католическую, — и эти немногіе отличаются отъ остальныхъ нѣкоторыми особенностями нарѣчія, вообще впрочемъ очень незначительными. Въ грамматикѣ г. Шнейдера не указаны отдѣльно эти особенности, а представлены вообще правила Сербо-Лужицкаго нарѣчія верхняго или горнаго (южнаго), которымъ говорятъ и католики, по выговору и правописанію, принятому католиками. Во введеніи къ грамматикѣ авторъ представляетъ нѣкоторые факты о Славянахъ вообще *). Самая грамматика раздѣлена на три части: о звукахъ, о словахъ, о словосогласованіи. Въ особенномъ прибавленіи представлены правила правописанія верхнихъ Лужичанъ Евангелическаго исповѣданія и правописанія аналогическаго, нынѣ вводимаго писателями. Въ изложеніи правилъ новаго мало.

— *Volklieder der Serben. Metrisch übersetzt und historisch eingeleitet von Talvj*. Neue umgearbeitete und vermehrte Auflage. Leipzig. 1853. 2 книги (12°—+310—+319).

Авторъ этого произведенія, прославленнаго еще самимъ Гёте въ 1825 году, есть *Т. А. Я. Фоль Іакоби* (нынѣ г-жа Робинзентъ), въ юности своей она жила въ Россіи вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, бывшимъ профессоромъ Харьковского Университета, и нѣсколько привыкла къ

*) Насчитывая всѣхъ Славянъ 74,966,000 д., г. Шнейдеръ отдѣляетъ изъ этого итога: 81,184,000 какъ итогъ Русскаго народа, 6,825,300 Болгаръ, Сербовъ и Хорватовъ, 1,000,000 Хорутанъ, 4,414,000 Чеховъ и Моравовъ, 1,822,000 Словаковъ, 9,571,000 Поляковъ и 150,000 Сербовъ Лужицкихъ. Болгаръ по его счету только 2,093,500. Сербовъ считаетъ онъ отдѣльно отъ Босняковъ, Черногорцевъ, Славонцевъ и Далматинцевъ, въ числѣ 1,740,000: 1,000,000 въ Турціи и 740,000 въ Венгріи. Босняковъ насчитываетъ онъ 772,000, именно 700,000 въ Босніи, а 72,000 въ Неаполитанскомъ королевствѣ, въ 39 селеніяхъ Басиликаты и Калабріи, говоря, что они бѣжали изъ Босны и Албаніи въ 1453 и до сихъ поръ сохранили свой языкъ и одежду.

Русскому языку; позже въ Германіи, въ слѣдствіе выхода Сербскаго словаря съ грамматикой и пѣсень В. С. Караджича, она старалась познакомиться съ нарѣчіемъ Сербскимъ, и при помощи Сербовъ, переведшихъ ей лучшія изъ пѣсень дословно, занялась икъ стихотворнымъ переводомъ. Она не успѣла усвоить Сербское нарѣчіе вполне, но поэтическою душою усвоила духъ народной поэзіи Сербовъ и передала его языкомъ изящнымъ хотя и не вполне вѣрно, но увлекательно. Прекрасныя изъясненія историческія и географическія облегчаютъ разумніе смысла и значенія пѣсень. Нельзя забыть заслугъ А. А. Франкла и С. Каппера, трудившихся надъ переводомъ пѣсень Сербскихъ съ замѣтнымъ знаніемъ дѣла *); но пальма первенства и по времени начала труда и по достоинству внутреннему должна оставаться за г-жею Робинзенъ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ

Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ
за май 1854 года.

Въ Май мѣсяцъ Отдѣленіе имѣло восемь засѣданій, а именно: 1, 6, 8, 13, 15, 22, 27 и 29 чиселъ. Въ сихъ засѣданіяхъ, подъ предсѣдательствомъ Н. И. Давыдова, присутствовали: П. Г. Бутковъ, А. Х. Востоковъ, П. А. Плетневъ, Я. И. Березниковъ, М. А. Коркуновъ и Н. И. Срезневскій.

И.

Общій Словарь Русскаго языка.

Академикъ Я. И. Березниковъ, предложилъ нѣкоторые замѣчанія на слова перваго корректурнаго листа Общаго Словаря Русскаго языка. Тотъ же листъ возвращенъ съ замѣчаніями Академикомъ Д. М. Перевошиковымъ, Корреспондентами Академіи Наукъ А. В. Никитенкомъ и П. П. Дубровскимъ и Профессорами Г. Е. Щуровскимъ, И. О. Шиховскимъ, М. И. Сухомлиновымъ и С. С. Лебедевымъ. Г. Дубровскій сверхъ того представилъ выписки изъ сочиненій Князя Одоевскаго, для примѣровъ къ объясняемымъ въ Словарѣ словамъ.

Полученный отъ Старшаго Учителя Ревельской Гимназіи г. Серно-Соловьевича, составленный имъ сборникъ словъ, пропущенныхъ въ Словарѣ Церковно-Славянскаго и Русскаго языка, на буквы ж—я (см. выписки изъ протоколовъ за апрѣль мѣсяцъ) переданъ Отдѣленіемъ для предварительнаго разсмотрѣнія Академику А. Х. Востокову.

*) *Gesle. Serbische Nationallieder*, von L. A. Frankl. Wien. 1852. — *Die Gesänge der Serben* von S. Kapper. Leipzig. 1852. 2 части.

II.

ОБЛАСТНЫЕ СЛОВАРИ:

1. Малорусскій.

Отдѣленіе, по предложенію Академика Н. И. Срезневскаго, положило напечатать въ своихъ изданіяхъ Малорусскій словарь, составленный Г. Аванасьевымъ.

2. Бѣлорусскій.

Путешествующій по Западнымъ губерніямъ Россіи С. П. Милуцкій представилъ въ Отдѣленіе составленныя имъ объясненія мало извѣстныхъ Бѣлорусскихъ словъ. Слова эти предположено помѣстить въ Матеріалахъ для Словаря и Грамматики.

III.

ГРАММАТИКА.

Г. Предсѣдательствующій объявилъ въ Отдѣленіи, что вновь разсмотрѣнные 17 — 24 листы Общесравнительной Грамматики уже отпечатаны.

Представленная студентомъ Медико - Хирургической Академіи Ксаверіемъ Нездвецкимъ Грамматика Бѣлорусскаго нарѣчія передана для разсмотрѣнія Академику Н. И. Срезневскому.

IV.

Чтенія трудовъ Академиковъ и пастор. ученыхъ.

15 мая была читана въ Отдѣленіи первая часть Исслѣдованія г. Предсѣдательствующаго объ Исторіи Государства Россійскаго, Карамзина, со стороны художественнаго изложенія, а 22-го — историческое изслѣдованіе Адъюнта С. Петербургскаго Университета М. М. Стасюлевича подъ заглавіемъ: *Осада и взятіе Византіи Турками, въ 1453 году.* Исслѣдованіе г. Предсѣдательствующаго положено напечатать въ Извѣстіяхъ, а сочиненіе г. Стасюлевича въ Ученыхъ Запискахъ.

V.

Памятники и образцы языка и словесности.

Академикъ Н. И. Срезневскій доложилъ Отдѣленію о полученіи Малорусскаго перевода Слова о полку Игореве, сдѣланнаго по его предложенію А. С. Аванасьевымъ съ цѣлью наглядно доказать разницу языка «Слова» и нынѣшняго народнаго языка Югозападной Руси. Отдѣленіе предположило помѣстить этотъ переводъ въ Памятникахъ и образцахъ народнаго языка.

Г. Милуцкій представилъ въ Отдѣленіе сборникъ Бѣлорусскихъ народныхъ пѣсень.

VI.

Изданіе Извѣстій и Ученыхъ Записокъ.

Академикъ Н. И. Срезневскій доложилъ о предположеніи своемъ напечатать въ Извѣстіяхъ *Житіе Вечеслава*, по 13*

редакціи А. Х. Востокова, съ замѣчаніями г. Палацкаго, а въ Прибавленіяхъ къ тому же изданію статью Протоіерея Сабинина, подъ заглавіемъ: Матеріалы для сравненія Русскаго языка съ Скандинавскими. Отдѣленіе одобрило эти предположенія.

Читано предисловіе К. А. Коссовича къ составленному имъ Санскрито-Русскому Словарю. Определено дать ему мѣсто въ Приложеніяхъ къ Протоколамъ.

VII.

Основа чтенія.

Академикъ *И. И. Срезневскій* доложилъ о полученіи письма отъ В. А. Мацѣвскаго. Г. Мацѣвскій предполагаетъ прислать въ Отдѣленіе, въ Русскомъ переводѣ, два изъ своихъ изслѣдованій: 1) о Правдѣ Русской и 2) Грамматико-юридическія изслѣдованія о нѣкоторыхъ выраженіяхъ древняго Славянскаго законодательства. При этомъ г. Мацѣвскій выражаетъ свою мысль о томъ, что не только въ *Leges Varbarorum*, но и въ болѣе давнихъ источникахъ есть слѣды Славянскаго права. Г. Мацѣвскій сообщаетъ также, что свою Исторію Славянскаго законодательства приготовилъ онъ ко второму изданію.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПРОТОКОЛАМЪ.

Записка о Словарѣ Малорусскаго нарѣчія, составленномъ А. Афанасьевымъ.

Академика *И. И. Срезневскаго*.

Исполняя порученіе 2-го Отдѣленія Академіи относительно рецензіи о Словарѣ Малорусскаго нарѣчія, составленномъ А. Афанасьевымъ, считаю долгомъ предварительно изложить въ общихъ чертахъ поводы, по которымъ Отдѣленіе могло бы желать изданія въ свѣтъ хорошаго труда въ этомъ родѣ.

Русскій языкъ, единый въ своемъ началѣ и основныхъ признакахъ, единый въ своемъ общественномъ и литературномъ употребленіи, подобно всѣмъ языкамъ народовъ значительныхъ, видоизмѣнился въ своемъ простонародномъ употребленіи на нѣсколько мѣстныхъ нарѣчій. Каждое изъ этихъ нарѣчій, внося свою долю въ сокровищницу общенародной Русской рѣчи, устной и письменной, удержало за собою менѣе или болѣе значительное количество словъ и выраженій, сохраняющихъ только мѣстное значеніе. Это внесеніе, въ слѣдствіе различныхъ причинъ, продолжается и вѣроятно никогда не прекратится совершенно. Оно не можетъ уничтожить естественнаго стремленія простонароднаго языка видоизмѣняться между прочимъ въ тѣхъ мелочахъ, которыми обусловливается бытъ простаго народа въ разныхъ краяхъ; оно не можетъ, съ другой стороны, не давать особеннаго направленія судьбамъ общенародной

устной и письменной рѣчи, имъ оживляемой, разнообразя собою составъ ея частями разновременнo и разнохарактерно образованными. Все это вмѣстѣ филолога, изучающаго Русскій языкъ во всемъ его объемѣ или даже и исключительно языкъ литературный и общественный, поставляетъ въ необходимость имѣть въ виду мѣстныя видоизмѣненія простонароднаго языка: безъ ихъ знанія не возможна ни вполне удовлетворительная теорія грамматическая, ни тѣмъ менѣе исторія языка.

Памятники нашей письменности старинной и древней, отличающіяся кое-какими особенностями языка, представляютъ не мало такихъ словъ и выраженій, которыя не принадлежатъ къ составу языка общенароднаго, устнаго и письменнаго, и могутъ быть понаты развѣ посредствомъ соображенія тѣхъ мѣстъ, гдѣ онѣ употреблены. Иногда достаточно и этого соображенія для полнаго уразумѣнія значенія слова или выраженія, — иногда, но далеко не всегда. А между тѣмъ опыты удостовѣряютъ, что многія изъ такихъ словъ и выраженій еще до сихъ поръ живутъ въ томъ или въ другомъ краѣ въ простомъ народѣ, удерживая свой прежній смыслъ, значеніе и употребленіе, свою прежнюю связь съ народнымъ бытомъ, обычаями или понятіями — если не всегда вполне, то покрайней мѣрѣ отчасти. Эти опыты, которыхъ слѣдствіемъ были уже многія счастливыя объясненія нѣкоторыхъ невразумительныхъ мѣстъ въ памятникахъ нашей старины и древности, съ своей стороны утверждаютъ филолога въ сознаніи необходимости имѣть въ виду всѣ мѣстныя видоизмѣненія простонароднаго языка, во всемъ ихъ составѣ.

Въ числѣ тѣхъ видоизмѣненій Русскаго языка простонароднаго, которыя, въ слѣдствіе причинъ историческихъ и мѣстныхъ, болѣе другихъ отклонились особенными признаками отъ условій, общихъ всему Русскому языку, и вмѣстѣ съ тѣмъ однако удержали въ себѣ черты старины и древности, одно изъ самыхъ замѣчательныхъ есть нарѣчіе Малорусское. Рисуясь нѣкоторыми изъ своихъ особенностей уже въ XIV вѣкѣ, а въ XV — XVII вѣкахъ содѣйствуя образованію общей Русской письменной рѣчи, оно должно останавливать на себѣ преимущественное вниманіе Русскаго филолога, какъ въ отношеніи къ строю, такъ и въ отношеніи къ составу. Не разъ уже и было оно предметомъ изслѣдованій, изъ которыхъ многія остались въ рукописи — или за недостаткомъ средствъ къ изданію ихъ въ свѣтъ или по желанію трудившихся улучшить ихъ дальнѣйшею обработкою. Такъ между прочимъ я имѣлъ честь представлять Отдѣленію свой послѣдній трудъ еще въ 1848 году.

Количество частныхъ изслѣдованій о нарѣчій Малорусскомъ умножилось особенно съ тѣхъ поръ, какъ 2-е Отдѣленіе Академіи Наукъ и Русское Географическое Обще-

ство вырази свое сочувствіе къ трудамъ этого рода; но сколько мнѣ извѣстно, не было приготолено до сихъ поръ окончательно ни одного обширнаго труда, при пособіи котораго можно было бы познакомиться съ Малорусскими нарѣчіемъ основательно и подробно, и ничто подобное не напечатано. Такъ между прочимъ еще несовершенно приготовлена къ печати и Основа Малорусскаго словаря, составленная, для изданія Русскимъ Географическимъ Обществомъ по моимъ матеріаламъ и по моей мысли, которую я предполагаю примѣнить ко всѣмъ мѣстнымъ нарѣчіямъ Русскаго языка и къ нарѣчіямъ Западно-Славянскимъ. Особенно нуженъ Малорусскій словарь. Филологи должны или прибѣгать къ бѣдному пособию словаря г. Войцеховича, напечатаннаго въ IX книжкѣ Трудовъ Общества Любителей Словесности и къ другимъ еще менѣе удовлетворительнымъ сборникамъ Малорусскихъ словъ, напечатанныхъ при разныхъ книжкахъ, или составлять словарики лишь для себя по одиночкѣ. Нуженъ словарь, разумѣется составленный знатокомъ Малорусскаго языка, понимающимъ тяжкія обязанности лексикографа, сообразно съ требованіями науки современной.

Отъ хорошаго словаря Малорусскаго нарѣчія мы можемъ въ наше время ожидать исполненія слѣдующихъ условій:

1. Въ немъ должны быть помѣщены всѣ слова, употребляемыя народомъ. Правда, что болѣе половины ихъ составляютъ общую принадлежность всего Русскаго народа, такъ что если нѣкоторыя изъ нихъ не вдругъ понятны каждому изъ Русскихъ, то только по особенностямъ выговора; но эта общеупотребительность ихъ не можетъ быть поводомъ къ ихъ опущенію изъ словаря, который долженъ между прочимъ отвѣчать и на вопросъ—есть ли въ нарѣчій Малорусскомъ то или другое слово, или же его нѣтъ. Само собою разумѣется, что опредѣлять такія слова нѣтъ никакой надобности, если только съ ними не соединяется въ смыслѣ народа нечто особеннаго.

2. Внося слова въ словарь, надобно отмѣчать, принадлежит ли оно всему Малорусскому народу, или же какому нибудь краю только; а между принадлежащими всѣмъ краямъ отличать женскія и дѣтскія, городскія, промышленныя и т. п.

3. Въ объясненіяхъ, въ числѣ примѣровъ употребленія словъ, самымъ важнымъ источникомъ должны быть народныя пословицы и поговорки, пѣсни и т. п. Можно пользоваться и новыми сочиненіями тѣхъ писателей, которые пробовали выражаться письменно на нарѣчій Малорусскомъ, но отнюдь не какъ литературными авторитетами. Авторитетъ писателей (какъ сказано было мною въ другомъ мѣстѣ), упражнявшихъ свое искусство владѣть нарѣчіемъ Малорусскимъ, не можетъ имѣть той силы, кака я обыкновенно дается авторитету писателей въ словаряхъ того или другаго литературнаго языка: единственный источникъ словаря простонароднаго нарѣчія есть самъ народъ; писатель,

измѣняющій смыслъ словъ народныхъ, не авторитетъ, но образецъ искаженія народнаго говора, а неизмѣняющій не даетъ словарю ничего того, что не можетъ быть въ немъ безъ его помощи. Ни слова, известныя только изъ писателей, ни выраженія писателей не необходимы въ областномъ словарѣ. Сочиненіями Малорусскихъ писателей можно пользоваться только какъ трудами знатоковъ народнаго языка, подѣлывшихъ въ народномъ говорѣ между прочимъ и то, что могло уйти изъ виду составителя словаря при непосредственномъ наблюденіи народной рѣчи. Въ этомъ же отношеніи одинаково цѣнны замѣтки писателей и Малорусскихъ мѣстныхъ, и общихъ Русскихъ—Основляненка, Артемьевскаго, столько же какъ и Нарѣжнаго, Байсаго, Гоголя.

4. Кромѣ трудовъ, соединенныхъ съ простыми объясненіемъ смысла многихъ словъ, которыхъ значеніе не ясно опредѣляютъ выраженія, гдѣ онѣ употреблены или употребляются, составителя словаря Малорусскаго ожидаетъ еще работа объяснять представленія, заключающіяся въ словахъ, сводить для этихъ объясненій факты историко-этнографическіе. О необходимости этихъ объясненій высказано мною нѣсколько замѣчаній въ 1848-мъ году при изложеніи мнѣнія о Словарѣ Церковно-Славянскаго и Русскаго языка. Въ каждомъ языкѣ есть множество словъ, составляющихъ по понятіямъ, ими выражаемымъ, собственность только нѣкоторыхъ мѣстностей и нѣкотораго времени. Невозможность перевода или краткаго опредѣленія этихъ словъ предполагаетъ необходимость объясненій, болѣе отчетливыхъ, нераздѣльныхъ съ знаніемъ народнаго быта и обычаевъ, и чѣмъ менѣе обще, менѣе извѣстно понятіе, выражаемое словомъ—будь это предметъ, дѣйствіе и т. п.,—тѣмъ подробнѣе должно быть объяснено оно. Словарь долженъ быть хранилищемъ, истолкователемъ всѣхъ фактовъ образованности народа, на сколько она выражается звуками его языка, и потому полнота объясненій словъ тѣмъ болѣе въ немъ необходима, чѣмъ тѣснѣе связана она съ особенностями жизни народа. Этого рода объясненія особенно важны въ словарѣ мѣстнаго нарѣчія, которое, отличаясь особенностями выговора и состава, отпечатлѣваетъ на себѣ всегда и особенности народнаго быта, обычаевъ, понятій, повѣрій и т. д.

Глядя съ этой точки зрѣнія на Словарь Малорусскаго нарѣчія, составленный г. Аванасьевымъ, нельзя не сказать, что онъ удовлетворяетъ требованіямъ, хотя и не вполне, но по крайней мѣрѣ на столько, на сколько можно ожидать отъ труда въ своемъ родѣ перваго, не предупрежденнаго въ литературѣ Русской никакими другими, ни по какому изъ мѣстныхъ нарѣчій. Представляю обзоръ Словаря г. Аванасьева по каждому изъ четырехъ вышеобозначенныхъ условій.

1. Г. Аванасьевъ старался дать мѣсто въ своемъ словарѣ всѣмъ словамъ существующимъ въ Малорусскомъ нарѣчій, располагая ихъ въ алфавитномъ порядкѣ по народному

выговору, словамъ дѣйствительно существующимъ, составляющимъ необходимую принадлежность Малорусскаго нарѣчія. Оговаривая это, я имѣю въ виду особенность, замѣченную мною въ Мысляхъ объ Исторіи Русскаго языка (1849): «Рассматривая множество словъ, вновь образованныхъ, нельзя не обратить особеннаго вниманія на то, что какъ въ западныхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ, такъ едва ли даже не болѣе въ нашемъ Русскомъ, созидаются до сихъ поръ слова совершенно новыя, безъ всякаго видимаго пособия прежнихъ общеупотребляемыхъ корней. Воображеніе народа творить ихъ внезапно, безотчетно, и между тѣмъ не рѣдко такъ удачно, такъ ловко выражая понятія, что не смотря на свое какъ будто случайное появленіе, они остаются въ памяти народной и занимаютъ въ ней мѣсто между словами необходимыми. Въ минуты одушевленной бесѣды, они срываются съ языка собесѣдниковъ такъ же неволью какъ и всѣ другія слова, давно знакомыя; но производятъ впечатлѣніе сильнѣе другихъ, дѣлаются любимыми, расходятся изъ дома въ домъ, изъ села въ село, все далѣе, и потомъ — не одно изъ нихъ уже заставляло этимологовъ задумываться, отъ какихъ бы корней могли они произойти. Едва ли впрочемъ можно считать несомнѣннымъ, что всѣ такіа слова — произведеніе чистой случайности или личнаго воображенія тѣхъ, кто въ первый разъ ихъ высказалъ; нельзя по крайней мѣрѣ опустить изъ виду, что нѣкоторыя изъ такихъ словъ, какъ ни безотчетно срывались они съ языка, какъ ни были далеки своею звучностью отъ всѣхъ другихъ словъ, извѣстныхъ тому, кто ихъ произносилъ въ первый разъ, находили себѣ подобныя въ другихъ нарѣчіяхъ. Основываясь на этихъ извѣданныхъ примѣрахъ, надобно допускать возможность, что одно и тоже такое слово, въ одномъ или почти одномъ и томъ же смыслѣ, можетъ быть высказано нѣсколькими людьми въ разныхъ мѣстахъ совершенно независимо и съ тѣмъ особеннымъ оттѣнкомъ звучности, которая требуется характеромъ мѣстнаго выговора. Сверхъ этихъ словъ, какъ будто неизвѣстнаго происхожденія, вновь созидаемыхъ, созидается въ народѣ множество такихъ, которыя будучи произведены отъ словъ извѣстныхъ совершенно правильно, произведены все таки по случаю, для выраженія понятія, которыхъ они безъ особенной случайности не могли бы удержать за собою. Слова перваго рода, если только сдѣлались собственностью хотя бы даже какой нибудь мѣстности, должны найти свое мѣсто въ словарѣ; но нельзя этого сказать о словахъ втораго рода. Отмѣчая ихъ существованіе въ нарѣчій Малорусскомъ, въ Предисловіи, г. Аванасьева не вносить ихъ въ Словарь. Кромѣ такихъ впередъ обдуманыхъ ограниченій, есть неполноты въ Словарѣ г. Аванасьева, какъ отчасти можно судить и по тѣмъ добавочнымъ сборникамъ, изъ которыхъ нѣкоторыя извѣстны уже Отдѣ-

ленію. Таковы сборникъ словъ изъ старинныхъ думъ и сборникъ хозяйственныхъ словъ: тотъ и другой я представляю теперь въ Отдѣленіе съ мыслию, что они должны быть приняты какъ необходимое дополненіе къ главному труду г. Аванасьева.

2. Обозначать кругъ употребленія словъ въ Словарѣ у г. Аванасьева въ виду не было; но для него, какъ для знатока нарѣчія Малорусскаго, сдѣлать приписки этого рода не будетъ трудомъ тяжелымъ, и онъ безъ сомнѣнія исполнитъ это требованіе, если Отдѣленіе признаетъ необходимымъ.

3. Въ отношеніи къ объясненію употребленія словъ выраженіями пѣсенъ, пословицъ и т. д. г. Аванасьева представилъ въ своемъ словарѣ такой трудъ, который въ настоящемъ состояніи лексикографіи Русской можно считать достойнымъ полной признательности. Менѣе всего находимъ въ немъ поговорокъ, болѣе пословицъ, хотя впрочемъ и многія другія не были бы неумѣстны въ словарѣ вполне законченномъ; выписокъ же изъ пѣсенъ, выбранныхъ очень удачно, много. Г. Аванасьева не считалъ нужнымъ приводить ихъ только при тѣхъ словахъ, которыя входятъ въ составъ обыденнаго разговора, хотя онѣ и тутъ были бы у мѣста.

4. Исполнены г. Аванасьевымъ и требованія этнографическія. Слова, имѣющія особенное значеніе въ жизни Малорусскаго народа, объяснены подробно не только какъ слова, но и какъ понятія, предметы, дѣйствія и т. п. Основательное знаніе быта и обычаевъ народа давало ему богатые средства исполнить эти требованія; а памятники прошедшаго времени были имъ приняты какъ пособіе. Въ этомъ отношеніи Словарь г. Аванасьева, по крайней мѣрѣ до появленія трудовъ болѣе совершенныхъ, можно назвать достойнымъ занять мѣсто рядомъ съ Сербскимъ Словаремъ В. С. Караджича. Его появленіе въ печати, Богъ дастъ, будетъ поводомъ къ другимъ трудамъ въ томъ же родѣ, и слѣдовательно дастъ нашей лексикографіи новое направленіе.

По всему этому я считаю Словарь г. Аванасьева драгоценнымъ достояніемъ филологической литературы Русской, вполне достойнымъ изданія.

3-й отчетъ о путешествіи Кандидата С. П. Микуцкаго 1854 г.

Мѣсяцы апрѣль и май я провелъ въ Вильнѣ, и время это употребилъ на посѣщеніе здѣшнихъ ученыхъ и библиотекъ, а также на чтеніе книгъ, въ коихъ я надѣялся найти что либо относящееся къ моему предмету.

Я объяснилъ и представилъ въ Отдѣленіе триста Бѣлорусскихъ словъ, изъ которыхъ многія весьма важны для Русскаго и вообще Славянскаго языковѣданія^{*)}. Приведу здѣсь нѣсколько замѣчаній въ этомъ отношеніи.

^{*)} Этотъ сборникъ уже напечатанъ въ Матеріалахъ для словаря, томъ II, стр. 176—192.

Друкъ (жердка, колъ), отсюда: дручина, областное: ручагъ вмѣсто: дручакъ, и рычагъ вмѣсто дрычагъ.

Цвиць или цвѣць наст: цвѣю, цвѣешь (цвѣсти).

Чирвона рожа цвиць будзя.

Изъ народн. пѣсни.

Нашъ панъ якъ жаръ гориць,

А служечки якъ макъ цвѣецъ.

Изъ народн. пѣсни.

По Санскритски: *сви*, (*свајати*) *tumere, turgere; crescere.*

Въ Литовскомъ языкѣ, уцѣлѣло до сихъ поръ много древнѣйшихъ формъ; но многія формы лучше сохранились въ нарѣчіяхъ Славянскихъ. Такъ напр. Литовскія существительныя мужскаго рода *as*, и женскаго на *a*, въ творительномъ падежѣ единственнаго числа, оканчиваются на *и* (женскаго рода оканчиваются также и на *a*), напр. *wigas* мужъ), *wigu* (мужемъ), *gunka, ganka* (рука), *gunki* или *ganka* (рукою). Въ прежнемъ моемъ Отчетѣ (см. Извѣстія Императорской Академіи Наукъ, т. II, стр. 382—383) я доказалъ, что по древнимъ печатнымъ памятникамъ, и даже по теперешнему народному употребленію, *и* есть настоящее окончаніе означеннаго падежа, для существительныхъ мужскаго рода кончащихся на *as*. Теперь съ совершенною увѣренностію утверждаю, что окончанія *и*, *a*, неполны, и, что Литовскія существительныя женскаго рода на *a*, въ творительномъ падежѣ единственнаго числа, оканчивались первоначально на *и*, *и*, напр. *gunkimi, gankami* (рукою). Если существительныя обоехъ родовъ (средній родъ въ Литовскомъ языкѣ утраченъ), и со всякими окончаніями (по крайней мѣрѣ по древнимъ памятникамъ), въ творительномъ падежѣ единственнаго числа оканчиваются на *и*, то почему же однимъ женскимъ существительнымъ на *a* уклоняться отъ этого правила? Всякое сомнѣніе исчезнетъ, если обратимся къ нарѣчіямъ Славянскимъ. Существительныя женскаго рода на *a* въ творительномъ падежѣ единственнаго числа оканчиваются: въ Польскомъ языкѣ на *a*, напр. *gęca*, въ Сербскомъ на *ом*, *руком*, въ Хорватскомъ на *ит*, *gukim*. Въ книгѣ: «*Mokslas krikščionizmas didelis*» (Пространное Христіанское ученіе), напечатанной въ Вильнѣ 1845 г., на страницѣ 5 находится творительный падежъ единственнаго числа, *kaibimi* отъ существительнаго женскаго рода *kaiba* (рѣчь, языкъ, молва): *imogus atsiskir nug žwieriū kaibimi*—человѣкъ отличается отъ животныхъ рѣчью (даромъ слова).

По современнымъ требованіямъ филологин, изученіе какого либо языка, должно быть историческое и сравнительное; но и въ наше время ученые филологи погрѣшаютъ иногда противъ сего закона своей науки. Ученый Фридрихъ Куршатъ въ книгѣ: *Laut- und Tonlehre der Litauischen Sprache*, на страницѣ 49, говоритъ: существительнаго *Diewas* (Богъ) мѣстный падежъ единственнаго чи-

сла нерѣдко бываетъ *Diewėjė*, для различія отъ почти равнозвучнаго звательнаго падежа (*Diewė*). Стало быть, г. Куршатъ форму *Diewė* (въ Богѣ) признаетъ настоящею, приставку же *je*, въ формѣ *Diewėje*, считаетъ чѣмъ-то случайнымъ. Уже г. Мильке въ своей Грамматикѣ Литовскаго языка, на страницѣ 164, говоритъ что у Литовцевъ, живущихъ на пространствѣ между городами Рагнитомъ и Мемелемъ, существительныя мужскаго рода на *as*, въ мѣстномъ падежѣ единственнаго числа часто оканчиваются на *ėje*, напр. *Diewėje, Ponėje*, вмѣсто: *Diewė, Ponė*. Слова г. Мильке справедливы: въ этомъ я лично убѣдился. До сихъ поръ напр. въ Россіенскомъ уѣздѣ Ковенской губерніи нерѣдко говорятъ: *wigije* (въ мужѣ), *wiedrije* (въ ведрѣ), *darzije* (въ огородѣ), и пр. И такъ, въ Литовскомъ языкѣ, слогъ *je* служитъ отличительнымъ знакомъ мѣстнаго падежа единственнаго числа существительныхъ обоехъ родовъ и всякихъ окончаній, напр. *darzas* (огородъ) *darzeje* или *darzije* (въ огородѣ), *wiedras* (ведро) *wiedreje* или *wiedrije* (въ ведрѣ), *ganka* (рука) *gankoje* (въ рукѣ), *awis* (овца) *awije* (въ овцѣ) и пр. Ради краткости, обыкновенно гласная *e* опускается въ обиходной рѣчи, напр. *pašiej* (дома), *gankoj*, (въ рукѣ). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, слогъ *je* вовсе пропускаютъ, даже въ существительныхъ женскаго рода на *a* напр. *ganko* (въ рукѣ), *galwo* (въ головѣ). Относительно же существительныхъ мужскаго рода на *as*, во всѣхъ прочитанныхъ мною Литовскихъ книгахъ, встрѣчались мнѣ только неполныя окончанія на *e* или *i*, напр. *Diewe* или *Diewi* (въ Богѣ), *darze* или *darzi* (въ огородѣ), *lauke* или *lauki* (въ полѣ) и пр. Извѣстно, что отличительнымъ знакомъ дательнаго и мѣстнаго падежей единственнаго числа у насъ признана гласная *и* (собственно указательное мѣстоименіе, отъ коего у насъ остались только косвенные падежи). Эта гласная *и* въ Славянскихъ нарѣчіяхъ 1) или слилась съ основною формою (*ѣ*—*и*, *ои*, *еи*) напр. *рукѣ*, въ *рукѣ* вмѣсто: *рукаи*, *рукои*, по Литовски: *gunkaj, gunkoj*, — въ городѣ вмѣсто: *городаи*, *городеи*, по Литовски: *gardeje, gardije, garde, gardi* *),—въ хлѣбѣ вмѣсто: *хлѣбаи*, *хлѣбои*. 2) или отпала, напр. *волку* вмѣсто: *волкои*, *волкуи*, по Литов: *wilkuj*. 3) или получила придыханіе *e*, напр. датель: *Бого-в-и*, *домов-и*, *Царе-в-и*; мѣстн: *Малорусск: у хлѣбо-в-и*, на *лombo-в-и* и проч. Въ Польскомъ книжномъ языкѣ, дательный падежъ единственнаго числа, существительныхъ мужскаго рода, обыкновенно кончтся на *owi* напр. *wilkowi, kopiowi, stolowi, domowi* и пр. но въ простонародіи говорятъ: *wilkoju, kopioju, stolaju, domoju*, и пр.

*) Литовское слово *gardas*, тождественное съ Славянскими: *градъ*, *городъ*, *огородъ*, значить: *загорода*, *загонъ*, *овчарня*; стадо овецъ. Въ значеніи: *стадо овецъ*, встрѣчается сіе слово въ Литовскихъ книгахъ XVI и XVII столѣтія. У южныхъ Славянъ: *крьдо* — стадо овецъ.

Сего Іюня 1 числа, я отправился на нѣсколько дней въ Свенцяній уѣздъ Виленской губерніи, гдѣ живетъ смѣшанное Литовское и Бѣлорусское народонаселеніе. Я записалъ съ устъ народа нѣсколько Бѣлорусскихъ пѣсень, и собралъ нѣсколько десятковъ словъ Литовскихъ и Бѣлорусскихъ. Въ говорѣ здѣшнихъ Литовцевъ, особенно стариковъ, преобладаетъ гласная *a* напр. *ašis* (козелъ), *aška* (коза), *baba* (баба), *bralis* (братъ), *geltanas* (желтый), *kaja* (нога), *malis* (глина), *rapas* (баринъ, господинъ), *gaudanas* (красный), *szapas* (бокъ), *szaszugas* (свекоръ), *traba* (зданіе, строеніе), *wagas* (паукъ), *žmagus* (человѣкъ), и пр.

Изъ собранныхъ здѣсь мною словъ приведу хоть одно Бѣлорусск. *валюнъ* (сукновальня) отъ *валиць* (валать сукно или войлокъ), отсюда: Польск. *folusz* (сукновальня).

Въ бытѣ народа можно здѣсь замѣтить нѣсколько остатковъ отъ глубокой древности. Такъ напр. здѣшніе поселяне употребляютъ слѣдующее средство для излѣченія отъ лихорадки: страдающій лихорадкою выносить изъ дому на перекрестокъ и оставляетъ тамъ кочергу, старые истоптанные лапти и лошадиный черепъ.

Нѣсколько словъ о Санскритско-Русскомъ Словарѣ.

К. А. Коссовича.

Составленіе Санскритско-Русскаго Словаря вызвано и осуществлено дѣятельною и неунынною попечительностью II-го Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ о томъ, чтобы сдѣлать общедоступными предметы, способствующіе разъясненію нашего отечественнаго языка, и этимъ удалить всякую возможность односторонности, какъ въ грамматической, такъ и въ лексикологической его обработкѣ.

До сихъ поръ единственнымъ лексикальнымъ средствомъ къ изученію Санскрита былъ Словарь Вильсона; на немъ же основывались и выводы сравнительной лексикологіи, оказавшіеся столь важными и для науки объ отечественномъ словѣ. Но Санскритско-Англійскій Словарь не могъ представлять у насъ возможности проверки, съ должною самостоятельностью, изслѣдованій иностранныхъ ученыхъ, за исключеніемъ развѣ специалистовъ, очень малочисленныхъ и не положившихъ себя, по видимому, главною цѣлью въ изученіи Санскритаго языка — разрѣшеніе вопросовъ, предлагаемыхъ современной филологіей. Кромѣ того, Словарь Вильсона сдѣлался нынѣ библиографическою рѣдкостью, въ слѣдствіе чего, труды по этой части чаще теперь основываются только на небольшихъ глоссаріяхъ, изъ которыхъ полнѣйшій, составленный Берлинскимъ профессо-

ромъ Боппомъ, едва-ли содержитъ сотую долю словаго матеріала Санскритско-Англійскаго Словаря, и можетъ привести къ надлежащему наученію только Багавад-гиты, Санскр. сочиненія названнаго Августомъ Шлегелемъ, и нѣсколькихъ эпизодовъ изъ Магабараты, изданныхъ въ свѣтъ авторомъ глоссарія съ учебною цѣлью; весь же объемъ Санскритской письменности, кромѣ этой очень незначительной ея частицы, остается въ настоящее время, по недостатку словарей, почти недоступнымъ изученію. Съ глубокою признательностью я долженъ вспомнить здѣсь имена Предсѣдательствующаго во II-мъ Отдѣленіи Императорской Академіи Наукъ И. И. Давыдова и Академика И. И. Срезневскаго, которыхъ живительныя бесѣды въ особенности подвинули и ободрили меня къ принятію на себя настоящаго моего труда, требуемаго современной наукой, на пользу отечественнаго языка и просвѣщенія.

Считаю неизлишнимъ рассказать здѣсь, какииъ образомъ составлялся монументальный трудъ Вильсона, и потому обозначить въ краткихъ чертахъ заслуги Европейскихъ Санскритскихъ лексикографовъ, за ними послѣдовавшихъ.

Словари составлялись въ Индіи еще въ то время, когда Санскритскій языкъ былъ ея живымъ господствующимъ нарѣчіемъ. Древнѣйшій и совершеннѣйшій изъ извѣстныхъ туземныхъ словарей былъ составленъ ученымъ воиномъ Амарасингою, жившимъ, по общему мнѣнію пандитовъ, котораго не оспариваетъ и Вильсонъ, при императорѣ Викрамадитѣѣ, за 56-ть лѣтъ до Р. Х.: Амарасинга былъ изданъ въ первый разъ въ Серампурѣ въ 1808-мъ году, съ Англійскимъ переводомъ и объясненіями, знаменитымъ Кольбрукомъ. Самый поздній есть Гемачандры, жившаго около 1174 г. по Р. Х., назанный въ Калькуттѣ 1807 года тѣмъ же Кольбрукомъ, а также и у насъ въ 1847 году трудами Академика Бетлингга и Риё (Rieu). Ссылки въ Словарѣ Амарасинги показываютъ, что были въ Индіи лексикографы и до его времени.

До появленія Словаря Вильсона, т. е. до 1819 года, была возможность изучать Санскритскій языкъ только въ Индіи, при помощи ученыхъ пандитовъ, по словарямъ туземнымъ: такииъ путемъ былъ изученъ Санскритскій языкъ въ концѣ XVIII-го столѣтія первыми основателями Санскритовѣдѣнія въ Европѣ: Кольбрукомъ, Джонесомъ и Вилькинсомъ.

Система Санскритскихъ туземныхъ словарей не имѣетъ ничего общаго съ простотою лексикологической системы, принятой въ Европѣ. Всѣ оны распределены частью по предметамъ, т. е. такъ, что н. п. слова выражающія родство, составляютъ въ нихъ особое отдѣленіе, предметы физическіе особое, звѣри особое и т. д., частью сводятся въ нихъ слова подобозначущія (синонимы) и подо-

бозвучныя (гомонимы); алфавитный порядокъ допущенъ только для нѣкоторыхъ отдѣленій, и то, большею частью, не по первой, а по послѣдней буквѣ объясняемаго корня. Къ этому прибавить должно, что для всѣхъ словъ придуманы корни, составляющіе особенныя собранія корней, изъ которыхъ огромное множество непримѣнимо къ словамъ существующимъ въ памятникахъ Санскритской письменности, переданныхъ потомству, и что все это налагается въ стихотворной формѣ. Можно себѣ представить, сколько требовалось прозорливости и труда отъ упомянутыхъ ученыхъ, которые впервые открыли міру здравыя понятія о лингвистическихъ и литературныхъ сокровищахъ столь отдаленнаго и временемъ и пространствомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, столь близкаго къ намъ по языку, одного изъ первобытнѣйшихъ народовъ міра!

Учреждая касседу Санскритскаго языка въ Калькуттской коллегіи Фортъ-Вилліама, директоры Остъ-Индской Компаніи, вмѣстѣ съ тѣмъ сознавали необходимость въ полномъ Санскритскомъ словарѣ, построенномъ по общо-Европейской лексикологической методѣ, и съ этою цѣлью поручили нѣсколькимъ туземнымъ пандитамъ слить всѣ извѣстные Санскритскіе словари въ одно цѣлое. Этотъ трудъ продолжался много годовъ, и наконецъ былъ совершенъ въ 1809 году подъ присмотромъ и редакціей пандита Рагумани Баттачарѣ: онъ состоялъ изъ четырехъ огромныхъ кварталовъ, писанныхъ Бенгальскимъ шрифтомъ.

Вскорѣ послѣ сего, Генрихъ Гейманъ Вильсонъ, ассистентъ-хирургъ, состоявшій въ службѣ Остъ-Индской Компаніи въ Калькуттѣ, и изучившій тамъ Санскритскій языкъ, поощренный директорами Компаніи и знаменитымъ Кольбрукомъ, принялъ на себя составить Санскритско-Англійскій словарь, на основаніи готоваго уже сюда словарей, довершеннаго Рагумани.

Принявшись за работу, Вильсонъ нашелъ въ сводѣ туземныхъ словарей Рагумани бездну невѣрностей, нашелъ необходимымъ провѣрить за-ново всѣ его источники (туземныхъ словарей у Вильсона было подъ рукою до 76-ти!), и такимъ образомъ создалъ трудъ самостоятельный, при составленіи котораго почти что одинъ только порядокъ сведенныхъ Санскритскихъ словъ въ сводномъ туземномъ словарѣ могъ послужить для Европейскаго составителя нѣкоторымъ облегченіемъ. Этотъ трудъ, образовавшій огромный кварталъ въ 1061 стр., съ предисловіемъ въ 48 стр., въ которомъ Вильсонъ даетъ подробный отчетъ о своей работѣ, напечатанъ въ Калькуттѣ въ 1819 году.

Составляя свой Словарь, Вильсонъ сознавался, что трудъ его былъ бы гораздо совершеннѣе, если бы могъ быть составленъ не по туземнымъ словарямъ, а по литературнымъ памятникамъ, которые изучались бы имъ съ лексико-

логическою цѣлью; но для составленія подобнаго словаря потребовалось бы нѣсколько десятковъ лѣтъ его драгоцѣнной жизни. Прибавимъ и то, что до появленія въ свѣтъ Словаря Вильсона, ни одно Санскритское сочиненіе не было еще напечатано въ Европѣ, да и въ самой Индіи печаталось очень немногo: книга его открыла ученымъ Европы доступъ въ новый міръ, который былъ извѣстенъ только ученымъ Англичанамъ, жившимъ въ Индіи, въ Германіи же, и то по объясненіямъ Амарасинга, одному Фридриху Шлегелю, во Франціи одному Шези. Вскорѣ послѣ появленія Санскритскаго словаря стали появляться, одно за другимъ, и Санскритскія изданія, сопровождаемыя переводами и объясненіями.

Неизбѣжныя недостатки подобнаго труда, составленнаго только по словарямъ туземнымъ, выкупаются основательнымъ знаніемъ Санскритскаго языка, не дававшимъ Вильсону ошибаться при объясненіи словъ, которыхъ вѣрныя основныя значенія, въ слѣдствіе огромной начитанности литературныхъ произведеній Санскритской письменности, оставались въ его памяти; этой-то начитанности мы обязаны и тѣмъ, что въ словарь его внесены Санскритскія обиходныя слова, которыя пропущены въ словаряхъ туземныхъ, и также множество недостающихъ въ нихъ именъ прилагательныхъ. При всѣхъ почти словахъ выставлены въ Словарѣ Вильсона имена Санскритскихъ лексикографовъ и комментаторовъ, въ которыхъ онъ находится.

Во 2-мъ изданіи Санскритско-Англійскаго словаря, напечатанномъ также въ Калькуттѣ въ 1832 году, ссылки на туземные Санскритскіе словари Вильсономъ выпущены, но за то, оно обогащено лексическими сокровищами изъ 10-ти Санскритскихъ сочиненій, которыя были вновь имъ прочитаны съ лексикологическою цѣлью. Кромѣ того, съ признательностью Вильсонъ упоминаетъ о Санскритскомъ Словарѣ на Санскритскомъ же языкѣ ученаго Индуса, его друга, Радавантадэвы, котораго послѣдній томъ вышелъ въ Калькуттѣ только въ 1844 году.

Сравнительное языкознаніе, упроченное профессоромъ Бошомъ, открыло въ Санскритскомъ языкѣ новую стихію, сближающую такъ называемые Индо-Европейскіе языки. Бошъ задумалъ составить словарь, руководствуясь Вильсономъ, но по источникамъ и съ указаніемъ на корни языковъ родственныхъ Санскриту; съ этою цѣлью онъ издалъ предварительно въ Лондонѣ еще въ 1819 году Нага, эпизодъ изъ Магабараты, и потомъ двѣ другія книги, изъ которыхъ каждая содержитъ въ себѣ по нѣскольку краткихъ эпизодовъ изъ той же поэмы. Для этихъ-то небольшихъ изданій, и еще для Багаадгиты, издавннй Авг. В. Шлегелемъ въ 1824 году, Бошъ составилъ полный словарь, въ которомъ всѣ слова были имъ провѣрены по источникамъ и по Вильсону; оказалось, что почти всездѣ,

при опредѣленіи Санскритскихъ словъ, Вильсонъ былъ для Боппа безусловнымъ авторитетомъ. Самостоятельность труда Боппа состоитъ только въ подтвердительныхъ выпискахъ изъ источниковъ и въ части сравнительной Санскритскихъ корней съ корнями другихъ языковъ. Это сочиненіе явилось въ первый разъ въ Берлинѣ въ 1830 году, подъ заглавіемъ: *Glossarium Sanscritum a Fr. Vopp.*

Во 2-мъ изданіи сего труда, явившемся въ свѣтъ въ 1845 году, Боппъ намѣревался расширить его предѣлы. Онъ обѣщавъ ввести въ него, кромѣ словъ изъ упомянутыхъ эпизодовъ Магабараты, прослѣженные имъ въ подлинникахъ слова Гитопадесы и Урваси, а также сблизить съ возможною подробностью Санскритскіе корни съ корнями языковъ Греческаго, Латинскаго, Германскаго, Литовскаго, Славянскаго и Кельтскаго. Не смотря на то, что путь сравнительнаго языковѣднія вообще сколько обширенъ, столько же и скользокъ; однако на этомъ поприщѣ, какъ въ глоссаріѣ, такъ и въ Сравнительной Грамматикѣ, Боппъ обогатилъ науку важными открытіями. Что же касается другихъ обѣщанныхъ прибавленій, то къ сожалѣнію, ни прекрасной драмы Урваси, ни Гитопадесы, по его глоссарію изучить невозможно.

При всемъ томъ *Glossarium* Боппа до сихъ поръ остается неизбѣжною дверью, чрезъ которую не можетъ не пройти, и пройдетъ не безъ пользы, всякій начинающій.

Послѣ труда Боппа первое мѣсто занимаетъ сочиненіе Датчанина Вестергорда (*Westergaard*): *Radices linguae Sanscritae*. 1841. Въ отношеніи практическомъ Вестергордъ уступаетъ Боппу по той причинѣ, что въ его книгу, по примѣру туземныхъ собирателей Санскритскихъ корней, вошли одни только глагольные корни, и потому, при изученіи Санскритскихъ памятниковъ, имъ однимъ пользоваться невозможно; но за то онъ стоитъ несравненно выше Боппа по точности опредѣленія всѣхъ значеній, изъ коихъ ни одно у Вестергорда не выставлено безъ приведенія доказательныхъ мѣстъ изъ Санскритскихъ классическихкихъ или Ведическихкихъ памятниковъ. Послѣ труда Вильсона, это первый трудъ, который, при всей недостаточности своего плана, вполне самостоятеленъ, и который, по изумительной отчетливости въ принятыхъ его авторомъ предѣлахъ, частью оправдываетъ, частью же дополняетъ сочиненіе Вильсона.

Въ параллель съ трудомъ Вестергорда можно бы поставить *Glossarium* Бенфея, приложенный къ изданнымъ имъ въ 1848 году гимназій Сама-веды. Для разумѣнія Сама-веды этотъ глоссарій гораздо существеннѣе труда Вестергордова, потому что въ немъ объяснены не одни глагольные корни вообще, но всѣ слова, заключающіяся въ сихъ гимназахъ; впрочемъ, отлично объясняя памятники Ведическаго

языка, Бенфей содѣйствуетъ объясненію настоящаго Санскрита только косвеннымъ образомъ.

Въ изданіи Санскритскихъ корней, Вестергорда опередилъ Фридрихъ Розентъ, Германскій ученый, преподававшій Санскритскій языкъ въ Лондонѣ. Онъ первый познакомилъ Европу съ Риг-Ведою и умеръ въ цвѣтѣ молодости, оставивъ до сихъ поръ о себѣ въ Британскомъ Музеумѣ трогательное воспоминаніе. Не имѣю подъ рукою его книги *Radices Sanscritae*, изданной въ Берлинѣ въ 1827 году; но, по видимому, она вся вошла въ сочиненіе Вестергорда.

Кромѣ двухъ упомянутыхъ замѣчательныхъ трудовъ по части Санскритской лексикологии имени Вильсона: Боппа и Вестергорда, нельзя не упомянуть о глоссаріяхъ, приложенныхъ къ разнымъ Санскритскимъ христоматіямъ, какъ-то: глоссарію Джонсона къ христоматіи изъ эпизодовъ Магабараты и къ первой книгѣ Гитопадесы, Вестергорда къ его небольшой обще-Санскритской христоматіи, Гильденшестера къ изданію Мегадуть, Лассена къ Санскритской антологіи, и глоссарію Бенфея къ изданной имъ въ недавнее время обще-Санскритской Христоматіи. Всѣ они соотвѣтствуютъ ближайшимъ своимъ цѣлямъ, но для общаго Санскритскаго словаря, за исключеніемъ глоссаріевъ Лассена и Бенфея, при первостепенныхъ пособіяхъ, не представляютъ ничего такого, чего бы въ этихъ пособіяхъ уже не было.

Въ настоящее время общество Германскихъ ученыхъ предприняло издать подъ редакціей младшаго Академика Бетлингера Санскрито-Нѣмецкій Словарь, который, судя по задуманному обширному объему, будетъ принадлежать къ разряду такъ называемыхъ сокровищницъ языка (*thesaurus*); этотъ трудъ извѣстенъ только по одному началу, и потому ничего еще утвердительнаго сказать объ немъ невозможно.

Послѣ всего сказаннаго, опредѣляются сами собою тѣ лексическія пособія, которыми, независимо отъ моихъ собственныхъ разысканій, я долженъ былъ пользоваться при составленіи словаря Санскрито-Русскаго.

Я предначерталъ себѣ представлять въ моемъ трудѣ всѣ безъ исключенія корни Санскритскаго языка, родственнаго Славянскимъ нарѣчіямъ, и слова, встречаемыя въ примѣчательнѣйшихъ классическихкихъ его произведеніяхъ; въ сравненіи корней Санскрита съ корнями другихъ языковъ, кромѣ Русскаго и некоторыхъ Славянскихъ, и ограничиваюсь только языками классическими (Греч. и Лат.) Если это сочиненіе откроетъ въ отечествѣ нашамъ доступъ къ изученію одного изъ древнѣйшихъ и прекраснѣйшихъ языковъ въ мірѣ; то моя цѣль будетъ достигнута; дѣло же распутыванія и приведенія въ надлежащій порядокъ хитросплетеній лексикографовъ туземныхъ совер-

шево уже со славою подвигомъ Вильсона, и могло бы потребовать отъ меня развѣ только одной многолѣтней, безполезной и неблагодарной траты времени.

Оставаясь вѣрнымъ предположенію цѣли, и имѣя въ виду, что сей словарь составляется для моихъ соотечественниковъ, я не усомнился налагать въ немъ Санскритскія слова въ порядкѣ Русской азбуки, вмѣсто принятаго обыкновенія, по которому у Вильсона и въ глоссаріяхъ они расположены въ порядкѣ азбуки Санскритской; не усомнился также приложить Русское произношеніе къ каждому слову, напечатанному Санскритскимъ шрифтомъ, выставлять главныя формы при глаголахъ и именахъ существительныхъ и прилагательныхъ и т. д. Словарь сей назначается для незнающихъ Санскритскаго языка, а потому и думаю, что всякое облегченіе въ дѣлѣ приписыванія словъ и надлежащаго ихъ пониманія, не будетъ сочтено учащимися за излишество. Мысль излагать Санскритскія слова въ порядкѣ Русской азбуки, равно какъ и система, которой я слѣдую при передачѣ Санскритскихъ звуковъ Русскими буквами, принадлежатъ И. И. Срезневскому; ему же мой трудъ обязанъ многими указаніями, внушенными просвѣщенною его опытностію въ ученѣмъ дѣлѣ и живою любовію къ Русской наукѣ.

При переводѣ Санскритской азбуки на Русскую я послушалъ съ буквами, которыхъ у насъ недостаетъ, слѣдующимъ образомъ. Недостающія у насъ буквы я изображилъ Русскими же буквами, отмѣтивъ ихъ особыми знаками, которые читатели увидятъ въ таблицѣ Санскритскихъ буквъ, представленной мною ниже: онѣ слѣдуютъ послѣ подобнозвучныхъ Русскихъ буквъ, общихъ обоимъ языкамъ, или замѣняютъ ихъ, въ случаяхъ, когда Русская азбука не представляетъ буквы однозвучной буквѣ Санскритской; дигласныя *ai* (ай) и *au* (ау) слѣдуютъ послѣ долгаго *a* (а); Санскритское *e* (однозвучное Латинскому и Нѣмецкому *e*) слѣдуетъ послѣ буквы *d* и т. д. Порядокъ буквъ, въ которомъ онѣ налагаются въ Санскрито-Русскомъ словарѣ, представленъ ниже.

Чтобы не оставалось никакого недоразумѣнія на счетъ правилъ, которыхъ я держался, по общему совѣщанію съ Академикомъ И. И. Срезневскимъ, передавая Санскритскія слова Русскими буквами, представляю здѣсь въ общепринятомъ порядкѣ таблицу Санскритскихъ буквъ обыкновеннаго шрифта Деванагары, сопровождаая ихъ Русскими выговоромъ и надлежащими объясненіями.

Гласныя:

Простыя: *अ* а, *आ* ā, *इ* и, *ई* ī, *उ* у, *ऊ* ū, *ए* э, *ऐ* ē.
लृ, लृ, लृ, लृ.

Дигласныя: *ए* e, *ऐ* ai (ai), *ओ* o, *औ* au (au).

Согласныя:

Гортанные: *क* ка, *ख* kha, *ग* га, *घ* gha, *ङ* га.

Небные: *च* ча, *छ* cha, *ज* жа, *झ* jha, *ञ* жа.

Щебральные: *ट* та, *ठ* tha, *ड* да, *ढ* dha, *ण* на.

Зубныя: *त* та, *थ* tha, *द* да, *ध* dha, *न* на.

Губныя: *प* па, *फ* pha, *ब* ба, *भ* bha, *म* ма.

Полугласныя: *य* ja, *र* ра, *ल* ла, *व* ва.

Шипящія: *श* ша, *ष* ша, *स* са, *ह* ха.

Къ этой таблицѣ Санскритскихъ буквъ должно отнести еще два знака: 1) [˙] (точка вверху надъ согласною) и 2) : Оба они встрѣчаются только на концѣ слоговъ и произносятся—первый, какъ Французское носовое *n* (н. п. въ словѣ Français), второй, какъ легкое придыханіе *h* въ Нѣмецкихъ словахъ: sehen, entflohen и т. д.; носовой изъ сихъ двухъ звуковъ именуется въ Санскритскихъ грамматикахъ словомъ *anusvāra*, придыхательный словомъ *visarga*. Анусвара удерживаетъ обозначенное произношеніе передъ *ja*, *ra*, *la*, *ha* и шипящими буквами, употребляется же нерѣдко какъ графическое сокращеніе вмѣсто другихъ носовыхъ звуковъ, заключающихъ каждый изъ 5-ти первыхъ рядовъ таблицы Санскритскихъ согласныхъ; передъ *e* она читается какъ *m*. Настоящую анусвару я изображаю знакомъ *ṃ*, висаргу же знакомъ *ḥ*.

Гласныя Санскритской азбуки раздѣляются: 1) на краткія и долги, и 2) на простыя и дигласныя; что касается удареній, или повышеній голоса, независимо отъ количества слоговъ, то они встрѣчаются только въ Ведическихъ рукописяхъ, писанныхъ на нарѣчій самостоятельномъ, хотя и состоящемъ въ близкомъ родствѣ съ классическимъ Санскритомъ, а потому и переносятъ ихъ произвольно на слова чисто Санскритскія я почелъ, по примѣру Боппа, дѣломъ непозволительнымъ. Гласныя *e* и *o* всегда въ Санскритскомъ языкѣ долги и отнесены къ дигласнымъ на томъ основаніи, что первая возникаетъ изъ сліянія гласныхъ *a* и *i*, вторая изъ сліянія *a* и *u*; произношеніе первой изъ нихъ (*e*) не сопровождается, какъ въ Русскомъ языкѣ, элементомъ буквы *i*, и никогда она не переходитъ въ звукъ буквы *o*, произносится же всегда открыто, подобно Нѣмецкому и Латинскому *e* (e). Долгія гласныя я отмѣчаю знакомъ [˙] (н. п. *ā*), гласныя же *e* и *o* у меня не отмѣчаются никакими знаками, потому что краткими никогда въ Санскритскомъ языкѣ не бываютъ. Дигласная *ai* (ai) равняется въ произношеніи Русскому слогу *ай*, *au*—Латинскому *ам* въ словѣ *audio* и Нѣмецкому въ словахъ *Am*, *am* и т. д., Русскому односложному *ау* въ словѣ *auditoria* (*ау*) и т. п.

॥ श्रीमहाभारते नलोपाख्यानम् ॥

वृहदस्य उवाच

आसीद् राजा नलो नाम वीरसनसुतो बली ।
 उपपन्नो गुणैर् इष्टै रूपावन् अश्वकोविदः ॥ १ ॥
 अतिष्ठन् मनुजैन्द्राणाम् मूर्ध्नि देवपतिर् इव ।
 उपर्य् उपरि सर्वेषाम् आदित्य इव तेजसा ॥ २ ॥
 ब्रह्मण्यो वेदविच् हूरो निषधेषु महीपतिः ।
 अक्षप्रियः सत्यवादी महान् अक्षीक्षणीपतिः ॥ ३ ॥
 ईप्सितो वरनारीणाम् उदारः संयतेन्द्रियः ।
 रक्षिता धन्विनां श्रेष्ठः साक्षाद् इव मनुः स्वयम् ॥ ४ ॥
 तथैवासीद् विदर्भेषु भीमो भीमपराक्रमः ।
 प्रूरः सर्वगुणैर् युक्तः प्रताकामः स चाप्रजः ॥ ५ ॥
 स प्रतार्थं परं यत्नम् अकरोत् सुसमाहितः ।
 तम् अग्यगच्छद् ब्रह्मर्षिर् दमनो नाम भारत ॥ ६ ॥
 तं स भीमः प्रताकामस् तोषयामास धर्मवित् ।
 मक्षिष्या सक् राजेन्द्र सत्कारेण सुवर्चसम् ॥ ७ ॥
 तस्मै प्रसन्नो दमनः सभार्याय वरन् ददौ ।
 कन्यारत्नञ्च कुमारंश्च त्रीन् उदारान् महायशाः ॥ ८ ॥
 दमयन्तीन् दमन् दासन् दमनञ्च सुवर्चसम् ।
 उपपन्नान् गुणैः सर्वैर् भीमान् भीमपराक्रमान् ॥ ९ ॥
 दमयन्ती तु रूपेण तेजसा यशसा श्रिया ।
 सौभाग्येन च लीकेषु यशः प्राप सुमध्यमा ॥ १० ॥
 अथ तां वयसि प्राप्ते दासीनां समलङ्कृतम् ।
 शतं शतं सखीनाञ्च च पर्युपासच् क्वचीम् इव ॥ ११ ॥
 तत्र स्म राजते भैमो सर्वाभरणभूषिता ।
 सखीमध्ये ऽनवद्याङ्गी विद्युत् सौदमिनी यथा ॥ १२ ॥
 अतोव रूपसम्पन्ना श्रीर् इवायतलोचना ।
 न देवेषु न यक्षेषु तादृग् रूपवती क्वचित् ॥ १३ ॥
 मनुषेषु अपि चान्येषु दृष्टपूर्वाथवाश्रुता ।
 चित्तप्रमाथिनी बाला देवानाम् अपि सुन्दरी ॥ १४ ॥
 नलम् च नरशार्दूलो लीकेषु अप्रतिमो भुवि ।

С्रीमहाभारते नलोपाख्यानम्.

Вृहदाद्या उवाच.

~Asīd rājā Nalo nāma Virasena suṭo balī
 Uṣapanno guṇair iṣṭair rūpavān aśvakovidāḥ
 Atiṣṭhān manujendravāṇām mūrdhani devapatiḥ
 Uparj upari sarveṣāṁ āditya iva tejasā
 Brahmanjo vedaviṇṇo hūro niṣadheṣu mahīpatiḥ
 Akṣapriyāḥ satyavādī mahān akṣiṣṭhīpatiḥ
 ~Iṣyito varanārīṇāṁ udārah saṅyateन्द्रियः
 Rakṣitā dhannināṁ śreṣṭhāḥ sāksād iva Manuḥ svajam
 Tatśāvāsīd Vidarbheṣu 'Bhīmo 'bhīmaparākramāḥ
 Śūrah sarvagunair yukṭah prajākāmāḥ sa cāprajāḥ
 Sa prajāṛṭhe paraṅ jātnam akarot susamāhitaḥ
 Tam abjagachchād brahmarṣir Damano nāma 'Bārata
 Taṅ sa 'Bhīmah prajākāmāsa toṣayāmāsa dharmavit
 Mahiṣjā sāha rājendra satkāreṇa suvarchasaṁ
 Tasmai prasanno Damanaḥ sabārjāḥ varan lala
 Kanjāratnān kumārāṅc cha trīn udārān mahāyashāḥ
 Damajantīn Daman Dāntan Damanaṅ cha suvarchasaṁ
 Uṣapanvān guṇāḥ sarvair 'bhīmaṅ 'bhīmaparākramāṅ
 Damajantī tu rūpeṇa tejasā yashasā śriyā
 Saḅbagjena cha lokeshu yashāḥ prāpa sumādhymā
 Aṭa tam vajasi prāpṭhe dāsīnāṅ samalanṅṛtām
 Śataṅ śataṅ sakṣīvāṅ cha parjupāsach 'Chachīm iva
 Tattra sma rājate Bhīmī sarvābaranaḅbūṣitā
 Sakṣīmadje 'navadjanṅī vidjūt sadāminī jātā
 Atīva rūpasampannā Śrīr iva jatalochavā
 Na deveshu na jaksheshu tādrṅ rūpavatiḥ kvacit
 Mānuṣeshv api chānyeshu dṛṣṭapūrvāthavāśrutā
 Chittapramāthīnī bālā devānām api suṅdārī
 Nalaṅ cha narashārdūlo lokeshv apratīmo bhuvan

कर्त्तृष्व इव रूपेणा मूर्तिमान् ध्रुमक्त् स्वयम् ॥ १५ ॥

तस्याः समीपे तु नत्स्म प्रशशंसुः कुतूहलात् ।

नेषधस्य समीपे तु दमयसीम् पुनः पुनः ॥ १६ ॥

॥ ॐ ॥

॥ धृतराष्ट्र उवाच ॥

धर्मक्षेत्रे कुरुक्षेत्रे समवेता युयुत्सवः

मामकाः पाण्डवाश्चैव किमकुर्वत संजय

॥ संजय उवाच ॥

दृष्ट्वा तु पाण्डवानीके व्यूढं दुर्योधनस्तदा ।

आचार्यमपुसंगम्य राजा वचनमब्रवीत् ॥ २ ॥

पश्यैतो पाण्डुपुत्राणामाचार्य महतीं चमूं ।

व्यूढां द्रुपदपुत्रेण तव शिष्येण धीमता ॥ ३ ॥

अत्र प्रूरा महेष्वासा भीमार्जुनसमा युधि ।

युधामन्यु विराटश्च द्रुपदश्च महारथः ॥ ४ ॥

धृष्टकेतुश्चेकितानः काशिराजश्च धीर्यवान् ।

पुरुजित् कुन्तिभोजश्च शैव्यश्च नरपुंगवः ॥ ५ ॥

युधामन्युश्च विक्रांत उत्तमौजाश्च धीर्यवान् ।

सौमद्रो द्रौपदेयाश्च सर्व एव महारथाः ॥ ६ ॥

अस्माकं तु विशिष्टा ये तान् निबोध द्विजोत्तम ।

नायका मम सैन्यस्य संसार्थं तान् ब्रवीमि ते ॥ ७ ॥

भवान् भीष्मश्च कर्णश्च कृपश्च समित्तिसवः ।

अस्यत्थामा विकर्णश्च सौमदन्तिस्तथैव च ॥ ८ ॥

अन्ये च बहवः शूरा मदर्थे त्यक्त्वाङ्घ्रिभिः ।

नानशास्त्रप्रहरणाः सर्वे युद्धविशारदाः ॥ ९ ॥

अपर्याप्तं तदस्माकं बलं भीष्माभिरक्षितं ।

पर्याप्तं विदमेतेषां बलं भीष्माभिरक्षितं ॥ १० ॥

अयनेषु च सर्वेषु यथाभागमवस्थिताः ।

भीष्ममेवाभिरक्षन्तु भक्ताः सर्व एव हि ॥ ११ ॥

Кандар्पा इवा रूपेणा मूर्तिमान् अब्रात स्वयम्

Тас्याः समीपे तु नत्स्म प्राशशंसुः कुतूहलात्

Нашаदासा समीपे तु दामयसीम् पुनाः पुनाः

ॐ.

‘द्रुतराष्ट्र उवाच.

‘दार्माक्षेत्रे कुरुक्षेत्रे समावेता युयुत्सावाः

मांकाः पाण्डावाः चावा किमकुर्वता सांजया

सांजया उवाच.

द्रुष्ट्वा तु पाण्डवानीके व्यूढान् दुर्योधनास्तदा

‘आचार्यम् अपसंगम्य राजा वचनाम् अब्रवीत्

पश्यैताम् पाण्डुपुत्राणाम् आचार्य महतीम् चमूं

व्यूढां द्रुपदपुत्रेण तव शिष्येण धीमता

अत्र सूर्या महेश्वसा ‘भीष्मार्जुनासाम् युधि

युधामन्यो विराटश्च द्रुपदाश्च महारथाः

‘द्रुष्टकेतुश्चेकितानः काशिराजश्च धीर्यवान्

पुरुजित् कुन्तिभोजश्च शैव्यश्च नरपुंगवाम्

युधामन्युश्च विक्रान्ता उत्तमाज्याश्च धीर्यवान्

सौमद्रो द्रौपदेयाश्च सर्वा एव महारथाः

अस्मान् तु विशिष्टाः ये तान् निबोधा द्विजोत्तमा

नायका ममा सैन्यासा सांजयाः तान् ब्रवीमि ते

‘भावान् ‘भीष्मश्च कर्णाश्च कृपाश्च समित्तिसजाः

अस्यत्थामा विकर्णाश्च सौमदन्तिस्तथैव च

अन्ये च बहवः शूरा मदर्थे त्यक्त्वाङ्घ्रिभिः

नानाशास्त्रप्राहराणां सर्वे युद्धविशारदाः

अपर्याप्तास्तदा अस्मान् बलम् ‘भीष्माभिरक्षिताम्

पर्याप्तास्तदा विदमेतेषां बलम् ‘भीष्माभिरक्षिताम्

अयनेषु च सर्वेषु यथाभागम् अवस्थिताः

भीष्ममेवाभिरक्षन्तु भक्ताः सर्वा एव हि

तस्य संतनयन् कूर्षं कुरूवृद्धः पितामहः ।
 सिंहेनाहं विनद्यीश्वैः शङ्खं दध्मी प्रतापवान् ॥ १२ ॥
 ततः शङ्खाश्च भेर्यश्च पपावानकगोमुखाः ।
 सखसैवाभ्यहन्यत्त स शब्दस्तुमुलो ऽभवत् ॥ १३ ॥
 ततः श्वेतैर्कुर्यैर्युक्ते मकृति स्यन्दने स्थितौ ।
 माधवः पाण्डवश्चैव दिव्यौ शङ्खौ प्रदध्मतुः ॥ १४ ॥
 पाञ्चत्रयं कृषीकेशो देवदत्तं धनंजयः ।
 पौण्ड्रं दध्मी महाशङ्खं भीमकर्मा वृकोदरः ॥ १५ ॥
 घनन्तविजयं राजा कुन्तीपुत्रो युधिष्ठिरः ।
 नकुलः सखदेवश्च सुधोषमणिपुष्पकौ ॥ १६ ॥
 काश्यश्च परमेष्वासः शिखाण्डो च महारथः ।
 धृष्टद्युम्नो विराटश्च सात्यकिश्चापराजितः ॥ १७ ॥
 द्रुपदो द्रौपदेयाश्च सर्वशः पृथिवीपते ।
 सौमद्रश्च महाबाहुः शङ्खान् दध्मुः पृथक् पृथक् ॥ १८ ॥
 स घोषो धार्तराष्ट्राणां कृद्यानि व्यदारयत् ।
 नभश्च पृथिवीं चैव तुमुलो व्यनुनादयन् ॥ १९ ॥
 अथ व्यवस्थितान् दृष्ट्वा धार्तराष्ट्रान् कपिध्वजः ।
 प्रवृत्ते शस्त्रसंपाते धनुर्हयस्य पाण्डवः ॥ २० ॥
 कृषीकेशं तदा वाक्यमिदमाह महीपते ।
 सेनयोहभयोर्मध्ये रथं स्थापय मे ऽच्युत ॥ २१ ॥
 यावदेतान् निरीक्षे ऽहं योद्धुकामानवस्थितान् ।
 कैर्मया सह योद्धव्यमस्मिन् रणसमुद्यमे ॥ २२ ॥
 योत्स्यमानानवेत्ते ऽहं य एते ऽत्र समागताः ।
 धार्तराष्ट्रस्य दुर्वृद्धैर्युद्धे प्रियचिकीर्षव ॥ २३ ॥

Тасја санъжаваян харшан Куруврдѣаі питѣмахаі
 Синъханадам винад'оччхи санъан дадмау пратѣпаван
 Татаѣ санъаѣс ча 'берјаѣс ча панава'накагомукаі
 Сахаси'ва'б'јахананта са саблас тумуло 'б'ават
 Татаі шветяр хајяр јукте махати сјандане стѣтау
 Ма'даваі Пандаваѣс чива дивјау санъау прададматуі
 Пѣнчажанајаѣ нршикеѣсо देвадаттан данан'жајаі
 Паундрѣан дадмау маха'сан'кам 'б'имакарма в'ркодараі
 Анантанижајаѣ ра'жаі Кунтѣипутро Јудѣи'ш'тираі
 Накулаі Сахадеваѣс ча суг'шаманипушпакау
 Ка'сјаѣс ча парамеш'ва'саі Си'खा'нди ча маха'ра'таі
 Д'ршгадјумно Вира'таѣс ча Сѣ'га'кис ча'пара'житаі
 Друпало Друпадѣјаѣс ча сарва'саі н'рт'ивипате
 Са'б'драѣс ча маха'ва'бу'ѣ санъан дадмуі н'рт'ак н'рт'ак
 Са го'шо 'Дѣртара'ш'тра'наѣ н'р'лаја'ни в'ла'раја'т
 На'баѣс ча н'рт'ивин'д чива тумуло в'јану'ва'лаја'н
 А'га в'јавас'тѣтан д'рш'тва 'Дѣртара'ш'тра'н ка'пи'д'ва'жаі
 Пра'в'рте са'страсам'пѣте данур уд'ја'нја Пандаваі
 Нршике'сан тада ва'к'јам идам а'ха ма'нипате
 Сенајор у'бајор ма'дје ра'таѣ стѣпаја ме 'ч'јута
 Ја'вад стѣн нир'икше ха'ѣ јод'дук'амѣн авас'тѣтан
 Ка'нр маја са'ха јод'дав'јам асмин ранасамудја'ме
 Јотсјама'ван авен'ше'наѣ ја ете 'тра самѣга'таі
 'Дѣртара'ш'трасја дур'буд'дер јуд'де прија'ч'ик'и'р'ш'ва'лаі

Въ заключеніе прилагаю десять числительныхъ цифръ. Въ системѣ своихъ соединеній, онѣ нисколько не отличаются отъ арифметической Европейской системы, такъ какъ послѣдняя была перенесена въ Европу черезъ Арабовъ изъ Инди.

१ 1, २ 2, ३ 3, ४ 4, ५ 5, ६ 6, ७ 7, ८ 8, ९ 9, ० 0.

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПО ОТДѢЛЕНІЮ

РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ начало съ 1852 года издаваніе «Извѣстій» въ томъ же видѣ, какъ издаются Извѣстія (Bulletins) двухъ другихъ Отдѣленій Академіи.

Въ составъ Извѣстій Императорской Академіи Наукъ по Отдѣленію Русскаго языка и словесности входятъ, кромѣ записокъ о занятіяхъ Отдѣленія и извлеченій изъ протоколовъ о его засѣданіяхъ, сочиненія, какъ Членовъ Академіи, такъ и постороннихъ ученыхъ, читаемыя въ засѣданіяхъ Отдѣленія, именно:—ислѣдованія и замѣчанія касательно языка Русскаго и языковъ, съ нимъ соплеменныхъ, ихъ литературы и древностей;—разборы замѣчательныхъ трудовъ по части филологіи Славяно-Русской; а въ особенныхъ Прибавленіяхъ—памятники языка и словесности, матеріалы для словаря, грамматики и т. п.

«Извѣстія» издаются выпусками или листами; 24 листа съ Прибавленіями составляютъ одинъ томъ. Цѣна тому ТРИ РУБЛЯ СЕРЕБРЯНЪ. Получить можно у Комиссіонера Академіи Глазунова (по Большой Садовой, въ домъ Публичной Библиотеки, подъ №№ 21 и 22) и Эгерса (на Невскомъ проспектѣ №№ 1 и 10). Иногородные читатели благоволятъ относиться съ своими требованіями къ помянутымъ Комиссіонерамъ или въ Комитетъ Правленія Академіи.

СОДЕРЖАНІЕ ВЫПУСКА: Биографическія записки о Членахъ Отдѣленія: Академикъ *И. С. Кочетовъ*. Записка О. Академика *П. А. Плетнева*.—Обозрѣніе замѣчательнѣйшихъ изъ современныхъ словарей, Академика *И. И. Срезневскаго*.—Библиографическія записки: Извѣстія о новыхъ книгахъ, *И. И. Срезневскаго*.—Перечень засѣданій Отдѣленія за іюнь.—Приложенія къ протоколамъ.— Съ симъ выпускомъ выдаются листы ПРИБАВЛЕНІЙ LXVIII—LXX.

БИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ

0

ЧЛЕНАХЪ ОТДѢЛЕНІЯ.

4.

Академикъ *И. С. Кочетовъ*.Записка О. Академика *П. А. Плетнева*.

16-го Марта нынѣшняго года скончался 64 лѣтъ Протоіерей *Иоакимъ Семеновичъ Кочетовъ*, Ординарный Академикъ Императорской Академіи Наукъ по Отдѣленію Русскаго языка и словесности. Родомъ былъ онъ изъ Тамбовской губерніи, сынъ діакона Спасскаго уѣзда села Кочетовки. Первоначальное образованіе дано ему въ Тамбовской духовной семинаріи, гдѣ онъ выслушалъ курсы: богословія, философіи, словесности, исторіи, географіи, ариметики и древнихъ языковъ, Латинскаго и Греческаго. Его ученіе продолжалось тамъ съ 1799 по 1809 годъ. Родившись и воспитывавшись бѣднымъ мальчикомъ, онъ долго оставался безъ замѣтнаго развитія, такъ, что его могли считать за неспособнаго между сверстниками. Врожденная застенчивость еще болѣе скрывала отъ его наставниковъ тѣ умственные дарованія, которыя раскрылись въ немъ въ послѣдствіи времени.

Въ 1809 году *И. С. Кочетовъ* переведенъ былъ для окончательнаго образованія въ Санктпетербургскую Духовную Академію, въ которой и оставался до 1814 года. Чтобы приблизительно опредѣлять, чѣмъ онъ могъ здѣсь воспользоваться, и въ какой степени благотворно было для него вліяніе тогдашнихъ начальниковъ и наставниковъ его, довольно произнести столь справедливо всѣми въ Россіи чтимыя имена Митрополитовъ: *Филарета* Кіевскаго, *Филарета* Московскаго, *Іоны* и Архіепископа *Евгенія*. Академическій курсъ обнималъ почти тѣ же предметы ученія, съ которыми студенты ознакомились въ семинаріяхъ. Въ дополненіе къ нимъ присоединено было преподаваніе эстетики и одного изъ новыхъ иностранныхъ языковъ. Но всѣ усилія молодыхъ дарованій обращены были профессорами на полное развитіе и глубокія исслѣдованія каждой науки. Духовная Академія, какъ богословскій факультетъ, сообщила *И. С. Кочетову* точныя и разностороннія свѣдѣнія по всѣмъ частямъ, какихъ только можетъ въ жизни востребовать санъ духовнаго лица.

Окончаніе этого курса принадлежитъ къ числу самыхъ блистательныхъ. Много ученыхъ трудовъ и краснорѣчивыхъ поученій остается въ Русской литературѣ свидѣтельствомъ того, чѣмъ обязаны Академіи вышедшіе тогда изъ нея молодые люди. Одни филологическія сочиненія Протоіерея *Г. П. Павскаго* убѣдительно доказываютъ, какъ прочно,

многообъятно и для науки благотворно преподаваніе въ высшихъ духовныхъ нашихъ училищахъ. Изъ товарищей І. С. Кочетова по Академіи еще много и другихъ знаменитостей, на которыя здѣсь указать бы слѣдовало. Но ихъ служеніе на высшихъ ступеняхъ духовной іерархіи уже болѣе привлекаетъ вниманіе наше къ ихъ святительскимъ подвигамъ, нежели къ заслугамъ авторскимъ.

Какъ одинъ изъ отличныхъ студентовъ Академіи, І. С. Кочетовъ, по окончаніи послѣдняго экзамена, удостоенъ былъ ученой степени Магистра, въ самой Академіи получилъ должность преподавателя гражданской исторіи съ званіемъ Баккалавра. Черезъ три года ему порученъ былъ классъ исторіи церковной. Тогда же вступилъ онъ въ духовное служеніе, бывши рукоположенъ 7-го Октября 1817 г. въ санъ Священника Царскосельской придворной церкви съ сохраненіемъ обязанности Баккалавра Академіи. Начало его трудовъ въ іерейскомъ званіи было вмѣстѣ началомъ службы въ Царскосельскомъ Лицеѣ, которому онъ имѣлъ счастье, какъ законоучитель, посвятить всѣ остальные тридцать шесть лѣтъ жизни своей. Въ разныхъ вѣдомствахъ и на всѣхъ ступеняхъ какъ военной, такъ и гражданской службы много теперь сохраняется признательныхъ воспоминаній объ его духовныхъ наставленіяхъ, всегда чистыхъ и убѣдительныхъ. Воспитанники бывшаго при Лицеѣ Благороднаго Пансіона равнымъ образомъ пользовались его назидательными уроками.

Ученые труды преподаванія всего очевидно раскрываютъ для просвѣщенныхъ судей проникательность ума, обширность знаній и тѣ счастливыя дарованія, которыя въ удѣлъ достаются не всѣмъ изъ тружениковъ науки. Какъ ни ново было это поприще для І. С. Кочетова, но онъ быстро успѣлъ отличить себя во мнѣніи духовнаго и гражданского начальства. Въ 1818 году Академія возвысила его въ званіе Профессора и дѣйствительнаго Члена своей Конференціи, а Главное Инженерное Училище, въ 1820 году, пригласило его къ себѣ въ Законоучителя — должность, отъ которой онъ уволенъ былъ только послѣ устроенія въ Училищѣ собственной церкви съ особеннымъ при ней Священникомъ.

Разнообразныя педагогическія занятія не много оставляли І. С. Кочетову свободнаго времени для трудовъ кабинетныхъ. Къ сожалѣнію, это по большей части общій удѣлъ лицъ, занимающихъ ученые каедры. Но онъ и на этомъ пути успѣлъ оставить нѣсколько замѣчательныхъ слѣдовъ, сохраняющихъ память о немъ въ духовной литературѣ. Начало къ тому по-

ложено было работою его надъ приготовленною въ духовномъ вѣдомствѣ учебною книгою, подъ названіемъ: «Начертаніе церковной исторіи отъ временъ библейскихъ до XVIII вѣка», которую, по порученію Конференціи Духовной Академіи, онъ долженъ былъ подвергнуть строгому своему разбору и такъ исправить, чтобы она, соотвѣтственно назначенію, могла быть введена въ употребленіе. Изъ собственныхъ его произведеній, первое явилось въ 1823 году, подъ заглавіемъ: «Четыре дѣятельнаго ученія вѣры». Духовная Академія по достоинству оцѣнила книгу его и возвела автора на высшую ученую степень Доктора Богословія. По прошествіи пяти лѣтъ, показалось другое сочиненіе его: «Начертаніе христіанскихъ обязанностей». Обѣ книги встрѣтили у насъ приемъ самый благопріятный въ публикѣ. Изъ числа назидательныхъ для чтенія произведеній, онѣ до сихъ поръ остаются на главномъ мѣстѣ, такъ, что авторъ, въ теченіе жизни своей, успѣлъ представить нѣсколько ихъ изданій, исправленныхъ и умноженныхъ. Изъ духовныхъ рѣчей своихъ онъ напечаталъ только двѣ: 1) «О пагубныхъ слѣдствіяхъ пристрастія къ иностраннымъ языкамъ» и 2) «Слово при освященіи Петропавловскаго Собора по возобновленіи онаго». Совершенно приготовленное къ изданію найдено, послѣ смерти его, сочиненіе: «Психологія, или наука о душѣ». Нельзя не сожалѣть, что безпрерывныя занятія, которыхъ кругъ ежегодно расширялся, особенно по административной части, не позволили ему заняться окончательнымъ приготовленіемъ къ печати: 1) «Записокъ его по преподаванію Закона Божія въ Лицеѣ», и 2) «Лекцій по церковной исторіи, читанныхъ имъ въ Духовной Академіи».

Съ 1825 года І. С. Кочетовъ получилъ новое назначеніе по духовному вѣдомству. Изъ Царскосельской церкви онъ, въ санѣ Протоіерея, переведенъ былъ въ Смоленско-кладбищенскую церковь, по уваженію (какъ выразился въ предписаніи своемъ Высокопросвященный Митрополитъ) особеннаго просвѣщенія его и превосходной нравственности. Весть навѣстно, сколько неуспѣшныхъ трудовъ, сколько подвиговъ самоотверженія требуетъ нелегкій санъ настоятеля въ этомъ служеніи. Но оно согласовалось съ характеромъ смиреннаго труженика. Еще въ первой молодости любимую мечтою его было посвятить себя на служеніе Богу въ тихомъ уединеніи. Здѣсь же, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ городского шумнаго многолюдства, ожидали его постоянныя заботы о благоустройствѣ храма и самой мѣстности, такъ печально

пострадавшихъ отъ бывшаго незадолго передъ тѣмъ наводненія. Можетъ быть, удивительныя способности его къ водворенію порядка, бережливости и всеобщаго довольства долго еще не выказались бы передъ его начальствомъ такъ поразительно, если бы тогдашнія обстоятельства не вызвали ихъ къ дѣятельности. Съ нынѣшней эпохи онъ становится лицомъ, къ которому духовное вѣдомство постоянно обращается въ разныхъ административныхъ случаяхъ. Скоро онъ былъ опредѣленъ въ Члены Правленія Духовной Академіи по внѣшнему ея отдѣленію. Затѣмъ послѣдовало назначеніе его Благочиннымъ церкви на Васильевскомъ острову. Послѣ онъ былъ призванъ въ Члены Духовной Консисторіи. Комиссія Духовныхъ Училищъ поручила ему разсмотрѣніе дѣлъ здѣшней Семинаріи по экономической части съ 1809 по 1826 годъ, что окончилъ онъ съ полнымъ успѣхомъ.

Нельзя удивляться, что всѣми признанныя заслуги І. С. Кочетова возвысили въ глазахъ просвѣщенныхъ людей достоинство ученыхъ и литературныхъ его трудовъ. На каждомъ его предпріятіи и исполненіи видимо впечатлѣны были дарованіе, умъ, сила духа и просвѣщеніе. Императорская Россійская Академія, по предложенію своего Президента, Адмирала Шишкова, въ 1828 году избрала его въ число своихъ Дѣйствительныхъ Членовъ. Обязанности Академика вполне соответствовали его вкусу и призванію. Въ совѣщательныхъ засѣданіяхъ постоянно приносилъ онъ плоды зрѣлыхъ сужденій своихъ, ясныхъ и точныхъ знаній, филологическихъ и философскихъ, свои кроткія, но твердыя убѣжденія и всегда здравыя мысли. Пріготовительныя работы по изданію Словаря, Грамматики и прочія зачатія Академіи составляли его любимое дѣло, которому онъ готовъ былъ посвятить послѣдній свободный часъ свой. Исслѣдованія по языку отечественному онъ считалъ въ нѣкоторомъ смыслѣ священнымъ долгомъ, возлагаемымъ на каждого изъ насъ отечествомъ. Естественно, что Академія съ удовольствіемъ пользовалась его усердіемъ, приглашая его къ участию въ работахъ разныхъ Комитетовъ, которые составлялись въ ней подъ разными наименованіями.

Послѣднее перемѣщеніе его, какъ служителя церкви, совершилось въ 1832 году. Онъ, какъ почетнѣйшій изъ Докторовъ Богословія, былъ опредѣленъ въ Петропавловскій кафедральный соборъ. На него возложили должность Благочиннаго всѣхъ церквей, состоящихъ на Петербургской и Выборгской сторонѣ, и обязанности Цензора проповѣдей, при-

готовляемыхъ къ произнесенію подчиненными ему духовными лицами. Надъ Петропавловскими духовными Уѣзднымъ и Приходскимъ училищами онъ былъ назначенъ въ Ректоры. Они обязаны ему всѣми преобразованиями, отъ которыхъ такъ улучшилось состояніе ихъ по учебной части и по хозяйственной. Еще болѣе содѣйствовалъ онъ благоустройству быта епархіальнаго духовенства, когда избранъ былъ въ старшіе Попечители Санктпетербургскаго епархіальнаго Попечительства о призрѣніи бѣдныхъ духовнаго званія. Столько важныхъ и трудныхъ обязанностей, въ исполненіи которыхъ онъ неизменно являлся самымъ дѣятельнымъ и добросовѣстнымъ лицомъ, не только не предотвратили отъ него новыхъ трудовъ, но какъ бы вызвали ихъ по мѣрѣ возрастающей къ нему общей довѣренности. Его назначили въ Уголовную Палату Депутатомъ при обрѣвизованіи ея дѣлъ, касающихся до мѣстъ и лицъ духовнаго званія, Членомъ оспеннаго Комитета и Членомъ Комитета, учрежденнаго для исправленія ветхостей въ Петропавловскомъ соборѣ. Замѣчательно, что ему два раза суждено было непосредственно приводить разрушающееся къ возстановленію. Кроткія и полныя благомыслия убѣжденія его не тщетно дѣйствовали на сердца людей, отъ которыхъ прямо зависѣло сбереженіе большихъ выгодъ общественныхъ. Безъ этого счастливаго дара многое, съ такою скоростію, не достигнуло бы предположенныхъ улучшеній.

Вторая половина служебной жизни І. С. Кочетова проведена имъ была посреди тѣхъ же разнообразныхъ и общепользныхъ занятій, какія представила намъ первая. Начиная съ 1833 года, онъ все болѣе и болѣе пріобрѣталъ важныхъ порученій, которыми выражалась возрастающая къ нему довѣренность духовнаго его начальства. Въ 1833 году опредѣлили его Членомъ временнаго строительнаго Комитета при Санктпетербургской Духовной Академіи, а на слѣдующій годъ, по Высочайшему повелѣнію, Членомъ строительной Комиссіи при Министерствѣ Финансовъ, для совѣщанія по достроенію Собора всѣхъ учебныхъ заведеній. Тогда же ему ввѣрено было завѣдываніе всѣми лицами духовнаго званія, по разнымъ обстоятельствамъ пріѣзжающими въ столицу и временно поселяющимися въ Петербургской, Выборгской и Васильевской частяхъ города. Въ 1837 году назначили его въ число Членовъ Комитета для перестройки зданій Петропавловскихъ Духовныхъ училищъ.

При всякомъ новомъ назначеніи, если оно требовало предварительныхъ изслѣдованій, І. С. Кочетовъ не щадилъ ни

своихъ трудовъ, ни силъ, спеціально приготовляясь къ совѣстливому исполненію возлагаемаго на него долга. По Высочайшему повелѣнію, въ 1838 году, при Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ учрежденъ былъ Комитетъ для изысканія способовъ къ улучшенію содержанія сельскаго духовенства въ Россіи, куда его опредѣлили Членомъ. Онъ тогда же приступилъ къ изученію этого новаго предмета, и неуклонно успѣлъ прослѣдить весь ходъ дѣла отъ начала Христіанства, и ознакомился съ разными способами содержанія духовенства во всѣхъ современныхъ Христіанскихъ державахъ. Между тѣмъ, въ этомъ же году, ему предписано было поступить въ Члены Строительнаго Комитета, учрежденнаго по опредѣленію епархіальнаго Начальства для разныхъ построеній при Введенской церкви, что на Петербургской сторонѣ. По избранію Святѣйшаго Синода, въ 1842 году, онъ былъ посланъ въ Архангельскъ для обревизованія тамошней Семинаріи по всѣмъ частямъ ея управленія.

Съ 1843 года началась служба его въ Царскосельскомъ Училищѣ дѣвицъ духовнаго званія, первоначально бывшемъ въ завѣдываніи Е. И. В. Государыни Великой Княгини Ольги Николаевны, а нынѣ состоящемъ подъ покровительствомъ Е. И. В. Государыни Великой Княгини Цесаревны. Тамъ І. С. Кочетовъ преподавалъ воспитанницамъ Законъ Божій, исполняя должность Благочиннаго въ Училищѣ и Члена его Правленія. По лестному къ нему довѣрію Августѣйшихъ Покровительницъ заведенія, каждый разъ, когда Начальница испрашивала себѣ увольненіе въ отпускъ, онъ получалъ повелѣніе имѣть главный и непосредственный надзоръ по дѣламъ управленія, а въ 1851 году Святѣйшій Синодъ назначилъ его въ Члены Строительной Комиссіи, учрежденной по случаю построекъ, передѣлокъ и исправленій, производившихся въ зданіяхъ Училища.

Новыя ученые должности, въ соразмѣрности съ административными, непрерывно болѣе и болѣе налагали на него важныхъ трудовъ. Съ присоединеніемъ Россійской Академіи въ 1841 году къ Академіи Наукъ онъ сперва состоялъ Почетнымъ Членомъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности. Но ему Высочайше разрѣшено было участвовать въ занятіяхъ Дѣйствительныхъ Членовъ, въ число которыхъ онъ поступилъ въ 1846 году. Весь четвертый томъ «Словаря Церковно-Славянскаго и Русскаго языка» имъ однимъ обработанъ былъ для чтенія въ собраніяхъ Отдѣленія, и напечатанъ подъ его редакціею. Какъ Академикъ, онъ никогда не

уклонялся ни отъ одного должностнаго труда, а въ послѣднее время, когда началось приготовленіе матеріаловъ новаго изданія Словаря, онъ охотно вызвался обработать всѣ слова на букву Г и сверхъ того опредѣлить съ надлежащею точностію всѣ термины психологическіе. Разсмотрѣніе объясненій всѣхъ словъ, выражающихъ понятія богословскія и вообще религіозныя, считалъ онъ также своею обязанностію. Онъ, по добродушію своему, всегда былъ готовъ помогать и предварительно помогать составителямъ объясненій наставленіями и указаніями, умѣя всегда въ пользу употреблять свою обширную начитанность. Въ его сужденіяхъ и выраженіи понятій видна была особенная точность, которую онъ соединялъ съ ясностію постиженія и готовностію выискать въ самыя противоположныя мысли. Такой умъ не могъ не привлекать къ себѣ всеобщаго довѣрія и уваженія. Изъ иностранныхъ ученыхъ Обществъ, въ 1843 году, Копенгагенское Королевское Общество изыскателей сѣверныхъ древностей избрало его въ число своихъ Сотрудниковъ. Въ здѣшнемъ Лицѣ, на слѣдующій годъ, ему вѣрено было, сверхъ прежнихъ предметовъ, преподаваніе Психологіи и Логикки. Онъ исполнялъ эту новую обязанность свою съ такимъ отличіемъ, что Совѣтъ Лицея, въ 1852 году, исходатайствовалъ ему званіе Профессора богословскихъ и философскихъ наукъ. По опредѣленію Высшаго духовнаго Начальства, на Протоіерея І. С. Кочетова возложены были, въ послѣдніе годы, еще слѣдующія должности: 1) Непосредственнаго Наблюдателя за занятіями духовныхъ воспитанниковъ, обучающихся предметамъ сельскаго хозяйства въ Санктпетербургскомъ Удѣльномъ Земледѣльческомъ училищѣ; 2) Наблюдателя за преподаваніемъ Закона Божія въ пятнадцати свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, состоящихъ въ его благочиніи, въ помощь Главному Наблюдателю по сему предмету, Ректору Духовной Академіи; 3) Члена особеннаго временнаго совѣщательнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, и 4) Члена временнаго совѣщательнаго Комитета при Духовно-Учебномъ Управленіи.

Сознаніе добра и пользы, явно истекавшихъ изъ совѣстливаго исполненія столь разнообразныхъ и непрерывно на немъ лежащихъ обязанностей, конечно служило ему лучшимъ вознагражденіемъ за всѣ заботы, труды и пожертвованія. Въ этомъ чувствованіи, неизменно и неотъемлемомъ, есть счастье, есть радость выше и живѣе ощущенія, обыкновенно замѣчаемаго въ человѣкѣ, достигающемъ отличій. Для Протоіерея І. С. Кочетова не было однако же недостатка и въ

послѣднихъ. По духовному сану своему онъ украшенъ былъ отъ Начальства самыми лестными знаками почестей, свидѣтельствовавшими объ его заслугахъ. Кромѣ объявленныхъ ему Высочайшихъ благоволеній и сверхъ многихъ наградъ, Его Императорское Величество Всемилостивѣйше удостоилъ причислить его къ орденамъ Святыя Анны второй степени съ Императорскою Короною и Святаго Равноапостольнаго Князя Владиміра третьей степени.

Представивъ общественныя отношенія І. С. Кочетова, нельзя умолчать объ его отношеніяхъ семейныхъ, дополняющихъ его поучительную храктеристику. Свѣдѣніями о нихъ мы обязаны лицу достойнѣйшему, зятю его, Священнику Іоанну Базарову, извѣстному въ литературѣ нашей изображеніемъ послѣдняго періода жизни В. А. Жуковского.

Въ званіи Бакалавра Духовной Академіи обезпечивъ себя скромнымъ жалованьемъ, І. С. Кочетовъ не смѣлъ пользоваться плодами трудовъ своихъ, зная, что отъ него ожидали помощи четыре сестры его, по смерти отца оставшіяся въ крайней бѣдности. Онъ охотно дѣлилъ съ ними небольшое содержаніе свое, и даже не рѣшался вступить въ семейный кругъ, пока не устроилъ сестеръ своихъ замужствомъ. За то онъ награжденъ былъ внолѣй счастливою семейною жизнію, продолжавшеюся тридцать шесть лѣтъ. Явнымъ свидѣтельствомъ благословенія Божія надъ этимъ супружествомъ были дѣти, изъ числа которыхъ теперь остаются въ живыхъ шесть сыновей и три дочери. Только одною горькою утратою поражено было родительское сердце: за три года передъ симъ скончалась старшая дочь его, бывшая въ замужствѣ за Священникомъ Іоанномъ Базаровымъ. Изъ числа сыновей І. С. Кочетова четверо находятся на службѣ, оправдывая своею жизнію поученія отца объ ихъ воспитаніи. Старшій первоначально образовался въ Семинаріи, а кончилъ курсъ ученія въ здѣшнемъ Университетѣ. Какъ отличный Кандидатъ, онъ посланъ былъ Министерствомъ Просвѣщенія въ чужіе края для приготовленія себя на кафедру Сельскаго Хозяйства, которую, въ званіи Ординарнаго Профессора, занимаетъ нынѣ въ Харьковскомъ Университетѣ. Второй его сынъ, по окончаніи курса наукъ въ Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ, поступилъ на службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Но за болѣзнію онъ долженъ былъ вскорѣ выйти въ отставку и отправиться за границу къ минеральнымъ водамъ. Двухлѣтнее пребываніе свое тамъ онъ между прочимъ съ пользою упо-

требилъ на познаніе полицейскаго управленія: въ Берлинѣ онъ слушалъ университетскія лекціи, а въ другихъ городахъ изучалъ муниципальное и полицейское устройство. Возвратившись изъ-за границы, онъ, по влеченію къ любимому имъ предмету, снова вступилъ на службу по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, и находится въ Саратовѣ Совѣтникомъ Губернскаго Правленія. Третій изъ сыновей І. С. Кочетова, кончивъ курсъ ученія въ здѣшнемъ Университетѣ, посвятилъ себя исключительно изученію химіи и сопряженныхъ съ нею камеральныхъ наукъ, и только недавно отправился на службу въ Сибирь по горной части. Четвертый, также изъ воспитанниковъ Александровскаго Лицея, состоитъ на службѣ въ Канцеляріи Санктпетербургскаго Военнаго Генераль-Губернатора. Двое младшихъ еще обучаются, одинъ въ здѣшней Духовной Академіи, а другой въ Маринской Гимназіи. Надобно согласиться, что немногимъ изъ родителей ниспосылается въ такой мѣрѣ семейное счастье.

Какъ начальникъ подчиненныхъ своихъ, І. С. Кочетовъ для всякаго былъ лучшимъ совѣтникомъ, помощникомъ и какъ бы отцомъ. Лучшимъ тому доказательствомъ служили искреннія слезы многихъ лицъ, пролитыя надъ его гробомъ при погребеніи. Онъ не довольствовался однимъ только исполненіемъ долга своего, но изыскивалъ разныя средства поправить состояніе, улучшить участь, облегчить тяжесть положенія людей, отъ него зависѣвшихъ. Кротость нрава его смягчала въ немъ строгость взысканій по долгу. Искренность его намѣреній обращала къ нему сердца и тѣхъ, которые по заблужденію первоначально считали себя чѣмъ нибудь обиженными отъ него. Постоянное и неутомимое усердіе его въ наблюденіи надъ точнымъ исполненіемъ собственныхъ обязанностей болѣе всего дѣйствовало на водвореніе порядка въ дѣлахъ и уваженія долга въ его подчиненныхъ.

Такимъ образомъ жизнь чловѣка, образованнаго въ духѣ Христіанскаго ученія, и огражденнаго чистотою нравственности отъ заблужденій людей суетныхъ и легкомысленныхъ, становится поучительнымъ зрѣлищемъ для всѣхъ и завиднымъ жребіемъ для многихъ, которые, по видимому, успѣли стать на дорогѣ болѣе заманчивой и открытой къ исполненію великихъ замысловъ.

ОБОЗРѢНІЕ

ЗАМѢЧАТЕЛЬНѢЙШИХЪ ИЗЪ СОВРЕМЕННЫХЪ СЛОВАРЕЙ.

Академика И. И. Срезневскаго.

IV.

A dictionary of the English language. By S. Johnson, with numerous corrections and additions by H. J. Todd. Lond. 1814. 4 тома. Heidelberg. 1828. 2 тома.

— A new dictionary of the English language. By Charles Richardson. Lond. 1836—1837. 2 тома.

— A dictionary of the English language. By Noah Webster. Revised and enlarged by Chauncey A. Goodrich. 3 изданіе. По Лондонской отпечаткѣ 1853 года LXXXIV—1367 стр. въ три столб.

Вліяніе Итальянской Академіи della Crusca и Академіи Французской, распространяясь по всей образованной Европѣ, не миновало и Англій: первые замѣчательные Словари Англійскаго языка для Англичанъ были въ значительной степени подражаніями Словарей этихъ Академій—по мысли, если не по исполненію. Такими были прежде другихъ и Словарь Джонсона. Какъ онъ ни старъ по времени появленія (первое изданіе его вышло въ 1755 г.), нельзя однако не вспомнить о немъ здѣсь не только потому, что имъ начинается ученая словарная разработка новаго Англійскаго языка, но и потому что онъ до сихъ поръ, въ новыхъ изданіяхъ, остается необходимымъ пособіемъ для Англичанъ, какъ будто произведеніе современное. Особенно замѣчательны передѣлка Тодда и сокращеніе Вокера (Walker), уже издавна, заслужившее общую довѣренность^{*)}. Продолжателями Джонсона можно назвать и Аша и Ричардсона. Всѣхъ новыхъ Словарь ученаго Англо-Американца Вебстера; два раза, въ 1828 и въ 1840 году, былъ онъ изданъ самимъ авторомъ, а въ 1847 г. приготовленъ къ третьему изданію при содѣйствіи многихъ ученыхъ проф. Гудричемъ, и какъ важнѣйшій лексикальный трудъ для Англійскаго языка перепечатанъ въ Лондонѣ въ 1853 году^{**}). Всѣ эти словари могутъ быть поставлены въ рядъ съ важнѣйшими изъ современныхъ словарей, будучи дѣйствительно обширны и богаты содержаніемъ. Последній значительно болѣе Словаря Французской

Академіи^{*)}, а въ сравненіи съ Словарями Ланде и Бешреля, хоть и менѣе, но не столько по содержанію, сколько по внѣшней величинѣ. Нельзя не замѣтить, что ни самимъ Вебстеромъ, ни продолжателями его безсмертнаго труда ничто не было забыто, чтобы на возможно меньшемъ пространствѣ помѣстить какъ можно болѣе полезныхъ замѣчаній; этому помогала, конечно, и самая сжатость Англійскаго языка, но еще болѣе постоянное стараніе не тратить словъ по пустому и давать мѣсто только тому, что дѣйствительно важно въ словарѣ языка. Этотъ такъ называемый «Американскій Словарь» (the American dictionary) не похожъ на Словарь Французской Академіи, какъ не трудъ Академикова, старавшихся избѣгать мелочныхъ недостатковъ; но не похожъ и на Словари Ланде и Бешреля, какъ трудъ не компилятора, а настоящаго ученаго, осторожнаго въ довѣрчивости къ трудамъ, знаніямъ и словамъ другихъ столько же, какъ и къ своимъ собственнымъ. По всему этому Словарь Вебстера можетъ быть почитаемъ лучшимъ представителемъ лексикографическихъ работъ, принимаемыхъ для Англійскаго языка въ наше время. Знаменитый Дидотовскій Royal dictionary English and French есть только извлеченіе изъ Тоддовой передѣлки Джонсонова Словаря, изъ Словаря Вебстера и другихъ^{**}).

Обращая вниманіе на понятія Англійскихъ лексикографовъ о внѣшнемъ богатствѣ словаря должно съ особеннымъ уваженіемъ вспоминать о трудѣ Джонсона: огромная масса словъ уже имъ отмѣчена была для Англійскаго словаря. Не безъ нѣкоторыхъ ограниченій, но съ очевиднымъ стараніемъ представить въ своемъ Словарѣ подборъ словъ, сколько возможно болѣе обширный и разнообразный, онъ далъ въ немъ мѣсто словамъ всякаго рода, — вмѣстѣ съ общеупотребительными въ языкѣ разговорномъ и литературномъ, и простонародными, обветшалыми, нововводимыми, областными, иностранными, не забывая и терминовъ наукъ, искусствъ, промышленности и т. п. Продолжателямъ и исправителямъ его труда оставалось идти по проторенной дорогѣ. Повернуть съ этого пути по тому направленію, которое долго отстаивала Французская Академія, взвѣсивая цѣнность каждаго слова, и находя болѣе ловкимъ многія изъ нихъ пропустить, чѣмъ внести, не могло уже казаться кетати. Не мудрено, что Англій-

^{*)} A critical pronouncing dictionary and exposition of the English language. Последнее, имъ извѣстное, изданіе вышло въ Лондонѣ 1848.

^{**}) Такъ уже и первое изданіе Вебстеровскаго Словаря перепечатано было въ Лондонѣ въ 1830—1832 году, а второе въ 1842 году.

^{*)} Онъ заключаетъ въ себя болѣе 385,000 строкъ, тогда какъ Джонсоновъ заключаетъ такихъ строкъ около 280,000.

^{**}) Royal dictionary English and French, compiled from the Dictionaries of Johnson, Todd, Ash, Webster and Crabb. By Prof. Fleming and Tibbins. Paris. 1844. 1 томъ in 4°.

скіе словари ранѣе Французскіихъ обогатились разнообразнымъ множествомъ словъ, и что теперь въ нихъ находишь почти все, что желаешь, и многое такое, чего и не воображаешь найти. Между прочимъ богаты они и словами простонародными. Къ тому количеству, которое замѣтилъ Джонсонъ, почти столько же прибавлено Тоддомъ и Ричардсономъ. О словахъ простонародныхъ, къ числу которыхъ относятъ и названія разныхъ принадлежностей быта мужиковъ, Вебстеръ думалъ такъ: «Иногда порицаютъ лексикографовъ за внесеніе въ словари низкихъ простонародныхъ словъ и техническихъ терминовъ, извѣстныхъ только людямъ, специально занимающимся тѣмъ или другимъ ремесломъ. Согласенъ; можетъ быть, дѣйствительно, въ подобныхъ случаяхъ лексикографы впадаютъ въ крайность; но считаю долгомъ замѣтить, что простонародныя слова вообще суть самыя древнія и наиболѣе утвердившіяся въ языкѣ. Они столько же необходимы для того класса народа, который ихъ употребляетъ, сколько и отборныя слова для ораторовъ и поэтовъ. Не мѣшаетъ прибавить, что такія слова особенно важны для лексикографа, потому что наводятъ на истинное, первоначальное значеніе словъ, которое сохранилось только въ простомъ быту и нигдѣ больше». Давая мѣсто въ Словарѣ своимъ простонароднымъ словамъ всякаго рода, Вебстеръ сдѣлалъ исключеніе только въ отношеніи къ словамъ низкимъ, непристойнымъ. Онъ считалъ неумѣстнымъ для себя то простодушіе, которое позволяло Джонсону и его продолжателямъ вовсе не думать о приличіяхъ, въ увѣренности, что «слово какаго бы ни было смысла, будетъ въ немъ исвать только тотъ, кому нужно знать его значеніе». Что касается терминовъ наукъ, искусствъ и промышленности, то ихъ важность признана Англійскими лексикографами уже издавна: ихъ цѣнилъ уже Джонсонъ; его пропуски, болѣею частью нечаянные, были отмѣчаемы его послѣдователями. Вліяніе Французской Академіи, какою она была въ прошломъ вѣкѣ, выражалось, правда, довольно рѣзко на трудахъ Англійскихъ лексикографовъ нерѣшительностью, заставлявшею ихъ задумываться надъ вопросомъ, давать ли или не давать въ словарь мѣсто тѣмъ или другимъ словамъ, нужнымъ для выраженія разныхъ мелочей науки, искусства и промышленности, и нерѣшительность ихъ была нерѣдко въ ущербъ полноты словаря; но она все болѣе ослабѣвала, особенно въ послѣднія десятилѣтія, когда лексикографы начали заботиться не столько о выборѣ, сколько о множествѣ словъ. Такому пути слѣдовалъ между прочимъ и Ричардсонъ,

внеся множество прежде незамѣченныхъ словъ и изъ писателей и изъ говора народнаго. Вебстеръ, не сомнѣваясь въ необходимости терминовъ, какъ важной части состава языка, наиболѣе требующей объясненій, задумывался только надъ тѣми изъ нихъ, которые принадлежать къ числу словъ новыхъ, не всѣми принятыхъ и слѣдовательно не утвердившихся въ языкѣ. «Нѣкоторые писатели — говоритъ онъ — дозволяютъ себѣ такія слова, которыя всякій здравомыслящій желалъ бы отвергнуть. Несправедливо было бы впрочемъ отвергать всѣ новые термины, такъ какъ они часто необходимы для выраженія новыхъ идей. Успѣхи въ искусствахъ и наукахъ замедлились бы, еслибы не дать мѣсто въ словарѣ названіямъ предметовъ вновь изобрѣтенныхъ. Лексикографъ не отвѣчаетъ за писателей дурно пользующихся правомъ выдумывать слова. Я думаю, долгъ его вписать и объяснить всѣ слова, которыя въ ходу у заслуженныхъ писателей и въ хорошемъ разговорномъ языкѣ, не входя въ разсужденія о томъ, войдутъ ли такія слова во всеобщее употребленіе и надолго ли, или не войдутъ. Въ будущемъ употребленіе ихъ зависать отъ общественнаго вкуса и отъ ихъ пользы, а это такія обстоятельства, которыя составитель словаря рѣшать самъ не можетъ». Множество такихъ словъ заходятъ въ языкъ изъ другихъ языковъ, и потому лексикографъ, открывая мѣсто въ своемъ словарѣ терминамъ всякаго рода, вноситъ въ него массу словъ иностранныхъ: такъ дѣлаютъ новые лексикографы Французскіе; такъ сдѣлалъ Вебстеръ еще прежде ихъ. Въ его Словарѣ ихъ несчетное множество, еще болѣе увеличившееся усердіемъ его продолжателей въ новомъ изданіи. Иначе и быть не могло. Англійскій языкъ, вдревле соединяя въ себѣ элементы Романскіе съ Германскими (особенно Французскій съ Саксонскимъ) и въ слѣдствіе этого съ утратою первообразной народности состава потерявъ и требовательность строя, легко могъ брать слова изъ другихъ языковъ даже безъ всякаго измѣненія формы. Промышленный бытъ народа требовалъ этихъ заимствованій и упрочивалъ ихъ въ народѣ, а литература не могла не угождать ему, и съ своей стороны приучила народъ къ тѣмъ заимствованіямъ, которыя ей самой были кстати. Все это вмѣстѣ дошло до того, что нѣтъ слова, которое, какому бы языку оно ни принадлежало, не могло бы войти въ Англійскій языкъ — если не на всегда, то по крайней мѣрѣ на время. Что остается послѣ этого дѣлать лексикографу, у котораго въ виду языкъ, какъ онъ есть, а не ка-

кимъ бы его хотѣлось кому нибудь видѣть въ силу тѣхъ или другихъ убѣжденій? Вебстеръ, желая сдѣлать свой словарь сколько можно болѣе полезнымъ для всѣхъ читателей, долженъ былъ дать въ немъ мѣсто всѣмъ словамъ иностраннымъ, вошедшимъ въ книги и въ народный обычай, между прочимъ преимущественно терминамъ разныхъ отраслей промышленности. Кромѣ тѣхъ иностранныхъ словъ, которыя получили въ той или другой мѣрѣ право гражданства въ Англійскомъ языкѣ, заносятся въ словари, по примѣру, указанному уже Джонсономъ, слова и даже выраженія, остающіеся какъ иностранныя (напр. *badinage, bas bleu, centime, devoir, enseinte, entrepot, faience, — otium cum dignitate, lusus naturae, reductio ad absurdum, particeps criminis, pater patriae, tableaux vivans, — de facto, entre nous, mutatis mutandis, ne exeat, ne quis nimis*, и пр.). Въмѣстѣ съ иностранными словами еще съ большимъ правомъ на свое мѣсто въ словарѣ Англійскаго языка занимаютъ такого же рода слова коренныя Англійскія или издавна ународовавшіяся, но областныя. Англійскіе лексикографы издавна обратили на нихъ свое вниманіе, руководствуясь мыслию, что въ общій словарь должны быть занесены областныя слова не только тѣ, для которыхъ нѣтъ равносильныхъ въ языкѣ общемъ, но даже и тѣ, которыя, касаясь природы и народнаго быта, хотя и могутъ быть замѣнены другими, но остаются въ ходу какъ болѣе отгѣняющія собою выразительность рѣчи. Чѣмъ менѣе развивается литература на мѣстныхъ нарѣчіяхъ языка, тѣмъ болѣе такихъ словъ вносится въ литературу общую; писатели, привыкающіе къ своимъ областнымъ выраженіямъ, дорожатъ ими, какъ украшеніями не только слога, но самой мысли. При этомъ нельзя не замѣтить особенное положеніе Англійскаго языка въ отношеніи къ важности его областныхъ богатствъ: вообще онъ тотъ же, по крайней мѣрѣ на письмѣ, и въ Европѣ, и въ колоніяхъ, и въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ; всюду однако обстоятельства мѣстности и политическаго быта содѣйствовали введенію въ обычай очень многихъ особенныхъ словъ, незамѣнимыхъ другими и болѣе всѣхъ другихъ драгоценныхъ для всѣхъ въ той странѣ, гдѣ онѣ усвоены. Такихъ словъ особенно много у Англо-Американцевъ, которые не употребляя многихъ словъ, остающихся въ ходу въ Англии, считаютъ ихъ чѣмъ-то въ родѣ отсталыхъ, устарѣлыхъ. Языкъ Англо-Американцевъ отличается отъ языка Англичанъ между прочимъ терминами юридическими: это должно было произойти въ слѣдствіе отличія общественнаго

устройства и особеннаго развитія понятій. Слова этого рода обратили на себя особенное вниманіе Американца Вебстера, занесшаго ихъ въ свой Словарь въ очень большомъ количествѣ. Не менѣе этихъ словъ стоили вниманія и слова устарѣлыя, особенно тѣ, которыя касаются народнаго быта прошедшихъ вѣковъ: собирать ихъ сталъ уже Джонсонъ; его сборникъ увеличенъ былъ Толдомъ и Ричардсономъ; Вебстеръ не презрѣлъ ихъ трудами въ этомъ отношеніи, но и не повелъ ихъ далѣе. Тутъ одна изъ самыхъ слабыхъ сторонъ Словаря Вебстера: онъ довольствовался готовымъ, думая, что «хотя многіе изъ такихъ словъ важны для изслѣдователей древности, но для массы читателей они бесполезны» — и, конечно, противорѣча самъ съ собою; иначе бы не включилъ въ словарь и многихъ другихъ словъ, не менѣе бесполезныхъ для массы читателей, да и вообще былъ бы гораздо менѣе требователемъ въ своемъ желаніи сдѣлать словарь удовлетворительнымъ въ отношеніи къ полнотѣ. Впрочемъ не въ этомъ одномъ выказалась непоследовательность Вебстера: съ именами собственными случилось у него тоже. Трудно сказать, чѣмъ именно руководился онъ въ ихъ выборѣ, но помѣстилъ ихъ въ Словарѣ очень много — географическихъ, географико-историческихъ, мнѣологическихъ, и т. п., — много, но отнюдь не всѣ, даже не всѣ важныя, — и вмѣстѣ съ тѣмъ ни одного имени личнаго, тогда какъ имена личныя, употребляемыя народомъ, прежде всѣхъ другихъ должны бы, казалось, быть отмѣчаемы лексикографомъ, какъ необходимая принадлежность языка народнаго, въ которой всегда отражается его гибкость и выразительность. Говоря о значеніи собственныхъ именъ въ Англійскихъ словаряхъ, нельзя забыть той черты, которою эти словари отличаются отъ многихъ другихъ. Собственное имя можетъ сдѣлаться корнемъ нѣсколькихъ производныхъ, какъ напр. у насъ слово *Цыганъ* дала производныя: *цыганить, цыганскій* и пр. Въ нѣкоторыхъ изъ такихъ производныхъ словъ таится особенный смыслъ, не только въ нѣкоторыхъ; болѣе же частію въ нихъ, кромѣ значенія грамматическаго, нѣтъ никакого отличія отъ того собственнаго имени, которое было для нихъ корнемъ, напр. *Французскій, по-Французски, обфранцузиться, Волжскій, Приволжскій, Поволжье, Поволжскій, Ивановъ, Ивановскій, Иванщина*, и пр. Большая часть лексикографовъ опускаютъ ихъ, по правилу, которому слѣдовала изстари Французская Академія. Англійскіе лексикографы думаютъ не такъ: по ихъ мнѣнію эти слова — такое же достояніе языка, какъ и всѣ остальные; и слова, подобныя

Englishry, to freuchify, frenchlike, Americanism, to americanize, Russian, European, Roman, Romish, Romanizm, to romanise, и т. п. п., собираются ими тщательно. Очевидно, что и коренныя собственныя имена могутъ быть вмѣстѣ съ ними.

Слѣдуя постоянно азбучному порядку въ расположеніи словъ, Англійскіе лексикографы отличались одни отъ другихъ только въ отношеніи къ сложнымъ словамъ. Иные думали, что слова подобныя water-hen, moog-hen, water-lily, may-lily, приличнѣе ставить подъ родовыми, каковы hen и lily, и разумѣется, съ трудомъ проводили свою мысль по всей массѣ словъ. По этому бѣльшая часть лексикографовъ, начиная отъ Джонсона, ставили и ставятъ сложныя слова, какъ есть, какъ будто и несложныя. Джонсонъ и нѣкоторые изъ его послѣдователей даже не раздѣляютъ многихъ изъ нихъ на составныя части посредствомъ черточки. — Что касается до видоизмѣненій словъ, не подчиняющихся обычнымъ грамматическимъ правиламъ, то всѣ Англійскіе лексикографы, начиная отъ Джонсона, однаково считали нужнымъ помѣщать ихъ въ словарь какъ отдѣльныя слова: кромѣ *I, thou, he, she, we, you, ye, they* есть и *me, thee, him, her, us, them*, кромѣ *may, will, flee, get* есть и *might, would, fled, got*, кромѣ *drink, lie* есть *drunk* и *drank, lain* и *lay*. Не найти въ словарѣ такихъ особенныхъ формъ было бы для Англичанина такъ же странно, какъ для насъ (пока) выражать желаніе, чтобы въ словарѣ на особенныхъ мѣстахъ стояли *меня, мною, его, имъ, есть, былъ, буду, плыву, жуу, сяду, съль* и т. д.

Какъ современникъ первыхъ усилій Европейской филологіи, Джонсонъ, хотя и не думалъ придавать своему Словарю этимологическую важность, нашелъ однако нужнымъ кратко объяснять происхожденіе словъ или сравнивать ихъ съ тѣми, съ которыми они сходны по звукамъ и значенію. (Такъ напр. *priest* онъ сравнилъ съ А.-Сакс. *prest* и Франц. *prestre, print* съ Франц. *imprimer, empreinte, shovel* съ А.-Сакс. *scoff* и Нѣм. *Schaufel, syringe* съ Греч. *σύρσϋξ*, и т. д. Эти замѣчанія Джонсона по своей краткости мало удовлетворительны; но для начала было довольно и этого. Можно подумать, что даже и не для начала, потому что послѣдователи Джонсона до сихъ поръ довольствуются такими же краткими замѣтками и даже большею частію тѣми же самими. Вебстеръ менѣе всѣхъ другихъ берегъ время и мѣсто въ Словарѣ своемъ для этимологическихъ разысканій, и хотъ не всегда удачно, но ненарасно. Кто знаетъ, сколько трудностей соединено съ работою этого рода, тотъ безъ сомнѣнія высоко оценитъ Сло-

варъ Вебстера, какъ обильное матеріаломъ пособіе для языковѣднн. При показаніи происхожденія и родства Англійскихъ словъ Вебстеръ обыкновенно слѣдовалъ такому порядку: Послѣ Англійскаго объясняемаго слова онъ помѣщалъ соответствующее ему слово того языка, изъ котораго оно вошло въ Англійскій, потомъ тоже слово на другихъ языкахъ того же племени; а наконецъ на языкахъ другихъ племенъ. Если не было никакого достаточнаго повода сомнѣваться въ коренномъ тождествѣ словъ, то они вносились безъ оговорокъ; если же сближеніе могло казаться сомнительнымъ, то Вебстеръ оговаривалъ вѣроятность сродства, или же ставилъ вопросительный знакъ. Вообще Вебстеръ высоко цѣнилъ эту работу свою, и потому позволилъ себѣ выразиться о ней довольно рѣзко: «Я увѣренъ — говоритъ онъ, что многое, несомнѣнное для меня, покажется сомнительнымъ тому, кто менѣе моего знакомъ съ предметомъ и кто не вдругъ можетъ ясно понять цѣль умозаключеній, утвердившихъ меня въ моихъ выводахъ». Нельзя не замѣтить особеннаго взгляда Вебстера на этимологическое сродство словъ въ языкахъ, взгляда, достойнаго ума безпристрастнаго, сколько ни пристрастно обставленъ онъ частными мнѣніями и примѣненіемъ къ дѣлу: «Когда я сравниваю какое нибудь Англійское слово съ соответствующими ему словами того или другаго изъ Семическихъ языковъ; то я никакъ не предполагаю дать этимъ знать, что слово это произошло или занято изъ этого восточнаго языка. Я привожу напр. Семическое רָבַע , какъ глаголъ, соответствующій Англійскому *break*, какъ одно и тоже слово въ обоихъ языкахъ, но вовсе безъ мысли, что *break* занято нашими предками отъ Евреевъ или Халдеевъ: это было бы такъ же справедливо, какъ и то, что רָבַע произошло отъ Англійскаго *break* или Нѣмецкаго *brechen*. Если я провожу слово *coin* черезъ Французскій, Итальянскій и Испанскій языкъ отъ Арабскаго قَانَ , то отнюдь не думаю, что *coin* происходитъ отъ Арабскаго, а только признаю, что оба слова, Арабское и Англійское, происходятъ отъ одного общаго корня. Въ отношеніи къ кореннымъ словамъ всякаго Европейскаго языка всякое подобное производство не правильно.... Дѣло въ томъ, что всѣ туземныя слова во всѣхъ Европейскихъ языкахъ столько же древни, сколько и въ Азіатскихъ, и если одни и тѣ же слова встрѣчаются въ Семическихъ и Іафетическихъ языкахъ, то изъ этого можно несомнѣнно заключать, что такія слова существовали до расселенія племенъ; народы обоихъ племенъ имѣютъ ихъ изъ одного общаго источника; народы, ихъ упо-

требляющіе, такъ же древни какъ и самыя слова. Потому-то, когда я привожу слова чужихъ языковъ, какъ соответствующія Англійскимъ, то представляю ихъ только какъ сходныя или какъ тѣ же самыя, хотя измѣненныя въ выговорѣ, правописаніи и значеніи». Матеріалъ, которымъ пользовался Вебстеръ, очень разнообразенъ: не только языки Германскіе, Романскіе съ Латинскимъ, Кельтскіе, Греческій, Семитскіе, но даже Русскій съ другими Славянскими нарѣчіями, Персидскій, Санскритскій давали ему слова для сближенія. Современные филологи, безъ сомнѣнія не могутъ быть довольны Вебстеромъ за недостаточность показаній Санскритскихъ; но его нельзя не извинить, потому что онъ былъ внѣ возможности пользоваться пособиями, если бы даже и былъ увлеченъ Германской школой *). Само собою разумѣется, что тутъ дѣло идетъ не о тѣхъ словахъ, которыя взяты въ Англійскій языкъ въ историческое время изъ другихъ языковъ, особенно изъ Романскихъ, и именно болѣе всего изъ Французскаго: при объясненіи происхожденія такихъ словъ Вебстеръ указывалъ тѣ чужестранныя слова, изъ которыхъ они произошли, и если эти слова въ языкѣ, изъ котораго заняты, суть сложныя, то обозначалъ, изъ какихъ именно частей они составлены **).

Даровитый основатель зданія Англійскаго словаря, Джонсонъ не опустилъ изъ виду и опредѣленія значенія словъ какъ въ отношеніи къ ихъ синтаксическому употребленію, такъ и въ отношеніи къ понятіямъ, ими выражаемымъ. Онъ сдѣлалъ для Англійскаго языка почти тоже, что Французская Академія для Французскаго. Вебстеръ позволилъ себѣ пенять на Джонсона въ разныхъ ошибкахъ опредѣленій словъ и расположенія смысловъ ихъ, но нерѣдко или дословно его держался, или только перемѣнялъ слова опредѣленія. Этимъ я вовсе не думаю унижать заслугу Вебстера, а только указываю на давность у Англичанъ начала основательныхъ трудовъ въ одной изъ самыхъ трудныхъ

*) Чтобы видѣть, какъ именно Вебстеръ пользовался своимъ матеріаломъ, приведу небольшія выписки: *Ply*, v. t. Fr. *plier* to bend or fold, formerly written *ployer* whence *employ*; Arm. *plega*, W. *plygu*, It. *piegare*, Sp. *plegar*, Port. *pregar*; L. *plico*, Gr. *πλέχω* to fold; Sax. *pleggan* to play and to lie on, D. *plegeen* to use, to exercise; Dan. *plejer* to exercise, to perform an office, to tend, to nurse; G. *pflegen*, id; Sw. *plaga*. That these words are from the root of *lie, lay*, is obvious, for in G. *liegen*, to lie, signifies also to *ply*, to *apply*. The prefix *p* may be used for the Teutonic *be; beliegen*, to lie close, to bend to.

**) Такъ напр. при *amianthus* указано Греч. *αμιαντος*, какъ сложное изъ отрицанія *α* и глагола *μαίνω* to pollute or vitiate: so called—прибавлено далѣе—from its incombustibility, и сдѣлана ссылка на Плинія 36. 19. Такъ у слова *complexed* замѣчено Лат. *complexus*, какъ производное отъ *complexor*, to embrace, сложное изъ *con* и *plecto* to weave or twist; и тутъ же обозначены какъ сродныя съ *plecto*, Греч. *πλέχω*, Лат. *plico*, Валис. *plygu*. Армор. *plega*, Франц. *plier*, Итал. *piegare*, Исп. *plegar*, Белг: *plouyjen* to fold, bend or double. Не при всѣхъ словахъ находятъ такія сближенія; но все таки ихъ огромное множество.

частей словарнаго дѣла. Безъ сомнѣнія, въ продолженіе столѣтія послѣ Джонсона наблюденія надъ богатствами Англійской фразеологіи и составомъ Англійскаго языка, распространеннымъ въ слѣдствіе развитія образованности и литературы, не могли не увеличиться и не обогатить словарнаго матеріала драгоценными и обильными замѣчаніями; но многое изъ того, что сдѣлано Джонсономъ, не нуждалось въ передѣлкахъ и до сихъ поръ: это видѣть можно изъ новыхъ изданій Джонсонова Словаря, изъ переработки Тодда и другихъ, такъ же точно какъ и изъ словарей Аша, Ричардсона, Вокера (Walker) и самаго Вебстера. Кромѣ опредѣленій, словъ Джонсонъ собралъ довольно много данныхъ для отличенія словъ подобнозначущихъ, довольно много особенныхъ оборотовъ, въ которыхъ слова получаютъ разные оттѣнки значенія и т. д. Многое и изъ этого остается доселѣ въ Англійскихъ словаряхъ, хотя, конечно, никто уже не думаетъ вспоминать, что это наслѣдіе Джонсона. Напрасно было бы приводить примѣры опредѣленій словъ изъ Англійскихъ словарей: метода, въ нихъ принятая, та же что и во Французскихъ словаряхъ; а потому иногда и все опредѣленіе слова во всемъ его составѣ одно и тоже въ тѣхъ и другихъ. Особенно много сходства можно замѣтить между Ланде и Вебстеромъ. Можно только сказать, что у Вебстера, по крайней мѣрѣ въ новомъ изданіи, болѣе точности и достовѣрности; хотя и въ его Словарѣ есть статьи очень поверхностныя — по крайней мѣрѣ по обстановкѣ, и при всемъ богатствѣ пособій, какъ книгъ, энциклопедическихъ и специальныхъ сочиненій, такъ и учености сотрудниковъ, отзываются иногда отсталостью или незнаніемъ. Такъ напр. *руна* опредѣлена только какъ буква рунической (по Вебстеру, то же что древней Готской) азбуки; *Эдда* названа книгою, «которой первая часть заключаетъ въ себѣ міеологію сѣверныхъ народовъ Европы, а вторая образцы поэзіи скальдовъ»; *базаръ* описанъ только какъ мѣсто продажи товара; *полькъ* придано значеніе моднаго Венгерскаго танца; объ *уланакъ* сказано, что это «особый родъ ополченія у новыхъ Татаръ»; о *кракенѣ*, что это — «предполагаемое огромное морское животное»; и пр. Нельзя не поставить на видъ какъ замѣчательное достоинство Словаря Вебстера, что въ немъ всегда обозначенъ источникъ, изъ котораго взято свѣдѣніе или философское опредѣленіе; на свою долю, т. е. безъ ссылокъ, онъ оставилъ только слова обыкновенныя, общеразговорныя. Источники иногда выбраны неудачно (такъ напр. при описаніи *Эдды* указанъ Маллетъ); но случаи этого неудачнаго выбора исче-

злотъ въ массѣ другихъ, гдѣ и источники внушаютъ довѣріе, и опредѣлительность свѣденія соединяется съ ученостью. Особенно это можно сказать о словахъ по наукамъ опытнымъ и искусствамъ, для которыхъ въ Англійской литературѣ есть много превосходныхъ специальныхъ словарей, кромѣ общахъ энциклопедическихъ. Англійскій лексикографъ находитъ себѣ пособіе не только въ Penny Cyclopaedia, Encyclopaedia Americana, Brande's Encyclopedia of science, literature and art и т. п., но и въ Crabb's Technological dictionary, Mac-culloch's Commercial dictionary, Ure's Dictionary of manufactures, arts and mines, Partington's British cyclopaedia of natural history, и пр. и пр.

Отъ Джонсона идетъ у Англичанъ обычай подтверждать значеніе словъ примѣрами писателей. Джонсонъ обогатилъ свой Словарь такимъ огромнымъ множествомъ выписокъ изъ писателей, что это въ послѣдствіи ставили ему въ укоръ, находя, что онѣ во многихъ случаяхъ совершенно бесполезны, а во многихъ другихъ по крайней мѣрѣ непожѣрно длинны. И Джонсонъ однако иногда, не дѣлалъ выписокъ, а только приводилъ имя писателя, намекая этимъ на то, что слово, подлѣ котораго обозначенъ тотъ или другой писатель, было употребляемо имъ преимущественно, или отъ него получило обозначенный смыслъ. Эта метода сокращенныхъ свидѣтельствъ, при пересмотрѣ Джонсона, все болѣе входила въ обычай. Она впрочемъ не уронила обычая выписывать примѣры изъ писателей — и духовныхъ (начиная съ перевода св. Писанія), и свѣтскихъ (начиная съ Шекспира), сколь ни случайно были они замѣчаемы, и сколь ни мало могли служить образцами изящнаго слога или постепеннаго измѣненія значенія словъ. Здѣсь можно замѣтить противоположность Англійскихъ лексикографовъ съ Французской Академіей и ея вольными и невольными послѣдователями: Французская Академія, гордясь своимъ собственнымъ авторитетомъ, не ссылаясь на писателей, обогащала все болѣе свой Словарь общеупотребительными выраженіями и народными пословицами и поговорками; Англійскіе лексикографы напротивъ постоянно считали годнымъ для себя матеріаломъ только тѣ части общеупотребительныхъ выраженій, которыя можно считать какъ бы сложными словами (напр. to go without, look you, on the neck), съ своимъ особеннымъ смысломъ, и цѣлыя предложенія или періоды изъ сочиненій писателей. Немногія пословицы и поговорки, которыя случайно попались въ словари, исчезаютъ въ нихъ промежду множествомъ того, что принадлежитъ не народу, а личностямъ лю-

дей, владѣвшихъ языкомъ народа. Если страннымъ можетъ казаться отсутствіе литературныхъ ссылокъ въ трудѣ Французской Академіи, то еще страннѣе отсутствіе образцовъ народнаго языка, этого неисчерпаемаго рудника жизненныхъ силъ литературы, въ трудахъ Англійскихъ лексикографовъ. И нельзя назвать послѣдовательностію занесеніе въ словарь словъ простонародныхъ безъ тѣхъ фразъ, въ которыхъ и эти слова и другія, хотя и общеупотребительныя, живутъ полною жизнью своей, въ которыхъ однихъ и останутся въ послѣдствіи, когда выйдутъ изъ употребленія въ простой разговорной рѣчи.

Множество разныхъ добавленій къ общимъ словарямъ издано и въ Англии и въ Англо-Американскихъ штатахъ отдѣльными книгами: есть прекрасные сборники словъ областныхъ, древнихъ и старинныхъ, словари сослововъ, словари правительнаго выговора, и пр. Значительная часть результатовъ этихъ трудовъ принята уже въ общіе словари. Нѣтъ еще однако ни при одномъ изъ нихъ того важнаго, если не по исполненію, то по крайней мѣрѣ по мысли, добавленія, котораго опыты въ недавнее время обнаружены П. М. Роджетомъ, подъ названіемъ «Сокровищница Англійскихъ словъ и выраженій»^{*)}. Задача Роджета — представить всѣ богатства языка не въ азбучномъ порядкѣ словъ, чтобы можно было легко найти значеніе всякаго слова и условія его употребленія, а напротивъ того въ логическомъ порядкѣ представленій, выражаемыхъ словами, чтобы можно было легко найти то слово или выраженіе, которымъ должно выразить ту или другую мысль. Не ново сознаніе важности такого сборника словъ (какъ не пово съ нимъ сродное предположеніе о возможности придумать общіе знаки для выраженія общихъ идей); но до сихъ поръ еще не было, сколько мнѣ извѣстно, ни одного сборника, въ которомъ бы слова какого нибудь языка были расположены въ систематическомъ порядкѣ. Причина заключается, вѣроятно, въ трудности придумать такой порядокъ, въ которомъ бы для всякаго слова нашлось приличное мѣсто, и въ необходимости посвятить труду много времени, можетъ быть, понапрасну. Роджетъ рѣшился еще въ 1805 году на этотъ подвигъ, занялся дѣломъ сначала самъ для себя, и окончилъ его довольно скоро, но не для печати. Только гдѣ за шесть передъ снѣгъ принялся онъ за переработку своего труда для публики, трудился неуспѣшно около четырехъ лѣтъ, и надалъ какъ

*) Thesaurus of the English words and phrases, classified and arranged so as facilitate the expression of ideas and assist in literary composition. Lond. Первое изданіе 1832 г., второе 1833.

опытъ. Не смотря на неполноту и краткость, «Сокровищница» его была принята съ признательностью, такъ, что черезъ восемь мѣсяцевъ потребовалось новое изданіе. На сколько можно было, въ новомъ изданіи сдѣланы поправки и дополненія. Многимъ не понравится ни планъ Роджета, ни его образъ занесенія словъ въ опредѣленные для нихъ мѣста; тѣмъ не менѣе нельзя не уважать въ этой книгѣ самой рѣшимости автора. Глядя такъ на трудъ Роджета, я считаю не напраснымъ сообщить здѣсь нѣсколько данныхъ о планѣ, которому онъ слѣдовалъ. — Всѣ представленія, выражаемыя словами, Роджетъ подвелъ подъ шесть главныхъ разрядовъ: I. Общія соотношенія — abstract relations, II. Пространство — space, III. Матерія—matter, IV. Разумная сила—intellect, V. Воля—volition, VI. Влеченія—affections. Каждый изъ этихъ разрядовъ подраздѣленъ на отдѣлы: въ разрядѣ отвлеченныхъ представленій отмѣчены: бытіе, отношеніе, количество, порядокъ, число, время, перемѣна, причины (causation); въ разрядѣ пространства: пространство вообще, величины, формы, движенія; въ разрядѣ матеріи: матерія вообще, неорганическая, органическая; въ разрядѣ разумной силы: образованіе идей, сообщеніе идей; въ разрядѣ влеченій: влеченія вообще, личныя влеченія, симпатическія, нравственныя, религіозныя. Каждый изъ отдѣловъ составленъ изъ нѣсколькихъ подраздѣленій (всѣхъ вмѣстѣ около 100); напр. отдѣлъ матеріи органической заключаетъ въ себѣ слѣдующія подраздѣленія: 1-е, жизненность вообще и въ частности, 2-е, чувство вообще и въ частности чувства осязанія, теплоты, вкуса, запаха, звука, свѣта; отдѣлъ воли общежительной заключаетъ въ себѣ: I) общности, II) частности, III) условія, IV) отношенія по владѣнію, т. е. 1-е, собственность вообще, 2-е, переходъ собственности, 3-е, обмѣнъ собственности; 4-е, денежные отношенія. Къ каждому изъ такихъ подраздѣленій подведено по нѣсколькимъ статьямъ (всѣхъ вмѣстѣ 1000), расположенныхъ такъ, чтобъ легко могли быть отыскиваемы понятія противоположныя; напр. къ подраздѣленію о жизненности частной отнесены слѣдующія статьи:

364. Животность.	365. Растительность.
366. Животныя.	367. Растенія.
368. Зоологія.	369. Ботаника.
370. Хозяйственныя заботы о животныхъ.	371. Хозяйственныя заботы о растеніяхъ.
372. Человѣчскій родъ.	
373. Мужчина.	374. Женщина.

Въ каждой изъ статей помѣщены слова, непосредственно къ ней относящіяся. Такъ напр. въ статьяхъ 364 — 367 находимъ:

364. Животность, животная жизнь, дыханіе, животныя.	365. Растительность растительная жизнь, прозябаніе.
366. Животныя, царство животныхъ, фауна.	367. Растенія, прозябаемыя, царство растеній, флора.
- (Затѣмъ исчислены разныя названія животныхъ и растеній, напр. звѣрь, скотъ, дерево, плодовое дерево, кустарникъ, названія собраній животныхъ и растеній, напр. звѣринецъ, гѣсъ, потомъ нѣсколько прилагательныхъ, напр. зоологическій, рыболовный, рыбій, растительный, травяной, гѣсной и пр.).

И изъ этихъ немногихъ примѣровъ видно, какъ мало удовлетворительно расположеніе статей и содержаніе каждой изъ нихъ въ книгѣ Роджета. То и другое, безъ сомнѣнія, зависѣло отчасти отъ общаго взгляда, но еще болѣе отъ метода труда. Общій взглядъ его до того отвлеченный, что Роджетъ и незамѣчалъ, какъ предметы, очень близкіе, расходились у него по разнымъ частямъ книги. Такъ напр. музыка отошла у него къ разряду матеріи, къ статьямъ о звукѣ, а живопись и ваніе къ разряду разумной силы къ статьямъ о естественныхъ средствахъ сообщенія идей; гражданскія власти отошли къ разряду воли, къ общимъ статьямъ объ общежительной волѣ, а дворянство къ разряду влеченій, къ статьямъ о влеченіяхъ внѣшнихъ, и т. д. Мнѣ бы казалось, что чѣмъ болѣе было бы положительности въ общемъ взглядѣ, тѣмъ болѣе было бы и возможности избѣгать сбивчивости въ расположеніи статей. Что касается до метода труда, то у Роджета было кажется болѣе надежды на свое соображеніе, чѣмъ боязни не припомнить того, что именно нужно сказать; а потому онъ и не потрудился пересмотрѣть (разумѣется не одинъ, а нѣсколько разъ) всего Англійскаго словаря, чтобы постепенно внести въ свою «Сокровищницу» если не всѣ слова исключительно (что, впрочемъ необходимо), то крайней мѣрѣ большую часть, и дополнить такимъ образомъ свои значительные пропуски. Впрочемъ каковы бы ни были несовершенства труда Роджета, онъ достоинъ признательности и уваженія. При помощи его книги уже легче будетъ найти систему болѣе удобную и дойти до полноты болѣе удовлетворительной. И нѣтъ сомнѣнія, что со временемъ при всѣхъ хорошихъ словаряхъ будутъ прилагаемы такіе систематическіе обзоры словъ, необходимые для всѣхъ въ той же мѣрѣ, какъ необходимы и самые словари. Увидимъ, покажетъ ли этому первый примѣръ кто вибудъ изъ Англійскихъ лексикографовъ; а ожидать этого можно бы, кажется, отъ ихъ стараго навыка примѣняться къ нуждамъ читателей и писателей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ.

НОВЫЯ КНИГИ.

— Опытъ биографіи Н. В. Гоголя, со включеніемъ до сорока его писемъ. Сочиненіе *Николая М.* СПб. 1854. (8°: 208 стр.).

Подробности жизни писателя, такого какъ Гоголь, тѣсно связаннаго съ своимъ поколѣніемъ сочувствіемъ простыхъ читателей и литераторовъ, всегда любопытны въ литературно-историческомъ отношеніи. Такое сочувствіе ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть безъ причинъ; въ такомъ писателѣ должна быть какая нибудь сила возбуждать его, или сила положительная, непосредственная сила высшаго дара глубоко мыслить и чувствовать и вѣрно выражать свою мысль и чувство, или по крайней мѣрѣ внѣшняя сила обстоятельствъ, зависящая отъ состоянія литературы, отъ образованности и настроенія общества. Въ подробностяхъ жизни такого писателя, особенно если онъ возбуждалъ умы не только за себя, но и противъ себя, отразится эта сила, какъ бы мало ни заботился объ этомъ его биографъ, лишь бы только подробности были переданы имъ вѣрно и въ довольно большомъ количествѣ. Безъ нихъ, по однимъ сочиненіямъ и по отзывамъ о нихъ критиковъ, нѣтъ возможности оцѣнить такого писателя тѣмъ, кто внѣ очарованнаго круга, очеркнутого имъ вокругъ себя, для своихъ современниковъ и для ближайшаго потомства. Если не для современниковъ, то по крайней мѣрѣ для потомства найдутся въ нихъ отвѣты на вопросы не только о писателѣ, но и объ обществѣ, для котораго онъ писалъ, о его состояніи въ отношеніи къ потребностямъ ума и вкуса. — Думая такъ, нельзя не прочесть съ особеннымъ любопытствомъ книги г. М., въ которой прослѣдилъ онъ немногіе годы жизни Гоголя, его связи съ людьми и трудовъ литературныхъ съ увлеченіемъ, заставлявшимъ его дорожить всякой чертою, хоть сколько нибудь дополняющей цѣлость очерка. Тутъ есть много частныхъ случаевъ, въ которыхъ Гоголь высказывалъ себя словомъ или дѣломъ, много его писемъ, и т. п. Книга г. М. любопытна и какъ выраженіе понятій о Гоголѣ одного изъ его поклонниковъ, отражающее въ себѣ взглядъ большинства. Не лзя впрочемъ сказать, чтобы въ ней была полная биографія Гоголя: объ этомъ теперь и думать еще рано.

— Древнія грамоты и другіе письменные памятники, касающіеся Воронежской губерніи и частию Азова. Собраны и изданы *Н. Второвымъ* и *К. Александровымъ Дольниковымъ* Воронежъ. 1851 — 1853. Три книжки (8°: XII + 168 + 94, XI + 202 + 99 + VIII, XII + 224 + 104 + XI и чертежи).

Отмѣчаю здѣсь этотъ сборникъ, не только какъ богатый матеріалъ для исторіи юридическаго языка XVII вѣка и для исторіи гражданскаго образованія Воронежскаго края подъ влияніемъ первыхъ четырехъ Царей благословеннаго дома Романовыхъ (1625 — 1706), но и какъ одинъ изъ образцовъ тщательнаго изданія памятниковъ старинной письменности. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи заслуживаютъ особенной признательности указатели, приложенные къ каждой изъ книжекъ. Одинъ изъ нихъ есть систематическій указатель предметовъ; онъ раздѣленъ на три статьи: въ одной отмѣчены всѣ мѣста актовъ, касающіяся странъ и народовъ, находившихся въ сношеніяхъ съ Россіей; въ другой мѣста актовъ, говоряція о Россіи вообще, ея внѣшнихъ отношеніяхъ, внутреннихъ событіяхъ, государственномъ устройствѣ, законодательствѣ, дѣлахъ духовныхъ, ратномъ дѣлѣ, полиціи, правахъ гражданскихъ, дѣлопроизводствѣ, судѣ и расправѣ, государственныхъ доходахъ и расходахъ, повинностяхъ, народной образованности, торговлѣ и промыслахъ, художествахъ и ремеслахъ, частномъ бытѣ; въ третьей отмѣчены мѣста актовъ, касающіяся областей Россіи и ихъ различныхъ мѣстностей. Далѣе слѣдуютъ алфавитные указатели именъ географическихъ и именъ лицъ. Затѣмъ помѣщенъ словарь старинныхъ словъ и при немъ замѣтки о грамматическихъ особенностяхъ языка актовъ: въ словарѣ отмѣчены слова, не находящіяся въ Академическомъ Словарѣ или помѣщенные тамъ въ иномъ значеніи. Эти указатели во всѣхъ трехъ книжкахъ занимаютъ до 300 страницъ мелкой печати. Такихъ указателей нѣтъ ни при одномъ изъ изданій актовъ.

— *Leichtfassliche Slovenische Sprachlehre für Deutsche*, von A. Janežič. 1-er и 2-er Jahrgang. Dritte umgearbeitete Auflage. Klagenfurt. 1854. 8°.

— *Slovenska slovnica s kratkim pregledom Slovenskega slovaša*. — Spisal A. Janežič. V Celovcu. 1854 (8°: VII + 182).

Имя А. Янежича отмѣчено было въ Извѣстіяхъ, какъ имя составителя Словаря Хорутанскаго нарѣчія. Два новые труда его заслуживаютъ неменьшаго вниманія, и особенно послѣдній. Въ своемъ родѣ онъ рѣдкость. Кромѣ кратенькой грамматики Водника, изданной почти за полвѣка передъ симъ, не было до сихъ поръ ни одной книги и книжки, въ которой бы Хорутанскій Словенецъ могъ найти наложеніе правилъ своего языка на своемъ или на какомъ нибудь родственномъ нарѣчіи: грамматики Хорутанскаго нарѣчія пишутся, какъ и писались, только на чужихъ языкахъ, болѣе на Нѣмецкомъ, рѣдко на Латинскомъ и Итальянскомъ, хотя почти исключительно природными Словенцами. Янежичъ написалъ одну для Нѣмцевъ по Нѣмецки, другую для Словенцевъ по Словенски. Послѣ трудовъ Даянка, Копитара и другихъ, составленіе краткой грамматики Хорутан-

скаго нарѣчія не представляетъ большихъ трудностей: главнѣйшія части матеріала готовы. Менѣе всего изслѣдованы мѣстныя видоизмѣненія нарѣчія, заключающіяся отчасти и въ особенностяхъ формъ, а болѣе въ особенностяхъ произношенія; но кто же изъ составителей краткихъ грамматикъ доселѣ дорожилъ ими, имѣя въ виду болѣе всего задачу установленія письменнаго языка! Таже задача была въ виду и у Янежича: онъ могъ приняться за ея посильное рѣшеніе безъ особенныхъ наблюденій и изысканій; кое гдѣ высказалъ и ихъ, но не столько для главной массы читателей, сколько для охотниковъ—въ примѣчаніяхъ. Практическая цѣль заставляла его избѣгать и вообще подробностей. Впрочемъ какъ ни коротка эта Грамматика, какъ ни мало въ ней того, чѣмъ можетъ дорожить языковѣдъ, она очень любопытное явленіе и для языковѣда. Прежде всего бросается въ глаза правописаніе: оно не то, какимъ писали прежде, а иногда пишутъ и теперь Хорутанскія книги, не то правописаніе, которое способно отвратить всякаго Славянина отъ Хорутанскаго нарѣчія, а такъ называемое аналогическое, т. е. новое Чешское съ примѣненіемъ къ нуждамъ мѣстнымъ, легко примѣняемое къ каждому изъ Славянскихъ нарѣчій. Нельзя сказать впрочемъ, чтобы и оно въ примѣненіи къ Хорутанскому нарѣчію не представляло ни какихъ трудностей: отыскать вѣрную середину между требованіями выговора и этимологіи, примирить ихъ взаимно всегда бывало тѣмъ труднѣе, чѣмъ менѣе представлялось возможности подчиниться тѣмъ или другимъ требованіямъ исключительно. Въ Хорутанскомъ нарѣчіи трудность придумать удовлетворительное правописаніе зависитъ особенно отъ давней привычки удерживать на письмѣ букву *л* тамъ, гдѣ она теряетъ свой коренной выговоръ (т. е. въ концахъ твердыхъ слоговъ) и отъ необходимости выравнить (Латин. буквой) глухой гласный звукъ (*ъ*, иногда похожій и на *в*), употребленіе котораго очень развито въ этомъ нарѣчіи. Вчитываясь въ Грамматику Янежича, видимъ особенную грамматическую номенклатуру: *коренина* — коренное слово, *растлика* — производное, *самоласникъ* — гласная буква, *согласникъ* — согласная, *наласкъ* — удареніе, *име самоставно* — имя существительное, *прилои* — прилагательное, *замме* — мѣстоименіе, *штесильница* — числительное, *лаолол* — глаголь, *предлои* — предлогъ, *прирльче* — нарѣчіе, *сезъ* — союзъ, *медметъ* — междометіе, *именованникъ* — именительный падежъ, *родивникъ* — родительный, *даленикъ* — дательный, *тоживникъ* — винительный, *мѣстникъ* — мѣстный, *друживникъ* — творительный, и т. д. Такъ придуманы названія для всѣхъ грамматическихъ понятій, довольно часто съ помощію терминовъ, употребляемыхъ у насъ. Выникая въ правила, предлагаемая Янежичемъ, нельзя не замѣтить, что такая же рѣшимость, какую онъ высказалъ въ употребленіи терминовъ, управляла имъ и въ изложеніи правилъ. Такъ напр.

онъ не усумнился поставить слѣдующее правило: «Имена мужескихъ лицъ, оканчивающихся на *a*, *e*, *и* или *o*, принимаютъ передъ окончательною гласною букву *m*, напр. Янко, род. Янкота, Косински, род. Косинскита». Желательно было бы знать, чѣмъ онъ можетъ оправдать такую рѣшимость. Хотя и не такъ рѣзка, но все таки замѣчательна рѣшимость раздѣлить имена существительныя въ отношеніи къ склоненію только на три разряда и то по родамъ, такъ что не адѣлао разницы ни между *стола* и *носа*, ни между *жеса* и *пачъ*, ни между *лѣто*, *сѣме*, *дрѣво*, *дѣте*.

— Ueber das Altrussische Heldenlied im vergliche mit der Arthur-Sage. Vortrag im wissenschaftlichen Vereine am 18 Februar 1854, von Dr. A. Boltz. Berlin. 1854. (12°: 24).

Не въ первый уже разъ д-ръ Больцъ является въ свѣтъ со своими трудами по части Русскаго языка: еще въ 1851 году онъ читалъ въ Берлинскомъ ученомъ Собраніи свое чтеніе о Русской литературѣ, и могъ имъ заставить думать, что знакомъ довольно коротко со своимъ предметомъ. Тамъ же имъ читана въ нынѣшнемъ году записка о древней Русской героической пѣснѣ. Въ этой послѣдней запискѣ авторъ обратилъ вниманіе на былинныя о времени Владимира и на Слово о полку Игоря сравнительно съ эпопеями бардовъ, которыхъ отголоски звучатъ между прочимъ въ сказаніяхъ о королѣ Артурѣ и его столованьи, похожемъ на столованье нашего краснаго солнышка Владимира. Читатель Русскій не найдетъ впрочемъ въ запискѣ г. Больца почти ничего для себя новаго, потому что и сравненіе древней нашей поэзіи съ поэзіей какъ скальдовъ такъ и бардовъ у насъ не ново. Кажется даже, что и самъ г. Больцъ не былъ вполне готовъ дать этому сравненію то значеніе, которое бы имѣло вѣсь въ литературно-историческомъ или въ литературно-этимологическомъ отношеніи. Для того чтобы такому сравненію могло быть придано дѣйствительное значеніе, надобно сколько возможно болѣе уравнивать обстоятельства, отстранивъ тѣ изъ нихъ, отъ которыхъ не зависитъ различіе случайное сравниваемыхъ произведеній поэзіи. Тутъ можемъ вспомнить, что преданія объ Артурѣ сохранились въ дѣтскихъ сказкахъ (Mabinogion), записанныхъ въ XII — XIV вѣкѣ и въ литературныхъ передѣлкахъ, въ романахъ тѣхъ-же и послѣдующихъ вѣковъ, между тѣмъ какъ преданія о Владимирѣ, кромѣ немногихъ летописныхъ намековъ, повторяются нашимъ народомъ теперь частію въ сказкахъ, частію въ такъ называемыхъ былинахъ, пѣсняхъ вообще не очень большого размаха. Глядѣть на наши сказки и былинны, какъ на памятники отдаленной древности, нѣтъ никакой возможности: въ нихъ не сохранилось вполне, какъ было въ древности, даже содержаніе, что ясно изъ смѣшенія событій времени Владимировъ съ событіями временъ Татарскихъ и даже болѣе позав-

нихъ; тѣмъ менѣе могъ сохраниться языкъ, измѣняющійся въ произведеніяхъ народной словесности, хранимыхъ памятью, такъ же какъ и въ разговорной рѣчи. Кто поручится послѣ этого, что безъ измѣненій осталось изложеніе, подборъ образовъ и оцѣненіе красками выраженія, или формы словосогласованія для приданія поэтическому произведенію вѣншей красоты звучности, всегда народомъ высоко цѣнимою? То и другое должно постепенно измѣняться уже по неразрывности своихъ связей съ языкомъ. Въ нашихъ сказкахъ и былинахъ есть драгоцѣнные отзвуки нашей древней поэзіи, но не она сама, какою была она, съ своими идеями, образами и формами, въ то время, когда записывались сказанія Кимвровъ объ Артурѣ. Съ другой стороны нельзя забыть, что и сказанія объ Артурѣ, какъ онѣ записаны въ Мабиногіонѣ, не суть чисто народныя сказанія, записанныя такъ, какъ записываются—и то не всегда—произведенія народной словесности теперь, слово въ слово. И для нашего времени, при всемъ нашемъ стараніи отстранять свою личность отъ дѣла тамъ, гдѣ это нужно, искусствомъ записыванья владѣютъ немногіе. Конечно, правда, что въ средніе вѣка писатели были ближе къ народу, болѣе съ нимъ сочувствовали; но и тогда, какъ теперь, у нихъ были свои книжныя привычки, переходившія отъ нихъ и ко всему образуемому классу, своя охота улучшать по своему произведенія народной музы. Читая Мабиногіонъ, узнаешь преданія народа, его поэтическіе образы, но на столько же, на сколько узнаешь духъ Русской пѣсни въ Нѣмецкомъ или Французскомъ переводѣ. Только отстранивъ съ одной стороны вліяніе понятій, знаній, вкуса и языка литераторовъ среднихъ вѣковъ отъ пересказовъ преданій объ Артурѣ, а съ другой стороны вліяніе понятій, знаній, вкуса и языка народа нашего времени и нѣсколькихъ изъ прежнихъ вѣковъ отъ выѣшнихъ нашихъ былинъ и сказокъ о Владимирѣ, можно начать сравненіе однихъ съ другими, безобидное для истины. Но такимъ отстраненіемъ, пусть и будетъ оно произведено искусно, отнимутся отъ разсматриваемыхъ произведеній поэзіи черты, которыхъ замѣнить будетъ нечѣмъ до тѣхъ поръ, пока еще съ помощью другихъ матеріаловъ и изысканій не найдены черты нынѣ. У насъ, мы это всѣ знаемъ, подборъ матеріаловъ и разработка вопросовъ о народной поэзіи Русской среднихъ вѣковъ только начаты. Кимврская поэзія среднихъ вѣковъ, послѣ изданія Меверомъ его Археологіи, и послѣ Англійскихъ, Французскихъ, Нѣмецкихъ переводовъ того, что вошло въ ея составъ, стала извѣстна. Начаты и изысканія, но только что начаты. Споры еще продолжаются о времени, къ какому надобно относить поэтическія произведенія Кимвровъ: одну и ту же поему относятъ и къ VI и къ XII вѣку. Было бы странно ожидать отъ г. Больца личныя окончательныхъ изысканій о поэзіи древней Русской и древней Кимврской;

онъ пользовался готовымъ. Впрочемъ онъ умѣлъ найтись. У насъ есть произведеніе, которое и по времени и по формѣ, въ которой сохранилось, близко подходитъ къ произведеніямъ Кимврскихъ расказовъ объ Артурѣ: это Слово о полку Игоря, запечатлѣнное вліяніемъ книгъ и однако проникнутое духомъ народности. Не сходное съ ними по содержанию, оно могло быть сравниваемо по изложенію, хотя впрочемъ не столько съ расказами объ Артурѣ, сколько съ поэмами бардовъ; а былины о Владимирѣ (Больцъ знаетъ только тѣ, которые вошли въ сборникъ Кириши Данилова) могли дать кое что годное для сравненія по содержанию. Результатовъ сравненія, конечно, немного, и тѣ все очень общіе. Тамъ и здѣсь—говоритъ онъ—необыкновенное пристрастіе къ личностямъ, прославленіе ихъ подвиговъ, ихъ борьбы съ язычествомъ (?); тамъ и здѣсь, какъ срединное звено саги, рыцарь князь, окруженный дружиной; тамъ и здѣсь битвы и барды, походы на вѣдьмъ, кобольдовъ, драконовъ и змій; тамъ и здѣсь сходство характеровъ въ самой формѣ, въ языкѣ, даже въ собственныхъ именахъ, потому что кто не признаетъ сходства буйтура Всеволода съ медвѣдцемъ Артуромъ (*Arth*—медвѣдь, *ur*—необыкновенный). Лучшее, что выразилъ г. Больцъ до сихъ поръ въ своихъ трудахъ, это—желаніе близко познакомиться съ Русскимъ языкомъ и словесностью; дѣйствительное знаніе того и другаго не по живымъ слухамъ, а своимъ собственнымъ трудомъ, между прочимъ доказываетъ и его

—*Neuer Lehrgang der Russischen Sprache, für den Schul-, Privat-und Selbstunterricht. Zweite verbesserte Auflage. 1-er Theil. Berlin. 1853 (8°. VIII—144).*

Книжка эта составлена по методу Робертсона. Основнымъ текстомъ взята повѣсть Лермонтова, Тамань; кромѣ разныхъ упражненій, требуемыхъ избранной методой, есть въ концѣ каждой лекціи теоретическія замѣчанія, показывающія, что г. Больцу извѣстны Грамматика Востокова и Греча, Академическій Словарь и Корнесловъ Шимкевича.

ИЗВЛЧЕНІЕ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ

Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ
за июнь 1854 года.

Въ Іюнь мѣсяцѣ Отдѣленіе имѣло восемь засѣданій, а именно: 3, 5, 10, 12, 17, 19, 24 и 26 числа и одно экстраординарное 3 Іюля. Въ сихъ засѣданіяхъ, подѣ председательствомъ П. И. Давыдова, присутствовали: П. Г. Бутковъ, А. Х. Востоковъ, П. А. Плетневъ, Я. И. Беренниковъ, М. А. Коркуновъ и П. И. Срезневскій.

II.

Общій Словарь Русскаго языка.

Профессоръ С. Петербургскаго Университета К. А. Неволинъ и Адъюнкты Харьковскаго Университета П. Лавровъ

скій возвратили, съ нѣкоторыми замѣчаніями, корректурные листы Общаго Словаря Русскаго языка, на первую букву.

А. Х. Востоковъ представилъ записку свою о сборникѣ словъ, полученномъ отъ Старшаго Учителя Ревельской Гимназіи Серно-Соловьевича.

Г. Островскій внесъ въ Отдѣленіе выписки изъ разныхъ книгъ богословскаго содержанія.

II.

Областные Словари:

Надворный Совѣтникъ Носовичъ представилъ въ Отдѣленіе составленный имъ Указатель словъ, встрѣчающихся въ I-мъ томѣ «Актовъ Западной Россіи», въ документахъ временъ В. К. Ольгерда. Указатель этотъ не только показываетъ на мѣста, гдѣ слово найдено, но представляетъ и выписки изъ актовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и объясненія словъ. Академикъ И. И. Срезневскій, разсматривавшій Указатель Носовича по порученію Отдѣленія, отозвался объ немъ, что большая часть объясненій и выписокъ, сдѣланы очень удачно. Мнѣніе Академика Срезневскаго сообщено г. Носовичу для руководства при дальнѣйшемъ составленіи Указателя къ Актамъ Западной Россіи, а представленный имъ Указатель къ документамъ временъ В. К. Ольгерда, опредѣлено имѣть въ виду для помѣщенія въ Матеріалахъ для Словаря.

III.

Грамматика.

Г. Предсѣдательствующій довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что третіе изданіе Опыта Общесравнительной Грамматики Русскаго языка окончено печатаніемъ.

IV.

Чтенія трудовъ Академиковъ и постор. ученыхъ.

Въ засѣданіи 5 Іюня, Г. Предсѣдательствующій читалъ продолженіе изслѣдованія своего объ Исторіи Государства Россійскаго Карамзина, при чемъ изложилъ: мнѣнія древнихъ объ историческомъ искусствѣ, теорію исторіи древнихъ, какъ она выражается въ самихъ писателяхъ, законы исторіи какъ изящнаго словеснаго произведенія, по современному нашему возрѣнію. Въ экстраординарномъ засѣданіи 3 Іюля И. И. Срезневскій продолжалъ чтеніе статьи своей: о замѣчательнѣйшихъ иностранныхъ словаряхъ.

V.

Памятники и образцы языка и словесности.

С. П. Микуцкій доставилъ въ Отдѣленіе Бѣлорусскія пѣсни, Виленской губерніи Свѣнцянскаго уѣзда, а М. А.

Пыпинъ извлеченіе изъ старинной Русской сказки о Вавилонскомъ царствѣ.

VI.

Изданіе Извѣстій и Ученыхъ Записокъ.

Отдѣленіе одобрило печатаніе четвертаго выпуска Извѣстій текущаго года.

VII.

Разныя чтенія.

Директоръ Канцеляріи Министра Народнаго Просвѣщенія, при отношеніи, отъ 11 Іюня, на имя Г. Предсѣдательствующаго, прислалъ для разсмотрѣнія литографированный снимокъ найденнаго въ Богеміи отрывка Славянскаго Евангелія. Разсмотрѣніе сего снимка, поручено было Академику А. Х. Востокову.

Читанъ второй отчетъ путешествующаго по порученію Отдѣленія по Западнымъ губерніямъ Россіи Кандидата Микуцкаго.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПРОТОКОЛАМЪ.

Литографированный снимокъ найденнаго въ Богеміи отрывка Славянскаго Евангелія *).

Замѣчаніе А. Х. Востокова.

Отрывокъ этотъ, содержащій въ себѣ 25 строкъ красиваго уставнаго письма, принадлежитъ повидному къ XIII-му вѣку. Правописаніе въ немъ Русское, позднее, въ которомъ *o* заступаетъ уже мѣсто *o*-ра: *eo* имя, вмѣсто *eo* имя; *no* вмѣсто *no*; *ny* замѣняется уже гласною *и*, послѣ *o*: *изиблѣ бл* вмѣсто *изыблѣ бл*; *и и ъ* въ срединѣ словъ опускаются: *мнози* вмѣсто *мнози*; *прльщени будете* вмѣсто *прльщени бждете*, *кончина* вмѣсто *кончина*. Однакоже *у* вездѣ заступаетъ мѣсто *ou*, не говоря уже объ *ж*, котораго нѣтъ въ этомъ Русскомъ спискѣ. Судя по снимку, этотъ отрывокъ Евангелія часто отстаетъ отъ Остромировскаго и общепринятаго текста. На этой одной страницѣ встрѣчается три раза несходное съ Остромировымъ Евангеліемъ чтеніе: 1) *вся твоа моа суть а моа твоа*. Въ Остр. *моа вса твоа сжтъ (πάντα τὰ ἐμά σὰ ἐστὶν)* 2) *врѣмя мое близъ есть въ Остр. врѣмя приближися (ὁ καιρὸς ἤγγικε)* 3) *егда же взрите брани въ Остр. Кгда же оуслышите брани (ἔταν δὲ ἀκούσητε πολέμους)*.

*) Снимокъ этого отрывка и записка о немъ В. В. Ганки напечатаны въ *Časopis Čes. Museum*. XXVIII. I. стр. 65—70.

Замѣчаніе. Въ предъидущемъ выпускѣ Извѣстій, въ статьѣ К. А. Коссовича о Санскрито-Русскомъ Словарѣ сказано между прочимъ, что Санскрито-Нѣмецкій Словарь, нынѣ печатаемый въ Академической типографіи, издается обществомъ Германскихъ ученыхъ. Предсѣдательствующій во 2-мъ Отдѣленіи почитаетъ необходимымъ замѣтить, что упомянутый Словарь, трудъ Академика Бѣтлингга, издается изданіемъ самой Академіи Наукъ. *Ред.*

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПО ОТДѢЛЕНІЮ

РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ начало съ 1852 года издаваніе «Извѣстій» въ томъ же видѣ, какъ издаются Извѣстія (Bulletins) двухъ другихъ Отдѣленій Академіи.

Въ составъ Извѣстій Императорской Академіи Наукъ по Отдѣленію Русскаго языка и словесности входятъ, кромѣ записокъ о занятіяхъ Отдѣленія и извлеченій изъ протоколовъ о его засѣданіяхъ, сочиненія, какъ Членовъ Академіи, такъ и постороннихъ ученыхъ, читаемыя въ засѣданіяхъ Отдѣленія, именно:—ислѣдованія и замѣчанія касательно языка Русскаго и языковъ, съ нимъ соплеменныхъ, ихъ литературы и древностей;—разборы замѣчательныхъ трудовъ по части филологій Славяно-Русской; а въ особенныхъ Прибавленіяхъ—памятники языка и словесности, матеріалы для словаря, грамматики и т. п.

«Извѣстія» издаются выпусками или листами; 24 листа съ Прибавленіями составляютъ одинъ томъ. Цѣна тому ТРИ РУБЛЯ СЕРЕБРЯНЫХЪ. Получать можно у Коммиссіонера Академіи Главумова (по Большой Садовой, въ домѣ Публичной Библиотеки, подъ №№ 21 и 22) и Эгерса (на Невскомъ проспектѣ №№ 1 и 10). Иногородные читатели благоволятъ относиться съ своими требованіями къ помянутымъ Коммиссіонерамъ или въ Комитетъ Правленія Академіи.

СОДЕРЖАНІЕ ВЫПУСКА: Историческія чтенія о языкѣ и словесности: III. Договоры съ Греками. Записка И. И. Срезневскаго. — Библиографическія записки: Извѣстія о новыхъ книгахъ. И. И. Срезневскаго. — Перечень засѣданій Отдѣленія за августъ и сентябрь. — Приложенія къ протоколамъ: Замѣчанія о старинной сказкѣ, А. Н. Пыпина. — Съ симъ выпускомъ выдаются листы ПРИБАВЛЕНІЙ LXXI — LXXIII.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЧТЕНІЯ

● ЯЗЫКЪ И СЛОВЕСНОСТИ.

III.

ДОГОВОРЫ СЪ ГРЕКАМИ

Записка И. И. Срезневскаго.

На память о древнихъ соотношеніяхъ Русскихъ съ Греками осталось намъ четыре Договора: одинъ въ отрывкѣ и три вполне. Два изъ нихъ заключены отъ имени к. Олега въ 907 и 911 гг., одинъ отъ имени к. Игоря въ 945 и одинъ к. Святославомъ въ 971 году. Свое мнѣніе о формѣ Договоровъ я высказалъ въ одномъ изъ предъидущихъ чтеній (Изв. I. стр. 309. Историч. Чтенія 1852—1853. стр. 7). Ихъ содержаніе, за исключеніемъ очень немногихъ мѣстъ, въ слѣдствіе разнообразныхъ исслѣдованій нашихъ ученыхъ, объяснено. Остается еще нѣсколько болѣе или менѣе сомнительныхъ рѣшеній вопросовъ, до нихъ касающихся, вопросовъ, которыхъ разрѣшеніе требуетъ отъ исслѣдователей высканія въ различныхъ филологическихъ и археологическихъ мелочахъ, ускользающихъ отъ вниманія, и тѣмъ не менѣе любопытныхъ для полного уразумѣнія быта Русскаго народа того времени. О нѣкоторыхъ изъ такихъ частныхъ я позволяю

себѣ высказать свои послѣдніе замѣчанія въ нынѣшнемъ чтеніи.

Предварительно скажу нѣсколько словъ вообще о языкѣ Договоровъ.

Глядя на Договоры со стороны языка, ближайшее затрудненіе встрѣчаемъ въ ихъ разночтеніяхъ по спискамъ, доселѣ уцѣлѣвшимъ. Древнѣйшіе изъ списковъ принадлежатъ XIV—XV вѣку; нѣкоторые изъ списковъ болѣе позднихъ носятъ на себѣ также признаки письма столько же отдаленнаго времени; но это для насъ отдаленное время отдалено одинаково и отъ того вѣка, когда Договоры явились въ первый разъ. Въ четыре вѣка послѣ перваго написанія Договоровъ, не говоря о послѣдующихъ, могли налечь на ихъ спискахъ различныя черты вліянія переписчиковъ, измѣнявшихъ не только буквы, но слова и выраженія. Видимъ разнообразіе, пользуемся имъ нѣсколько для уясненія смысла; но не можемъ ни понять причинъ, ни отдѣлнить въ разночтеніяхъ то, что было и чего не было въ спискахъ современныхъ. Такимъ образомъ въ вопросѣ о языкѣ Договоровъ при первыхъ приступахъ къ его рѣшенію рождаются недоумѣнія.

Языкъ Договоровъ есть Церковно-Славянскій: такъ издавна думали, предполагая, что изъ Русскихъ некому было взять на себя трудъ написать ихъ по Русски, что Русскій языкъ во время составленія Договоровъ не былъ языкомъ

письменныхъ. Рѣшая такъ, надобно заключать, что тѣ особенности языка Договоровъ, которые несовмѣстны съ чистымъ языкомъ Церковно-Славянскимъ, появились въ спискахъ Договоровъ по прихоти писцовъ Русскихъ поздняго времени; а такихъ особенностей довольно много напр: одними вороты, осень; головы, золотникъ, волость, паволока; городъ, боронитися, Бѣлбержьк; обчип, пишюче, отходяче, не платяче, хочемъ; межли, чюжси, непостыжънымъ, нужа, утврѣженъ, осуженъ, прѣже; съпотружатися; выверженъ; и т. д. Но допуская это, надобно допустить, что Русскіе писцы и во всѣхъ своихъ работахъ позволяли себѣ тоже, систематически слѣдуя разъ принятымъ правиламъ; а между тѣмъ однако мы видимъ на дѣлѣ не то: видимъ, что у нихъ было болѣе охоты удерживать формы Церковно-Славянскія, чѣмъ переименовывать ихъ въ Русскія; видимъ скорѣе отсутствіе системы въ нечаянномъ сохраненіи руссизмовъ промежду особенностями Церковно-Славянскаго языка, чѣмъ выполнение предполагаемаго стремленія замѣнять Церковно-Славянское Русскимъ: это доказываютъ цѣлыя груды работъ нашихъ древнихъ и старинныхъ писцовъ, отразившихъ на себѣ общее направленіе нашей древней и старинной литературной и вообще письменной дѣятельности, направленіе, постоянно предпочитавшее книжныя церковныя формы языка формамъ устнымъ народнымъ. Вотъ новое недоумѣніе, дающее поводъ охотникамъ до окончательныхъ выводовъ и преній — выбирать ту изъ крайностей, которая на ту или другую пору кажется имъ болѣе приличною.

Договоры съ Греками должны были быть писаны и по Гречески, и уже потомъ переведены; не трудно было найти въ языкѣ Договоровъ и нѣкоторые слѣды перевода ихъ съ Греческаго. Они были замѣчены давно, и подали много поводовъ къ толкованію нѣкоторыхъ изъ неправильностей и особенностей въ выраженіяхъ Договоровъ. Надобно было приступить къ болѣе подробному разбору этого вопроса, — и приступъ сдѣлалъ въ Извѣстіяхъ II-го Отдѣленія Академіи. I. стр. 309 — 326) и въ особенномъ разсужденіи одного изъ нашихъ молодыхъ ученыхъ (О Византійскомъ элементѣ въ языкѣ Договоровъ Русскихъ съ Греками Н. Лавровскаго. СПб. 1853). Дѣло прояснѣло; но, конечно, еще не совсѣмъ. Мѣра вліянія языка Греческаго на языкъ перевода не опредѣлена: не подведены еще и всѣ обороты и выраженія, которыми равносильныя могутъ быть найдены въ Греческомъ письменномъ языкѣ X вѣка, не только не отдѣлены

тѣ изъ нихъ, которыя дѣйствительно переведены, отъ тѣхъ, которыя сходны случайно, будучи одинаково народны у Грековъ и у Славянъ.

Впрочемъ разборъ языка Договоровъ, въ отношеніи къ вліянію Греческаго подлинника, важенъ болѣе всего для того, чтобы отдѣливши все, на чемъ палегло это вліяніе, свободнѣе и вѣрнѣе можно было разсматривать языкъ Русскій. Въ этомъ отношеніи важны не столько гречизмы выраженій, сколько слова. Легко отдѣлать тѣ восемь словъ, которыя сами за себя ясно говорятъ, что онѣ взяты изъ Греческаго — *грамота, епитимія* = *опитимія*, *хрестыанъ* = *крстыанъ*, *кубара* = *кувара*, *литра*, *синкель*, *харьтма* = *харатма*, *царь* = *цъсарь*); но и изъ этихъ словъ однѣ принадлежатъ не языку Договоровъ исключительно, а усвоились у насъ какъ наши собственныя, другія же (*литра, опитимія*) употреблены въ Договорахъ случайно и такъ, что вмѣсто нилъ не трудно подставить другія, неупотребленныя переводчикомъ случайно. Кромѣ этихъ словъ есть такія, которыя могутъ считаться также Греческими (*корабль, якорь* и т. п.), но могутъ быть разсматриваемы и какъ принадлежащія Русскимъ въ такой же мѣрѣ какъ и Грекамъ. Болѣе всего наконѣцъ такихъ словъ, которыя, при всей ихъ Славянской звучности, безъ пособія Греческаго языка, какъ переведенныя съ Греческаго дословно, не могутъ быть поняты въ подлинномъ ихъ значеніи (*бестрашнѣ, голова, проказа, равнѣ, сотворити* и пр.). На нихъ то надобно обращать особенное вниманіе, отдѣляя кажущуюся дословность перевода отъ дѣйствительной, случайное сходство въ образованіи словъ отъ того, что явилось въ Договорахъ по незаботливости переводчика.

Считая несомнѣннымъ, что Договоры съ Греками были первоначально написаны на Греческомъ языкѣ, и потомъ уже посредствомъ перевода сдѣлались доступны разумѣнію Русскаго человѣка, этикъ самымъ мы опровергаемъ возможность полного проявленія Русскаго элемента въ языкѣ Договоровъ: степень проявленія должна была зависѣть отъ случая, отъ воли переводчиковъ и разнообразиться даже противъ ихъ воли. Нѣтъ никакой надобности предполагать, что переводчики могли, умѣли, или настоятельно хотѣли быть въ языкѣ своемъ не только понятными, но и вполне Русскими. Этого не требуютъ отъ себя и переводчики нашего времени — даже и въ подобныхъ случаяхъ, не только въ переводахъ произведеній легкой словесности. Гречизмы Договоровъ напротивъ того доказываютъ, что переводчики не хотѣли или по крайней мѣ-

рѣ не думали стараться быть Русскими въ своихъ выраженіяхъ. Отсюда неточность ихъ языка, случайность употребленій словъ и выраженій, и т. д. При этомъ нельзя еще не обратить вниманія на отсутствіе нѣкоторыхъ важныхъ терминовъ, каковы на пр. *вира*, *послужь*, *лице*, *разбои*, *холопъ*, *рядъ*, *триана* и т. п. Считать ихъ отсутствіе не дѣломъ случая, а чѣмъ то очень важнымъ, ведущимъ къ какимъ нибудь заключеніямъ, нѣтъ никакого права. Заключать изъ этого, что переводъ сдѣланъ безъ участія Русскаго ума такъ же невозможно, какъ и напротивъ — заключать, что переводчики, умѣвшіе употребить нѣкоторыя выраженія удачно, должны были перевести удачно и все безъ исключенія.

Въ языкѣ Договоровъ проглядываетъ мысль и бытъ Русскаго народа того времени — тускло, но все таки проглядываетъ: вотъ почему разборъ языка Договоровъ, именно со стороны этнографической, въ отношеніи къ словамъ и выраженіямъ, которыми обрисовывается мысль и бытъ народа, долженъ имѣть значеніе и для филолога, и для историка. Здѣсь предлагается попытка такого рода — не съ тѣмъ однако, чтобы выставить на видъ одно только новое, а чтобы, воспользовавшись и прежними изслѣдованіями и соединивъ ихъ съ новыми, подтвердить ихъ другими доказательствами, а вмѣстѣ съ тѣмъ отдать на судъ филологовъ и юристовъ нѣсколько домысловъ, не совсѣмъ негодныхъ для возбужденія вниманія къ замѣчательнымъ выраженіямъ Договоровъ.

- I. Русь. Русскіе Славяне и не-Славяне: — Бытъ осѣдлый: города и села. — Семья и родные; положеніе женщины.
- II. Власть: князь великій и князь-боляре. — Народъ: люди, послы, гости; челядь: рабы, вѣхъ цѣнность.
- III. Военные обычаи; оружіе. — Торговля; товары, деньги. — Судопроизводство.
- IV. Образованность: Грамотность. — Понятія о мирѣ, мѣрѣ, любви, истинѣ, законѣ.
- V. Гражданскія постановленія: выкупъ плѣнныхъ, наследство. — Уголовныя постановленія: преступленія и наказанія. — Судопроизводство: тяже; показанія свидѣтелей, клятвы. — Чиновники.

И.

— Одна изъ двухъ договоривавшихся сторонъ въ Договорахъ были Русскіе: Русь, Русская земля, люди Русскими земля, вси люди Русьтнн.

Эти люди Русскіе не исключительно Славянскаго племени, какъ очевидно по собственнымъ именамъ князей и во-

словъ, но не исключительно и Скандинавскаго происхожденія, какъ можно видѣть изъ тѣхъ же именъ: *Святославъ*, *Володиславъ*, *Передслава*, *Войко*, *Ута*... Последнія два имени — Славянскія въ такой же мѣрѣ, какъ и первыя: имя *Войко* до сихъ поръ употребляется у юго-западныхъ Славянъ вмѣстѣ съ *Воннъ*, *Вонца* (м. р.), *Войно*, *Войдрагъ*; у Чеховъ были кроме того имена: *Вонкъ*, *Воякъ*, *Воекъ*, *Воята*, *Вонха* (ж. р.) *Воймиръ*, *Войславъ*, *Войтѣхъ*, *Войтѣха* (Čas. Čes. Mus. 1832. VI. 67); имя *Ута* (*Uta*) встрѣчается также между старинными Чешскими именами (Čas. Čes. Mus. VI. 67). Нельзя при этомъ не замѣтить, что не только послы, но и купцы, судя по именамъ — не Славяне, а Скандинавы, тогда какъ ясно Славянскіе звуки слышатся только въ именахъ князей, и еще въ имени бирича *Смыко* (судя по окончанію на *ко*). Славянскій элементъ видѣнъ и въ именахъ боговъ: *Перунъ* и *Волосъ*, конечно, были обожаемы язычниками Скандинавіи, но не подъ этими Славянскими именами. Имена мѣстностей въ Договорахъ (*Кыквѣ*, *Черниговъ*, *Переяславль*, *Бѣлобережьскіе*) въ такой же мѣрѣ могутъ быть относимы исключительно только къ Славянскому населенію Руси. Можетъ быть, не напрасно здѣсь вспомнить и то, что со стороны Русскихъ было-выговорено «да творять имъ (Греки) *любовь*, илюко хотать»: исконная Русская любовь къ банѣ, выражающаяся до сихъ поръ потребностью каждаго Русскаго селянина имѣть свою отдѣльную баню въ такой же мѣрѣ какъ свою отдѣльную избу, кладовую, яву, телѣгу, отразилась и въ преданіи о путешествіи по Руси Андрея Первозваннаго, и въ преданіи о томъ, какъ Ольга угостила банею Древлянскихъ пословъ, и въ обычаѣ бани, соединявшемся встарь съ самыми важными случаями жизни. Употребленіе бани (горячей) принадлежит не исключительно къ числу древнихъ обычаевъ Русскихъ Славянъ; но нигдѣ оно не сдѣлалось народнымъ въ такой мѣрѣ и съ такимъ важнымъ значеніемъ. Изъ всего этого можно вообще позволить себѣ заключеніе, что хотя властвующій элементъ былъ преимущественно не-Славянскій, но массу народа составляли Славяне, и въ числѣ владѣтельныхъ особъ были члены прежнихъ мѣстныхъ династій Славянскаго (?) происхожденія, — что господствующая народность языка, а следовательно и быта, была Славянская: инородцы ей подчинялись. *)

*) Позволю себѣ сдѣлать еще замѣчаніе. Чужезычность именъ собственныхъ еще не свидѣтельствуетъ о чужеродствѣ тѣхъ, которые ихъ носятъ. Дядь Иреда Антана не сдѣлался Грекомъ припадши или Антанатра, ни Аустинъ не пересталъ быть Англомъ пере-

— Нигдѣ въ Договорахъ нѣтъ намека о неосѣдлой жизни народа: осѣдлость Руси доказывается напротивъ выраженіемъ «да имѣть въ домъ свои въ Русь», «домовъ». Были и *города*: мѣсячное жалованье давалось въ Константинополѣ Русскимъ «прѣвѣмъ отъ города Кыква, пакы изъ Чрънигова и Переяславлѣ и изъ прочии городѣ». Были еще «Полтъскъ, Ростовъ, Любечь и прочии города», какъ видно изъ предварительныхъ совѣщаній Русскихъ съ Греками 907 года. Можемъ позволить себѣ заключеніе, что такихъ городов было при Игорѣ двадцать три—столько же, сколько было и князей и княженій, отъ которыхъ были посланы послы и купцы въ Грецію, а равно и самыхъ пословъ какъ представителей княжескихъ и купцовъ какъ лицъ избранныхъ отъ народныхъ городскихъ общинъ. Ихъ въ самомъ дѣлѣ можно насчитать по сказаніямъ летописцевъ и Византійцевъ болѣе 20: Белоозеро, Витичевъ, Вручевъ, Вышгородъ, Изборскъ, Кіевъ, Коростени, Ладога, Любечь, Муромъ, Новгородъ, Овручъ, Перемышль, Пересѣченъ, Полотскъ, Псковъ, Родна, Смоленскъ, Туровъ, Червень, Черниговъ.

— Условія образованія семьи почти не видны. Не видно, жена ли и неотдѣленные дѣти только или еще и другіе родственники составляли для отца семейства и для каждаго изъ членовъ его то, что называлось *своими* («пи и своихъ не имать») и *ближними* («часть нго да возиѣтъ ближнии убѣнѣнаго»), *ближниками*, и по этому трудно рѣшить, кого именно называли *малыми ближниками* («да възвратити имѣннѣ къ малымъ ближникамъ въ Русь»). Слово *свои* и теперь употребляется неопредѣленно, между тѣмъ какъ слова производныя того же корня (своякъ, свѣченица) получили опредѣленное значеніе. Нѣтъ надобности заключать, что *свои* есть переводъ Гр. ἴδιος, а *ближній* переводъ Греч. πλησίον: оба слова, для выраженія понятія о родныхъ, употребляются у всѣхъ Славянъ, употреблялись и у Римлянъ (suus, propinquus), Германцевъ (Др. Нѣм. suās, nahister), и пр. Естественно

иѣннши свое имя на Августина, или Шварцвортъ и Рейхлинъ Нѣмцами, назвавшись одинъ Меланктономъ а другой Ганніо, или Кленовичъ Полякомъ со своимъ Латинскимъ прозваніемъ Асегнус, или Нѣмцы Венцеславы не сдѣлались отъ имени Славянами, какъ и никто изъ насъ не перестаетъ быть Русскимъ, какое бы имя ему ни пришлось носить, Греческое, Латинское, или даже Французское и Нѣмецкое. Рюрики, Олеги, Игоря XI—XII вѣка были не Славянами только по именамъ; почему же по именамъ не могутъ только назваться, а не непремѣнно были не Славянами и нѣкоторые изъ лицъ IX—X вѣка. Этими не отвергается, а только утверждается вліяніе элемента Скандинавскаго.

соединять понятіе о семьѣ съ понятіемъ о своемъ ближнемъ*). Взаимное значеніе лицъ семьи и ихъ родныхъ видно отчасти изъ порядка пословъ: за посломъ великаго князя Игоря дано мѣсто послу его сына Святослава, за тѣмъ послу супруги великаго князя Ольги, потомъ послу племянника (нетія) Игорева. **) — Значеніе женщины въ отношеніи къ мужчине рисуется въ упоминаемъ владѣтельныхъ княгинь, отъ которыхъ посылаемы были особенные послы: таковы были, кромѣ Ольги, Переяслава и жена Ульбова Сфандарь.

III.

— Власть сосредоточивалась въ лицѣ великаго князя, которому подчинены были всѣ мѣстные. Титулъ *великаго* придавъ ему въ Договорахъ постоянно; въ грамотахъ Греческихъ императоровъ напротивъ онъ не былъ называемъ великимъ, надпись ихъ была такая: «Γράμματα Κωνσταντίνου καὶ Ῥωμανοῦ τῶν φιλοχρίστων βασιλέων Ῥωμαίων πρὸς τὸν ἄρχοντα Ῥωσίας». (Сегим. Aul. Bys. II. 48. стр. 690—691). Слѣдовательно титулъ *великаго* былъ домашній; онъ придавался старшему князю для отличія его отъ князей ему подчиненныхъ. Такъ у Сербовъ има великаго придаваемо было не только съ именемъ князя, но и бана, краля (напр. князь вели Хльмьскы Андѣри, «азъ рабъ бѣи Ниносавъ банъ Босньски велики», «клясьмо съ тебе велимѣу кралю Владиславу». Срб. Спом. стр. 6, 7, 9 и пр.) Въ Полицкой общинѣ старшій князь въ отличіе отъ двѣнадцати мѣстныхъ князей такъ же называемъ былъ велики кнезъ.

— Перечень пословъ съ обозначеніемъ лицъ, отъ которыхъ они посланы, только въ нѣкоторыхъ случаяхъ указывая на родственниковъ в. к. Игоря (кромѣ Ольги и Святослава означены еще два племянника Игоря), не даетъ права заключать, чтобы всѣ двадцать три княжескія особы были одной династіи; а если они дѣйствительно не были одного происхожденія, то и слово князь (собирательное князь ж. р. какъ братня) было принимаемо не совсѣмъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ принималось оно позже, во времена удѣловъ. Не будучи членами одной семьи, а между тѣмъ нахо-

*) Срав. Др. Нѣм. *sibbi*, Др. Сѣв. *sif cognatus, sibbo, sibja cognanguineus*. Др. Нѣм. *stippe* begreift alle Verwandtschaft (Гриммъ, D. Alt. 467). Родство считалось до седьмага поколѣнія по законамъ Ротарія, по Баварскимъ законамъ, по Sacken Spiegel. Въ словѣ *сели* можетъ такъ же скрываться идея по *сели* какъ и въ Дрв. Нѣм. *stippe*.

**) О словѣ *нетія* см. Мысли о ист. Рус. изъ 148—149.

дась *подъ рукою* *) великаго князя, эти князья были или независимые владѣтели, подчинившіеся ему въ силу обстоятельствъ, или же подвластные ему вассалы. Вотъ почему смѣшанно употреблены въ Договорахъ два титула: *князь* и *болярѣ*. Такъ въ Договорѣ Игоря послы были посланы «отъ великаго князя Игоря и отъ всякоу князью и отъ всѣхъ людин Руськия земли»; а ниже въ немъ же стоитъ: «а великыи князь Руськыи и болярѣ кого да посылають въ Грькы корабли»; такъ же и въ концѣ того же Договора: «да клянутьса хранити отъ Игоря и отъ всѣхъ болгаръ и отъ людин отъ страны Руськои». Можно заключать, что тѣ же особы въ отношеніи къ самимъ себѣ и своимъ подвластнымъ были *князьями*, а въ отношеніи къ великому князю и въ отношеніи общенародномъ были *болярами*, т. е. вельможами, магнатами, грандами не болѣе. **)

— Въ томъ же Договорѣ Игоря есть мѣста, гдѣ вовсе не упоминаются ни князья, ни бояре, а только великій князь и *люди* ***): «а отходяче съ съмоу царьства нашего да допроводать и къ великому князю Игорю и къ людемъ кого». Очевидно, что *подъ людьми* понимали иногда весь народъ, старшинъ (бояръ) и подвластныхъ, а иногда только однихъ под-

*) Выраженіе *подъ рукою*, равно какъ и другое подобное *едами ручю* (прелатся въ руки), было считасмо за переводъ съ Греческаго. Можетъ быть, эти выраженія переведены и дословно, но все таки свободно. Рука признавалася и признается символомъ власти у многихъ народовъ. Вспомнимъ Латинскія выраженія: *est in tua manu* — въ моей власти, *manus injicere, offerre, inferre alicui* — наложить на кого руку, *manumitto* — освобождаю, *manero* = *manero* — подлаю, *emancipo* — освобождаю. Въ Древ. Нѣмецкомъ тоже значило *hant*: *hanthaft* *missen* мансирати, *servire, gahenti* зугеhörig, *inhantlich* intractabilis, *hantelod* = *hantelod* (handelos) противоположное съ *handlast*—Grf. IV. 971—8. Въ Декрет. Тассила (с. 13): «qui manus immissionem resistit, quod hantelod dicitur», — воръ, который противится тому, кто хочетъ взять его (*Valtera* Corp. jus. Germ. I. 297). Англо-Саксонскія выраженія: *on hand agdn, gangan* in dittonem se dare, *te hande lastan* еісаре, in possessionem alterius tradere (Ettmül. 467) доказываютъ тоже. Въ Англійскомъ языкѣ и доселѣ слышно выраженіе *on hand* во власти. Мы также знаемъ, что значить *быть у кого либудь съ рукажъ*, а Чехи — что значить *ruku wstahowati, wkládati*. Въ старинныхъ нашихъ памятникахъ встрѣчаемъ не рѣдко руку, какъ выраженіе символа власти. Такъ уже подъ 879 г. въ лѣтописи записано, что Рюрикъ «преластъ княженье свое Ольгомъ, вѣдавъ ему сынъ свои на рудъ»; въ 1128 г. Ваславъ «иде шюряну своему въ рудъ» (Лавр. 130, Ипат. 11); въ 1132 г. «преставися Мьстиславъ, оставивъ княженье брату своему Ярополку, ему же и дѣти свои съ Богомъ на рудъ преластъ» (Ип. 17.). Отъ того-то и *держать* (въ рукахъ нѣтъ) значило тоже, что владѣть.

**) О словахъ *князь* и *боляринъ* = *болгаринъ* см. Мысли объ ист. Р. л. 131—135, 140—144.

***) О словѣ *люди* см. Мысли объ ст. Рус. л. стр. 144—145.

властныхъ. Изъ этихъ людей какъ особенные представители Руси извѣстны являются *слы* и *купцы* — люди военные и торговые. Хотя, конечно, въ то время военный классъ не былъ отличенъ отъ торговаго въ такой мѣрѣ, какъ сдѣлалось послѣ, — война и торговля были часто дѣломъ однихъ и тѣхъ же людей; тѣмъ не менѣе не въ однихъ Договорахъ одни отъ другихъ отличены очень ясно. Русскихъ Пословъ называли Греки *ἀποκρισάριοι* (посланниками), а купцовъ = гостей *πραγματευταί* (торговцами). Во время приема княгини Ольги въ Константинополь (9-го Сент. 957 г.) — по сказанію Константина Порфироднаго — вмѣстѣ съ нею введены были въ залу, кромѣ женъ, «князей Русскихъ послы и гости» (*οἱ τῶν ἀρχόντων Ῥωσίας ἀποκρισάριοι καὶ πραγματευταί*), и заняли мѣста близъ входа, у завѣсы. Въ тотъ же день позже, въ то время, когда Ольга угощаема была императрицей въ триклиннѣ Юстиніана, въ другомъ триклиннѣ — Золотомъ — императоромъ угошаемы были «всѣ послы князей Русскихъ, люди и родственники Ольги равно и гости» (*πάντες οἱ ἀποκρισάριοι τῶν ἀρχόντων Ῥωσίας καὶ οἱ ἄνθρωποι καὶ συγγενεῖς τῆς ἀρχοντίσσης καὶ οἱ πραγματευταί*), и потомъ всѣ получили денежные подарки: вѣтій (*ἀναφίος*) Ольги получилъ 30 миліарезій, каждый изъ восьми ея ближнихъ (*οἱ ἡ ἴδιοι αὐτῆς*) по 20, каждый изъ 20 пословъ по 12, каждый изъ 43 гостей по 12, священникъ Григорій 8, оба переводчика по 12, люди (*οἱ ἄνθρωποι*) Святослава каждый по пяти, люди посланниковъ (*οἱ ἑ ἄνθρωποι τῶν ἀποκρισάριων*) каждый изъ шести по 3, а переводчикъ княгини 15. Послѣ другаго подобнаго пира (18 Окт.), 22 посла получили каждый по 12 миліарезій, а 44 гостя по 6. (Сегим. Aul. Вуз. II. Бон. изд. 595—8). По крайней мѣрѣ подарками втораго пира отличены были послы отъ купцовъ, какъ болѣе важные.

— Остановившаяся на *слагъ*, замѣтимъ, что въ Договорѣ Игоря всѣ слы подвластные владѣтельныхъ особъ въ противоположность къ слу великаго князя названы *общими*. Слова *общій* = *общій* нельзя тутъ принимать въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляется оно теперь, хотя этотъ смыслъ слова, можетъ быть и древнѣйшій *). Въ такомъ и теперь понят-

*) Слово *общій*, какъ прилагательное, предполагаетъ существительное *общъ*: оно и есть въ Русскомъ языкѣ, оставшимся впрочемъ въ общемъ употребленіи только въ видѣ нарѣчія — *обшомъ* (гуртомъ, огуломъ) и въ производныхъ — *обшовой* и *обшеникъ*. Сходное съ словомъ *общъ* есть и въ Старославянскомъ *обшо* (низше, богатство, товаръ); вотъ нѣсколько примѣровъ его употребленія: «Прииде отъ

номъ смыслѣ находимъ его въ рѣчи Игоря къ дружинѣ, какъ она занесена въ лѣтопись: «кда кто вѣсть, кто одолѣтъ, мы ли онѣ ли? ли съ моремъ кто свѣтень? се бо не по земли ходимъ, но по глубинѣ морьсти: обьча смерть всѣмъ» (Лавр. л. подъ 6452 г.). Старо-Славянское слово *обьшть* означало и публичный, открытый: это видно изъ Супрасльскаго рукописи (175. а — б): «аште облячъ Маршъ, срамъ обшть». Кстати припомнить, что въ Чешскомъ нарѣчии *obes* уже въ XII в. значило тоже что *respublica* и *vulgo*. Съ этимъ употребленіемъ сравнить можно Старославянское община и Русское община = *община* (*communiū*). Впрочемъ *общимъ сьмъ* въ Договорѣ Игоря едва ли означали пословъ народныхъ. Съ этимъ словомъ соединился еще одинъ смыслъ, тутъ лучше прилагаемый: оно значило — посторонній, чужой. Такъ въ древнемъ переводѣ Апостольскихъ чтеній читаемъ: «ты кто кем, обѣждамай обьщаго раба» (*ἀλλότριον οἰκέτην*. Рим. XIV. 4). Такъ и въ Договорѣ Смоленскаго князя съ Рюгой по списку 4229 года: «Русину не лѣзъ по звати Немчича на *общии* (опции) судъ, разве на Смоленскаго князя; аже влюбить Немчичъ на *общимъ* судъ, то его воля»; то же самое мѣсто въ спискѣ 1228 года: «Русину не звати Латинскаго на *многа* князя судъ, лише на Смоленскаго князя; аже самъ въскочете, ть ть видѣть.») Въ Польскомъ и доселѣ *obcy* (общій) значитъ чужой, посторонній: *co si z obcego gdyż nie masz swego* — что тебѣ съ

Египта Парисъ, ними Еленъ и обьдо все и утвори ея» (Григор. Пресв. X в. Калайд. Ю. Экз. стр. 180); «Даuidъ пророкъ подъ писаниемъ откры разумъ, а дѣти обьдо отъкрывше на языкѣ богатства недосоша» (Супр. рись. стр. 241): въ первомъ изъ этихъ двухъ примѣровъ словомъ *обьдо* передава Греч. τὰ ὑρήματα; а во второмъ ἔπραρος. Слова *обьдо* и *обьтъ* отличаются вѣроятно (кромя рода) на столько же какъ сватать и свадьба, замѣный и замѣнутася, притъ и прядать, и т. п. Слово *общь* происходитъ правильно отъ *обьтъ*, какъ *владѣй* отъ *вѣл(ить)*. Въ Чешскомъ и Польскомъ *obes* = *obies* есть тоже что *общь*, только въ особенной мѣстной «формѣ, по требованію которой и печь = *res*, тысяща — *tyśiac*, плещи = *pięse*, *pięsu*, а какъ существительное уравнивается съ *плавъ* отъ *платъ*, вещь отъ *вѣтъ* (срав. *ges* и *geo-g*, *dīng* и *denken*, *гзесъ* и *рѣкъ*).

*) Припоминаемъ для соображенія объ *общемъ* судѣ XIV вѣка по Новгородскимъ грамотамъ: — 1368: «А кто будетъ служъ намъ княземъ, а вшолъ въ каково дѣло, а того поискавъ своимъ княземъ, а того своимъ судьямъ ончимъ не судити... а всему обьяному дѣлу межъ насъ судъ вопчий отъ первого нашего цѣлованья — отъ Моложеня веригъ св. Петра». 1381: «А что к. в. Дмитрій и братъ к. Володимеръ бился на Дону съ Татарами, отъ того времени, что грабежъ или что поиманье у князя у в. людемъ и у его брате, тому межъ насъ судъ вопчий, отдати то по исправъ... а судъ вопчий межъ насъ отъ того праздника всему (Спасова Преображенья)... а дуломъ вопчимъ не переводити». 1397 (Новг. л. I. 98): «а про вопчий судъ на порубежъ, а то сыну отложили бы еси, занеже то не старина» и пр.

чужаго когда итъ своего. Именно въ этомъ смыслѣ должно понимать и выраженіе *общимъ сьмъ* Игорева Договора.

— Послы княжескіе (*ἀποκρισάριοι τῶν ἀρχόντων*) принадлежали, безъ сомнѣнія, къ высшему сословію. Вѣроятно, многіе мужи вмѣстѣ съ ними образовали дома одно цѣлое. Послами народными, людьми набранными отъ народа были не собственно слы, а купцы, не столь важные по значенію, какъ это видно изъ втораго Олегова Договора, гдѣ означено между прочимъ, что слы приходили прежде въ Грецію съ золотыми печатями, а купцы съ печатями серебряными. Торговые люди представляются въ Договорахъ подъ именемъ *купцовъ* и *гостей*). Слово *гость* значило тоже что *купецъ*, какъ это видно изъ начала Игорева Договора. Прежде вообще сказано: «мы отъ рода Русьскаго сьмъ и *гостье*», а потомъ, за исключеніемъ пословъ, передъ перечнемъ выборныхъ отъ народа, стоитъ не *гость* а *купецъ*. Они составляли главную основу средняго сословія, безъ сомнѣнія, очень мало развитаго, хотя — если считать въ немъ и военныхъ дружины — значительнаго по количеству.

— Трудно рѣшить на основаніи Договоровъ, до какой степени разнообразны были отношенія простаго сельскаго народа и служащихъ (*работящихъ*) къ высшимъ и богѣе зажиточнымъ слоямъ общества Русскаго. Можно предполагать, что то, что въ этомъ отношеніи представляется въ Русской Правдѣ, было и въ первой половинѣ X вѣка. Во всякомъ случаѣ Договоры, такъ же какъ и Русская Правда, показываютъ, что *челядины***) не пользовались личной свободой: они были покупаемы и продаваемы, бывали и уводимы. Уводъ рабовъ названъ кражей («аще украденъ бѣдетъ челядинъ»); такъ и въ древнемъ Нѣмецкомъ *stelan* (*stehlen*), *ferstelan* (*verstehlen*) значило и уводить (Grf. VI. 668); въ такомъ же смыслѣ въ Германскихъ законахъ среднихъ вѣковъ употребляется глаголъ *furare* (напр. въ Салий. законахъ — *siquis puerum aut puellam de ministerio dominorum furaverit*. Валтера, Corp. J. Germ. I. 22. *si quis vergum furaverit*, т. ж. I. 203 и пр.). Продажа рабовъ была и вольная, но бывала и на насилью — «по нужи», въ слѣдствіе увода. Рабы бывали и въ бѣгахъ изъ Греціи въ Русь, или изъ Руси въ Грецію. Это называлось *ускочити* («аще ускочать»). — Цѣна челядина — двѣ паволоки: «аже же уставлено ксть преже двѣ паволоцѣ за челядинъ». Здѣсь «преже» есть ссылка на второй Договоръ

*) О словѣ *гость* см. Мысли объ Ист. Рус. яз. стр. 138.

**) О словѣ *челядъ* см. Мысли объ Ист. Рус. яз. стр. 143.

Олега; но тамъ говорится о плѣнныхъ: «о Русахъ о полонивей... еще же о христіанѣхъ полонившихъ... се проданми бывають по 20 золотыникъ». Есть упоминаніе и о цѣнѣ раба, но безъ означенія: «аще полонивникъ дръжимъ ксть или отъ Руси или отъ Гръкъ, и проданъ... да искупать и възвратать искупленомъ лицѣ въ свою страну, и възмѣтъ цѣнѣ коу купашниа, или мыштыса въ куплю на дань челядинаа цѣна». Впрочемъ обѣ эти статьи Олегова Договора дополняютъ одна другую, — и потому смѣло можно сказать, что цѣна челядина — двѣ позолотины — двадцать золотниковъ. Нельзя однако не замѣтить, что цѣна плѣнника Русскаго по Игоревому Договору опредѣлена не въ 20, а въ 10 золотниковъ, что тѣмъ не менѣе эта цѣна не относится къ «яко же уставлено ксть преже» о рабахъ, потому что обозначена послѣ цѣны раба. Цѣна рабу опредѣлена, очевидно, по закону Римскому, а не Русскому; въ Римскихъ законахъ рабъ оцѣнился въ 10, 15, 20 и 25 солидовъ (Ducange. III. 240). — Изъ двухъ статей о челядинахъ въ Договорѣ Игоря одна относится къ рабамъ Русскимъ, а другая къ рабамъ Греческимъ; одна отъ другой отдѣлена ясно. Двѣ статьи о томъ же есть и во второмъ Договорѣ Олега: первая — «о томъ, аще украдеши бѣдетъ челядинъ Русскій» говоритъ сама за себя; вторая — «ино и гостыи погубивши челядинъ» и пр. — очевидно, должно относиться къ рабамъ Греческимъ. Следовательно гостыи — Греки. Погубивши своего раба, они жалуются, отыскиваютъ, и отыскавши берутъ. Если же кто не дастъ сдѣлать обыска, «мѣстьяникъ да погубитъ правды свою». Въмѣсто «мѣстьяникъ» хотять чптать «мѣстьянику», относя это слово къ глаголу «не дастъ» — «аще ли кто искушениа сего не дастъ сътворити мѣстьянику», и подъ мѣстьяникомъ хотять разумѣть мѣстнаго начальника (τόπαρχος). Нужно ли первое, это отчасти зависить отъ послѣдняго. Можно ли подъ мѣстьяникомъ понимать топарха? Едва ли. Въ Славянскихъ рукописяхъ есть случаи перевода слова τόπαρχος; напр. у Григорія Пресвитера, въ его переводѣ Хронографіи Малаля на одной и той же страницѣ (у Калайдовича, Io. экз. стр. 179) τόπαρχος переведено мѣстодръжателъ (рекше мѣстодръжателемъ ἤτοι τοπαρχος), а τοπαρχέω — мѣстовладычествую (сирѣчь мѣстовладычествуемъ — ἤτοι τοπαρχουμένη); въ другомъ мѣстѣ τόπαρχος переведено князь мѣстный. Все это очень естественно: сложное слово Греческое обыкновенно переводилось сложнымъ Славянскимъ. Но мѣстьяникъ слово несложное, а следовательно спорѣе не τόπαρχος, а τοπίτης или τοπίμος

— мѣстный житель (Дис. 1584). А если это такъ, то не для чего переимѣнять и падежъ: «аще кто мѣстьяникъ» — если кто изъ мѣстныхъ жителей, т. е. изъ Русскихъ того мѣста, гдѣ Греческіе гости будутъ искать своего раба. Кому покажется страннымъ такое выраженіе — «аще кто мѣстьяникъ» — вмѣсто «аще кои мѣстьяникъ», тотъ можетъ вспомнить подобное выраженіе Игорева Договора: «аще кѣто отъ людпн царства нашего челядинъ»... т. е. если какой рабъ кого нибудь изъ подданныхъ царства нашего.

III.

— Обыкновенно военные люди — вои, даже и не выходя дружиною — ратью — на войну, воевати, противъ Грековъ, Греческихъ Черноморскихъ колоній, Черныхъ Болгаръ, и другихъ враждебныхъ народовъ, о которыхъ Договоры умалчиваютъ, вооружали себя вообще по тому времени довольно сильно, какъ это видно и изъ формулъ присяги и нѣкоторыхъ постановленій, занесенныхъ въ Договоры. Въ постановленіяхъ уголовныхъ обозначено какъ особенное преступленіе «аще ли ударитъ мечемъ или копикемъ»: нельзя не думать, что мечъ и копьѣ были обычнымъ оружіемъ всякаго, кто имѣлъ право на оружіе; стрѣлы и щиты могли имѣть такое же значеніе на равнѣ съ мечами: давая присягу заклинаясь, «да не ущитаться щиты своими и да посѣчени бѣдѣтъ мечи своими и отъ стрѣлъ и отъ иного оружья своего». Кстати замѣтить, что оружіе принималось не только въ смыслѣ ἔσφιαια или μάχαρα, а въ смыслѣ ἔπλου вообще. Это употребленіе слова оружіе было впрочемъ нечуждо и для Старо-Славянскихъ древнихъ переводчиковъ Чтеній Евангельскихъ и Апостольскихъ. Такъ: «Июда приде съ свѣщамп и оружии» μετα λαμπάδων καὶ ἔπλων» (Ioан. XVIII, 3). Нельзя не обратить вниманія и на самое слово оружіе = С. С. оружин. Этпмъ словомъ переводилось Греческое ἔπλου и тогда, когда оно употреблялось въ общемъ смыслѣ инструмента, орудія; напр. «ни представите же бѣдъ вашихъ оружии неправдѣ грѣхови, ни представите себе Богови также изъ жертвпныхъ жпвы, и уды ваша оружии правдѣ Богови (Рим. VI, 13); облѣчьте же са въ оружинъ свѣта (Рим. XIII, 12). Въ такомъ смыслѣ въ Супрасл. р. и въ Слов. Гр. Богосл. употребляется ружикъ (безъ о). Слово посуда поддается подобному разнообразію значеній; означая и утварь кухонную, и судно рѣчное и мореходное, и даже (у Бѣлоруссовъ) ружье. Слово оружіе можетъ следовательно быть отъ того же корня какъ и слово орудіе, употребляемое и въ частномъ смыслѣ пушки, и въ общемъ смыслѣ инстру-

мента, снаряда, даже дѣла, занятія, работы. Въ Малорускомъ, Польскомъ и пр. есть производный глаголь *орудовать* съ значеніемъ—дѣйствовать посредствомъ чего нибудь, владѣть, управлять.—Въ числѣ оружія отмѣчены и *обручи*: «а некрещенаи Русь полагають щиты свои и мечи свои нагы, обрѣча свои и процаи орѣжьи». Что это такое, видно изъ описанія владѣтельнаго князя въ Шестодневѣ Іоанна Экзарха: «тѣ нѣ аше се прилучитъ ему и княза видѣти, сѣдена въ срацѣ бисеромъ покидыаѣ, гривну цѣтаву на выи носеца, и обручи на руку, поясомъ възърмитою поясана, и мчь златъ при бедрѣ висещъ, и оба полы его болѣры сѣдеще въ златахъ гривнахъ и поясѣхъ и обручѣхъ» (I. Эк. стр. 64). Слово *обручъ* находимъ и въ Чешскихъ глосахъ къ *Matengverborum* (XII в.) какъ переводъ Латинскаго слова *armilla rotunda* и Нѣмецкаго *bouga*, т. е. въ такомъ же значеніи bracelets, какъ употребляется оно (*obrcsz*) и доселѣ въ Польскомъ нарѣчій. Въ древнемъ Нѣмецкомъ переводѣ книги Бытія (XXIV, 22) запысье (*ψελλια*) переведено посредствомъ *zibene armprouge ūz algrōtete golde* (Вакарнагель, 169). Это *armprouge* или просто *bouge* у древнихъ Нѣмцевъ имѣло важное значеніе въ быту воина: Гильтибрантъ, передъ поединкомъ съ Гадубрахтомъ, желая выразить ему уваженіе къ его воинской доблести «снялъ съ руки витой *обручъ*, вылитый изъ гривны, данной ему княземъ владыкой Гунновъ», приговаривая: «даю тебѣ это въ знакъ уваженія» (*tuant her dō ar arme wuntanē bougd, cheisuringū gitān, sō imo sē der chuning gar, Hūneō truhtin: dat ih dir it nu bi huldi gibū. Hiltbrandslied.*). Въ капитуляріяхъ Карла есть постановленіе, чтобы купцы не носили обручей: *ut armillae et bruniæ non deatut negotiatoribus* (Кн. VI, cap. 223. Вальтеръ, *Corp. jur. Germ.* II. 629). Такое же важное значеніе когда-то и у Французовъ имѣли *bagues* (слово взято изъ Нѣмецкаго), точно такъ же какъ и у Римлянъ ихъ *armillae*, а у Грековъ ихъ *ψελλια* *); еще императоры Римскіе жаловали ими заслуженныхъ воиновъ (Т. Ливій. X, 44. Плиній. XXXIII, 2).—Русскимъ людямъ того времени были не чужды обычай вольной добычи: это выразилось въ опасеніи Грековъ, чтобы Русскіе не дѣлали безчинныя (шакости) въ землѣ Греческой **) и

*) Греки называли ихъ также *обручами*: *περιβραχιόνιον* отъ *βραχίον* — рука.

**) *Шакости дѣлать*: это выраженіе встрѣчается довольно часто въ древнихъ памятникахъ. Такъ напр. въ Чтеніяхъ Евангельскихъ и Апостольскихъ: «шакости ѣму дѣлаша—*ἐκολαφίσαν αὐτόν* (Мат. XXVI. 67) «даши шакости дѣлать» — *ἴνα με κολαφίσῃ* (2 Кор. XII, 7).

чтобы не давали себѣ воли въ Цареградѣ, входя за его стѣны съ оружіемъ. Одно предупреждено было условіями договора, а другое недопущеніемъ вооруженныхъ торговцевъ въ стѣны города. Желательно знать, какъ входили военные послы въ Цареградъ? уже ли тоже безоружные? Во второмъ Договорѣ Олега: вписана присяга Русская пословъ, данная ими въ Цареградѣ: «мы же кляхомъ ся къ царю вашему по закону и по покону языка нашего», а присяга Русская того времени, какъ видно изъ Игорева Договора, была *на оружіи*, следовательно послы были съ оружіемъ. Яснѣе въ глгописи о первомъ договорѣ Олега, договоръ заключенъ въ самомъ Цареградѣ, а Олегъ съ своими мужами «кляхася орѣжьемъ своимъ». Наконецъ и въ сказаніяхъ Константина Порфиророднаго есть воспоминаніе о томъ, что во время одного изъ выходовъ въ маннаурѣ и иѣдныхъ вратъ занимали мѣсто крещеные Руссы съ знаменами, щитами и мечами (Сег. А. Вус. II. 15. Бю. изд. 579).

— Торговля называлась *куплюю*; отсюда и выраженіе *теорити куплю*, т. е. *продавати* и *купити*. Въ одномъ изъ списковъ Игорева Договора, при обозначеніи ограниченной покупки товара въ Цареградѣ вмѣсто *купити* стоитъ *крънеть*: «отъ тѣхъ паволокъ аще кто крънеть, да показывають цареву мужю». Слово это встрѣчается и въ другихъ памятникахъ Русскихъ, хоть и довольно рѣдко, такъ же чередуясь со словомъ *купить*; напр. въ Русской Правдѣ: «аже кто крънеть (=крѣнеть) чюжь холопъ не вѣдаа, то первому господицу холопъ повати, а оному куны имати»; въ Договорѣ Смоленска съ Ригой по списку 1229 г.: «аже Немчичъ крънеть гривну золота... аже крънеть Немчичъ гривну серебра», — а въ спискѣ 1228 года— *купить*. Есть это слово и доселѣ въ народѣ, какъ замѣчено въ Обл. Словарѣ: *крѣнуть* = *крѣнуть* тронуть, двинуть, сдвинуть съ мѣста; въ такомъ значеніи *крѣнути* употребляется и въ нарѣчійхъ Сербскомъ, Хорватскомъ, Хорутанскомъ, — и многое заставляетъ думать, что это значеніе ближе къ первообразу, чѣмъ то, въ которомъ видимъ въ нашихъ древнихъ памятникахъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ и въ нихъ крѣнѣти значитъ не купить, а только взять, и употребляемо было вмѣсто *купить* такъ же, какъ употребляемъ мы и теперь иногда *взять*, *брать*, вмѣсто

Въ другихъ мѣстахъ *κολαφίσαι* переведено иччати (Марк. XIV. 63, 1 Петр. II, 20); а *κολαφισμεθα*—«страждемъ» (1 Кор. IV. 11). См. Остр. Ев. и Шинатов. Апостолъ. Въ глгописяхъ Русскихъ *шакости* и *шакостимы* употребляется не какъ столько сильное выраженіе.

купить, почитать, какъ и самое купить значило только брать*). — *Куплю* назывался и товаръ. Тоже значеніе товара имѣло и *рухло*. Слово *рухло* напоминаетъ два различныхъ понятія и корня словъ: какъ производное отъ *рух*—*рушити* двигать (Др. В. Нѣм. *ruchian*), *рухло*, какъ и *рухлядь*, могло значить вообще движимое имѣніе (ср. прил. *рухлый*, *рухомыя рѣчи ges mobiles*, напр. въ Лит. ст. 1529 г., IV. 4); какъ производное отъ *рухо* платье (ср. Пол. *rucho*, Срб. *рухо* = *руо*, Чеш. *roucho*, Нѣмц. *gauch***), Др. В. Нѣм. *rok* = *ruchi*, *ruchili*, *ruochili*, Англ. *Saxe. roc*, Др. Сѣв. *roekg*, Визант. *ροῦχον*, Сред. Лат. *rossus*), *рухло* и *рухлядь* могла означать вообще одежду. Обѣ идеи, какъ и оба корня, могли соединиться въ одно общее значеніе. Такъ въ словѣ *курень* идея курнаго шалаша, палатки отапливаемой безъ трубъ, соединилась съ идеей отряда войска у Запорожцевъ, тогда какъ во второмъ случаѣ это слово даже не Славянскаго, а Восточнаго происхожденія**). Подобнымъ образомъ въ словѣ *бояринъ* = *боляринъ* соединились при одной общей идеѣ два различные корня: *бой* = *би* въ значеніи воеводы и *болъ* = *велк* въ значеніи града; такъ и *присутственный мьста* (отъ *суть*) не безъ смысла пишется и *присудственный* (отъ *судъ*)... *Рухло* во второмъ Договорѣ Олега можно принимать въ обоихъ значеніяхъ, а всего скорѣе въ общемъ значеніи товара: если Греко-славянская «лодыя съ рухлою своимъ» — сказано тамъ — попадется въ какую нибудь опасность и не будетъ въ состояніи возвратиться назадъ, то Русскіе обязываются помочь воротиться гребцамъ домой съ «куплю ихъ»; если же нельзя будетъ провести ихъ въ Грецію, то «да проводимъ ю въ Рускѣю землю, и да продають рухло томъ людья», и что продается, то «да пустимъ съ честию проданное рухло людья ихъ». — Можетъ быть, *рухло* имѣло въ Договорѣ съ Греками общее значеніе товара и потому, что главнымъ товаромъ, привозимымъ изъ Греціи, сколько можно видѣть изъ

*) Въ указанныхъ нарѣчіяхъ есть и болѣе первообразная форма глагола *кренути*: *кретати*, *окретати*: *кренуть* и *кретать* относятся одно къ другому какъ *влнуть* и *увлнать*, *разцѣля* и *разцѣлывать*, *цѣль* и *цѣлѣть*. Соображая же формы выговора—Югославянскую *крет* и Русскія *крет* и *крат*, надобно заключить, что въ Ст.-Слав. было-бы *крат*, а въ Польск. *kręć* и *kręćć*; въ Ст.-Слав. слова этого корня имѣ неизвестны, а въ Польскомъ онѣ во множествѣ, но по значенію довольно отдаленныя....

***) Кстати замѣтимъ, что наше сл. мягкая *рухлядь*, какъ *мѣха*, называется по Нѣмецки *Rauchwerk*.

****) *كرن* или *كورن* un corps, une troupe. Notices et Extr. XIV. 79. Иной вспомнить и о Латинскихъ *курляхъ*.

Договоровъ, были *паволоки*, подъ именемъ которыхъ разумѣлись дорогія ткани, пурпура, порфиры, парчи, багры и т. п.) У Чеховъ въ древности *павлака* (по глоссамъ *Mater verborum* XII в.) значило *zomentum*, а (по переводу Библии) *byssus*, *paludamentum*; у Поляковъ *павлока* означала порфиру (напр. въ переводѣ Іуд. XI, 21: *namiot jego był z pawłok, wyszywany złotem*—*ex purpura et auro intexto*; въ перев. Мак. I, VIII. 14: *ani w pawłocie odzieniu królewskim nie chodzili*—*nec induebatur purpura*). — Не уместно будетъ здѣсь обозначить ошибку или недомолвку одного изъ изыскателей прежняго времени, которая повела потомъ другихъ къ невѣрнымъ заключеніямъ. Кремонскій епископъ Лиутпрандъ, воротясь изъ втораго путешествія въ Константинополь, жаловался въ своемъ донесеніи императору, что правительство Византийское при его отъѣздѣ въ 968 году не дозволило ему вывезти пяти штукъ драгоценныхъ тканей (*quinque mihi preciosissimas purpuras abstulerunt*), какъ товаръ запрещенный (*καλοῦόμενα, id est nationibus omnibus prohibita*), и возвратило ему деньги, за нихъ заплаченные (*Liutpr. Legatio. Перца, Script. Reg. Germ. III. 359*). Изъ этого заключили, что Русскіе, которыми покупка тканей была позволена, пользовались какимъ-то преимуществомъ. Но мы еще не знаемъ, пользовались-ли этимъ преимуществомъ Русскіе въ 968 году; а въ 945 году, когда пользовались имъ Русскіе, воспользовался и Лиутпрандъ, бывший тогда не епископомъ, а только діакономъ, и накупивши гораздо болѣе и болѣе драгоценныхъ паволокъ, вывезъ ихъ безъ осмотра и опечатанія (*multo plura ac pretiosissima pallia emit, quae neque scrutata, nec a Graecis visa, nec plumbo sunt signata*).—Русскимъ дозволено было вывозить разомъ каждому на 50 золотниковъ («да не имѣють волости купити паволокъ лише по 50 золотыникъ»). Это напоминаетъ о дозволеніи Болгарамъ по договору 715 года покупать въ Константинополѣ одежду и красныхъ кожъ (*ἐσθῆτά τε καὶ κόκκινα δέρματα*—*vestimenta seu coccineas pelles*) цѣною на 50 (30) лиръ золота**).

*) Паволоки были различныхъ цвѣтовъ: *purpura, alba, rubra, guifa*;—*diversorum colorum et diversorum quoque exemplorum, seu picturam pannis intextarum, et alba, citrina, veneta*. Кошт. Пирепр. *Cerim. Antae Byz. Appendix. ad Libr. I. Bon. ед. 469*.

***) У Геогора *τριάκοντα λίτραν χρυσοῦ* (*Chronogr. Bon. ед. 775*), а у его комментатора *Αναστασία quinquaginta librarum auri* (*Hist. Eccles. Bon. ед. стр. 280*).—*Vestis pellicea* называлась *γούνα* (*Duc. Glos. med. Graec. 260. Кошт. Перс. Cerim. I, 83. Comment. 361*).

товаровъ, напр. цѣнность рабовъ: «установлено ксть преже двѣ паволоцѣ за челадинъ». Очевидно, что здѣсь паволока принята въ смыслѣ штуки матеріи, какъ это было и на западѣ («dedit nobis tres purpuras albas de quibus factae sunt casula, dalmatica, tunica et pallium ad patenam. Ducange Gloss. III. 549); а что рабы и плѣнные были оцѣняемы штуками тканей, этому подтвердительно примѣръ находится въ 'Исторіа сѣнторосъ патриарха Никифора, гдѣ подъ 768 годомъ занесено извѣстіе о выкупѣ за шелковыя одежды (στηρικαῖς ἱματίοις ἀμειψόμενος) около двухъ тысячъ пяти сотъ плѣнныхъ христіанъ (Niseph. ἱστορία. Бон. изд. стр. 86). Выраженію «двѣ паволоцѣ за челадинъ» напоминаетъ другое о продаваемыхъ плѣнникахъ — «се продакми бывають по 20 золота (= златынникъ)»; изъ этого можно заключить, что паволока оцѣняема была въ 10 солидовъ, а вмѣстѣ съ этимъ и то, что паволоки, бывшія въ ходу у Русскихъ, были вообще одинаковой цѣнности. — Какъ орудіе торговли упоминаются въ Договорахъ и деньги, но чужія: литра серебра, значившая тоже что либра, можетъ быть, еще употреблена въ значеніи гривны («за удареник или бикныи да въдасть литръ 5 серебра по закону Русьскому»); но златынникъ = золотыиикъ, вѣроятно, есть переводъ слова χρύσιος, означавшаго solidus. Такихъ солидовъ было въ фунтѣ 72 или 74 *). — Идея о таможенномъ сборѣ выражена словомъ мыто: («да творать куплю иже же имъ надобѣ, не платаче мыта ни въ чемъ же»). Ясно, что словомъ мыто переведено Греческое τέλος въ смыслѣ vestigal pro importandis et exportandis mercibus. Замѣтимъ, что слово τέλος въ Остр. Ев. переведено словомъ дань (Матв. XVII, 25), такъ же какъ и въ Апостольскихъ чтеніяхъ (Рим. XIII. 7) и въ переводѣ Ветхаго Завета (Мак. I, X. 31. Острож. изд.); а между тѣмъ ὁ τελώνης вслуду мытаря и τελώνισυ — мытыица. **)

— Съ военнымъ и торговымъ бытомъ одинаково соединялось судоходство. Въ Договорахъ поприщемъ Русскихъ судоходовъ представляются Днѣпръ и Черное море. Не говоря о кубарахъ, о которыхъ въ Договорѣ Игоря вспомянуто какъ о

*) См. Академика Крута, Zur Münzkunde Russlands. SPB. 1805. стр. 137: тутъ изложены доказательства, что solidus — золотыиикъ есть $\frac{1}{72}$ доля фунта золота. Ср. Рейске, Commentarii ad Ceterim. Ant. Byz. Nov. изд. стр. 496: тутъ объяснено нѣкто Константина Порфиророднаго: «взѣта 322 ἀμειψάτων, quae si ad rationem Nitragum redaces, habebis Nitras 4, num. 26». $74 \times 4 = 296$, а $296 + 26 = 322$.

**] О словѣ мыто см. Мысли объ ист. Р. из. 146—147,

Греческихъ судахъ *), были у судоходовъ свои корабли и лодки, и на нихъ якорь, ужи (канаты), прѣ (шпруса). Корабль напоминаетъ Греч. κάραβος, Лат. corbita, ср. Лат. carabus, golabus, golebus, gelabius, golafri, Итал. caravella, Исп. carabela, и вмѣстѣ съ тѣмъ Араб. караб и гураб (Journ. As. IX. 67, 86). Можно думать, что въ Договорахъ корабль явился вмѣсто Греч. κάραβια (Ср. у Коист. Порф. Ceterim. Ant. Byz. II, 44: 'Ρῶς κάραβια ξ', II, 45: τῶν δ' Ῥουσκῶν κάραβίων **); но можно и сомнѣваться: въ Чтеніяхъ Еванг. и Апост. корабль и корабица стоятъ какъ переводъ Греч. πλοῖον, πλοῖαριον; въ древнихъ Чешскихъ глоссахъ занесенъ когаб какъ переводъ словъ liburnus, trietis; въ древнихъ Лѣтописяхъ Киевской, Новгородской, Волынской, въ Сказаніяхъ (напр. о Борисѣ и Глѣбѣ) и другихъ памятникахъ Русскихъ также встрѣчаются названія корабль, кораблецъ, корабица; да и теперь нѣтъ ни одного Славянскаго нарѣчія, въ которомъ бы это слово не было своимъ, такъ что и у Сербовъ Лужицкихъ, Чеховъ, Словаковъ, далекихъ отъ всякаго моря и всякой большой воды, когаб, когабі живеть какъ народное, означая между прочимъ остовъ барки, вежору. — Такъ же распространено у Славянъ слово ладья = лодья = лодь, напоминающее въ своей Старославянской рѣдкѣ формѣ алдия о Литовской eldija, а для нынѣшн. и о Греческомъ χελώνιον. Еще ближе о ладѣ напоминаетъ Швед. и Эст. lodja, Фин. lotja, Мадьяр. ladik. У Англо-Саксовъ было lid, которое означало, какъ и Др. В. Нѣм. lid = lith (срав. Лат. lito) не только сосудъ для питья и самое питье, но и корабль, ладью, судно, отчего и пловець назывался lida, lidmann, lidwer. Созвучіе словъ сосудъ и судно, означающихъ одно и тоже lid, напоминаетъ и о другомъ созвучіи: у тѣхъ же Англо-саксовъ lid (Др. В. Нѣм. lid, Др. Сѣв. lidhr, и пр.) означало и членъ = Ст. Слав. членъ, которое въ свою очередь родственно съ членъ = Ст. Слав. членъ, такъ же какъ млыти = молотъ и мелью, мельница, (сравнить можно кстаті Готт. lithus — членъ и leithus бочкаль, питье). — Люди, плававшіе по

*) Кубара, вмѣсто Ст. Слав. кювара, есть Греч. κούβαριον = κοιλίαριον = κούβαριον, или въ жен. родѣ κούβαρια = κούβαρια. Оно было въ ходу въ Византіи уже во время Льва Мудраго. У Латыняиъ то же судно называлось comba, cumba, а иногда и gombaria: такъ, по сказанію Дандоло, contra Narentanos Sclavos посланы были naves, quas Veneti gombarias nominant (см. Codr. II. 913. Duc. s. v.).

**] У Льва Мудраго въ Тактикѣ есть уже κάραβιοι и κροτοκάραβος; затѣмъ κάραβος и κάραβιον встрѣчается у многихъ писателей. Въ Глоссахъ Нондора есть и опредѣленіе: carabas parva scapha ex vimine et corio. Срав. наше коробъ (Nis. Chron. 911. Pechim. 620—691).

широкими и глубокими водами, не могли обойтись без якорей: Славяне называют их *котвами* (от котъ, какъ Рус. конка — тоже родъ якоря, Херут. маѣка — конка и якорь, Нѣм. Kat и Katze), *шидрами* (ер. Греч. σίδηρος) и — особенно Русские — *якорями*. Это послѣднее слово переводчиками Св. Писанія было худо извѣстно: они или оставляли — *анькура*, *анькура ви*. Греч. ἄγκυρα, или переводили котвей (Д. Апост. XXVII, 29, 30, 40; Евр. VI, 19. Шилат. Апостолъ и Острож. библія). Можно думать, что якорь есть Греч. ἄγκυρα, перешедшее къ намъ случайно; но слово ἄγκυρα = анкога общезнакомо народамъ Романскимъ и Германскимъ, Литовцамъ и Финнамъ (Др. В. Нѣм. anker, Анг. Сак. ancer, Др. Сѣв. akkeri, Лит. inkogas, Лат. ankeris, Фин. ankkuri); оно извѣстно Арабамъ, Персамъ, Кельтамъ. Ужель оно зашло и туда отъ Грековъ? Полно такъ ли? Не чуждое ли оно и въ Греческомъ языкѣ столько же какъ и въ другихъ? — Что касается до канатовъ, то они *ужами*, *ужицами* (Ст. Слов. жже, жжица) назывались и называются издавна. Кроме другаго, это доказываетъ и тѣмъ, что въ переводѣ Св. Писанія словомъ *ложь* переданы и οὐχὸν τῆς σκάφης (Дѣян. XXVII, 32), и ζευκτήρια (Дѣян. XXVII, 40), и ἄλυσις (Ев. Лук. VIII, 29; Прем. Сол. XVII, 18 и пр.) Съ придыханіемъ : (h) то же слово, напѣвнвшись въ *гузъ*, до сихъ поръ употребляется во всей Руси: («когда не можь, не берись загузъ» — когда тапнуть на лямкѣ судно) и во многихъ Славянскихъ краяхъ. Такъ и Ст. Слав. *жжжица* доселѣ слышно у насъ и на сѣверѣ и на югѣ въ значеніи толстой веревки. — Не столь очевидно, но безъ сомнѣнія чисто Славянскаго происхожденія и слово *парь* = *пра* — паруса. Правда, что есть у Славянъ и другое слово, означающее тоже самое — *лдро*, *лдрило*, *лдрима*: словомъ *лдрина* передано было и ἀρτέμιον (Дѣян. XXVII, 40) и σελῆος (Дѣян. XXVII, 47), у Сербовъ отъ *ядро* (парусъ) произошло и *ядрити* (плыть на парусахъ), какъ у Нѣмцевъ *segeln* отъ *Segel*, откуда Польша, какъ и Чехи, взяли свое *seglować*; правда, что и у Финновъ парусъ называется *purjet* и отсюда *purjehdin* — плавать на суднѣ; но слово *парь* = *пра* далъ отъ себя производима *празорь* = *празора*, въ смыслѣ знамени и отряда воюющаго, не только Русскимъ, но Хорутанамъ и Чехамъ, у которыхъ оно употреблялось уже въ X вѣкѣ (запа князъ въ ргарог w плосаи гана. 1004 г.), а у Литовцевъ въ томъ же смыслѣ есть слово *paragiis* (Ив. II. стр. 114). Притомъ же рядомъ со словомъ

парь = *пра*, какъ съ *ядро* — *ядрити*, съ *Segel* — *segeln* стоять и *плыти* — *плыть* на парусахъ: «въсперѣтъ въ кораблехъ иноплеменникъ» (Ис. XI, 14, по списку Ушыря Алахаго). Слово *парь* или *перь* могло означать просто *плать*, какъ и Греческое *φᾶρος*, передѣланное у насъ въ *парусъ*, означало ткань, *плать*, *фату* и *парусъ*. Не смотря впрочемъ на употребленіе парусовъ, Русскія суда были вѣстѣ и *гребныя*: въ этомъ удостовѣряетъ упоминаніе Олегова договора о *гребцахъ* («съпотружамеа гребнемъ тоа лодья»). — Къ этому обзорнію терминовъ Русскаго судоходства прибавимъ, что изъ Договоровъ ясно видно, что Русскіе законы были близко съ Чернымъ моремъ, часто разѣкали его волны, умѣли бороться съ опасностями и спасать Грековъ, нежели надѣявшихся на себя чѣмъ на нихъ.

IV.

— Договоры представляютъ замѣчательныя доказательства распространенія грамотности между Русскими. Не упоминая о перепискѣ Русскихъ князей съ Греками, объ отпущенныхъ грамотахъ Русскихъ князей при отходѣ Русскихъ гостей въ Константинополь, о самыхъ Договорахъ, одно изъ этихъ доказательствъ находимъ и въ постановленіи о наследствѣ: — «О работающихъ въ Грьдѣхъ Руси у Христьянскаго царя. Аще кто умреть не урядивъ имѣнья, ни (=либо, аще) и своихъ не имать, да възвратитъ имѣнькъ къ малымъ ближнимъ въ Русь. Аще ли сътворитъ ображенькъ, таковыи да възьметъ уражешомъ ко, кому бѣдетъ *писаль* наследити имѣнькъ (кого), да наследити к». . . И такъ Русскіе дѣлали письменныя завѣщанья. Другое доказательство находимъ въ употребленіи печатей: «мошахъ съи печати злати, а гостыкъ сребрянъ; нынѣ же утѣдѣль (= заповѣдалъ) князь вашъ послати грамоту къ царьству нашему.» Слово *печать* одинаково распространенное у всѣхъ Славянъ, отъ нихъ уже въ XV вѣкѣ перешедшее къ Нѣмцамъ (Petschaft), представляется въ Договорахъ какъ свидѣтельство особеннаго обычая, такъ же не исключительно Русскаго, но бывшаго и въ другихъ Славянскихъ краяхъ. Древѣйшее упоминаніе о печатахъ, какое здѣсь можно привести относится къ Болгарамъ, къ ихъ договору съ Греками, поставленному въ 715 году и позже въ 805 году. по особенному случаю оставшемуся безъ подтвержденія, котораго желалъ князь Болгарскій Крумъ (Theoph. Sigeov. Бол. изд. 775. Anast. Hist. Ecclies. Бол. изд. 280). Въ числѣ условій этого договора было и то, чтобы купцы являлись по своимъ дѣламъ не иначе какъ съ грамотами и пече-

тѣмъ (*διὰ σφραγίδων καὶ σφραγισμάτων* — *per praeserta et signacula*), такъ что тѣ изъ нихъ, которые бы явились безъ печати (*sine signaculo*), должны были лишиться своихъ товаровъ въ пользу казны. Если такое условіе могло нравиться Болгарскому Круму, котораго посолъ хоть и былъ, судя по имени, Славянинъ (*Δαργαμηνός*: *Dargamegus* — можетъ быть Драгомиръ), но при дворѣ котораго были и не Славяне; если при томъ оно же найдено пригоднымъ и въ Руси, то не мудрено, что оно было согласно съ обычаемъ народнымъ въ обоихъ краяхъ; древній Славянскій переводъ Св. Писанія того же времени (IX — X вѣка) это подтверждаетъ постояннымъ переводомъ словъ *σφραγίς* и *σφραγίζεσθαι* словами *печать* и *печатаю*, *запечатлѣти* (напр. Ев. Мат. XXVII, 66; Иоан. III, 23. Посл. 2 Рим. IV, 11. 1 Кор. IX, 2. 2 Тим. II, 19)*). Обязательство Святослава Цимисхию было подтверждено печатами: «написахомъ на харьтѣи сѣн и своими печатами запечатахомъ» — кто мы? Святославъ говоритъ въ этомъ договорѣ: «кладѣса и со мною болгаре и Русь вси». Такъ утвержденныя нѣсколькими печатами сохранились нѣкоторыя грамоты Новгородскія. Печати въ томъ значеніи, какъ обозначены въ Договорѣ Игоря были употребляемы и у другихъ Славянъ. Такъ у Сербовъ, по Законнику Стефана Душана — «властеле величїи позивають се с книгомъ соудинномъ, а прочїи съ печатїю» — великіе бояре вызываются къ суду грамотою отъ судьи, а всѣ остальные подсудимые печатью (по изд. П. П. Шафарика ст. 57. *Okazky občan. pismenictwí*. стр. 34). Тутъ грамота тоже что *σφραγίδων* въ вышеприведенномъ мѣстѣ Теофана или у Константина Порфироднаго (*Adm. imp.* 49. два раза); къ грамотѣ прилагалась печать, а присыла одной печати безъ грамоты не выражала полного уваженія. — Послѣдующія изысканія, можетъ быть, объяснятъ болѣе значеніе печатей въ древней Руси, отвѣтя и на вопросъ, какъ широко и давно было ихъ употребленіе**). Теперь только для предположительнаго сравненія можно вспомнить о древнемъ обычаѣ стигмы (*στίγμα, στίζω, στίγματιζω*) напечатлѣнія знаковъ на тѣлѣ раскаленнымъ желѣзомъ. Этотъ обычай при-

*) Замѣчательно, что тотъ же глаголъ *σφραγίζεσθαι* въ переносномъ смыслѣ переведенъ чаще посредствомъ *запечатлѣти*; напр. Иоан. VI, 27. Посл. 2 Кор. I, 22. Еф. I, 13.

***) Теперь *печать* женскаго рода почти исключительно у всѣхъ Славянъ. Въ Договорѣ Игоря по Лаврент. списку печать муж. рода: печати злати, серебряни. Такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ памятникахъ, напр. въ Глаголитѣ Графа Клоца: «свадѣнникъ печати (913), знаменномъ печотомъ (915), гробѣнникъ печотомъ (918).

лагался у Грековъ и Римлянъ очень различно, долженъ былъ сдѣлаться известнымъ и Славянамъ, подвластнымъ имперіи Римской, и могъ подать имъ поводъ къ образованію своего слова для выраженія того же понятія. Онъ могъ впрочемъ образоваться у Славянъ и независимо отъ Грековъ и Римлянъ, можетъ быть, какъ что нибудь въ родѣ татуировки. Самое слово *печать* могло получить пынѣе значеніе вмѣсто древняго такъ же, какъ Латинское *sigillum, signum* (и глаголъ *signare*).

— Разсмотрѣніе тѣхъ словъ Договоровъ, которыми выражаются понятія отвлеченныя, убѣдитъ всякаго, что въ этомъ отношеніи переводчики Договоровъ всего болѣе были въ зависимости отъ Греческаго подлинника, — не всегда, конечно, въ той зависимости, которая могла быть слѣдствіемъ незнанія привычныхъ условій перевода съ Греческаго на Славянскій, но иногда и въ этой. Отнеся замѣчанія, о такихъ словахъ, буквально переведенныхъ съ Греческаго, къ общему указателю словъ, употребленныхъ въ Договорахъ, я остановлюсь здѣсь только на нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, которыми выразились въ Договорахъ понятія незвантыя у Грековъ, понятія, бывшія независимою принадлежностью образованности Славяно-Русской. — Въ числѣ такихъ словъ нельзя не замѣтить слова *всьмиръ*: Русскіе, заключая миръ съ Греками, хотѣли «сътворити любовь... съ всѣми людьми Грьчскими на вси лѣта, дондеже сымѣтъ сльщце и всьмиръ стоять» — пока сіеиетъ солнце и существуетъ вселенная. Не здѣсь въ первый разъ явилось это сложное слово: въ древнемъ переводѣ чтеній Евангельскихъ и Апостольскихъ оно употреблено не разъ какъ равносильное Греческому *κόσμος* (на пр. *εὐεῖσα всьмѣ миру — πανόρουσων σαυτὸν τῷ κόσμῳ*. Ио. VII, 4. прежде сложениа вьсего мира; *πρὸ καταβολῆς κόσμου*. Евес. 1, 4. и пр.); не разъ оно употреблено въ этомъ смыслѣ и въ другихъ древнихъ памятникахъ церковныхъ (напр. Слова Григ. Назіан: страшно же вьсемоу миру коньчаннѣ. III. Изв. 35. Супрасл. риксъ: снмѣють мѣо и зѣбды въ вьсемѣ мирѣ. 60, 6. Глагол. сбор. Клоца: да разьдрѣнїтъ вьсего мира клатву. 630. и пр.). Изъ этого не слѣдуетъ однако заключать, что *всьмиръ* слово исключительно Церковно-Славянское. Оно было въ такомъ же ходу и у Чеховъ: его находимъ въ древнихъ Чешскихъ глоссахъ на Евангеліе Иоанна (*ai mir ves po niem ide*. XII, 19), въ пѣснѣ Войтѣха (*ty spase vsego mira, sprazїř ny i uslyř glasy naše*), въ глоссахъ къ *Mater verborum* XII вѣка (*mundus, univergitas omnisque constat in coelo et*

in terra vezmig) и пр. Въ нашемъ народномъ языкѣ оно въ ходу и до сихъ поръ, какъ видно на пр. изъ пѣсни: «сулятъ старцы старые всему миру животы долгиѣ (Сахарова, Сказ. Рус. нар. VII, 13). Въ Нѣмецкомъ образовалось подобное слово Weltall, Англійское all the world. Самое выраженіе «дольде же слънце съмытъ и весь миръ стоить» должно было быть въ ходу у древнихъ Славянъ... его между прочимъ находимъ и въ Болгарскихъ грамотахъ (Болгар. Гр. Априлова. стр. 16). Впрочемъ *миръ* и отдѣльно, безъ *весь*, употреблялся въ значеніи *κόσμος*, какъ это видно и изъ Договоровъ: второй Договоръ Олега заключенъ былъ «въ лѣто оъзданна мирѣ ѣ. ѣ. ѣ». Въ этомъ несложномъ видѣ, означая и покой, согласіе (*εἰρήνη*), слово *миръ* было иногда замѣняемо другими подобно значащими. Такъ и въ Договорахъ, иногда отдѣльно, иногда вмѣстѣ съ *миръ*, употреблено много разъ слово *любм*. Инымъ кажется, что *любм* въ этомъ значеніи есть буквальный переводъ Сред. Греческаго *ἀγάλη*, употреблявшася въ смыслѣ рах, *foedus*. Сходство значенія неотрицаемо; но оно говоритъ не о буквальномъ переводѣ одного слова другимъ, а объ естественномъ для ума человѣческаго соединеніи идей любви и согласія. Не выписывая примѣровъ изъ нашихъ древнихъ памятниковъ, подтверждающихъ народность этого смысла слова *любокъ* (примѣры можно видѣть въ Словарѣ къ 1-й Новг. Лѣт. А. Пыпина, Матер. для Слов. II стр. 76), я ограничусь припоминаніемъ старинныхъ нашихъ словъ *розлюбье* (то же что розмирье, ссора), *малюбе* (несогласіе), *слюбиться* (согласиться), *полюбевна сдѣлка* (договоръ). Тутъ же кстати вспомнить Польское *slubiny*, Чешское *slib*, Литовское *slubia* = *saluba*. Въ Нѣмецкомъ есть въ такомъ же смыслѣ *gelübde*, *angelöbniss*, *geldöbniss*; въ Англо-Саксонскомъ *leaf* — согласіе, позволеніе, *leafa* — вѣрность, *leaf* и *lift* — данное слово, *lybb* клятва; въ Кельтскомъ есть *llwf*, *llw* — клятва, присяга. — Такая же древность въ языкѣ Славянскомъ для всѣхъ Славянъ противоположное по смыслу слово *ненависть* (Догов. Игор: «ненавидѣщаго враждолюбьца дьвола»); этииъ сложнымъ словомъ постоянно надреве переводилось простое Греческое *μίσος*, а словомъ *ненавидѣтъ* — *μισέειν*: такъ и въ Готскомъ *vitau* значило не только знать, но и уважать, любить, *inveitan* почитать, *fraveitan* истить, и могло быть *inveitan* съ значеніемъ ненавидѣть. — Не менѣе древне и слово *истина*: постоянно занимавъ свое мѣсто съ теми же значеніями какъ и Греческое *ἀλήθεια*, и въ древнихъ памятникахъ, и въ современныхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ, выражая собою сущность того, что

дѣйствительно есть, дѣйствительность^{*)}, законность, правду, справедливость, вѣрность, это слово явилось и въ Договорѣ Игоря на своемъ мѣстѣ, какъ живое народное слово («да на роту идѣть хранити истинѣ, яко же мы съвѣщахомъ»), хотя, можетъ быть, и не совѣтъ по Славянски соединенное съ глаголомъ хранити. Почти въ такомъ же смыслѣ употреблялось и слово *права*, которымъ также надреве переводилось *ἀλήθεια*, и которое удержало это значеніе доселѣ въ сѣверо-западныхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ почти исключительно; но оно надреве получило и смыслъ юридическій, какой соединяется съ нимъ почти исключительно въ нарѣчіяхъ юго-западныхъ. Этотъ смыслъ видѣтъ и въ выраженіи «Руськая Правда»; онъ же видѣтъ и въ выраженіи Олегова Договора «да погубитъ правдѣ⁸ свою», что значитъ почти тоже что «да будетъ обвиненъ». Правда была для Русскаго слѣдствіемъ истины въ дѣлахъ жизни, а сама истина, тепля въ душѣ *въру*, въ жизни выражалась *закономъ*. Слово *въра*, общее достоиніе не однихъ Славянъ, но и другихъ народовъ (срав *veritas*, *verus*, Др. Нѣм. и Др. Сѣв. *wâg*, и т. д.), употреблено и въ Договорахъ въ двухъ главныхъ смыслахъ — не только какъ довѣріе («нати вѣрѣ⁸ — довѣрять»), но и какъ сознаніе божественнаго закона («клатиса по вѣрѣ своимъ, на ротѣ ити по вѣрѣ своимъ» и т. д.). Впрочемъ и въ словѣ *законъ* соединялись для древнихъ Русскихъ нераздѣльно оба начала: божественное и мірское. Отсюда выраженія: «мы же кляхомъся къ царю вашему, иже отъ Бога съще яко Божикъ зданникъ (=сзданникъ) по закону и по покою языка нашего», «да на ротѣ идѣтъ ваши христианамъ Русь по вѣрѣ ихъ, а нехристианамъ по закону своимъ». Особенно люпытно выраженіе *по закону и по покою*: *ζάκων* извѣстно было и Константину Порфирородному, и употреблено имъ въ противоположность къ *ἔθος*, т. е. какъ *lex* въ отношеніи къ *consuetudo* (Ad. 7, 38: *κατὰ τὰ ζάκωνα, — κατὰ τὸ τῶν χαζάρων ἔθος καὶ ζάκων*); Русское *покою* должно означать *ἔθος*, а «по закону и по покою» *lege et consuetudine*; *покою* и досихъ поръ на Сѣверной Двинѣ значить обыкновеніе, обычай, и повторяется въ поговоркѣ «у нихъ ужъ тотъ покою⁸»). Нѣтъ сомнѣнія, что слово *ζάκων*

^{*)} Очень естественно было слову *истина* получить и значеніе великаго капитала, *imēnia* (Чеш. *jistina*, Пол. *istina*), въ какомъ употребляютъ его сѣверо-западные Славяне.

^{**)} См. Смытъ Отеч. 1852. VI. Крит. стр. 4. О словѣ *ζάκων* можно прибавить, что оно по словарю Самды (над. Гансеорда, I. 870) означаетъ еще *datón*, *συνασία τῆς ἡμέρας καὶ τοῦ μηνός*, число такого то мѣсяца и года.

узу взято Греками у Славянъ. — О религіозномъ законѣ Русскомъ въ Договорахъ занесено очень немногое данныхъ и то только въ примененіи къ юридическимъ обрядамъ. По этому только случаю сдѣлано упоминаніе о двухъ главныхъ догматахъ Русскаго язычества: 1. Русскіе признавали Бога верховнаго, единаго, и сверхъ того чтяли *Перуна* и *Волоса*: «да имѣемъ клятвѣ отъ Бога, въ него же вѣрѣмъ, въ *Перуна* и въ *Волоса*»; «да не имѣть помощи отъ Бога ни отъ *Перуна*»; «да бѣдетъ клятвѣ отъ Бога и отъ *Перуна*, какъ престоупи клятвѣ свою». Въ послѣднихъ выраженіяхъ ясно отличены Богъ и Перунъ, хотя Перунъ и Волосъ и названы такъ же богами. Не одни Славяне имя верховнаго Творца вседержителя соединили съ идеей многобожія: у Грековъ τὸ Ζεὺς было общимъ именемъ двухъ богинь Цереры и Прозерпины; Римляне клялись per deos, ita me dii ament, и пр.; Германцы свое Gott придавали какъ опредѣлительное къ именамъ своихъ боговъ: Irmingot, Altgot (= Сатурнъ), Nerdgot... Позволю себѣ не останавливаться на разборѣ значенія Перуна и Волоса въ Русской мѣологии, ограничась только общимъ словомъ: — Перунъ и Волосъ были для Русскихъ тоже что для Грековъ и Римлянъ Юпитеръ и Аполлонъ, одинъ — богомъ огня небснаго, грома и молніи, другой — богомъ свѣта небснаго, солнца. Понятно, почему Волосъ названъ скотьямъ богомъ: такимъ, въ значеніи Пана, былъ и Аполлонъ. 2. Русскіе язычники признавали будущую жизнь, и, боясь рабства, утверждали исполненіе обязательствъ клятвою «да будемъ раби въ весь (= въ снѣ) вѣкъ (и) въ бѣдѣхъ». — Что касается до Русскаго закона мірскаго, то и онъ не разъ вспоминать въ Договорахъ, и именно какъ законъ уголовный: «за ударении пять литръ по закону Руському; аще ли кто възьметъ что, или челоуѣка поработитъ, или убить, да бѣдетъ повиненъ закону Руському и Грецькому; аще украдемоу обращеться, да (татъ) покажнннъ бѣдетъ по закону Грецькому и по закону Руському». Законъ мірскаго названъ еще *уставомъ*: преступникъ наказывался «по уставу и по закону». Слово *уставъ* въ этомъ смыслѣ у Славянъ очень давно, такъ на пр. у Чеховъ еще во время язычества было выраженіе *уставити правду*, а въ Старославянскомъ словомъ *уставъ* переводили θεσμός, διαθεσις, διαθήκη, σύνθημα, и т. п.

V.

— Гражданскія постановленія Договоровъ касаются права выкупа плѣнныхъ и поработенныхъ и права распоряженія имѣніемъ.... Особенно любопытны послѣднія: имѣніе умершаго

наслѣдовали *свою*, а если не было ихъ, то *малымъ близкимъ* — по закону или по завѣщанію. Завѣщаніе названо *образомъ*, завѣщать — *обрадити*, *урадити*: эти слова употреблялись, конечно, не всегда въ такомъ исключительномъ смыслѣ, заключающъ въ себѣ тотъ же смыслъ, какой дѣлался и словомъ *уставъ*, *установленіе*, *устанавливать*, какъ это видно изъ многихъ намятниковъ Русскихъ. Важное мѣсто о наслѣдствѣ читаемъ во второмъ Договорѣ Олега: «Аще ли убить створивши убивство да аще ксть имѣнннъ, да часть нго, сирѣчь кже нго бѣдетъ по закону, да възьметъ ближнннъ убивнаго, а и жена убивнаго да имѣть толицѣмъ же прибѣдетъ по закону». Подъ словомъ *часть* въ этомъ мѣстѣ должно, безъ сомнѣнія, понимать *μέρτεον* — наслѣдіе (Дис. 967); вотъ почему и слѣдуетъ далѣе объясненіе: «сирѣчь кже нго бѣдетъ по закону» — то чѣмъ онъ владалъ по закону: въ Договорѣ Игоря сказано проще — «имѣннн». *Прибудетъ* значить получить: ср. Гр. *πρόσβρα*, *συμπρόσβα*; въ такомъ смыслѣ остается это слово въ Псалм. XIII, 20: «да не прибѣдетъ тебѣ преставъ беззаконннъ» — *μή συμπρόσβεται σοι ἄνομος ἀνομίας*; и не для чего думать, что слово «прибудетъ» въ свое время не было вовсе понятно и общеупотребительно, потому что и до сихъ поръ слова *прибыль* и *приходъ*, какъ и слова *добыть*, *добыча*, *добытокъ*, *убытокъ*, *убыль*, употребляются безъ всякой нужды ихъ объясненія посредствомъ Греч. τὸ πρόσβον или τὸ πρόσβουτα. Что древній Русскій законъ опредѣлялъ право жены на часть имѣнія послѣ мужа, это видно изъ многихъ постановленій. Такъ и въ Русской Правдѣ: «Аже жена сядеть по мужи, то у своихъ дѣтемъ взять часть, а что на ню мужъ възложитъ, то тому госпожа ксть.. Что ми далъ мужъ, съ тѣмъ же ми сѣдѣти, или свою часть всеиши сѣдѣти же». Въ позднѣйшихъ постановленіяхъ выходитъ объясненіе этого постановленія и замѣну новымъ. Такъ напр. въ статутѣ Владислава II: «Въ книгахъ правыхъ нашихъ предковъ висаю: коли мужъ женѣ умереть, тогда жена все имѣніе свое брала, а у томъ дѣти шкодила. Мы уставляемъ: нжъ такая невеста имѣти изостать при животннѣ и при вѣтѣ и при возникатъ, которыи вожена при мужи... Впрочемъ все подобныя постановленія почти исключительно относятся къ праву гражданскому; въ Договорѣ же Олега гражданское постановленіе обусловлено уголовнымъ обстоятельствомъ. Для его объясненія надобно искать подобныхъ учрежденій извѣст. И они есть. Уже И. Д. Бяляевъ указалъ на одно въ Исмаил. Gragas (I, VI, 23):

ежели между супругами общность имѣнія не была утверждена особымъ актомъ, то въ случаѣ денежнаго взысканія на одномъ изъ нихъ виновный платилъ только изъ своего имѣнія, не касаясь имущества, принадлежащаго другой половинѣ (Временникъ. XV. 61). Это постановленіе довольно сходно съ тѣмъ, которое занесено въ Договоръ Олега; но далеко не то самое. Сходное постановленіе находится и въ грамотѣ Премысла Оттокара 1229 года, которою подтверждены древніе Моравскіе законы: «всякій убійца обязанъ былъ платить суду 200 денаровъ, а жена его оставалась безъ проторей (et uxor sua in pace sedeat et indemnus. Бочекъ, Cod. Morav. II. 210). Полное объясненіе обозначеннаго закона находимъ въ постановленіи Англосаксонскомъ: Вдова изгнанника (utlag) за преступленіе разбоя (murdrig), если она не причастна была преступленію и доказала это Божіимъ судомъ, оставалась подъ защитой закона и сохраняла maritagium и dos, а дѣти, родившіяся до преступленія, не были exlegae и не теряли своего наслѣдія (Leg. Edw. c. 19. D. Oghlou. II. 139). Тотъ, кто былъ признанъ преступникомъ по народному праву (folcright), подвергался смертной казни, и лишался всего имѣнія: изъ него брали прежде то, чего стояло украденное (seargild), а остальное дѣлилось на двѣ части, и одна отдавалась женѣ, если она была невинна, а другая раздѣлялась пополамъ, между королемъ и общиной (Judic. Lund. I. 1. D. Oghlou. II. 380, 516).

— Изъ преступленій отиѣчены въ Договорахъ убійство, удары и побой, грабежъ и воровство. Идея преступленія выражена нѣсколькими словами: *вина, зрѣхъ, согрѣшениѣ*. О значеніи *вина* можно судить по выраженіямъ очень общимъ: «не вѣдаемъ быти никакому съблазну или винѣ». Въ такомъ же неопредѣленномъ значеніи употреблены слова *зрѣхъ* и *согрѣшениѣ*: «ни аще ударить... да того дѣла грѣха завлаутить; будетъ вина, также винуться согрѣшениѣ о семь». Еще болѣе общее значеніе словъ *криво, зло, бесчестнѣ, пакостнѣ, преобидѣти, преступити*. Видно изъ всего, что особеннаго общаго рѣченія для выраженія юридической идеи о преступленіи переводчикъ не думалъ употреблять, передавая только общій смыслъ Греческихъ словъ. — Не много болѣе определенности замѣчаемъ въ выборѣ словъ для выраженія отдѣльных преступленій. Объ *убійствѣ* есть нѣсколько выраженій, которыя, какъ слѣдствіе дурнаго перевода, могутъ быть невинно различны. Таково напр. въ Договорѣ Олега: «а о головахъ, иже са клятвѣ проказа, урядиша оице»; за этиахъ

слѣдуютъ статьи объ убійствѣ. Едва ли слово *голова*—*mlava* можетъ здѣсь значить то же что статья закона, постановленіе, *κεφαλή, capitulum*, или же головы т. е. то же, что у Константина Порфиророднаго та *κεφάλαια* (Adm. Imp. 45. стр. 203), какъ въ томъ же Договорѣ выше: «сѣтъ иже понеже мы са икали о Божьи вѣръ и любви главы таковыма». Мнѣ кажется слово *голова* значить здѣсь тоже, что *κεφάλαιον, κεφαλήτιον census capitis, capitatio*, и употреблено не какъ дословный переводъ, а какъ рѣченіе народное: и въ Русской Правдѣ употребляется *голова* въ смыслѣ убійства («вирьное платити въ нем же вѣрви голова начнетъ лежати», — 40 гривенъ за голову), а *головничъ* въ смыслѣ убійцы; и въ Др. В. Нѣмецкомъ *haubitjan* (ag +, far +) отъ *haubit* (голова) значило убить (нов. *enthaupten*), а въ Анг.-Саксонскомъ *heafodgylt, heafodleather* — отъ *heafod* (голова)—убійство, головничество. Принимая слово *голова* въ значеніи уголовного преступленія, легче понять и смыслъ слова *проказа*: это дословный переводъ Греч. *διαφορά* (*δια*—про, *φορέω*—кажу), и значить лишеніе жизни, смерть, *θάνατος*, какъ опредѣляется и Свидой (изд. Гансферда. I. 968). Въ такомъ же значеніи смертоубійства употреблено слово *проказа*, можетъ быть, и въ Договорѣ Игоря: «ни аще клятвѣ проказа нѣкака отъ Грѣкъ». Впрочемъ *проказа* въ Договорахъ употребляется и въ общемъ значеніи бѣды, бѣдствія, сопряженнаго съ погибелью людей: «аще ли клятвѣ такъ же проказа лодьнъ близъ земли Русьскы, да проводимъ ю въ Русьскыю землю *)». — О небояхъ и ударахъ говорится какъ о *бояхъ, ударехъ*, — и почти исключительно только объ ударахъ оружіемъ (мечемъ, копьемъ), — въ Договорѣ Олега *съсудомъ*, а въ Договорѣ Игоря *оружьемъ*, впрочемъ въ нѣкоторыхъ спискахъ и тутъ стоитъ *сосудомъ*; слово *сосудъ* могло быть также употреблено въ смыслѣ военнаго орудія (какъ напр. въ Ипатьев. лѣтописи *съсуды порочныя, градныя*, стр. 182 и пр.). — Преступленіе воровства выражено словомъ *татьба*, воръ названъ *татемъ*, а уворовать — *украсть* и просто *взять*, такъ какъ и во всѣхъ древнихъ памятникахъ Старославянскихъ, Сербскихъ и Русскихъ. Любопытно слово *тать* («аще украдетъ... что любо..., и ать бѣдетъ въ томъ часѣ тать, игда татьбѣ сътворить..., аще при-

*) Словомъ *проказа* въ Еванг. чтеніяхъ переводится *λέπρα* (Матѣ. VIII, 3. Мар. I, 42. Лук. V, 12): у Болгаръ это болѣзнь называется *кляма*, у Сербовъ *зуба*, у Хорутанъ *зоба* (слѣд. по Ст. Слав. глба); а *проказою* Сербы и Хорутане называютъ *будгоря*. Ср. Южно Русское *сказенный* — искаженный болѣзнью, *сказити* — исказиться болѣзнью, а иногда почти тоже что *надохнуть*.

готовиться татьбѣ творамъ...»). Оно по происхожденію такъ же темно, какъ и Германское *dieb* или Латинское *fur*, съ чѣмъ сходно наше воръ; считать его сроднымъ съ *татъ*, какъ было дѣлано и до Добровскаго, можно потому, что и Готское *thiubs* (*Dieb*) строятъ рядомъ съ *thiubjo*, что значить тайкомъ, какъ и Греческое *κλέπτω* значить не только воровать, но и таить, скрывать, а Латинское *furtum* — не только воровство, но и тайна, хитрость, и т. п. Болѣе произвола будетъ въ сравненіи съ Венгерскимъ *tátas* — волкъ, которое напоминаетъ собою Сербо-Лужицкое *tatañ* — язычникъ. Слово *татъ* замѣчательно и потому, что оно столько же теперь у Славянъ мало извѣстно, сколько въ древности было употребительно: теперь, сколько знаю, оно осталось только у Словенцевъ Хорутанскихъ, вмѣстѣ съ *tatja*, *tatba*, *tatbina*. — Идея грабежа нечаянно и неловко выражена словомъ *искусъ* («аще ли кто мѣченъ образомъ искусъ творить и насилье тавѣ»). Трудно себѣ представить, чтобы подъ словомъ *искусъ* скрывалась мысль о вытѣхъ, выпытываніи, не болѣе: дѣло идетъ о преступленіи въ родѣ воровства, соединяющемся съ насильемъ, о грабѣжѣ или разбоѣ (въ нынѣшнемъ смыслѣ этого слова): это *πεῖρα*, *πεῖραμα*, *πεῖρασις*, *πεῖρατεία*, отъ чего получали свое имя и разбойники *пираты*. Подобная идея выражена словомъ *накостъ*, какъ было уже замѣчено выше. Насилье выражено еще словомъ *нѣжа*: «аще ѡкрадевъ бѣдетъ челядинъ Русьскыи.. или по нѣжи продавъ бѣдетъ». Въ такомъ же смыслѣ употреблялось и въ Старославянскомъ слово *нѣжда* («шдь стратигъ съ слѣгами праведѣ к не съ нѣждею (*οὐ μετὰ βίας*), богахъ бо ся люди, да не каменикъ побить ихъ. Дѣя. V, 26. вси благовѣрнѣи живѣштини о Христосѣ нѣждавахъ сѧ жрѣти богомъ. Супр. р. 50. Почи яко нѣждьножъ смъртьѣж, т. ж. 103). — Разсматривая разные преступления, о которыхъ упоминается въ Договорахъ, должно остановиться и на той статьѣ, которой одна часть была уже отмѣчена выше. Если Русскій, живущій въ Греціи, передъ смертію оставитъ завѣщаніе о своемъ имѣніи, то тотъ, «кому бѣдетъ писалъ наследити имѣніе (нго), да наследитъ к отъ възимающихъ куплю Рѣси, отъ различныхъ ходашихъ въ Гръки и удѣжающихъ». Не трудно понять смыслъ этого постановленія, если обращено будетъ вниманіе на то, что «възимаемъ куплю» есть дословный переводъ Греческаго слова *πραγματομαχης*, въ смыслѣ купецъ (*Сегим. Aul. Byz. II. 575 — 576*): наследникъ Русскаго, проживавшаго въ Греціи, получалъ свое наследіе черезъ по-

средство кого нибудь изъ тѣхъ Русскихъ купцовъ, которые приходили въ Грецію, или вообще отъ кого нибудь изъ Русскихъ путешественниковъ, останавливавшихся въ Греціи. Непосредственно въ слѣдъ за этимъ постановленіемъ Договоръ выставляетъ на видъ уголовное обстоятельство: «Аще злодѣи не възвратятся въ Русь, да жалуютъ Русь христіаньскому царьству, и бѣтъ бѣдетъ таковыи, и възвращенъ бѣдетъ нехотан въ Русь». Читая это мѣсто, я нахожу необходимымъ вставить, пропущенное переписчиками, отрицаніе *не*, безъ котораго, очевидно, нѣтъ никакого смысла, какъ это уже было замѣчено П. М. Строевымъ (*Соф. Вр. I. 25*). Само по себѣ впрочемъ это мѣсто тоже непонятно: оно понятно только какъ дополненіе предыдущаго. Если же глядѣть на него, какъ на такое дополненіе, то слово *злодѣи* всего легче объясняется, какъ переводъ Греческаго *κακοῦργος*, съ которымъ въ юридическомъ языкѣ Византійцевъ соединялось постоянно одно понятіе, то же что съ Латинскимъ *vellionator* (*Dic. I. 545*. срав. еще *κακοῦτροπος*, *περίεργος*, *ἐπιδήτης*), понятіе о незаконномъ утайщикѣ чужой собственности (*Digest. XLII, 20*). Злодѣи—это тотъ Русскій купецъ или путешественникъ, который возьметъ на себя трудъ передать имѣніе завѣщателя, умершаго въ Греціи наследнику его въ Русь, и не передастъ. «Аще злодѣи не възвратятся въ Русь» т. е. если кто изъ взявшихъ на себя трудъ передать наследнику въ Русь завѣщанное имѣніе утаитъ его, и не возвратится съ нимъ въ Русь, то Русскіе, узнавши объ этомъ должны жаловаться, — и тогда его схватятъ и отошлютъ въ Русь противъ воли. Переводчикъ Олегова Договора, подумавши болѣе, не усумнился бы вмѣсто *злодѣи* поставить *татъ*, какъ терминъ юридическій, если только со словомъ *злодѣи* не соединялось уже тогда тоже понятіе о ворѣ, какъ было позже и остается (у Поляковъ, Сербовъ Лужицкихъ и пр.) и до сихъ поръ.

— Идея наказанія выражена чаще всего словами *казнь*, *казнити*, *показнити*, равносильными въ древнемъ своемъ значеніи съ словами *кара*, *карать*, *покарать*, и распространенными въ этомъ значеніи съ придачей разныхъ отгѣнковъ у всѣхъ Славянъ. Разъ встрѣтилось въ такомъ же общемъ значеніи слово Греческое *επιτιμια* (*ἐπιτίμιον*—*ἐπιτιμία*): «да повинни бѣдѣтъ то сѣтворыши преждедеченоу епитимію (= опитимію)». Слово *повинни* должно быть переводомъ Греческаго *ἐνοχος*, какъ и въ древнемъ переводѣ Евангелія: «последова и быши повинна смърти — ἐνοχον θαλάτῃς (*Мар. XIV, 64*. слѣч. 67). Возмездіе выражено словомъ *местъ*

(«да примутъ мсть отъ Бога»), и производными отъ искъ: *свзыщется, измыщется*. Вѣра въ возмездіе Божіе за злыя дѣла выразилась въ нѣсколькихъ клятвахъ: какъ кара Божія въ нихъ выставлена — «погыбель въ весь вѣкъ въ бѣдѣщи (= въ сии вѣкъ и въ бѣдѣщи)», отчужденіе отъ помощи Божіей, смерть отъ стрѣлъ такая какъ для золота, пораженіе собственнымъ оружіемъ, рабство «въ весь вѣкъ въ будущи (= въ сии вѣкъ и въ бѣдѣщи)». Наказанія человѣческія были: смерть — за смерть и за сопротивленіе власти — не только общественной, но и частнаго лица, какъ напр. при воровствѣ; денежное наказаніе съ продажей имѣнія въ случаѣ его недостатка — за побой, за грабежъ и воровство. Сходство Договоровъ съ Русскою Правдою въ этомъ отношеніи очевидно. Вспомнать въ Договорѣ Игоря между прочимъ и древній юридическій терминъ *продати*: «аще ли ксть неимовить, да како можеть въ только же проданъ будеть, како да и порты, въ нихъ же ходить, да и то съ него сънати»; то же постановленіе переведено въ Договорѣ Олега безъ помощи этого термина: «аще ли будеть неимовить... да въдасть кливо можеть, (и) да соиметь съ себе и ты самыа порты, въ нихъ же ходить». Въ Русскою Правдѣ *продажею* названо въ этомъ самомъ постановленіи, такъ же какъ и въ другихъ, даже опредѣленная плата за преступленіе: «12 гривнѣ продаже за обиду». Въ другихъ мѣстахъ Русскою Правды для означенія того же понятія употреблено слово общее *платити* и *выкупати*. На память объ этомъ способѣ возмездія и до сихъ поръ въ нашемъ языкѣ, какъ общія выраженія идеи возмездія, остаются *отплата, отплачивать* и т. п. Въ такомъ же смыслѣ употреблялось издревле въ Германскихъ языкахъ слово *gelten* (Готт. *gildan* — отдавать, Др. Сѣв. *gilda* — платить, Англ.-Сакс. *gildan* — отплачивать и т. д.), откуда *gelt* (Готт. и Англо-Сакс. *gild*) плата податная, цѣна вообще и наконецъ (Др. Сѣв. *giald*, нов. Нѣм. *geld*) — деньги; Др. В. Нѣм. *fargeltida* уравнивается совершенно съ нашею древней продажей. Изъ этого одного не для чего заключать, что продажа есть переводъ какого нибудь Скандинавскаго *forjald*, какъ не для чего заключать, что оно — подражаніе Греческаго *ἀπόδοσις* — воздаяніе, отплата, продажа (отъ *ἀπό* и *δίδωμι* — даю), или Латинскаго *praemium* — воздаяніе, отплата (отъ *pro* и *emere* — покупать), а тѣмъ менѣе Латинскаго *venditio* (продажа), которое уже позже получило характеръ нашей древней продажи *).

* *Venditio* означало *продажу* въ томъ смыслѣ, въ какомъ напр. въ Рус. Правдѣ: «аже прсть утьветъ кѣмъ любо, то 3 гривны продаже,

— Основаніе судопроизводства жалоба; ею начинается *тяжба*. Въ этомъ смыслѣ *тяжба* употреблена въ постановленіи о бѣжавшемъ убійцѣ: «убѣжавъ да дръжиться тажи доньдеже обращеться», точно также какъ и въ Русскою Правдѣ: «искавшие ли послуха и не нагѣзуть... то ти имъ правда желѣзо; тако же и во всѣхъ тяжахъ и въ татѣбѣ, и въ поклепѣ». Иногда не бываетъ возможности достигнуть полного удовлетворенія по иску, и тогда — сказано въ Договорѣ Олега — «да пребывають *тяжба* невзыскама о семь». Въ такомъ смыслѣ находимъ это слово и въ древнемъ переводѣ Апостольскихъ чтеній: «се убо отынуудь срамъ вамъ ксть, яко тажа имате съ собою» (ὅτι κρέματα ἔχετε μετ' ἑαυτῶν. 1 Кор. VI, 7). Въ древнемъ Чешскомъ языкѣ есть это слово: *taha* — *setauca* (искъ, позывъ на судъ. Mat. Verb.), *těženie* — *negotium* (тяжба. Veles. Lex.); въ Польскомъ и до сихъ поръ удержалась пословица: *kto ma siązą tego nie wiązą* — у кого тяжба, того не вяжутъ. Нечего доказывать, что первоначально *тяжба* значило только позывъ въ судъ, а потомъ уже и самое дѣло, какъ слѣдствіе позыва. Переводчикъ Олегова Договора имѣлъ ли передъ собою слово *κρέμα*, или *φίλονεμία*, или другое подобное, все равно: онъ перевелъ его народнымъ юридическимъ терминомъ, на столько же Русскимъ какъ и общимъ Славянскимъ. — Судебными доказательствами были: а) *показанія* свидѣтелей или улики — *явленія* и б) присяга — *рота*, «да клянѣтса по вѣрѣ свои». О показаніяхъ свидѣтелей есть любопытное мѣсто во второмъ Договорѣ Олега: «кливо савѣ будеть показанія явленными, да имѣють вѣрьнок о тацѣхъ явленни», любопытное — думаю — въ томъ смыслѣ, что оно рисуетъ, до какой степени переводчикъ мало заботился о народности языка. Подставляя подъ савѣ — *δηλως*, подъ показанъ — *δειξίς*, подъ явленными — *δηλῶτωρ*, т. е. *delator*, *accusator* (показавшееся впрочемъ переводчику производнымъ отъ *δηλος* — явный или отъ *δηλώω* — являть), подъ имѣю вѣрьнок — *πιστεύω*, подъ явленны — *δηλατόρευσις* (производное отъ *delator*, — *delatio*, *accusatio*), я перевожу это мѣсто такъ: какія бы ни были показанія обвинителей, надобно въ-

а самому гривна кунъ», или въ Уставѣ Святослава 1137 г. — «имати по купомъ десятину отъ дани и отъ впрѣ и продажъ», и т. д. *Jungimus preterea omnibus supradictis collectas generales venditiones: svvod, glave, narok, podoporne, gtrdot...* (Жалов. Грам. Святыхъ II. Лютомер. собору 1050-хъ годовъ. Die ältest. Denkmäler der Böhm. Spr. 199. Cas. Ces. Mus. X. 1836. 329. *Concedimus et donamus episcopatu et ecclesie... omnem exactionem, sive inquietationem, venditionem narok, zwod, hlawan, wgez...*) (Бочекъ, Cod. Morav. II. 124).

вить ихъ обвиненіямъ. Даже въ Договорѣ стоитъ: «а кму же, начьнутъ вѣрати вѣры, да кльнетъса часть та, иже иждеть, новѣтѣмъ вѣры, да кгда кльнетъса по вѣрѣ свои, будетъ казнь, иже иждетьса сърѣшению о семъ», т. е. если же обвиненіе не дано будетъ вѣры, то пусть встоць (часть иже иждеть: *partes*: *асотг* и *тѣмъ*) присягаетъ въ томъ, чему не вѣрять, и если кльнетса по вѣрѣ своей, то воснослѣдуетъ наказаніе, когда окажется преступленіе. — *Рота* и *клятва* одинаково древни, и употреблены во всѣхъ древнихъ памятникахъ нашихъ. Въ одною изъ древнихъ свисковъ книгъ Ветхаго Завета, въ переводѣ Нееміи (X, 29 по свидѣтельству проф. Миклошича) слова *арѣ* и *орхос* переданы словами *клятва* и *рота* (т. е. *ѣв арѣ* и *ѣв орхос* — въ клятвѣхъ и въ ротѣхъ?): можно стало тутъ *клятва* и *проклятіе* (См. на пр. Острож. Библи.). Въ древнемъ переводѣ Евангельскихъ и Апостольскихъ Чтеній въ значеніи и *арѣ* и *орхос* находятъ только *клятву* (на пр. Мар. VI, 26. Дѣ. II, 30. Рим. III, 14); впрочемъ выраженіе *анаѣрѣатѣ* (= *катаанаѣрѣатѣ*) и *орхос* (Мар. XIV, 74. Мат. XXVI, 74) переведено посредствомъ *ротитиса* и *кляти(са)*. Замѣтитъ при этомъ что *орхос* (= *орхос*) переведено тамъ постоянно *кляти(са)* (Мар. VI, 23. XVI, 74. Мат. XXVI, 74. Іак. V, 12. Евр. VI, 13, 16. VIII, 21. Дѣян. II, 30. и пр.); слѣдовательно *ротитиса* значило *анаѣрѣатѣ*, *катаанаѣрѣатѣ*, а *рота* *анаѣрѣа* и *катаанаѣрѣа*. Можно предположить, что со словомъ *рота* соединялась первоначально мысль о (данномъ) словѣ, обѣтѣ (объ-вѣтѣ) и т. п. и сравнивать съ Готт. *gathjo*, Др. Сѣв. *gaeda*; но такое сравненіе во все не поводъ произведенія одного слова отъ другаго; словъ того же корня много въ языкахъ одного происхожденія съ Германскими и Славянскими (напр. Латин. *gatio*, Лит. *gota* и *gotas* и пр.). Какое бы ни было первоначальное значеніе слова *рота*, оно въ смыслѣ присяги, клятвеннаго увѣренія, какъ терминъ юридическій, принадлежитъ всѣмъ Славянамъ издревле: отъ него произошло слова *поротыць* и *поротитисъ*, которыя у южныхъ Славянъ значили то же что *iurii* (с. м. Виноход. законъ, законникъ Стеф. Душана, Кръкскій уставъ и пр.): Слово *ротыникъ* въ подобномъ смыслѣ (присяжнаго обозначенія) употреблялось и у насъ (см. на пр. Ипат. Лѣт. 31, 36, 89); Славяне сѣверо-западные также издревле употребляли слово *рома* въ смыслѣ присяги (см. въ словаряхъ Линде и Юнгмана), такъ что даже и выраженіе *ротитиса* и

кляти было у нихъ обычно; напр. въ Пассіахъ (XIV в.): *Per hęc poće kleti i rotiti, ne chęc tu swębo žiwota stratiti* (Starob. Sklad. III. 46). — Слово *клятва* столько же древне и обычно у всѣхъ Славянъ настари, и остается въ общемъ употребленіи до сихъ поръ, вмѣстѣ съ *кляма*, (за-*кляма*, пре-*кляма*): въ древнемъ Прусскомъ было такъ же *klautisva* — *клятва*, отъ *klaut* — *клясть* (Nesselm. Die Spr. d. alt. Preuss. 108). Не останавливаясь на этомъ словѣ, замѣчу еще третье названіе присяги, употребленное не разъ въ значеніи довольно определенномъ, хотя и неясномъ: это *иселѣдѣс*; напр. въ Договорѣ Олега: «на удръжанимъ (утврѣженімъ) и извѣщенімъ (любимъ = шира)». Ясно, что это дословный переводъ Греческаго *εξαγγελία* — *confessio sacramentalis* (Duc. 1. 389. II. 69). Въ Сказаніи о взятіи Царограда Латынами, когда «погыбе царство богохранимаго Константинаграда и земля Гръчская въ свадѣ царствѣ, ею же обладаютъ Фризны», не разъ также употреблено это слово въ такомъ же значеніи, напр. «Олекса не печашеса, вѣра брату Исакови и сыновю его, за не пріета извѣщенімъ», а Мюрчуфла (Алексій Дука) баше исадилъ изъ тежницѣ Исаковиць и пріагъ извѣщенімъ, яко иискати подъ Исаковицемъ царства» (Новг. Лѣт. I. 26, 27). Понятны послѣ этого выраженія — «извѣстныи любви» и «извѣщанная любви. — Самая важная присяга была на оружіи. Въ Договорѣ Игоря есть эта присяга въ формѣ заклятія: «да не имѣть помощи отъ Бога ни отъ Перуна, да не ужитаться щиты свои и да носѣчени бѣдѣтъ мечи своими, отъ стрѣль и отъ иного оружія своего, да бѣдѣтъ раби въ васъ (въ снѣ) въкъ (и) въ бѣдѣшци». Въ заключеніи того же Договора присяга описана какъ обрядъ: «Некрещеная Русь возгають щиты свои нагы, обрѣчи свои и прочыя оружія, да кльнѣтъса». Наконецъ слѣдуетъ самая присяга: «Аще ли не кто отъ князь или отъ люди Русьскыи, ли хрестыани ли некрестыани, престѣпнть се, кже ксть писано на хараты сен, бѣдѣтъ достоинъ своимъ оружьемъ умрети, и да будетъ клятвѣ отъ Бога и отъ Перуна, яко престѣпи клятвѣ свое». Въ Договорѣ Святослава та же присяга выражена такъ: «Да ижымъ клятвѣ отъ Бога, въ кого жо вѣруимъ, въ Перуна и въ Волоеа скотыи бога, и да бѣдемъ колоти яко золото, и своимъ оружьемъ ишѣчени бѣдемъ». Клятва на оружіи была и у Болгаръ, какъ это показываютъ Responso ad consulta Bulgarorum папы Николая I: *Perhibetis vos consuetudinem habuisse quotiescumque aliquem iurejurando pro qualibet re disprobatis obligare, spatham in medium afferre et per eam iura-*

mentum agebatur (cap. 67. Act. Conc. V. 375.). На память о клятвѣ оружіемъ остаются у Болгарь и у Сербовъ многія заклинанія, въ родѣ слѣдующихъ: «да Бог да ми рука с пушкомъ (съ ружьемъ) усахла, да ѣмо се поклат као Лужани, тако ме пушка не убила да не речем ни јоак, тако ми стріјела не удрила, тако ми ова пушка срѣдце не понијела, тако ме Турска сабља не поразила». У Чеховъ и Словаковъ есть тоже подобныя заклинанія: «at' sobě sam utne ruku, bodejž to ma na k'ruku (на шеѣ), со ma w ruce, pro pet ran do hlavy.... Sekerou hazeti — бросать сѣкиру — значить у нихъ клясться. Что и у насъ освящаемо было оружіе, это свидѣтельствуеетъ Поковская лѣтопись: «Слышавъ же то Димонтъ, ополчающася люди безъ ума во множествѣ силы, безъ Бога, и вниде въ церковь святая Троица, и положи мечъ свои предъ олтаремъ Господнимъ, падъ моляся много съ плачемъ, тако глаголя: Господи Боже силъ! мы, людіе твои и овца пожити твоя, ния твое призываемъ; призри на кроткіи и смиренныя возвыси, и гордыхъ высокія мысли низложи, да не опустѣетъ пажить овецъ твоихъ. И вземъ же игумень Сидоръ мечъ и весь іерейскій чинъ, препоясавше мечемъ, и благословиша и отпустиша» (I. Пск. Лѣт. 1265. стр. 182)». Клятва щитомъ и мечемъ была обычна и у всѣхъ Германцевъ (См. у Гримма, D. Alterth. 896. 899). По сказанію Эингарда въ 841 году *рах in armis tantum jurata servatur* (Einh. у Перца. 198). Какъ клялись мечемъ, такъ и обручани. Объ этой клятвѣ есть упоминаніе и въ Гавамалѣ: «клятвой на обручѣ и Одины, говорятъ кляся» (Bavgeid Odenn hygg ek at unnit haf. строф. CXI). Это называлось *vinna eid at bangi — per annulum sacrum jurare*. *Juzjigandim in agnilla sacra* было и въ древней Англіи (Aethelredus, His. Angl. IV, cap. 3. Duc. I. 404).—Позволю себѣ еще сказать нѣсколько словъ, о клятвенномъ выраженіи: «да бѣдемъ колоти яко золото». Оно повторено въ Лѣтописи: въ 945 году при утверженіи Договора, «призва Игорь сълы и приде на холмъ кдѣ стояше Перунъ; покладоша орѣжък свои и щиты и золото, и ходи Игорь ротѣ и люди нго, кляко поганыхъ Русь». Эта клятва золотомъ напоминаетъ сказаніе Волуспы (строф. XIX—XX): «Первое между народами убійство въ мирѣ вспоминаю—говорить Вола—когда Гульвейгу, т. е. золото, *копьями* (geigon) прокололи (studdo), и въ дворцѣ Вышняго сожгли (brendo); три раза возродившаяся вновь она живетъ. Ее звали свѣтлая (heifug). Куда въ домъ она заходила, всѣхъ пророчила благія вѣсти, покоряла и волх-

вовъ. Она знала вѣщбу, всегда была радостью злаго народа. Азы сѣли думать, какъ бы наказать ее за эти преступленія, и Одинъ бросилъ стрѣлы на народъ: то была первая битва въ мирѣ». «Да будемъ колоти яко золото» не есть ли переводъ Скандинавскаго: «да будемъ заколоты какъ были заколота Гульвейгъ, да будемъ наказаны какъ она за свое отступление отъ правоты»? Едва ли это не вѣроятнѣе, чѣмъ сравненіе этой клятвы золотомъ съ *jugamentum in rescinia*, съ обычаемъ Фризевъ *in vestimento vel rescinia jurare* (Leg. Fris. tit. 12). Если предложенное сравненіе золота Русской присяги съ Гульвейгъ Скандинавовъ не ошибка, то оно можетъ быть указаніемъ на Скандинавскій элементъ въ многочислѣхъ преданіяхъ Русскихъ того времени.—Въ Договорахъ повторяется еще клятва рабствомъ: «да бѣдемъ раби въ весь вѣкъ въ бѣдѣши». Это напоминаетъ Сербскую поговорку: «такое ме Турци не продавали сваки дан на базару. Заклинанье вѣщмой гибелью, осужденіе себя «на погыбель въ весь вѣкъ въ бѣдѣши» остается также въ силѣ у всѣхъ Славянъ до сихъ поръ: «чтобъ ты пропалъ, пропади ты, сгинь ты пропади, исчезни» и т. п., «не стало те нити душе твоје, изгинуо као невѣрац (Серб.); и пр. Сюда принадлежатъ: Богъ меня убей, бій тя сила Божка, да ме Богъ убије, правого Боже, *niech mię Pan Bog zabije, zobu mје Boh zabił*, и пр. Нельзя пропустить и клятвы богамъ: отдельное припоминаніе въ этой клятвѣ Бога, Перуна и Волоса, очень сходно съ клятвой Германцевъ именно—во Всемогущаго Бога—*almatki ás, въ Тора и Одина—per deos meos potentes Thor et Othan* (Гриммъ. Alterth. 50, 894—5). Не для чего здѣсь распространяться, что у язычниковъ сѣвера одинаково у всѣхъ чтимы были боги свѣта и огня небеснаго—у однихъ Перунъ и Волосъ, у другихъ Торъ и Одинъ, и т. д. Перуномъ клянутся и до сихъ поръ Словаки; а солнцемъ Сербы и Хорутане.

— Кстати было бы остановиться здѣсь на вопросѣ, какіе были у Русскихъ X вѣка чиновники, которымъ было поручено производство дѣлъ; но объ этомъ въ Договорахъ нѣтъ почти ничего. Можно сказать только, что былъ судъ—слѣдовательно были и судьи, и что въ числѣ посланныхъ Игоремъ для заключенія мира былъ *биричь*(?); но что это были за судьи, и какая обязанность лежала на биричѣ, этого нисколько не видно. Вместе съ послами и гостями, которыхъ угощали во дворцѣ при княгинѣ Ольги, были и два переводчика (*δύο ἐρμηνευταί*) посольскихъ (?) и одинъ переводчикъ Ольги: тѣ два получили подарки наравнѣ съ послами, а этотъ

еще болѣе. Не были ли и это биричи? Опуская древнѣйшія упоминанія о биричахъ (Лавр. л. подъ 992 г. Дух. Мон. Ипат. л. подъ 1148, Новг. I л. подъ 1218), замѣчу, что въ Договорѣ Смоленска съ Рягой биричъ уравниенъ съ *дѣтскимъ*, а въ Договорѣ Новгородѣ съ Любекомъ *biriz* названъ *custos*. Въ древнемъ Чешскомъ было *biric* а позже *biric* въ смыслѣ *ргасо*, Анг. Сакс. *grissa*; а *ргасо* въ средніе вѣка было титуломъ и судьи, мера, и адвоката, и посланца отъ суда (Duc. 409 — 411), почти то же что и въ Мадьярскомъ *birá* (ср. Валаш. *birou*) и въ Кельтскомъ *bagi*. Трудно предполагать, чтобы въ началѣ X вѣка была на Руси развита нужда въ разнообразныхъ помощникахъ власти; а потому подъ однимъ и тѣмъ же наименованіемъ для одного и того же лица могли соединяться разныя обязанности....

Прерывая на этомъ свои замѣчанія, окончу чтеніе тѣмъ, что вообще относительно языка Договоровъ съ Греками, мнѣ кажется, справедливыми можно считать слѣдующіе выводы:

1. Языкъ Договоровъ вообще не есть чисто Русскій, а смѣшанный изъ Русскаго, Старославянскаго и Греческаго.
2. Русскій элементъ языка Договоровъ не есть исключительно Славянскій; впрочемъ многое, что можетъ казаться Скандинавскимъ, было въ такой же мѣрѣ и Славянскимъ. *)
3. Термины Договоровъ можно считать Русскими, а не переводными съ Греческаго, только тѣ, которые повторяются или въ другихъ Русскихъ памятникахъ, или обозначаются, по сравненію нарѣчій, какъ общіе Славянскіе.

*) Безъ сомнѣнія впрочемъ, не имена собственные. Многія изъ нихъ до сихъ поръ остаются загадкою; но во всякомъ случаѣ, при всѣхъ возможныхъ ограниченіяхъ, большая часть ихъ можетъ быть объяснена только съ помощію Скандинавскихъ. Ожидая съ нетерпѣніемъ третьяго выпуска сочиненія Академика А. А. Куника «Die Rodsen», гдѣ—въ главѣ XIII—объщано имъ окончаніе разбора этихъ именъ, начатаго во второмъ выпускѣ, можемъ вспомнить еще объ опытѣ объясненія нѣкоторыхъ, предложенномъ И. Д. Бѣллемъ въ нашихъ Извѣстіяхъ, и о трудѣ, приготовленномъ г. Ленстремомъ. Въ числѣ тѣхъ именъ, которые объясняются не по-Скандинавски, можетъ занять мѣсто и *Истръ*, какъ Греческій переводъ Слова *Дунай*: Дунай, какъ имя собственное человека, (подобно *Дябру*, *Дону* и т. п.), было въ употребленіи у Славянъ, (см. напр. *Саз. Саз. Мис. VI. 62*, Добровскаго, *Gesch. d. Böhm. Spr. 97*), между прочимъ и у Русскихъ (Ипат. л. стр. 210).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ.

НОВЫЯ КНИГИ.

— Опытъ Овщесравнительной Грамматики Русскаго языка, изданный Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. Изданіе 3-е. СПб. 1854. (8^о LXI—512).

Важный трудъ нашего сочлена Предсѣдательствующаго, становясь необходимою для каждаго Русскаго образованнаго человека, желающаго сознательно освоиться съ отечественнымъ языкомъ въ томъ видѣ, какъ онъ узаконенъ вкусомъ писателей и всего образованнаго общества, съ каждымъ новымъ изданіемъ пріобрѣтаетъ новыя достоинства того направленія, которое болѣе всѣхъ другихъ сродняетъ науку съ жизнію. Въ Предисловіи къ 3-му изданію ясно выражено это направленіе, доселѣ у насъ мало приноровленное и къ другимъ наукамъ, не только къ грамматикѣ:—«Сочувствуя такимъ (историческимъ и критическимъ) изслѣдованіямъ, какъ и всякому полезному труду въ наукѣ, я вмѣстѣ съ тѣмъ не могу не сочувствовать необходимости—выводы изслѣдованій ученыхъ дѣлать общедоступнымъ достояніемъ всякаго образованнаго и образующагося. По этому въ Опытѣ, излагая правила современнаго языка, и стремясь выводить ихъ изъ законовъ историческаго развитія его, я даю мѣсто не столько обилію подробностей, не всякому нужныхъ, сколько выводамъ изъ нихъ, для всѣхъ необходимыхъ. Плоды изслѣдованій тогда только вполне благотворны, когда они удовлетворяютъ общимъ нуждамъ. Только въ слѣдствіе такихъ трудовъ общественное изученіе и преподаваніе отечественнаго языка можетъ совершенствоваться сообразно съ общими пользами.

— Учебникъ Русскаго языка, составленный А. Смирновымъ. Годъ 1, 2, 3. Москва. 1853—54. Три книжки 8^о: XIV—142, VI—171, XII—140).

Первая изъ этихъ трехъ книжекъ издана уже третьимъ изданіемъ, вторая вторымъ, а третья—появилась теперь въ первый разъ.—Безпристрастный судья, замѣчая въ «Учебникѣ» г. Смирнова многія достоинства, какъ въ трудѣ учителя опытнаго и одушевленнаго любовью къ дѣлу, замѣтитъ, вѣроятно, и то, что онъ немножко удовлетворяетъ своему назначенію между прочимъ обширностью объема: четыреста пятьдесятъ страницъ большаго формата—не слишкомъ ли это много для первоначальнаго курса Русской грамматикѣ для Русскихъ? Если бы эта была книга для чтенія, учебное пособіе, заключающее въ себѣ все, что учитель можетъ сказать своему ученику въ классѣ Русской грамматикѣ со всѣми примѣрами, руководство, замѣняющее учителя; тогда бы нельзя было сказать ни слова противъ.

Но учебникъ—чѣмъ меньше объемомъ, тѣмъ выгоднѣе для ученика, учащагося съ помощію учителя, тѣмъ выгоднѣе и для самаго учителя, слѣдующаго за успѣхами ученика: лучше пусть ученикъ двумя или тремя страницами своихъ собственныхъ выраженій объяснитъ двѣ или три строки учебника, чѣмъ выжметъ двѣ или три строки знанія изъ двухъ или трехъ страницъ учебника. Это не отрицаетъ достоинства книги г. Смирнова, какъ пособія, но, безъ сомнѣнія, каждый учитель пожелаетъ чтобъ самъ г. Смирновъ составилъ еще книжку—настоящій учебникъ, въ которомъ было бы только то, что Русскому нужно знать о своемъ родномъ языкѣ и по родному языку о языкѣ вообще, коротко, но отчетливо, основательно. Эту же большую книгу онъ будетъ читать съ учениками, не изучая, а развѣ только допрашивая учениковъ, повалили ли они прочитанное. Эта книга полезна бы всего для матерей, которыя сами занимаются съ дѣтьми своими, не оставляя своихъ личныхъ работъ: само собою разумѣется, что добрая мать сама прочтетъ впередъ весь курсъ, отмѣтитъ ненужныя подробности и устранитъ темныя выраженія.

— О согласованіи правописанія съ произношеніемъ. Г. Барановскаго. (Отдѣльный оттискъ: 12°: 20 стр.)

Цѣль этой статьи, по словамъ сочинителя, есть—изложить правила произношенія азбуки Кирилла и Меѳодія въ томъ видѣ, какъ она принята Петромъ Великимъ для господствующаго Русскаго нарѣчія. Между тѣмъ сочинитель самъ отступаетъ во многомъ отъ общепринятаго правописанія. Такъ напр. онъ пишетъ знающаго, господствующаго, Русскаго, родительного, *роздѣль*, *роздѣлять*. Г. Барановскій полагаетъ, что предлогъ *раз* во всѣхъ случаяхъ должно писать *роз*, потому, что когда на немъ удареніе, тогда слышится *о*: *розъигрышь*, *розъсышь*, и пр. Но есть случаи, гдѣ и съ удареніемъ слышится *раз*, напр. *разумъ*, *распря*. По это же мнѣнію должно писать *зоря*, вмѣсто *заря*, ибо во множ. *зоря*. Но въ словахъ *заревъ*, *лучезарный*, слышно *а* съ удареніемъ! — Окончанія прилагательныхъ съ удареніемъ у насъ выговариваются и пишутся *ой*, напр. *слѣдой*, *густой*, *друдой*, *глухой*, безъ ударенія же *ий*, *ій*, напр. *добрый*, *жалкій*: г. Барановскій хочетъ, чтобы всегда, и съ удареніемъ писали *ий*, *ій*, а выговаривали бы *ой*!

«Свое особенное правописаніе г. Барановскій основываетъ, какъ кажется, на Южнорусскомъ или Малороссійскомъ нарѣчіи, которое онъ считаетъ правильнѣйшимъ изъ всѣхъ Русскихъ нарѣчій. Но по моему мнѣнію въ дѣлѣ правописанія справедливѣе оставить въ сторонѣ всѣ мѣстныя нарѣчія, которыя всегда отличаются одиѣ отъ другихъ произношеніемъ. Мы будемъ придерживаться произношенія и правописанія, какъ оно утверждено обычаемъ».

Таково мнѣніе А. Х. Востокова о Запискѣ г. Барановскаго. Отъ себя я позволю прибавить, что Русское литера-

турное правописаніе не можетъ быть основываемо на одномъ выговорѣ народномъ, каковъ онъ нынѣ въ тѣхъ или другихъ областяхъ Русскихъ, какъ правописаніе языка, составившагося изъ разновременныхъ и разномѣстныхъ элементовъ, что въ этомъ отношеніи оно отличается отъ мѣстныхъ говоровъ, какъ правописаніе всякаго литературнаго языка. Само собою разумѣется, что народнымъ, общимъ Русскимъ нашъ языкъ есть и будетъ не по правописанію, а по духу.

— Временныя Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древности. Книга XIX. М. 1854. (8°: 42 + XII + 24 + 382 + 36 + 44).

Въ числѣ Исслѣдованій напечатаны въ этой книгѣ—краткая біографія Митрополита Евгенія, историческій очеркъ о Запорожцахъ 1769—1774 г. подъ названіемъ Дунайцы, г. Скальковскаго, любопытное изслѣдованіе о времени основанія Печеркой обители П. С. Казанскаго, и замѣчанія о сходствѣ древнихъ узаконеній восточной и западной Руси А. В. Семенова. Въ Матеріалахъ издала перепечатка Литовскаго статута 1588 года съ Краковскаго изданія братьевъ Мамоничевъ. Въ Смѣси, кромѣ разныхъ актовъ, дано мѣсто Указателю статей по Русской Исторіи, напечатанныхъ въ Московскомъ Вѣстникѣ М. П. Погодина.

— Матеріалы для Отечественной Исторіи. Издавъ М. Судѣнко. Томъ I. Кіевъ. 1853. (8°: V + 124 + X + 168 + 317).

Весь этотъ томъ содержитъ въ себѣ бумаги, относящіяся къ Гетману Данилу Апостолу. Въ концѣ приложены: объясненіе невразумительныхъ словъ и Указатели собственныхъ именъ.

— Указатель Церковныхъ Чтеній изъ книгъ Новаго и Вѣтхаго Завѣта на всѣ дни недѣли и числа мѣсяцевъ, изд. Свящ. В. Гречуловскаго. СПб. 1854. 8°: 80).

Справочный Энциклопедическій Словарь, издающійся подъ редакціею А. Старчевскаго. Томъ III. СПб. 1854. (8°: 506).

Тутъ напечатаны статьи буквъ В и Г. Изданіе быстро идетъ къ окончанію: остальныхъ трехъ томовъ надобно ожидать въ непродолжительномъ времени.

— Военный Энциклопедическій Словарь. Томъ VI.—СПб. 1854 (8°: 655 + 4 и чертежи).

Въ этомъ томѣ заключаются статьи буквъ И, І и частью К.

— Новые матеріалы для древнѣйшей Исторіи Славянъ вообще и Славяно-Руссовъ до Рюриковскаго времени въ особенності. Изданіе С. Классена. Выпускъ I. М. 1854 (8°: VI + 50 + 32).

Въ этой книжкѣ, замѣчательной по необычайности содержанія и научнаго взгляда, есть двѣ различныхъ части. Первая половина ея есть краткое изложеніе историческихъ

убѣжденій о происхожденіи, древнемъ бытѣ и образованности Славянъ Русскихъ, которыя самъ издатель, г. Классенъ считаетъ несомнѣнными истинами: онѣ далеко не тѣ, которыя высказаны П. П. Шафарикомъ въ его «Славянскихъ древностяхъ», но подтверждены соображеніями, изложенными большею частью въ этомъ сочиненіи нашего соплеменника, въ изысканіяхъ г. Черткова и нѣкоторыхъ другихъ новыхъ нашихъ изслѣдователей (впрочемъ безъ ссылокъ на пособія). Вторая половина книжки есть переводъ брошюрки г. Воланскаго «Памятники письменности Славянъ до Рождества Христова», о которой я нѣмѣлъ случай донести за три года Отдѣленію, какъ о явленіи, замѣчательномъ по своей странности. — Судя потому что г. Классенъ назвалъ свою книжку выпускомъ 1-мъ, надобно ожидать появленія и другихъ подобныхъ книжекъ: можетъ быть, трудолюбивый авторъ передастъ на Русскомъ языкѣ и разсужденія Я. Коллара о древности Славянъ въ Италіи.

— Слово о полку Игоревѣ. *Lied vom Heereszuge Igors gegen die Polovzer. Aeltestes Russisches Sprachdenkmal aus dem XII Jahrhundert, im Urtexte mit Commentar, Grammatik, Glossar und in metrischer Uebersetzung herausgegeben von Dr. A. Boltz. Berlin. 1854 (8°; XIX—40).*

Это новое изданіе Слова о полку Игоревѣ есть новое свидѣтельство, съ какою стараніемъ докторъ Больцъ занимается языкомъ Русскимъ. Оно, конечно, будетъ принято съ признательностію тѣми изъ Нѣмецкихъ читателей, которые лишены Русскихъ пособій для изученія одного изъ самыхъ замѣчательныхъ памятниковъ древняго Русскаго языка. Въ началѣ книжки помѣщено небольшое вступленіе, гдѣ между прочимъ сказано нѣсколько словъ и о томъ, на какомъ именно варѣчій написано Слово. За тѣмъ слѣдуетъ краткое грамматическое обзорѣніе языка Слова. Главнымъ пособіемъ при этомъ трудѣ была книга А. Шлейхера: *Formenlehre der Kirchenslavischen Sprache*. Далѣе читатель найдетъ текстъ Слова (къ сожалѣнію, съ довольно частыми опечатками), изданный по «Сказаніямъ Русскаго народа» И. П. Сахарова. Подъ текстомъ помѣщены разныя примѣчанія (97) о чтеніи тѣхъ и другихъ словъ, о затруднительныхъ выраженіяхъ, о лицахъ и мѣстностяхъ, о вѣрованіяхъ и т. д. Тутъ встрѣчаются ссылки на Шникова, Пожарскаго, Полеваго, Сахарова, Глаголева, Вельмана, Максимовича, Круга, и пр.; впрочемъ въ небольшомъ числѣ. Есть припоминанія и о мѣніяхъ Карамзина, изъ которыхъ нельзя заключить, была ли у г. Больца возможность изучить шоловъ всѣ объясненія Карамзина, касающіяся Слова. Идеологическія объясненія взяты изъ старой книги Кайсара, которая, какъ извѣстно, никогда у насъ не пользовалась никакимъ вниманіемъ. За текстомъ напечатаны Нѣмецкій переводъ бѣлыми стихами. Конецъ книжки занятъ глоссаріемъ, въ которомъ обозначены всѣ слова со всѣми видо-

измѣненіями и переведены по Нѣмцки. Главнымъ пособіемъ для перевода словъ были для г. Больца, какъ самъ онъ говоритъ, старинные Словари Зизавія, Пашы Берынды, и Азбуковникъ (по изданію И. П. Сахарова). Нельзя не быть снисходительнымъ къ ошибкамъ, вырвавшимся въ разбѣги части новаго труда г. Больца, а вмѣстѣ и не удивляться его благородной рѣшимости взяться за трудъ тяжелый и многосторонній, какъ видно, безъ тѣхъ вспомогательныхъ средствъ, которыя могли бы облегчить его работу. Не говоря о другихъ пособіяхъ, которыми бы г. Больцъ могъ пользоваться съ очевидной выгодой, замѣтимъ, что у него не было подъ руками даже изданія Слова г. Дубенскаго. Изслѣдованія и замѣчанія нашихъ новыхъ филологовъ и историковъ тѣмъ менѣе могли быть доступны г. Больцу, что они разсыяны по разнымъ книгамъ и журналамъ. Не видно также, что у г. Больца были подъ руками наши лѣтописи или другія памятники нашей древности. Можетъ быть, это и было причиною, что г. Больцъ назвалъ Слово «древнѣйшимъ памятникомъ Русскаго языка». Глядя — съ признательностію за трудъ — на книжку г. Больца, невольно приходитъ мысль: что если бѣ кто-нибудь изъ Русскихъ приготовилъ изданіе Слова, по формѣ похожее на это, съ помощію тѣхъ разнообразныхъ пособій, которыя не могли быть доступны г. Больцу, какъ иностранцу, занимавшемуся своимъ трудомъ внѣ Россіи и безъ совѣтовъ знатоковъ древняго Русскаго языка. Нельзя также не желать, что бы г. Больцъ, при второмъ изданіи своего труда, остерегся по крайней мѣрѣ отъ ошибокъ грамматическихъ, каковы напр. слѣдующія:

— «Игорь Князь поскочи горностаемъ къ тростію»: *тростію* — по опредѣленію Больца — есть дательный падежъ *женск.* рода, тогда какъ это дательный средняго отъ *тростіе*. — «Тогда по Русской земли рѣдко ратаевѣ кыкахуть»: г. Больцъ говоритъ, будто *ратаевѣ* есть именит. двойственнаго женскаго рода, а между тѣмъ это множественное. — «Омочю бобрлянъ рукавъ въ Каалѣ рѣцѣ»: Больцъ думаетъ, что *бобрлянъ рукавъ* есть родительный падежъ множественнаго числа женскаго рода, считая именительнымъ единственнаго *бобрляна рукава*, и ясно говоря, что уже въ новомъ Русскомъ языкѣ это слово сдѣлалось мужескимъ. — «Дрославе... высоко сѣдиши на златокованѣмъ своемъ столѣ, подперъ горы Угорьскыя своими желѣзными плѣки, затворивъ Дуяю врата»: г. Больцъ счелъ слово *подперъ* (такъ какъ въ другихъ мѣстахъ *рекъ*, *подперса*) за прошедшее незыбательнаго наклоненія съ особеннымъ окончаніемъ на *ъ*, тогда какъ это причастіе прошедшее дѣйствительное такое же какъ *затворивъ* въ той же фразѣ. — «Полегоша за землю Русскую»: занесли слово *полегоша* въ глоссаріи къ формѣ *полегаша* (совершенно невозможной) Больцъ занесъ *полегоша* и въ грамматику вмѣстѣ съ *помчаша*, потому-

тама. Кстати тутъ замѣтить, что въ Грамматикѣ у него перешлины формы прошедшаго такъ, что вся XVI страница должна быть совершенно переделана.

Такия ошибки показываютъ, съ какими трудностями предстояло г. Болъцу бороться безъ хорошихъ пособій—и именно Русскихъ.

— *Literatura příslovnictví Slovanského a Německého, či předchůdové Fr. Lad. Čelakovského o mudroslovi naroda Slovanského v příslovích. Sepsal Fr. I. Hanuš. Praha. 1854. (8°: 147).*

Это только начало сочиненія, которое состоитъ въ библиографическомъ обзорѣ трудовъ по части пословицъ.

— *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete des Deutschen, Griechischen und Lateinischen, herausgegeben von Dr. A. Kuhn. Dritter Jahrgang. Berlin. 1854. 8°: 452 + 24).*

Въ третьемъ томѣ этого сборника, изданномъ однимъ д-ромъ Куномъ, безъ помощи д-ра Ауфрехта, читатель, занимающійся этимологическими изысканіями, найдетъ не менѣе любопытныхъ статей и замѣчаній, какъ и въ двухъ первыхъ. Кромѣ замѣчательныхъ продолженій статей г. Форстемана, о названіяхъ естественныхъ произведеній, и г. Куна, о древнемъ *z*, въ немъ помѣщены между прочимъ: Сравненіе Греческой и Санскритской системы удареній проф. Боппа, замѣчанія о языкѣ Гетовъ проф. Лео, замѣчанія о Бопповой Сравнительной Грамматикѣ др. Швейцера, и пр.

— *Urkunden zur Geschichte des Fürstenthums Rügen unter den eingebornen Fürsten, von C. G. Fabricius. Dritter Band. Stettin. 1853 (4°: IV+90+130+220 съ чертежами и таблицами).*

Первыя двѣ части этого важнаго труда изданы въ 1841; въ этой третьей, кромѣ дополненій къ прежде изданнымъ, заключаются грамоты времени Вицслава II (1261—1302 годовъ) и подробное разсмотрѣніе событій и быта этого времени.

— *Geschichte von Böhmen. Von F. Palacky, Dritten Bandes 3-e Abtheilung. Prag. 1854. (8°: V+337).*

Образцовое произведеніе Палацкаго идетъ впередъ очень медленно, потому что авторъ не отклоняетъ отъ себя никакихъ изслѣдованій, самыхъ мелочныхъ, и заботится о томъ, чтобы сводить ихъ въ стройное цѣлое. Въ новозданномъ томѣ представлены событія 1411—1439 годовъ.

— *Bibliografie prvotiskův Českých od 1468 až do 1526 léta. Od V. Hanáky. V Praze. 1853 (8°: 66 и чертежи).*

Неутомимая дѣятельность В. В. Ганки, осчастливленная множествомъ открытій въ области древностей и старинны Чешской литературы, достойна незабвенной признательности и въ отношеніи къ вопросу о первоначальномъ распространеніи книгопечатанія въ землѣ Чешской. Не разъ уже

В. В. Ганка касался этого вопроса въ своихъ изслѣдованіяхъ, и между прочимъ въ запискѣ *Prvotisk Český a prvotisk Polský*, напечатанной въ *Časopisu Českého Museum*, 1840 года, (стр. 77—94), гдѣ описана съ полною отчетливостію старѣйшая первопечатная Чешская книга 1468 года, а вмѣстѣ съ тѣмъ обозначены и другія Чешскія книги, напечатанныя въ 1469—1500. Въ книжкѣ, нынѣ изданной, В. В. Ганка, не повторяя подробностей прежде высказанныхъ, представляетъ обзорѣніе первопечатныхъ Чешскихъ книгъ отъ 1468 до 1526 года, т. е. до того времени, когда воцареніи Фердинанда I началась «золотой вѣкъ» Чешской литературы а вмѣстѣ и книгопечатанія. Воспользовавшись открытіями прежними и своими собственными, онъ внесъ въ это обзорѣніе 179 книгъ. Большая часть ихъ напечатана въ самой Чехіи—въ Пльзвѣ, Прагѣ, Кутной горѣ, Лютомышлѣ, Младой Болеславѣ, Бѣлѣ, Виллимовѣ и Вимбергѣ, и за границей въ Венеціи и Нюрнбергѣ. Здѣсь мы ограничимся указаніемъ только тѣхъ изъ издаваній, которыя вышли въ 1468—1500, расположа для наглядности въ поременномъ порядкѣ, и обозначая буквами мѣсто изданія (Пл: Пльзень, Пр: Прага, Кг: Кутна гора, В: Вимбергъ, Б: Болеславъ), а подлѣ нихъ цифры номеровъ описанія В. В. Ганки.

- 1468. Троянская исторія. Пл. I.
- 1468—1474. Новый Заѣтъ. Пл. 2.— *Racional aneb životowe sw. muczedlikuow.* Пл. 3.
- 1475. Новый Заѣтъ. Пл. 4.
- 1476. *Statuta provincialia Arnesti.* Пл. 5.
- 1476—1477. Агенда. Пл. 6.
- 1478. Статьи сейма 1478 г. Пр. 29.
- 1479. *Missale ecclesiae Pragensis.* Пл. 7.
- 1479—1480. Басни Езона. Пр. 34.
- 1481—1482.
- 1483. Статьи сейма 1483. Пр. 30.
- 1484. *Soliloquia beati Augustini.* В. 178.— *Alberti magni summa de eucharistia.* В. 179.
- 1485. Кутногорскій сеймъ 1485. Пр. 31.
- 1486. Сеймъ 1486. Пр. 32.
- 1487. Псалтырь. Пр. 33.
- 1488. Библия Пражская. Пр. 28. Сюда отношу это важное изданіе, основываясь на послѣднихъ словахъ послѣдняго листа: *A to leta božie^o tisyczie^o čtyrg^o ste^o osmdesateho osmeho Miesyecze Srpna.* Слово *osmeho* относится, по моему мнѣнію, къ году а не къ мѣсяцу.— *Martymiany, a neb yakož niekteři rziekagi rzimska kronyka.* Пр. 35.— *Kronyka Trojanaka.* Пр. 36.
- 1489. *Biblee genž gest zakon boží.* Кг. 171.— Календарь. Пл. (эта книжка въ обзорѣніи В. В. Ганки опущена, но въ запискѣ его, *Prvotisk český*, занесена въ числѣ другихъ подъ № 16).

- 1490. — 1491.
- 1492. Пражскій сеймъ. Пр. 37.
- 1493. Трактатъ Вячеслава Коранды о welebne a bozske swatosti oltarzni. Пр. 38.
- 1494.
- 1495. Pasyonal a czesky zywot a vmuczenie wszech Swatych Muczedlnikuow. Пр. 39.
- 1496.
- 1497. Опредѣленія Сейма 1497 г. Пр. 40. — Nowy Zakon. Пр. 41.
- 1498. Жизнь Магомета. Пл. 8. — Размышленія Оомы Кемпійскаго о подражаніи І. Христу. Пл. 9. — Lucidarz o rozlicznych wietzech genž su na nehi na zemi y v wodach. Пл. 10. — О diwiech a nesnadnostech gěž su při te welebne swatosti. Пл. 11. — Traktat o zemi Swate. Пл. 12. — Сатирическая поэма: Podkoni a žak, сочиненіе, какъ думаютъ, Смилы Фляшки, знаменитаго Чешскаго сатирика XIV в. Пл. 13. 14. — Календарь. Пл. 15.
- 1499. Kniha chwal boskych. Пл. 16.
- 1500. Kronika sedm mudrczuow. Пл. 17. — Сборникъ законовъ, составленный по повелѣнію к. Владислава. Пр. 42. — Компактаты 1437 года. Пр. 43. — Письма М. Фичино. Пр. 43. — Poczet wijery. Б. 105. — Wijera neplna nesela anobrž kusa pyněussijch powowiercuow. Б. 106.

Безъ сомнѣнія, этотъ списокъ заключаетъ въ себѣ далеко не все то, что было Чехами напечатано въ послѣднюю треть XV вѣка: найдены будутъ вѣроятно хоть указанія на книги, здѣсь неотмѣченныя, и печатанныя не только послѣ 1468 года, но и прежде. Впрочемъ и изъ этого списка до нѣкоторой степени можно судить, что было приготовляемо печатанками для чтенія. Книги Св. Писанія, церковныя и религіозно-правоучительныя занимаютъ по количеству первое мѣсто: замѣтить особенно можно два изданія Новаго Завѣта и два же изданія всей Библии. Нѣкоторыя изъ книгъ религіознаго содержанія были слѣдствіемъ борьбы утравкистовъ съ латынцами. Постановленія гражданскія и церковныя были также обнародываемы посредствомъ печати: въ этомъ отношеніи всего важнѣе Сборникъ законовъ, начинающійся любопытнымъ предисловіемъ^{*)}. Собы-

^{*)} Leta Božieho tisícieho pietisteho. Za najjasnějšieho kniežete a pana Wladislawa Uherskeho a Českeho krále etc. a Markhrabi Morawského etc., kterýž jest rozmnožitel pokoje, řadu a praw souduow a spravedlivosti mezi všemi swými poddanými, a skutečně to chtě a do konce řede, aby bohaty i chudy pod jeho milostí pokoje a souduow a spravedlivosti mohl wžyti, a k tomu aby se mohl každý wystríeci a wywarowati, kterež pokuty jsú, ktož by pokoje a práw a souduow a spravedlivosti rušitel byl, račil jest jeho milost powolenie dáti panuom a rytířstwu w koruně České, aby

тія времени прошедшихъ и новыхъ были, кажется, судя по нѣкоторымъ образцамъ, способны пробуждать любопытство; странно впрочемъ, что не напечатана была ни одна лѣтопись Чешская. Само собою разумѣется, что рассказы, въ которыхъ перемѣшана правда съ вымысломъ, были въ большомъ ходу: Исторія Троянская напечатана была два раза. Явились въ печати даже и стихотворныя прозведенія, хоть они и печатались безъ отдѣленія стиховъ. Замѣтимъ еще, что очень рано стали появляться въ печати календары...

Не продолжая далѣе обзорнія, остановлюсь на явленіи, для насъ особенно любопытномъ, на Библии Скорины. В. В. Ганка описываетъ ее такъ:

— Библия Руска, выложена докторомъ Францискомъ Скориною, изъ славнаго града Полоцка, Богу ко цти и людемъ посполитымъ къ доброму наочученію.

«Подъ этимъ заглавіемъ извѣстны до сихъ поръ 12 книгъ Ветхаго Завѣта. Онѣ напечатаны въ Прагѣ въ 1517, 1518 и 1519 г., на иждивеніи Виленскаго рады Богдана Онькова въ семи переплетахъ.

Въ первомъ: 1. Книги бытія. 2. Книги исходъ. 3. Книги Левитъ. 4. Книги числа. 5. Книги второй Законъ. Послѣ каждой книги есть заключеніе въ родѣ этой послѣдней: Доконаны суть пятіе книги Моисеовы χ . — Божію помощію, повеленіемъ и пилностію ученаго мужа, въ лекарскихъ наукахъ доктора Франциска Скорины, съ Полоцка, у великомъ мѣств Правскомъ χ . — лѣтъ тисецъ пятъсотъ и девятнадесятъ. Всего 364 лл.

Во второмъ: 1. Книга Исуса Навина. 2. Книга судей. 1518 let. Въ каждой книгѣ по 48 л.

Въ третьемъ: 1. Книга Руоъ. 2. Книга царствъ. 1818 let. Всего 8 + 241 лл.

Въ четвертомъ: 1. Книга Іудноъ. 2. Книга Есавръ. 3. Книга св. Іова. 1517 let. Всего 26 + 26 + 51 лл.

Въ пятомъ: 1. Притчи Саломона царя. 2. Еккліастесъ царя Саломона. 3. Книга пѣснь пѣснимъ. 4. Книга премудрости божіей. 5. Книга Исуса Сирахова. 1517 let. Всего 48 + 18 + 12 + 32 + 18 лл.

Въ шестомъ: Плачь Ереміинъ. 1519. Всего 12 л.

Въ седьмомъ: Книга св. пророка Данила. 1519. Всего 40 лл. Самый полный экземпляръ этого важнаго изданія принадлежитъ Императорской Публичной Библиотекѣ. Всего извѣстно пять экземпляровъ.

swa po všech daskach wyhledali, a to w jedny kniehy wšeco sepsali, a to s pilností přehlednuc, aby wažili praw swych aby prziczinili nebo ujali tak jakž od starodawna bywalo, a to aby w jedny kniehy složili, a ty kniehy aby tisknutí rozkazali, aby je mohl mieti bohaty nebo chudy, ktož by chtě.

— 1. Staročeska bibliothéka vydávaná nákladem Českého Museum. V. Praze. Číslo I — IV. 1841 — 1854, (8°: четыре тома).

— 2. Staročeska biblioteka. Vydal I. V. Rozum. V Praze. 1853. Díl 1 a 2. (16°: XVI+31+31+31+91+27, XLVIII+292).

Старинная Чешская литература, которой расцвѣтаніе продолжалось непрерывно отъ начала XV до конца первой четверти XVII вѣка, богата произведеніями всякаго рода: одни изъ нихъ драгоценны какъ свидѣтельства развитія образованности у Чеховъ въ то время; другія, по достоинствамъ языка, призваннаго «классическимъ» и по важности содержанія, остаются и доселѣ украшеніемъ хорошей Чешской библіотеки. Но эти памятники образованности былого времени въ изданіяхъ старинныхъ, а иныя и въ рукописяхъ только, доступны немногимъ; а изданій новыхъ, по разнымъ причинамъ, были до недавняго времени очень немнога. Чешская Матица не опустила этого изъ виду, въ числѣ другихъ предпріятій поставила долгомъ своимъ издавать «Старочешскую библіотеку». Еще въ 1841 году напечатанъ былъ первый томъ этого обширнаго собранія: Viktorina ze Všeherd knihy o právích a súdích i o dávkách země Česke; въ 1847-мъ выданъ второй томъ: V. Březana Život Viléma z Rosenberka; въ 1849-мъ — третій томъ: Iana Amosa Komenského Didaktika, въ 1854-мъ — четвертый: K. Haranta z Polžic Putování do Svaté zemi (начало). Надобно надѣяться, что это предпріятіе будетъ счастливо достигать своей цѣли; но это нисколько не можетъ и недолжно останавливать другихъ отъ участія въ томъ же предпріятіи. Пражскій Университетъ, «на památku jejího založení před 500 lety», выразилъ сочувствіе къ этому дѣлу изданіемъ части приведеній Оомы Штитнаго (Изв. II. стр. 103.); тоже участие думаетъ выразить и г. Розумъ, хоть можетъ быть и не совсемъ ловко въ отношеніи къ Чешской матицѣ, давъ задуманному имъ сборнику такое же названіе «Старочешской библіотеки», но съ выгодою для читателей, ищущихъ дешевыхъ изданій. Въ двухъ вышедшихъ томѣхъ не выразился еще планъ изданія, если только онъ есть у издателя; но желаніе исполнить свое намѣреніе дѣльно, это желаніе—выразилось. Въ первомъ томѣ помѣщено нѣсколько старинныхъ переводовъ изъ классиковъ древняго міра (Катона, Исократы, Цицерона) съ подлинникомъ; во второмъ часть сочиненій Велеславины. При обихъ томѣхъ приложены біографическія введенія... Нельзя не думать, что и г. Розумъ, какъ и всѣ тѣ, которые выходили до него на то же поприще, будутъ при выборѣ своемъ руководствоваться красотою языка, и нельзя отъ части не пожалѣть объ этомъ: между старинными Чешскими писателями есть важные по умѣнью владѣть не язы-

комъ, а мыслию, и представляющіе въ своихъ сочиненіяхъ любопытныя данныя для исторіи наукъ.

— Kapesní slovník Česko-Slovenského a Německého jazyka od I. N. Konečného. 3 vydání. Ve Vídni. 1854 (16°: 568).

— Taschen-Wörterbuch der Böhmischen und Deutschen Sprache von I. Franta Šumavský. Prag. 1853 (16°: 578).

Въ первомъ томѣ словаря г. Шумавскаго слова Нѣмецкія переведены Чешскими; второй томъ Чешко-Нѣмецкій еще не вышелъ. Можно надѣяться, что онъ будетъ лучше изданныхъ прежде Иорданомъ и Конечнымъ.

— Časopis Českého Musea. 1854. Redaktor: Vaclav Nebeský. 28-ho ročníku svazek 1 a 2. V. Praze (8°: стр. 1 — 314).

Оставаясь постоянно вѣрнымъ своему строго ученому направленію, и сообразно съ мѣстными нуждами читателей Чешскихъ, постоянно обогащаясь записками преимущественно по разнымъ предметамъ древностей, исторіи, филологіи и литературы Чешской и вообще Славянской, этотъ сборникъ и во вновь вышедшихъ книжкахъ представляетъ много страницъ любопытныхъ для всякаго Славянскаго филолога. Таковы между прочимъ тѣ, на которыхъ помѣщены статьи: — д-ра Ламбла о рыбахъ Адриатическаго моря (съ важными этнографическими и филологическими замѣчаніями), — В. В. Ганки о Градецкомъ отрывкѣ Евангельскихъ Чтеній (см. Изв. III. 255), — М. Гатталы о Чтеніяхъ по Сравнительной Грамматикѣ Славянской Ф. В. Челяковскаго, — В. Бендла объ А. Пушкинѣ съ переводомъ его «Кавказскаго плѣнника», — В. В. Ганки о нѣкоторыхъ устарѣлыхъ словахъ, — П. П. Шафарика о Полицкомъ уставѣ, — нѣсколько статей изъ Чешской исторіи, и т. д. —

Не считаемъ лишнимъ отмѣтить опытъ перевода «Кавказскаго плѣнника», не какъ явленіе рѣдкое въ своемъ родѣ, (Чехи довольно богаты переводами произведеній Русскихъ писателей), а какъ одинъ изъ первыхъ трудовъ молодого поэта, отъ котораго надобно ожидать глубокаго вниманія не только въ духъ, но и въ изящество внѣшней формы произведеній такихъ писателей, каковъ Пушкинъ. Последнее Чеху гораздо тяжелѣе, потому что Чешскій стихъ еще ждетъ своего Пушкина. Челяковский понималъ красоту Русскаго стиха и воспроизводилъ ее, но и онъ не всегда. Вотъ не большой примѣръ—Русскими буквами, для того чтобы чтеніе было ясно и для незнакомыхъ съ Чешскимъ нарѣчіемъ. Прошу отдѣлять удареніе (´) отъ долготы (˘), которая только въ случаяхъ крайности можетъ замѣнять первое *).

* Буква ř есть r шепелявое; ou есть доегласный звукъ, но односложный; z есть глухая гласная, какъ у насъ въ глзъ; e выговаривайте какъ э, z какъ Лат. A, a л какъ Лат. l.

Спрѣльба слышна за горами —
 тамъ князь, аде таборъ нашъ;
 гарцунъ предъ козаками
 вѣрхемъ пѣкны Дѣлибашъ.
 Дѣлибашо! храни се пѣтекъ,
 Нѣ поуштей се къ долу нѣж;
 погине сиць твѣй живѣтекъ,
 грѣту копы закусишь!
 Крѣтъ, козаку, се въ шрости,
 вишь кривоу ту шавличку,
 Дѣлибаша безъ милости
 срубне буйноу главичку.
 Дармо! — пади въ дивѣмъ рыку —
 нежь бой конченъ кървавы!
 Дѣлибашу вразъ на пѣку
 лѣти козакъ безглавы.
 —
 Мракъ а боуре небе прыкъ,
 в поли вихерь збѣсны;
 тако зѣбрь ту дѣсны вѣжъ,
 тамъ як дѣтъ заклинъ;
 гвѣд конишемъ страшиъ гуче,
 крѣвъ провиѣ слѣмнннъ;
 гвѣд засъ къ намъ въ окѣнко тлуче
 ико поуѣннъ видѣѣннъ...

Переводъ вѣренъ почти всюду дословно, и съ Чешской точки зрѣнія стихъ превосходный. Русский замѣтитъ въ немъ — необходимость отдѣленія долготы отъ ударенія при возможности ихъ смѣшивать, такую же необходимость задерживать удареніе не отиѣчая нѣмъ ни одного изъ нѣсколькихъ слоговъ напр. *крѣтъ, козаку, се въ шрости*, — почти полное отсутствіе мужескихъ рифмъ, которыя въ Чешскомъ возможны только при односложныхъ словахъ или при словахъ съ долготою на послѣднемъ слогѣ, и которыя надобно замѣнять дактилическими окончаніями: все это вмѣстѣ Русскому не можетъ не казаться страннымъ; впрочемъ, зная, что таковы свойства Чешскаго выговора, онъ легко помирится съ Чешскимъ стихомъ. Но если сверхъ этихъ требованій самой природы, стихотворецъ будетъ считать позволенными кое какія вольности — неполноту стиха, несоблюденіе очереди стиховъ женскихъ и мужескихъ, и т. п.; то стихъ его будетъ казаться страннымъ и для самыхъ Чеховъ. Какъ бы то ни было, вотъ образецъ перевода г. Бендла:

Ижъ здало се, же пленнѣкъ безнадежны
 Се к унылѣму житію схлыовалъ;
 Теснота неволе, жаръ непокойны
 въ глѣуби душе усховалъ.
 Тоуданъ се мези шеремъ грозныхъ скалъ
 въ добу равни итрннѣ прохлады,

длюте везды унѣралъ свѣтъ зракъ
 на горъ шедыхъ синнѣхъ грамады
 загаленнѣхъ въ рѣжовѣй мракъ,
 Образы вы велколѣпѣ, велебнѣ!
 вы снѣгѣвъ трѣны одѣвчнѣ!

Нельзя не назвать переводъ вѣрнымъ, не сказать, что г. Бендль перечувствовалъ то, что послѣ перевелъ, но его стихи кажутся намъ не стихами въ сравненіи съ гармоніей звуковъ Пушкина:

Казалось, илѣнникъ безнадежный
 къ унылой жизни привычалъ;
 тоску неволи, жаръ мятежный
 въ душѣ глубоко онъ скрывалъ.
 Влчаса межъ угрюмыхъ скалъ
 въ часъ равной утренней прохлады
 впередъ онъ не подвигный взоръ
 на отдаленныя громады
 сѣдыхъ, румяныхъ, синнѣхъ горъ...
 Великолѣпныя картины!
 престолы вѣчныя снѣгомъ!

ИЗВЛЧЕНІЕ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ

Второго Отделения Императорской Академии Наукъ
 за августъ 1854 года.

Въ августѣ мѣсяцѣ Отдѣленіе имѣло восемь засѣданій, а именно: 5, 7, 12, 14, 19, 21, 26 и 28 числа. Въ сихъ засѣданіяхъ, подъ предсѣдательствомъ *И. И. Давыдова*, присутствовали: *И. Г. Бунжковъ, А. Х. Востоковъ, Н. А. Шлеминевъ, Я. И. Бердникъ, М. А. Коркуновъ* и *И. И. Срезневскій*.

И.

Общій Словарь Русскаго языка.

Отдѣленіе въ началѣ мѣсяцѣ получило отъ Корреспондента Академіи *В. И. Даля* объясненія словъ на букву *Н*. Академикъ *А. Х. Востоковъ*, разсматривавшій трудъ г. Даля, представилъ свой отзывъ. Г. Даль исключилъ 1124 слова, изъ числа помѣщенныхъ въ Словарѣ Церковно-Славянскаго и Русскаго языка подъ буквою *Н*, прибавилъ новыхъ 1056 и кромя того внесъ въ Областнаго Словаря 43 слова. По мнѣнію г. Востокова, изъ числа исключенныхъ, 188 словъ, по причинѣ намѣненія плана, могутъ быть помѣщены въ Словарѣ Русскаго языка. По выслушаніи отзыва Академика Востокова, Отдѣленіе единогласно опредѣлило изъяснить *В. И. Далю* признательность Отдѣленія за его прекрасный трудъ и вмѣстѣ съ тѣмъ положило возобновить разсужденіе о замѣчаніяхъ г. Востокова, когда будетъ приступлено къ печатанію словъ на букву *Н*.

Въ засѣданіяхъ 14 и 19 чиселъ слушаны объясненія словъ на букву *Б*, составленныя *И. И. Срезневскимъ*, а 21-го читаны Матеріалы для Словаря, выбранныя г. *Сухомлиновымъ* изъ 1-го тома Сочиненій Жуковского.

Корреспондентъ Академіи *П. П. Дубровский* представилъ выписки для Словаря изъ «Повѣстей, сказокъ и разсказовъ», Луганскаго, а г. *Островскій* — продолженіе выписокъ изъ духовныхъ писателей на богословскіе термины и выраженія.

Старшій учитель Ревельской гимназіи *Серго-Соловьевичъ* слова внесъ въ Отдѣленіе сборникъ словъ, пропущенныхъ въ Словарѣ Церковно-Славянскаго и Русскаго языка, направленный имъ согласно съ сообщенными ему замѣчаніями.

II.

Областные Словари: Великорусскій.

Титулярный Совѣтникъ *Черепановъ* прислалъ въ Отдѣленіе Дополненіе къ прежде представленному имъ сборнику областныхъ словъ. А. Х. Востоковъ, разсматривавшій «Дополненіе» г. Черепанова, отозвался, что Отдѣленіе не можетъ имъ воспользоваться, такъ какъ при областныхъ словахъ не означено ни губерній, ни уѣздовъ, гдѣ они употребляются. Отдѣленіе возвратило «Дополненіе» г. Черепанову, прося его означить при каждомъ словѣ губернію и уѣздъ.

Статья г. *Спаскаю*, приложенная къ составленному имъ сборнику Сибирскихъ реченій, невошедшихъ въ «Опытъ Областнаго Великорусскаго Словаря», по прочтеніи въ Отдѣленіи, передана Редактору Извѣстій для измеченія изъ нея того, что можетъ быть напечатано въ Матеріалахъ для Словаря.

III.

Чтенія трудовъ Академиковъ и постор. ученыхъ.

Академики *П. А. Плетневъ* и *И. И. Срезневскій* читали первый «Биографическую Записку объ Академикѣ *И. С. Кочетовѣ*», а второй продолженіе «Обозрѣнія замѣчательнѣйшихъ изъ современныхъ словарей». Биографическую записку и продолженіе Обозрѣнія словарей опредѣлено напечатать въ «Извѣстіяхъ».

IV.

Памятники и образцы языка и словесности.

Отъ г. *Нарскула* получены Отдѣленіемъ пять пѣсенъ, записанныхъ имъ въ Херсонской губерніи. Пѣсни эти передавы для разсмотрѣнія *И. И. Срезневскому*.

V.

Изданіе Извѣстій и Ученыхъ Записокъ.

Читаны и одобрены къ печатанію статьи пятого выпуска и библиографическія записки о новыхъ книгахъ, приготовленныя Редакторомъ для шестаго выпуска.

VI.

Разныя чтенія.

Я. И. Берединовъ представилъ отзывъ о спискахъ съ столбцевъ Учителя Якутскаго Уѣзднаго Училища Райскаго, относящихся къ Сибирской Исторіи 1640 — 1791 годовъ. Матеріалы эти, по мнѣнію Академика *Я. И. Берединова*, по малочисленности и разрозненности своей не столько годятся для изданія Отдѣленія, сколько для историческаго сборника, въ которомъ источники, въ общей связи взятые, объясняютъ какую либо эпоху времени; посему г. Берединовъ предложилъ списки сіи отправить въ Археографическую Коммиссію, которая печатаетъ точно такіе памятники, извлеченные *Миллеромъ* изъ Сибирскихъ архивовъ. Въ слѣдствіе сего списки съ актовъ г. Райскаго препровождены въ Археографическую Коммиссію.

Членъ Коммисіи Прошеній, Тайный Совѣтникъ *Никитинъ* представилъ въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія дѣла, протоколы и другія бумаги, оставшіяся у него по прекращеніи собраній въ С. Петербургскомъ Вольномъ Обществѣ Любителей Словесности, которое издавало съ 1818 года труды свои въ Журналѣ подъ названіемъ: «Соревнователь просвѣщенія и благотворенія». Въ слѣдствіе предложенія г. Вице-Президента, Отдѣленіе поручило Академику *М. А. Коркунову* принять изъ Департамента дѣла и бумаги, представленныя г. *Никитинымъ*.

Въ Члены Комитета Правленія Отдѣленіе избрало вновь Академика *Ш. И. Срезневскаго*.

За сентябрь 1854 года.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ Отдѣленіе имѣло девять засѣданій, а именно: 2, 4, 9, 11, 16, 18, 23, 25 и 30 чиселъ. Въ сихъ засѣданіяхъ, подъ предсѣдательствомъ *И. И. Давыдова*, присутствовали: *К. И. Арсеньевъ*, *П. Г. Бутковъ*, *А. Х. Востоковъ*, *П. А. Плетневъ*, *М. А. Коркуновъ* и *И. И. Срезневскій*.

II.

Общій Словарь Русскаго языка.

Въ засѣданіяхъ 2, 4, 9, 11, 23, 25 и 30 чиселъ читаны объясненія словъ на букву *Б* — Академика *И. И. Срезневскаго* и на букву *Н* — Корреспондента Академіи Наукъ *В. И. Дала*, замѣчанія на первый корректурный листъ Словаря Академика *М. А. Коркунова* и объясненія некоторыхъ химическихъ и фабричныхъ терминовъ, представленныя тѣмъ же Академикомъ отъ имени Профессора *Эйбродта*.

Разсматриваемы были выписки изъ сочиненій Амблесимова сдѣланныя Адъюнктомъ С. Петербургскаго Университета *М. И. Сухомлиновымъ*, и изъ книгъ Богословскаго содержания

нія—Титулярнымъ Совѣтникомъ *Островскимъ*. При семъ Академикъ *И. И. Срезневскій* замѣтилъ, что, по его мнѣнію, нужно предложить г. Островскому при объясненіи словъ богословскихъ не ограничиваться выписками изъ новыхъ писателей, но отличать слова, употребляемые исключительно новыми писателями, отъ словъ изстари введенныхъ, отмѣчать эти послѣднія и указывать на давность ихъ употребленія, ссылаясь на древніе памятники наши, преимущественно на переводъ Св. Писанія. Отдѣленіе, признавая замѣчаніе сіе основательнымъ, предложило Академику *И. И. Срезневскому* составить программу для дальнѣйшихъ трудовъ г. Островскаго. Въ то же время Отдѣленіе опредѣлило изъявить признательность г. Сухомлинову за представленныя имъ выписки изъ сочиненій Аблесимова.

II.

Областные Словари.

Высокопреосвященный *Григорій*, Архіепископъ Казанскій и Свѣтскій, прислалъ въ Отдѣленіе сборникъ словъ и выраженій, употребляемыхъ простымъ народомъ въ Спасскомъ уѣздѣ Казанской губерніи. Сборникъ этотъ составленъ Священникомъ села Щербети (Спасскаго уѣзда) Павломъ Фанагорскимъ.

Академикъ *И. И. Срезневскій* доложилъ о полученіи имъ изъ Митавы, отъ г. *Николича*, Записку о Русскомъ языкѣ въ Остзейскомъ краѣ. Г. Срезневскій предполагаетъ воспользоваться ею въ Приложеніяхъ къ Извѣстіямъ.

III.

Чтенія трудовъ Академиковъ и постороннихъ ученыхъ.

Академикъ *И. И. Срезневскій*, въ засѣданіяхъ 18 и 29 чиселъ, продолжалъ чтеніе изслѣдованія своего о языкѣ древнихъ Русскихъ договоровъ съ Греками.

Тотъ же Академикъ доложилъ о письмѣ къ нему Адыюкта Харьковскаго Университета *П. А. Лавровскаго*, въ которомъ онъ излагаетъ содержаніе разсужденія своего объ Іоакимовской Лѣтописи. Г. Лавровскій пишетъ, что онъ въ началѣ разсужденія рассмотрѣлъ всѣ мнѣнія объ Іоакимовской Лѣтописи, съ критическими замѣчаніями на нихъ, отъ Миллера и Шлецера до Шафарика, Преосв. Макарія и Соловьева; за тѣмъ объяснилъ обстоятельства таинственной находки этой Лѣтописи, оправдывая вполне Татищеву; потомъ, обратившись къ самой Лѣтописи, разобралъ ее въ двухъ половинахъ. Первая половина до прибытія Рюрика, половина несомнѣнно баснословная, сравнена съ Лѣтописцами Польскими—Кадлубкомъ, Длугошемъ, Сарницкимъ, Стрыйковскимъ и Бѣльскимъ и съ хронографами Русскими XVI—XVII вѣка. Результатъ этого сравненія тотъ, что начало Іоакимовской Лѣтописи, вмѣстѣ съ упомянутыми Русскими хронографами, представляетъ снимокъ съ Лѣтописцевъ Польскихъ,

частію и Чешскихъ въ отношеніи къ вымысламъ и олицетвореніямъ. Вторая же половина Лѣтописи Іоакимовской, не обнаруживая ни въ чемъ противорѣчія Нестору, раскрываетъ довольно много новыхъ свѣдѣній, вполне оправдываемыхъ какъ намеками самаго Нестора, такъ и другими памятниками древней исторіи и словесности, и носить всѣ признаки подлинности; по всей вѣроятности она переписана Мелхиседекомъ изъ какой либо древней рукописи. Составитель этой Лѣтописи, по словамъ г. Лавровскаго, «непремѣнно долженъ быть лицомъ духовнымъ, жившимъ, если не въ самую эпоху обращенія Новгородцевъ, очень близко къ ней, даже ничто непротворѣчить быть составителемъ ея самому Іоакиму». При чтеніи письма г. Лавровскаго, Академикъ *П. Г. Бутковъ*, который часть ученой дѣятельности своей посвятилъ подробному рассмотрѣнію Іоакимовской Лѣтописи, выразилъ свое одобреніе относительно вѣрности взгляда на Лѣтопись Іоакима и направленія при ея разработкѣ.

Отдѣленіе, предполагая напечатать разсужденіе объ Іоакимовской Лѣтописи, поручило Академику *И. И. Срезневскому* просить г. Лавровскаго о присылкѣ въ Отдѣленіе его разсужденія, а вмѣстѣ съ тѣмъ напечатать въ числѣ Памятниковъ и самую Лѣтопись Іоакима.

IV.

Памятники и образцы языка и Словесности.

Читано было «Посланіе Митрополита Іоанна II», приготовленное къ изданію Корреспондентомъ Академіи Наукъ *В. И. Григоровичемъ*. Отдѣленіе положило этотъ трудъ *В. И. Григоровича* напечатать въ Ученыхъ Запискахъ.

Академикъ *И. И. Срезневскій* довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія о полученіи отъ г-жи *Пасхаловой* сборника Русскихъ пѣсень и полнаго словаря изъ знаменитой по древности (XI вѣка) рукописи Словъ Григорія Назіанзина, съ выписками замѣчательнѣйшихъ выраженій. Г. Срезневскій полагаетъ, что этимъ послѣднимъ трудомъ, какъ важнымъ дополненіемъ къ прежнимъ трудамъ въ томъ же родѣ, можно воспользоваться въ Матеріалахъ для Словаря. Отдѣленіе благодарило г-жу Пасхалову за ея усердный и общепользующій трудъ.

V.

Изданіе Ученыхъ Записокъ и Извѣстій.

Отдѣленіе одобрило печатаніе шестаго выпуска Извѣстій.

VI.

Разныя чтенія.

Въ засѣданіи 30 числа Г. Предсѣдательствующій объявилъ о кончинѣ Академика *Я. И. Берединова*, послѣдовавшей въ ночи съ 28 на 29 число Сентября. Отдѣленіе въ Академикѣ Берединовѣ понесло величайшую утрату. Съ самаго преобразования Россійской Академіи въ Отдѣленіе Академіи Наукъ былъ онъ ревностнымъ сподвижникомъ во всѣхъ его работахъ, трудился на пользу общую съ полнымъ самоотверженіемъ.

Академикъ М. А. Коркуновъ доложилъ Отдѣленію о при-
емѣ изъ Департамента Народнаго Просвѣщенія бумагъ, пред-
ставленныхъ Тайнымъ Совѣтникомъ А. А. Никитинымъ.
При семъ прочитано было письмо В. Н. Гаевского, который
вызывается рассмотреть означенныя бумаги и извлечь изъ
нихъ нѣкоторые материалы по предмету исторіи Русской
словесности. Определено: выдать В. П. Гаевскому означен-
ныя бумаги.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПРОТОКОЛАМЪ.

Старинная Русская сказка «о Вавилонскомъ Царствѣ».

А. Н. Пыпина.

Съ этою сказкою знакомить изучающихъ нашу народ-
ную словесность г. Буслаевъ въ статьѣ своей «о Русскихъ
пословицахъ и поговоркахъ» (Архивъ историко-юридич.
свѣдѣній и пр. кн. второй, полов. вторая, с. 47—49). Спи-
сокъ, которымъ пользовался г. Буслаевъ, внесенъ въ руко-
пись Пчелы XVII вѣка, и заключаетъ въ себѣ рассказъ о
томъ, какъ царь Ливуя отправилъ въ Вавилонъ трехъ по-
словъ, которые возвратились, послѣ разныхъ приключе-
ній, изъ этого города и привесли царю равныя драгоцѣн-
ности. Послы были выбраны царемъ изъ трехъ народовъ:
одинъ изъ нихъ—Грекъ, другой—Русинъ, третій—Обже-
нинъ. Основываясь на этомъ послѣднемъ имени, г. Буслаевъ
ставитъ сказку въ соотношеніе съ извѣстной притчей объ
Обрахъ у Нестора. Вотъ слова г. Буслаева: «Будучи от-
дѣльнымъ членомъ эпического преданія, притча заимство-
вала свое содержаніе изъ мѣста и сказанія. Такъ притча
объ Обрахъ стоитъ въ прямомъ отношеніи какъ къ пре-
данію о великанахъ, которые между прочимъ у Славянъ
носятъ названіе Обра, чешск. obg, древне-польск. obgzum,
рассказу о какомъ-то Обженинѣ (обжъ или обженинъ, обржъ,
ново-польск. obgzum, — такъ и къ древнему эпическому
obgzum, т. е. съ шепелѣватымъ р, какъ говорятъ Поляки,
Чехи, Лужичане)». Прежде, нежели выскажемъ свое мнѣ-
ніе объ этой сказкѣ, укажемъ нѣкоторые рукописи, гдѣ
она встрѣчается.

Она попадаетъ нерѣдко въ старинныхъ сборникахъ
XVI и XVII вѣка. Нѣсколько экземпляровъ можно указать
по печатнымъ каталогамъ. Заглавія, подъ которыми встрѣ-
чаются эти повѣсти, достаточно указываютъ, что редак-
ціи самой сказки довольно разнообразны. Въ бывшей би-
бліотекѣ Царскаго (вып. 6-къ гр. Уварова) находится три
списка этого произведенія: одинъ въ сборникѣ конца XVI
вѣка № 382 (по описанію, сост. Строевымъ. М. 1848)
листъ 210—214 слово о святыхъ трехъ отроцѣхъ Ананъ и
Азаръ и Мисаила, начинается: посланіе отъ Улеа царя,
во крещеніи нареченнаго Василія, иже посла въ Вавилонъ
испытати; другой въ сборникѣ, писанномъ 1602 г. №

743, л. 340—343 о Вавилонъ сказаніе и о трехъ отроцѣхъ,
нач. посланіе отъ Волуя царя, а во крещеніи Василія; тре-
тій въ сборникѣ XVII вѣка № 401 л. 218—224 сказаніе
о Вавилонскомъ царствѣ и о трехъ отрокахъ Ананія, Аза-
риа, Мисаила, и о змѣяхъ како лежатъ кругъ града Вавило-
на, и како ходили три мужа, нач. въ Вавилонѣ былъ пер-
вый царь Насоръ и покры кровлю всю жельзомъ. Эта же
повѣсть заключается въ сборникѣ половины XVII-го
вѣка, принадлежащей г. Удольскому, откуда было напе-
чатано во Временникѣ Моск. Общества (кн. XIV) Слово о
В. К. Димитріи Ивановичѣ. Въ этой рукописи сказка но-
ситъ заглавіе: сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ, о царѣ
Аксеркѣ и о Новоходенсорѣ царѣ и о царѣ Василіи, нач.
бысть въ Вавилонскомъ царствѣ. Та же статья находится въ
сборникѣ конца XVII вѣка Древнейской бібліотеки (Опи-
саніе памятн. Славяно-Русской литературы, С. Строева. М.
1841 стр. 66), л. 56—61 сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ и
о трехъ отрокахъ и въ рукописи Толстовскаго собранія Отд.
II, № 229 (по опис. Калайдовича и Строева, М. 1825; полу-
уставной сборникъ XVII вѣка, по каталогу Публ. Б-ки Отд.
XVII, Q. № 82) л. 57—60 слово о Вавилонѣ и о трехъ
отроцѣхъ, Ананъ, Азаръ, Мисаила. Очевидно, что сказка
имѣла много или по крайней мѣрѣ нѣсколько различныхъ
редакцій. Одна изъ нихъ сохранилась и въ рукописи Рум.
Музея № 374, съ заглавіемъ, отличнымъ отъ приведен-
ныхъ нами, своею длиннотою и запутанностью. Рукопись
эта, хотя новая, замѣчательна однако по своему содержа-
нію (см. Оп. Рум. Муз. с. 549—552); сказка помещена въ
ней въ такомъ видѣ, лист. 207—215.

«Сказаніе о вавилонскомъ царствѣ, и о змѣи и о цар-
скомъ вѣнцѣ и о багряницы и о святыхъ отрокахъ и о
виссой и о боряницѣ сердоликовой и о иныхъ многихъ
вещехъ вавилонскихъ сія рече и о намахове шапочки и о
царской порфирѣ и о царскомъ ожелецѣ».

Посланіе отъ Ява царя греческого, въ святомъ креще-
ніи Василія, иже послалъ въ Валонъ градъ посланники
своя испытати и взяти тамо знаменіе у святыхъ трехъ от-
роковъ Ананія и Азарія и Мисаила. Прежде царь грече-
скій Василіи хотя послати въ Вавилонъ градъ двухъ чело-
вѣкъ розныя (?) языкъ христіанска роду; они же рекоша
царю: «не достоятъ намъ двумъ отрокомъ, понеже путь тѣ-
сенъ, и ты, царю, пошли изъ грекъ греченина, а изъ обе-
жанъ обижанина, изъ русскихъ словянина»; и бысть сіе
слово угодно царю Василію. Сотвориша тако, якоже вос-
хотѣша посланники его. И посла трехъ благочестивыхъ
мужей — первого христіанскаго роду именемъ Юрія, вто-
раго греченина Іакова, третьяго обижанина, Исавла слова-
нина *). Егда же посла ихъ, а самъ царь Василей собра

* Порядокъ именъ переижданъ; ошибка попятна и исправлена.

воинство и побѣдѣша во слѣдъ посланниковъ своихъ, и дохавъ царь Василей Вавилона града за 15 поприщъ, и призва посланниковъ своихъ и глагола имъ: «послушайте мене, вамъ глаголю, Юрьѣ, Исавле, Іакове! нынѣ же пойдите отъ мене въ Вавилонъ градъ, водими Богомъ. Аще обратите глѣ у святыхъ трехъ отроковъ, да принесете сѣмо на мѣсто, то и самъ азъ не отлучуся отъ мѣста сего, не буду поборникъ на враги о православной вѣрѣ и за родъ христіанскій». Триѣ мужіе, слышавше отъ царя глаголемая, и поклонилися до земли и пойдоша отъ царя путемъ ко граду Вавилону. Идоша посланницы медивно зѣло, понеже путь тѣсенъ, и съ великою нуждею идоша. И уже придоша близъ града, и ничтоже не видятъ, ни града, ни полатъ. И они пустиша кони своя въ поле и обрѣтоша малаго звѣря, ту бо зарасте быліе великое, аки есть волчецъ трава безугодная кругъ всего Вавилона града. А въ даль отъ града Вавилона тоя травы за 16 верстъ. Бысть же по тому былію двѣ травы, а противъ тѣхъ травъ гадовъ всякихъ, змій и жабы великія и равно различно... роство (?), имъ же числа нѣсть, аки великія колны сѣнныя, біющеся отъ земли и до верху, ови свисташа, а нныя шипаша, и отъ нныхъ студено изхождаше — аки въ змѣ студено бысть. — Божіимъ изволеніемъ и молитвами святыхъ трехъ отроковъ не бысть посланникомъ тѣмъ и ни единымъ отъ гадовъ тѣхъ *), но сами вси гади бѣжаша отъ нихъ съ великимъ шумомъ, крьюще главы своя, и бѣжаша тропами въ доли, въ траву былія того. Овыя же посланницы третій день придоша и до великаго змія того, иже лежитъ кругъ всего града и обогнувся како и малыи змій согнувся лежитъ **). Бысть же по стѣвѣ лѣтвица отъ древа кипариса положена чрезъ великаго змія того, на градную стѣну; а кто поставилъ ту лѣтвицу, того никто не знаетъ, токмо самъ Христосъ вѣдаетъ; а высота лѣтвицы 18 ступеней. На той же лѣтвицѣ написано три писма, первое греческимъ языкомъ, второе обезжанскимъ языкомъ, третіе словянскимъ и россійскимъ языкомъ. А написано глаголетъ сице, греческимъ: «когого человека Богъ принесеть, поиди къ лѣтвицѣ»; сеже обезжанскимъ языкомъ глаголетъ: «поидан на лѣтвицу сію безъ боязни, чрезъ великаго змія»; а по словенски глаголетъ: «да поиди и по другой лѣтвицѣ во градъ и до самыя тоя церкви, не убоися». Бысть же тамо внутрь града, чрезъ великаго того змія. Самъ же тои змій великимъ обогнувся лежитъ кругъ всего града Вавилона, а хоботъ свои пригнувъ и съ другія страны къ тѣмъ же вратамъ, гдѣ лежитъ глава. Посланницы же съ боязнію идоша на лѣтвицу, чрезъ великаго змія того, и во второй лѣтвицѣ идоша внутрь, гдѣ же поставена съ градныя стѣны и до церквей; и тамо на той лѣ-

*) Пропущено какое нибудь слово, можетъ быть «спасоства» и т. п.
**) Испорчено.

твицѣ написано три писма, что и на первой же лѣтвицѣ, повелѣваетъ: гадовъ тѣхъ, ни самого того змія великаго не боитися, ни величества его. Посланницы же вшедше въ церковь трехъ святыхъ отроковъ и наполнишася у святыхъ благоуханія; бысть же въ церкви святыхъ трехъ отроковъ многія ихъ писанія и дѣланія, писаны въ лѣтвицѣхъ во стѣнамъ церковнымъ. Оныя же триѣ благочестивые мужи поклонилися гробомъ трехъ отроковъ, и глаголаста: «придохомъ сѣмо поклонитися вамъ, святымъ отрокомъ, Аванія и Азарія и Мисайла, божіимъ изволеніемъ, государя нашего греческаго царя Льва, во святомъ крещеніи Василія *), принести отъ васъ къ нему, елико есть вы изволите дати». И видѣша посланницы: кубокъ стояше на гробѣ, чуденъ зѣло, сотворенъ отъ золота и украшенъ жемчугомъ и каменіемъ драгимъ; стоитъ же тотъ кубокъ, золотъ мира и ливана. Посланницы же взяли тотъ кубокъ, испивши изъ него, быша весели и уснуша многое время, и воспрянуша отъ сна своего и хотѣша взяти тотъ кубокъ съ благоуханіемъ тѣмъ, и нести ко царю. Бысть же имъ въ той время отъ гробовъ въ девятомъ часѣ дни гласъ: «не держайте сего кубка взяти, но поидѣте въ царскія сокровища (сія рече, въ царевъ дворъ) и тамо возмите знаменіе». Посланницы же ужасни быша; тогда же имъ третиемъ гласъ бысть: «не ужасайтесь, но поидѣте въ царевы полаты». Они же восташи и пойдоша: бѣ же дворъ царевъ, стоитъ отъ церкви, какъ мочно изъ лука стрѣлится; на дворѣ же царевы полатъ многое множество; бысть же одна полата велика зѣло, и украшена паче прежнихъ полатъ многими вещми. Посланницы же видоша внутрь полаты тоя, въ полатѣ же той стоитъ одръ царской, сотворенъ отъ драгихъ узорочей и украшенъ, на немъ же два вѣнца царскихъ. Первой Навходоносора, царя вавилонскаго и всея вселенныя, его царицы, и тутъ же видѣша грамоту лежащую, написану греческимъ языкомъ, сице глѣ: сіи вѣнцы оотворены бысть, егда Навходоносоръ царь тѣло златое сотвори; въ то время воспрянуше отъ сна своего, и хотѣше взяти, на поле диврѣ (?) и бысть тебѣ вѣнцы отъ каменія самфира, и отъ бысара (sic) драгаго и отъ золота аравитскаго сотворены суть и доселѣ Богомъ **), а нынѣ же бысть на греческомъ царѣ Львѣ, во святомъ крещеніи Василія, и на его царицѣ Александрѣ, молитвами святыхъ отроковъ. Посланницы же взяли вѣнцы и грамоту, и пойдоша во вторую полату, и тамо видѣша драгіе запови и рече***) царскія завѣсы. Посланницы же хотѣша взяти ихъ руками, и запови разсыпашася въ прахъ, понеже лежатъ много лѣтъ; въ той же видѣша крабицу сердоликовой (sic), въ ней же бысть царская багряница, сія рече порфира; датуръ же и видѣша, стоятъ два зарца насыпаны ала-

*) Что нибудь пропущено.

***) Слова пропускъ.

***) = «сія рече», какъ въ другихъ мѣстахъ (сирѣчь).

и серебра и бисера драгаго и многоцѣннаго каменія; и тутъ же видѣша кубокъ златыи, таково же, что и въ церкви святыхъ на гробѣ у св. Ананія. Посланицы же, взявши крабицу, и злато, и тотъ кубокъ, и царскую багряницу, и вѣнцы, и каменіе драгихъ, числомъ 25 каменей, какъ бы можно вести, и драгихъ тѣхъ вещей къ царю Василю. И возвратившася отъ царскаго двора и придоша пакы въ церковь трехъ св. отроковъ, и поклонившася гробомъ ихъ, и уже къ нимъ гласа нѣсть отъ гробовъ тѣхъ. Посланицы же сего ради въ великой печали быша и приступиша со страхомъ ко гробу св. отрока Ананія, и возьмъ кубокъ, испиша изъ кубка того, и бысть весели, яко же и прежде сего, и уснуша во всю ночь. За утра же святающу воскресному дни на 1-мъ часу бысть имъ гласъ, вторницею гдѣ: «умойте лица своя». Посланицы же восприяша скоро и видѣша кубокъ стоящъ церковнымъ съ водою. Они же взявши его и умышася лица своя и воздаша хвалу Богу и св. тремъ отрокамъ; и егда совершился пѣніе утренное и часы, тогда бываше имъ гласъ, глагола: «Кое взяте знаменіе у насъ, и нынѣ же поидите въ путь свои, водими Богомъ, къ царю Василю». Они же, слышавше сіе, и поклонившася гробомъ св. трехъ отроковъ и еще испиша по три чашы изъ кубка того; кубокъ же тотъ божіею благодатию стоитъ волонъ, не убываетъ изъ него. Потомъ же посланицы поидоша къ гдѣствицѣ и донесоша своя тяжкія бремена, иже взяша въ градъ Вавилонъ, и поидоша по гдѣствицѣ изъ града и вторую гдѣствицу чрезъ великаго того змія. Единъ же отъ нихъ, Іаковъ обезанивъ, ступи сверху на третію ступень и упале съ гдѣствицы на великаго того змія и убудиша его отъ сна. Великій же тотъ змій послаша его и воста на немъ чешуя, яко волны морскія и нача колебитися. Посланицы же взявши третіея своего друга Якова и скоро бѣжаша и обрѣтоша быліе къ царю Василю, и уже близъ полудни бѣжаша и обрѣтоша кони своя на мѣстѣ, идѣ же оставиша ихъ. И положиша обѣ бремена своя на кони своя, и въ томъ часъ свиснулъ великій змій, и не бысть такового звуку слышати ни гдѣ же. Посланицы же отъ свистанія того съ коней повергошася на землю и лежаще на земли долгъ часъ мертвы; но малъ же времени *) очнулись, и сѣдши на кони своя и поидоша на мѣсто, идѣ же стоялъ царь Василій съ воинствомъ своимъ. И не бысть на томъ мѣстѣ царя, ни воинства, ни вѣсти про него — слуху, точію видѣша мертвыхъ множество. Въ кое же время тотъ великій змій свиснулъ, и въ то время въ стану царевъ сотвориша великая напасть царю Василю и людемъ его. Люде же его и все воинство съ коней спадоша, ови умроша отъ свистанія того, и коней множество умроша. Царь же Василій, убоаяся сего, и отступи отъ мѣста того, за 15 поприщъ, на второе мѣсто,

*) Въ рукописи съеземана.

отъ града Вавилова за 30 поприщъ. Печаленъ же бысть царь Василій о тѣхъ трехъ мужехъ, ихъ же посла въ Вавилонъ градъ, глагола о нихъ: «уже дѣти моя умроша отъ свистанія того змія». Тако си стуживъ царь о посланицѣхъ овѣхъ и своихъ дѣтми. И потомъ тако глагола царь Василій: «да пождемъ ихъ на мѣстѣ семь малое время; чю они сохранены живыи Богомъ и молитвами св. трехъ отроковъ». Посланицы же они дошедше на второе мѣстѣ царя Василя и воинство его, и придоша, поклонившася царю Василю; царь же Василій видѣ посланиковъ своихъ и возрадовашеся вѣлю и прославиша Бога и св. трехъ отроковъ. Посланицы же повѣдаша царю Василю вся бывшая по ряду, и крестъ (?) чуденъ у св. отроковъ, и о великомъ змій, и о себѣ, како пострадали отъ змія того. И даша царю Василю грамоту, что взяша на дворѣ царевъ въ полатѣ. Царь же у посланиковъ (взявъ и отиде къ патриарху; патриархъ же вземъ у посланиковъ) царскія вѣнцы положиша на главу царю Василю *), а другой царницѣ Александрѣ и благослови ихъ. Царь же Василій вземъ у посланиковъ своихъ 20 каменей, а пять каменей и кубокъ, и посла во Іерусалимъ; и пять каменей остави у себѣ. А что они посланики принесоша злата и серебра и бисера драгаго и всякихъ узорочевъ царскихъ, и то все царю обѣжавиша Василю; царь же Василій не взя у нихъ ничто же и отдавъ имъ..... и слыше того давъ имъ свои даръ по 30 златныхъ злата, и тако глагола царь Василій: «поидите со мною и просите у мене елико хотите, и азъ по прошенію вашему и со вторницею дамъ вамъ». Посланицы же слышавше то отъ царя Василя и поклонившася ему, и спешася прославиша Бога и благочестиваго царя Льва, во святомъ крещеніи Василя. Богу нашему слава».

Вотъ разсказъ этой рукописи, конечно не совсѣмъ удовлетворительный по испорченности многихъ мѣстъ, но столько же интересенъ овъ и въ спискѣ г. Буслаева. Новость приведеннаго нами списка, думаемъ, не можетъ уменьшитъ значенія его, когда важность его определяется не только языкомъ, но и содержаниемъ. Первое, что мы находимъ здѣсь отличнаго отъ редакціи, приводимой г. Буслаевымъ, есть имя посла, который изъ *обезанина* дѣлается *Обезаниномъ*, т. е. родомъ изъ Обезъ. Этимъ названіемъ обозначались въ старину, какъ извѣстно, Абхазы, и въ такой формѣ это слово давно встрѣчается въ нашихъ летописяхъ. Такъ въ Ипат. подъ 1154 г. «повола Вяславъ второе сына своего Мыстислава противу мачесѣ своей, бѣ бо повелъ изъ Обезъ жену себѣ цареву дочерь»; въ разсказѣ о первомъ нашествіи Татаръ: «слышахомъ, яко многы страны поплѣниша Ясы, Обезы, Касоги и пр. Јавр. 189. Новг. I, с. 39, также Троицк., Соф. и др.; позднѣе

*) Перегдано; заключенное въ скобки въ рѣси написано на полѣ.

тѣже Обезы упоминаются подъ 6860 г., когда постигъ ихъ моръ, при завоеваніи ихъ Тамерланомъ и пр.

Имя *Обезанина* стоитъ и въ рпси Публ. Б-ки. Редакція этого послѣдняго списка очень сходна съ приведенною нами, но гораздо короче, и испорчена до такой степени перепиской, что нѣкоторыя мѣста почти совсѣмъ лишены смысла. Она начинается слѣдующимъ образомъ: «Посланіе от Левуя царя, а во крещеніи нареченаго Василія иж посла во Вавилонъ испытати знаменія у святыхъ трю отрокъ Аванья Азарья Мисаила *). Первое посла 3 человекъ хрестыянскаго роду и Сурьскаго. Они же рекоша: не подобаетъ намъ, цари, тамо итти, но пошли из Грець Гречинина, из Обѣж *Обезанина*, из Руси Русина—и посыла я... и подоша 3 мужа Юрье Гречинъ, Яковъ *Обезанинъ*, Лаверь Русинъ, ехаша 3 недѣли до Вавилона и придоша тамо и проч. Третья рукопись этой сказки, видѣнная нами въ собраніи рукописей г. Забѣлина, приводитъ то же самое имя, такъ что изъ этихъ примѣровъ можно видѣть, что форма *обезанинъ* въ спискѣ г. Буслаева есть или ошибка переписчика, или неловкое сокращеніе.

Но мы не думаемъ, чтобъ самая сказка была Русскаго происхожденія. Незначное мѣсто, которое дается здѣсь Русскому началу, достаточно на это указываетъ, тѣмъ болѣе, что главное дѣйствующее лице — Греческій императоръ. Какъ многія другія произведенія подобнаго рода, и эта сказка была вѣроятно занесена къ намъ изъ Греціи. Имя Русина не даетъ еще права производить сказку изъ Русскаго источника: подобныя вставки дѣлаются очень легко, и были въ старину въ большомъ ходу, такъ какъ посредствомъ ихъ думали усвоить извѣстное произведеніе своей національности. Рукопись Рум. Музея въ своемъ заглавіи указываетъ и другой предметъ, связывавшій это сказаніе съ Русскою жизнью: «намахова шапочка» (т. е. мономахова; она подала поводъ и къ другому сказанію, о которомъ Карамз. II, пр. 220—221), но въ самомъ текстѣ она не упоминается, какъ и въ редакціи г. Буслаева. По общему составу своему сказка эта была бы въ Византійской литературѣ не единственнымъ примѣромъ баснословныхъ апокрифическихъ преданій: къ намъ они заходили болѣею частью изъ этого главнаго источника.

Въ сущности рассказа рукопись Публичной Б-ки, какъ мы замѣтили, ни сколько не разнится отъ приведенной нами редакціи, и мало можетъ прибавить къ объясненію сказки. Мы замѣтимъ только немногіе варианты; грамота, которую посла увидѣли въ царской палатѣ, въ Вавилонѣ, читается здѣсь такъ (л. 58 обор.): «сіи венцы сотворены быша, егда Навходоносоръ царь сотвори тѣло злато и по-

*) Въ рукописи «Мисаилъ».

стави на поле Арамстемъ (sic.), быше бо венцы тѣ отъ камня драга самѣира, намарагда и жемчюга великаго и злата аравита; сіи венцы сокровены быста доселѣ, а нынѣ положенна будета на царѣ Богомъ хранимомъ Василѣе и царице его блаженой, на Александрѣ, молитвами 3-ю отрокъ святыхъ.... обор. л. 59—60: «Царь же вземъ кубокъ повелѣ наполнии сухимъ златомъ и каменіемъ драгимъ, посла в Иерусалимъ и патриарху; что себѣ принесоша (т. е. посланники) и повѣдаше все цареви *) злато и серебро и каменіе и жемчюгъ великѣи; Василен не взя ничтоже, но еще дасть имъ по 3 верапра злата и отпусти я и рече имъ: подите съ миромъ, гдѣ суть отци ваша и матери, и прославите Бога и отроки и цари Левуя, а во крещеніи Василія. Царь же оттолѣ восхотѣ итти во Индѣю. Давидъ же царь крестыянски поиди (вѣроятно поиде) на страну полунощныя, на враги иновѣрныя, за родъ крестыянски. Этими оканчивается и сказка. Упомянутіе Индіи и цари Давида показываетъ, кажется намъ, что сказка о Вавилонскомъ царствѣ едва ли не есть только часть другаго, болѣе обширнаго преданія, тѣмъ болѣе, что извѣстныя редакціи ея начинаются ех abrupto, и оттого несовсѣмъ понятны.

Въ Греческой сказкѣ очень возможно и появленіе *Обезанина*, потому что Абхазія уже давно познакомилась съ христіанствомъ; въ 550 г. въ ней упоминаются уже христіанскія церкви (Stritter, Memor. Pop. IV, 181); по Кодицу, она причислялась къ Антиохійскому патриархату: нельзя, слѣдовательно, отвергать возможности того, что *Обезанинъ* приводится наряду съ людьми православными. Сказка эта, хотя и была по всей вѣроятности чуждаго происхожденія, впоследствии была связана съ другимъ, Русскимъ преданіемъ: этимъ объясняется вставка «намаховой шапочки» въ заглавіи Румянцевскаго списка. Упомянутая рукопись г. Забѣлина, удовлетворительнѣе другихъ передающая содержаніе сказки, объясняетъ эту вставку, приводя рассказъ, въ которомъ упоминается судьба Мономаховой шапки, по характеру своему сходный отчасти съ сказкой «о князьяхъ Владимерскихъ», занесенной въ наши хронографы XVI—XVII в.

Что касается связи сказки съ Несторовой притчей объ Обрахѣ; то, не говоря о большой вѣроятности Греческаго происхожденія сказки, самый текстъ ея, кажется, не допускаетъ такого предположенія, представляя совершенно другое имя (*Обезанинъ*); Польская форма названія Обровъ была бы въ немъ не кстати, когда есть для того своя Русская форма.

Какъ бы то ни было, любопытно было бы опредѣлить происхожденіе этой сказки, на основаніи извѣстныхъ рукописей. Исслѣдованіе, конечно, не осталось бы безъ результата для исторіи нашей средне-вѣковой народной литературы.

*) Въ рук. испорчено: «всен церква».

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПО ОТДѢЛЕНІЮ

РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ начало съ 1852 года издаваніе «Извѣстій» въ томъ же видѣ, какъ издаются Извѣстія (Bulletins) двухъ другихъ Отдѣленій Академіи.

Въ составъ Извѣстій Императорской Академіи Наукъ по Отдѣленію Русскаго языка и словесности входятъ, кромѣ записокъ о занятіяхъ Отдѣленія и извлеченій изъ протоколовъ о его засѣданіяхъ, сочиненія, какъ Членовъ Академіи, такъ и постороннихъ ученыхъ, читаемыя въ засѣданіяхъ Отдѣленія, именно:—ислѣдованія и замѣчанія касательно языка Русскаго и языковъ, съ нимъ соплеменныхъ, ихъ литературы и древностей;—разборы замѣчательныхъ трудовъ по части филологіи Славяно-Русской; а въ особенныхъ Прибавленіяхъ—замѣтки языка и словесности, матеріалы для словаря, грамматики и т. п.

«Извѣстія» издаются выпусками или листами; 24 листа съ Прибавленіями составляютъ одинъ томъ. Цѣна тому ТРИ РУБЛЯ СЕРБРОМЪ. Получать можно у Комиссіонера Академіи Глазунова (по Большой Садовой, въ домѣ Публичной Библіотеки, подъ №№ 21 и 22) и Эгерса (на Невскомъ проспектѣ №№ 1 и 10). Иногородные читатели благоволятъ относиться съ своими требованіями къ помѣстнымъ Комиссіонерамъ или въ Комитетъ Правленія Академіи.

СОДЕРЖАНІЕ ВЫПУСКА: Биографическія Записки о членахъ Отдѣленія: 5. Академикъ Я. И. Березниковъ, записка П. А. Плетнева.—Библиографическія записки о новыхъ книгахъ.—Перечень засѣданій Отдѣленія за октябрь.—Приложенія къ протоколамъ: 4-й Отчетъ Кандидата С. Милуцкаго.— Съ симъ выпускомъ выдаются листы ПРИБАВЛЕНІЙ LXXIII—LXXVII.

БИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ

ЧЛЕНАХЪ ОТДѢЛЕНІЯ.

* 5.

Академикъ Я. И. Березниковъ.

Записка О. Академика П. А. Плетнева.

И.

Ученые труды нашего Сочлена, котораго утрату мы такъ живо чувствуемъ и конечно долго будемъ почитать незамѣнимою, составляли предметъ его заботъ и любви въ продолженіе почти цѣлой половины жизни его. Нельзя однако же не удивляться успѣхамъ его въ археографическихъ изслѣдованіяхъ и страсти къ самымъ утомительнымъ занятіямъ, когда, слѣдуя за перемѣнами его жизни, мы увидимъ, что онъ неожиданно и почти безъ приготовленія пошелъ по этому пути, который былъ прямымъ его призваніемъ. Можетъ быть, странность или игра такой судьбы сдѣлалась причиною, что онъ наложилъ на себя усилія, которыя превышали мѣру его здоровья, и такимъ образомъ сталъ жертвою своей благородной ревности.

Въ противоположность съ характеромъ своихъ занятій и будто въ предотвращеніе преждевременнаго изнеможенія ду-

шевныхъ силъ, онъ получилъ отъ природы все, чѣмъ оживляется умъ и молодеетъ сердце. Онъ съ увлеченіемъ восхищался лучшими созданіями поэзіи, какъ отечественной, такъ и иностранной. Въ первой молодости онъ даже самъ показалъ въ ней нѣсколько опытовъ, напечатанныхъ въ «Соревнователѣ просвѣщенія и благотворенія» и въ «Вѣстникѣ Европы». Чтеніе въ-слухъ стиховъ Жуковскаго и Пушкина до послѣднихъ дней жизни было его истиннымъ наслажденіемъ. Особенно онъ удивлялся нестоичному творчеству въ языкѣ перваго изъ нихъ. Впечатлительная душа его безпрестанно искала сочувствія въ тѣхъ людяхъ, которыхъ онъ признавалъ способными къ раздѣленію высокихъ ощущеній и мыслей. По множеству лежавшихъ на немъ должностныхъ занятій и по самому состоянію своему онъ не могъ часто и долго оставаться для развлеченія въ обществѣ, но съ большимъ удовольствіемъ иногда являлся въ немъ, особенно, когда встрѣчалъ тамъ раздѣленіе занимавшихъ чистую душу его предметовъ. Свѣжесть воззрѣній и искренность разговоровъ придавали откровеннымъ словамъ его и добродушному смѣху какую-то младенческую прелесть. Кто хоть нѣсколько сближался съ нимъ и узнавалъ его короче, не могъ не любить его. За то онъ не опасался и охлажденія къ себѣ, если чувствовалъ въ другомъ несходство и несогласіе съ любимыми своими мнѣніями: горячо противоричилъ и не щадилъ ни чьего самолюбія. Ни-

кто искреннѣе его не умѣлъ радоваться успѣху ученаго или литературнаго труда, въ которомъ видны были глубокія знанія или плодъ дарованія несомнѣннаго. Онъ высоко цѣнилъ всякое прекрасное въ человѣкѣ качество. Воображеніе его наполнено было идеалами, и онъ готовъ былъ увлекаться каждымъ человѣкомъ, въ которомъ находилъ осуществленіе мечтательныхъ своихъ созданій. Ко всему оживленному и пріятно возбуждающему дѣятельность мысли, гдѣ бы оно ни являлось, въ природѣ ли, въ искусствахъ, въ общественной жизни, или въ уединенномъ занятіи человѣка, онъ чувствовалъ влеченіе и отвѣчалъ горячимъ участіемъ и непритворною радостію.

Взглянемъ хоть бѣгло на теченіе тихой, простой его жизни.

III.

Яковъ Ивановичъ Беренниковъ, Ординарный Академикъ и Библіотекаръ Императорской Академіи Наукъ, Членъ и Главный Редакторъ Археографической Комиссіи, Библіотекаръ Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, Почетный Членъ Императорскаго Казанскаго Университета, Членъ Копенгагенскаго Общества Сѣверныхъ Антикваріевъ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ орденовъ: святаго Владимира третьей степени, святаго Анны и святаго Станислава съ Императорскою короною второй степени, родился въ Санктпетербургѣ 7 Октября 1793 года. Дѣтство свое онъ провелъ въ Тихвинѣ, постоянномъ мѣстопребываніи его родителей изъ купческаго сословія. Первое обученіе его началось, какъ обыкновенно бываетъ въ Русскихъ семействахъ, сохраняющихъ старинные обычаи наши, съ церковной печати, отъ которой переходятъ уже къ гражданской. Его наставницами были двѣ сестры, содержательницы маленькой школы. Отсюда поступилъ онъ въ Духовное Училище при Тихвинскомъ Богородицко-Большомъ Монастырѣ. Тамъ, подъ руководствомъ одного Іеромонаха, сверхъ другихъ предметовъ, онъ приобрѣлъ нѣкоторыя познанія во Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ. Два человѣка, въ это время, много содѣйствовали развитію счастливыхъ его способностей и возбужденію жажды къ познаніямъ: во-первыхъ, дядя его, который самъ любилъ чтеніе и собралъ для себя, хоть не отличную, но по его средствамъ достаточную бібліотеку. Мальчикъ, свободно пользовавшійся ею, привыкъ къ чтенію и почувствовалъ его прелесть. Во-вторыхъ, Архимандритъ Монастыря, отецъ Герасимъ, замѣтившій успѣхи ученика, поощрялъ его къ дальнѣйшимъ занятіямъ науками.

Наступила пора, когда надобно было рѣшить, принятъ ли молодому человѣку за промыселъ своего отца, или, отправившись въ столицу, продолжать счастливо начатое ученіе. Ему было уже шестнадцать лѣтъ. Онъ готовъ былъ на второе; но родственники успѣли отвратить его отъ намѣренія, представивши, въ какой бѣдности онъ принужденъ будетъ проводить жизнь за своими книгами, не обезпеченный собственнымъ состояніемъ. Это происходило прежде, нежели отецъ его услышалъ, какой путь нравится сыну. На вопросъ отца мальчикъ положительно отвѣчалъ, что предпочитаетъ свое ремесло ученымъ занятіямъ. Отъ чего? продолжалъ отецъ. Я не хочу впасть въ совершенную бѣдность, сказалъ сынъ, повторяя слова родственниковъ. Было ли испытаніе со стороны отца, или дѣйствительно желалъ онъ указать сыну новую дорогу жизни, только онъ спокойно и ясно представилъ ему, какъ часто отъ непредвидѣнныхъ неудачъ становятся нищими самые богатые кушцы, а съ другой стороны, какъ иногда легкой трудъ доставляетъ значительныя деньги сочинителямъ, и въ примѣръ послѣдняго рассказалъ ему объ Озеровѣ (передъ этимъ незадолго поставлена была на театрѣ трагедія «Димитрій Донской»), которому дали за одно небольшое сочиненіе пять тысячъ рублей. Молодой человѣкъ, душою давно преданный умственнымъ занятіямъ, и только отъ дурныхъ совѣтовъ сбившійся съ своего пути, обрадовался, что отецъ не только не противится исполненію тайнаго его желанія, а еще и поддерживаетъ его. Съ этой минуты участь его была рѣшена.

Беренниковъ отвезенъ былъ изъ Тихвина въ Санктпетербургъ, гдѣ и поступилъ въ Гимназію, тогда единственную, что теперь Вторая. Нынешній ея Директоръ, А. Ф. Постельсъ, и Непремѣнный Секретаръ Императорской Академіи Наукъ, П. Н. Фусъ, были здѣсь товарищами его по ученію. Изъ тогдашнихъ преподавателей всѣхъ болѣе одушевлялъ его Н. И. Язвицкій, кончившій курсъ наукъ въ первомъ выпускѣ стараго Педагогическаго Института, и имѣвшій счастье, по рекомендаціи покойнаго Графа М. М. Сперанскаго, читать лекціи Русской Словесности Государынѣ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Изъ сочиненій Язвицкаго напечатаны: 1. Всеобщая философическая Грамматика; 2. Механизмъ, или стихосложеніе Россійскаго стихотворства; 3. Введеніе въ науку стихотворства, или разсужденіе о началѣ поэзіи вообще, и краткое повѣствованіе Восточнаго Еврейскаго, Греческаго, Римскаго, древняго и средняго Россійскаго стихотворства; 4. Разсужденіе о словесности вообще;

5. Историческое похвальное Слово Суворову, или Лавры Генералиссимуса Князя Италійскаго и Графа Рымникскаго, и 6. Похвальныя Оды. Языцкій былъ Членомъ литературнаго Общества, собиравшагося у Державина, и известнаго подъ названіемъ «Бесѣды любителей Русскаго слова». Бередиикову также доставлено было счастье видѣть Пѣвца Фелицы. Одна дама (Г-жа Горихвостова), принимавшая участіе въ судьбѣ молодого человѣка и бывшая въ знакомствѣ съ первымъ женою Державина, представила его Поэту, которому онъ прочиталъ нѣкоторые изъ стихотворныхъ своихъ опытовъ. Державинъ посоветовалъ ему напечатать ихъ въ «Вѣстникѣ Европы».

Въ исходѣ 1811 года, не кончивъ гимназическаго курса, Бередииковъ принужденъ былъ уѣхать изъ Санктпетербурга опять на родину. Въ его здоровьѣ замѣтили такое расстройство, отъ котораго, продолжая занятія, онъ могъ бы ожидать печальныхъ послѣдствій. Около года провелъ онъ въ домѣ родителей, гдѣ лечили его отъ грудной болѣзни. Почувствовавши облегченіе, отъправился въ Москву. Ему терпѣливо хотѣлось слушать Университетскія лекціи. Къ сожалѣнію, онъ прибылъ на мѣсто незадолго до вступленія Французскихъ войскъ въ древнюю нашу столицу. Ему пришлось безуспѣшно возвратиться въ Тихвинъ. Но такъ какъ въ исполненіи важнѣйшаго изъ своихъ намѣреній онъ полагалъ всю прочность будущаго счастья своего, то и рѣшился ѣхать въ Казанскій Университетъ. Съ 12 Іюня 1813 года по 8 Іюля 1815, онъ съ полнымъ усердіемъ любознательнаго слушателя посѣщалъ тамоннія лекціи. Въ отсутствіе его изъ родительскаго дома умерла его мать. Это внезапное для него бѣдствіе такъ поразило его, что онъ носѣнно уѣхалъ изъ Казани къ отцу, какъ бы чувствуя необходимость напѣть въ слезахъ сердечную горечь свою на свѣжей могилѣ матери. Между тѣмъ мысль о приобрѣтеніи Университетскихъ знаній въ большомъ объемѣ не покидала его, и онъ скоро явился въ обновившейся Москвѣ. Съ 6 Сентября 1815 по 27 Марта 1819 года, онъ неутомимо занимался здѣсь, особенно предавшись изученію Русской Исторіи, къ чему много способствовали лекціи Профессора М. Т. Каченовскаго. Бередииковъ всегда отзывался о трудахъ его съ уваженіемъ и признательностію. Не смотря на отрицательный характеръ этого ученія, оно дѣйствительно могло развить въ молодомъ слушателѣ склонность къ изслѣдованію Русскихъ древностей и ея источникъ, будучи сопровождаемо критическимъ взглядомъ на подлежащіе предметы.

Недостатокъ въ средствахъ содержать себя въ продолженіе почти четырехъ лѣтъ вдаль отъ родительскаго дома заставилъ Бередиикова опредѣлиться наставникомъ въ частный домъ. Судьба привела его въ семейство Сенатора Нарышкина, гдѣ онъ вполнѣ былъ счастливъ. Онъ занимался какъ гувернеръ и вмѣстѣ какъ учитель дѣтей, преподавая имъ Словесность, Исторію и Географію. Ему удалось приобрѣсти истинно-дружеское расположеніе всѣхъ въ домѣ, отъ чего и самыя труды казались легкими. Воспоминаніе объ этомъ времени приводило его въ самое пріятное расположеніе духа, особенно, когда онъ говорилъ объ Очаковѣ, подмосковномъ мѣстопребываніи семейства Нарышкиныхъ. Образованное общество, сельскія удовольствія, прекрасная природа, посреди которыхъ предоставленъ былъ каждому свободный выборъ занятій—все это вмѣстѣ не могло не приводить въ восхищеніе молодого человѣка съ душою нѣжною и развитою. Но адѣсь, какъ мы увидимъ, и оканчивается поэтический періодъ его жизни. Прежде, нежели принялся онъ за тѣ труды, которые доставили ему справедливую и лестную извѣстность, долго въ бесплодныхъ заботахъ онъ принужденъ былъ истощать свое здоровье и годы лучшей поры своей.

III.

Человѣкъ, которому всего пріятнѣе были кабинетныя занятія Ученаго, который, по какому-то мѣлкому, но вѣрному предчувствію, отказался для нихъ отъ выгодъ наследственнаго ремесла, десять лѣтъ переходилъ нижнія ступени канцелярской службы, и безъ случайнаго въ жизни своей оборота могъ исчезнуть, ипкѣмъ неузнанный и не совершивши ничего замѣтнаго. Надобно однако же думать, что въ свойствѣ ума его и въ изъясненіи мыслей всегда было что-нибудь замѣтно привлекавшее внимательныхъ и опытныхъ людей, потому что въ самой невидной долѣ онъ скоро ихъ заставлялъ отличать и любить себя. Окончивъ дѣла свои въ Москвѣ, Бередииковъ первымъ мѣстомъ службы избралъ Новгородъ. Вѣроятно, близость къ родинѣ заставила его поселиться адѣсь. Ему тогда было 26 лѣтъ отъ роду. Указъ объ его опредѣленіи въ службу послѣдовалъ 5 Февраля 1820 года. Онъ поступилъ въ число чиновниковъ Казенной Палаты. Пребываніе въ должности, конечно несогласной съ его вкусомъ, до такой степени умѣлъ облегчить ему бывший Новгородскимъ Вице-Губернаторомъ извѣстный писатель В. С. Флимовъ, что онъ незамѣтно пребылъ тамъ четыре года. Другое знакомство, отъ котораго онъ могъ ожидать болѣе благопріятныхъ послѣдствій для своей

службы, началось также въ Новгородѣ. Его покровителемъ сдѣлался Генераль-Адъютантъ А. Н. Потаповъ, который посоветовалъ ему переѣхать въ Санктпетербургъ, и опредѣлялъ его на службу въ Канцелярію Дежурнаго Генерала Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, что состоялось 20 Января 1825 года. Въ Мартъ того же года перемѣстили его въ Инспекторскій Департаментъ, откуда онъ скоро взялъ увольненіе. Но тотъ же благодѣтель не оставилъ его безъ помощи: онъ нашелъ способъ перевести его въ Канцелярію Новороссійскаго Генераль-Губернатора. Такимъ образомъ Берендикову удалось нѣсколько времени пожить и въ Одессѣ. Но ему трудно было пользоваться долго пріятностями жизни на югѣ. Слабый грудью, онъ почувствовалъ все вредное вліяніе Одесской пыли на легкія, и 26 Декабря 1825 же года выпросилъ себѣ отставку. Воспоминаніе о В. С. Филимоновѣ обратило мысли его опять на Новгородъ, гдѣ однако же въ то время другое уже лице заведывало Казенною Палатою. Должность Вице-Губернатора исправлялъ Г-нъ Дероберти, который охотно принялъ его и оказывалъ ему благорасположеніе во все время его службы. Не чувствуя въ себѣ особеннаго расположенія къ канцелярскимъ дѣламъ и не видя въ занятіяхъ своихъ исхода къ тому, чего ожидалъ жадный спеціальныхъ свѣдѣній умъ его, Берендиковъ рѣшился навсегда покинуть гражданскую службу и поселиться въ Тихвинѣ, что и исполнилъ 21 Февраля 1827 года.

Новая жизнь не лишена была для него ни пріятнаго общества, въ которомъ онъ постоянно чувствовалъ потребность, ни полезныхъ трудовъ, безъ которыхъ не могъ онъ обойтись. Въ Тихвинѣ нашелся для него прекрасный товарищъ, молодой поэтъ, Александръ Абрамовичъ Крыловъ, кончившій образованіе свое въ старомъ Педагогическомъ Институтѣ. Это имя особенно уважалось въ литературномъ Обществѣ, издававшемъ журналъ, подъ названіемъ: «Соревнователь просвѣщенія и благотворенія». Крыловъ былъ Членомъ Общества и, до переѣзда въ Тихвинъ, участникомъ въ изданіи его журнала, гдѣ сохранилось нѣсколько стихотвореній, свидѣтельствующихъ о несомнѣнномъ его дарованіи. Скоро однако же скромный мечтатель простился съ столичною жизнію, промѣнявши ее на семейныя радости и тишину сельской жизни. Онъ проводилъ время то въ Тихвинѣ, то въ своемъ имѣніи близъ города. Берендиковъ живо чувствовалъ, сколько истинной пользы доставляетъ уму общество просвѣщеннаго человѣка. Онъ привязался къ собесѣднику своему братскою любовію. Въ

то же время открылся для него другой источникъ удовольствонія любознательности. Ему сдѣлался открытъ доступъ въ монастырскій Архивъ, богатый рѣдкими памятниками старинной письменности нашей. Легко вообразить, съ какою жадностію началъ онъ заниматься изслѣдованіями, которыя должны были послужить для него преддверіемъ къ будущимъ его археологическимъ трудамъ. Желая съ другими подѣлиться своими открытіями, онъ напечаталъ нѣкоторыя изъ нихъ въ тогдашнихъ журналахъ «Сынъ Отечества» и «Сѣверномъ Архивѣ». Между ними особенно любопытны: 1. Мировая Запись Новгородскаго Аркажскаго монастыря Игумена Наваанна съ боярскимъ сыномъ Нечаемъ Харламовымъ, и 2. Еще матеріалы для біографіи четвертой супруги Царя Іоанна Васильевича Грознаго. Но важнѣйшая польза, какую доставили эти занятія Берендикову, состояла въ томъ, что онъ приобрѣлъ навыкъ свободно читать древнія рукописи и узнавать по черку, какого онъ времени.

Такъ прошелъ второй періодъ жизни его въ перемѣнахъ службы и трудовъ, въ отдохновеніи послѣ отставки и въ избранныхъ имъ по собственному вкусу новыхъ занятіяхъ. Наступилъ 1830 годъ, которому суждено было вывести нашего Археолога на прямую его дорогу, на поприще, для котораго онъ былъ предназначенъ.

IV.

Главное и первое содѣйствіе къ переходу Берендикова отъ случайныхъ изысканій къ изысканіямъ опредѣленнымъ и обильнымъ важнѣйшими для Русской Исторіи послѣдствіями заключается въ характерѣ достославнаго правленія благополучно царствующаго Государя Императора. Въ теченіе предшествовавшихъ вѣковъ Россія приобрѣла много сокровищъ для могущества своего, для жизни гражданской и для умственныхъ успѣховъ. Недоставало окончательной сосредоточенности и необходимаго во всемъ единства. Къ достиженію этой цѣли устремлены были всѣ дѣйствія царственныхъ заботъ. За начальную основу незыблемаго благоустройства принято изданіе «Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи». При видѣ творенія, стройно возникавшаго изъ хаоса, при сознаніи неисчислимыхъ благихъ послѣдствій, только съ появленія его могущихъ осуществиться, всѣ дѣятельные умы глубоко почувствовали въ себѣ обязанность соединить направленіе силъ своихъ съ направленіемъ, указаннымъ свыше. Первенствующее въ Имперіи ученое учрежденіе представило тогда прекрасный примѣръ соревнованія. Санктпетербургская Импера-

торская Академія Наукъ, въ 1828 году, вознамѣрилась привести въ извѣстность всѣ старинныя Архивы и Библіотеки въ государствѣ, чтобы извлечь изъ нихъ важнѣйшія памятники Отечественнои Исторіи, Дипломатики, Правовѣднія и проч. Исполненіе предпріятія, столь важнаго и у насъ совершенно новаго, надобно было возложить на человека, который бы предыдущими опытами представлялъ въ себѣ ручательства будущихъ успѣховъ. Къ счастью, ученые труды Археографа П. М. Строева, до сихъ поръ состоявшаго въ вѣдомствѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, прямо указывали на лице, которое могла избрать Академія. Его проектъ археографическаго путешествія доведенъ былъ до Высочайшаго свѣдѣнія, и 14 Іюля 1828 года удостоенъ Всемилоостивѣншаго одобренія. Экспедиція отправилась въ путешествіе весною 1829 года, въ продолженіе котораго П. М. Строевъ, съ двумя причисленными къ нему изъ вѣдомства же Министерства Иностранныхъ дѣлъ сотрудниками, успѣлъ осмотрѣть въ Архангельской и Вологодской губерніяхъ болѣе двадцати хранилищъ древнихъ памятниковъ письменности, собравши обильный запасъ сокровищъ для предположенной Академіею цѣли. Но онъ не могъ не убѣдиться, что безъ раздѣленія работы съ другими лицами, въ которомъ бы онъ нашелъ и любовь къ дѣлу и свѣдѣнія въ немъ равныя своимъ, невозможно было привести къ желаему окончанію предпріятыхъ имъ трудовъ. Нелегко было напасть на подобнаго специалиста.

Въ 1830 году, зимою, П. М. Строевъ прибылъ въ Петербургъ. Постоянно занятый своею мыслию, онъ при всякомъ случаѣ навѣдывался, кто бы способенъ былъ достойно вступить съ нимъ въ товарищество. На одномъ вечерѣ онъ разговаривалъ объ этомъ съ сыномъ Г-на Де-Роберти, который неожиданно ему назвалъ Берендикова. Это имя, уже не безызвѣстное послѣ напечатанныхъ старинныхъ рукописей, подъ которыми оно стояло въ журналахъ, само собою разсѣяло всѣ сомнѣнія Начальника Археографической Экспедиціи. Онъ упросилъ молодаго Де-Роберти письменно уведомить Берендикова о предположеніи своемъ. Какъ документъ, оставшійся въ свидѣтельство, сколько замѣчательнѣйшихъ событій иногда истекаетъ изъ коротенькихъ бѣглыхъ строчекъ, пусть сохранится здѣсь это письмо.

«Вчера (такъ писалъ къ Берендикову молодой Де Роберти) я познакомился въ одномъ домѣ съ извѣстнымъ Строевымъ, путешествующимъ по Россіи для обогащенія новыми открытіями нашей Исторіи. Заговора съ нимъ о Софійской (Новгородской) Библіотекѣ, я упомянулъ о бывшемъ у меня

желаніи, по прочтеніи проекта его путешествія, порыться въ Библіотекѣ. При семъ случаѣ я упомянулъ и объ васъ. Онъ, сдѣлавъ мнѣ касательно васъ нѣсколько вопросовъ, прибавилъ: «Мнѣ нуженъ сотрудникъ; пожалуста напишите къ нему объ этомъ. Жалованья онъ будетъ получать 1,200 р. въ годъ (тогда деньги считались на ассигнаціи); стоить, чай «и вообще все содержаніе будетъ у насъ общее на счетъ нѣющей у меня казенной суммы, слѣдственно изъ жалованья «на сей предметъ не издержитъ онъ ничего. Во все время, «пока онъ будетъ ѣздить со мною, будетъ считаться въ «ронной службѣ. По окончаніи путешествія, мнѣ весьма пріятно будетъ ходатайствовать о награжденіи его. Въ Петербургѣ я пробуду еще двѣ недѣли, потомъ ѣду въ Москву, «гдѣ проживу до Марта мѣсяца, и оттуда буду продолжать «путешествіе, начавъ оное съ Бѣлозерска. Пусть онъ пишется со мной объ этомъ предметѣ, если захочетъ быть моимъ спутникомъ». Мнѣ пріятно, и проч.»

Прочитавъ это письмо, Берендиковъ поспѣшилъ въ Петербургъ для свиданія съ П. М. Строевымъ. Они скоро во всемъ согласились, и до начала путешествія новый Членъ Археографической Экспедиціи зачисленъ былъ по службѣ въ Комитетъ Правленія Академіи Наукъ съ чиномъ Коллежскаго Регистратора. Здѣсь начинается важнѣйшій періодъ его жизни.

v.

Пространство той части Имперіи, гдѣ, по плану археографическаго путешествія, труженники Науки должны были произвести свои ученые разысканія, представляетъ собою не только обширный край, но по большей части и малонаселенную мѣстность, въ которой сама природа обрекла жителей на печальное одиночество и всегдашнія лишенія. Продолжительная и суровая зима, однообразная картина скудной растительности; почва, тяжело воздѣлываемая и не вполнѣ вознаграждающая труды земледѣія; дороги, тянущіяся по болотамъ, гдѣ-самъ, или едва сглаженнымъ неровностямъ; длинныя и безмолвныя переѣзды, бѣдныя пріюты ночлеговъ, все могло приводить въ уныніе путниковъ, и все надобно было оживлять только надеждами на предстоящую дѣятельность ума и знанія. Труды и заботы Экспедиціи продолжались четыре года. Она произвела подробныя свои поиски въ двѣнадцати губерніяхъ: Санктпетербургской, Олонеккой, Новгородской, Псковской, Тверской, Московской, Ярославской, Костромской, Владимірской, Нижегородской, Казанской и Вятской. Для отчетливости же болѣе окончательной, въ продолженіе этой поѣздки посѣщены

были нѣкоторыя самыя дальнія мѣста и въ губерніяхъ осматривались прежде. Еще слѣдуетъ замѣтить, что путешественники, въ намѣреніи ускорить ходъ своихъ занятій, съ самаго начала нынѣшнихъ переѣздовъ, раздѣлились на два путеправленія, и каждый изъ нихъ работалъ отдѣльно.

Если бы изданы были, независимо отъ собранныхъ ими драгоценныхъ историческихъ матеріаловъ, подробнымъ Записки самаго производства путевыхъ трудовъ, усилій и затрудненій, словомъ, полной страннической жизни ихъ, сколько любопытнаго и безвѣстнаго намъ открылось бы въ этомъ повѣствованіи! Одинъ биографъ Бердникова, вспоминая рассказы его объ этой эпохѣ, говоритъ: «Иногда ему приходилось въ отдаленныхъ Пустыняхъ списывать древніе памятники въ разницахъ и церквахъ, въ холоду, на морозѣ; питаться скудною монашескою пищею; трястися по ужаснымъ проселочнымъ и глѣбынымъ дорогамъ; словомъ, подвергаться разнаго рода лишеніямъ, о которыхъ едва можно себѣ составить понятіе; и все это дѣлалось изъ любви къ Наукѣ и Исторіи отечества (№ X, Б. д. Ч. 1854)». Иначе и быть не могло. Исчислимъ только названія мѣстъ, въ которыхъ привелось работать Бердникову въ продолженіе четырехъ лѣтъ. Онъ произвелъ разысканія въ монастыряхъ: Соловецкомъ, Валдайско-Иверскомъ, Богородицко-Свияжскомъ, Макаріево-Калазанинскомъ, Нило-Столобенскомъ, Александро-Свирскомъ, Тихвину-Успенскомъ, Новоторжско-Ефремовскомъ, Желтоводскомъ и во Флорицовой Пустыни. Сверхъ того онъ объѣхалъ Оловецкую и Вятскую губерніи, и разобралъ Архивы многихъ монастырей и уѣздныхъ городовъ въ Новгородской, Псковской, Тверской, Ярославской, Костромской, Владимирской, Нижегородской и Казанской губерніяхъ. Въ общемъ счетѣ выходитъ, что оба путешественника осматривали тогда дѣсяти Библиотекъ и Архивовъ. Фолианты, представленныя ими Академіи при особомъ Отчетѣ, содержали два отдѣла, совершенно различныя по содержанию своему: во 1-хъ Каталоги рукописей и старопечатныхъ книгъ, найденныхъ Археографами и обнимающихъ собою почти всю старинную Славяно-Русскую Литературу; во 2-хъ Акты, или собраніе древнихъ грамотъ, указовъ, наказныхъ памятей, отписокъ, судныхъ дѣлъ, розысковъ, и проч. съ XIV по XVIII вѣкъ. Первый Отдѣлъ, до сихъ поръ хранящійся у П. М. Строева, составилъ Библиологическій Словарь, или Указатель всѣхъ сочиненій и переводовъ, известныхъ въ Литературѣ нашей до начала XVIII вѣка. Второй положилъ основаніе особой Комиссіи при Департаментѣ Министерства Народнаго

Просвѣщенія, учрежденной по Высочайшему повелѣнію 24 Декабра 1834 года. Она въ свое вѣдѣніе приняла десять томовъ рукописныхъ Актовъ, собранныхъ Археографическою Экспедиціею, и 8 Января 1835 года открыла свои засѣданія. Въ число ея Членовъ назначены были оба путешественника. Но въ Іюлѣ того же года П. М. Строевъ, по прошенію его, уволенъ отъ службы. Естественно, что его сотруднику предстояло усилить дѣятельность, какъ ближайшему участнику въ исполненіи первоначальной мысли Академіи.

VI.

Комиссія, признавая всю важность сокровищъ, для облагодѣланія ей извѣстныхъ, прежде печатанія ихъ рѣшилась предать имъ возможную попятку. Тогда на Бердникова возложено было осматривать Санктпетербургскія Библиотеки: Императорскую Публичную, Эрмитажную, Академіи Наукъ и Румянцева Музеума. Приступивши къ выпискамъ изъ хранящихся тамъ манускриптовъ, онъ дѣятельно снабжалъ ими Комиссію, и Акты Археографической Экспедиціи умножилъ новыми, важными приобрѣтеніями. Къ числу ихъ надобно отнести: Новгородскія и Дмитскія грамоты, считавшіяся потерянными; опись Царскаго архива XVI вѣка; два доселѣ неизвѣстныхъ собранія Грамотъ: о Смоленскомъ походѣ Бодрина Михаила Шенна 1632—1634, и о Стрѣлецкомъ бунтѣ 1682—1683, и проч. Министерство Народнаго Просвѣщенія, признавая важность и пользу неуслынныхъ трудовъ и специальныхъ свѣдѣній Бердникова, оправданныхъ вѣданными усиліями всѣхъ порученій, на него возлагаемыхъ, опредѣляло его, 23 Января, въ 1835 году, сперва Чиновникомъ особыхъ почтеній при своемъ Департаментѣ, потомъ, 15 Февраля, Библиотечаремъ Императорской Академіи Наукъ, и наконецъ, 31 Мая, въ званіи перваго званія, Библиотечаремъ же Департамента. Но на новыя обязанности, требовавшія новой дѣятельности и искусства распределять время, ни утомительная и безпрерывная работа по изданію рукописей Археографической Экспедиціи не могли остановить его прямыхъ сношеній съ любителями отечественной Исторіи. Въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» намечатны въ то время, одна за другою, слѣдующія его любопытныя статьи: 1. Объ открытіи нѣкоторыхъ важныхъ историческихъ документовъ; 2. Выписка изъ донесенія Непременному Секретарю Академіи Наукъ; 3. Объ историческихъ рукописяхъ Императорскаго Эрмитажа; 4. Описаніе рукописей Румянцева Музеума, и 5. О древней Грамотѣ Князя Рязанскаго Олега Юановича.

Нельзя безъ удивленія подумать, что этотъ же 1835 годъ употребляетъ былъ Бередииковымъ на приведеніе въ порядокъ и печатаніе Актовъ Археографической Экспедиціи, которыхъ первый томъ въ 1836 году вышелъ изъ-подъ его редакціи. Имя же написано къ нему Предисловіе, въ которомъ съ ясностію и простотою изложено все, что такъ любопытно читателю узнать предварительно объ этомъ великомъ подвигѣ труженниковъ Науки, о посѣщенныхъ ими хранилищахъ древностей, о правилахъ, принятыхъ въ руководство при изданіи Актовъ, о разнообразіи содержанія ихъ, съ названіемъ мѣстъ, откуда каждый извлеченъ, и даже о книгахъ, въ которыхъ иные изъ нихъ напечатаны были въ прежнее время. Бередиикову принадлежатъ въ изданномъ имъ томѣ и объяснительныя Примѣчанія, безъ которыхъ изданіе не принесло бы всей пользы читателямъ.

Первый разрядъ Актовъ Археографической Экспедиціи, въ четырехъ томахъ вышедшій изъ печати въ 1836 году, обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Въ его появленіи все признали сокровище, въ своемъ отношеніи столько же значительное, какъ и «Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи». По образцу послѣдняго исполнено было и самое его изданіе. Государь Императоръ изволилъ осчастливить этотъ трудъ Ученыхъ совершеннымъ Своимъ благоволеніемъ. Послѣдствія столь благопріятнаго начала были въ высокой степени важны для всѣхъ отраслей историческаго изученія Россіи. Его Императорское Величество, въ 18 день Февраля 1837 года, Высочайше повелѣлъ преобразовать составъ и усилить сносы Комиссіи съ наименованіемъ ея Археографическою. На нее возложена была обязанность привести въ извѣстность и издать въ свѣтъ полное собраніе Русскихъ Лѣтописей и другихъ историческихъ источниковъ. Высочайше утвержденными того же числа Правилами Археографической Комиссіи предоставлено право пользоваться всеми рукописями, нужными для ея изданій и хранящимися въ Духовныхъ и Гражданскихъ Библіотекахъ, а равно приобрѣтать ихъ по возможности и отъ частныхъ лицъ. Сверхъ того сдѣлано распоряженіе объ истребованіи и передачѣ въ Комиссію грамотъ и столбцовъ изъ Архивовъ Присутственныхъ мѣстъ Великороссійскихъ и Западныхъ Губерній.

VIII.

Чтень обширнѣе и многосложнѣе становились занятія Археографической Комиссіи, тѣмъ сильнѣе и неутомимѣе развивалась ученая дѣятельность Бередиикова. Какъ вообще лю-

ди съ энергіею, онъ не чуждъ былъ видовъ честолюбія. Но первый и дѣйствительный источникъ его увлеченія былъ выше мелочной суетности: въ удовлетвореніи собственной мысли и въ сознаніи общественной пользы, связанной съ его трудомъ, онъ почерпалъ и любовь къ труду и необходимыя для того силы. Министерство, съ своей стороны, не упускало ни одного случая къ его поощренію. По возвращеніи изъ экспедиціи, онъ повышенъ былъ чиномъ, а въ концѣ того же 1834 года награжденъ орденомъ св. Анны 3-ей степени. Спустя два года ему Всемилостивѣйше пожалованъ орденъ св. Владимира 4-ой степени. По случаю преобразованія Комиссіи, назначили его Главнымъ Редакторомъ. Теперь на его ответственности лежало не одно систематическое разложеніе собранныхъ прежде матеріаловъ и печатаніе ихъ, а строгая еще повѣрка вновь получаемыхъ актовъ и распределеніе ихъ по содержанію. Комиссія, съ исполненіемъ Высочайшей воли, предположила издавать каждый ихъ отдѣлъ особымъ собраніемъ. Въ тѣхъ четырехъ томахъ, которые уже были выданы, соединены Акты преимущественно историческіе, т. е. общіе документы, грамоты, уставы, указы и проч., относящіеся къ государственному законодательству, управленію и судопроизводству. Запасъ ихъ не истощился первымъ напечатаннымъ собраніемъ и ожидалъ трудовъ дальнѣйшихъ, которые естественно должны были возрасти въ огромныхъ размѣрахъ по причинѣ новыхъ источниковъ дополненій. Но и въ старомъ собраніи оставались нетронуты Акты юридическіе, т. е., частныя бумаги разнаго рода, правыя грамоты, розыски, челобитныя, записи и проч., служившія къ обезпеченію личныхъ преимуществъ, или собственности. Эти Акты составляютъ ключъ къ познанію обрядовъ, формъ и слога стариннаго дѣлопроизводства, и служатъ руководствомъ при изученіи Русской Дипломатіи. Въ нихъ есть матеріалы для дальнѣйшихъ изслѣдованій государственной Исторіи, Правовѣднія и Статистики, а для Русскаго языка въ нихъ сохраняются архаизмы юридической фразеологіи.

На обработаніе втораго разряда Актовъ Бередииковъ опредѣлилъ 1837 годъ. Обильныя дополненія къ его готовымъ сокровищамъ стекались съ разныхъ сторонъ: изъ Государственнаго Архива старыхъ дѣлъ, изъ бывшей вѣкогда Коллегіи Экономіи (найденныя въ Новгородской Казенной Палатѣ) и даже отъ многихъ частныхъ лицъ. Самъ Редакторъ изъ рукописей Императорской Публичной Библіотеки, Академіи Наукъ и Румянцовскаго Музеума успѣлъ внести въ дополненія свои

двадцать два акта. Печатаціе надобно было производить съ новыхъ рукописей, которыя приготовлены были для редактора съ подлинныхъ бумагъ, большею частию ветхихъ и неразборчивыхъ. Бередииковъ, навывкомъ и опытностію изощрившій чутье и взглядъ свой въ этомъ дѣлѣ, тщательно повѣрялъ все, и въ 1838 году успѣлъ представить напечатанное собраніе Юридическихъ Актовъ. Къ нему равнымъ образомъ онъ присоединилъ 1) свое Предисловіе, въ которомъ съ точностію показываетъ различіе между историческими и юридическими Актами, 2) наименованія библіотекъ и архивовъ, изъ которыхъ заимствованы послѣдніе, 3) время происхожденія бумагъ и 4) алфавитную таблицу всѣхъ видовъ дѣловыхъ бумагъ этого изданія. При концѣ его помѣщены имъ необходимыя для читателя Примѣчанія.

VIII.

Безостановочное появленіе изданій Археографической Коммиссіи, распространявшихъ новый свѣтъ на самыя отдаленныя и мало извѣстныя эпохи отечественной Исторіи, возбуждало къ дѣятельности и подобнымъ разысканіямъ многія частныя лица въ Россіи. Изъ Гельсингфорса, въ 1837 году, бывшій Профессоръ Александровскаго Университета Соловьевъ отправился въ Швецію для обозрѣнія тамошнихъ библіотекъ и архивовъ. Ему удалось въ нихъ найти много рукописей, служащихъ къ объясненію Русской Исторіи, Правовѣдѣнія, Статистики и проч. Важнѣйшая между ними содержала описаніе Россіи при Царѣ Алексѣи Михайловичѣ, сочиненное бѣжавшимъ за границу подъячимъ Посольскаго Приказа Кошкинымъ (или Котошкинымъ), и переведенное съ Русскаго на Шведскій языкъ Королевскимъ Переводчикомъ Баркгузеномъ. При вспомоствованіи Археографической Коммиссіи, Профессоръ Соловьевъ, въ 1838 году, въ Библіотекѣ Упсальскаго Университета, отыскалъ и Русскій подлинникъ означеннаго сочиненія, изъ котораго видно, что оно писано было въ 1666 — 1667 г.

Бередиикову поручено было заняться приготовленіемъ къ печати этого драгоценнаго приобрѣтенія. 1839 годъ посвященъ имъ былъ, между прочими трудами, обработкѣ рукописи Кошкина. Онъ тщательно изучилъ ее во всѣхъ отношеніяхъ, и въ 1840 году представилъ изданіе, которое можно назвать образцовымъ. Въ Предисловіи къ этой книгѣ внесены свѣдѣнія о разныхъ экземплярахъ рукописныхъ переводовъ ея на Шведской языкъ и тѣ біографическія подробности, которыя изъ ихъ разныхъ приписокъ можно было собрать касательно жизни

автора. Редакторъ взянулъ себѣ въ обязанность тутъ же опровергнуть и тѣ сказанія Кошкина, которыя видимо противорѣчатъ исторической истинѣ. Содержаніе книги изложено отчетливо, а ея достоинство, какъ новаго историческаго матеріала, оцѣнено съ безпристрастіемъ. Вотъ что между прочимъ сказано тамъ: «На сочиненіе «О Россіи» должно смотрѣть, какъ на собраніе матеріаловъ для отечественной Исторіи. Если нѣкоторые факты, въ немъ упоминаемые, отчасти уже извѣстны изъ другихъ источниковъ; то неоспоримо, что, при ихъ пособіи и въ связи съ ними, оно проливаетъ новый свѣтъ на мало измѣнявшуюся въ основныхъ своихъ формахъ древнюю Русь, и облегчаетъ изученіе ея не только въ XVII, но и въ предшествовавшихъ столѣтіяхъ. Дополняемая свидѣтельствами другихъ историческихъ памятниковъ, эта рукопись въ свою очередь поясняетъ темныя преданія лѣтописей и односторонность государственныхъ Актовъ, составляетъ ключъ къ правильному ихъ разумѣнію, и открываетъ многое, что доселѣ таилось во мракѣ. Можно сказать утвердительно, что, кромѣ иностранныхъ сказаній о Россіи, по большей части наполненныхъ ошибками, или недоразумѣніями, въ нашей литературѣ, до XVIII вѣка преимущественно состоявшей изъ духовныхъ твореній, лѣтописей и грамотъ, не было сочиненія, которое въ такой степени соединяло бы въ себѣ достоинство истины съ живостію повѣствованія». За Предисловіемъ слѣдуетъ «Указатель», по которому легко найти каждый предметъ, изложенный Кошкинымъ. Всѣхъ Главъ въ сочиненіи тринадцать, а отдѣловъ по разности предметовъ 236. «Алфавитный Перечень старинныхъ словъ», встречающихся въ книгѣ, снабженъ ихъ изъясненіемъ именно въ томъ смыслѣ, въ какомъ они употреблены авторомъ.

IX.

Съ 1841 года труды Археографической Коммиссіи начали являться въ видѣ двухъ отдѣльныхъ изданій: «Актовъ Историческихъ» и «Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей». Каждое изъ этихъ собраній изумительно по богатству матеріаловъ, въ него вошедшихъ, а еще болѣе по множеству предварительныхъ работъ и постоянству въ исполненіи главнаго труда, безъ которыхъ не было возможности удовлетворительно вести къ концу столь громадное предпріятіе. Бередииковъ душою и сердцемъ преданъ былъ заботѣ объ изданіи Лѣтописей. Но и Акты Историческіе не остались безъ его участія. Многія грамоты, наполняющія первый томъ, собственноручно имъ списаны съ подлинниковъ, или приготовлены къ изданію.

Что касается до Лѣтописей, безъ преувеличенія сказать можно, что съ того времени, какъ только Государь Императоръ изъявилъ Высочайшую волю Свою о разборѣ ихъ, о приведеніи въ порядокъ и обнародованіи, Беренниковъ считалъ призваніе свое на остатокъ жизни ясно выраженнымъ и утвержденнымъ. Еще въ 1839 году онъ внесъ въ Коммиссію приготовленный имъ планъ, какъ надобно дѣйствовать, печатая Лѣтописи, по числу и объему которыхъ все изданіе должно было, по предположенію его, составить около двадцати пяти томовъ. Кому хоть нѣсколько извѣстно, какой хаосъ представляли списки нашихъ лѣтописныхъ сборниковъ, тотъ можетъ понять, сколько требовалось вниманія и времени при изученіи этого предмета.

Когда Беренниковъ приступалъ къ восстановленію порядка въ разбѣшенныя рукописи, собранныя Коммиссіею, ихъ было сто шестьдесятъ восемь Лѣтописей. Однѣ изъ нихъ принадлежали къ разряду Отдѣльныхъ Временниковъ, другія къ числу Лѣтописныхъ Сборниковъ. Особо отъ всѣхъ надобно было представить Временникъ Нестора, который являлся въ видѣ начала почти всѣхъ Лѣтописей. Въ текстѣ сказаній чисто-историческихъ находились не относящіеся къ нимъ Повѣсти, Житія Святыхъ и другаго рода отрывки, что надлежало выбирать для помѣщенія отдѣльно какъ дополненіе. Лѣтописи, по мѣрѣ умноженія списковъ, въ теченіе многихъ столѣтій, подвергались важнымъ измѣненіямъ въ текстѣ, который въ Несторовомъ Временникѣ, по разысканіямъ Беренникова, долженъ былъ раздѣленъ на древній, средній, новый и сокращенный. Между тѣмъ на исполнителя предпріятія, столь важнаго и близкаго къ сердцу каждаго Русскаго, лежала тяжелая отвѣтственность: онъ не смѣлъ и не былъ въ правѣ произвольно отстранить отъ соображенія и показанія ни одной строки, ни одного слова. Въ какой бы мѣрѣ точенъ и правдивъ ни казался ему одинъ изъ множества текстовъ, Редакторъ не могъ удовольствоваться имъ однимъ: онъ былъ обязанъ отмѣтить въ вариантахъ все, что только разногласило въ спискахъ. Надобно ли ко всему этому прибавлять, что языкъ Лѣтописей есть смѣшеніе словъ разныхъ старинныхъ нарѣчій; что почеркъ ихъ списковъ нерѣдко подобенъ таинственнымъ іероглифамъ; что нѣтъ въ нихъ ни однообразной ортографіи, ни знаковъ препинанія; что множество словъ написано сокращенно, и что невѣжество переписчиковъ безобразило темный смыслъ текста ужасною безсмыслицей? Посреди этихъ затрудненій Редакторъ неуклонно и твердо шелъ къ

своей цѣли. Плоды его соображеній, знаній и горячей любви къ дѣлу приняты съ благодарностію всѣми.

Въ продолженіе послѣднихъ трехъ лѣтъ, съ 1838 по 1841, Беренниковъ, въ воздаяніе за полезную и неуспѣшную дѣятельность свою, удостоился Всемилостивѣйшихъ наградъ: два раза онъ повышенъ былъ чиномъ и получилъ орденъ св. Станислава 2-ой степени. Самымъ лестнымъ и болѣе всего поощрительнымъ награжденіемъ ученыхъ трудовъ его было назначеніе въ Адъюнкты Императорской Академіи Наукъ по Второму Отдѣленію, гдѣ ожидали его новые и подобно прежнимъ не менѣе пріятные труды, гдѣ онъ могъ существенную принести пользу Русскому слову, какъ знатокъ историческаго развитія отечественнаго языка. Онъ поступилъ въ Члены Отдѣленія 19 Октября 1841 года, т. е. въ день его открытія. Съ этой эпохи Археографическая Коммиссія и Академія Наукъ равномерно дѣляли между собою привязанность его и плоды неизмѣнной его дѣятельности. Въ одно изъ самыхъ первыхъ засѣданій Отдѣленія, когда разсуждаемо было о различеніи нарѣчій чисто-Русскаго и Церковно-Славянскаго, Беренниковъ прочиталъ свое историческое разсмотрѣніе элементовъ нынѣшняго Русскаго-языка. Принявъ съ признательностію этотъ замѣчательный трудъ, Отдѣленіе опредѣлило воспользоваться имъ при составленіи Предисловія къ приготавливаемому изданію своего Словара, что и было исполнено въ назначенное время. При раздѣленіи занятій по обработкѣ и редакціи Академическаго Словара, Беренниковъ утвержденъ былъ Редакторомъ втораго тома вмѣстѣ съ Академикомъ А. Х. Востоковымъ, а по кончинѣ Академика М. Е. Лобанова онъ одинъ продолжалъ и кончилъ редакцію третьяго тома. Въ это же самое время, безостановочно и обработанные съ полнымъ успѣхомъ, являлись одинъ за другимъ, томы «Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей».

Ж.

Третій томъ «Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей» вышелъ изъ печати въ 1841 году. Имъ начаты были тотъ длинный рядъ древнихъ сказаній о нашемъ Отеествѣ, который не суждено было кончить ревностному изслѣдователю хартій, таившихся цѣлыя столѣтія почти въ невѣдѣнности. Для двухъ предшествующихъ ему томовъ не всѣ оказались готовы матеріалы, какіе, по плану Главнаго Редактора, должны были служить основаніемъ предполагаемаго изданія, и потому онъ началъ съ третьяго. Въ этомъ томѣ напеча-

ны: три Новгородскія Лѣтописи, Роспись или Краткій Лѣтописецъ Новгородскихъ Владыкъ, Отрывокъ изъ разряда Новгородскихъ Лѣтописей, наконецъ Извлеченіе изъ рукописи объ осадѣ Тихвинскаго Монастыря Шведами въ 1613 году. Важнѣйшую часть третьяго тома составляетъ первая Новгородская Лѣтопись. Она, какъ замѣчаетъ самъ Редакторъ, изображаетъ древнее политическое и гражданское устройство Новгорода, дѣла тамошней Церкви, тѣсно связанной съ Кіевскими и Московскими православіемъ, союзы и раздоры Новгородцевъ съ Русскими Князьями, войны съ сосѣдями, раннюю торговлю съ Европою, внутренніе мятежи и народныя бѣдствія. Она проливаетъ свѣтъ и на исторію Русскихъ удѣльныхъ княжествъ по тѣснымъ связямъ Новгорода съ южною Русью. Достоверность ея содержанія простирается изъ самаго свойства матеріаловъ, состоящихъ или изъ сказаній, основанныхъ на свѣжести преданій, или изъ правительственныхъ актовъ, или изъ замѣтокъ людей, бывшихъ очевидцами описанныхъ въ ней событій.

Приготовленіе за тѣмъ новаго тома потребовало еще двѣла года. Второй вышелъ въ 1843 году. Онъ заключаетъ въ себѣ Лѣтопись Ипатьевскую и прибавленіе къ ней, извѣстное подъ названіемъ Густинской Лѣтописи. Первая содержитъ въ началѣ Временникъ Нестора съ продолженіемъ Лѣтописи о Кіевскомъ и другихъ Юговосточныхъ Русскихъ Княжествахъ до 1200 года. По этому одна ея часть сходна съ Лаврентьевскою, и только съ половины XII вѣка разнится отъ нея своимъ изложеніемъ. Далѣе въ ней заключаются Лѣтопись о Западно-Русскихъ Княжествахъ, доведенная до 1292 года и называемая Волинскою или Галицкою. Любопытно замѣтить, что Лаврентьевскій списокъ, кромѣ Временника Нестора, вполнѣ внесеннаго въ его первыя тетради, и за исключеніемъ окончанія, гдѣ говорится о Суздальскомъ и другихъ Сѣверныхъ Княжествахъ, согласенъ съ Ипатьевскимъ спискомъ. Изъ этого видно, что послѣдній принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ памятниковъ въ разрядѣ Лѣтописей Русскихъ. Языкъ Ипатьевской Лѣтописи есть Церковно-Славянскій съ примѣсью тогдашняго Русскаго. Но рѣчи Князей и другихъ лицъ представляютъ въ себѣ образцы чистаго Южнорусскаго народнаго нарѣчія, уцѣлѣвшаго въ «Словѣ о Полку Игоревомъ». Густинская Лѣтопись (монастырь Густинскій находится близъ Прилукъ въ Полтавской губерніи) начинается позднѣйшею передѣлкою Нестора и доведена до 1597 года. Въ ней, до XIV вѣка, видимо сокращеніе Ипатьевской, а далѣе слѣдуютъ

выписки изъ Польскихъ и утраченныхъ Русскихъ Временниковъ. Ею пополнены свѣдѣнія о Западной Россіи въ эпоху ея отдѣленія отъ Восточной. Это какъ бы очеркъ Исторіи тогдашней Литвы и Польши, раздраемыхъ внутренними и внѣшними войнами. Изъ него между прочимъ мы узнаемъ состояніе Западно-Русской Православной Церкви послѣ раздѣленія митрополіи и при распространеніи Уніи.

XI.

Переходъ къ составленію перваго тома «Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей» должно считать важнѣйшею эпохой въ ученой дѣятельности Берединкова. Ему предстояло возвести изъ развалинъ самый древній и самый драгоценный памятникъ Русской письменности. Много лѣтъ первоклассные Историки трудились надъ возстановленіемъ текста Преподобнаго Нестора. Но вся ученость и остроумнѣйшія догадки не могли сообщить ихъ обработкѣ того свѣта, который наконецъ пролило на темный Временникъ труженика изумительное по многочисленности собраніе рукописей, заключающее въ себѣ одной и той же Лѣтописи пятьдесятъ три экземпляра, въ разное время, въ разныхъ мѣстахъ и разными лицами писанныхъ. Имъ обязана Берединкову счастливому уразумѣнію, что есть Несторъ древній, т. е. истинный, средній, замѣтно переименный, новый, видимо испорченный, и наконецъ сокращенный. Оставалось разложить на четыре отдѣла всѣ списки, изучать каждый отдѣлъ, чтобы для печатанія взять, какъ основной текстъ, вѣрнѣйшій изъ списковъ, и подвести подъ нимъ варианты изъ остальныхъ, принадлежащихъ къ тому же отдѣлу. Трудъ немовѣрный, чтобы не сказать убійственный. Для свершенія его были необходимы обширныя филологическія знанія стариннаго языка Русскаго, подробное изученіе Русской археологій, топографіи, хронологіи и всѣхъ порознь предметовъ, входящихъ въ древнія сказанія. Надлежало отыскивать самые источники, изъ которыхъ почерпалъ Лѣтописецъ извѣстія свои, и сравнивать съ ними его заимствованія. Не конечно тяжѣйшая работа предстояла Редактору въ приведеніи къ законамъ единства безграмотной ортографіи рукописей, наполнявшихся въ продолженіе столѣтій все новыми ошибками, болѣе и болѣе затемнявшими первый смыслъ сочинителя.

Не смотря на всѣ трудности предпріятія, съ истеченіемъ 1845 года кончено было по редакціи какъ приготовленіе текста, такъ и печатаніе его. Въ 1846 году явился въ свѣтъ обработанный Берединковимъ Несторъ. За основной его спи-

соку принять экземпляръ Лаврентьевской Лѣтописи, подаренный Императору Александру Павловичу Графомъ Мусинъ-Пушкинымъ, древнѣйшій изъ найденныхъ доселѣ и хранящійся въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Основные списки прочихъ трехъ отдѣловъ помѣщаются будутъ вмѣстѣ съ Лѣтописями, которыхъ появленіе въ рукописи одновременно съ ними. Первый томъ «Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей» раздѣленъ Редакторомъ на четыре части; въ первой онъ помѣстилъ изъ Лаврентьевской Лѣтописи единственно то, что составляетъ разсказъ самого Нестора, кончающійся 1110 годомъ; во второй оставшееся за тѣмъ въ Лаврентьевской Лѣтописи, въ которой разсказъ событій доведенъ до 1305 года; въ третьей напечатана ближайшая по древности къ Лаврентьевской «Троицкая Лѣтопись»: въ ней повѣствованіе событій начинается 1206-мъ годомъ, а кончается 1419-мъ. Въ четвертой части помѣщены «Приложенія», выбранныя изъ «Хронографа Георгія Амартола», изъ «Софійскаго Харатейнаго Номоканона», изъ «Харатейнаго Парамейника» и изъ «Печерскаго Патерика».

Замѣчательны слова Берединкова о трудѣ Нестора. Вотъ они: «Временникъ Нестора, современный Зонаръ и Козмѣ «Пражскому, и предварившій Гельмольда и Кадлубека, составляетъ первоначальный намотникъ отечественнаго бытописанія, по справедливости пользующійся всемірною извѣстностью. Онъ проливаетъ свѣтъ на глубокой Сѣверъ IX, X и XI столѣтій, увѣковѣчиваетъ бытіе Руси непреложностью сказаній о ея происхожденіи, и сообщаетъ свѣдѣнія о дѣяніяхъ древнихъ Князей на пространствѣ вѣковъ, непосредственно слѣдовавшихъ за эпохою государственнаго возрожденія. Это «священная книга народа». На нее ссылались какъ «на скрижаль, сообщившую, такъ сказать, святость истинныя преданія о началѣ Русскаго имени и о древности царственной династіи, неуспѣшно бодрствовавшей надъ судьбами Россіи, и въ теченіе вѣковъ дѣлившей съ нею и славу и бѣдствія».

Видимые успѣхи общепользнаго и для нашей Исторіи важнаго дѣла не могли не обратить особеннаго вниманія на труды Берединкова. Онъ конечно не безъ удовольствія принялъ тѣ награды, которыя заслужилъ такъ благородно. 8 Октября 1843 года Всеневольствѣнше пожалованы ему знаки ордена св. Станислава 2 ст., украшенные Императорскою Короною, а Указомъ Правительствующаго Сената 12 Юля 1844 года произведенъ въ Надворные Совѣтники. Въ Академіи Наукъ,

3 Мая 1845 года, его повысили въ званіе Экстраординарнаго Академика; 15 Февраля 1846 года онъ Высочайше награжденъ слѣдующимъ чиномъ.

ХII.

Печатаніе «Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей» Берединковъ, до конца жизни своей, продолжалъ безостановочно. Это занятіе, посреди множества другихъ ученыхъ трудовъ, составляло для него какъ бы священную обязанность. Въ 1848 году явился четвертый томъ, въ которомъ напечатаны четвертая Новгородская Лѣтопись и первая Псковская. Въ последней изображены сношенія Псковитянъ съ Новгородомъ, Москвою, Литовскимъ княжествомъ и Швеціею, и почти непрерывныя битвы съ Ливонскими Рыцарями, отъ которыхъ Псковъ, до паденія Ливоніи, служилъ Россіи твердымъ оплотомъ. Въ ней же встрѣчаются указанія на дѣла Церкви, законодательство, управленіе, народные обычаи и торговлю, которой раннему развитію безъ сомнѣнія способствовали связи Псковитянъ съ Ганзою и близкое соудство ихъ съ Ливоніею. Эта Лѣтопись содержитъ въ себѣ также довольно подробныя извѣстія о присоединеніи Пскова къ Московскому государству, и о смутахъ, колебавшихъ Сѣверную Россію въ мятежный періодъ Самозванцевъ. Менѣе новыхъ показаній въ четвертой Новгородской Лѣтописи. Изъ нея, въ видѣ «Прибавленій» къ этому тому, заимствованы отдѣльные разсказы: 1. О житіи Великаго Князя Дмитрія Донскаго; 2. Сказанія дѣяка Александра о Царьградѣ, и 3. Повѣсть о преставленіи Тверскаго Князя Михаила Александровича.

Въ 1851 году вышелъ въ свѣтъ пятый томъ Лѣтописей. Въ немъ напечатаны вторая Псковская и первая Софійская. Онѣ обвиняютъ событія почти до конца XV столѣтія. Изъ Псковской взяты «Прибавленія» къ этому тому: 1. О нашествіи Шведовъ на Новгородскія области; 2. О нападеніи Литвы на Псковской Печерской монастырь Богоматери. 3. О бѣдствіяхъ въ Россіи въ эпоху самозванцевъ; 4. Объ избраніи Царя Михаила Феодоровича; 5. О смутахъ во Псковѣ до утвержденія на престолѣ Царя Михаила Феодоровича, и 6. О распространеніи Православія инокомъ Іліею, посланнымъ въ области Финскія Новгородскимъ Митрополитомъ Макаріемъ.

Изданіе шестаго тома Лѣтописей, вышедшаго въ 1853 году, было послѣднею работою Берединкова, конченною въ любимомъ имъ разрядѣ Русской Археографіи. Здѣсь напечатаны: Продолженіе первой Софійской Лѣтописи, вторая Со-

фійская и Отрывокъ Лѣтописи по Воскресенскому Новоіерусалимскому списку съ 1445 по 1553 годъ. Подлинники помѣщенныхъ здѣсь Лѣтописей изобилуютъ вводными разсказами, которые доставили Редактору возможность придать этому тому необыкновенную занимательность выборомъ изъ нихъ «Прибавленій». Къ «Продолженію первой Софійской Лѣтописи» присоединены: 1. Уставъ Великаго Князя Ярослава Владиміровича о Судахъ; 2. (Такъ называемый) Судебникъ св. Царя Константина; 3. Уставъ св. Князя Владиміра, крестившаго Русскую землю; 4. Посланіе Новгородскаго Архіепископа Василія къ Тверскому Владыкѣ Феодору; 5. Побѣще Великаго Князя Дмитрія Ивановича на Дону съ Мамаемъ; 6. О Московскомъ взятіи отъ царя Тактамышы и о плѣненіи Русской земли, и 7. О житіи и о преставленіи Великаго Князя Дмитрія Ивановича, Царя Русскаго. Въ числѣ «Прибавленій», взятыхъ изъ «второй Софійской Лѣтописи», въ высшей степени любопытно «Путешествіе Аванасія Тверитина въ Индію въ 1498 году». Этотъ памятникъ нашей письменности, явившійся почти за полвѣка до открытія морскаго пути ВаскодеГамою, сообщаетъ извѣстія объ отдаленной странѣ, не прежде XVI вѣка посѣщенной въ первый разъ Португальцами. Въ какой мѣрѣ дорожилъ имъ Редакторъ, видно изъ того, что онъ отдѣльно помѣстилъ въ своемъ изданіи два его списка, почерпнувъ первый изъ рукописей Троицкой и Архивской, а второй изъ доставленной въ Комиссію Г. Ундольскимъ, не смотря на то, что послѣдній есть сокращеніе подлинника. Такъ какъ въ «Путешествіи Аванасія Тверитина» много помѣщено выраженій, заимствованныхъ изъ Восточныхъ языковъ, то Редакторъ снабдилъ свое изданіе переводомъ всѣхъ непонятныхъ словъ и примѣчаніями нашего Ориенталиста А. К. Казембека.

ЖИВИ

Исчисленные здѣсь изданія еще не обнимаютъ всего круга археографическихъ трудовъ Беренникова. Какъ Главный Редакторъ, онъ обязанъ былъ наблюдать за редакціей другихъ памятниковъ нашей старинной письменности, что исполнялъ съ примѣрною добросовѣстностію. Всѣмъ извѣстно, до какой степени возвышаются польза и цѣнность многосложнаго историческаго изданія, напечатаннаго въ нѣсколькихъ томахъ и обнимающаго собою длинный рядъ столѣтій, ежели составленъ будетъ полный и точный къ нему Указатель. Беренниковъ два раза принималъ на себя трудъ просмотра и поправки подобныхъ составленій. Въ 1838 году, при его со-

дѣйствіи, напечатанъ «Указатель къ Актамъ Археографической Экспедиціи», а въ 1840 «Указатель къ Юридическимъ Актамъ Археографической же Экспедиціи». Въ числѣ пяти томовъ «Историческихъ Актовъ», изданныхъ Археографическою Комиссіею, третій, отпечатанный въ 1841 году, и пятый, вышедшій въ 1842, имъ были частію подготовлены къ изданію, частію просмотрены. Такое же вниманіе и содѣйствіе оказывалъ онъ редакціи во время составленія и печатанія всѣхъ пяти томовъ «Дополненій къ Историческимъ Актамъ», что продолжалось съ 1846 года до 1854.

Предметы занятій каждаго засѣданія Археографической Комиссіи вносятся въ ея протоколы, которые въ извлеченіяхъ передаются публикѣ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія». Любопытнѣйшіе изъ Актовъ и Лѣтописей требовали особенныхъ о себѣ отзывовъ и мнѣній. Изложеніе ихъ и обработка для печати составляли постоянную обязанность Беренникова. Со временемъ, выбранные изъ Журнала, они могутъ представить значительную часть собственныхъ его сочиненій. Въ томъ же Журналѣ (1844 г., № 5) помѣщено извлеченіе его изъ разныхъ источниковъ, подъ заглавіемъ: «О Славянскихъ рукописяхъ, хранящихся въ Германскихъ и Французскихъ Библиотекахъ». Министерство Народнаго Просвѣщенія, въ 1852 году, какъ Члену Археографической Комиссіи, ему поручило рассмотреть нѣкоторые древнихъ рукописей и разрѣшеніе вопросовъ, относящихся къ Исторіи и Древностямъ Русскимъ. И вотъ въ слѣдующемъ году, въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, явилось его изслѣдованіе: «О нѣкоторыхъ рукописяхъ, хранящихся въ монастыряхъ и другихъ бібліотекахъ». Безъ занятій такого рода, можно сказать, онъ никогда не оставался. Изъ этого видно, что сообразительность и отчетность ученой дѣятельности Беренникова, по общему признанію, равнялись неутомимости и живости умственныхъ его силъ.

Постоянство въ трудахъ и сопровождающіе ихъ успѣхи побудили Императорскую Академію Наукъ возвести Беренникова въ званіе Ординарнаго Академика, что послѣдовало 6 Февраля 1847 года. Императорскій Казанскій Университетъ, 22 Апрѣля 1848 года, почтилъ его принятіемъ въ число Почетныхъ своихъ Членовъ. Высочайшія награды свидѣтельствовали о Всемилостивѣйшемъ Его Императорскаго Величества благоволеніи къ ученымъ заслугамъ Академика: 19 Февраля 1849 года Беренниковъ былъ произ-

ведень въ Статскіе Совѣтники; ^{10/}₂₂ Мая 1851 удостоенъ Ордена св. Анны 2 степени, а 17 Ноября 1853 св. Владимира 3 степени.

XLV.

Упомянуто было выше, что избраніе Бередникова въ Члены Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ вызвало его на труды Лексикографіи, Грамматики, Филологіи и Критики. Не въ его характеръ было приниматься за что нибудь слегка, а тѣмъ менѣе только для вида. Онъ ко всякому занятію, избиралъ ли его по собственному вкусу, или призывала его къ тому обязанность, приступалъ съ живымъ чувствомъ и неутомимою ревностію. Въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ, какъ Академикъ, онъ постоянно участвовалъ въ трудахъ общихъ, не отклоняя отъ себя ни одного изъ частныхъ порученій Отдѣленія. Сверхъ редакціи по двумъ томамъ Словаря, онъ, при каждомъ старинномъ словѣ, завѣдывалъ опредѣленіемъ его, объясненіемъ и указаніемъ примѣровъ. Такимъ образомъ значительная часть всѣхъ томовъ Словаря ему обязана отдѣлкою. Приобрѣтенныя имъ свѣдѣнія внимательнымъ чтеніемъ Актвъ и Лѣтописей, издававшихся Археографическою Коммиссіею, обращены были на пользу Отдѣленія. Не ограничиваясь лексикографическими трудами, онъ, какъ Археологъ, нерѣдко составлялъ для чтенія въ Отдѣленіи любопытныя Записки о разныхъ предметахъ отечественныхъ Древностей. Въ этомъ родѣ имъ составлены, въ 1842 году, историческія объясненія касательно словъ «Товарь и Таборъ», а въ 1846 о древнемъ значеніи слова «Усыпальница».

Едва возникла въ Отдѣленіи мысль о сборѣ областныхъ словъ для особаго Словаря, Бередниковъ съ обыкновеннымъ своимъ увлеченіемъ принялся за эту часть лексикографіи. Новгородъ, Тихвинъ и вся мѣстность первоначальной Руси ему знакомы были близко и въ подробности. По этому онъ, съ 1845 года до 1850, ревностно занимался объясненіемъ областныхъ словъ, употребительныхъ въ томъ краю, приводя примѣры на туземномъ нарѣчій. Во время обработыванія матеріаловъ «Областнаго Великорусскаго Словаря», въ Отдѣленіи не прекращалось чтеніе «Дополненій къ Словарю общему». Бередниковъ по прежнему участвовалъ и въ этомъ дѣлѣ. Какую бы ни прочитывалъ онъ книгу, отсюду извлекалъ новыя сокровища для совершенствованія изданій Отдѣленія. До пристрастія преданный изученію красотъ литера-

туры и преимущественно поэзіи, онъ усмотрѣлъ, что въ сочиненіяхъ дарованій самобытныхъ и проникнутыхъ духомъ истинно Русскимъ, болѣе, нежели въ прочихъ книгахъ, раскрываются основныя свойства языка. Въ такомъ убѣжденіи принялся онъ за Фонвизина, Крылова, Грибоѣдова и за лучшихъ духовныхъ ораторовъ нашихъ, вникая въ особенности выраженій ихъ, что доставило ему большой запасъ Русскихъ идиотизмовъ, которыхъ чтеніемъ онъ оживлялъ засѣданія.

Грамматическіе законы языка не менѣе другихъ ученыхъ предметовъ вызвали Бередникова къ дѣятельности. Съ 1843 года начали поступать изъ Москвы на разсмотрѣніе Отдѣленія статьи Академика И. И. Давыдова, въ которыхъ онъ излагалъ свои взгляды на разныя части Грамматики. Бередниковъ съ любознательностію вникалъ каждый разъ въ эти образцовыя изслѣдованія и приносилъ въ Отдѣленіе свои соображенія. Въ послѣдствіи времени, когда, по переѣздѣ сюда автора, приступлено было къ печатанію всего его сочиненія, Бередниковъ съ нѣкоторыми другими Академиками избранъ былъ въ Члены Комитета для сужденій по этому важному дѣлу. Такое же участіе замѣтно было въ немъ и къ трудамъ филологическимъ. Въ 1845 году Академія передала на разсмотрѣніе Отдѣленія значительное собраніе рукописныхъ филологическихъ сочиненій, оставшихся по смерти Надворнаго Совѣтника Шимкевича, автора «Корнеслова Русскаго языка». Трудомъ любивый нашъ Археологъ избралъ на свою долю Бѣло-Русскій его Словарь. Еще болѣе онъ принялъ на себя труда относительно программы и ея выполненія, когда Отдѣленіе избрало Протоіерея Іоанна Григоровича въ Редакторы особаго Бѣло-Русскаго Словаря, который долженъ былъ явиться въ числѣ пособій, приготовляемыхъ Отдѣленіемъ для изученія Славянскихъ нарѣчій.

XV.

Историческая критика естественно входила въ занятія Археографа. Онъ показалъ въ ней несомнѣнные успѣхи. Въ 1842 году, по предложенію Министра Народнаго Просвѣщенія, возложено было на Отдѣленіе разсмотрѣть рукопись Академика К. И. Арсеньева, подъ названіемъ: «Царствованіе Императрицы Екатерины I». Бередниковъ не замедлилъ представить подробное ея разсмотрѣніе, отдавши справедливую похвалу книгѣ, составленной по документамъ рѣдкимъ и драгоценнымъ, и обвиняющей эпоху, непосредственно слѣдовавшую за однимъ изъ величайшихъ государственныхъ пре-

образованій. Въ 1843 году, по Высочайшему повелѣнію, предписано было Академіи Наукъ изслѣдовать пергаменные и бумажные свитки, открытыя при земляныхъ работахъ у Московскаго Кремля. Донесеніе, написанное по этому случаю Берединовымъ, представляетъ собою образецъ критики, полной внимательности къ дѣлу и строго-ученыхъ изслѣдованій, такъ, что, въ слѣдствіе разысканій Академика, Отдѣленіе положило напечатать въ изданіяхъ Археографической Комиссіи двѣ изъ найденныхъ Грамотъ, а снимки съ прочихъ Актовъ помѣстить въ Запискахъ Академіи. Въ 1844 году Почетный Членъ (нынѣ Ординарный Академикъ) Отдѣленія, А. С. Норовъ, препроводилъ ему второе изданіе книги своей: «Путешествіе по Святой Землѣ». Въ числѣ «Прибавленій» къ этому изданію находятся примѣчанія на «Путешествіе Игумена Данила» въ XII вѣкѣ. Отдѣленіе поручило Берединову, разсмотрѣвъ примѣчанія, представить мнѣніе о важности и достоинствѣ ихъ. Разсмотрѣвши ученый трудъ и оцѣнивъ его важность, Академикъ заключилъ свой отзывъ слѣдующими словами: «А. С. Норовъ, какъ самовидѣцъ Святой земли, изучившій ея географію по библейскимъ и другимъ источникамъ, преимущественно могъ выполнить подобный трудъ, имѣющій высокое значеніе въ нашей литературѣ; ибо онъ «не только воспроизводитъ одинъ изъ древнѣйшихъ ея памятниковъ, но и подтверждаетъ его достоверность повѣркою «сказаній Паломника съ живою мѣстностью Палестины». На историко-критическія изслѣдованія Отдѣленіе постоянно вызывало Берединова: такъ между прочимъ, въ 1845 году, онъ разсматривалъ «Слово о полку Игоревѣ», объясненное по древнимъ письменнымъ памятникамъ Московскаго Университета Магистромъ Дубяскимъ; въ 1852 сочиненіе А. Шафонскаго, напечатанное 1786 года, подъ заглавіемъ: «Черныговскаго Намѣстничества топографическое описаніе, съ краткимъ географическимъ и историческимъ описаніемъ Малая Россія», и наконецъ въ 1853 «Сокращенныя хронологическія таблицы», составленныя П. В. Хавскимъ.

По части Библиографіи равнымъ образомъ осталось нѣсколько ученыхъ трудовъ Берединова. Преимущественно занимаясь Археографіею, онъ, по своей замѣчательной впечатлительности, не желалъ и не могъ отстать отъ современныхъ успѣховъ литературы. Въ 1843 году нѣтъ представляема была Отдѣленію систематическая роспись Русскихъ книгъ и брошюръ, вышедшихъ въ свѣтъ въ 1842 году. И послѣ онъ нѣсколько времени обрадалъ вниманіе на эту отрасль вѣдѣній.

Изъ произведеній духовныхъ Ораторовъ наши нынѣшняго времени онъ признавалъ Проповѣди и Рѣчи Высокопреосвященнаго Филарета, Митрополита Московскаго, совершеннѣйшими образцами краснорѣчія какъ по глубинѣ и силѣ мыслей, такъ и по неподражаемой выразительности языка. Съ любовью и неизмѣннымъ вниманіемъ слѣдуя за появленіемъ каждаго изъ нихъ, онъ, начиная съ 1846 года, вносилъ ежегодно въ Отдѣленіе библиографическій обзоръ новыхъ сочиненій знаменитаго Оратора.

XVI.

Лежавшая на немъ обязанность Библиотекаря Академіи не менѣе того открывала ему случаи, благопріятные для ученыхъ трудовъ. Въ 1845 году онъ принялъ отъ Академика К. М. Бера одну портфель Записокъ исторіографа Миллера, заключающую въ себѣ старинные Акты Якутскаго Архива. Разобравши ихъ, онъ оцѣнилъ вполнѣ достоинство новооткрытыхъ матеріаловъ отечественной Исторіи и напечаталъ ихъ во второмъ томѣ «Дополненій къ Актамъ Историческимъ». Этому обстоятельству мы обязаны, что дошли до насъ, въ числѣ многихъ другихъ, слѣдующіе Акты съ 1640 года по 1645 включительно: 1. Отписка Ленскихъ Воеводъ Петра Головина съ товарищами о пріѣздѣ ихъ на Ленской волокъ и о сдѣланныхъ ими распоряженіяхъ по сбору ясака и другимъ предметамъ; 2. Распросныя рѣчи Енисейскаго служиваго человека Прокопья Козлова, бывшаго въ посылкѣ на рѣкѣ Ленѣ и на Байкалѣ для ясакаго сбора и открытія новыхъ земель; 3. Дѣздная память письменнаго Головы Еналѣ Бахтеярова съ товарищами о досмотрѣ солянныхъ источниковъ въ прибрежьяхъ рѣки Илимъ; 4. Отписка Ленскихъ Воеводъ Петра Головина и Матвея Глѣбова съ распросными рѣчами Енисейскихъ служивыхъ людей Постника Иванова и Прокопья Лазарева, бывшихъ на рѣкахъ Индигиркѣ и Янгѣ для ясакаго сбора и открытія новыхъ земель; 5. Росписаніе рѣкъ а) отъ Енисейска до Ленской переклади и б) выходящихъ отъ рѣки Куты до Ленскихъ верховьевъ и проч.; 6) Отписка Ленскаго Воеводы Петра Головина съ товарищами объ осмотрѣ мѣсть, удобныхъ подъ пашни и сѣнокосы по рѣкѣ Ленѣ; 7. Отписка служиваго человека Василья Власова съ товарищами Ленскимъ Воеводамъ Петру Головину и Матвѣю Глѣбову о походѣ ихъ вверхъ по Ленѣ въ Братскую землю и о приведеніи въ покорность тамошнихъ Братскихъ людей и Тунгусовъ; 8. Отписка Ленскихъ Воеводъ Петра Головина и Матвея Глѣбова относи-

тельно поселенія пашенныхъ крестьянъ на рѣкахъ Ленѣ, Кутѣ и Илимѣ; 9. Распросныя рѣчи сына Боярскаго Вонна Шахова о Вилюѣ рѣкѣ и о кочующихъ по ней Якутахъ и Тунгусахъ; 10. Отписка пятидесятника Мартына Васильева съ товарищами Ленскимъ Воеводѣмъ Петру Головину и Матвѣю Глѣбову о походѣ ихъ къ верховьямъ Лены и о построитѣ острога близъ устья рѣки Куленчи; 11. Наказная память Ленскимъ Воеводѣ Петра Головина и Матвея Глѣбова служивымъ людямъ Максиму Телицыну съ товарищами, отправленнымъ на рѣку Юганду для ясачнаго сбора съ инородцевъ и открытія новыхъ земель; 12. Отписка Ленскимъ Воеводѣ Петра Головина и Матвея Глѣбова о прискахъ служивыми людьми новыхъ земель по рѣкамъ Витиму, Цыпирю и проч. и о слухахъ про инородцевъ, обитающихъ по Шилкѣ на границѣ Китайскаго государства; 13. Распросныя рѣчи служивыхъ людей Осипа Феодорова, Кирила Никонова и Якова Кулебякина о построеніи острожка на Ленѣ близъ рѣки Куленги и о приведеніи въ подданство и положеніи въ асакъ тамошнихъ инородцевъ; 14. Наказная память десятнику Елисею Бузѣ, отправленному на рѣку Индигирку для открытія рѣки Нероги, впадающей въ Сѣверный Океанъ; 15. Наказная память Ленскимъ Воеводѣ служивымъ людямъ, отправленнымъ на рѣку Оленокъ для приска новыхъ земель и приведенія въ подданство тамошнихъ инородцевъ; 16. Наказъ Ленскимъ или Якутскимъ Воеводѣмъ Василью Пушкину и Кириллу Супонову и дьяку Петру Стеншину объ управленіи тамошнимъ краемъ, и 17. Грамота Ленскимъ Воеводѣмъ Василью Пушкину и Кириллу Супонову объ освобожденіи изъ тюремъ воеводскаго товарища Матвея Глѣбова, дьяка Ефима Филатова, также иъ которыхъ священнослужителей и другихъ лицъ, заключенныхъ подъ стражу прежнимъ Воеводою Петромъ Головинимъ, и о произведеніи о томъ розысканія, и распросныя рѣчи атамана Никифора Галкина и другихъ лицъ по сему же дѣлу.

По однимъ оглавленіямъ этихъ Актовъ можно судить, сколько вносятъ они свѣта въ административныя и судебныя дѣла государственнаго Царя Михаила Феодоровича. Надобно лицезрѣ къ лицу увидѣть людей, вслушаться въ ихъ языкъ, понять ихъ положеніе и по исполненію оцѣнить предпріятія ихъ, чтобы судить основательно объ известной эпохѣ. Такихъ-то пособіи и снабжаютъ насъ изданія, въ которыхъ главное участіе принималъ Берединковъ. Появленіе въ печати Актовъ Якутскаго Архива побудило Археографическую Коммиссію приняться и за остальные портфели Миллера, которыхъ оказалось еще

тридцать три. Изъ нихъ извлеченія печатались и послѣ въ «Дополненіяхъ къ Актамъ Историческимъ».

XVII.

Разбирая другія рукописи Академіи, Берединковъ обратилъ вниманіе на любопытнѣйшія ея событія, и въ 1849 году прочиталъ въ Отдѣленіи занимательную часть новаго своего труда, подъ названіемъ: «Отрывки изъ Исторіи Санктпетербургской Академіи Наукъ». Въ послѣдствіи времени ему удалось тамъ напасть на подробности столь знаменитаго дѣла о «Сравнительномъ Словарѣ», предпріятомъ Императрицею Екатериною II. Берединковъ въ Извѣстіяхъ Отдѣленія 1853 года наночеталъ по этому случаю разсказъ: «Объ участіи Бакмейстера въ составленіи Сравнительнаго Словара».

Отдѣленіе, со второй половины 1851 года, по предложенію своего Предсѣдательствующаго, обратилось къ мысли составить «Словарь Русскаго языка» безъ примѣса къ нему словъ Церковно-Славянскихъ и старинныхъ Русскихъ, не встрѣчающихся у позднѣйшихъ писателей. Берединковъ былъ изъ числа тѣхъ Членовъ Отдѣленія, которые живѣе прочихъ принялись за поддержаніе этой мысли. Онъ до конца жизни носилъ въ душѣ юношескій жаръ и невольно увлекался даже мнимымъ успѣхомъ всякаго новаго предпріятія: такъ мысль его искала повсюду новаго совершенства. По этому поводу, въ 1853 году, онъ внесъ въ Отдѣленіе: «Замѣчанія о новомъ изданіи Словара Русскаго языка», которыя тогда же напечатаны были въ «Извѣстіяхъ Отдѣленія».

Въ числѣ необоженныхъ трудовъ Берединкова остаются слѣдующіе: 1. Седьмой томъ «Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей», который онъ началъ уже печатать и безъ сомнѣнія въ нынѣшнемъ году кончилъ бы, если бы болѣзнь и послѣдовавшая за нею кончина не остановили его занятій; (напечатанные имъ тринадцать листовъ содержатъ въ себѣ Воскресенскую Лѣтопись съ 1075 по 1196 годъ; при изданіи этой Лѣтописи онъ пользовался, кромѣ Воскресенскаго списка, принадлежащаго Императорской Академіи Наукъ, списками Алатырскимъ, Карамзинскимъ и Архивскимъ; въ то же время, вмѣстѣ съ Академикомъ М. А. Коркуновымъ, онъ трудился надъ изданіемъ VI тома Дополненій къ Актамъ Историческимъ); 2. Исторія Тихвина, сочиненіе, судя по началу и количеству собранныхъ для него матеріаловъ, достойное особеннаго вниманія; 3. Жизнеописаніе Митрополита Макарія, равнымъ образомъ обѣщавшее особенную занимательность; 4. Разборъ

Карамзина «Исторіи Государства Россійскаго» со стороны фактической; 5. Продолженіе «Отрывковъ изъ Исторіи Санктпетербургской Академіи Наукъ», и 6. Объ элементахъ нѣвѣшняго Русскаго языка, изслѣдованіе, (въ предположеніи) обстоятельнѣе и полнѣе напечатаннаго.

Такимъ образомъ всѣ двадцать четыре года, въ продолженіе которыхъ онъ дѣйствовалъ какъ Членъ Археографической Комиссіи и Академикъ, представляютъ какъ бы безостановочное свершеніе одной любимой мысли. Гдѣ ни былъ онъ, чѣмъ ни наполнялъ свое время, главная, сердечная забота — одна. Въ тихомъ своемъ кабинетѣ, или въ собраніяхъ Академіи, въ дальнихъ путешествіяхъ, или въ тѣсномъ кругу семейномъ, въ Петербургѣ, средоточіи должностей его и связанныхъ съ ними безпокойствъ, или подъ кровомъ короткаго отдохновенія лѣтняго въ Тихвинѣ, либо въ Павловскѣ — онъ постоянно думалъ объ отечественной Исторіи, и разнымъ ея отраслямъ посвящалъ неутомимую свою дѣятельность.

ЖУИИ.

Отъ природы Беренниковъ не былъ надѣленъ крѣпкимъ сложеніемъ и вѣрнымъ здоровьемъ. Восприимчивость души и особенная живость характера, доходившая иногда до раздражительности, не могли способствовать къ сохраненію физическихъ силъ его. Но такъ животворны блага, доставляемыя намъ первоначальною простотою жизни и послѣдующею за тѣмъ умеренностію въ желаніяхъ, что этотъ явно расслабленный труженикъ до шестидесяти лѣтъ находилъ въ себѣ силы противоборствовать тѣлеснымъ недугамъ, и не усомнился съ рѣшительностію приступить къ совершенію тяжелыхъ трудовъ для пользы общей. Беренниковъ никогда ни на что не жаловался. Всю жизнь свою провелъ онъ въ бѣдности, не замѣчая того. Его счастливое расположеніе духа не возмущалось ни отъ какихъ обстоятельствъ, по видимому неблагоприятствовавшихъ его выгодамъ. Въ своей семьѣ находилъ онъ все, въ чемъ нуждался умъ его по окончаніи должностныхъ работъ. Еще въ Тихвинѣ, передъ поѣздкою въ археографическое путешествіе, онъ женился. Господь Богъ послалъ ему въ усладу жизни дочь и сына. Такимъ образомъ для него чужое общество сдѣлалось почти излишнимъ. Въ свое приносилъ онъ всякую замѣтку ежедневныхъ наблюденій, всякую новую радость и всякое огорченіе. Тамъ до малѣйшей подробности знали, чѣмъ онъ утѣшенъ, кто ему пришелся по сердцу, въ чемъ онъ разочарованъ и куда готовы направиться

его надежды. Своимъ примѣромъ и наставленіями своими онъ привилъ къ дѣтямъ своимъ всѣ лучшія качества ума своего и сердца. Успѣхи ихъ образованія радуютъ всѣхъ, кто знаетъ это смиренное семейство. Въ послѣдніе годы жизни отца дѣти научились не только тому, что имъ необходимо, но уже помогали ему въ нѣкоторыхъ трудахъ его. Самые же сладостные для него часы проходили въ чтеніи съ ними тѣхъ писателей, Русскихъ и иностранныхъ, которые наполняютъ душу священными для человѣчества истинами и высокими красотою поэзіи.

Если бы послѣднее лѣто онъ рѣшился, какъ это часто дѣлалъ прежде, провести въ Тихвинѣ, и вкусилъ бы тамъ цѣлебную сладость совершеннаго успокоенія отъ заботъ и трудовъ, вѣроятно здоровье его не измѣнилось бы ему такъ неожиданно и быстро. Онъ занемогъ еще лѣтомъ на дачѣ въ Павловскѣ. Переездъ оттуда по желѣзной дорогѣ при началѣ сырой и холодной осени губительно подѣйствовалъ на разстроенный организмъ его. Здѣсь, въ городѣ, онъ уже не вставалъ съ одра болѣзни. Грустно и тяжело было предчувствовать ему приближеніе конца всѣхъ любимыхъ начинаній, конца тѣхъ нѣжныхъ узъ, которыми онъ соединенъ былъ съ своимъ семействомъ. Но и въ послѣднія минуты не измѣнилъ онъ чистымъ, Христіанскимъ убѣжденіемъ. Умирая, онъ не жаловался, не ропталъ, не отчаявался въ судьбѣ милыхъ его сердцу. «Богъ не покинетъ васъ!» сказалъ онъ, обращаясь къ нимъ съ послѣднимъ утѣщеніемъ.

28 Сентября, за полчаса до полуночи, не стало Беренникова. Онъ завѣщалъ похоронить себя въ Тихвинѣ. 2 Октября тѣло его отпѣто было въ Соборѣ св. Апостола Андрея на Васильевскомъ Острову, и отправлено на родину покойника. Всеобщее сознаніе дѣйствительныхъ его заслугъ Наукъ и той пользы, которая будетъ еще возрастать въ отечествѣ при дальнѣйшемъ обработываніи Исторіи, отрадно выразилось надъ гробомъ безотвѣтнаго труженика: послѣднюю дань уваженія и участія изъявили ему всѣ, кто только зналъ и могъ цѣнить его труды. При отпѣваніи тѣла присутствовали: Министръ Народнаго Просвѣщенія, Члены Академіи Наукъ, Археографической Комиссіи и здѣшняго Университета, Литераторы и вообще Ученые. Въ этомъ единодушномъ, утѣнительномъ слияніи чувствъ и мыслей нельзя не признать великаго еще значенія чести, достоинства и общественной пользы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ.

НОВЫЯ КНИГИ.

— Древности Россійскаго Государства, изданныя по Высочайшему повелѣнію. М. 1849—1853 (шесть большихъ тетрадей рисунковъ въ листъ и шесть тетрадей текста—4^о: XLIII + 175, XIV + 119, XXIII + 152, 87, XX + 108, 110).

Въ Извѣстіяхъ было уже сказано о первыхъ тетрадяхъ этого превосходнаго изданія. Теперь, по выходѣ всѣхъ предполагаемыхъ рисунковъ и объясненій, представляемъ читателямъ общій обзоръ всѣхъ шести тетрадей, какъ одного изъ драгоцѣннѣйшихъ достояній современной Русской науки и искусства.

Воспользуемся для этого словами Предисловія къ 1-й тетради описанія:

«Мысль объ образованіи отечественнаго хранилища древностей принадлежитъ Императору Александру: по Его повелѣнію основана Оружейная палата для помѣщенія и охраненія остатковъ древней Царской Большой Казны, которая нѣкогда приводила въ изумленіе пословъ Европейскихъ горами золота, жемчуга и драгоцѣнныхъ камней въ одеждахъ и утварахъ царскихъ. Но кромѣ этого богатства, сокровища древности разсыяны были по всей Россіи, въ ризницахъ храмовъ и монастырей въ развалинахъ, въ забвеніи, подъ спудомъ новой жизни, истребляясь, истлѣвая и постепенно теряя свое значеніе въ преданіяхъ. Время охраненія памятниковъ Россіи настало со вступленіемъ на престолъ и всеобъемлющею заботливостію благополучно царствующаго Государя Императора Николая Павловича. — Повелѣвая свято хранить памятники и остатки древностей Русскихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ Государь Императоръ соизволилъ, что бы все, что заслуживаетъ вниманіе и составляетъ матеріалъ исторіи или предметъ археологической любознательности ученыхъ и художниковъ, было срисовано со всей отчетливостію, списано и издано въ свѣтъ. Исполненіе этого Высочайши возложено было на г. Превидента Академіи Художествъ Д. Т. Сов. Оленина, а изображеніе памятниковъ Русской старины поручено г. Академику Солнцеву. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ г. Солнцевъ срисовалъ значительное количество Русскихъ древностей — храмовыхъ, великокняжескихъ и царскихъ, ратныхъ и вообще напоминающихъ старину Русскаго быта и зодчества. Начатыя опыты изданія рисунковъ прерваны были смертію г. Превидента. Тогда Государь Императоръ соблагволилъ принять подъ личную заботу собраніе рисунковъ древностей, и повелѣлъ учредить въ Москвѣ Комитетъ изданія древностей Россійскаго Государства... Этотъ Комитетъ распорядился о составленіи новаго проекта изданія и опыта о возможности печатанія

акварельныхъ рисунковъ г. Солнцева посредствомъ литохромін или печатанія масляными красками, въ Москвѣ».

Въ концѣ 1848 года Комитетъ приступилъ къ изданію рисунковъ, числомъ 500 и ихъ описаній, и въ теченіи пяти лѣтъ окончилъ предполагаемое, съ тѣмъ достоинствомъ въ исполненіи, какого нельзя было не ожидать отъ Членовъ Комитета, извѣстныхъ своей любовью ко всему Русскому — графа С. А. Строганова, М. Н. Загоскина, Н. М. Снегирева и А. О. Вельтмана.

Все, до сихъ поръ изданное, раздѣлено на шесть Отдѣленій:

- I. Св. Иконы, кресты, утварь храмовая и облаченіе сана духовнаго.
- II. Древній чинъ царскій, царскія утвари и одежды.
- III. Броня, оружіе, кареты*и конская сбруя.
- IV. Древнія великокняжескія, царскія, боярскія и народныя одежды, изображенія и портреты.
- V. Древняя столовая и домашняя утварь.
- VI. Памятники древняго Русскаго зодчества.

Нечего говорить о художественномъ исполненіи рисунковъ: оно вполне достойно своего высокаго назначенія. Съ достоинствомъ рисунковъ сообразно и описаніе предметовъ, на рисункахъ изображенныхъ: оно не только подробно и отчетливо, но и богато самыми разнообразными напоминаніями о древнемъ и особенно старинномъ бытѣ Руси, напоминаніями, отчасти извлеченными изъ неизвѣстныхъ рукописей и рѣдкихъ книгъ. По всему этому историкъ и археологъ не могутъ не дорожить имъ какъ важнымъ, ничѣмъ незамѣнимымъ пособіемъ. Передъ частнымъ описаніемъ вещей въ нѣсколькихъ тетрадяхъ помѣщены общія введенія. Такъ въ 1-й тетради помѣщено «Введеніе къ описанію художественныхъ памятниковъ церковной древности; во 2-й — Введеніе къ описанію древняго чина царскаго, царскихъ утварей и одежды»; въ 3-ей — «Введеніе о Русской древней бронѣ и оружіи»; въ 5-й — «Введеніе о столовой и домашней утвари».

Переглядывая рисунки и описанія этого великолѣпнаго изданія отечественныхъ древностей, невольно пробуждается мысль надежды, что не только оно будетъ продолжаемо (потому что все изданное составляетъ только первый отдѣлъ), но что ранѣе или позже предпринято будетъ и другое изданіе, болѣе доступное большинству читателей.

— Историческое обозрѣніе царствованія Алексѣя Михайловича. Сочиненіе А. Медовикова. М. 1854. (8^о: 256).

Этотъ новый опытъ исторической дѣятельности г. Медовикова, занимательный и по предмету и по изложенію, къ сожалѣнію, не въ такой мѣрѣ подробенъ, въ какой бы заслуживалъ нѣкъ мудраго возстановителя внутренняго и вѣшняго величія Россіи, предуготовившаго поприще для

Петра Великаго. Особенно можно бы желать болѣе подробностей въ главахъ X (законодательство) и XI (образование); въ XI главѣ были бы между прочимъ уместны подробности объ успѣхахъ училищъ и еще болѣе объ успѣхахъ литературы.

— Микулинская летопись, составленная по древнимъ актамъ отъ 1354 до 1678 г. М. 1854 (8°: 79 и чертежъ).

На мѣстѣ прежняго Микулина, когда то бывшаго главнымъ городомъ Микулинскаго княженія, стоитъ теперь село Микулино-городище (въ Старицкомъ уѣздѣ Тверской губерніи, на р. Шошѣ); въ немъ впрочемъ и теперь есть земляной валъ, которымъ окруженъ былъ прежде дѣтинецъ, а мѣсто при выѣздѣ на Волоколамскую дорогу называется еще Пригородомъ. Микулинъ упоминается въ летописяхъ со второй половины XIV вѣка (Арцыбышева, Повѣствованіе о Россіи, III, стр. 112), и уже заключалъ въ себѣ тогда два монастыря. Нынѣ названная Лѣтопись Микулина доходить до послѣдней трети XVII вѣка. Древнѣйшая изъ помѣщенныхъ въ ней грамотъ относится къ 1361 году и хранится въ Тверскомъ Отроцѣ монастырѣ. Кромѣ этой грамоты, замѣчательной по древности, хоть къ сожалѣнію напечатанной въ подпольномъ видѣ (такъ-же какъ и въ Актахъ Археографической экспедиціи, Т. I, стр. 2), есть и нѣсколько другихъ любопытныхъ актовъ.

— Временникъ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Книга XX-я. М. 1854 (8°: 56 + 92 + 156 + 56 + 14).

XX-я книга Временника обогатила Русскую исторію въ отдѣлѣ Исслѣдованій тремя новыми важными вкладками: жизнеописаніемъ Филоея Лептинскаго митрополита Сибирскаго и Тобольскаго (род. 1650, умеръ 1726), составленнымъ свѣщ. Суложницъ, разсужденіемъ Проф. В. Н. Ломоносова о Русской правдѣ въ отношеніи къ благоустройству, и историческимъ очеркомъ И. Д. Буллова о Скородохахъ. Въ Матеріалахъ помѣщенъ Списокъ съ приказныхъ дѣлъ Спасо-Прилудскаго монастыря старцаго М. Жданова (1696—1698 гг.): въ этомъ списокѣ заключаются два вотчинныя дѣла о полусельцѣ Погодоевъ и о пустоши Чортовѣ; изъ нихъ одно, окончившееся въ 1644 году показываетъ порядокъ дѣлопроизводства по законамъ древнимъ, а второе, окончившееся въ 1696 году, представляетъ порядокъ введенный уложеніемъ. Въ Спискѣ напечатаны разные акты и выписки XVI и XVII в. Въ концѣ книги приложенъ Указатель историческихъ статей и матеріаловъ, помѣщенныхъ въ Губернскихъ вѣдомостяхъ 1853 года. Имѣя въ виду, что Губернскія вѣдомости въ очень немногихъ библиотекахъ находятся всѣ безъ исключенія, и что съ каждымъ годомъ ихъ масса возрастаетъ десятками томовъ, въ которыхъ трудно и будетъ все труднѣе донскиваться того, что можетъ быть нужно, а бы полагаемъ, что Указатель къ нимъ

долженъ быть не краткій (каковъ этотъ), а сколько возможно болѣе подробный, съ означеніемъ содержанія статей и съ выписками изъ нихъ (въ томъ родѣ, какъ повременно печатается въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, или даже полнѣе), такъ что бы можно было обходиться даже и безъ подлинныхъ Вѣдомостей.

— Указатель къ официальной части повременныхъ изданій Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1303—1853 годы. СПб. 1854 (8°: 187).

Министерство Народнаго Просвѣщенія съ самаго начала своего учрежденія издавало повременныя изданія «для повсемѣстнаго извѣстія о успѣхахъ народнаго просвѣщенія»: — съ 1803 по 1817 — Периодическое Сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія (44 книжки); — съ 1821 по 1823 — Журналъ Департамента Народнаго Просвѣщенія (9 частей); — съ 1823 по 1828 — Записки Департамента Народнаго Просвѣщенія (3 книги); — съ 1834 года издается — Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія (до 1854 года 80 частей).

Хотя, какъ видно, въ 1818—1820, въ 1824, въ 1829—1833 не было издаваемо отъ Министерства никакого повременнаго изданія; но состоявшіяся въ эти промежутки постановленія и распоряженія не остались напечатанными: они помѣщены или въ помѣненныхъ изданіяхъ нозже, или въ особенномъ Собраніи постановленій по М. Н. Пр. (1833 г.). Такимъ образомъ въ составленный нынѣ Указатель могли войти всѣ важныя распоряженія Правительства касательно народнаго просвѣщенія. Легко понять, какъ важенъ этотъ Указатель, какъ пособіе для подробнаго изученія исторіи просвѣщенія Россіи въ минувшую половину XIX вѣка.

— Практическая Русская Грамматика П. Перевлѣскаго. Часть I. Начала грамматикъ. СПб. 1854 (12°: XIV + 263).

Новый трудъ г. Перевлѣскаго, вѣрно идущаго по избранной колѣѣ убѣжденія о необходимости сколько можно болѣе упрощать изученіе отечественнаго языка и словесности, замѣчательенъ не только какъ опытъ грамматикъ, но и какъ сборникъ образцовъ языка и слога изъ лучшихъ Русскихъ писателей. Было бы лучше, можетъ быть, если бы эта книжка, въ изложеніи законовъ языка была написана языкомъ болѣе доступнымъ для дѣтей, начинающихъ учиться языку; впрочемъ понятія о доступности языка очень различны, а учащіеся дѣти, по своей природной воспримчивости, легко усваиваютъ себѣ все, что преподается любимымъ учителемъ, каковы бы ни были приемы его изложенія и выраженія.

— Piśmiennictwo Polskie od czasów najdawniejszych aż do roku 1830, z rękopisów i druków zebrany, w obrazie literatury Polskiej historycznie ujętym przed-

stawii W. A. Maciejowski. Warsz. 1851—1853. Три тома (8^о VIII—+ 813, II + 986, 876—+403—+XXIV—+ V и шесть чертежей).

Довольно скоро по выходѣ первыхъ тетрадей этого важнаго сочиненія г. Мацѣевскаго читателямъ Извѣстій было сообщено о немъ краткое сужденіе (Изв. I. 118—119). Теперь, имѣя подѣ руками все сочиненіе сполна, можемъ представить общій обзоръ его содержанія и сказать нѣсколько словъ о его достоинствахъ.

Всѣ три тома, доселѣ вышедшіе, обвиняютъ своимъ содержаніемъ только древности и старинную литературу до половины XVII вѣка. Въ первыхъ двухъ заключаются въ двойномъ систематическомъ порядкѣ историко-критическія наблюденія и соображенія автора о народной образованности, народной словесности и литературѣ Поляковъ въ продолженіе набраннаго времени; а въ третьемъ библиографическія дополненія.

Въ слѣдъ за общимъ вступленіемъ, въ первомъ томѣ авторъ подробнѣе останавливается 1) на памятникахъ народной словесности, памятныхъ народу большею частію и донынѣ, соединяя преданія въ одно цѣлое съ пословицами, пѣснями, клякдами;—2) на рукописныхъ и старопечатныхъ остаткахъ Польской литературы до 1550 г.;—3) на каждомъ изъ замѣчательныхъ писателей 1550—1650 г., представляя сужденія о жизни и трудахъ cadaго.

Второй томъ заключаетъ обзорѣніе того же времени, но съ другихъ точекъ зрѣнія. Въ немъ авторъ представляетъ историческое обзорѣніе—1) училищъ, успѣховъ наукъ и развитія литературной дѣятельности;—2) языка и слога вообще;—3) поэзіи и стихотворства;—4) прозаической литературы (по предметамъ), и оканчиваетъ замѣчаніями о значеніи литературы въ Польшѣ, прибавя къ нимъ и замѣчанія о пособіяхъ для ея изученія.

Томъ третій, раздѣленный на два отдѣленія, весь состоитъ изъ библиографическихъ данныхъ: въ первомъ отдѣленіи заключается библиографическій перечень книгъ, изданныхъ въ 1550—1650; а во второмъ—выписки изъ древнихъ рукописей и старопечатныхъ книгъ.

Желаніе соединить въ одно цѣлое общія соображенія съ подробностями, на сколько нибудь любопытными, были причиною, что почтенный изыскатель не все представилъ въ своемъ трудѣ въ такомъ осязательномъ порядкѣ, какого бы можно было ожидать, судя даже по самому плану сочиненія; но этотъ виѣшній недостатокъ выкупается обиліемъ данныхъ, на которыя доселѣ или мало или и совсѣмъ не было обращено вниманія, и немалымъ обиліемъ замѣчаній, высказывающихъ необыкновенную начитанность автора и всюду себѣ вѣрную особенность взглядовъ его, очень важныхъ для изученія не только языка и литературы Польской, но и вообще Славянской. Какъ болѣе любо-

пытныя части этого труда отмѣтить можно: изслѣдованія о древнихъ памятникахъ и особенностяхъ Польскаго языка (I: стр. 279 и слѣд., II: стр. 254—349), біографіи писателей (I: стр. 392 и слѣд.), очеркъ учено-литературной дѣятельности (II: стр. 76—180, 640—822).

Трудъ В. А. Мацѣевскаго возбуждаетъ невольныя воспоминанія о нашей отечественной литературѣ и ея исторіи. Почему бы, казалось, и намъ не имѣть такого произведенія, въ которомъ бы и языкъ Русскій съ его развитіемъ въ народѣ и письменности, и народная словесность, и дѣятельность литературная X—XVII вѣка представлены были въ очеркѣ, столько же цѣльнымъ по мысли, сколько и богатымъ подробностями? А между тѣмъ пока только одинъ Академикъ С. П. Шевыревъ попытался представить такой очеркъ въ своихъ чтеніяхъ (Исторіи Русской Словесности, преимущественно древней. 2 части. М. 1846), и до сихъ поръ не окончилъ своего многословаго труда. Мѣшаетъ ли такимъ трудамъ недостатокъ сочувствія? Едва ли. Или же недостатокъ людей, которые были бы готовы взяться за такой трудъ? Опять, едва ли. Такъ, можетъ быть, нерѣшимость нашихъ ученыхъ? Она, вѣроятно, всего болѣе; но не та нерѣшимость, которая мѣшаетъ всякому труду, каковъ бы онъ ни былъ; а то благородная, великодушная нерѣшимость, которая не можетъ легкомысленно допустить самонадѣянности тамъ, гдѣ всякое желаніе трудиться, всякое самоотверженіе въ трудѣ по неволѣ уводитъ труженика отъ общихъ соображеній къ подробностямъ изысканій, и на нихъ останавливаетъ его тѣмъ долѣе, чѣмъ болѣе онъ знакомится съ ними. Чтѣ ваши ученые, и опытные и молодые, трудятся и умѣютъ трудиться, на это не нужно доказательствъ тому, кто слѣдитъ за современной Русской историко-филологической литературой;—и тружениковъ не мало. А между тѣмъ все еще раскрываются новые вопросы и еще болѣе новыя данныя. Значитъ, есть что разрабатывать. Значитъ, наша древняя и старинная письменность не безъ богатствъ, все болѣе вскрывающихся. Къ этому выводу можно принести даже предположительно, соображая количество трудовъ предпринятыхъ и предпринимаемыхъ; а въ этомъ выводѣ и отвѣтъ на вопросъ: почему у насъ нѣтъ еще ни одного оконченнаго подробнаго очерка исторіи Русской литературы? Никто не хочетъ сдѣлать какъ нибудь; а чтобы сдѣлать не какъ нибудь, надобно овладѣть громадами фактовъ, гдѣ многое не только неопцѣнено, но даже и неизвѣстно. Тутъ нельзя не порадоваться направленію, которое мало по малу сдѣлалось почти исключительно господствующимъ: никто не хочетъ быть изслѣдователемъ чисто литературнымъ, всякімъ признаетъ нужду быть филологомъ. Это направленіе приведетъ къ цѣли медленно, но приведетъ къ самой цѣли, а не къ какому нибудь призраку. Съ такимъ убѣжденіемъ трудится и нашъ соченъ С. П. Шевыревъ, а

за нимъ и десятки другихъ, менѣе или болѣе счастливыхъ дѣятелей.

— Хрестоматія Церковно-Словенская и Древне-Русская въ пользу Учениковъ Вышшюи Гимназіи въ Цѣс. Кор. Австрійской державѣ. Составилъ *А. Головацкій*, п. о. профессоръ Русскаго языка и словесности Русской въ ц. К. Львовскомъ университетѣ. Въ Вѣдѣ. 1854 (8^о: 358 стр.).

Эта новость, о которой бы можно было вспомнить только мимоходомъ, если бы она явилась на коренной почвѣ Русской, по неволѣ останавливаетъ на себѣ вниманіе какъ книга, которой появленіе въ Вѣдѣ, или гдѣ бы то ни было на западѣ, за немного глѣть можно было бы считать почти совершенно невозможнымъ. Что такая хрестоматія не была бы явленіемъ важнымъ у насъ, этому доказательствомъ служатъ многіе сборники, издававшіеся у насъ довольно часто. Уже въ 1822 нашъ заслуженный дѣятель на поприщѣ Русской филологіи Н. И. Грець при своемъ Опытѣ краткой исторіи Русской литературы издалъ «Образцы Славянскаго и Русскаго языковъ разныхъ временъ» (стр. 349 — 383). Немного спустя явился и другой сборникъ — «Славянская хрестоматія или избранныя мѣста изъ произведеній древняго отечественнаго нарѣчія» (СПб. 1828. 8^о: XXXII+566): этотъ сборникъ, трудъ И. С. Пенинскаго, извѣстнаго сократителя Славянской грамматики Добровскаго, представилъ въ себѣ разнообразный выборъ изъ памятниковъ древнихъ и старинныхъ, Церковно-Славянскихъ и Русскихъ, приуроченный къ нуждамъ учащихся (въ ней есть и подстрочныя объясненія и словарь), и былъ такъ хорошо принятъ, что въ теченіи двадцати лѣтъ изданъ былъ пять разъ. Въ пятомъ изданіи (СПб. 1840. 8^о: VII+427) сдѣлано было такъ много перемѣвъ, исправленій и дополненій, что эта книга можетъ быть съ пользою употребляема, какъ вспомогательное пособіе для изученія древняго и стариннаго языка Русской письменности. Почти въ одно время съ пятымъ изданіемъ сборника г. Пенинскаго вышелъ новый сборникъ г. Галахова, извѣстнаго составителя Русской хрестоматіи — Историческая хрестоматія Церковно-Славянскаго и Русскаго языка. Томъ I: отъ начала Славяно-Русской письменности до Петра I. (М. 1848. 8^о: LXI+591). Этотъ обширный сборникъ, хоть и не вполне примѣненный къ нуждамъ учащихся самоучкой (въ немъ нѣтъ ни объясненій, ни словаря), по полнотѣ и разнообразію содержанія лучшій изъ доселѣ изданныхъ, такъ богатъ выписками, большею частію удачно выбранными, что можетъ удовлетворить только самымъ прихотливымъ требованіямъ. Сборники гг. Пенинскаго и Галахова, конечно, могутъ быть улучшаемы, но уже почти исключительно во внѣшнемъ исполненіи, т. е. болѣе всего въ отношеніи къ стройности правописанія — отдѣльнаго для Старославянскаго нарѣчія, отдѣльнаго для древняго Русскаго, отдѣльнаго для

Русскаго стариннаго, восточнаго и западнаго, отдѣльнаго для литературнаго языка конца XVII вѣка, и т. д. Этого бы и потребовать должно было отъ новаго сборника, изданнаго г. Головацкимъ, если бы онъ былъ новымъ звеномъ въ числѣ общихъ Русскихъ работъ на учебномъ поприщѣ. Не въ такомъ свѣтѣ представляется книга, составленная г. Головацкимъ въ Вѣдѣ и изданная на издженіи Австрійскаго правительства: она любопытна, какъ явленіе въ своемъ родѣ, можно сказать, неожиданное, удивительное, странное, и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятное. Кому изъ Русскихъ не будетъ пріятно подумать, что само Правительство Австрійское, поощряя изученіе Русскаго языка въ юномъ поколѣніи своихъ подданныхъ, издаетъ для этого вспомогательное пособіе. Тутъ встаетъ сказать, что изданная книга есть только первый томъ Русской Хрестоматіи, что слѣдовательно изданъ будетъ и второй томъ, въ которомъ собраны будутъ образцы новаго Русскаго языка. Припоминая, что Русскія книги въ Австрійской имперіи все еще рѣдкость, иногда добываемая чуть не на вѣсь золота, что ни одинъ изъ любителей Русскаго языка не бывалъ еще тамъ въ состояніи составить себѣ порядочное собраніе Русскихъ писателей, нельзя не порадоваться появленію сборника образцовъ, который хотя въ нѣкоторой степени можетъ познакомить съ богатствами нашей литературы, все еще нами не очень цѣнимой (потому что мы требуемъ отъ себя все большаго и лучшаго), а уже въ самомъ дѣлѣ богатой и разнообразной. — Нынѣ изданный томъ составленъ изъ разныхъ отрывковъ, раздѣленныхъ по языку на два отдѣленія. Первое отдѣленіе (стр. 1 — 53) заключаетъ въ себѣ выписки изъ памятниковъ Старославянскихъ, — изъ древняго, стариннаго и обновленнаго перевода Св. Писанія, изъ Святославовыхъ сборниковъ 1073 г. и 1076 г. и изъ твореній Іоанна Экзарха Болгарскаго. Во второмъ отдѣленіи (стр. 57 — 320) помѣщены статьи Древне-Русскія — два Договора съ Греками, выписки изъ произведеній древнихъ Русскихъ проповѣдниковъ, отрывки изъ хронографовъ, лѣтописей, житій святыхъ, изъ памятниковъ законодательства, изъ путевыхъ записокъ, Поученіе Владимира мономаха, Слово Данила Заточника, Слово о полку Игоревомъ, выборъ грамотъ XII—XIV вѣка. Почти все это есть въ хрестоматіяхъ, у насъ изданныхъ; но г. Головацкій выбиралъ не изъ хрестоматій, а изъ отдѣльныхъ изданій, пользуясь болѣе всего трудами Археографической Комиссіи. Все избранное перепечатано довольно вѣрно съ тѣхъ книгъ, которыя были подъ руками у редактора, съ означеніемъ откуда что взято, совѣстно, хоть и безъ всякихъ ученыхъ требованій: есть кое-гдѣ и примѣчанія, но тѣ же самыя, какія сдѣланы нашими издателями; есть и еще какія то цифры, какъ будто указывающія на особенныя примѣчанія, но самихъ примѣчаній нѣтъ (онѣ будутъ, вѣроятно, при второмъ томѣ). Въ концѣ книги (стр.

320—342) есть сказка о Добрынь Никитичѣ (по пересказу И. П. Сахарова), двѣ былины объ Ильѣ Муромцѣ и одна о Соловьѣ Будимировичѣ; есть еще въ особенномъ Прибавленіи (стр. 343—348) Южно-Русскія пѣсни коладныя, русальныя и одна семейная. Больше всего пострадали въ этомъ изданіи Русская сказка и былины: вездѣ, гдѣ было какъ поставлено почему-то *лкз*, а иногда измѣнены и грамматическія формы (напр. *буйни* вмѣсто *буйны* или *буйни*). Такого рода измѣненія Русскаго литературнаго языка допускаются и въ перепечаткахъ произведеній Русскихъ писателей, между прочимъ въ «Зорі Галицкой». Вотъ нѣсколько образчиковъ (1954. № 2-й. 13.).

— Я видѣлъ сонъ, что будто я пѣвецъ,
и подъ перстомъ мнѣ дышали струны,
и звуки ихъ гремѣли лкз перуны,
стрѣлой воззалися во глубину сердца;
и лкз въ степи глухой живымъ воды,
такъ пѣснь моя ласкала жадный слухъ....
— Что ты ржешь мой коню сивый,
что ты шею опустилъ
не потряхиваешь гривы,
не грызешь своихъ удила?
Иль не скачешь вольно въ полю....
Отъ того я ржу, что въ полѣ
ужь не долго нѣ гулять,
прожваты въ доброй долѣ,
свѣтлой збруею сити....

Такимъ образомъ желаютъ выразиться и Галицкіе писатели, напр:

Тебѣ, о Русь, тебѣ несю
сей трудъ мой—всю мою красу,
смиранный даръ;—но *кобы* нѣтъ
былъ *даный* голось въ вышнѣ,
и *кобы* пѣснь была моя,
какъ пѣснь Бояна-Соловья,—
я съ *есть* *тудей* тебѣ бы нѣтъ,
и въ струны нѣщя гремѣтъ.

Личное участіе нѣнній редактора выказалось еще въ объясненіи Южно-Русскихъ пѣсень, которымъ онъ придалъ по своему особенное мнѣологическое или историческое значеніе. Въ ряду коладныхъ пѣсень поставлена и слѣдующая пѣсня, которой предметомъ есть выправа въ службу военную къ Греческимъ императорамъ:

А въ чистомъ поли близко дороги,
сынове, гай сынове мои, витазенькове славни!
стоятъ наметы бѣли, шолкови.
А въ тыхъ наметахъ все громадове,
радованку радять, кобы владли;
Ой не справляймо на жены шубы,
на жены шубы, на дочки злато;
але справляймо нѣдланъ чолна,
нѣдлана чолна, золотъ весла;
та пускаймо ся краемъ Дунаемъ,
краемъ Дунаемъ въ Чорное море,
въ Чорное море подъ Царгородъ.

Чуемо жъ мы такъ добраго паря,
шо платять добре за заслуженьку;
ой лкз на рокъ по сто червонныхъ,
по коникови, по вороному,
по жупанови, по китаеву,
по коніенцѣ и по шабелцѣ,
по лкзной стрѣлцѣ, по хорошой дѣвцѣ.

— Повѣстница Среског народа од найстарин времена до годинне 1850. од Дан. Медаковића. У Новом Саду. 1851—1853. (8°: XL + 240, 303, 304, 272).

Пособій для изученія прошедшихъ судебъ Сербскаго народа такъ еще мало или по крайней мѣрѣ такъ онѣ отстали отъ современныхъ требованій, что нельзя не порадоваться рѣшимости г. Видаковича принять на себя тяжелый трудъ составить если и не исторію въ полномъ смыслѣ слова, то по крайней мѣрѣ подробный историческій очеркъ Сербовъ. Этому очерку посвятилъ онъ шесть частей (дѣловъ) въ четырехъ книгахъ, доведши въ нихъ ходъ событій до 1850 г. Первая часть заключаетъ обзоръ событій до половины XII вѣка, т. е. до воцаренія дома Немани; вторая—до 1336 года т. е. до Душана Сильнаго, третья—до 1389 г., т. е. до битвы Коссовской, четвертая—до 1800 года, пятая—до 1813, шестая—до 1850. Очеркъ довольно подробенъ, свѣтелъ и взглядомъ и изложеніемъ, одушевленъ любовью къ соотчичамъ; но къ сожалѣнію не удовлетворяетъ отчетливостью въ ученомъ отношеніи: г. Медаковичъ нигдѣ не указывалъ, какими источниками онъ пользовался, почему предпочиталъ одно сказаніе другому, почему смѣшивалъ полубаснословныя сказанія съ историческими фактами. Если это извинительно, то развѣ въ отношеніи къ послѣднимъ двумъ частямъ, въ которыхъ обзоръ событій первой половины XIX столѣтія волей-неволей должно носить на себѣ всѣ хорошія и дурныя черты записокъ современника. Еще можно замѣтить, что г. Медаковичъ, не всегда ровно слѣдилъ за судьбами всего Сербскаго народа, какъ онъ есть. Исторія политическая Сербовъ почти что окончилась въ XIV вѣкѣ; но съ нею не окончилась жизнь, а слѣдовательно и исторія народа, его дѣятельности на поприщѣ образованности и промышленности; въ нѣкоторыхъ вѣкахъ, она съ тѣхъ поръ только и началась. Опустивши это изъ виду—можетъ быть съ намѣреніемъ— г. Медаковичъ очень коротко обзоръ событій четырехъ столѣтій съ XV до конца XVIII, тогда какъ, по моему мнѣнію, на этихъ столѣтіяхъ, и нужно было бы останавливаться историку Сербскаго народа: кромѣ немногихъ важныхъ явленій у Адриатическихъ поморцевъ и въ Сербіи стараго краля Милутина и Стефана Душана, исторія народа Сербскаго до конца XIV-го вѣка представляетъ сравнительно съ слѣдующими вѣками очень немного важныхъ явленій; характеръ, направленіе дѣятельности и образованность Сербовъ, выразилась вполне уже тогда, когда лкз обо-

значилось для Сербскаго народа, съ кѣмъ въ ряду ему приходится поддерживать свою народность, и на сколько можетъ онъ дозволить себѣ уступки въ вѣрѣ отцовъ, въ бытѣ и обычаяхъ, и т. д. Черногорье, Ускоки и Границары со своею борьбой противъ Турокъ, Дубровникъ со своею литературной и ученою дѣятельностью, подвиги Сербскаго духовенства въ Венгріи, Далмаціи и другихъ краяхъ, отпаденіе католиковъ-Сербовъ отъ народнаго единства, купечество Сербское со своимъ влияніемъ на промышленность почти всего юга Европы, величественный народный эпосъ, поддерживающій доселѣ Сербовъ на челѣ поэтическихъ народовъ Европы, — все это выказалось послѣ битвы на Коссовомъ полѣ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ

Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ
за октябрь 1854 года.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ Отдѣленіе имѣло девять засѣданій, а именно: 2, 7, 9, 14, 16, 21, 23, 28 и 30 чиселъ. Въ сихъ засѣданіяхъ, подъ предсѣдательствомъ *И. И. Давыдова*, участвовали Академики: *К. И. Арсеньевъ*, *П. Г. Бутковъ*, *А. Х. Востоковъ*, *П. А. Плетневъ*, *М. П. Погодинъ*, *М. А. Коркуновъ* и *И. И. Срезневскій*.

I.

Общій Словарь Русскаго языка.

Въ засѣданіяхъ 2, 16, 23, 28 и 30 чиселъ, читаны объясненія словъ на букву *Б*, составленныя *И. И. Срезневскимъ*.

Бывшій Профессоромъ химіи въ Харьковскомъ Университетѣ *П. П. Эйбродтъ* и Учитель Ревельской Гимназіи *А. Серно-Соловьевичъ*, въ отвѣтахъ своихъ на приглашенія Отдѣленія, изъявили готовность свою заняться первымъ объясненіемъ химическихъ терминовъ, а второй словъ на *Ф*, *Х* и *Ч*. Словарные матеріалы на букву *Ж*, находившіеся у Академика *Я. И. Бердниковъ*, приняты отъ вдовы его *М. А. Коркуновымъ*.

Представлены въ Отдѣленіе Корреспондентомъ Академіи Наукъ *П. П. Дубровскимъ* выписки для Словаря изъ «Путешествія къ Святѣмъ мѣстамъ» Муравьева; изъ Фонъ-Визина, Кн. Вяземскаго; изъ «Чтеній о Словесности», *И. И. Давыдова*, и изъ сочиненій Марлинскаго. Выписки на буквы *Д*, *Е*, передавы для разсмотрѣнія *А. Х. Востокову*, а выписки на буквы *А* и *Б* читаны въ засѣданіи 14 числа.

II.

Областные Словари:

Великорусскій.

Титулярный Совѣтникъ *С. Черемановъ* снова представилъ въ Отдѣленіе составленный имъ Сборникъ областныхъ словъ, означивъ въ немъ мѣсто употребленія каждаго слова.

Отъ Директора Новгородской Гимназіи г. *Эрдмана* получены областныя слова Боровицкаго уѣзда, собранныя Учителемъ Вадайскаго уѣзднаго училища *Пардаломскимъ*. Слова эти передавы для разсмотрѣнія *А. Х. Востокову*, и въ стѣ съ Дополненіемъ къ «Областному Словарю» по Новгородской губерніи, доставленнымъ тѣмъ же Директоромъ и находившимся у покойнаго *Бердниковъ*.

Собраніе образцовъ народнаго говора и словесности по городу Тихвину и его уѣзду, составленное Учителемъ Тихвинскаго училища Адольфомъ *Несимскимъ*, передано для разсмотрѣнія *И. И. Срезневскому*. Это собраніе Тихвинскихъ словъ, пѣсенъ и поговорокъ также находилось у покойнаго *Я. И. Бердниковъ*.

Бѣлорусскій.

При письмѣ отъ 28 Сентября, получены въ Отдѣленіи отъ путешествующаго по западнымъ губерніямъ Россіи *С. П. Микуцкаго* Бѣлорусскія слова, собранныя имъ во время путешествія.

Надворный Совѣтникъ *Носовичъ* увѣдомляетъ Отдѣленіе, что онъ окончилъ Алфавитный Указатель старинныхъ Бѣлорусскихъ словъ, находящихся въ первомъ томѣ Актовъ Западной Россіи. При составленіи этого Указателя г. *Носовичъ* руководствовался мнѣніемъ Академика *И. И. Срезневскаго*, сообщеннымъ ему въ іюнѣ сего года.

III.

Грамматика.

Читана статья Профессора Александровскаго Университета *С. И. Барановскаго* о дѣепричастіяхъ въ Русскомъ языкѣ.

По прочтеніи сей статьи Г. Предсѣдательствующій предложилъ нѣкоторыя замѣчанія, прилагаемыя особо.

IV.

Чтенія трудовъ Академиковъ и постороннихъ ученыхъ.

Читаны были: *И. И. Срезневскимъ* — продолженіе изслѣдованія его о языкѣ древнихъ договоровъ нашихъ съ Греками; *Н. А. Плетневымъ* — биографическая записка о *Я. И. Бердниковѣ*, и Отчетъ г. *Микуцкаго* о путешествіи и занятіяхъ его, съ 10 Іюня по 10 Сентября сего года.

И. И. Срезневскій доложилъ о содержаніи письма Корреспондента Академіи Наукъ *Ф. И. Буслая*, который пишетъ, что послѣдніе шесть мѣсяцевъ онъ работалъ надъ Русскимъ синтаксисомъ, а теперь занятъ описаніемъ рукописей Синодальной Библіотеки отъ XI до XVI вѣка. Описаніе это готовится для столѣтняго юбилея Московскаго Университета, и будетъ выдано съ отличными, назидательно сдѣланными снимками цѣлыхъ листовъ изъ разныхъ рукописей. Такъ изъ Святославова Сборника помѣстятся четыре страницы; помѣстится также статья о мѣсяцахъ съ рисунками зодіака. Между прочимъ будутъ описаны Евангеліе 1144 г., Стихирарь 1157 г., Толковій Апостолъ 1220 г., Псалтырь 1226 г., Евангелія 1307, 1355 и 1400 г., и

Библія 1499 г. Въ этихъ и некоторыхъ другихъ памятникахъ, замѣчаетъ г. Буслаевъ, открываются чрезвычайно любопытныя Русскія формы и притомъ съ поменѣе любопытными областными измѣненіями.

V.

Изданіе Извѣстій и Ученыхъ Записокъ.

Читаны и одобрены къ печатанію, статьи VIII выпуска Извѣстій и Прибавленій къ нимъ.

VI.

Разныя чтенія.

Отдѣленіе просило В. П. Гаевского, которому переданы для разсмотрѣнія бумаги С. Петербургскаго Вольнаго Общества Любителей Русской Словесности, о сообщеніи всѣхъ любопытныхъ свѣдѣній объ учено-литературной дѣятельности сего Общества.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПРОТОКОЛАМЪ.

4-й отчетъ Командата Станислава Милуцкаго,

Съ 20 Іюня по 10 число Сентября мѣсяца я путешествовалъ по Августовской губерніи (въ Царствѣ Польскомъ), гдѣ въ трехъ уѣздахъ, а именно: Маріампольскомъ, Кальварійскомъ и Сейненскомъ, живутъ Литовцы.

Въ теченіе этого времени я прочелъ нѣсколько Литовскихъ книгъ, записалъ съ устъ народа нѣсколько пѣсень, точнѣе опредѣлялъ значеніе многихъ словъ въ Словарѣ г. Нессельманна, и собралъ полтораста Литовскихъ словъ, не помѣщенныхъ въ означенномъ Словарѣ.

Осмѣливаюсь привести нѣсколько собранныхъ мною словъ Литовскихъ, болѣе любопытныхъ.

Bukas — *Ardea stellaris*, выпь, водяной быкъ, птица. Виленской губерніи въ Свенцанскомъ уѣздѣ, употребителенъ глаголъ bukti наст. bukiu — мычать. Wegszis bukia — волъ мычить. У здѣшнихъ же Литовцевъ существуетъ глаголъ mukti, наст. mikiu — мычать. Jautis mukia — волъ мычать.

Burkóti, наст. burkóju — ворковать. Karwelej burkawo — голуби ворковали. Въ окрестностяхъ мѣстечка Шаки.

Въ Литовскомъ языкѣ существуютъ два слова: Bałsas — голосъ, и Gargas — голосъ; слава, молва, слухъ; отголосокъ, эхо. Въ уѣздахъ: Кальварійскомъ и Сейненскомъ, вмѣсто gargas говорятъ: galsas. Galsas toli ejna — отголосокъ далеко идетъ (раздается). Очевидно, что слова: gargas, galsas, balsas — тождественны между собою и съ Славянскими словами: гласъ, голосъ. Губныя буквы иногда замѣняютъ гортанныя и обратно, напр. Литовскія: выше названныя: gargas, galsas, balsas. Dubnas, dugnas — бубенъ, барабанъ. Dugnas вмѣсто dubnas (по Латышски: dibens, dibins вмѣсто: dubens, dubins), — дно. Объяснимъ здѣсь происхожденіе Литовскаго слова dugnas (dubnas) слѣдовательно и нашего слова дно. Литовскій глаголъ

dubti, значить: осѣдять. опускаться, понижаться; становиться впалымъ, вогнутымъ, полымъ; проваливаться: — отсюда причастная форма, у Литовцевъ: (dubnas) dugnas, — у Славянъ: (дубно, дъбно, дъно) дно, значить: нечто понизившееся; низменная, исподняя часть какого либо мѣстности или сосуда.

Въ Латышскомъ языкѣ средній глаголъ gubt, значить: гнуться, нагибаться. У здѣшнихъ Литовцевъ существуетъ глаголъ дѣйствительный gaubti, наст. gaubiū — гибать, складывать. Gaubtis — коробиться. Lenta susigaube — доска скоробилась. Слова: gubt, gaubti, тождественны съ нашими: гибать, гнуть, гнать. Здѣсь мѣсто замѣтить, что слово Guba значить: у Литовцевъ (сколько мнѣ до сихъ поръ извѣстно) суслонъ, — а у Латышей: куча, скирдъ, стогъ. По Латышски gubenis — сѣновалъ, пуна. Въ Славянскихъ нарѣчіяхъ: гоумно, гумно, гувно, вмѣсто: губино, губьно, значить собственно: мѣсто, гдѣ стоятъ (губы, т. е.) скирды, стоги.

Gugėti, наст. gugu — дрожать. Срав. областное (Арханг.) гугаться — качаться на качелихъ. Санскр. क'адж — commovere, agitare.

Gužeti, наст. gužu — валиться, кипѣть, кишеть. Žmones guža — народъ кишеть.

Kaszà, kaszè — корзина: кошель плетеный изъ лыкъ или бересты, торба.

Kniwe — луговка, пугалица. По Бѣлорусски (въ Гродненской губерніи) книга, по Чешски: kniha.

Krikti, наст. krinku — расходиться по разнымъ мѣстамъ, рассыпаться, расцѣваться. Iszkriko kajr bitea — рассыпался какъ пчелы.

Krikditi, наст. krikdau — рассыпать, расцѣвать, разгонять. Agelis žasis iszkrikde — орелъ разогналъ гусей.

Kukurėj — плеча съ верхнею частію спины; закортышки, кукурки. Ant kukuri и neszi — вести на закортышкахъ. Imk wajką ant kukuriu — возми ребенка на плеча.

Mikti, наст. mikiu — мычать.

Murkti, наст. murkiu — мурчать.

По Литовски maugóti, по Латышски: maugāt, maugót — ревѣть, мычать. Въ Маріампольскомъ уѣздѣ, въ окрестностяхъ мѣстечка Шаки, вмѣсто maugóti говорятъ riaumóti. Срав. рюмить, областное (Псковск.) рюмать Бѣлорусск. рюмаць — плакать.

Smakas — радуга. По Бѣлорусски (въ Виленской и Гродненской губерніи) смокъ. «Смокъ пье воду изъ рѣкъ и озёръ: бо кабы йонъ не пиу воды, то вода бы насъ затопила» (Бѣлорусское повѣрье).

Rizaj — лохмотье.

Spiegti, наст. spiegiu — пискать, пищать. Срав. пискать пугалица.

Strigti, наст. stringu — втыкаться, воззаться. Paszinas instrigo in ranką — заноза воткнулась въ руку.

Strajgti, наст. strajgau — втыкать, воззаться. Срав. Пол. zastrzegać — воткнуться, завязнуть, — Русск. застрять, устранить.

Szlejwas, ж. szlejwa — кривоногий, косолапый.

Szliti — клониться, наклоняться. Namaj paszlijo — домъ наклонился. Paszlijes medis — наклонное (поклоное) дерево. — Срав. словъ, клонить, прислонить, Греч. κλίω, Латин. clino, clivus.

Отъ глагола szurti — становиться шероховатымъ, шершавѣть (отъ холода), содрогаться, происходитъ прилагательное szaugus (непомѣщенное у г. Нессельманна), которое употребляется только о вѣтрѣ: szaugus wiejas — рѣзкій вѣтеръ. Отъ прилагательнаго szaugus образовались существительныя: szaugis — сѣверный вѣтеръ; — szauge — сѣверъ — Срав. Латин. saugus — сѣверозападный вѣтеръ.

Turkti наст. turkiu — кричать, — о медвѣдкѣ и древесной лягушкѣ.

Turklis — медвѣдокъ. Польск. turkot — шумъ, стукъ; turkuć — медвѣдокъ.

Литовское слово žambas (по Нессельманну: die Kante eines Balkens) значить: часть, клиномъ выдававшаяся на какомъ нибудь мѣстѣ: уголь, мышь, пола. По Латышски; zōbs — зубъ. Санскр. джамба — зубъ, подбородокъ. Нѣмецк. Kamn вѣсто Камб. Всѣ эти слова тождественны съ Славянскими: жбъ, заб, зубъ.

Извѣстно, что начальные буквы иногда опадаютъ (объ этомъ я говорилъ уже въ прежнемъ отчетѣ), такъ напр. Литовское слово ōszwis, тестъ (osz — корень, — wis приставка, довольно обыкновенная въ Литовскомъ языкѣ), сравнивая съ Славянскими: тес-ть, тѣх-анъ (tchan, у Чеховъ), замѣчаемъ, что въ Литовскомъ словѣ начальная согласная буква исчезла. Санскритскій корень dāc значить: давать, дать, — слѣдовательно: dosz-wis, oswis, а также тестъ, тѣханъ, значать собственно: датель, давшій жену. У Латышей (въ Витебской губерніи) существуетъ слово die-szawejba — щедрость, тороватость, чивость, — потому можно заключать, что прилагательное дешевый собственно значить: даровой.

Въ западной части Мариампольскаго уѣзда, вѣсто начального *a* иногда выговариваютъ *e*, напр. ekmia — камень, — eszis — ось. — Въ прочихъ же мѣстахъ посѣщеннаго мною края (т. е. въ уѣздахъ: Мариампольскомъ, Кальварійскомъ и Сейненскомъ, Августовской губерніи) вѣсто начального *e* выговариваютъ *a*, напр. asmi или asmi (есми), alnis олень, — alne лань, — azis ежъ, — azezas озеро, — agle ель. — Въ части юговосточной вышеозначеннаго края отбрасываютъ букву *s* — въ падежахъ: дательномъ мужскаго и женскаго, и творительномъ женскаго рода, множественнаго числа, напр. wilkam волкамъ, — rankom рукамъ, — dantimi зубами.

Въ прочитанныхъ мною старинныхъ Литовскихъ молитвенникахъ нашелъ я слѣдующія формы: Sarpėje — во свѣ, отъ существительнаго sarpas — сонъ, сновидѣніе. Prakar-tej — въ ясляхъ, отъ существительнаго prakartas — ясли. Duonomi — хлѣбомъ, отъ существительнаго duopa — хлѣбъ. Arwejdiek tumis duonomi — снабди насъ хлѣбомъ. — Означенныя формы подтверждаютъ то, что я доказывалъ въ Отчетѣ отъ 15 Юня.

Въ Литовскомъ языкѣ существовалъ глаголъ klusti — слушать, слушаться. Paklusti — послушать, послушаться. Въ древнихъ Литовскихъ книгахъ попадаетъ еще форма: rakluso — послушалъ, послушался. Отъ глагола klusti, тождественнаго съ Славянскими: слухъ, слушать, слышать, и съ Древне-Нѣмецкими: hlosēn, hlosōn, hlosjan (audire), произошли слова:

Klausiti, наст. klausiu — слушать, слушаться. Собственно это многокр. видъ глагола klusti.

Klausti, наст. klausiu — facio ut audiat, заставляю слушать, спрашиваю.

Klusus, raklusus — послушный. Въ Латышскомъ языкѣ kluss, ж. klus, (слушающій, слѣдовательно) безмолвный, смиренный, тихій.

Въ Славянскихъ нарѣчіяхъ: глухой — собственно: тихій, безмолвный, т. е. гдѣ ничего не слышно, а также, кто ничего не слышитъ.

Возвратясь въ Вильно, я занимался обработкою материаловъ: я объяснилъ и представилъ въ Отдѣленіе двѣсти Бѣлорусскихъ словъ.

Замѣчаніе. Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ неизлишнимъ считаетъ передать читателямъ для свѣдѣнія, что, помѣщая въ Прибавленіяхъ къ Извѣстіямъ и печатая отдѣльными оттисками Санскрито-Русскій Словарь К. А. Коссовича, оно возложило всю отвѣтственность за полноту этого труда и за правильное объясненіе словъ на самаго автора его; а такъ какъ избѣгнуть всѣхъ ошибокъ въ такомъ обширномъ трудѣ — первомъ опытѣ на Русскомъ языкѣ, безъ сомнѣнія, невозможно, то оно съ удовольствіемъ даетъ здѣсь мѣсто просьбѣ К. А. Коссовича, ко всѣмъ знатокамъ Санскрита о сообщеніи Отдѣленію, для передачи ему, замѣчаній объ опечаткахъ и ошибкахъ, вкрадывающихся въ его Словарь, съ тѣмъ чтобы онъ могъ ими воспользоваться для его посильнаго улучшенія. Всѣ эти замѣчанія сочтетъ онъ для себя тѣмъ болѣе полезными, что, по предложенію Отдѣленія, онъ занимается и составленіемъ Санскритской грамматики и христоматинъ.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. 13-го декабря 1854 года. *Непрямой Секретарь П. Фусъ.*

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПО ОТДѢЛЕНЮ

РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ начало съ 1852 года издаваніе «Извѣстій» въ томъ же видѣ, какъ издаются Извѣстія (Bulletins) двухъ другихъ Отдѣленій Академіи.

Въ составъ Извѣстій Императорской Академіи Наукъ по Отдѣленію Русскаго языка и словесности входятъ, кромѣ записокъ о занятіяхъ Отдѣленія и извлеченій изъ протоколовъ о его засѣданіяхъ, сочиненія, какъ Членовъ Академіи, такъ и постороннихъ ученыхъ, читаемыя въ засѣданіяхъ Отдѣленія, именно:—ислѣдованія и замѣчанія касательно языка Русскаго и языковъ, съ нимъ соплеменныхъ, ихъ литературы и древностей;—разборы замѣчательныхъ трудовъ по части филологіи Славяно-Русской; а въ особенныхъ Прибавленіяхъ—памятники языка и словесности, матеріалы для словаря, грамматики и т. п.

«Извѣстія» издаются выпусками или листами; 24 листа съ Прибавленіями составляютъ одинъ томъ. Цѣна тому ТРИ РУБЛЯ СЕРЕБРЯНЫХЪ. Получать можно у Коммиссіонера Академіи Глазунова (по Большой Садовой, въ домѣ Публичной Библиотеки, подъ №№ 21 и 22) и Фегера (на Невскомъ проспектѣ №№ 1 и 10). Иногородные читатели благоволятъ относиться съ своими требованіями къ помянутымъ Коммиссіонерамъ или въ Комитетъ Правленія Академіи.

СОДЕРЖАНІЕ ВЫПУСКА: Историческія чтенія о языкѣ и словесности: IV. Новые списки поученій Кирилла Туровскаго. — Библиографическія записки о новыхъ книгахъ. — Перечень засѣданій Отдѣленія за декабрь. — Приложенія къ протоколамъ: Новые стихотворенія князя П. А. Вяземскаго и А. Н. Майкова. Замѣчаніе на мнѣніе проф. Барановскаго о дѣятели, И. И. Давыдова. — Съ снмъ выпускомъ выдаются листы ПРИБАВЛЕНІЙ LXXV—LXXIX.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЧТЕНІЯ

● ЯЗЫКЪ И СЛОВЕСНОСТИ.

IV.

НОВЫЕ СПИСКИ

ПОУЧЕНІЙ КИРИЛЛА ТУРОВСКАГО.

Къ тому, что высказано о жизни и духѣ поученій Кирилла Туровскаго Академикомъ С. П. Шевыревымъ и Преосвященнымъ Филаретомъ, нынѣ епископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ^{*)}, послѣдующіе изыскатели прибавятъ, вѣроятно, очень не многое, если не откроются новыя данныя, сверхъ тѣхъ, которыя собраны Калайдовичемъ въ его Памятникахъ XII вѣка (М. 1821.), и помѣщены въ Прологъ. Тѣмъ не менѣе изыскателямъ предстоитъ еще много работъ,—и прежде другихъ—возстановленіе подлинныхъ чтеній поученій при помощи списковъ, которыми Калайдовичъ не пользовался. Необходимость исправленій и дополненій текста, какъ онъ напечатанъ Калайдовичемъ, указана была уже Академикомъ А. Х. Востоковымъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ его Описанія рукописей Румянцовскаго музея. Та же мысль руководила и другаго сочлена нашего, М. П. Погодина, въ его желаніи изъ-

дать одно изъ поученій Кирилла Туровскаго по списку XV в., нынѣ открытому. Это — «Слово душеполезно о хронци и сѣбщи», напечатанное въ Памятникахъ XII вѣка (стр. 132 и слѣд.) по списку въ нѣкоторыхъ мѣстахъ невѣрному и неполному. Исполняя это желаніе, считаемъ нелишнимъ выѣсть съ помянутымъ словомъ напечатать и другое — «о мудрости», по списку XVI вѣка, по которому также нѣкоторыя мѣста читаются лучше, чѣмъ въ Памятникахъ XII в. (стр. 89 и слѣд.), не смотря на давность списка, съ котораго онъ тамъ напечатанъ. Замѣтимъ при этомъ, что проверены должны быть по другимъ спискамъ не только тѣ изъ поученій, приписываемыхъ Кириллу Туровскому, которыя уцѣлели въ спискахъ позднихъ (каковы у Калайдовича № I, II, XII, XIV и XV); но и тѣ, которыя найдены въ спискахъ XIII вѣка — въ Коричей 1282 года (у Калайдовича № XIII) и въ Сборникѣ Толстовскомъ (Отд. I. № 8. у Калайдовича № III — XI). Тутъ такъ же какъ и въ другихъ случаяхъ оправдывается необходимость остерегаться отъ исключительнаго предпочтенія списковъ древнихъ передъ недревними и слѣдить ихъ одни съ другими, побѣряя взаимно.

Сохраняя и самое правописаніе списковъ, считаемъ не бесполезнымъ для смысла прибавлять, гдѣ необходимо свои знаменія преніянія, и кромѣ этого непонятныя прибавки ставить въ скобкахъ, а свои дополненія словъ въ скобкахъ же курсивомъ.

^{*)} Исторія Рус. Словесности прешлуп. древней. М. 1846. II. 222—244. Исторія Рус. церкви. Періодъ I. нов. изд. Харьк. 1849. 68—73.

Слово о мудрости.

Хочещи, братѣ, премудрымъ быти, мудрости ся доискати. Кое мудрости ищещи? Господь же заповѣда. яко унѣ искати кротости, нежели мудрости. кротость бо есть мати мудрости, и разуму, и всяку помыслу благу, и всѣмъ добрымъ дѣломъ. Да аще обращаши матеръ, тогда мати дѣтии къ собѣ привабить, и тобѣ будутъ въ братію. съ тою же братією обращаши собѣ отца, ти же ся отецъ родилъ отъ своего Отца преже вѣкъ. и пакы пришедъ въ послѣдняя лѣтъ, въродилъ ны святымъ крѣпикомъ, и вѣрою сыны собѣ створи и облече ны въ красныя и чистыя одежа. Да будемъ разгнѣвали отца, искаляши одежа крѣпикомъ, кую мудрость обращаемъ? Речеши ли ми: кая и како искаляхомъ? и азъ ти отвѣщаю. Отгнахомъ отъ себе матеръ, а мачеху прияхомъ, ей же нима величанинъ; дѣти же ея: гордость, непокоренье, прекословье, презорство, хула, клевета, зломыслье, гнѣвъ, вражда, заповство, игры неприязнины и всякая злоба. Да аще хочещи матери ся лишити, а мачеху и ея дѣти любити; то съ тѣми обращаши собѣ гордаго дьявола, вязащаго въ тѣмъ кромѣшнѣи и въ огни негасимѣомъ, идѣ же и ты будещи привязанъ съ нимъ. Аще не отженеши мачехи и дѣти ея, будетъ послѣдняя горьша пѣрвыхъ. Речеши ли ми: како могу прияти матеръ. отца разгнѣвивъ а порьты хрѣстьяныя искалявъ? и азъ ти научу, брате. Порьты искаляныя измыи, и тогда ты прииметь отцъ, и начынетъ ты любити паче пѣрвыя любве. Порьты же суть крѣпикомъ, вѣра, а калъ — клевета, хула, осуженье, гнѣвъ, прекословіе, сваръ, зависть, вражда, злупоминанье, непокоренье, злобдіе, лѣтъ, ложь, крамола, суесловье, насмисанье, скопращество и вся игры бѣсовскыя, таче заповство, рѣзонманье, грабежь, разбой, татѣба, душегубство, потвори, вѣхованье, чародѣянья, прелюбыдѣянья, и всякая злоба, всего же того горьши гордость, иже и есть всему тому мати. Речеши ли: аще прииму матеръ, реченую кротость, чинъ могу искаляныя порьты омыти? и азъ ти научу. Омыеши я страхомъ Божиимъ, вѣрою чистою, и смѣреньемъ, покаяньемъ, и молитвою, слезами, и постомъ, поклономъ, и милостынею, и любовію къ всѣмъ, миромъ въздѣржаньемъ, и трѣпнѣемъ, и послушаньемъ добраго ученья, покореньемъ, одѣваньемъ, тръзвствомъ, и всѣми добрыми дѣлы. Паче же всего того есть кротость добрая, иже есть всему добру мати. Да аще будещи послушавъ, и умякчнши землю срдечную, приимеши малое сѣмя, и расплодиши въ собѣ много спаснаго жита. яко не мочи будетъ въ душевнѣмъ дому всего

того положити, въ нѣмъ будещи раздавая требующимъ того же. снестъ пѣрое притчамъ разрѣшеніе книжнымъ, потомъ неразумнымъ словомъ разрѣшеніе, и всему Писанью тѣлованіе, таже, аще ли хочещи, недовѣдомомъ числомъ съчтанія, таже обилья душевнѣи крѣпи и тѣлеснаго здравія, таже будущаго вѣка. Се ти есть спасное жито. его же, рече очи не видѣста, ни уши слышаста, на сердце члѣву не възиде, еже уготова Богъ любящимъ его.

Слово дѣшеполезно. о хромци и о слѣпци. Гѣ како и ѣ.

Добро убо намъ брае и хело полезно. ѣже разумѣти бѣтвеннѣ писаніи ученіе. се и дшю цѣлоурену створяе. и къ смиренію прилагаеть умъ, и срдце на(речеть) добродѣтели изострае. и всего бѣгодарствѣне створяеть члѣвка. и на нѣса ко вѣчнѣи общаніемъ мысль приводитъ. и къ дховнѣи трудомъ тѣло укрѣпляетъ, и преобѣденіе сего настоящаго житіа славы и богатства творить. и всяа житейскыя свѣта сего печали ѣбодить. Того радя и молю вы: потѣитесь прилѣжно. почитати ѣтъа книги, да самъ бжѣи насытити словесъ. и будущѣи нежрѣннѣи блѣгъ желаніе стажете. Она бо аще невидима но вѣчна сѣ и конца неимуща. тверда же и недвижима. Да не просто протедемъ языкомъ пишемъ глѣще. но с разсмотрѣнемъ внемлюще. потѣимся дѣломъ стваратѣ а; сладко бо медвенны сѣ. и добро сахаръ. ѣбоого же сего добрѣ книжны разоумъ. сѣа бо сѣ съкровище вѣчна жици. Аще бо кто ѣбрѣлъ бы земное съкровище. тѣ не бы на все дерзнулъ. нѣ ѣднѣи точію бжѣственный бисеръ члѣнѣи въздѣ, оуже бес печали пытается. яко до конца имѣи богатство. Тако ѣбрѣты и бѣтвеннѣи книгѣ сокровище пррѣческѣи же и пѣмскѣи и самого спсѣа Хѣа спсѣенныхъ словесъ. истиннѣи разоумъ с рассуженіемъ. оуже не себе единому бѣи на спсѣеніе, но нѣмъ многимъ слушающимъ. Сему случается ѣгальскаа притча глѣощи. всякѣи книжикѣи научився царствію небесному подобенъ есть мужу домовиту, иже возноситъ отъ сокровищъ своихъ вѣтхаа и новаа. Аще ли тщеславьемъ сказаетъ, большимъ угожая а многыя меньшая презрѣти буеть, крѣи Гѣю мнасу, не дадыи живнѣнымъ торженникомъ, да удвоютъ царское сребро, еже суть чловѣчскыя душа; и видѣвъ Гдѣи гордый его умъ, возметъ отъ него свой талантъ, самъ бо презорнымъ противитъ, смиреннѣи же даетъ благодать. Аще бо міра сего властели и въ житейскыхъ вещьхъ тружающиса чловѣци прилѣжно требуютъ книжнаго почитанія; кольма паче подобаеть намъ учитися въ нихъ и всѣмъ срдцемъ възскати свѣдѣннѣи словесъ Божиихъ о спасеніи душъ нашихъ писаныхъ. Нѣ тружается мой мутный умъ, худъ разоумъ

нѣтъ, и не могій порядныхъ словесъ по чину глаголати, нѣ акы слѣшь стрѣлецъ смѣху бываеъ не могій намѣренаго улучшить ненаказанный языкъ. Но отъ божественныхъ вземлюще Писаній, съ многою боязнію Евѡнгельскихъ касаема съ бесѣдовати словесъ, преводѣ глаголю, притчу сказующе, еже Матейѣ церкви предастъ.

Рече Гдѣ: Чѣкъ некто домовитъ бѣаеъ, иже насади виноградъ, и оствѣни его оплотомъ, и ископа точило, и остави входъ, и сътвори врата, но не затвори входа; и отходя въ свой домъ: Кого—рече—поставлю стража моему винограду? аще оставлю и служащихъ ми рабъ, то свѣдуще мою кротость истеряють благая моя. Но сице сътворю: приставлю у вратъ хромпа и с нимъ слепца, да еще кто отъ врагъ моихъ въскощеть окрасти виноградъ мой, то хромецъ убо видить, слепецъ же чюеть. Аще ли отъ сею который хоцетъ въ виноградъ мой вйти, хромецъ убо не имать ногу дойти; слепецъ же аще поидеть, ть заблудивъ, во пропасти убѣтсѣ. И посадивъ ею у вратъ, дасть има власть на всѣхъ внѣшнихъ, пищу же и одѣаніе нетрудно съготоваеъ. Точію—рече—внутреннихъ без моего повелѣнія не носѣтсѣ. И тако ѡиде, повѣдѣвъ имъ по времени свой приходъ, и тогда мзду стражбы ради обѣща има взяти; попрети же има и мученіемъ, аще преступита его заповѣдъ. Си же до адѣ оставльше, пакы въспрїемлемъ Евѡнгельское слово, плодъ устенъ на умѣй трапѣе вашего ока предълагающе. Скажъ.

Чѣкъ есть домовитъ Богъ всевидецъ и вседержитель, створивый вся словомъ видима же и невидима. Домовитъ же ся именуеъ, яко не единъ домъ имать, по Писанію: глаголетъ бо пророкъ: Твоя суть небеса и твоя есть земля, и конца ея ты основа; и пакы: Небо престолъ мнѣ, а земля подножіе ногу моею.... Разумѣй веде домы Божіа не токмо въ твари, но и в челоуѣцехъ: Вселю бо ся—рече—в ня; яко же и бысть: сице бо и вселся во плоть челоуѣцю, и възнесе ю отъ земля на небеса.... Еже насади виноградъ, рай глаголетъ; того бо есть створеніе, пишеть бо ся: И насади Богъ рай въ едемъ, а иже оствѣненіе его, рече, оплотомъ своимъ—страхомъ; страхомъ бо его—рече пророкъ—движется земля, рассѣдается каменіе, животныя тренещуть, горы курятся, море и с сущими с нимъ повинуется, свѣтила робогѣбно служатъ, облацы и вся въздушная тварь повелѣнія его свершають. Стѣнѣ бо законъ речеса. Закон же всему заповѣдъ Божіа его.... Остави же вѣо. сн рѣ—свидѣнія разумъ; вся бо тварь не преступаеъ Божіа повелѣнія. вся бо—рече—ѡ тебѣ чюють. да дася имъ пищу въ время. Пища же не брашно едино рѣчется, но слово Божіе. имъ же питаеъся

тварь. Гѣтъ бо Моѡсїй: не ѡ хлѣбѣ единомъ живѣ будеть чѣкъ. но ѡ всякомъ гѣѣ, исходящимъ изъ оустъ Божіихъ. Незатвореная же врата. дивныя твари Бжїе устройство. и йа тѣми Бжїа существа познаніе: ѡ твари бо—рѣ—творца разумѣя, не качество но величество и силу. славу же и блѣтъ. юже творить собою. убажаан всѣмъ. вышнимъ и нижнимъ, видимымъ и невидимымъ. Аще бо нарицаеъ его чѣка, не ѡобразомъ но притчею. ни единого бо подобія имѣеть чѣкъ Бжїа. не сумнитъ бо ся Писаніе аггліи чѣкы нарицати. но словомъ а не подобіемъ. Аще бо етери блажнѣтся. слышаца Моѡсїа гѣща: сътворимъ чѣка по ѡбразу нашему и по подобію, и приулагають. к бесплотному тѣлу не имуще стройна разума. есть си ересь и до нѣѣ. чѣкообразно глѣшимъ Бга. иже никакоже ѡписаетсѣ. ни мѣры качеству имать. Но си ѡставль, ѡ первымъ възгѣлю. И ѡходя въ свой домъ, кого—рѣ—ѡставлю стрещи моего труда. Сіа въпрашанія ѡца и Сїа и Сгго Дха. не о твари, но о владѣющимъ тварію. сирѣчь ѡ члѣѣ, ему же въсхотѣ предати землю. и всяко дыханіе ноработити; не аггліомъ бо покорь вселенную.

ѡставлю—рѣ—у вратъ хромца и с нимъ слепца. Что есть хромецъ. и что есть слепецъ? Хромецъ есть тѣло. а слепецъ дша. преже бо съза Бгъ тѣло Адамъ бѣдшѣвно. потом же дшу. по съзаніи бо тѣла. гѣтъ Писаніе. и дуну на лице его дхъ животенъ. тѣмже тѣло без дша хромо есть, и не нарѣтсѣ чѣкъ, но трупъ. смотри здѣ и разумѣй ѡ Бытїйскихъ книгъ. Створи Бгъ тѣло вѣѣ раа. и внесе и въ едемъ, а не в рай. едемъ рѣтсѣ пища. Яко се кто на пиръ зовый. преже уготоваѣ обилную пищу. ти потомъ приведетъ званого. такъ и Бгъ преже уготова ему жилище едемъ, а не рай. Рай бо мѣсто оѣо есть. яко же цркви ѡлтарь. цркви бо всѣмъ входна: та бо ны есть мѣти. поражающи вся крещеніемъ, и питающи живуца нетрудно в ней. одѣвающи же и веселящи вся вселшѣа в ню. гѣтъ бо прркъ: се работающи цркви асти имуть и насытятся. и пакы: о чада церковная. есуще ѡ сесцю еа тукъ и масть, помажите веселіемъ главы своея. и Дбдъ рѣ: упиются ѡ обиліа дому твоѣ и потокомъ пища твоея напоиши а. и пакы: ѡ одежи сщїиныхъ. ѡ оболченіи мнѣ. перен твои, Гїа, ѡблекутся въ правду. мнѣху же: съѡдѣлъ мя еси нужныи и велѣныи одежь, и ѡболчлг мя еси веселіемъ. въспойте—рѣ—Гвїи пѣ нову. хваленіе въ цркви прѣбныи его. И се явѣ ѣ. ѡ клпросникъ ещѣа и ѡ монастыря мнѣ. Вижь, яко ещїа и монастырь едемъ есть. си рѣ нетрудная жизнь. ѡлтарь же етъ. си рѣ—едемъскый рай, неудобъ входѣ ѡ чѣкъ. аще и врата

незаклучена имать. Тако бо бѣ посаженъ ѿнъ хромецъ съ слезнемъ у вратъ стренци и внутрени^х, яко се приставлени суть патриарси и архієписи и игумени. межю прквію и ѿлтаремъ. стренци святыхъ таниъ ѿ врагъ Хѣъ. си рѣ — ѿ еретикъ и зло-вѣрныхъ искусникъ и нечѣтъ грѣхолобець и иновѣрны^х скверникъ. Послушайте же съ вниманіемъ, да по ряду бесѣду скажемъ. и вы со вниманіемъ усмотрите. Аще бо и мутенъ имѣю умъ, но вашѣхъ надѣся мѣтвахъ, прошу дара слову. аще и вѣстониъ есмь ѿ си^х глѣи, но ползы ра^х послушающа^х си пишу. Аще ли кто ала слуга имать, то не ищеть, что бы ему на ползу ѿбрѣсти, но зазираеть чинже бы на потызалъ и укорилъ.

Сѣднѣша же има етеро врѣмя, рѣ слѣпецъ къ хромцю: Что убо благоуханіа изувнутрь вратъ ослажаетъ мя и красить мою мысль. Сѣднѣша хромецъ: Многа блгаа наю гѣа внутрь суть. иже вкушеніе ненарѣнна сладость. но понеже прѣмдаръ есть гѣъ наю. насади азъ тебѣ слѣца, мене же хромага, и не можевъ никакоже тѣ^х дойти и насытитися блгынѣ. Сѣднѣшавъ гѣа слѣпецъ: ... Возни убо конь, и всяди на мя, и азъ ти ношу. ты же показуй ми путь, и вся благаа гѣа наю ѿбылиевѣ. не мною бо, яко прѣидетъ сѣмо наю гѣъ. Се помышленіе суть ищущихъ не ѿ Бѣъ свѣта сего сановъ, и ѿ телесехъ токмо пекущихъ. нечающихъ ѿбыта ѿ дѣлѣ^х възати. но акы суетну пару свою дшу въ вѣтры полагающимъ...

Аще ли — рѣ — прѣидеть гѣъ наю. укрыется ѿ него наю дѣло. аще бо мене воспросить о татѣбѣ. азъ реку: вѣсѣ, гѣе, яко слѣпъ есмь. аще ли тебе възпросить. ты рци: азъ есмь хромъ, и не могу тамо дойти. и тако прѣидруевѣ наю гѣа. и прѣимевѣ мѣзду наю стражбы. Вся же хромецъ на слѣца, и конь вземша, и дошша окрадоста вся внутренняя гѣа своего благаа. Нѣ не воюйте, браѣ, на мою грубость. не гѣпо ѿбразъ писаніа поставляющу ми. Яко же бо и по ногу вязаніи птицы нѣсть мѣчно на яерескую высоту възлѣтети. тако и миѣ в телесны^х вязаніемъ похотѣ^х невозможно ѿ дѣховны^х бесѣдовати. не солнуть бо ся грѣшничя словеса неимушему влаги Святаго Духа. ѿбаче на прѣреченнаа взвратимся, разрѣнающа прѣгча съзъ.

Сѣднѣша има. тѣ почто давно миѣ еси не повѣдѣ сѣ, да быховѣ не жадали но к сѣ дѣннѣ нама во ѿбласть. и ѿна ѿсобъ восхытивѣ. Аще азъ слепъ есмь, но миѣ позъ и силен есмь. ногы добрѣ носити тебѣ и бремя. Вижѣ дѣвное брѣмя грѣ^х. того ра^х гѣтъ прѣркъ, яко бремя тяжко ѿтѣчися на миѣ. и рече же сѣ рѣ^х долго время бестрастїе Божїе заповѣди. и ѿ телесн токмо понеченіе. неражнѣе же ѿ своей души. Никто жѣ бо

страхъ Божїи имѣя плотскимъ прельститися. никто же право-вѣренъ чресъ законъ священническаа ищеть ѣзати сана. никто же смерти чаа и по смерти шакы възкрѣїа. ти въ замкъ пребываѣ дѣло^х. но шакы томе рѣи разума дѣла. Рѣ слѣпецъ къ хромцю. что убо благоуханіе и утрѣ поль таетъ ми? Се надменіе Адамо^м высокомыслѣя. яко всѣмъ обладавъ земными и небесными животными, обладаа моремъ и сущую тварью, и в немъ едемьскы^х блгынѣ, насыщаяся преже есѣеніа на стѣа дерзнувъ изъ ема бо ижде в рай. Сего ради Писаніе гѣтъ. изгна Богъ Адама изъ раа и ѿсуди его дѣлати землю. ѿ нея же възать бѣ. Вижь, яко не тамо повелѣно бѣ ему жити. ѿиудже изгна и. Тако бо ижде яко же се прѣиникъ. недостоннѣ ерѣштва, и утанвѣ свой грѣтъ. небрегъ же ѿ Божїи законѣ имени дѣлама высока и славна житїа. на поповъскимъ възати дерзнувъ самъ.

Того ради и смертію Адама ѿсуди. понеже коснуся древа разумѣнїа добра и зла. се есть разумный грѣ^х. и волное благоугодіа дѣтель. иишетъ бо сѣ: ѿ, горѣ в разумѣ сѣгрѣшающимъ. Сего ради погуби. въздувовеніе Духа животнаго. его же въздуву Богъ на лице его. еже ѣ несовершенъ даръ сѣенїа. пише бо сѣ: и дуну на лице его духъ животенъ, яко бо и Хѣ дуну на лице айломъ. прѣимѣте — рѣ — Духъ Святыи. несъвершенъ даръ. точию ѿбѣтъ сѣенїа. ждати бо имѣ повелѣ. дождеже прѣишѣ — рѣ — до конца ѿсѣитъ вы. Сило и сѣли стѣа падиакы. и діаконы не съвершенъ даръ, но ѿбѣтъ сѣенїа да сѣ прѣготовають. на съвершенное сѣлство. ничтоже Богови тако любо. невъзносится в сѣтъ шведше. и ничтоже тако мерить ему. якоже велччавша самошнїаа гордость.

Смотри ѿного слѣца съ хромцемъ, како прѣобидѣста гѣа своего заповѣдъ и прещеніе. вземъ бо хромца и бремя понесе. и дошед внутрени^х, приближися ко древу, искуси плода, и се добро зѣло, и тако ѿкрадоваста, и^х повелѣно бѣ имѣ стренци.

Того древа вкуси Кавнѣ несѣ сѣенъ и на сѣитѣ санъ поревновавъ сѣенному Авелю, его же завистію убѣ. Того древа вкусиша сѣве Коѣреви, иже зъ Дафанѣ и Авирѣномъ вземше кадильницу помдоша въ скнию. не осѣеннѣ сущѣ. и пожре а земля. Того древа вкуси Илїи жрецъ. иже ведый сѣа своя безапснствующа въ іерѣїствѣ, и не ѿлучи есѣнїа. Того древа вкусиша еретици иже злохытрїемъ акы вѣдуше душевный путь, заблудшиа, не имѣша показанїа погѣбѣша. Нѣ сѣа ѿкративъ на первое възвращуса сказаніе. аще и

Еретики же: единъ е Гѣ всѣхъ, иже по нѣмъ азыкъ. Аще бо остави а во своей кожѣ прельсти. но душа ихъ прѣ нимъ явится, и тѣ суди по дѣломъ и... Слышати бо подобае Божіе имя нѣ различающимся душамъ. да в послѣдній день въскрѣше, съ телеса неблазньно поклонятся Ху. а не ниже нынѣ работаша прельщены бѣсомъ по ацлѣ глѣющо: тогда увиди всяко око, и вся азыкъ поклонится исповѣдаа. яко Гѣ Исъ Хѣ въ славу Богу и Отца. единъ смъ и си вся учившии видѣ. Азъ же ѡ слѣпци початую бѣсѣду. противу силѣ и мѣщенію ума, въ кратцѣ скажу, аще пойми творящихъ ми дозрю. видѣ бо, яко не суть ѡ премудрости, но ѡ грубости сіа сказанія. ѡбаче на ѡснованіе пророческы и апостольскы рѣчи зижемъ. и мущи угольника самого Хѣ.

Приведену же бышу слѣпци бѣ испытаніе. не добра ли ты — рѣ — стража створи моему винограду, то почто еси ѡкралъ? Ѡвѣща слѣпецъ: Гѣ, ты всѣи, яко слѣпъ есмь, и не вижу безъ водящаго мя, камо ити. не вѣдѣ ни единого мѣста. аще хотѣлъ быхъ, ни чюи же никоего минующаго враты, да быхъ въ слѣ его крѣпко въшилъ. но мню, Гѣ, Гѣ, яко хромецъ есть краглъ. Виждѣ должное нынѣ испираніе души прѣ Богомъ. и кѣветаніе на тѣло.

Сяце же есть душевный глаголъ: Господи, азъ духъ есмь, да ни ясти ни пити хотѣлъ есмь, ни чти ни славы земныя искалъ есмь, ни телѣсное разумѣхъ похоти, ни диаволе сътвори воли. но та вся тѣло есть сътворилю.

Тогда повелѣ гѣ блюсти слѣпца въ кромѣи мѣсте, идѣже самъ съѣсть, дондеже самъ придетъ к винограду, и призоветъ хромца. тогда судитъ ѡбѣма. Того ради, до втораго пришествія Хѣа, нѣ суда ни мученія всякой души члѣи вѣрнаго же и не вѣрнаго: вѣруйте же въ правду въскрѣнію члѣкы телѣсъ.

Послеши бо — рѣ — духъ свой, съжиждутся, и ѡбновиши лице (и)земли. И въ Езекин бо въскрѣніа надежду намъ показалъ есть: прорци — рекъ — снѣ члѣческѣ, на мртвыа сіа кости, да будутъ на нѣ телеса, и да ѡпнется на нѣ кожа, и да придетъ ѡ четыре вѣтрѣ, и видутъ (въ)мртвыа сіа, ѡживутъ. Се же самъ все Творецъ дѣйствуетъ. не инако чина превращаа. но инако исконное дѣло свое понавдая. Прже бо създа тѣло Адамле, ти потомъ вдуну душу. тако въ утробѣ женѣстѣи, первіе ѡ сѣмени зижеть тѣло. и по. ѣ. мѣ творитъ дѣю; въ крѣпчѣи же первое по(д)ражааетъ водою, потомъ же ѡбновляетъ духомъ. ѡ тлѣніа грѣховнаго. Тако и в послѣдній день. первое ѡбновити землю и съжиждеть всѣ на телеса в мгновеніи ока. потомъ дѣи наша когожо видѣ въ своя телеса, по Павлу глѣдцу, яко — сѣ Господь

въ гласѣ архагѣвѣ и въ трубѣ Божіи сидеть с нѣси. и мртви о Хѣ въскрѣснутъ прже, потѣже и мы живи. Что суть мртви? вси азыци, небывше по Божимъ закомъ, ни примше крещенія: елико бо — рѣ — незаконно съгрѣшиша, незаконно и погибнѣ, живыи же крѣтианы нарицаѣ. Ви всѣ члѣкы телесомъ воскреснути. и вѣруйтъ (Павлову) послушеству словесемъ Гѣимъ: аже ли не твори искои Бѣгомъ съзана члѣа, то не разумѣтъ и крещеніемъ в живѣ порожема, тѣмже и не чаѣ послѣдняго телеси въскрѣсенія. вѣстающимъ всѣмъ члѣкомъ въ бесконечный животъ, ѡвѣтъ в честь и в славу, ѡвѣтъ же в сѣ и в муку. Но да и прокое рѣмъ.

Придѣ Хѣ на сѣ всѣмъ члѣкомъ. Егда придетъ гѣ взять плѣ ѡ винограда и видѣтъ его ѡкрадена. и призва хромца, и совокупн его со слѣпцемъ; и начаста ся сама ѡблчати. Хромецъ рѣ слѣпци: аще не бы ты мене носилъ, никакоже азъ могъ быхъ тамо дойти. понеже хромъ есмь. Слѣпецъ же гѣше: аще не бы ты мѣ пути казалъ, не быхъ азъ могъ самъ тамо дойти, но путь ми еси казалъ ты, понеже слѣпъ есмь, и вси видятъ, яко нѣсть азъ слѣпу безъ водящаго красти. Прищима же ся има промежи себѣ долго время, тогда гѣ съдѣ на суднѣмъ столѣ, и начать има судити. И рѣ: яко же (е)ста крада, да всядѣ хромецъ на слѣпца. И повелѣ я казнити казнию вѣчныа муки, река: почто не сохраниста заповѣди моя, и тако по своимъ трудомъ приметъ мзду....

Разумѣйте братье сіа притча сказаніе... ✠

Члѣ есть домовитъ — Богъ ѡтець всачески творецъ, его же Снѣ добра роду, Гѣ нашъ Исъ Хѣ. А виноградъ землю и миръ сънарицаетъ. Оплоть же есть законъ Божій и заповѣди. Слугы же суцаа с нимъ аггѣи глѣ. Хромецъ же есть тѣло члѣе. а слѣпецъ душу его мѣннать. А иже а посади у вѣа, члѣку предасть въ ѡбласть всю землю, даъ ему законъ и заповѣдъ. преступившю же члѣку повелѣніе Божіе, тоге ради смертію осужени уѣозин быхѣ. Первое душа его къ Бѣу приводится, и испарается глѣи: не азъ, не тѣло есть съгрѣшилю. И того ради нѣсть мученія душамъ до втораго пришествія. но блудими суть, идѣже Богъ вѣсть. Егда же придетъ ѡбновити землю, въскрѣситъ вся умершая, яко же самъ Христосъ прже гѣа: тогда вси сущи въ гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія, и ѡживутъ, и изыдутъ. сътворившиа благая (въ) въскрѣнію живота, а створившии злаа (въ) въскрѣшеніе суда. Тогда бо пакы душа наша въ телѣса вѣнидутъ и примутъ въ зданіе кожѣ по своимъ дѣломъ — праведници

вѣчную жизнь, а грѣшници бесмертную и бесконечную муку. ими же бо кто съгрѣшаетъ, тѣми и мучень будетъ. Иже ми ѿ сн^а писавшу и сказавшу. не ѿмышла я, но ѿ святыхъ книгъ. да нѣсть мое слово се ни бесѣда: нѣсть есмь бо учитель, яко же ѿни церковніи священніи мужи. ~

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ.

НОВЫЯ КНИГИ.

— Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго общества, издаваемый подъ редакціею Секретаря Общества *В. А. Милютина*, Часть X и XI. СПб. 1854 (8^о: — X-я часть: 64 + 166 + 78 + 74 + 80 + 50; XI-я: 26 + 228 + 68 + 80 + 40 + 50).

Оба тома, подобно предыдущимъ, богаты разнообразнымъ содержаніемъ, представляя между прочимъ и тѣ труды членовъ этнографическаго Отдѣленія Общества, которые заключаютъ въ себѣ факты и соображенія, любопытныя для филолога. Къ числу этихъ послѣднихъ относятся въ X-й части: Архим. *Макарія* Описание города Верхотурья, *И. И. Срезневскаго* Слѣды знакомства Русскихъ съ южной Азіей въ девятомъ вѣкѣ, *К. Ф. Свенске* Обзоръ главнѣйшихъ путешествій въ 1848—1853 гг.; *Г. Н. Геннадіи* Списокъ книгъ о Русскихъ монастыряхъ и церквяхъ; въ XI-й части: *Н. А. Абрамова* Слобода Царево-городище, Архимандрита *Макарія* Описание Ферапонтовой волости, *Г. И. Геннадіи* Указатель къ Губернскимъ Вѣдомостямъ 1853 г.— Отмѣчая въ числѣ статей, любопытныхъ для филолога, трудъ г. Свенске, замѣчательный по обширности и прекрасному изложенію подробностей, мы имѣемъ въ виду ту часть его, которая касается описанія Славянскихъ земель и народовъ, и остаемся въ надеждѣ, что въ будущихъ дополненіяхъ почтенный авторъ обратитъ вниманіе и на многія другія книги о Славянахъ, которыя вышли въ 1848—1853, и пока еще не могли быть имъ осмотрѣны. Въ этомъ числѣ надобно будетъ поставить и нѣкоторыя сочиненія на нарѣчіяхъ Славянскихъ, особенно на Чешскомъ и Польскомъ.

— Книги разрядныя, по официальнымъ оныхъ спискамъ изданныя съ Высочайшаго соизволенія II-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Томъ I. СПб. 1853. (8^о: XV + 1380 стр.).

— О правахъ иностранцевъ въ Россіи до вступленія Іоанна III Васильевича на престолъ великаго княжества Московскаго. Разсужденіе *И. Андреевскаго*. СПб. 1854 (8^о: IV + 139).

По мнѣнію автора, царствованіе Іоанна III было временемъ начала переимѣнъ въ юридическомъ взглядѣ Русскихъ

на иностранцевъ, и потому права, которыми иностранцы пользовались у насъ до половины XV вѣка, могутъ быть разсматриваемы какъ одно сомкнутое цѣлое. Исслѣдовавъ свою задачу по источникамъ съ полною добросовѣстностью и съ увлеченіемъ, г. Андреевскій оказалъ услугу для разъясненія не только имъ избраннаго очень любопытнаго вопроса Русскихъ древностей, но и многихъ другихъ съ нимъ соприсасающихся; а такъ какъ многіе изъ договоровъ, заключенныхъ у насъ въ древности съ заграничными землями, занимаютъ важное мѣсто и въ числѣ общихъ памятниковъ древняго Русскаго законодательства, гражданскаго и уголовнаго, и какъ съ другой стороны постановленія другихъ древнихъ юридическихъ памятниковъ Русскихъ могли быть на дѣлѣ такъ же примѣняемы къ иностранцамъ, то вопросы, которыхъ коснуться г. Андреевскій считалъ своимъ долгомъ, по неволѣ были очень разнообразны. Многіе изъ нихъ могли быть, и были, или будутъ предметомъ особенныхъ изслѣдованій; но и между такими частными изслѣдованіями съ достоинствомъ займетъ свое мѣсто книжка г. Андреевскаго, какъ прекрасное пособіе для соображеній, любопытное между прочимъ и для филолога по попыткамъ объясненія нѣсколькихъ темныхъ мѣстъ въ памятникахъ древняго Русскаго языка.

— Записки Одесскаго общества исторіи и древностей. Томъ III-й. Одесса. 1853 (4^о: IV + 596 и чертежи)

Вновь вышедшій томъ Записокъ Одесскаго Общества, которое — какъ общество мѣстное — можетъ имѣть средствъ для основательнаго изслѣдованія историческихъ и археологическихъ вопросовъ, касающихся Южной Россіи, болѣе чѣмъ всякое другое, представляетъ любознательнымъ читателямъ нѣсколько занимательныхъ записокъ. Отмѣтимъ тѣ изъ нихъ, которыя, болѣе любопытны для насъ: — О сѣверномъ берегу Чернаго моря и степяхъ до водворенія Монголовъ *И. Д. Боллева*, — О времени крещенія в. к. Владиміра, *И. В. Хавскаго*, — Молдавско-Валахійскія грамоты XV—XVII в., — *Voyages et ambassades de m. G. de Lannoy Ф. К. Бруна* (выписки, переводъ и примѣчанія).

— *Ilirska Slovnica. Sastavi Věkoslav Babukić. U Zagrebu. 1854^о: XVI + 444 + IV).*

Г. Бабукичъ началъ свое филологическое поприще почти за 20 лѣтъ передъ этимъ: въ 1836 году уже была напечатана его «Основа словнице Славянске нарѣчя Илirsкаго», какъ приложеніе къ Даницѣ — литературной газетѣ д-ра Галя. Трудъ этотъ невеликъ по объему, но замѣчательнъ по мысли — образовать одно литературное нарѣчье для всѣхъ Сербовъ и Хорватовъ, мысли неновой, потому что ею оживляли свои работы и Далматинскіе филологи прошлаго вѣка, но потерявшей было свое важное значеніе. Этому нарѣчію дано было названіе Илirsкаго; даны были границы для смѣшенія грамматическихъ формъ исклю-

целью Сѣрбскихъ и исключительно Хорватскихъ; даво было и правописание — Латинское, какъ болѣе пригодное для всѣхъ Римскокатоликовъ. Съ тѣхъ поръ г. Бабукичъ по временамъ принимался за исправленіе и распространеніе своего труда, — и вотъ надалѣ наконецъ обширную книгу. Самыя занимательныя страницы ея — обзорніе корней (стр. 42—153).

— *Karésni slovník jazyka Českého a Německého. od I. F. Šumavského. V Praze. 1854. (16°; 728).*

Въ прошедшемъ выпускѣ Вѣстникъ (III, стр. 306) было упомянуто о Нѣмецко-Чешской части этого прекраснаго ручнаго словаря. Вышла и часть Чешско-Нѣмецкая, столько же удуметворительная и по богатству содержанія, и по умѣнью составителя пользоваться мѣстомъ. За достоинство этого словаря ручается и то, что едва успѣло появиться первое изданіе первой части, какъ уже потребовалось новое.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ

Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ
за октябрь 1854 года.

Въ Ноябрь 1854 года Второе Отдѣленіе Академіи Наукъ имѣло семь засѣданій, а именно: 4, 6, 11, 13, 18, 25 и 27 чиселъ. Въ сихъ засѣданіяхъ, подъ Предсѣдательствомъ *И. И. Давыдова*, присутствовали Академики: *К. И. Арсеньевъ, П. Г. Бутковъ, А. Х. Востоковъ, П. А. Плетневъ, М. П. Погодинъ, М. А. Коркуновъ* и *И. И. Срезневскій*.

I.

Общій Словарь Русскаго языка

Въ засѣданіяхъ 6, 13, 18, 25 и 27 чиселъ читаны составленныя Академикомъ *И. И. Срезневскимъ* опредѣленія словъ на букву *Б*.

Полученныя отъ Зырянскаго *Лыткина* объясненія нѣкоторыхъ словъ, встрѣчающихся въ старинныхъ Русскихъ словаряхъ, препровождены Отдѣленіемъ, для рассмотрѣнія, къ Профессору вѣдшей Семинаріи *П. И. Саввантову*. Объясненія г. *Лыткина* заимствованы изъ языка Зырянскаго.

II.

Областные Словари:

1) Великорусскій.

Директоръ Училищъ Курской губерніи представилъ въ Отдѣленіе, сборникъ мѣстныхъ словъ, употребляемыхъ въ Оболенскомъ уѣздѣ. Сборникъ этотъ составленъ Учителемъ *Машкинѣмъ*.

Изъ Самарской Духовной Консисторіи получены образцы простонароднаго говора слѣдующихъ мѣстностей: 1) села *Тяглаго озера* (Николаевскаго уѣзда), записанныя Священникомъ *Іоанномъ Перовымъ*; 2) села *Яковлева*

(Бугульминскаго уѣзда), Священника *Скворцова*; 3) села *Верхосуля* (Бугульминскаго уѣзда), Свящ. *Фомы Красносельцова*; 4) пригорода *Тиньска* (Ставропол. уѣзда), Свящ. *Федора Люстрицкаго*; 5) *Архангельскихъ городищъ* (Ставропол. уѣзда), Свящ. *Іоанна Модестова*; 6) села *Никольскаго на Черыпкѣ* (Ставропол. уѣзда), Свящ. *Иларіона Топорнича*; 7) села *Русскаго Мелекеса* (Ставропол. уѣзда), Свящ. *Іова Георгіевскаго*; 8) слободы *Кинели* (Бугуруслан. уѣзда), Свящ. *Василія Тугищева*; 9) села *Аделякова* (Бугуруслан. уѣзда), Свящ. *Василія Тихомирова*; 10) села *Вечкомова* (Бугуруслан. уѣзда), Свящ. *Федора Шаверскаго*; 11) села *Рахмановки* (Николаев. уѣзда), Свящ. *Марка Островидова*; 12) села *Лазовки* (Бугуруслан. уѣзда), Свящ. *Василія Благовѣщенскаго*. Статья Священника *Федора Шаверскаго*, какъ относящаяся до Морды Бугурусланскаго уѣзда, препровождена въ Этнографическое Отдѣленіе Русскаго Географическаго Общества.

2) Бѣлорусскій.

Читаны Бѣлорусскія слова, собранныя г. *Минцинымъ* во время путешествія его по западнымъ губерніямъ Россіи. Слова эти расположены въ алфавитномъ порядкѣ и представляютъ значительный запасъ для предполагаемаго Отдѣленіемъ Бѣлорусскаго Словара. По полученіи словъ на остальные буквы алфавита, это собраніе будетъ напечатано въ томъ предположеніи; что могутъ быть доставлены отъ постороннихъ лицъ дополненія, которыми можно будетъ воспользоваться до отдѣльнаго изданія Бѣлорусскаго Словара.

III.

Грамматика.

Корреспондентъ Академіи Наукъ *П. П. Дубровскій* представилъ въ Отдѣленіе статью свою подъ заглавіемъ: «Нѣсколько замѣчаній о Русскомъ глаголѣ въ сравненіи съ Польскимъ». Статью эту, на основаніи отзыва г. Предсѣдательствующаго, опредѣлено напечатать.

IV.

Чтенія трудовъ Академикомъ и постороннихъ ученыхъ.

Г. Предсѣдательствующій въ засѣданіи 4-го числа читалъ записку объ ученыхъ трудахъ Академика *Я. И. Бердяикова*, назначенную для представленія Г. Вице-Президенту Академіи Наукъ, а въ засѣданіи 27-го Обзорніе занятій Отдѣленія въ 1854 и программу на будущій 1855 г.

Академикъ *М. А. Коркуновъ*, доложилъ, что «Повѣсть объ осадахъ и взятіи Константинополя Турками» приготовленіемъ текста которой занимался по порученію Отдѣленія покойный Академикъ *Я. И. Бердяиковъ*, осталось послѣ него не приготовленною къ изданію. Въ слѣдствіе этого Отдѣленіе поручило *И. И. Срезневскому* заняться очеркомъ содержанія помянутой Повѣсти. Исполнилъ порученіе Отдѣ-

ленія г. Срезневскій, въ засѣданіяхъ 18 и 25-го Ноября, читалъ составленное имъ подробное замеченіе изъ Повѣсти, съ тѣми примѣчаніями, которыя казались ему излишними для ея объясненія. При томъ высказано имъ было слѣдующее мнѣніе объ этомъ памятникѣ XV вѣка: «Въ числѣ древнихъ и старинныхъ памятниковъ Русскихъ осталось много замѣчательныхъ и важныхъ воспоминаній о Цареградѣ, на которыхъ большею частію лежитъ печать современности. Такъ на первыхъ страницахъ нашихъ лѣтописей, между замѣчаніями о событіяхъ IX и X вѣка, записаны сказанія о мирныхъ и немирныхъ странствіяхъ Русскихъ въ Цареградъ съ припоминаніями о его великолѣпнѣи и богатствахъ. Позже въ одной изъ древнихъ лѣтописей Новгородскихъ находимъ сказаніе о занятіи Цареграда Латинами. Отъ половины XIV вѣка осталось довольно подробное описаніе Цареграда — Новгородца Стефана; отъ конца XIV вѣка — два описанія: одно дьяка Александра, а другое діакона Игнатія; отъ начала XV вѣка — хоть и не подробное, но умное описаніе Іеродіакона Зосимы и т. д. Въ XV вѣкѣ, когда вѣсть о паденіи Цареграда подъ ударами Магомета II разошлась по Руси, не могли у насъ не явиться описанія и этого грознаго событія. Можно предполагать, что такихъ описаній было у насъ вѣскольکو... Одно изъ нихъ, очень подробное, явилось, вѣроятно болѣе другихъ, и потому сохранилось въ значительномъ количествѣ списковъ — въ хронографахъ, лѣтописяхъ и сборникахъ. Это — «Повѣсть о созданіи и о занятіи Цареграда», та самая, которая довольно небрежно напечатана въ Царственномъ Лѣтописцѣ и въ Лѣтописи по Никоновскому списку. Повѣсть эта, занимательная по изложенію и по подробностямъ, изъ которыхъ нѣтъ въ другихъ сказаніяхъ, оживлена сочувствіемъ къ событіямъ и къ лицамъ, но такъ что никто изъ христіанъ того времени не обиженъ, не очерненъ. Списки этой Повѣсти довольно различны — не только въ мелочахъ чтенія и правописанія, но и въ тѣхъ чертахъ, которыя могутъ годиться для отвѣта на вопросъ, когда, кѣмъ и по какому случаю она написана. Безъ сличенія возможно большаго количества списковъ нельзя рѣшить, что считать въ нихъ вставками и вѣмѣненіями позднѣйшаго времени, и что именно было въ подлинникѣ; а безъ такого сличенія первобытнаго текста нельзя допустить в окончательныхъ выводахъ о значеніи Повѣсти, какъ памятника историческаго. Впрочемъ и теперь, перечитывая ее въ спискахъ болѣе или менѣе искаженныхъ, можно догадываться, что она составлена если не очевидцемъ, то современникомъ, или по крайней мѣрѣ по рассказамъ современниковъ, и должна занять почетное мѣсто между другими современными разсказами. Она можетъ внушать къ себѣ недовѣріе тѣмъ, что кое въ чемъ несходна съ разсказами Леонарда, Фран-

цы, Дуки, Халкокованлы; но такъ могутъ внушать къ себѣ недовѣріе и эти разсказы, — и даже не только тѣмъ, что несходны одинъ съ другимъ, но и тѣмъ, что слишкомъ похожи одинъ на другой. Недовѣріе къ этимъ разсказамъ было высказано уже и Гиббономъ, во мелькомъ. Пора бы взяться за нихъ дѣльно, съ цѣлію оцѣнить всякій изъ нихъ сравнительно, пользуясь для этого и письмами современниковъ, разсказами писателей XVI вѣка и т. д. Тогда и наша Повѣсть представится въ болѣе ясномъ свѣтѣ, внушая къ себѣ и довѣріе и недовѣріе, вѣроятно на столько же, на сколько и всякое другое небеснословное сказаніе о грозномъ событіи 1453 года. Есть возможность думать, что Повѣсть эта распространилась на Руси во время Іоанна III, когда бракомъ его съ Софіей Палеологъ еще сильнѣе скрѣпились связи Русскихъ съ ихъ единовѣрцами Греками, а можетъ быть еще и ранѣе, т. е. послѣ того какъ, немедленно по занятіи Цареграда, стали къ намъ являться Греки съ просьбою о вспоможеніи, и вѣроятно же безъ записокъ о бѣдствіи, постигшемъ ихъ Отечество. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи любопытно окружное посланіе митрополита Іоны о помощи Гречину Дмитрію для выкупа изъ плѣна его жены и дѣтей (Акт. Ист. I. стр. 496).

Въ дополненіе къ прежде читаннымъ примѣчаніямъ къ Повѣсти о Цареградѣ, въ послѣднемъ ноябрьскомъ засѣданіи, И. И. Срезневскій читалъ замѣчанія касательно такъ называемыхъ предвѣщаній о судьбахъ Константинополя, о которыхъ упоминается въ этой Повѣсти. Разнообразныя воспоминанія объ этихъ предвѣщаніяхъ у современныхъ писателей (Леонарда, Францы, Дуки, Халкокованлы) обратили на себя вниманіе ученыхъ, между прочимъ Аллація, Дюканжа, Бандури и другихъ. Пользуясь ихъ замѣчаніями, г. Срезневскій представилъ перечень, содержаніе и объясненіе этихъ предвѣщаній, и сличилъ ихъ съ тѣми, которыя находятся въ нашихъ старинныхъ сборникахъ. Важнѣйшія изъ нихъ соединены съ именами Мееодія, Льва Мудраго, монаха Данила и Григорія Схоларія. При этомъ долгомъ своимъ счелъ г. Срезневскій доложить Отдѣленію объ обязательности, съ какою помогъ ему въ этомъ трудѣ Академикъ М. И. Броссе, уже отмѣтившій нѣкоторыя изъ предвѣщаній по Грузинскихъ источникамъ въ своемъ изданіи Лебо и въ Извѣстіяхъ III-го Отдѣленія Академіи Наукъ.

V.

Изданіе Извѣстій и Ученыхъ Записокъ.

Редакторомъ Извѣстій, Академикомъ И. И. Срезневскимъ, читаны библиографическія замиски о вновь вышедшихъ книгахъ.

VI.

Особые чтенія.

Въ засѣданіи 18-го числа Корреспондентъ Академіи Наукъ А. Н. Майковъ читалъ вновь написанныя имъ стихотворенія. На основаніи 18-го параграфа Положенія объ

Отдѣленіи Русскаго языка и Словесности, опредѣлено напечатать эти стихотворенія въ приложеніяхъ къ протоколамъ.

По порученію Отдѣленія, Редакторъ Ученыхъ Записокъ изложилъ содержаніе и расположеніе перваго тома Записокъ, которыя выйдутъ въ свѣтъ въ наступившемъ Декабрѣ.

Рукопись, содержащая списокъ Георгія Амартола, полученная отъ Графа А. С. Уварова, передава для разсмотрѣнія Академіи А. Х. Востокову.

Въ числѣ книгъ, полученныхъ Отдѣленіемъ въ Ноябрь, особенное вниманіе Отдѣленія обратила на себя Русская Христоматія, составленная Профессоромъ Головацкимъ и напечатанная въ Вѣнѣ на счетъ Правительства (вкладомъ Правительства) въ 1854 году. Вышелъ пока еще первый томъ: Христоматія Церковно-Славянская и Древне-Русская.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПРОТОКОЛАМЪ.

Новое стихотвореніе Князя П. А. Вяземскаго.

День нашъ радостный и славной,

День шестаго Декабря:

Праздникъ Руси православной,

Праздникъ Русскаго Царя!

Всѣ сочувствія родныя

Сочетались съ этимъ днемъ:

Именинница Россія

Въ Именинникъ своею.

Весь народъ нашъ богомольный

Въ этотъ день спѣшитъ во храмъ:

Звонъ и грохотъ колокольный

Раздается по сердцамъ.

Движетъ всѣхъ одно движеніе!

Предъ святыней алтара

Мысль одна, одно моленіе:

Господи, спаси Царя!

Многолѣтіе поется;

И отъ ратнаго шатра

До палатъ и хатъ несетя

Богатырское ура!

Этотъ кликъ не отзывъ тщетный:

Онъ наследственный у насъ,

Онъ пророчески-завѣтный —

Гласъ народа, Божій гласъ!

Въ этомъ кликѣ, намъ знакомомъ,

Слышимъ заповѣдь отцовъ. —

Оглушая ихъ какъ громомъ,

Въ трепеть онъ бросалъ враговъ.

Пусть намъ строить козни злыя,

Будетъ то, что было встарь:

Отстоитъ Царя Россія!

Отстоитъ Россію Царь!

Новыя стихотворенія А. Н. Майкова

I.

Бывало, уловить изъ жизни мигъ случайный
И въ стихъ его облечь — блаженство для меня!
Меня гармоніи тогда плѣняли тайны
И самъ своихъ стиховъ заслушивался я.
Я ими тѣшился, ихъ жѣрно повторяя
Украдкой, какъ скупецъ, который по ночамъ
Червонцы по столу горстями пересыпая,
Какъ бы невѣдомымъ внимаешь голосамъ.

Теперь не служить стихъ мнѣ праздною забавой.
Онъ рвется изъ души, какъ откликъ боевой
На зовъ торжественный отечественной славы.
Широкій горизонтъ открыть передо мной.
Рукою вѣрною берусь теперь за лиру,
И обновленная приветствуетъ она
Намъ новыхъ дней зарю.... Ударилъ война,
Россія вызвана на созерцанье міру,
На судъ Исторіи: міръ гордый да пойметъ,
Что тотъ же мощный духъ и доблесть въ насъ живетъ,
Которыя мы чтить умѣемъ въ иностранцахъ —
Въ защитникахъ Креста, въ Римлянахъ и Спартакцахъ!

Благодарю Тебя, Творецъ, благодарю,
Что мы не скованы лжемудростию узкой!
Что съ гордостью я всѣмъ сказать могу: я Русскій!
Что пламенемъ однимъ съ Россіей я горю!
Что слезная объ ней въ душѣ моей забота!
Что тотъ же мощный вѣтръ расправилъ парусъ мой,
Которыя движимы пеллиса подъ грозой
Громады кораблей Нахимовскаго флота!

II.

Памяти Дерябина.

При полученіи вѣстия о побѣдахъ при Синоѣ и Ахалцхѣ.

Что слышу? что сердца волнуется?
Что веселится Царскій домъ?...
Опять Россія торжествуетъ!
Опять гремитъ Кагульскій громъ!

Опять времяъ Екатерины,
Я слышу, встали исполнены....
Но мой восторгъ не положь! нѣтъ!
Нашъ вѣкъ великъ, могучъ и славенъ;
Но гдѣ жь, Россія, твой Державинъ!
О гдѣ пѣвецъ твоихъ побѣдъ!

И гдѣ кивалъ его, литавры,
Которыхъ громъ внималъ весь міръ?...
Неполны воинскіе лавры
Безъ звона неподкупныхъ лавръ!
Кто днесъ стихомъ монументальнымъ
Провозвѣститъ потомкамъ дальнымъ,
Что мы все тѣ же какъ тогда,
И что жива еще въ Россіи
О христіанской Византіи
Великодушная мечта!

Къ тебѣ, Державинъ, какъ въ молитвѣ,
Къ тебѣ зову! Услышь мой гласъ,
Какъ слушалъ бардъ о чудной битвѣ
Простаго пахаря разсказъ.
Съ тѣхъ поръ, какъ ярческій твой голосъ
Умолкнулъ, — много Русь боролась
Со злымъ врагомъ и клеветой.
Въ насъ силъ твоихъ недоставало
Къ нимъ стать лицомъ, поднять забрало
И грянуть рѣчью громовой.

Пора забыть навѣты злые,
Пора и намъ глаза открыть,
И перестать намъ о Россіи
Съ чужаго голоса судить.
Пора! завѣса разорвалась!
Въ насъ сердце Русское сказано!
Мы прозрѣваемъ наконецъ
Въ самосознаніи народномъ —
Намъ не въ Парижѣ сумазбродномъ,
Не въ дряхлой Вѣнѣ образецъ.

Въ Европѣ слишкомъ много кровью
Сама земля напоена;
Враждой упорной, не любовью
Взростила чадъ своихъ она;

Не зрѣлъ тамъ человека геній
Безъ корчъ, безъ мукъ, безъ потрясеній;
Духъ партій злобу тамъ таить;
Всѣ живы старыя обиды;
Надъ каждымъ мрачной Немезиды
Тамъ мечъ кровавый тяготитъ.

А мы за нашими царями,
Душою вѣруа Петру,
Какъ за искусными вождями
Пошли къ величью и добру.
Они одни лишь угадали,
Какая мощь и разумъ спали
Въ богатырѣ земли родной,
Лишь бы Монгольскихъ золь заразу
Съ него страхнуть, и какъ алмазу
Дать грань душѣ его молодой.

Чѣмъ быть во изумленіе міру —
Ему впервой разоблачилъ
Тотъ, кто сложилъ съ себя порфиру,
И какъ матросъ и плотникъ жилъ,
За Русь пошелъ страдать, учиться,
Кто восхотѣлъ переродиться,
Чтобъ свой народъ переродить!
Познай, нашъ врагъ хитроугрозыный!
Съ ея Царемъ дороги розной
Россіи вѣкъ не можетъ быть.

И пусть она еще ребенокъ,
Но какъ глядитъ уже умно!
Еще чуть вышла изъ пеленокъ —
Но сколько ею создано!...
Державинъ! бардъ нашъ сладкострунный!
Ты возвѣщалъ Россіи юной
Все, чѣмъ великъ здѣсь человекъ;
Ты для восторга далъ ей клики,
Ты огласилъ ея, великій,
Трудовъ и славы первый вѣкъ!

Встань же днесъ и виждь — какъ снова
Родныя плещутъ знамена!
Во славу имени Христова
Кипитъ священная война,

И вновь Россія торжествуетъ!...
 Пускай Европа негодуетъ,
 Пускай коварствуетъ и лжетъ :
 Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья,
 Враговъ безсмыльное шаштенье
 Народный духъ въ насъ не убьетъ!
 У насъ есть два врага — мы знаемъ!
 Одинъ — завистниковъ вражда:
 Не усмиривъ ихъ, не влагаемъ
 Меча въ ножны мы никогда.
 Другой нашъ врагъ — и врагъ кичливый —
 То духъ невѣжества строптивый!...
 О Русь! ихъ купно поражай!
 Однихъ мечомъ, другихъ сатирой,
 И бранный мечъ съ правдивой лирой
 Единнымъ лавромъ обвивай!
 Въ ряду героевъ Измаила
 Да узрятъ наши имена,
 Да знаютъ — съ ними въ насъ одна
 Мощь разума и длани сила;
 Да глубже мысль намъ ляжетъ въ грудь,
 Что нашъ великъ въ грядущемъ путь, —
 И тѣнь пѣвца Екатерины
 На наше кликнетъ торжество :
 — «Они все тѣ же исполнены,
 И помнятъ барда своего!»

3 Дек. 1853.

III.

Клермонтскій соборъ.

Не свадьбу праздновать, не пиръ,
 Не на воинственный турниръ
 Блеснутъ оружіемъ и конями,
 Въ Клермонть нагорный притекли
 Богатыри со всей земли.
 Какъ лугъ, усѣянный пѣвцами,
 Вся площадь, полная ростей,
 Вдымалась массою людей
 Какъ перекатными волнами.
 Лучъ солнца ярко озарялъ
 Знамена, шарфы, перья, ризы,
 Гербы, и ленты, и девизы,
 Лазурь, и пурпуръ, и металлъ.
 Подъ златотканнымъ балдахиномъ,
 Средь духовенства властелиномъ

Въ тиарѣ папа возсѣдалъ,
 У трона — герцоги, бароны,
 И красныхъ кардиналовъ рядъ,
 Вокругъ ихъ — скрытыхъ обороны —
 Толпою рыцари стоять :
 Въ узорныхъ латахъ Итальянцы,
 Тяжелый Швабъ и рыжій Бриттъъ,
 И Галлъ, отважный сибаритъ,
 И въ шлемахъ съ перьями Испанцы;
 И отдаленъ отъ всѣхъ старикъ,
 Дерзавшій свергнуть папства узмы :
 То обращенный еретикъ
 Изъ фанатической Тулузы;
 Здѣсь строй Норманновъ удалыхъ,
 Какъ въ маскахъ, въ шлемахъ пудовыхъ,
 Съ своей тяжелой аллебардой.
 На крыши взгромоздясъ, народъ
 Всѣхъ поименно ихъ зоветъ :
 Все это львы, да леопарды,
 Орлы, медвѣди, ястреба —
 Какъ-будто грозныя прозванья
 Сама сковала имъ судьба,
 Чтобъ обезсмертить ихъ дѣянья!
 Надъ ними, стаей лебедей,
 Слетѣвшихъ на берегъ зеленый,
 Изъ ложъ кругомъ сіяютъ жены
 Въ шелку, въ зубчатыхъ кружевахъ,
 Въ алмазахъ, въ млечныхъ жемчугахъ.
 Лишь шопотъ слышится въ собраньи.
 Необычная молва
 Давно чудесныя слова
 И непонятныя сказанья
 Носила въ мирѣ. Видѣнъ крестъ
 Былъ въ небѣ. Несся стонъ съ востока.
 Заря кроваваго потока
 Имѣла видъ. Межъ блѣдныхъ звѣздъ
 Какъ человѣческое было
 Лицо луны, и слезы лило,
 И вокругъ клубился дымъ и мгла....
 Чего-то страшнаго ждала
 Толпа, внимать готовая Богу —
 И били грозную тревогу
 Со всѣхъ церквей колокола.

Вдругъ звонъ затихъ — и на ступени
Престола папы преклонилъ
Убогій пидгримъ колѣни;
Его съ любовью осѣнилъ
Святымъ крестомъ первосвященникъ,
И, помоляся небесамъ,
Пустынникъ говорилъ къ толпамъ.

«Смиранный нищій, бѣглый плѣнникъ
Предъ вами, сильные земли!
Темна моя, ничтожна доля;
Но движетъ мной иная воля,
Не мнѣ внимайте, короли —
Самъ Богъ, державствующій нами,
Къ моей склонился нищета
И повелѣлъ мнѣ стать предъ вами;
И вамъ въ сердечной простотѣ
Сказать про плѣнъ, про тѣ мученья,
Что испыталъ и видѣлъ я.
Вся плоть истерзана моя,
Спина хранитъ слѣды ремня,
И язвамъ нѣту исцѣленья!
Взгляните: на рукахъ моихъ
Оковъ кровавыя заплата.
Въ темницахъ душныхъ и сырыхъ,
Безъ утѣшенья, безъ участя,
Провелъ я юности лѣта;
Копалъ я рыи, бряцая цѣпью,
Влачилъ я камни знойной степью,
За то, что вѣровалъ въ Христа!
Вотъ эти руки.... Но въ молчаніи
Вы потушаете глаза;
На грозныхъ лицахъ состраданья,
Я вижу, катится слеза:
О, люди, люди! язвы эти
Смутили васъ на краткій часъ!
О, впечатлительныя дѣти!
Какъ слезы дешевы у васъ!
Уже-ль, чтобъ тронуть васъ, страдальцамъ
Къ вамъ надо нищими предстать?
Чтобъ васъ увѣрить, надо дать
Ощупать язвы вашихъ пальцевъ!
Тогда лишь бѣдствіямъ земнымъ,

Тогда неслыханнымъ страданьямъ,
Безчеловѣчнымъ истязаньямъ
Вы сердцемъ внемлете своимъ!...
А тѣхъ страдальцевъ миллионы,
Которыхъ вамъ не слышны стоны,
Къ которымъ мусульманннъ злой
Какъ къ агнцамъ трепетнымъ приходитъ,
И беспрепятственно уводитъ
Изъ нихъ рабовъ себѣ толпой;
Въ глазахъ у брата душитъ брата,
И неродившихся дѣтей
Во чревѣ рѣжетъ матерей,
И вырываетъ для разврата
Изъ ихъ объятій дочерей....
Я видѣлъ: блѣдныхъ, безоружныхъ,
Толпами гнали по стенамъ,
Отсталыхъ старцевъ, женъ недужныхъ
Бичомъ стегали по ногамъ;
И Турокъ рыскалъ по пустыни,
Какъ передъ стадомъ гуртовщикъ.
Но мигъ — мнѣ памятный доникѣ,
Благословенный жизни мигъ,
Когда окованнымъ, средъ дыма
Прозрачныхъ утреннихъ паровъ,
Предстали намъ Іерусалима
Святые храмы безъ крестовъ!
Замолкли стоны и тревога,
И, позабывши прахъ и тлѣнъ,
Возславословили мы Бога
Въ виду Сіонскихъ древнихъ стѣнъ,
Гдѣ ждали насъ позоръ и плѣнъ!
Породнены тоской, чужбиной,
Латинецъ съ Грекомъ обнялись.
Всѣ, какъ сыны семьи единой,
Страдать безропотно клялись.
И Грекъ намъ далъ примѣръ великій.
Іерея, пѣвшаго псаломъ,
Съ коня прыгнувши, Турокъ дикій
Ударилъ взвизгнувшимъ бичомъ:
Тотъ плѣлъ, и бровію не двинулъ!
Злодѣй страдальца опрокинулъ,
И вырвалъ бороду его....
Рванули съ воплемъ мы цѣпями, —

А онъ Евангелія словами
 Господне славилъ торжество!
 Въ куски изрубленное тѣло
 Злодѣя побросали въ насъ:
 Мы сохранили ихъ всецѣло,
 И, о душѣ его молясь,
 Въ темницѣ, гдѣ страдали сами,
 Могилу вырыли руками,
 И на груди святой земли
 Его останки погребли.

«И онъ не встачеть, вѣдь, предъ вами
 Вамъ язвы обнажить свои
 И выпросить у васъ слезами
 Слезу участія и любви!
 Увы, не разверзаютъ гробы
 Святыя жертвы адской злобы!
 Нѣтъ, и живое не придетъ
 Къ вамъ годовѣрцевъ вашихъ племя —
 Христу молящійся народъ:
 Одинъ креста несетъ онъ бремя,
 Одинъ онъ тернъ Христовъ несетъ!
 Какъ рабъ евангельскій, израненъ,
 Въ степи лежитъ, больной, безъ силъ...
 Иль ждете вы, чтобъ напоилъ
 Его чужой Самаритянинъ,
 А вы, съ кошицей яствъ, бойцы,
 Пройдете мимо, какъ слѣпцы?
 О, нѣтъ, для васъ еще священны
 Любовь и правда на землѣ!
 Я вижу ужасъ вдохновенный
 На вашемъ доблестномъ челѣ!
 Встань, о воинство Христово,
 На мусульманъ войной суровой!
 Да съ громомъ рушится во прахъ —
 Созданье злобы и коварства —
 Ихъ тяготящее царство
 На христіанскихъ раменахъ!
 Разбейте съ чадъ Христа оковы,
 Дохнуть имъ дайте жизнью новой;
 Они васъ ждуть, чтобъ васъ обнять,
 Край вашихъ ризъ облобызать!
 Идите! ангелами мщенья,

Изъ храма огненнымъ мечомъ
 Игнавъ невѣрныхъ поколѣнья,
 Отдайте Богу Божій домъ!
 Тамъ благодарственные псалмы
 Для васъ народы воспоютъ,
 А падшимъ — мучениковъ пальмы
 Вѣнцами ангелы сплетутъ!»...

Умолкъ. Въ отвѣтъ, какъ-будто громы
 Перекатились въ горахъ.
 То кликъ одинъ во всѣхъ устахъ:
 «Идемъ, оставимъ женъ и дома!»
 И въ умиленіи святомъ,
 Вокругъ желѣзные бароны
 Въ восторгѣ плакали какъ жены;
 Врагъ лобызался со врагомъ,
 И руку жалъ герой герою,
 Какъ левъ косматый, алча бою;
 На общій подвигъ дамы съ рукъ
 Снимали злато и жемчугъ;
 Свой грошъ и нищѣ бросали;
 И радость всѣхъ была свѣтла.
 Ее литавры возвѣщали,
 И въ небесахъ распространяли
 Со всѣхъ церковей колокола.

Вотъ такъ Латинскіе народы,
 Во имя братства и любви,
 Шли въ отдаленные походы.
 Книгла доблесть въ ихъ крови.
 Иудѣ чуждая и Крезамъ,
 Лишь славолюбіемъ дыша,
 Подъ этой сталью и желѣзомъ
 Жила великая душа.
 И ею созданные люди
 На насъ колоссами глядятъ,
 Которыхъ каменные груди
 Ни мечъ, ни громъ не сокрушатъ.
 Тогда въ ряды священной рати
 Не ополчались мы войной.
 Отдѣльно, далеко отъ братій,
 Вели мы свой крестовый бой.
 Ужъ нѣдра Азии бездонной,
 Какъ разгарившійся вулканъ,

Къ намъ слали чадъ своихъ миліоны:
 Дулъ съ степи жаркій ураганъ,
 Металась степь какъ океанъ —
 Востокъ чревать былъ Чингисханомъ!
 И наша Русь тогда одна
 Сторожевымъ Европы станомъ
 Стояла — грозная поганымъ
 И слову Божьему вѣрна!...
 Не долго рыцарей глубоко
 Такъ трогалъ вѣнокъ: «Іерусалимъ!»
 Стонъ христіанскаго востока
 Все глуше становился имъ!
 Россія гнила: къ христіанамъ
 Взывала воплями она;
 Но какъ Іосифъ Агарянамъ
 Была отъ братьевъ продана!
 Упала съ громомъ Византія;
 Семья Славянскихъ царствъ за ней:
 Столпы сложились костяные
 Изъ череповъ богатырей.
 За честь Евангелія Христова
 Сыны Людовика святаго
 Ужъ выручать не шли Царьградъ.
 Отъ брата отшатнулся братъ....
 Мы — крестовосцы отъ начала!
 Орда рвала насъ по клочкамъ,
 Насъ жгла, — но лучше смерть чѣмъ срамъ,
 Страдальцевъ кровью возростала
 И крѣпла Русь; какъ мститель встала,
 И, вѣрная себѣ, идетъ
 Въ обѣтованный свой походъ.
 За что же западные братья
 Забывъ свой подвигъ прежнихъ лѣтъ,
 Ей шлютъ безумныя проклятья,
 Какъ скрежетъ демоновъ во сгбдѣ?
 За что жъ съ тоскою и заботой
 На насъ они, косясь, глядятъ?
 За что жъ на насъ идутъ ихъ флоты
 И намъ погибелью грозятъ?
 За что жъ?... За то, что мы созрѣли,
 Что вдругъ въ ученикахъ своихъ
 Они совѣстниковъ узрѣли;
 Что то не шутка: между нигъ

Мы смѣло требуемъ гражданства!
 Мы не пришельцы — зиждемъ храмъ
 Еще невѣдомый вѣкамъ, —
 На необъятное пространство
 Фундаментъ вывели; предъ нимъ
 Блѣднѣютъ древнія державы, —
 И новыхъ силъ и новой славы
 Младое солнце страшно имъ!
 Докончить храмъ — въ насъ есть отвага,
 Въ насъ вѣра есть, въ насъ сила есть.
 Всѣ для него земныя блага
 Готовы въ жертву мы принести....
 За то, что намъ пришлось на долю
 Свершить что Западъ начиналъ;
 Что насъ отнынь Богъ избралъ
 Творить Его святую волю.
 Что мы подъ знаменемъ Креста
 Не лицемеримъ, не торгуемъ,
 И фарисейскимъ поцѣлуемъ
 Не лобызаемъ мы Христа....
 И, можетъ быть, враги предвидятъ,
 Что изъ Россіи ледяной
 Еще невиданное выйдетъ
 Гигантовъ племя къ нимъ грозой,
 Гигантовъ — съ ненасытной жадью
 Безсмертья, славы и добра,
 Гигантовъ — какъ нѣтъ міръ однажды
 Зрѣлъ въ грозномъ образѣ Петра.

IV.

Межъ тѣмъ, какъ вы, друзья, въ рядахъ родныхъ полковъ
 Идете Божьею грозою на враговъ,
 О какъ хотѣлось бы, хотъ знакъ подать вамъ братья!
 Чтобъ видѣли вы къ вамъ простертая объятія,
 Чтобъ знали чувства вы, бушующія въ насъ,
 Чтобъ мощь оставшихся вся въ васъ перелилась.
 Мой стихъ есть тоже мечъ — и съ вашими мечами
 Ужели не блеснетъ за Русь онъ подъ грозой?
 Ужели можетъ онъ молчать передъ врагами?
 Къ вамъ шлю его, друзья, въ вашъ лагерь боевой,
 Съ нимъ вся моя душа помчится съ вами къ битвѣ.
 Я чувствую, что въ немъ есть сила, какъ въ молитвѣ.
 Въ немъ блещетъ идеалъ Россіи молодой,
 Который свѣтитъ намъ водителемъ звѣздой,

Тотъ гордый идеалъ, который окрыляя
Любовію нашъ духъ въ годину горькихъ бѣдъ,
Все осязательнѣй и ярче тридцать лѣтъ
Осуществляется подъ скиптромъ Николая.

Замѣчанія на мнѣніе проф. Барановскаго о дѣепричастіи. И. И. Давыдова.

Въ дополненіи Профессора Барановскаго къ статьѣ его о глагольныхъ видахъ въ Русскомъ языкѣ главная мысль та, что филологи наши, будто только по образцу иностранныхъ филологовъ, признають въ Русскомъ языкѣ существованіе дѣепричастій настоящаго и прошедшаго времени; въ сущности, говоритъ г. Барановскій, Русскія дѣепричастія различаются *современностью* и *предшественностью*. За этииъ положеніемъ слѣдуютъ примѣры.

Прежде, нежели повѣримъ примѣры, предлагаемые г. Профессоромъ на значеніе дѣепричастій, остановимся на упрекѣ, дѣлаемомъ Русскими филологамъ, по моему мнѣнію, вовсе незаслуженномъ.

Дѣепричастія, равно и причастія, различають во всѣхъ языкахъ, какъ и въ Русскомъ, временами настоящимъ и прошедшимъ, и въ этомъ ни одинъ народъ не подражаетъ другому, а выполняется логическій законъ послѣдовательности дѣйствій нашихъ во времени. Этотъ законъ требуетъ, чтобъ современные дѣйствія выражались одинаковымъ временемъ, будетъ ли время настоящее или прошедшее. А какъ дѣепричастія сокращають придаточныя предложенія въ рѣчи, то и они слѣдуютъ тому же закону.

Поэтому мы говоримъ: *обѣдая* (вм. когда обѣдаетъ), онъ *разговариваетъ*; *отобѣдавши* (когда отобѣдалъ), онъ *поѣхалъ*.

Но неправильны (хотя и говорятъ такъ незнающіе грамматикѣ) слѣдующія выраженія:

«Обѣдая, онъ поѣхалъ», или «обѣдавши, онъ разговариваетъ».

Всѣ лучшіе писатели соблюдаютъ выше упомянутый логическій законъ рѣчи. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

«Водяные холмы гремятъ, ударяясь о горы, и съ блескомъ и стономъ отбѣгаютъ назадъ, и плачутъ и заливаются слезами». Гоголь.

«Узнавъ о кончинѣ отца, Александръ Невскій спѣшилъ во Владиміръ, чтобъ оплакать его вмѣстѣ съ родными и взять нужныя мѣры для государственнаго порядка». Карамзинъ.

«И кони ржутъ, грызъ бразды». Жуковскій.

«Такъ убивается старая мать казака, провожая своего сына въ войско». Гоголь.

Но тутъ же у Гоголя встрѣчается неправильность: «ѣдетъ онъ на ворономъ конѣ, *подбоченившись*»; надобно сказать *подбоченясь*.

Изъ этого выводимъ правило: дѣепричастіе наст. вр. ставится при настоящемъ времени личнаго глагола, а прошедшее врем. при прошедшемъ одного и того же вида.

Такъ какъ и въ Русскомъ, и въ другихъ языкахъ настоящее время умножается вмѣсто будущаго: завтра

лду, вмѣсто поѣду; то и дѣепричастіе настоящее можетъ согласоваться съ будущимъ временемъ личнаго глагола:

«Когда *пойдутъ* горами по небу синія тучи, молнія, *взмывалась*, разомъ освѣтитъ цѣлый міръ».

Разсмотримъ примѣры г. Барановскаго:

1) «*Рубя* (вм. когда рубитъ) дрова, онъ *яль* пѣсню».

2) «*Рубя* дрова, поетъ пѣсню».

3) «*Рубя* дрова, *будетъ яль* пѣсню».

4) «*Срубивши* (вм. когда срубилъ) дерево, *запѣлъ* пѣсню».

5) «*Срубивши* дерево, *поетъ* пѣсню».

6) «*Срубивши* дерево, *будетъ пѣть*».

Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что изъ всѣхъ этихъ примѣровъ собственно второй и четвертый правильны и основаны на законахъ логики и синтаксиса. Притомъ не «срубивши», а *рубивши* должно разумѣть; потому что дѣло идетъ о согласованіи глагола и дѣепричастія одного и того же вида.

Послѣ этого справедливо ли говорить г. Профессоръ, что дѣепричастія, какъ настоящее такъ и прошедшее, могутъ прилагаться и къ прошедшему, и къ настоящему, и къ будущему?

«Если я говорю, продолжаетъ г. Профессоръ, что онъ срубивши, запоетъ; то я не выражаю, что онъ уже срубилъ, или срубаетъ, а только что онъ срубитъ прежде, нежели запоетъ».

Именно тотъ моментъ въ дѣйствіи, который предшествуетъ другому моменту, и принимается за прошедшій въ сравненіи съ тѣмъ, который за нимъ долженъ совершаться. Отъ того въ Латинскомъ языкѣ будущее, показывающее моментъ предшествующій другому моменту дѣйствія, и называется будущимъ совершеннымъ (иначе совершеннымъ), или прошедшимъ (*futurum exactum*).

«Еще, замѣчаетъ г. Барановскій, значеніе дѣепричастій въ отношеніи ко времени яснѣе выразится, если мы дѣепричастіе замѣнимъ изъявительнымъ наклоненіемъ съ союзомъ». — Съ какимъ союзомъ? Не съ союзомъ же *и-и*, какъ думаетъ г. Барановскій, а только съ союзами *когда-то*.

Поэтому выраженіе: «*рубя* дрова, *поетъ* пѣсню, не замѣняется выраженіемъ: «и рубитъ, и поетъ»; или выраженіе: *срубивши* дерево, *поетъ* пѣсню, не то же что: *срубилъ* и поетъ».

Очевидно, г. Барановскій смѣшиваетъ *главныя* предложенія съ *придаточными*: въ выраженіи «рубя дрова, поетъ» — первое предложеніе *придаточное*, второе — *главное*, а въ выраженіи — и рубитъ, и поетъ — оба предложенія *главныя*.

Что же изъ всего этого выводитъ г. Барановскій? Онъ думаетъ, что мы до сихъ поръ неправильно называемъ дѣепричастія *настоящими* и *прошедшими*, а что должно называть ихъ нарѣчіями *современности* и *предшественности*. Да развѣ *настоящее* дѣйствіе не означаетъ *современности*, а *прошедшее* — *предшественности* какому то другому дѣйствію? Какъ бы то ни было, мы предпочитаемъ прежнія, употребленіемъ утвержденныя, названія дѣепричастій новымъ названіямъ г. Барановскаго по той причинѣ, что дѣепричастія суть формы глагола, или дѣйствія, выраженнаго словомъ, и слѣдовательно эти формы должны во времени соответствовать своему первообразу — глаголу.

Объ этомъ въ Общеслав. Грамм. говорится въ §§ 484 — 498.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕГО ТОМА.

ЛИНГВ.
КАВ.
= ПР.
ЭТНОЛОГИЧ.
ФАКУЛЬТЕТЕ
Г. У.

9-

